

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ

БИБЛИОТЕКА

ЗАКАТ
ИМПЕРИИ

ЗАКАТ ИМПЕРИИ

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

РОНАЛЬД ДЕЛДЕРФИЛД

ЗАКАТ ИМПЕРИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО МОСКВА 2002

УДК 94 (4) "1813/14"

ББК 63.3 (0)52

Д29

Серия основана в 1998 году

R.F. Delderfield

IMPERIAL SUNSET

(The Fall of Napoleon, 1813—1814)

*Перевод с английского Н. Носова (Р. Делдерфилд.
«Закат Империи») и М. Белоусовой (Ж. Макдональд.
Главы из «Воспоминаний»)*

Серийное оформление А. Кудрявцева

Подписано в печать 28.08.02. Формат 84×108 1/32.

Усл. печ. л. 32,76. Тираж 5 000 экз. Заказ № 574.

Делдерфилд Р.

Д29 **Закат Империи: Пер. с англ. / Р. Делдерфилд. — М.:
ООО «Издательство АСТ», 2002. — 621, [3] с. — (Военно-
историческая библиотека).**

ISBN 5-17-014248-X

Книга известного английского историка Рональда Фредерика Делдерфилда «Закат Империи» посвящена завершающему этапу наполеоновских войн. Описанные события относятся к периоду с апреля 1813 года, когда разгромленная «Великая армия» добралась до Германии, по 4 мая 1814 года — дня, когда Наполеон впервые оказался в изгнании.

Автор дает подробный анализ состояния всех европейских стран, характеризует правителей и военачальников, представляет соотношения сил противников и воссоздает атмосферу времени, когда, казалось бы, смертельно раненное «корсиканское чудовище» вновь пришло к власти.

Издание дополнено воспоминаниями маршала Ж. Макдональда и генерала М. Богдановича — участников важнейших сражений тех лет, снабжено подробным именованным указателем и хронологией военной кампании.

УДК 94(4) "1813/14"

ББК 63.3 (0)52

© R.E. Delderfield, 1968

© Перевод. Н. Носов, 2002

© Перевод. М. Белоусова, 2002

© Предисловие, хронография, указатель.

М. Белоусова, В. Рохмистров, 2002

© ООО «Издательство АСТ», 2002

ЗАКАТ ИМПЕРИИ, или ПАДЕНИЕ НАПОЛЕОНА

«МЫ ВСЕ ГЛЯДИМ В НАПОЛЕОНЫ...»

Читатель, книга, которую ты держишь в руках, уникальна. И уникальна она не столько потому, что рассказывает об уникальном человеке, сколько потому, что представляет подлинно живую картину крушения Империи, созданной этим уникальным человеком.

Цезарь убит в самом начале своего владычества, Александр Македонский умер молодым. Таким образом, только Наполеону удалось так долго удержаться в созданной силой его разума и оружия Империи, более того — пережить ее. Именно поэтому и еще по тому количеству побед, которые он смог одержать на поле боя, Наполеон Бонапарт является наиболее мощной фигурой из всех европейских завоевателей.

Его битвы являются одним из ценнейших материалов военной истории. Им восхищаются вот уже не одно столетие даже враги, несмотря на миллионы жизней, погубленных во славу его величия. В конце концов, о нем написано множество, около двух тысяч, книг. Однако эта книга даже и в таком ряду стоит особняком, давая возможность почувствовать сам пульс происходящих в 1813–1814 годах событий.

Как-то раз при посещении могилы Жан Жака Руссо в Эрменонвиле Наполеон сказал Станиславу де Жирардену: «Будущее покажет, не лучше ли было бы для спокойствия земли, если бы ни Руссо, ни я никогда не существовали».

Однако и сегодня, спустя двести лет после того, как прозвучали эти слова, мы все еще не можем ответить на поставленный императором вопрос. Что же, будущее еще не наступило? Но мы не можем сегодня однозначно оценить предтечу Наполеона — Александра Македонского и Юлия Цезаря.

«Кто бы не согласился погибнуть от удара кинжалом, если бы ему предоставилась возможность стать Цезарем?» — говорил Наполеон в самом начале своей карьеры. «Я хотел мирового господства, а кто бы не захотел его на моем месте?» — говорил он же на закате своих дней. Для него это было очевидной истиной. «Этот маленький капрал знает, что делает», — говорили о нем вокруг и готовы были идти за ним на край света. И не только потому, что он сам был абсолютно уверен в себе, но и потому, что ему сопутствовала удача. Тысячи людей добыли славу, следуя за ним, и еще тысячи — пытались противостоять его неукротимой энергии. И миллионы были погублены в этой гонке к вершинам, послужив всего лишь в качестве заурядного пушечного мяса.

Что же такого особенного представлял собой этот маленький капрал? С самого начала своей карьеры он исправно исполнял все служебные обязанности, был ревностным офицером, прекрасно знавшим свое дело, в особенности тайны артиллерийского искусства. Его познания в этой области настолько превосходили знания многих товарищей по полку, что этого не могли не заметить.

«Одной из самых замечательных черт его интеллекта, — пишет Манфред, — была способность к очень быстрой, почти мгновенной реакции на внешние события». Уже в детские и школьные годы явственно обнаружилась его замечательная способность быстро ориентироваться в сложных вопросах, раньше других находить верное решение запутанной математической задачи и, в особенности, его удивительная память.

Его юношеские тетради хранят разного рода записи, связанные с изучением мировой истории и географии. Длительное, глубокое изучение истории и сопредельных с ней облас-

тей науки оказало большое влияние на его идейное развитие. К семнадцати годам он был хорошо знаком с произведениями Руссо, а к двадцати у него уже сложилась твердая система взглядов. В 1788 году лейтенант Буонапарте записывает: «В Европе остается очень мало королей, которые не заслуживают быть низложенными». Возможно, думал так не он один, но только он один решился осуществить свое понимание действительности.

Историки скажут, что ему повезло. Французский король был низложен не им. А вскоре после этого вся Европа — Англия, Пруссия, Австрия, Голландия, Испания, германские и итадьанские государства, — сплотившись в могущественную контрреволюционную коалицию, уже шла походом на революционную Францию. Республика отвечала ударом на удар. Требование беспощадной войны заставило якобинцев после утверждения самой демократической конституции установить революционно-демократическую диктатуру. То была новая, еще неизвестная истории власть. Ее суть была превосходно определена Робеспьером. «Теория революционного правления, — говорил он 25 декабря 1793 г., — так же нова, как и революция, создавшая этот порядок правления... Революционное правление опирается в своих действиях на священнейший закон общественного спасения и на самое бесспорное из всех оснований — необходимость».

Все это создало благоприятную почву для полного раскрытия талантов маленького корсиканского офицера. Не в его характере было долго раздумывать; «надо ввязаться в бой, а там будет видно».

И так, шаг за шагом, он поднимался все выше, пока в 1799 году не стал первым консулом Французской республики. Изрядно расширив во все стороны границы страны, он попытался упрочить и свое положение.

27 марта 1802 года в Амьене был заключен мирный договор между Англией с одной стороны и Францией, Испанией и Батавской республикой — с другой. Никогда еще слава

первого консула не была так велика. Ни одна самая триумфальная победа не приносила ему такой признательности соотечественников, такой искренней радости народа Франции, всех народов Европы, как день, остановивший войну.

Бонапарт, хотя и был прежде всего профессиональным военным, прекрасно понимал все выгоды мира, который может быть использован для развития хозяйства Франции, ее благосостояния. Но тем не менее ничто вокруг не располагало к сохранению установленного им нового порядка вещей. Прежде всего противилась его господству в Европе Англия. И Наполеон, этот могущественный монарх, сознавая все преимущества, которые давал обществу мир, вынужден был вести политику войны. Исследователи, которые видят во всех дальнейших наполеоновских войнах исключительно амбиции самого Наполеона, сознательно или бессознательно закрывают глаза на амбиции его многочисленных противников.

Знаменитые китайские стратеги более двух тысяч лет назад единогласно вывели максиму — «государства могут выживать, только наращивая военную мощь и утверждая сильное правление». Наполеон не только знал эти китайские трактаты, но и сам, встав во главе государства, прекрасно видел, к чему вынуждают его обстоятельства. Он говорил: «Я только слуга природы вещей». Его политика определялась глубинными историческими процессами, которые оказывались сильнее его стремлений и желаний и которые, возможно, он не всегда отчетливо сознавал.

Офицер без связей и положения, своей шпагой завоевавший императорскую корону в битвах с представителями старейших европейских династий, не мог не вызывать неукротимого стремления уничтожить его слишком у многих. Это было соперничеством не только разных общественных систем.

За спиной Бонапарта стояло недавнее прошлое — герои Вальми и Флерюса, волонтеры 93 года, принципы Декларации прав человека и гражданина 1789 года. Но несмотря на то, что ниспровержение реакционнейших неаполитанских Бурбонов было благом само по себе, независимо от того, во

имя чего и кем это делалось, не следует закрывать глаза и на то, что субъективно Наполеон в своей деятельности не преследовал ничего, кроме завоевательных, агрессивных целей.

И в этом смысле, если в 1796 году генерал Бонапарт пресоходно понимал значение своевременно заключенного мира, то в 1806-м он уже достиг такой степени самоуверенности и самоослепления успехами, что у него сложилось убеждение: все возможно, непреодолимого нет. Логика агрессии, ослепление завоевательной политикой завели его в пучину войны, которая становилась все глубже и глубже. И несмотря на то что Талейран, гораздо более искушенный в политических интригах, в записке от 17 октября 1805 года призывал императора к умеренности в условиях мира с Австрией, Наполеон пренебрег этими советами — 6 августа 1806 года еще один европейский суверен Франц II сложил с себя звание императора.

С изменением социального и политического содержания наполеоновских войн изменилось и отношение к ним — и к нему; народы Европы перестали быть союзниками наполеоновской Франции и начинали становиться ее самыми грозными врагами.

Культь силы, преклонение перед мощью батальонов и пренебрежение интересами и волей народов, положенные Наполеоном в основу политики с середины десятых годов, были ошибочны и влекли за собой фатальные просчеты. Бонапарт, так гибко, так реалистически и в полном соответствии с главными достижениями эпохи строивший политику в начале жизненного пути, с 1807—1808 годов нагромождал одну ошибку на другую, стараясь перессорить всех в Европе, а Россию еще и столкнуть с Азией.

Оборотной стороной его веры во всемогущество штыков было отрицание иных важных факторов общественной жизни. Национальные чувства, идейные убеждения, патриотизм он попросту отрицал. Наполеон рассчитывал и на то, что за блага, которые он дает приближенным, те будут драться, будут служить ему верой и правдой; он их облагодетельствовал —

они должны быть всем довольны. Но в конце концов все оказались недовольны, и у каждого были на то свои причины.

Опыт Наполеона показал, что золото не может служить материалом, надежно цементирующим фундамент человеческих отношений.

Что-то случилось и в оккупированной французами Германии. На первый взгляд все казалось вполне невинным и далеким от злобы дня. В Гейдельберге романтики обратились к прошлому: их интересовали народные сказки и легенды Средневековья. Но воспоминания о Нибелунгах и миннезингерах заставляли думать не только о древности немецкой культуры, они будили и национальное самосознание. В 1806—1807 гг. в Берлинском университете знакомый доселе лишь любителям философии профессор Фихте прочитал курс лекций, позже ставший известным под названием «Речи к германской нации». Через некоторое время этими «Речами» зачитывалась вся молодежь Германии. Даже в униженной и раздавленной Пруссии, в Кенигсберге, городе Канта, где ютились королевская чета и правительство, наблюдалось непонятное на первый взгляд оживление. Молодые офицеры, очевидцы или участники катастрофы 1806 года — Шарнхорст, Гнейзенау, Клаузевиц в содружестве с бароном-патриотом Штейном строили смелые планы реформы и реорганизации армии.

Император Наполеон ясно видел все окружающее его на близком расстоянии — и с изумительной быстротой и точностью находил решения сложнейших задач. Но почему-то он все меньше и меньше начинал обращать внимания на то, что творилось за спиной непосредственно происходящих событий.

Так, и в 1813 году он не обращал внимания ни на что, кроме чисто оперативных вопросов, вероятно, просто потому, что у него уже просто не хватало на это времени и сил. Он действительно, в полном согласии со своим обещанием, вел эту войну как генерал Бонапарт, а не как император Наполеон. Однако в 1813 году политическое соотношение сил было уже не в его пользу.

Страшный удар, нанесенный империи Наполеона во время его русской кампании, был услышан в Германии, в Италии, в Голландии, в Испании. Всюду, получив новый импульс, закипала великая освободительная война.

Наполеон не хотел видеть того, что прусская армия 1813 года совсем не та, что противостояла ему при Йене. И причиной тому были не только преобразования, проведенные в ней такими талантливыми военными, как Шарнхорст и Гнейзенау. Дело в том, что его противники, окончательно убедившись, что французский император и не собирается идти ни на какие уступки, пустили в ход самое страшное оружие. Выпущенный 25 марта 1813 года Калишский манифест призывал народы европейских стран подняться на борьбу за независимость.

Конечно же, как отмечает Делдерфилд, все речи о свободе и равенстве из уст коронованных властителей следовало воспринимать скептически. Однако, как показывают события, народы действительно поднялись. В этом смысле очень показательна история Теодора Кёрнера, одним из первых отозвавшегося на призыв коронованных патриотов.

Теодор Кёрнер родился в Дрездене в 1791 году и по достижении совершеннолетия поступил в Лейпцигский университет на отделение естественных наук. Там он прослыл прежде всего как деятельнейший участник уличных драк, попок и дуэлей, в результате чего, не окончив учения, вынужден был бежать в Берлин. Вскоре отец отправил его в Вену к своему приятелю Гумбольдту, где Кёрнер ревностно предался литературному творчеству. Он стал писать пьесы, и уже вторая его трагедия имела некоторый успех в Венском театре. Затем были написаны еще несколько трагедий, из которых «Ночной сторож» и особенно «Црини» имели уже весьма значительный успех. Последнюю даже поставил Гете в своем домашнем театре и просил у юноши еще пьес подобного содержания. Трагедия «Црини» повествует о венгерском властителе города, при осаде которого погиб турецкий султан Сулейман Великолепный.

К 1813 году Кернер написал уже около пятнадцати пьес, две из которых шли в домашнем театре Гете. И этот молодой преуспевающий двадцатидвухлетний литератор одним из первых откликнулся на призыв короля Пруссии и вступил в вольные отряды Люцова. Очень быстро он стал его адъютантом, но буквально через два месяца, выполняя миссию парламентаря в конце мая, был тяжело ранен пулей в голову. «Ночных разбойников» Люцова французы ненавидели настолько, что выстрелили в их парламентаря даже во время общего перемирия с союзниками.

Едва оправившись от раны, Кернер снова вернулся в строй, однако был убит выстрелом в упор (пуля, попав в живот, раздробила позвоночник) практически в первой же стычке после окончания перемирия.

Посмертно был издан в 1814 г. его сборник стихотворений «Лира и меч». Одно из стихотворений этого сборника «Москва» впоследствии перевел Фет. Была среди них и написанная незадолго до смерти «Песня черных егерей» (на мотив «Am Rhein, am Rhein»):

*В поля, в поля!
 Дух мести будет с нами,
 Смелее, немцы, в бой!
 В поля, в поля!
 Взвивайся наше знамя,
 Веди нас за собой.*

.....
*Печальны мы в одеждах черных мести
 С отвагой мертвецов;
 А на вопрос: «Что красное несете?»
 Ответим — франков кровь.
 И с Богом в бой! Взойдет звезда свободы
 Над трупами врагов,
 И воздрузим мы белый флаг победы
 У Рейнских берегов.*

Всюду закипала великая освободительная война. Наполеон не хотел видеть этого самого грозного своего противника. Он полагал, что его приказы по армии в состоянии изменить соотношение сил. Он собирался теперь сражаться со всей Европой; не только с войсками шестой коалиции, но и с народами объединившихся стран.

Этот фактор сыграл немаловажное значение в разгроме Наполеона под Лейпцигом. В этом смысле очень показателен эпизод перехода саксонцев на сторону союзников прямо во время боя.

Но первоначально Наполеон еще одерживал победы. Страх, внушаемый его грозным именем, был настолько велик, что генералы проигрывали сражения, несмотря на значительный перевес в силах и вооружении. Конечно же, молодой Витгенштейн, сменивший так некстати умершего Кутузова, не был гениальным полководцем. В результате чего в первых же столкновениях начал проигрывать сражения при заведомо выигрышных диспозициях. Так было под Люценом, когда он, имея численное превосходство и удачно использовав фактор внезапности, действовал настолько осторожно и нерешительно, что не добился никакого действительного перевеса вплоть до того момента, пока Наполеон не стянул к месту сражения все свои силы и не отбил нападение.

То же самое произошло и через пару недель под Бауценом. Имея пусть и незначительный (180 против 150 тысяч), но все же численный перевес, стойких солдат и неплохих военачальников (под его командой были Барклай-де-Толли, Милорадович, Блюхер, Йорк, Клейст и другие), он вновь проиграл единоборство. Союзники были вынуждены не только отступить, но и предложить перемирие. Их счастье, что перемирие в тот момент было гораздо в большей степени выгодно Наполеону, нежели им самим.

Тем не менее после перемирия соотношение сил еще в большей степени изменилось в пользу союзников. В Дрезденской битве они имели уже значительный перевес и огром-

ные резервы. Однако Шварценберг, сменивший после поражения при Бауцене Витгенштейна, также проявил в сражении нерешительность, и союзники вновь были разбиты, несмотря на то что даже прусские солдаты дрались отчаянно, ничуть не уступая в доблести и мастерстве французам, не говоря уже о русских.

Наполеон прекрасно представлял себе, что творится в лагере союзников. Мало того, что императора Александра, короля Фридриха-Вильгельма, Витгенштейна и Шварценберга он не считал достойными противниками, их взаимная несогласованность, несомненно, усугубляла беспомощность и без того бесталанного руководства. А после трех побед под Люценом, Бауценом и Дрезденом Наполеон еще более уверовал в свою звезду, в результате чего начал совершать даже тактические ошибки. Он вдруг почему-то совсем разучился правильно считать, явно и постоянно приуменьшая силы своих противников, в результате чего совершенно упустил из внимания тот факт, что теперь уже одной победой в решительном сражении, даже если ее и удастся сделать сокрушительной, ничего не решить; у союзников были неизмеримо более богатые ресурсы, позволявшие тут же выставить еще и еще одну армию. У него же таких ресурсов не было. Презрение, выказываемое им по отношению к полководцам союзников, непостижимым образом накладывало свой отпечаток и на отношение к самим войскам воюющих с ним держав.

Справедливости ради надо сказать, что Витгенштейну и Шварценбергу мешали не только недостаток таланта и решительности. Их самостоятельность в ведении кампании была фактически парализованной постоянным вмешательством русского императора Александра I и прусского короля Фридриха-Вильгельма III. Однако это оправдание на поверку оказывается слишком слабым, поскольку, например, в сражении под Лейпцигом именно благодаря действиям Александра I фактически было выиграно все сражение. Александр I, воспользовавшись своей монаршей волей, запретил Швар-

ценбергу трогать резерв и расположил его за большим холмом, на котором устроил свой наблюдательный пункт. Он, конечно же, не знал, что именно эту высоту изберет Наполеон в качестве точки прорыва позиций союзников, и только чутье, а, возможно, воспоминание о разговоре с Кутузовым под Аустерлицем, породили в нем настоятельную внутреннюю потребность поступить именно таким образом.

И в первый же день сражения 16 октября в два часа дня Наполеон дал приказ конному корпусу Мюрата прорвать позиции союзников именно в этом месте. За этим решением также скрывается некоторая случайность. Излюбленной тактикой Наполеона было первоначальное навязывание противнику сражения практически по всему фронту с целью выявить наиболее слабое звено в расположении и ударить по этому месту *en masse* («кулаком»). Если бы Наполеон знал, что именно на этом направлении расположен резерв союзной армии, он, скорее всего, направил бы свой удар в другом направлении. Но он уже привык пренебрежительно относиться к диспозициям бесталанных противников. А резерв, стоявший за холмом, был ему просто-напросто невиден. Александр же, несмотря на явные трудности, испытываемые частями союзников, наступавшими на этом участке, не спешил вводить в бой резерв. К середине дня союзники были уже изрядно измотаны и действительно очень быстро побежали, бросая пушки, под ударом одного из лучших конных подразделений того времени.

Увидев конницу противника уже буквально в восьмистах шагах от себя, Александр приказал бросить в бой все резервы и быстро покинул наблюдательный пост. Сухозанет, командовавший резервной артиллерией, видимо, внимательно следил за ходом боя и к моменту получения приказа был уже готов к разворачиванию на позициях подходящей на рысях артиллерии. Он грамотно расположил пушки не на ходу конницы, а двумя батареями по флангам, взяв атакующих под перекрестный огонь. Также удачно вернувшийся в этот момент от Барклая адъютант Александра генерал-лейтенант Орлов-Денисов

провел скрытой заболоченной низиной через гати несколько эскадронов лейб-казаков и неожиданно ударил французским кирасирам во фланг. Лавина атакующих сломалась и приостановилась. Пока пушки Сухозанета, дивизия кирасир Раевского и полк лейб-казаков «бешеного» Платова сдерживали натиск французской конницы, генерал Чичагов успел остановить, перестроить и вновь бросить в бой свою опрокинутую было гвардейскую кавалерию. Французы не выдержали, и теперь уже их гнала обратно к Лейпцигу конница союзников.

Наполеон не видел этого поворота событий, поскольку, будучи полностью уверенным в успехе кавалерии Мюрата, в два тридцать приказал бить во все колокола Лейпцига победу, а сам бросился на другой конец города. Он считал, что эта атака и есть тот момент, который уже решил исход боя. Этот момент действительно решил исход боя, но на этот раз не в его пользу.

Можно также привести и другой пример, доказывающий, что император и король не только мешали главнокомандующему союзными войсками Шварценбергу. В 1814 году военные действия были перенесены уже на территорию Франции. «Император Александр, желая предупредить всякое покушение австрийцев к дальнейшему отступлению, объявил, что в таком случае он с русскими войсками оставит Главную армию и соединится с Блюхером. Король прусский выявил готовность сопровождать российского монарха», — писал Богданович о действиях союзников в конце февраля 1814 года, когда отступать было уже совсем неразумно, поскольку это могло играть на руку только Наполеону. Таким образом, либо Шварценберг вовсе не обладал способностями полководца, и все порицания, существующие на его счет в адрес этой его военной кампании, верны, либо он выполнял тайные инструкции Меттерниха, менее всех заинтересованного в свержении династии Бонапартов.

Общий дух европейского противостояния привел и еще к одному, возможно, несколько неожиданному результату.

От Наполеона стали один за другим отворачиваться не только его союзники, но и соратники. Вероятно, получив формальную возможность оправдывать свои действия интересами Франции, народа, истории и чем угодно еще. Конечно же, когда вдруг появляется слишком много предателей, стоит хорошенько задуматься о том, что происходит. Однако мировая память поколений все же не даром наиболее цепко и благодарно хранит примеры благородства и верности. И в этом смысле история падения Наполеона очень поучительна.

Несмотря на то что с точки зрения военного искусства Наполеон в этой кампании снова был на высоте, как император он обязан был увидеть, что происходит вокруг. Но вместо этого он продолжал неумолимо разбивать авангарды и арьергарды союзников, полагая, что они в конце концов устроятся его искусства и уйдут. В такой борьбе победить без поддержки соотечественников было невозможно. Как писал Лавалетт, пока «император, зажатый всеми армиями Европы, сражался, как лев, устремляясь от одной к другой, переигрывая их маневры быстротою движений, обманывая все их расчеты и заставляя их изнемогать от усталости, в Париже другие враги — еще более опасные, вступив в тайные сношения с иностранцами, готовили его низвержение. Их главой был Талейран...».

Многие видят причины поражения Наполеона в том, что он был уже не тот, что поразительная энергия, с которой император вел эту кампанию, вся яркая вспышка его полководческого таланта отнюдь не является доказательством хорошего физического состояния. На него все чаще нападали приступы неожиданной сонливости. И даже если Делдерфилд вполне оправдывает возможность полководца заснуть в самый разгар сражения, его проигрыш никак не может служить оправданием этому. Кроме того, и сам Делдерфилд то и дело порывается обвинить в катастрофе мирового порядка то долька чеснока, то бестактность, то неуместное раздраже-

ние. В то время как причины общего поражения были совсем иного свойства.

Да, Наполеон все чаще страдал в это время болями в желудке, у него было нарушено мочеиспускание, и сам пример его неожиданно развившейся полноты совсем не свидетельствует о нормальном физическом состоянии. Под Ватерлоо все эти факторы проявят себе еще сильнее, и поражение будет еще более сокрушительным. Верно и то, что Наполеон впоследствии на острове Святой Елены говорил: «Все мои ошибки были сделаны под влиянием утомления».

Однако валить всю вину на ухудшение физического состояния, а тем более на какую-то дольку чеснока, конечно же, не следует, это разговор несерьезный. И сколь бы ни зависела от момента судьба всех государств и народов, никогда не стоит забывать и о прежде всего аллегорическом значении слов, которые говорят великие поэты. Ясность ума и быстрота соображения у Наполеона, как и всегда в периоды высокого напряжения, в этой кампании были неизменны. Ошибки следует искать в вещах более фундаментальных, нежели физическое самочувствие, плохая погода или даже предательство.

С каждым днем все отчаяннее становилось противостояние.

Под Бауценом был убит Дюрок, друг юности Наполеона, последний человек, с которым он мог говорить как с равным. Дюрок умирал у него на глазах, умирал тяжело, мучительно, «цепляясь» за своего блистательного спутника с безнадежной мольбой. Эта смерть невероятно потрясла мирового завоевателя. Наполеон плакал над трупом Дюрока и, возможно, в какой-то момент даже позавидовал ему.

Да, страна, измученная, обессиленная от бесконечных войн и связанных с ней кризисов, утратившая миллионы здоровых и молодых мужчин — сыновей, братьев, отцов, любовников — уже давно жаждала прекращения этой чудовишной многолетней бойни, не хуже, чем революция, пожиравшей своих детей. С каждым днем врагов у него становилось все больше.

Наполеон, всем своим существом чувствуя угрожающую ему с тыла опасность — готовящийся удар ножом в спину, — наконец приказал арестовать Талейрана. Но приказ его пришел слишком поздно. Министр полиции, будучи опутан великим интриганом, посмел ослушаться своего властелина.

Тем не менее немецкий министр Гете и английский лорд Байрон продолжали верить в этого необыкновенного человека. «Наполеон! Эта неделя решит его судьбу. Кажется, все против него; но я верю и надеюсь, что он победит...» — записал английский лорд в своем дневнике 18 февраля 1814 года. Ощущение того, что «он победит», не переставало покидать до самого последнего момента очень и очень многих.

И до сих пор все, кто занимается изучением этого периода истории, пытаются найти ответ на вопрос, почему после стольких упорных и практически ни к чему не приводящих сражений союзникам вдруг в течение буквально одной недели удалось подойти к Парижу и достаточно быстро занять его. Многие обвиняют в этом старшего брата Наполеона Жозефа, взявшего на себя командование всеми оборонительными силами столицы. Именно он, растерявшись в сложной ситуации, дал далеко не вынужденное необходимостью разрешение маршалу Мармону начать переговоры с союзниками. Многие винят и самого маршала, старого, но, как они считают, далеко не истинного друга императора. Такого взгляда придерживался и Стендаль, непосредственный участник происходивших событий. Однако Стендаль оценивал ситуацию как солдат наполеоновской армии. Поэтому Делдерфилд, тщательно излагая точку зрения этого великого писателя, старается оставить в своей книге пространство и для собственного суда читателя, не вынося окончательного вердикта.

Советские авторы, прошедшие школу марксистско-ленинской философии, склонны списывать все на естественный ход истории. Они прямо заявляют, что гибель империи была предрешена самим ходом истории. Однако такой взгляд на события не только скучен. Он неинтересен, поскольку зас-

твояет нас признать, что человек, каких бы выдающихся способностей он ни был, давая свое лицо событиям, на самом деле является лишь марионеткой, вовремя подвернувшейся под руку ловкому фокуснику по имени рок. Такая история действительно никого ничему не учит. Такая история не только снимает с нас ответственность, как за наши взлеты, так и за падения, но еще и портит вкус жизни.

Будущее рассудит, полагал великий завоеватель новых времен. Однако мы — его будущее — до сих пор не умеем вынести свой приговор не только ему, но и более отдаленным его предтечам. Никто из нас не знает, где истина.

И, возможно, многие согласятся, что история слишком несправедливо осудила Мармона. Однако история его поступка, окончательно выбившего почву из-под ног у всех остальных героев драмы, была воспринята современниками событий совсем иначе, нежели история поступков Нея и Мюрата, также «предавших» своего великого повелителя. В середине XIX века французы обливались слезами, наблюдая на сцене парижского цирка «Олимпик», как доблестный Мюрат среди ужасного дыма и грохота вновь берет Бородинский редут и как в конце этой грандиозной героической пьесы короля Мюрата ведут на расстрел. Его отступничество все стараются представить всего лишь ошибкой, совершенной под влиянием коварной сестры императора Каролины.

Все забыто народной памятью: и миллионы смертей, и тиранические амбиции. И лишь истории верности и предательства продолжают волновать сегодня и нас, читающих эти строки.

Наполеон видел то, чего не видели окружающие его люди. Во всяком случае, большинство из них. Конечно же, он правильно полагал, что все те, казалось бы, выгодные условия мира, которые неоднократно предлагались ему в этой кампании Меттернихом, были иллюзорными. Бонапарт прекрасно понимал, что путь крушения империи уже начат и на этом пути нельзя допустить ни одного отступления.

И все-таки вынужден был допускать их. В том безнадежном положении, в котором он оказался в 1814 году, он действовал с азартностью игрока, поставившего на кон сразу все свое достояние. В таких условиях все конгрессы, переговоры и мирные передышки означали для него лишь еще одну возможность собраться с силами. И он действительно мог бы выиграть, если бы не одно обстоятельство.

Если бы игра ва-банк устраивала и его сподвижников.

Ради него никто из них не хотел терять полученного благодаря ему. Вот в чем прежде всего оказалась его трагедия. То, что это было именно так, вынуждены будут признать и марксисты, как бы ни упорствовали они в утверждении за последним периодом наполеоновских войн исключительно агрессивной политики, проводимой лишь в личных интересах. Факт падения Наполеона показал, что старый, рабовладельческий по своей сути, порядок оказался сильнее, и исторически более прогрессивное устройство общества не победило из-за одного простого факта. Из-за того, что практически все соратники великого полководца оказались не слугами, а рабами порядка вещей. Психология раба преодолевается не так-то просто.

Верность такого взгляда доказывают и Сто дней, и восстание декабристов в России. И в этом смысле простая и, казалось бы, на первый взгляд даже в чем-то наивная книга Делдерфилда намного честнее всех глубокомысленных исторических рассматриваний. Потому что она переносит шкалу оценок с искусственно построенных исторических систем на живую нить человеческих отношений, протянутую от наименее предательства до высочайшей верности. Именно по этой шкале оценивают историю и все наиболее чуткие люди. «Увы, мой бедный маленький кумир, Наполеон, сошел с пьедестала. Говорят, он отрекся от престола. Это могло бы исторгнуть слезы расплавленного металла из глаз Сатаны», — писал Байрон Муру 9 апреля 1814 года.

Конечно же, у этой точки зрения также имеется немало проблем. Но... «Пишу «рвотным порошком» вместо чернил, —

Бурбоны восстановлены на престоле!!! К чертям всю философию!» — записал 19 апреля 1814 года лорд Байрон.

Эпитафия на могиле Наполеона:

*Гроб его закрыт! Бог! Судья! Молчание!
Его преступления и подвиги положены на весы:
Да не коснется их более рука слабых смертных!
Кто может постигнуть твое бесконечное милосердие,
Господи?
А вы, судьбы Божьи? Кто знает, этот гений
Не есть ли одно из ваших орудий?*

Читатель, в предлагаемой вашему вниманию книге с небывалой до сих пор отчетливостью представлена картина падения великого человека. Сначала она плавно разворачивается под пером оригинального английского исследователя жизни и деятельности Наполеона — Делдерфилда. Затем пополняется отблесками воспоминаний одного из ближайших сподвижников великого императора — маршала Макдональда. И, наконец, великолепно дополняется тщательным описанием отдельных сражений — среди которых наиболее величественным и трагичным является битва при Фер-Шампенузе — русским военным историком Богдановичем.

Кроме того, книга снабжена наиболее подробным из всех существующих на данный момент индексом имен участников этих трагических событий и также наиболее подробной хронографией военной кампании 1813–1814 годов. Все это позволит человеку, ознакомившемуся с ее содержанием, получить достаточно отчетливое представление о самом трагическом периоде жизни великого европейского завоевателя Наполеона Бонапарта.

М. Белоусова, В. Рохмистров

ГЛАВА 1

КАЗАКИ ЭЛЬБЫ

I

Никогда еще весна, которую на севере Европы всегда ждут с гораздо большим нетерпением, нежели в теплых южных странах, не была столь желанной, как в 1813 году. На этот раз она несла людям не только свет солнца и долгий день, но и предчувствие предстоящих великих событий. В старинных ганзейских городах витало ожидание возможности восстановления свободы, той удивительной личной и экономической свободы, которая сопровождала жизнь граждан этих городов, начиная с XIII века, времени создания Ганзейской Лиги, и которая с того времени нарушалась лишь несколько раз и то на короткое время.

В последние семь лет, после того как император Наполеон Бонапарт одержал решающую победу над Пруссией в битве при Йене, города Лиги — Гамбург, Любек и другие — были присоединены к расширяющейся во все стороны Французской империи. Границы этой империи простирались от ворот Кадиса в Испании до восточных пределов старинного Польского королевства и от северных берегов Германии до Мессинского пролива, отделявшего контролируемое Францией Неаполитанское королевство от Сицилии. Экономическое могущество таких городов, как Гамбург, основывалось на торговле получаемыми с севера и востока Европы мехами, воском, медом и смолой, а также поташом, углем, пенькой, льном, зерном, соломой, свинцом, оловом, треской и китовым жиром — с «королевой морей» Англией. Под давлением же установленной императором экономической блокады Великобритании они теряли все свои преимущества. Государственные инспектора Франции строго следили за состоянием морской торговли.

Французские гарнизоны жили в основном за счет местных ресурсов. Процветала контрабанда, и особые торговые лицензии продолжали пополнять карманы многих, как во Франции, так и в Германии. Занятия контрабандой под бдительным оком таких старых революционеров, как маршалы Мортье и Брюн, были до крайности рискованны, лицензии же требовали значительных сумм для подкупа официальных лиц. Прежняя свобода покупать и продавать в любых количествах ушла в прошлое; поэтому жители Гамбурга чувствовали, что в Европе появилась некая привилегированная личность, которую поддерживали жадные до денег новые аристократы. Население города снизилось со 120 000 до 80 000, и граждане с тоской глядели в будущее, в котором курьеры, по всей видимости, будут привозить для них из Парижа все новые и новые приказы всеевропейского тирана, а их личные прибыли, если они и вообще сохранятся, будут строго контролироваться. Жители Гамбурга не видели никаких перспектив изменения своего бедственного положения до тех пор, пока Наполеон продолжает властвовать на европейском континенте. Но в декабре 1812 года эти перспективы неожиданно явились сами собой.

В этом месяце по городам, расположенным вдоль Балтийского побережья, неожиданно поползли слухи о идущих с востока полубезумных оборванных людях с красными, опухшими от мороза глазами, о людях, медленно движущихся по снегу на сбитых в кровь ногах, об инвалидах, которых привозили на санях только для того, чтобы эти несчастные смогли умереть в городских больничных и госпитальных бараках. Было трудно поверить, что эти человеческие останки и есть все, что сохранилось от полумиллионной армии «шестнадцати народов», созданной Наполеоном всего полгода назад, — Великой армии*, которая лишь в июне пересекла Неман, чтобы захватить Россию.

* La Grande Armee — это название наполеоновских войск впервые появилось в официальных бумагах Парижа в сентябре 1805 г., когда стало окончательно ясно, что вторжение в Великобританию не сулит успеха, и готовившаяся в Булонском лесу армия (Armee d'Angles), будучи переименованной в Великую, ускоренным маршем выступила в Германию.

Здесь и далее все примечания, не оговоренные особо, принадлежат редакторам. Примечания автора обозначены цифрами и помещены в конце текста книги.

Но вслед за саниями, привозящими в немецкие города остатки погубленной армии, пришла и отчетливая ясность, что Великая армия действительно уничтожена, что все, что осталось от величайшего воинства, ступавшего по земле Европы со времен Персидского нашествия на Грецию*, это несколько тысяч солдат из Императорской гвардии и около десяти тысяч ветеранов. Их твердость и изобретательность выстояли перед лицом ужасной русской зимы, месяцами изнурительных переходов, боев и стычек с казаками, которые преследовали отступающих французов на протяжении пятисот пятидесяти миль по снежным равнинам России. Для жителей ганзейских городов благополучие прежней жизни внезапно оказалось совсем близким, едва ли не уже достигнутым. Ни один правитель, считали они, не сможет, пережив такой разгром, сохранить власть и силу, достаточную для того, чтобы продолжать управлять ганзейскими городами с берегов далекой Сены. То, что они ошибались — по крайней мере, относительно ближайшего времени, — это не недостаток их рассудительности, а очередное доказательство гения невысокого, полноватого человека с большой головой и бледным лицом; человека, который только что за четырнадцать дней проделал зимнее путешествие из русской Сморгони, с восточного берега Немана, к своему парижскому дворцу Тюильри.

Одним из первых, кто сделал собственные выводы из достигшей Германии той зимой волны отступления из России, был эксцентричный французский маршал, любитель игры на виолончели Гувинг Лоран Сен-Сир, чьи таланты, проявившиеся в умении стойко держать оборону, только что даровали ему маршальский жезл.

Сен-Сир, раненный при обороне Полоцка, покинул Россию прежде, чем французскую армию постиг разгром, когда морозы были еще не столь непереносимы, а трагедия Березины лежала еще далеко впереди. В качестве командующего гарнизоном Гамбурга он имел под началом три тысячи сол-

* Имеются в виду греко-персидские войны (500—449 гг. до н. э.) между Персией и греческими городами-государствами, отстаивавшими свою независимость; завершились победой греков.

дат императорских войск плюс некоторое количество наемников. Когда слухи о приближении казаков достигли Сен-Сира, он принял решение отступить на запад. Он был далеко не трусом — таких просто не могло быть и не было в высшем руководящем эшелоне наполеоновских армий, — но его богатый военный опыт говорил ему, что при подходе армии русского царя у него нет надежды с помощью нескольких тысяч человек удержать большой и изнутри враждебно настроенный город. Кроме того, он был озабочен и тем фактом, что после семилетней давности шока Йены и Аустерлица снова восстанавливалась воинская гордость пруссаков; теперь она явным образом проявлялась в патриотических песнях поэта Кёрнера, в волнениях немецких студентов и в набегах «ночных разбойников»*. Лютцова. Таким образом, здесь, в Гамбурге, в эпицентре зарождающегося шторма освободительного патриотического энтузиазма немцев, Сен-Сир почувствовал себя изолированным. Когда известия об исходе Великой армии подтвердились и появились сообщения о столкновениях с казаками в непосредственной близости от Гамбурга, в деревне Бергдорф, Сен-Сир принял решение, пока еще есть время, совершить эвакуацию своего гарнизона.

Как оказалось, это решение было крайне поспешным, если не сказать — неумным. Находившийся поблизости казачий атаман, полковник Теттенборн, имел под началом не более двенадцати сотен всадников**, но Сен-Сир этого не знал. Слухи о громадной русской армии,двигающейся к Эльбе вслед за побитыми морозом остатками Великой армии, передавались из уст в уста на всех углах и во всех кабачках старого города, и полуживые свидетельства жестокого разгрома французской армии были у всех перед глазами. Без особого шума 12 марта 1813 года Сен-Сир отступил, оставляя после себя в Гамбурге полный политический вакуум.

---

* Имеются в виду вольные отряды (Freischaaren), именовавшиеся также «черными егерями» или «ночными разбойниками», созданные в 1813 году и состоявшие из трех отрядов пехоты, общей численностью 5 тысяч человек, четырех конных эскадронов и трех батарей пешей и конной артиллерии.

** Отряд Теттенборна состоял из четырех казачьих полков и шести эскадронов гусар и драгун при двух орудиях — всего полторы тысячи человек.

II

Когда в 1944 году войска вермахта покидали отдаленные провинции Франции и союзники отменяли оккупационные билеты, введенные завоевателями в 1940 году, французские провинциалы реагировали по-разному. Самые мудрые выжидали. Оптимисты выходили на улицы и открыто высматривали американские и британские войска. Более нетерпеливые энтузиасты вывешивали из своих окон национальные флаги и часто были вынуждены снова их прятать, когда нацистские войска проходили по улицам, двигаясь к Рейну.

Нетто подобное происходило и в Гамбурге в марте 1813 года, но, к несчастью для бюргеров, более шумные и нетерпеливые, ведомые жизнерадостным шведом по имени доктор Ван Хесс, настроенным прорусски и пробритански, возымели решающее влияние на совет отцов города. В результате их совещания казачьему полковнику было направлено приглашение вступить в Гамбург и принять управление городом от имени царя, прусского короля Фридриха Вильгельма и Ганзейской Лиги. Теттенборна неоднократно убеждали в том, что французы покинули город, но столкновения на пути от Москвы с такими негибаемыми воинами, как маршалы Ней и Удино, научили полковника осторожности. Он не верил, что воинственный и стойкий Сен-Сир оставил стратегически важный город без единого выстрела, и в течение некоторого времени не использовал столь благоприятный случай. Однако в конце концов он понял, что его не заманивают в ловушку. Уверившись, что город действительно управляется скороспелым Сенатом и что его официально приглашают сенаторы, которые направили к нему посланников в церемониальных одеждах, он дал приказ своим людям седлать коней и выступать. В 4 часа вечера сорок взлохмаченных всадников царской армии пронесли по городу, встреченные к их полному удивлению как посланные небесами освободители; их приветствовали и встречали так, как никогда не приветствовали и не встречали за всю их кочевую жизнь. Но это было

только преддверием того бурного, восторженного приема, которым удостоился от города Гамбурга сам полковник Теттенборн и его остальные бородатые воины.

Приветствуя казаков так, словно они освободили их из рабских цепей, граждане древнего торгового центра предоставили им доступ к своим богатейшим запасам товаров, провизии и напитков. Если бы они знали казаков лучше, они бы понимали, что такая щедрость в данном случае является явно неуместной. Рядовой казак был самым отъявленным грабителем в мире, не исключая и грабителей профессиональных, и в любом случае в походе он не упускал шанса приобрести то, в чем он мог нуждаться или что он мог пожелать в своей собственной стране или в любой другой. Именно это он и делал в Гамбурге, причем следуя примеру своих командиров. Вскоре гамбургские бюргеры стали недоумевать: а была ли французская оккупация самым худшим из того, что могло с ними случиться? Даже такой человек, как Сен-Сир, который, покидая город, раздал своим войскам сотни тысяч франков из городской казны, все же следил за работой почты, банков и общественных учреждений. Он не хватал любую вещь, которая попадала в его руки, не отбирал драгоценности и ювелирные изделия у частных лиц. Но помимо так поразившего новоиспеченный Сенат варварства прибывших удивление вызывала и их численность. Никаких колонн русских гренадер, строем марширующих через город, не было видно, да и эти двенадцать сотен казаков Теттенборна очень скоро рассеялись в поисках новой добычи по всему Балтийскому побережью, в частности, их вскоре увидели и в другом вольном городе — Любеке. В иные дни их оставалось в городе не более сорока человек. И казаки, оставшиеся в Гамбурге, как и пригласившие их городские власти, начинали проявлять беспокойство относительно возможностей обороны города в случае французской контратаки.

Для защиты от этой угрозы они организовали местную милицию, а также совместно с другими ганзейскими городами вооружили около десяти тысяч добровольцев и размести-

ли их в близлежащих фортификационных сооружениях и на островах, примыкающих к городу. Новое соединение сначала получило название «Войско Ганзейской Лиги», но вскоре обрело новое имя — «Казачи Эльбы». Рекрутированные из низших классов городского общества, сборище отъявленных бездельников и бедняков, они использовали свой счастливый шанс и сделали все возможное для того, чтобы выгода освобождения от императорских войск и наполеоновской бюрократии падала с каждым днем. Вскоре Сенат уже был рад одарить полковника Теттенборна пятью тысячами золотых монет за то, чтобы его войско покинуло пределы города. Один из очевидцев этого события говорил, что полковника больше впечатлила денежная сумма, нежели честь, оказываемая ему горожанами.

Новые слухи, достигшие Гамбурга, на этот раз шли с запада, и они были куда менее ободряющими. Поговаривали, что Наполеон был далек как от того, чтобы отправиться во дворцы Валгаллы, так и от того, чтобы править империей в пределах ее естественных границ, проходящих по Рейну. Все то время, пока полковник Теттенборн, днепровские казаки и казаки Эльбы «утощались» Сенатом, французский император был занят, как оказалось, упорным трудом по созданию новой армии и теперь был уже в пути, стремясь соединиться с остатками своих батальонов на реке Заале*. Скоро произошло и подтверждение этих чрезвычайно неприятных для жителей Гамбурга слухов. К 1 мая новая французская армия уже шла с боями по саксонским равнинам, направляясь к Дрездену, недавно оккупированному русско-прусскими войсками, и гамбургские сенаторы стали задумываться о возможных последствиях своей неумеренно гостеприимной встречи двенадцати сотен казаков, приглашенных ими из деревушки Бергдорф.

Это не было лишь вопросом страховки на случай неблагоприятных обстоятельств. Теттенборн и его всадники все

* Заале — река в Германии, левый приток Эльбы, выйдя к которой 29 апреля 1813 г., Наполеон произнес свою историческую фразу: «Я буду вести эту кампанию как генерал Бонапарт, а не как император».

еще находились в непосредственной близости, также никуда не делась и десять тысяч сброда, набранного Сенатом для защиты города. Эти силы были явно недостаточны, чтобы предотвратить расплату за быстрое предательство, поскольку новые слухи говорили о том, что генерал Вандам выступил с юго-запада на север, и в Гамбурге вспомнили, что Наполеон говорил об этом офицере: «Если бы я потерял Вандама, я не знаю, что бы отдал за то, чтобы вернуть его, но если бы у меня было два таких генерала, я был бы вынужден одного расстрелять!»

Действительно, Вандам был одним из наиболее жестоких генералов в императорской армии, и надежды на то, что он снисходительно отнесется к последним деяниям бюргеров, были невелики. Но и это не было единственной угрозой, которая нависала над испуганным Сенатом. Позади Вандама, действуя совместно с ним, шел маршал Даву, известный как «Железный Маршал», человек со сжатыми губами, чья преданность Наполеону не могла быть куплена ценой всех золотых фридрихсталеров, имевшихся в гамбургской казне. И именно Даву должен был стать новым губернатором города.

Не оставалось ничего другого, кроме как приспособляться к новой ситуации. При первом взгляде на ветеранов Вандама «Казачи Эльбы» бежали, настоящие казаки последовали их примеру. Забрав мешки с золотом, память о приятном пребывании в Гамбурге, и свиток, подтверждающий почетное гражданство, полковник Теттенборн усакал прочь. С ним отправился и доктор Ван Хесс, благодаря приглашению которого русские оккупировали город. Период свободы Гамбурга длился всего семьдесят дней.

Французы снова вступили в город, не пролив при этом ни одной капли крови. Колонна, состоящая преимущественно из союзников Наполеона датчан, заняла фортификационные укрепления и центры сообщения. Некоторое время никакой речи о политической игривости гамбургских властей по отношению к атаману Теттенборну и его людям не велось, но горожане, хорошо помнящие силу правящей наполеоновской

руки, знали, что предательство не останется безнаказанным. Они оказались правы. 7 мая, еще до того как город снова был оккупирован, Наполеон написал начальнику штаба Бертье общие указания, которые должны были быть переданы Даву: «Ему надлежит арестовать всех граждан Гамбурга, которые служили в качестве так называемых сенаторов... судить и расстрелять пятерых главных зачинщиков из их числа. Остальных должен послать во Францию под усиленным сопровождением, с тем чтобы они были заключены в Государственной тюрьме. Имущество секвестировать и объявить конфискованным; их дома, земли и все остальное должно стать собственностью Короны. Также надлежит полностью разоружить город, расстрелять офицеров Ганзейского Легиона и отправить во Францию всех, обозначенных в списках этого соединения, с тем чтобы они были посланы на галеры».

И это была только часть наказаний, предусмотренных для города, который по своей доброй воле в течение двух месяцев обеспечивал провизией роскошные ужины полковника Теттенборна. На Гамбург и Любек была наложена контрибуция в пятьдесят миллионов. Должны были быть проведены массовые аресты и высылки всех, кто каким бы то ни было образом способствовал короткой русской оккупации; город должен был обеспечивать содержание гарнизона в количестве четырех или пяти тысяч человек для защиты против любого возможного в будущем нападения кого угодно и когда угодно.

Маршал Даву, при всей его исполнительности, не выполнил всех распоряжений, данных ему в письме, но наказание, которому он подверг граждан Гамбурга, было все же достаточным для того, чтобы они горько пожалели о той легкости, с которой по совету говорливого шведского доктора открыли свои ворота русским казакам. Гамбург снова стянули мрачные оковы неволи, хотя вряд ли карательные меры Даву были более тяжелыми, чем короткая оккупация города казаками Теттенборна. С этого времени до отречения Наполеона (целый год) Гамбург оставался в руках французов, и Даву не-

ослабно следил за положением дел в незадачливом городе до тех пор, пока один из соратников не уверил его, что отречение действительно состоялось.

История того, что произошло в Гамбурге между 12 марта 1813 года, когда Сен-Сир со своим гарнизоном покинул город, и концом апреля 1814 года, когда Даву убедили в окончательном падении Наполеона, весьма интересна. Она воочию демонстрирует то двусмысленное положение, в которое попали правители, города, общины, принципалы и даже целые страны, такие, как, например, Австрия, в последний год наполеоновского завоевания Европы. Везде было одинаковое смятение, схожие примеры преданности и предательства, и прочие поступки, вызванные неожиданными изменениями в положении власти.

Изначально они были инициированы поражением Наполеона в России. В дальнейшем — в значительной степени усложнены удивительной способностью Наполеона восстанавливать свою силу; за четыре месяца он прошел путь от бегства из России до выдающихся побед в Пруссии.

Ранней весной 1813 года большинство людей в Англии, Испании, в восточной и центральной Европе считали, что французский император — это сломленная сила и его огромная, растущая империя достигла упадка. Они не приняли во внимание уникальности этого человека, не только гениального воина, но и гениального правителя и законодателя. Их заблуждения на этот счет стоили Европе миллионов жизней.

ГЛАВА 2 ЛОНДОНСКОЕ РАЗВЛЕЧЕНИЕ

I

В начале 1812 года герцог Веллингтон, готовившийся в Португалии к броску на Мадрид с целью сместить короля Жозефа, которого Наполеон навязал Испании в 1808 году, обобщил ситуацию в Европе следующим образом: «Наполеон правит одной половиной Европы напрямую, а второй половиной — косвенно». Это не было ни приуменьшением, ни преувеличением. Простой взгляд на политическую карту доказывал правоту вывода английского герцога.

Первые победы французских республиканских армий над европейскими монархиями в последнем десятилетии восемнадцатого века столь воодушевили народ, что Франция перешла естественные границы задолго до того, как двадцатипятилетний артиллерист с Корсики удивил мир своими победами в Италии в 1796 году. После завоевания итальянского полуострова отступлений уже не было. Используя новые методы ведения боя, французские волонтеры шли от триумфа к триумфу, опрокидывая профессиональные армии старинных династий с легкостью Гулливера, перешагивающего через строй лилипутов. То, чего им не удавалось добиться силой армии, они получали с помощью пропаганды эгалитаризма*, и враги Франции слишком поздно поняли выгоду этого способа ведения войны, а также необходимость, по крайней мере, в определенных вопросах, считаться с мощными идеологическими силами, выпущенными на свободу Французской революцией.

---

* От французского *egalite* — равенство; всеобщая уравнительность как принцип организации общества.

Долгое время — на протяжении лет пятнадцати — они использовали устаревшую военную тактику восемнадцатого века и авторитарные способы управления народом. Они не принимали во внимание тот факт, что война теперь превратилась в кампании, длящиеся без перерыва годами, и что джентльменский обычай прекращать активные боевые действия на зиму устарел. Они были похожи на команду старых кляч, соревнующихся с молодым жеребцом, и в большинстве случаев исход соревнования был заранее предрешен. Но их ошибка заключалась не только в неумении приспособиться к новым методам ведения войны, также не это было и самым главным фактором поражений. Они не могли или не хотели понять, что Французская революция и ее единственная величайшая цель — открыть пути обогащения не только благородным по рождению — была во многом событием интернационального масштаба, событием, имевшим огромное историческое значение, а не простым результатом крупного по размеру французского бунта, инициированного бедняками парижских трущоб. Поэтому большая часть их наемных и набранных по призыву солдат сражались без всякого энтузиазма и безо всяких перспектив политического или материального вознаграждения. Они попадали на поля сражений по указам своих королей; страх перед расстрелом или телесными наказаниями хотя и был достаточным для того, чтобы удержать их в рядах армии, оказывался явно недостаточным для того, чтобы на равных сражаться с французами, которые могли сообща делить между собой славу побед, которые могли заслужить небывалое продвижение по службе, вплоть до самого высочайшего уровня, и которые к тому же совместно делили добычу, захваченную в результате завоеваний. В армиях Наполеона были люди, которые вознеслись на вершину власти, став, например, за десять лет герцогами из фермеров или юнг. Подобных примеров не было в армиях Габсбургов, Гогенцоллернов или Романовых, или среди англичан — в армиях тех стран, где социальная структура была в равной

степени и жесткой, и неизменной. И именно это, а не только полководческие таланты командиров, объясняет победы Маренго, Ульма, Аустерлица, Ауэрштадта, Йены, Фриланда и Ваграма*.

Однако к 1809 году монархии были уже научены горьким опытом поражений, хотя учение это усваивалось ими медленно и с трудом. Ранее Франция воевала против наследных правителей и правительств. Война в Испании изменила это положение дел. Армия фанатичных испанских крестьян была разгромлена Наполеоном так же, как и толпы солдат Австрии и Пруссии, но победа над регулярным войском не стала победой в войне или даже победой в кампании, как это произошло после битвы при Маренго в 1800 году и после битвы при Йене в 1806-м. Испанцы продолжали маленькую, но не прекращавшуюся ни на один день войну на холмах и в удаленных горных районах, в грязных и вонючих деревушках Арагона и Леона. Те, кому удавалось остаться в живых, могли примкнуть к вымуштрованным войскам человека, который хотя и не был военным гением, но в любом случае хорошо знал технику ведения войны, применял оригинальную стратегию и умел использовать все возможные преимущества территории, на которой велись боевые действия, причем делал он все это не хуже, чем сам Наполеон.

В 1808 году ясное понимание этого было еще в будущем, которого никто не мог предвидеть. Должно было пройти четыре года, прежде чем самые проникательные люди смогли разглядеть возрождение национального патриотизма на всей территории от Кадиса до Санкт-Петербурга и от голландского Хука («крюка») до итальянского «каблука». Тем не менее на протяжении этих четырех лет все территории оставались покорными императорской воле. Лишь одна крупная попытка воспротивиться ей была сделана австрийцами в 1809 году, но она закончилась так же, как и все подобные попытки —

* Сражения, происшедшие под указанными населенными пунктами соответственно 14 июня 1800, 20 октября 1805, 2 декабря 1805, 14 октября 1806 (2 сражения), 14 июня 1807 и 5—6 июля 1809 года.

поражением в главной битве и миром, условия которого продиктовал победитель*.

В 1941 году, через сто двадцать лет после того, как император Наполеон умер на острове Святой Елены, европейцы снова получили возможность стать свидетелями того, чего могут добиться один человек и один народ с помощью соединения грубой силы и коварной идеологии. Но в любом случае наполеоновское завоевание, если измерять в квадратных милях, превышало территории, захваченные Гитлером. Кроме того, это было более основательное завоевание, и новая империя была более сплоченной. В июне 1812 года, когда Наполеон уже был готов перейти Неман и вторгнуться в Россию, практически весь континент находился под его управлением или влиянием. Границы империи простирались от ганзейских городов вниз к западным Пиренеям и от франко-испанской границы на юг до открытой границы между королевством Италии и управляемым Францией Неаполитанским королевством. Западные Балканы также были включены в состав империи, и Франция граничила на юге с передовыми постами старой Оттоманской империи. Испания, управляемая Бонапартом, была оккупирована войском, состоящим из трехсот тысяч ветеранов. То, что сейчас нам известно как Западная Германия, было тогда конфедерацией земель и государств, управляемых назначенными Францией королями-марионетками, которые пополняли золотом казну французского государства и солдатами — французскую регулярную армию. Большая часть современной Польши, освобожденная от влияния Российской монархии и преобразованная в герцогство Варшавское**, зависела от Франции. Но

---

* Имеется в виду битва при Ваграме 5–6 июля 1809 г., в которой Наполеон нанес поражение эрцгерцогу Карлу. В результате Австрия была вынуждена подписать 14 октября Шенбруннский договор, согласно которому она лишилась юго-западных и восточных провинций, должна была уплатить контрибуцию в восемьдесят пять миллионов франков и сократить свою армию до 150 000 человек.

** Герцогство Варшавское — вассальное государство в системе Наполеоновской Франции, образовано согласно Тильзитскому миру 1807 года из той части польских земель, которые были отобраны Пруссией. По Конституции 1807 года исполнительная власть в нем принадлежала наследственному герцогу, а законодательная — двухпалатному Сейму.

она была обязана ей своим существованием, так что на этой территории не было необходимости в строгих мерах по удержанию порядка или в мерах по поощрению профранцузского духа; практически все поляки как один были искренними союзниками Франции. Австрия была обессилена после множества кровопролитных и дорогостоящих попыток противопоставить что-либо французской имперской политике. Армия Веллингтона поддерживала постоянные беспорядки в Испании, но без собственно испанского сопротивления она была бы раздавлена в течение буквально одной недели, так что даже Веллингтон был вынужден отступить прежде, чем ему удалось воспользоваться плодами своей крупной победы при Саламанке*. Голландия была включена в состав Французской империи, Дания была ее союзником, а Швеция только что избрала французского маршала Бернадота своим наследным принцем. На всем европейском континенте у Наполеона было только два источника для беспокойства: Британия, страна, продолжавшая упорные боевые действия в одной части Европы и финансирующая беспорядки во всех остальных, и бескрайние пространства России, на которых царь самодержавно правил миллионами бессловесных крестьян. За этими двумя исключениями, которые на настоящий период не представляли значительной угрозы, французский революционный катализатор не имел противников, и никто не мог бросить ему вызов. Но завоевание Европы, свершившееся в течение шестнадцати лет, было полностью разрушено в течение последующих двадцати двух месяцев.

Патриотическая лихорадка войны в Испании, которая началась в 1808 году и завершилась в 1814-м, повторилась в России в 1812 году, но в значительно большем масштабе. Здесь, как и в Испании, войска ветеранов французской наполеоновской армии оказались вовлечены в войну с врагом, которого они не могли вынудить к решающему сражению. Враг растворялся в бесконечных березовых лесах после ко-

* Веллингтон разбил французов под командованием Мармона при Саламанке 22 июля 1812 года.

ротких, внезапно начинавшихся и столь же внезапно заканчивавшихся стычек и снова совершал вылазки — или на незащищенные фланги, или нападая на отставших, или на обозные конвои, — и, кроме всего прочего, он уничтожал в своих же деревнях урожай и продовольствие, от которых зависело снабжение и выживание всех армий до самого конца девятнадцатого века.

Большая армия была уничтожена не в сражениях, и даже не тридцатиградусным морозом. Она была сокрушена безграничностью российских пространств и преимуществами этой безграничности, которыми удачно воспользовался фельдмаршал Кутузов. Обозы со снабжением растянулись на всем пространстве от прусских гарнизонов до Смоленска, но армия, зависящая от телег и быков, медленно бредущих по дорогам русской равнины, не могла ими воспользоваться, поскольку дороги эти были под постоянной угрозой нападения партизан. Чтобы охранять эти дороги, Наполеону требовалось не пятьсот тысяч человек, а два миллиона, поскольку он воевал в стране, где силы его врага возрастали в прямом отношении к его собственным потерям. Его продуманная и спланированная стратегия была действенной до тех пор, пока он не достиг Москвы, но задержка в этом сожженном городе стала роковой для его коммуникаций. Ко времени, когда он был готов к тому, чтобы выступить, его коммуникации были уже полностью разрушены. Связь осуществлялась по цепочке длиной в пятьсот пятьдесят километров, являвшейся зоной французской оккупации. Запасы разворовывались, продовольственные и амуниционные конвои подвергались нападениям казаков и разбойников, которые захватывали их или уничтожали, скот разбредался или продавался по пути, так что в течение нескольких дней армия стала испытывать острейшую нужду в самом необходимом. Когда измученная колонна повернула на запад, она оказалась в снежной безмолвной пустыне, поэтому удивление вызывает не ее разгром, но то, что из войска Франции и ее союзников вообще выжил хотя бы один человек, что это войско все-таки дошло до Немана в

середине декабря. Ни одна европейская армия того времени не смогла бы сохранить даже следа порядка после разгромной переправы через Березину в ноябре 1812 года.

Московская кампания закончилась в первую очередь военным поражением, но она была и еще одним, не менее значительным поражением. Это было величайшее политическое поражение, которое развеяло миф о непобедимости французской армии и оживило патриотические чувства в Пруссии, Австрии и в некоторых восточных немецких государствах. И это, в конечном итоге, внесло большой вклад в дело падения Наполеона, чем людские потери на ледовой дороге из Можайска и Ковно.

Остатки Великой армии прибыли в прусские гарнизоны в последние дни 1812 года; около десяти тысяч человек, способных держать в руках оружие, и в три раза больше истощенных инвалидов, которых еще можно было вылечить. Командовал ими Иоахим Мюрат, который совершенно не годился на столь ответственную и сложную роль. Король Неаполя, муж сестры императора, за семнадцать лет сменивший барак на трон, Мюрат, один из самых замечательных кавалеристов во всей военной истории, был самым худшим выбором для командования выжившими остатками армии, командования, требовавшего спокойствия, выдержки и непоколебимой веры в будущее. Искусство Мюрата-военачальника было ограничено умением маневрировать большими массами хорошо вооруженной и экипированной кавалерии*. За все время его военной жизни у него никогда не было достаточного терпения, а вера в будущее Наполеона была потеряна им в российских снегах и в разграбленных базах снабжения к западу от Смоленска. В Неаполе его жена, беспринципная Каролина Бонапарт, замышляла измену, и ее эгоистичное желание любой ценой

* Вот что говорил о своем ближайшем сподвижнике сам Наполеон: «В поле он был настоящим рыцарем или Дон-Кихотом; в Кабинете — хвастуном без ума и решительности. Я не знал храбрее Мюрата и Нея...» (Правила, мысли и мнения Наполеона о военном искусстве, собранные Ф. Каузелером, ч. II. СПб., 1844, с. 51.)

сохранить за собой неаполитанский трон — при условии даже, что ее брат потеряет свой — во многом разделял и Мюрат, причем еще прежде, чем он покинул Неаполь для встречи с Наполеоном летом прошедшего года. Возможно, по-человечески это и понятно, но сложно оправдать профессионального солдата в том, что он бросил на произвол судьбы людей, мужеству которых был обязан всем, что имел; а это сделал Мюрат в январе 1813 года. Передав командование над остатками армии принцу Евгению, приемному сыну Наполеона и вице-королю Италии, Мюрат отправился в Неаполь, объявив, что он болен. Больной или здоровый, но он проделал это длинное путешествие в рекордно короткий срок и присоединился к заговору своей жены. Их интриги исходили из перспектив свержения Наполеона в течение последующих двенадцати месяцев.

Евгению, единственному сыну Жозефины от ее предыдущего брака с Александром де Богарне, был тридцать один год, когда он получил это самое сложное и неблагодарное назначение за всю свою военную карьеру. Хорошо воспитанный, умный, обходительный и чрезвычайно мужественный человек, он был одним из самых ценных и преданных помощников своего приемного отца. Его преданность императору выдержала испытание даже тем фактом, что его мать была покинута императором в интересах государственной политики ради девятнадцатилетней великой герцогини австрийской. С детства воспитанный и обученный как воин, он оставался воином до смерти, проложив свой прямой жизненный путь сквозь лабиринт заговоров, не выставляя свою верность напоказ и не думая о том, какие выгоды или потери может сулить ему смена объекта лояльности. Он оставил после себя незапятнанную репутацию верного сподвижника и воина, и, пожалуй, ничто более не подтвердило эту репутацию, чем события зимы 1812/13 года. Ни на что не жалуясь, он взялся за реорганизацию остатков армии и в короткий срок добился замечательных результатов, невзирая на сложнейшие препятствия. Ему помогал довольно посредственный

и флегматичный маршал Макдональд, несчастливый военачальник, который также проявил себя в этот период как человек чести и здравого смысла. Макдональд предлагал ограничить восточные пределы империи, поставив гарнизоны на пути продвигающихся русских войск и сосредоточив основную защиту по Одру или, в случае неудачи, по Эльбе. Наполеон не принял его замечательного совета и к середине лета уже сожалел о том, что не сделал этого. Взгляды Макдональда исходили из его недавнего опыта, полученного на северном фланге Великой армии, где большое число германских союзников уже дезертировало вместе со своим начальником генералом Йорком, поставив Макдональда в очень сложную ситуацию во время отступления французов из России. Сохранив самообладание, он, двигаясь с предельной скоростью, избежал, казалось бы, роковых осложнений и привел 28 января то, что осталось от его корпуса, в Тильзит, где солдаты смогли получить наконец отдых. Дезертир Йорк, номинальным правителем которого был прусский король Фридрих Вильгельм, остававшийся официально союзником Наполеона, в течение двух месяцев вел переговоры с русскими. В день, когда французы пересекли Неман, он подписал договор о перемирии с представителем царя в Таурогене*.

Так обстояли дела на северо-восточных границах расплывающейся лоскутной империи в первые дни одного из самых значимых лет в истории нового времени. Но на юге, где империя Габсбургов касалась южных пределов Варшавского герцогства, дела обстояли еще более мрачно, с точки зрения желательных для Парижа перспектив. На севере, по крайней мере, была сдерживающая сила в лице двух французских военачальников, которым можно было доверять. На юге, где, как надеялся Наполеон, он мог рассчитывать если не на поддержку, то хотя бы на нейтралитет своего тестя императора Франца I, угроза его власти росла с каждым днем по мере того, как весна сменяла зиму.

* Тауроген — город в Литве (современное название Таураге), неподалеку от реки Мемель.

Когда шесть месяцев назад Великая армия двигалась огромным полукругом внутрь российских пространств, ее северным флангом руководил маршал Макдональд, стоявший во главе смешанных франко-немецких войск. Южный фланг этой дуги занимали войска, набранные преимущественно из австрийцев, которые, конечно, никогда не были лучшим боевым материалом и стали, пожалуй, самым худшим в армии человека, который столько раз бил их на полях сражений, начиная с итальянской кампании 1796 года.

Ими руководил опытный военачальник, граф Шварценберг, чья преданность Наполеону была еще более сомнительна, чем боевые качества австрийских солдат, поскольку он был искренним патриотом Австрии. Он известен как единственный за всю русскую кампанию командир, отказавшийся привлечь свои войска к боевым действиям; он даже позволил русскому подкреплению пройти через территорию своего расположения и соединиться с армией Кутузова. Наполеон предполагал о возможности предательства этого соединения, но у него не было альтернативы, так что он просто игнорировал эти выходки. Шварценберг действительно был не столь лоялен, как поляки, но Польша истощила свои людские ресурсы предыдущим летом, да и финансы герцогства Варшавского не позволяли поставить под ружье свежие силы. Австрийцы были упорными людьми. Вследствие природенной осторожности, а может быть, следуя прямым советам из Вены, где канцлер Меттерних уже твердо решил занять выжидательную позицию, австрийские военные не совершили ни одного акта агрессии по отношению к французам и их союзникам, но продолжали делать то же, что они делали последние семь месяцев. Они, спокойно наблюдая, ждали, когда тысячи казаков, авангард царской армии, пересекут Неман и войдут в Польшу. После того как русские прибыли к воротам Варшавы 6 февраля, австрийцы совершили первое решительное действие. Тихо, без единого выстрела, ушли в свои прежние владения. Юго-восточный фланг Французской империи был теперь открыт.

II

На дальнем западе, в сердце испанского полуострова, конец уходящего года не принес радости королю Жозефу, толстому, доброму, но совершенно ничтожному человеку, чьи семейные связи вознесли его сначала на трон неаполитанский, а затем на трон Испании.

Жозеф, который желал бы быть правителем не государства, а одной или двух послушных любовниц, с большой неохотой отправился в Испанию в 1808 году. Чем дольше он носил корону Бурбонов, тем более она его тяготила. Обладавший меньшими амбициями, но большим предчувствием, чем его грозный брат, он предвидел, что ему будет нелегко завоевать любовь и покорность испанских крестьян, их гордых грандов и их неистовых священников. Испания жила прошлым великих дней Филиппа II, и, хотя ее армии было несложно нанести поражение, ее практически невозможно было покорить.

Французские армии, составленные наполовину из ветеранов и наполовину из новичков последнего призыва, управляемые наиболее талантливыми военачальниками своего века, быстро оккупировала большую часть испанской территории. Но в этой разделенной горными массивами стране, живущей на одном хлебе, в стране, где мостились только самые главные магистрали, а каждое селение было островком, управляемым своим военным комендантом, никто не обращал никакого внимания на эдикты, издаваемые в Мадриде королем Жозефом. Часто его распоряжения просто не доходили до адресатов, а люди, которые везли их, попадали в засады, расположенные на горных тропах, эти партизанские засады поджидали свои жертвы как на прямом, так и на обратном их пути. Самым удачливым из посланцев просто перерезали глотки. Менее счастливые оказывались заложниками ситуации; их варили в кипящем масле, прибивали гвоздями к деревьям или они медленно умирали, похороненные заживо под грудой камней. В конце 1812 года требовался конвой в пятьсот человек, чтобы доставить сообщение из одной воин-

ской части в другую. Время от времени из Парижа приходили директивы — как вести войну в Испании. Они всегда были двухмесячной давности. Новости о том, что происходило за пределами полуострова, французские маршалы черпали из захваченных у английских солдат газет.

Летом 1812 года Веллингтон, внезапно оставивший свою базу в Португалии, выиграл крупное сражение у Саламанки против старинного друга Наполеона маршала Мармона и с триумфом вошел в Мадрид. Король заперся в Бургосе, но Веллингтон скоро столкнулся с серьезными трудностями, и после отступления англичан Жозеф с опаской вернулся в свою столицу. Состояние анархии, однако, росло в прогрессии. Две колонны французов, стоявшие в горных районах, оказались в положении зверей, на которых охотились партизаны, чьи банды уже представляли серьезную силу. Еще одна французская армия, под управлением маршала Луи Сюше, оккупировала Каталонию и Валенсию, в которых Сюше правил практически как независимый король. Остальные контингенты французских сил в Испании были рассредоточены в различных частях полуострова, но большинство было сконцентрировано на северо-западе, где проходила единственная приличная дорога, ведущая во Францию.

Среди всех наполеоновских маршалов, которые воевали в Испании, только Сюше смог укрепить свою воинскую репутацию. Сын торговца шелком, он обладал наряду с военными талантами замечательными способностями к администраторской деятельности. На Святой Елене Наполеон сказал о нем: «Если бы у меня было два Сюше, я бы удержал Испанию». Но двух Сюше у Наполеона не было, в Испании находился лишь еще один маршал — Сульт, который в качестве главнокомандующего Испанской армией уделял королю Жозефу внимания даже меньше, чем его подданные. Сульт, который надеялся стать в будущем королем Португалии, имел довольно высокую репутацию военного. Но его таланты исчерпывались областью оборонительной войны, впрочем, даже маршал Массена, самый блестящий из маршалов, был побежден

и разбит скудной землей и упрямым характером испанцев, на той земле, о которой он сказал: «Ее малая армия разбита, а Великая — голодает!»

Ожесточенный упорством испанского сопротивления, расстроенный мрачным отказом от всех его благожелательных попыток улучшить судьбу и положение Испании и ввести ее в девятнадцатый век, окруженный эгоизмом и грубостью людей, которые должны были бы поддерживать его авторитет, Жозеф все свои надежды возлагал лишь на то, что Наполеон примет его отречение, с просьбами о котором он неоднократно обращался к нему. Вместо этого курьеры из Парижа везли ему критические указания и поток устаревших рекомендаций.

Вскоре, 6 января 1813 года, внезапно пришли новости в виде знаменитого двадцать девятого бюллетеня, изданного на дороге к Вильно. Это была прокламация, которая повергла Францию в шок, открыв ей страшную правду о судьбе Великой армии. Пять недель спустя Жозеф лично смог услышать рассказ выжившего очевидца разгрома в России. Для него это было убедительным доказательством того, что его правление близится к концу и что корона с его головы скоро или не очень, но обязательно упадет.

Слабым утешением для короля было избавление от своих притеснителей. Маршал Сюше был отозван во Францию, а на его место главного военного советника пришел более любезный и менее амбициозный маршал Журдан, старый республиканец, чья репутация основывалась на победе в битве при Флери, происшедшей за два года до того, как Европа услышала имя Наполеона Бонапарта. Было очевидно, что весной англо-португальская армия выступит против французов, а весна была уже на подходе. Ко всем французским командирам шли приказы сконцентрировать войска около Мадрида, где под началом Жозефа находилось около пятнадцати тысяч солдат. Если бы командиры подчинились приказу и не потеряли время, еще оставался шанс, что западный бастион империи смог бы удержаться.

III

В северной Германии, оторванный от всех, отступал Евгений де Богарне. Восточные границы лежали открытыми после предательства Шварценберга, оборона Испании во многом сопровождалась паническими настроениями. Каковы же были перспективы для Наполеона на юге и в центре? Юг был в руках короля Мюрата, центр в руках разномастных сатрапов, в числе которых был младший брат Наполеона, «маленький дьявол» Жером.

О начале заговора Мюрата и его жены Каролины уже упоминалось. Когда весеннее солнце осветило апельсиновые и лимонные рощи Неаполя, вместе с цветами стали распускаться и осыпаться лепестки зимних решений. Общая ситуация в южной Италии стала складываться не в пользу человека, который возвел Мюрата на трон. Более года королева Каролина жила в опасении за будущее. Узнав о том, что случилось в России, она твердо решила, что империя стоит на грани развала. Король и королева снова объединились, удвоив попытки войти в контакт с австрийцами, своими ближайшими потенциальными военными противниками, и с англичанами. При этом королева Каролина показала себя образцовым заговорщиком.

Письма шли из Неаполя в Вену и обратно с такой частотой, что некоторые из них встречались на пути. Перспективы соглашения казались как никогда близкими, поскольку хорошо согласовывались с интересами канцлера Меттерниха, очень желавшего сохранить нейтралитет королевства Неаполитанского в военную кампанию, которая должна была развернуться на Эльбе. Делались прозрачные намеки, что при определенных условиях Мюрат и Каролина смогут удержать свой трон, а именно это и было тем, чего больше всего желала Каролина. Она не видела, в отличие от своего мужа, как часто ее брат перехватывает удачу из порой безвыходных положений (а так было в пятидесяти битвах), и поэтому не догадывалась, какие чудеса способна творить его страшная энергия.

Так же она не знала, с каким терпением он мог ждать малейшего промаха своего противника и с какой быстротой мог этот промах использовать. Мюрат, получая сообщения своих шпионов (дворец был полон шпионами; некоторые из них служили одновременно четырем господам), продолжал сомневаться, но его жена только смеялась над его трусостью и лишь более активизировала свою секретную деятельность. Затем Наполеон вызвал Мюрата в военную ставку, и Мюрат повиновался, возможно, по привычке, возможно, из страха, или, что тоже очень возможно — поскольку он не был коварным человеком, — повинувшись внутренним принципам, которые напрочь отсутствовали в сердце его жены. Медленно и угрюмо он ехал на север. По дороге ему доставили еще одно письмо из Вены, но оно было закодировано, и Мюрат переправил его в Неаполь для расшифровки. В письме было подтверждение обещания того, что Австрия поддержит его желание оставаться королем, в случае если французский император будет побежден в предстоящей войне.

Те же сомнения относительно будущего, которые витали этой весной над Неаполем, роились практически над каждой из столиц марионеточных государств Европы. Верность делу Наполеона могла быть измерена расстоянием между столицами различных германских государств и Парижем, так что призыв Наполеона к войне звучал по всей Европе как барабанная дробь, более громкая вблизи и едва слышная на расстоянии. Все немецкие княжества и королевства, чьи границы располагались на расстоянии нескольких переходов казаков, выказывали самые теплые чувства по отношению к русскому царю и королю Пруссии. Западнее этого разделительного рубежа немецкие граждане были более осторожны и ждали дальнейшего развития событий. Территории же, находящиеся в непосредственной близости от Парижа, не имели возможности ни предать Наполеона, ни даже сохранять выжидательную тактику. Сомнения их правителей противоречили строгим требованиям Империи предоставить в

ее распоряжение солдат, столь необходимых для пополнения войска, и требованиям предоставить финансы, необходимые не менее, чем солдаты. Все как одно, эти государства подчинились, так же как они подчинились шесть лет и двадцать один день назад, когда Великая армия уничтожила армию Пруссии. Но только король Саксонии, единственный, сохранял непоколебимую личную верность своему другу Наполеону и был готов идти с ним до самого конца. Его компатриоты, находящиеся в районе досягаемости русской армии, решились иначе, приветствуя новых завоевателей с тем же энтузиазмом, с каким встречали казаков жители Гамбурга.

Управляя в своей миниатюрной столице обанкротившегося королевства Вестфалии, Жером Бонапарт надеялся на славу монарха, но вскоре понял, что жизнь короля-марионетки не столь сопряжена со славой, сколь обременительна. Его королевство разоряли проходящие по его территории войска, его казна была пуста, а его долги, личные и государственные, были огромны. Как и Жозеф, он получал от брата письма, в которых были только угрозы и приказы. В одном из них ему предписывалось привести в порядок фортификационные сооружения, но Жером не видел никакой возможности сделать это, поскольку у него не было денег, чтобы заплатить строителям за строительство укреплений и устройство рвов. Он направил в Париж ответ, в котором говорил о страхе за свою безопасность. Когда это письмо обернулось вторым сердитым посланием, намекавшим на его полную воинскую несостоятельность, Жером в ответ захватил два недавно собранных эскадрона французских кирасир, которым случилось в это время пересекать территорию его королевства. Кирасир приписали к личной гвардии Жерома, и полковник Марбо, который приложил столько стараний, чтобы набрать и обучить их, был так взбешен этой экспроприацией, что злоба на младшего брата Наполеона даже уложила его в постель.

По всей Западной Германии происходили разброд и шатания по мере того, как новость о русско-прусском альянсе достигала населения и властей, а слухи о приближении каза-

ков ставили Вюртемберг, Рейнские области, Вестфалию, Баварию, Гессен и Бранденбург лицом к лицу с требованием выбора. Остаться лояльными к Франции в надежде на умение Наполеона побеждать? Подчиниться патриотической истерии на востоке и присоединиться к освободителям Европы? Или последовать примеру наследного принца Швеции, который, единственный из всей Европы, смог (наученный всем своим богатым прошлым опытом) пройти по натянутому канату нейтралитета, в то время как все остальные уже спрыгнули вниз и оказались по ту или другую сторону? Но даже теперь, в своей столице Стокгольме, Бернадот, когда-то старший сержант армии Бурбонов, потом маршал Франции, а ныне наследник шведского трона, все еще не принял решения. Он оценивал относительные выгоды между продажей Наполеону Померании, царю — Норвегии, и мечтал о звонких деньгах англичан за свое выступление против бывшего своего командира.

Гамбург, Любек, Дрезден, Штутгарт, Берлин, Франкфурт, Вена — везде царила атмосфера сомнений, выжидания и неопределенности. В Неаполе готовился внутрисемейный разговор. В Мадриде шла партизанская война. Среди всех врагов Наполеона только в Петербурге и в лагере Веллингтона сохранялись спокойствие и самоуверенность. В Лондоне потому, что банкиры финансировали войны против Франции, начиная со времени Людовика XVI, а их деятельность поддерживалась и поощрялась всеми подданными британской короны. Здесь царил оптимизм, равного которому не было во всем поколении конца восемнадцатого — начала девятнадцатого века. Ликующий крик газеты «Таймс» — «Он скоро падет! Он почти пал!» — уже летел над островом, а остальные печатные дворы продолжали плодить поток памфлетов и карикатур, представлявших падение корсиканского чудовища уже практически свершившимся фактом.

Нигде и никогда труд памфлетистов и карикатуристов не процветал в такой степени, как в Лондоне первого

десятилетия девятнадцатого века. Это было время расцвета сатирического рисунка, в котором французский император и его братья были главными объектами такого живописания. Жуткие, гротескные, а часто просто восхитительно вульгарные работы художников-сатириков создавали живую картину, по которой средний англичанин должен был представлять себе своего традиционного врага. И в этих карикатурах явственно вспыхивали зарева — блистательные успехи Кресси и Азенкура*. Сам император сменил бесчисленное количество обликов — пьяницы, развратника, вампира, сатира, голодного сатанинского зверя, насыщающегося человеческой плотью**. В огромной треуголке, с чудовищным животом и тонкими ножками, он кривлялся перед картой Европы, топтал ее, — бесчеловечный, безжалостный, неумолимый, сама суть всего злого и деградирующего, — и слова, которые шли пузырями из его рта, подтверждали жуткое впечатление от его внешности. Попираемый его сапогами с острыми шпорами, внизу мучился растерзанный континент, а вокруг подобострастно лгнули к императору его братья, его маршалы и его сатрапы. На заднем же плане изображались бегущие в панике перед стройными рядами армии Веллингтона толпы пехотинцев в синих мундирах — людей, которые прошли, начиная с 1796 года, по улицам практически всех европейских столиц. Человек средних лет нашего поколения в этой озлобленной газетной пропаганде увидит что-то очень знакомое. Изучая какую-либо из этих карикатур, нетрудно обнаружить то, что воодушевляло и их прямых потомков, которые появились во множестве газет и журналов в 1914–1918 годах и позднее в 1939–1945, когда кайзер Вильгельм, его сын «Малютка

* Имеются в виду битвы Столетней войны между Англией и Францией (1337–1453) при Кресси (26 августа 1346 г.) и Азенкуре (1415 г.), в которых англичане разбили французоз.

** Вот что можно найти у Стендаля в книге «Жизнь Наполеона»: «Почти все портреты Наполеона, которые мне довелось видеть, являются карикатурами». Наименее плохи изображения, выполненные Робером Лефевром и Шодэ, хуже всех — работы Давида и Кановы. (Стендаль, собр. соч. в 15-ти тт. М., 1959, т. 11, с. 21, прим.)

Вилли», Гитлер и Геринг рисовались в не менее гнусных образах.

Британия, единственная из всех врагов Революции, никогда не прекращала сопротивления наполеоновскому завоеванию Европы и всегда верила в возможность блокады Франции с моря, а также в силу своих денег для привлечения новых союзников. За промежуток в двадцать лет со смерти уже упоминавшегося Людовика вплоть до подхода казаков к ганзейским городам произошел лишь один короткий перерыв в войне, да и тот большинство англичан считали лишь слегка затянувшимся перемирием*. Впрочем, в этой перманентной войне среди англичан тоже были колеблющиеся. Были даже такие, кто считал, что влияние Наполеона Бонапарта является значительным вкладом в развитие западной цивилизации, но и это меньшинство замолчало, когда в 1805 году Великая армия расположилась вдоль побережья Ла Манша, готовая высадить десанты в Эссексе, на острове Уайт и в устье Темзы.

Война возобновилась. Британский кошелек снова открылся, и гиней привычно питали завистливые, испуганные и возмущенные континентальные династии. Морская блокада отрезала Брест, Гавр и Тулон. Непобедимый флот управлялся лучшими в мире капитанами, но команды состояли по преимуществу из насильно набранных в портах матросов, которых кормили тухлятиной. Однако некоторые из них под свист семихвостных плеток-кошек** и звон призовых медяков все же странным образом превращались в высококлассных моряков. Что бы ни грозило континентальной Европе, Британия всегда стояла немного в стороне, наблюдала, выжидала, собиралась с силами и решалась, а в последние четыре года она кроме этого предпринимала еще и кое-какие реальные действия. Ее небольшая, хорошо обученная и оснащенная

* Имеется в виду мирный договор, заключенный Наполеоном с Англией, Испанией и Батавской республикой в Амьене 27 марта 1802 г. Дипломатические отношения Франции с Англией были прерваны 12 мая 1803 г.

** До сих пор в английском языке сохранилась идиома того времени «расчесать кошке хвост», что означает — облегчить страдание, поскольку плетки, намоченные в крови, слезались и быстро убивали жертву, поэтому после каждой дюжины ударов плетку-кошку расчесывали.

армия дала сражение и разбила в Испании ветеранов Аустерлица и Фридланда, совершив стремительный бросок из Португалии, когда ее полководец заметил благоприятный момент*. И столь же стремительно эта армия отошла назад, окружив неприступным кольцом Лиссабон, когда перспективы развития ее победы оказались не столь радужными. С помощью этой армии португальцы не только смогли оправиться от предыдущих поражений, но и создали собственные новые, более боеспособные формирования, а в пограничных с Португалией испанских крепостях остатки разбитых испанских армий могли спокойно восстанавливать свою боевую мощь и снова вступать в бой с французами.

Но все же, несмотря на эти успехи антинаполеоновских союзников, Иберийский полуостров оставался в стороне от битвы за Европу. Прежде всего, он был слишком далеким местом, располагающимся на периферии основных европейских предприятий. Кроме того, армии, участвующие здесь в боевых действиях, были все же невелики, чтобы серьезно влиять на расстановку сил семи главных европейских государств и бесчисленного количества государств мелких. Ключ от дверей, которые откроют ворота Парижа, следовало искать не в Лиссабоне, Лондоне или Санкт-Петербурге. Он ждал, когда его наконец отыщут, положат в карман и повезут на запад — в тронном зале Фридриха Вильгельма, короля Пруссии.

Без действенной прусской помощи у армии царя Александра не было больших надежд на продвижение далеко за Эльбу. Пока Пруссия не выступит против французов, Австрия, столько раз ставленная на колени в недавнем своем прошлом, также будет выжидать и колебаться. Принц Бернадот продолжит свое нейтральное сидение в пасмурном Стокгольме. Более мелким немецким государствам не останется ничего другого, как покориться воле Наполеона, а высланным в дни революционного террора французским аристократам оста-

---

* Имеется в виду битва при Вимейро 21 августа 1808 г., в которой британские войска под командованием Беллингтона нанесли поражение корпусу Жюно.

нется лишь продолжать трубить в английские рожки, изучать иностранные языки и давать всем желающим уроки фехтования. Таким образом, Пруссия ранней весной 1813 года действительно владела ключом от Парижа. Враги Наполеона задавали себе единственный вопрос: достанет ли у Фридриха Вильгельма мужества взять этот ключ и последовать примеру своей умершей жены Луизы, чей патриотизм так вдохновлял попытки Пруссии отстоять свою свободу в 1806 году и чья эпитафия на могиле гласила: «Мы спим под лаврами Фридриха Великого».

Несмотря на вспышки патриотизма в Пруссии, особенно среди немецкого населения, принять необратимое решение было не так-то просто. Король был человеком, напрочь лишенным мужества, слишком хорошо запомнившим уроки, которые ему преподали в 1806 году, он трепетал перед величием Наполеона, перед его несокрушимой военной репутацией, и, кроме того, ему явно не хватало той моральной поддержки, которой он лишился после смерти своей куда более решительной, чем он сам, жены. События, однако, развивались столь стремительно, что принятие решения очень скоро стало необходимым. Кроме внешнеполитических обстоятельств на короля давили силы, поднимающиеся изнутри прусского общества* — из студенческих городков; со стороны амбициозных офицеров, таких как Гнейзенау и Шарнхорст; из массы молодых авантюристов, составлявших основную силу тайной армии графа Льюцова, практиковавшей ночные убийства; и даже от ожесточившихся за время ущемления своего воинского престижа старых генералов разбитых прусских армий, таких как Блюхер, который ненавидел Наполеона настолько, что кровь прилиwała к его лицу, когда в его присутствии произносили имя французского императора. Над всеми этими силами стоял барон Штейн, которого можно смело назвать повивальной бабкой готового к рождению пангерманизма.

* Кроме этого, на севере Германии действовали «гусары смерти» майора Шилле, отряды немецких патриотов Дёрнберга, более мелкие партизанские группировки и даже тирольские крестьяне, которые 9 апреля 1813 года подняли восстание под руководством Андреаса Гофнера.

Из всех людей, выступавших в это время против Наполеона, барон Штейн был фигурой наиболее интересной, по крайней мере, он был из них самым последовательным и независимо мыслящим. Высланный в 1808 году, как представляющий угрозу безопасности Пруссии, он вначале отправился в Вену, а затем в Санкт-Петербург, где стал личным другом и советником царя. Решительный, страстно любящий германскую землю, традиции и культуру отчизны, честный, неподкупный, бесстрашный, не останавливающийся ни перед чем, включая личную безопасность, ради своей главной цели — достижения объединения и независимости Германии, Штейн стоял как скала* перед всеми невзгодами, постигшими Россию во время французского вторжения 1812 года. Когда царь был близок к тому, чтобы начать с Наполеоном переговоры о мире, именно Штейн посоветовал царю оставить врагу столицу — Москву, выждать и предоставить разгром врага зимним морозам. Наблюдая, как Французская Империя слабела день ото дня, он наконец мог ясно видеть перспективы освобождения своей родины; пока еще это был, хотя и ясный, но слабый свет в конце длинного туннеля. Терпеливо и настойчиво он разрабатывал план восстания вместе с другими патриотами. Он не следовал примеру таких государственных махинаторов, как Меттерних, так же хорошо осознавал он и ничтожество своего суверена. В декабре он писал: «У меня всего одна отчизна, и это — Германия. Династии мне безразличны сейчас, когда наступает момент величайшего значения для развития отчизны». Когда этот момент решительных действий наступил, Штейн покинул своего друга — русского царя — и спешно прибыл в Бреслау с целью потребовать решительных действий от Фридриха Вильгельма.

Государства Восточной Германии были уже мобилизованы. Тайные общества перестали быть тайными. Нашлось оружие для всех людей в возрасте от семнадцати до двадцати четырех лет, способных держать его в руках. Женщины отда-

* Der Stein в переводе с немецкого означает «камень».

вали свои украшения и золото и на вырученные деньги обеспечивали армию. Профессор Штеффенс из Бреслау призвал студентов своего университета к оружию, и его призыв был услышан не только в Бреслау, но и в Берлине, Кенигсберге, Йене, Галле и Геттингене. Вскоре масштабы патриотического взрыва достаточно укрепили мужество Фридриха Вильгельма. В марте он встретился с царем. 17 марта — подписал королевский призыв в армию и формально объявил о состоянии войны. 19 марта его призыв достиг западных границ немецких земель — Рейна, и Штейну было дано поручение сформировать новое правительство на всех освобожденных территориях. Германия, за спиной которой находились победоносные армии русского царя, выступила в поход. Ключ от Парижа в прусском кармане наконец был найден и явлен на белый свет.

Впрочем, война выигрывается не задиристыми студенческими песнями и не прокламациями правителей. Гений наполеоновского размаха нельзя сокрушить патриотическим призывом, как бы храбры и самоотверженны ни были добровольцы, все решается под реальным пушечным и оружейным огнем на поле сражения. В дополнение к денежным пожертвованиям профессиональной и добровольческой армиям требуются еще и полководцы, способные противостоять величайшему военачальнику века, а в этом отношении силы коалиции никогда не были на высоте. «Старая лиса Севера», как назвал его Наполеон, Кутузов, умер в апреле 1813 года*. Впрочем, он никогда не был в восторге от перспектив похода своих войск в Европу и был бы рад завершить войну в тот же час, как последний французский солдат перешел Неман**. Тяжелейшие испытания в период июля—декабря 1812 года стали роковыми для старого воина, и его место главнокомандующего Российской армией занял Вит-

* Кутузов умер в силезском городе Бунцлау 28 апреля 1813 года, в самый разгар подготовки Дрезденской операции.

** По воспоминаниям современников, на предложение перейти границы России в 1813 году Кутузов воскликнул: «Самое легкое дело идти теперь за Эльбу, но как вернемся? С рылом в крови!» (Михайловский-Данилевский А. И. Описание войны 1813 года, т. 6. СПб, 1850.)

генштейн, который был отнюдь не прочь повоевать вне пределов русских границ.

Виттенштейн, в отличие от большинства русских генералов этого времени, был полководцем, который умел сочетать выдержку и стремительность. В некоторой степени причиной длительного отступления русской армии прошлым летом были споры двух школ военной мысли. Барклай-де-Толли, командующий центром русской армии, приверженец тактики Веллингтона, пытался как можно глубже втянуть французов на враждебную им территорию. Багратион, его теоретический противник, сторонник наступательной тактики, надеялся сокрушить силы врага в решающем сражении, которое он хотел дать еще до вступления Наполеона на территорию России, защитив от него герцогство Варшавское. Кутузов, заменивший на главном посту обоих полководцев на полпути Наполеона к Москве, предпочел продолжать отступление, но все же совершил попытку противостоять Великой армии в сражении у Бородино, немного западнее Москвы. На этом кровавом поле его армия понесла жесточайшие потери (Багратион был в их числе), но потери французов были не меньшими. После этой битвы Кутузов продолжал придерживаться оборонительной тактики, по крайней мере, до тех пор, пока не решил, что императорские войска могут стать легкой добычей у Красного*, на полпути к русской границе. В то же самое время Виттенштейн с небольшой армией, прикрывающей путь на Петербург, вел свои дела вполне достойно. Несмотря на то что проиграл сражение против маршала Сен-Сира, последнему не удалось опрокинуть его позиции. Виттенштейн оказался в состоянии полностью оправиться от поражения уже к осени и внес свой вклад в разгром французов при переправе через Березину.

Теперь, с благословения царя, у него появился шанс показать, на что он способен в открытом сражении, обладая превосходящими силами. С того времени, как он принял командование над армией, русское продвижение на запад постоян-

---

* Наполеон нанес поражение русским войскам под Красным 17 ноября 1812 года.

но ускорялось, и непривычные для Европы освободители скоро пересекли Эльбу и вступили в Дрезден, столицу Саксонского королевства, король которого все еще сохранял верность Наполеону. Виттенштейн проявил и свой талант пропагандиста. «Немцы! — говорилось в одном из его памфлетов. — Мы открываем для вас настоящий прусский дух. Вы можете теперь обнаружить в своих рядах сына ремесленника рядом с сыном принца. Все различия в рангах стали ничем перед лицом великих идей — король, свобода, честь, родина. Среди нас нет иных различий, кроме различий в таланте и способностях, и в страсти, с которой мы все вместе рвемся в битву!» Из уст человека, олицетворявшего монархический дух, это воззвание, адресованное людям, которые привыкли идти в сражение, подгоняемые розгами своих командиров, звучит несколько иронично; историки не могли не отметить этого. Но это же свидетельствует и о том, что враги Наполеона научились у своего противника не только военной тактике. Весь период кампании, которая имела целью восстановление старинных монархий, впереди войск летел клич к свободе, который высокородные предводители употребляли с удивительной легкостью, проникновенно обращаясь к своим бесправным подданным. Но люди, противостоящие Наполеону в 1813—1814 годах, отнюдь не были искренними свободолюбцами. Среди них были и русский царь, и король Пруссии, и австрийский канцлер Меттерних. Именно их усилия задержали социальное и политическое развитие Европы на два, а то и на четыре поколения. В России крепостные крестьяне не были даже формально освобождены от рабства и через тридцать лет после того, как Наполеон лег в могилу. Национальные меньшинства в Австрии продолжали притесняться до последних дней правления Габсбургской династии, которую им удалось свергнуть лишь в 1918 году, а в Берлине еще в 1878 году можно было быть арестованным «за слова, порочащие честь кайзера». Судьба прусского крестьянства не претерпела сколь-нибудь заметных изменений вплоть до самого конца XIX века, и в то время как Бернадот громогласно

обвинял своего бывшего командира и покровителя в деспотизме, французские заключенные на шведской территории имели удовольствие слушать не менее громкие вопли шведских солдат, которых подвергали порке за малейшее нарушение дисциплины.

Когда битва была выиграна и Европа смогла скинуть эти неудобные одеяния призывов к равенству, история приняла совсем другой оборот. Ни о каких восторгах по поводу сыновей ремесленников, рубящих врага плечом к плечу с сыновьями аристократов, не могло быть и речи. Зато подавляющее большинство народа, страдавшего при Наполеоне от «деспотизма», получило вполне определенный статус. Потребовались кровопролитные революции практически в каждой из столиц европейских государств, чтобы правители все же согласились уступить своим подданным те самые права, которые Наполеон полвека назад даровал сам.

Тем не менее пилуля под названием «свобода» была благополучно проглочена населением, и добровольцы массами стекались в бараки для волонтеров. В городах и деревнях русские войска приветствовались как освободители. Повсюду срывался и сжигался французский триколор. Единственным, кто имел сомнения относительно исхода войны, был Фридрих Вильгельм Прусский. Призвав к оружию соотечественников под давлением Штейна, Блюхера, Шарнхорста и царя, он боязливо сказал своим ближайшим сподвижникам: «Хорошо, господа, вы вынудили меня действовать, но помните, мы либо победим, либо будем уничтожены!»

Впрочем, был и еще один знаменитый немец, который сомневался в исходе событий. Поэт Гёте, глядя, как вооружаются соотечественники, заметил: «Встряхните своими цепями, если хотите; вам не разбить их. Человек по имени Наполеон слишком силен для вас!» Если смотреть на факты, и король, и поэт оказались не правы, тем не менее несколько последующих месяцев привели к событиям, заставившим лидеров коалиции спросить себя — а следовало ли им столь оптимистично начинать войну.

В Париже новые германские настроения не прошли незамеченными, также обратили там внимание и на пестревшие в союзных прокламациях уверения в свободе для всех. Наполеон воспринял решение Пруссии философски. «Лучше иметь явного врага, чем сомнительного союзника», — сказал он. Теперь ему надо было взвесить преданность других княжеств, которые с таким подобострастием относились к нему в прошедшие десять лет. Проверки не выдержал никто, некоторые предали его уже в огне сражений. Наполеон никогда не удивлялся склонности человека ошибаться, но в годы заточения на Святой Елене он вспоминал воззвания лидеров коалиции в 1813 году и свои неудачи в деле претворения в жизнь социальных идей Французской революции на завоеванных территориях. «Если бы я даровал конституционные свободы тем, кто этого хотел, и если бы я отменил вассальные отношения, — сказал он, — народ был бы доволен и война была бы лишь состязанием принцев за превосходство».

Именно здесь лежат истинные причины его свержения, но это была не только его личная потеря, но потеря для всей Европы. В 1813 году даже наследственные деспоты восприняли язык свободы. И если бы Наполеон продемонстрировал свое желание модернизировать Европу на востоке от Рейна, он бы воевал не с патриотами, а с наемниками.

ГЛАВА 3 НИЧЕГО, КРОМЕ САМОГО НЕОБХОДИМОГО

I

Диктуя мемуары своему другу грандмаршалу императорского двора Дюроку в феврале 1813 года, Наполеон был убежден, что он извлек ценные уроки из своего поражения в кампании 1812 года. «Я собирался абсолютно иначе отнестись к своему личному обозу, нежели это было в последнюю кампанию, — заявлял он, — я хотел уменьшить количество одежды, кухонной прислуги, посуды — оставить только самое необходимое; причем сделать это не только, чтобы не обременять себя в случае неприятностей, но и чтобы показать всем хороший пример. На передовой или во время марша питание, включая мое собственное, должно состоять из супа, вареного мяса, жаркого и овощей без всякого десерта... соответственно следовало уменьшить количество кухонь, иметь две походные кровати вместо четырех, две палатки вместо четырех и обстановку, соответствующую этому количеству».

Наполеон никогда, за все время своей жизни, не предавался излишествам в пище. Также, ни дома, ни на войне, не создавал он себе особо комфортных условий, но теперь, перед лицом крайней опасности, он довел свои личные потребности до уровня предстоящих жестоких испытаний. «Вперед, мой старый друг, — сказал он потрясенному начальнику штаба Бертье, когда приступил к ликвидации тех опустошений, которые произвел в армии российский разгром, — начнем еще раз Итальянскую кампанию».

У него было меньше иллюзий, чем у его друзей и у его врагов. Ни один человек в мире не представлял лучше Наполеона тех трудностей, с которыми Франции предстояло встретиться предстоящей весной. Еще до того, как новости о союзе Пруссии и России достигли Парижа, и до того, как ему стало известно настоящее положение дел в Испании, он уже понимал, что кампания в Германии станет решающей и что ставкой в предстоящей битве будет его Империя. Он мог достаточно точно определить боевые возможности царя и короля Фридриха Вильгельма, способность армии Жозефа удержать продвижение Веллингтона и преданность таких соратников и родственников, как муж его сестры Мюрат и отец его жены Франц Австрийский. За все двадцать лет он ни разу не начинал войну, не взвесив прежде соотношения численности войск и не зная их боевых возможностей. Поэтому, когда далеко за полночь он сидел, размышляя над тем, как поставить под ружье и экипировать армию в количестве более чем 300 000 человек, для него должно было быть очевидным, что время является самым жизненно важным фактором в развивающейся конфронтации. Вызов, брошенный русско-прусским альянсом, должен был быть принят как можно быстрее, прежде чем колеблющиеся примут решение и увеличат список его врагов, прежде чем Веллингтон сможет повести наступление на Пиренеях и превратит гноящуюся язву полуострова в смертельную рану. Но прежде всего надо было опередить династии Европы, стремящиеся восстановить свои родовые притязания после того, как целое их поколение подверглось разгрому.

Склады обеспечения, ружья, деньги, опытные боевые офицеры и люди требовались незамедлительно. Но еще более незамедлительно требовалось само время, время для того, чтобы восстановить великолепную кавалерию, которая почти полностью растаяла во время долгих блужданий по русским равнинам. Необходимо было время, чтобы укрепить удерживаемые французами такие крепости, как Данциг и Магдебург, время, чтобы распутать клубок испанских дел. И кроме

этого, время было необходимо для того, чтобы обучить восемнадцатилетних конскриптов* хотя бы основам их будущего ремесла. Но времени не было, его едва хватало на то, чтобы организовать новый набор, и совсем не хватало на то, чтобы вооружить и экипировать даже более малое количество, чем то, что окружало его в момент, когда в Сморгони его нога вступила в сани, которые повезли его ночью к Парижу. Он прибыл в Тюильри в середине декабря, теперь был март, и его враги уже двигались по территории Саксонии. Но в конце апреля он должен был быть на поле битвы, надеясь встретить и разбить армии трех, а возможно, и пяти главных европейских сил. Эта надежда должна была казаться абсолютно неисполнимой для любого, но не для человека, который знал, что его ум и его способности превосходят любую комбинацию умов и способностей всех наследных европейских принцев.

Именно в этом была его сила. Даже после недавней катастрофы он сохранил не только веру в себя, но и свою юношескую решимость. Он был человеком, которого закаляют испытания, который счастлив только тогда, когда его слава покоится на результатах собственных достижений. У него было двойное преимущество в предстоящем испытании силой — его непоколебимая репутация стратега и его привычка лично входить во все мелкие детали событий, лично проверять самые незначительные на взгляд других руководителей аспекты предприятия. В то время как союзники должны были действовать сообща, единой командой — а это для монархов является непростым делом, — он был единоличным руководителем и координатором всей политики, и это в очень многих отношениях давало ему преимущество в инициативе. Он не нуждался в долгих консультациях с коллегами, ему не надо было ждать решений сверху. Он посылал приказы и ожидал немедленного их исполнения. Сила его

---

* Конскрипция (от лат. *conscriptio* — запись) — введенный в революционной Франции способ комплектования войск, основанный на всеобщей воинской повинности, допускающей замещения и денежные выкупы. В России применялся только для жителей Польши в 1815–1874 гг.

личности и административные способности были таковы, что повинование не подвергалось сомнению. В течение нескольких дней после его возвращения во дворец, в котором его не узнали даже собственные слуги, он снова стал Наполеоном — победителем Риволи* и Аустерлица. Он работал, разрабатывал планы, импровизировал, оценивал, а его быстрые гонимы мчались во всех направлениях, чтобы либо исполнить приказ, либо принять на себя всю силу его гнева. В истории войн не найти примера, подобного тому, когда ему удалось за три с половиной месяца, прошедших со времени возвращения из Литвы, выступить с новым войском на восточный берег Рейна, чтобы оспорить у судьбы будущее Европы.

Граф Дарю поведал историю, которая хорошо иллюстрирует удивительные физические способности этого человека в описываемый период. Прошла первая половина его сорок четвертого года со дня рождения. Буквально валившийся с ног от истощения, Дарю уснул в тот момент, когда Наполеон диктовал ему очередное послание, а проснувшись, увидел, что его начальник сидит за столом, сам заканчивая начатый документ. По сгоревшим свечам Дарю понял, что проспал достаточно долго, и когда он принес свои извинения, Наполеон спокойно сказал: «Почему вы не сказали мне, что устали? У меня нет желания вас убивать. Ложитесь в постель. Спокойной ночи». Дарю исполнил приказ, а Наполеон, без всяких признаков физического утомления, продолжал работать всю ночь.

Некоторые из целого комплекса сложнейших стратегических и политических задач, которые Наполеону требовалось решить между 18 декабря 1812 года и днем, в который он вывел свою новую армию в поход, можно сравнить с теми, которые встали перед воюющими странами на третий год окопной войны на Западном фронте в 1917 году. В этот год Франция, Британия и Германия практически истощили свои людские ресурсы, но должны были любой ценой залатать те страшные дыры, которые образовались в рядах их армий

* Битва при Риволи произошла 14–15 января 1797 года.

после мясорубок первой и второй битв у Вердена, на Ипре, Марне и Сомме*. А ведь эти государства, имевшие огромное население, обогащенные технологиями двадцатого века, воевали менее чем три года, в то время как Франция в 1813 году практически беспрерывно вела войну, начиная с 1792 года. Военные тяготы были национальным бедствием на всем пространстве от Москвы до Лиссабона, но нигде они не ощущались с такой силой, как у французской нации, которая находилась в постоянном напряжении с того дня, как парижская беднота начала штурм Бастилии в июле 1789 года.

Потери Франции за время Российской кампании достигали 150 000 обученных солдат (не считая союзников), но это была только малая часть жертв, которые французский народ принес ради свержения собственной монархии и распространения революционного пламени по всей Европе. В 1813 году вряд ли осталась хотя бы одна семья во всей Франции, которая не внесла своей лепты в оплату побед Наполеона в Нидерландах и Бельгии, Италии, Египте, Богемии, Польше, Германии, Испании и Португалии, не считая потерь в морских сражениях. Около миллиона молодых людей сложили свои головы, чтобы хозяева парижского дворца смогли выгравировать на недостроенной Триумфальной арке названия пятидесяти побед. Тех же, кому удалось выжить лишь для того, чтобы провести остаток своих дней калеками, можно было найти на любой деревенской улице Майнца, Лангедока или Бретани, в каждом французском городе между Лиллем и Пиренеями. К 1813 году цена за то, чтобы нанять вместо себя призывника, подскочила до суммы, которую могли позволить себе только самые богатые семьи страны. Но сейчас, когда Франция стала мишенью такого количества врагов, возможность набора новой армии была не только реальной, но это можно было сделать даже без особой угрозы внутренней стабильности страны. И это было сделано с той эффективностью и неумолимостью, которую могла позволить лишь необыкновенная популярность

---

* Имеются в виду важнейшие сражения Первой мировой войны (1914–1818 гг.) между Австрогерманским блоком и Антантой, происходившие в 1916–1917 гг. практически в тех же местах, что и кампания 1813–1814 гг.

человека, сделавшего из Франции самую агрессивную и влиятельную европейскую силу со дней Карла Великого.

Чтобы оценить и понять, почему после стольких жертв Франция была готова идти еще на большие, чтобы сохранить династию, можно процитировать рапорт, поданный в легислатуру* министром внутренних дел Монливе 25 февраля 1813 года. Во многом этот рапорт опровергает распространенный взгляд на Наполеона, как на военное чудовище, залитое кровью и требующее завоеваний. Вместо этой карикатурной фигуры мы можем увидеть административного гения, чьи достижения в сфере гражданского строительства многократно превосходили достижения любого предшествующего деспота. Министр заявлял, что «несмотря на огромные армии, потребность в которых в течение всего периода войны не уменьшалась, население Франции продолжало увеличиваться; французская промышленность значительно прогрессировала; почва никогда еще не обрабатывалась лучше, никогда более не процветали наши мануфактуры; и никогда еще за всю историю благосостояние страны не распределялось более равномерно между всеми общественными классами».

Можно было бы без труда расценить эти заявления как услужливость политической марионетки, если бы далее не были приведены конкретные факты и если бы эти факты не подтверждались отчетом о достижениях французской экономики и гражданского строительства за те последние пятнадцать лет. Из состояния полной анархии во время революции, когда население страны падало с 1789 до 1799 года, твердая рука Наполеона создала государство, идущее наравне с самыми прогрессивными странами в мире, не исключая королевство, расположенное по другую сторону Канала, не затронутое постоянной войной и гражданским хаосом. Во Франции изучались и вводились новейшие агрикультурные технологии, увеличивалось поголовье скота и совершенствовались его породы, феодальные владения, монастырские надель, на которых в течение веков происходило превращение свободных

* Легислатура — законодательный орган отдельных провинций или земель.

земледельцев в бесправных батраков, преобразовывались и ликвидировались, процесс судопроизводства не только упрощался, но и ускорялся, деньги щедро питали строительство, морскую торговлю, порты и гавани; новые дороги соединили самые отдаленные уголки страны; во множестве строились новые мосты; миллионы франков расходовались на строительство оросительных каналов, на мелиоративные работы, на сооружение прибрежных речных укреплений и набережных. «Эти чудеса, — замечал писатель-современник, — были явлены благодаря упорному следованию цели и таланту, вооруженному способностью, силой и финансами, направляемыми мудрой и рачительной рукой».

Эти достижения после многовекового засилья разобщенной и эгоистичной аристократии являются объяснением того, почему Франция все еще желала возобновить непрекращающуюся войну в 1813 году.

Ежегодный призыв в 140 000 человек составил ядро новой армии, но по плану наступательной кампании, которая уже созрела в мозгу Наполеона, ему требовалась армия в пятьсот тысяч. Были пересмотрены призывные листы четырех предыдущих лет, и были приняты безжалостные меры по выявлению тех, кто сумел уклониться от призыва, которые дали еще 100 000. Призыв 1814 года решено было объявить досрочно, чтобы обеспечить набор еще 150 000 молодых солдат; четыре новых соединения были образованы из рядов бездействующих моряков, еще несколько соединений составили призванные в действующую армию национальные гвардейцы и жандармы*. Но большинство из этого громадного количества призывников были совсем еще юнцы, которые ни разу в жизни не держали в руках мушкета и никогда не спали в открытом поле, они были практически бесполезны без опытных офицеров, командиров и рядовых ветеранов, которые только и могли придать форму этой неорганизованной массе. Они ничего

---

* Здесь следует учитывать, что, согласно специальным исследованиям, на практике эти первоначальные расчетные цифры количества призывников оборачивались едва ли не вдвое меньшим числом реальных людей. Так, призыв 1814 года дал всего 90 000 человек, и национальные гвардейцы добавили еще 80 000.

не стояли без кавалерии, которая прикрывала бы их передвижение в бою и на марше, предотвращая бессмысленное уничтожение этой необстрелянной молодежи на открытом пространстве. Недостаток и в тех, и в других ощущался гораздо более остро, чем недостаток в рекрутах.

При этом в Британии находилось около 41 000 ветеранов. Часть их располагалась в особых лагерях, организованных для «отпущенных под честное слово», часть — в трюмах кораблей, в недавно построенной тюрьме в Дартмуре. Они могли бы стать для Наполеона бесценным материалом, но британское правительство отнюдь не имело намерения снабжать своего воинственного врага средством для обучения и руководства его массы призванных в армию крестьян, хотя во Франции в это же время находилось не более 11 000 английских пленных, которых можно было бы считать основой для обмена. Чтобы найти инструкторов и командиров подразделений, Наполеон, следовательно, должен был обратиться к корпусам и соединениям в Италии и к пограничным гарнизонам Империи, где сотни ветеранов первых кампаний успешно пребывали годами, поздравляя себя с тем, что им удалось избежать кровавых и истощающих силы и нервы боев в Испании и России. Были объявлен сбор всех ветеранов, и эти профессиональные бездельники с неохотой свершили путь к пунктам сбора. Тем временем на липах и ивах, окружавших бараки и военные поселения, разбросанные вокруг сотен городов северо-восточной Франции, появились первые зеленые листья, а старые вояки упорно трудились, обучая линии и колонны образовывать каре и действовать сообща с кавалерией. Они учили новобранцев заряжать мушкеты и стрелять из них, разбивать бивуаки в полной темноте после двадцатимильного марша, во время которого требуется нести снаряжение, весящее восемьдесят фунтов*.

В поисках людского материала император попытался применить на практике план, который уже давно зрел в его мозгу, а именно, привлечь в армию на руководящие посты

* Около 36 килограммов.

членов старых аристократических фамилий, которые желали вернуться во Францию после того, как Наполеон упорядочил хаос, вызванный революционными событиями. План этот, вполне здравый на бумаге или в мыслях, все же не стал удачным в действительности; четыре корпуса, созданные из высокогородных французов, которым так или иначе удалось избежать революционных проскрипций, потонули в двойном потоке — потоке старинной вражды и потоке зависти. Названное высокопарно «Гвардией чести»*, это соединение нашло не слишком горячий отклик в сердцах тех, чьи отцы и дядья были вынуждены скрываться, чтобы избежать резни аристократов, организованной в 1792–1793 годах. К тому же они вызвали жестокую враждебность со стороны Императорской гвардии. Сознание того, что именно Гвардия является «аристократией» наполеоновской армии, препятствовало объединению старой и новой аристократий, и Наполеон отложил это объединение на неопределенное время.

Восстановление сильной кавалерии было еще одной заботой. На всем протяжении пятисотпятидесятимильного марша отступающих от Москвы до Немана французов основной их пищей была конина, и при всей строгости военных реквизиций к апрелю Наполеону удалось посадить на коней не более 15 000 человек**. Для этого каждая ферма во Франции лишилась всех своих животных, которых использовали не на пашне, а для езды.

Армия — или некоторое подобие армии — была создана. В стране треть физически пригодных мужчин в возрасте от семнадцати до сорока четырех лет были одеты в форму, а за пределами Франции принц Евгений, вице-король Италии, создавал новое соединение из 40 000 человек, сплачивая их вокруг крошечного ядра тех, кто выжил после российского похода. Финансы королевства пополнялись различными путями, часто не очень популярными. Например, был произведе-

* Буквальный перевод французского *Gardes d'honneur a cheval*. Почетная гвардия была создана Наполеоном осенью 1805 г. Ее формированием занимался Сегор, и первоначально ее численность достигала 10 000 человек.

** В действительности было набрано 16 000 человек при 22 000 лошадей.

ден новый выпуск бумажных денег, экспроприированы муниципальные фонды, ужесточены меры по выдаче торговых лицензий, взимаюмую штрафов. Также были проведены принудительные займы под патриотическими лозунгами и использованы некоторые иные средства, часть которых входит в репертуар профессиональных мошенников. Предпринимались попытки придать будущему предприятию ореол святости с помощью конкордата с Папой (тогда заложником Франции). Его Святейшеству предложили в качестве наживки обещание вернуть Германию в лоно католичества. Но все эти импровизированные предприятия, сколь бы блестяще и великолепно ни были задуманы некоторые из них, не могли обеспечить Французскую империю средствами, позволявшими сражаться на два фронта. И, планируя отчаянно смелое наступление, Наполеон принял единственную остававшуюся для него открытой возможность. Юго-западный участок, «черный ход» Империи необходимо было оставить врагу, чтобы защитить вход парадный. По крайней мере, сделать это на то время, пока основные силы врага не будут разбиты в решающей битве. Австрия и Швеция, потенциальные противники, пока еще сохраняли официальный нейтралитет, также и большинство княжеств Центральной и Западной Германии пребывали в состоянии нерешительности. Блеск новой победы поможет им сделать окончательный выбор и восстановить влияние Франции на востоке до Одера. Оставив на время тяжелейший труд по призыву и обеспечению снабжением армии, человек, который создал военную систему, основывающуюся исключительно на нападении, обратил все свое внимание на стратегические возможности обороны, исходя из которых и начал наносить линии на свои боевые карты.

II

Самым дальним рубежом предстоящей в начале апреля 1813 года кампании, по мнению Наполеона, было нижнее течение Вислы. Чтобы достичь его, гоня перед собой русско-

прусские силы, ему требовалось пересечь Рейн, Заале, Эльбу и направить главный удар своих войск в район Лейпцига. Также ему надо было опасаться возможного предательства своего тещи, который располагался в горах Богемии и мог напасть на правый фланг французской армии. Кроме того, Наполеон должен был сохранять свое влияние в городах Ганзейской Лиги и иметь силы на случай нападения со стороны Швеции.

Линия французских гарнизонов в районе предстоящих главных сражений уже была определена и сокращена до минимума. Теперь она проходила по Бремену, Магдебургу, Бамбергу, Виттенбергу и Дрездену, поэтому уже в марте Евгений должен был покинуть свою штаб-квартиру в Берлине и спуститься к Дрездену. Некоторое время, при условии ежедневного подхода подкреплений с запада, он мог удерживать позиции, но сила патриотического движения немцев была такова, что он мог надеяться лишь на то, что соседние германские государства сохранят хотя бы внешнюю лояльность к Франции. Изолированные части императорских войск все еще удерживали свои позиции в укрепленных крепостях Данцига, Кюстина и Штеттина*. Но Дрезден, несмотря на то что король Саксонии был предан Наполеону, уже приветствовал новых завоевателей и оказался самым слабым звеном в той линии обороны, которая разделяла Центральную Европу на два лагеря: восточный, вступивший в антинаполеоновскую коалицию, и западный, формально остающийся союзником Франции. Саксония, заполоненная союзными войсками, была потеряна, а ее правитель бежал.

Будущее зависело от того, пожелает или не пожелает император отказаться от каких-либо территорий. Станет ли он добиваться восстановления своей власти на всем континенте к западу от границ России или после демонстрации силы и нескольких тактических побед согласится на три пятых от этого пирога? В эту богатую на события весну казалось, что последнего варианта он вообще не принимает всерьез, и все же изучение его корреспонденции этого времени

* Крепости французской армии по Одру.

и его рассуждения, которые он диктовал позднее, показывают, что на этой стадии он прежде всего намеревался вернуть себе Италию, Голландию и города Ганзейской Лиги и ослабить давление на Пруссию, Австрию и, прежде всего, Россию. То, что обстоятельства быстро изменились после его первых побед, было не только французской трагедией. Это была трагедия всей Европы, которая разорвала себя на куски, кровоточившие еще через сто лет после того, как Наполеон окончил свою жизнь на острове Святой Елены, а затем спустя еще поколение. Первая мировая война, трагедия гитлеризма и «холодная война», разделяющая Европу и поныне, это прямые наследники ошибки Наполеона и общей ненависти к нему сил, объединившихся против него весной и летом 1813 года.

15 апреля, в тот самый день, когда Наполеон накинул свой плащ и выехал в Майнц, первый сборный пункт своего восточного похода, его положение было тяжелым, но в любом случае не было отчаянным. Ни Россия, объявившая ему войну, ни Австрия, выжидающая развития событий, не решились пойти на то, чтобы устранить его с европейской сцены. Их споры относительно объединения Германии и будущего статуса Польши были слишком серьезными, чтобы обеспечить согласованные действия против Титана. Царь не желал, чтобы могущество Габсбургов увеличилось за счет Франции, а Австрия, без всякого сомнения, понимала, какие последствия может вызвать объединение Германии и возвышение Пруссии, способными стать равной ей по силе. Барон фон Штейн мог только мечтать о Германии, настолько сильной, чтобы доминировать в Европе так же, как доминировала в ней Франция со времен Революции. Но Меттерних, не желавший выпускать из рта лакомый польский кусок и иллирийские провинции в Адриатике, имел свои планы. Люди, занимающие высшие государственные посты в России, Вене и Берлине, могли сколько угодно разглагольствовать о свободе и равенстве, но их принципиальной позицией в предстоящей

борьбе была реставрация прежнего баланса главных сил, причем, по возможности, у каждого в свою пользу. Россия и Пруссия пришли к взаимному (при всей его временности) соглашению относительно того, кто будет старшим и кто младшим в исполнении предстоящей кровавой задачи свержения Наполеона. Но не в их интересах было создавать в Европе пространство, которое с радостью займут Габсбурги. Также принималось во внимание возможное поведение Швеции, и было трудно оставить в стороне тот факт, что наследником шведского престола был бывший маршал Наполеона, который вполне мог видеть себя наследником Бонапарта. К тому же за всеми этими сухопутными делами стояла огромная мощь непобедимого Британского Флота, контролировавшего все моря мира, растущая колониальная империя, обещающая стать в ближайшие десятилетия самой экономически могучей и процветающей. Поэтому неудивительно, что Наполеон чувствовал себя вполне уверенно, когда его карета двигалась по северо-восточной части Франции навстречу Евгению, с трудом удерживавшему свои рубежи. И эта уверенность была оправдана. Лучше, чем кто-либо, Наполеон знал все непостоянство и всю подозрительность представителей монархических династий по отношению друг к другу. Ведь уже двадцать лет он использовал эти их качества для смазки колес в механизме своего государственного строительства, двигатель которого располагался в Тюильри. И теперь в его интересах была и неутомимая работа над тем, чтобы эта смазка не кончалась; и помощь обещаний, намеков, уверений была нужна не меньше, чем помощь сражений и винтовок. Он был старым мастером этих особых дел и сейчас все внимание сосредоточил на Вене.

Через месяц после своего выступления он написал своему тестю: «Я предпочитаю умереть, если это потребуется, вместе со всеми честными французами, чем стать посмешищем англичан или позволить моим врагам ликовать над моим поражением. Пусть Ваше Величество подумает о будущем. Не отбрасывайте от себя плодов трехлетней дружбы и не

возобновляйте прошлых интриг, ввергших Европу в войну и конвульсии, которым и теперь не видно конца. Не стоит жертвовать счастьем всего нашего поколения и своей собственной жизнью ради мелочных интересов; не надо жертвовать истинными интересами Ваших подданных и (почему бы мне не напомнить Вам об этом?) членов Вашей семьи, которые всегда были преданы Вам. Ваше Величество не должно сомневаться в моей привязанности к Вам».

Меттерних, читая это письмо в Шенбрунне, наверняка не смог сдержать довольную улыбку. Он и его повелитель не могли не быть удовлетворены, получив такие уверения от человека, который дважды оккупировал Вену в течение последних восьми лет и который во время второго своего посещения увез великую герцогиню и дождался от нее сына, должного, как он надеялся, стать наследником его завоеваний.

Три великие армии сходились все ближе. Для остальной выжидающей Европы это было похоже на соперничество лакваторов против секуторов Древнего Рима*. Россия и Пруссия держали сеть, Франция — меч. Север и юг арены предстоящих сражений, Швеция и Австрия, пребывали в сомнениях, стоит ли им ввязываться в это противостояние силы и боевого умения. Пятый гладиатор, Британия, сделала свой выбор, но находилась слишком далеко от арены основных боевых действий и могла рассчитывать лишь на косвенное участие в состязании. С объективной точки зрения казалось, что силы слишком неравны, пять против одного. Но для непосредственных участников это неравенство не было столь очевидным. Человек, выступивший против них, имел репутацию, которая намного перевешивала преимущество числа его противников. Неоднократные испытания силы происходили и прежде, и именно этот человек, а не его враги, после сражений располагал свои армии на ночлег на полях этих сражений.

* Лакватор (сеточник) — гладиатор, вооруженный трезубцем и сетью, обычно выступал в паре с секутором (преследователем), вооруженным щитом и мечом. Если лакватору не удавалось опутать противника сеткой, он убегал, и секутор преследовал его.

ГЛАВА 4 РАВНИНЫ САКСОНИИ

I

Великая равнина Саксонии, которой предстояло стать ареной грандиозной битвы, — замечательная, обильная реками земля. В 1813 году это была по преимуществу сельская страна с привольно раскинувшимися лугами, крестьянскими хозяйствами, обширными холмистыми пастбищами, дубравами и зарослями орешника; все это щедро орошалось притоками Эльбы. И представляло великолепные возможности для маневров, особенно кавалерийских. Население ее — крестьяне, мелкие торговцы и ремесленники — доставляло Франции столь мало хлопот во время завоевания Саксонии, что Наполеон отметил: «Ни один наш солдат здесь не пострадал». Летом она была идеальным местом для пасторалей и мечтательных грез, а также идеальным местом для откармливания тучного скота и сбора богатого урожая. Города Саксонии были невелики, но они процветали. Реки были полноводны и двигались столь же медленно, как и живущие на их берегах крестьяне. На севере проходила граница с Пруссией, на юге высились горы Богемии — там взрастали германский фанатизм и австрийское беспокойство. Но на самой равнине, которой суждено было стать ареной битвы, вдоль всего пути от Вейсенфельса до Люцена и от Лейпцига до окраин Дрездена, партизанское движение было практически незаметным. Во всяком случае, не было ничего подобного той травле, с которой столкнулся принц Евгений в Восточной Пруссии, когда ему пришлось отойти на запад. Простодушные саксонцы были довольно безразличны к тому, кто пра-

вит Европой, до тех пор, пока их мир не тревожили, позволяя заботиться о своей земле и заниматься своими повседневными делами. Незавидное положение их суверена, бежавшего из своей столицы — Дрездена, не слишком их беспокоило. Они привыкли к наступлениям и отступлениям армий Наполеона и к воинам, которые квартировали во всех городах и деревнях в период между 1806 и 1813 годами; отношения между хозяевами и постояльцами были по преимуществу вполне сердечными. Оглядываясь в недалекое прошлое, солдаты Великой армии с ностальгией вспоминали этих упитанных германских хозяев. Для ветеранов дни, когда их гарнизоны располагались в саксонских селах, не опасаясь за свою жизнь и ежедневно изобильно питаясь, представляли контраст с пустынями Египта, горами Испании и равнинами России более чем разительный.

Наполеон покинул Сен-Клу 15 апреля. С ним отправился его старый друг по путешествиям, Коленкур, человек, привыкший быть в особо доверительных отношениях с императором, поскольку именно он сопровождал его в эпическом пути из Сморгони в Париж, во время которого Наполеон беспрестанно говорил своему спутнику все, что приходило ему в голову. Коленкур услышал во время этой скачки массу афоризмов и откровенностей. По прибытии в Париж, лежа на подушках, Наполеон сказал: «Я завидую самому бедному крестьянину в моей Империи. К старости он уже выполнил свой долг перед своей страной и может спокойно проводить свое время дома со своей женой и детьми. А я — единственный, кого безжалостная судьба снова и снова бросает в поле».

Коленкура не удивили эти слова императора. Все знали и чувствовали, что Наполеон со времени своей второй женитьбы и рождения законного наследника проявлял неудовольствие тем, что ему приходится участвовать в новых кампаниях, и мечтал о домашних тапочках и кресле перед камином, которые были доступны любому мелкому буржуа. Однако он был прежде всего человеком действия и никогда не переставал им быть, так что новый вызов, брошенный ему судь-

бой, его не страшил. Несмотря на очевидные недостатки при наборе нового пополнения своих батальонов, Наполеон продолжал непоколебимо верить в себя. Он так часто одерживал победы над своими теперешними врагами, он делал это иногда с такой легкостью, что их военные возможности в предстоящей кампании пугали его весьма мало. Наполеону, возможно, не хватало тяжелой артиллерии и опытных офицеров, и даже кавалерии, которая могла бы использовать выигрыш в битве, но его генералы были самыми опытными командирами в мире, и среди них были такие, чьи имена стали легендой среди профессиональных солдат всей Европы, Америки и Ближнего Востока. Даву и Вандам уже выступили с целью вернуть Франции Гамбург и сломить непокорство ганзейских городов. Ней, герой российского отступления и идол всех призывников, был уже в поле, покинув Францию в марте, едва лишь вернувшись после пятисотпятидесятимильного похода от Москвы до Гумбинена. Бертье был на своем обычном месте начальника главного штаба, он спал прямо в своей военной карете, которая мчалась по всей Европе вдоль и поперек, словно колесница дьявола. Маршал Макдональд, ветераны маршалы Мортье и Удино были здесь, вместе с Виктором, и вокруг них собирались сотни других солдат, мечтающих завоевать маршальский жезл в предстоящей войне. Четырьмя генералами этого ветеранского корпуса были Суам, Бертран, Ренье и Рапп. Старый друг императора и знаток артиллерии Мармон был всегда под рукой, и Ожеро уже был готов вывести в поле своих баварцев. В Галиции находился Понятовский с поляками, все еще полностью поддерживающими Империю, всего двенадцать корпусов, готовых состязаться с русскими и пруссаками, которыми командовали второразрядные полководцы вроде Виттгенштейна, Шварценберга и семидесятидвухлетнего Блюхера.

Поэтому Наполеон, садясь в свою карету и завидуя последнему крестьянину в своих владениях, мог все же спокойно воспринимать серьезную нехватку боевого материала для своей армии. Надлежало проверить силу его молодых рекру-

тов, их способность совершить бросок в Саксонию по пути, вполне обеспеченному складами и запасами. Большинству этих рекрутов не было еще и двадцати. Они были рождены в 1793—1794 годах, когда страну разрывали на части революция и гражданская война, когда было трудно найти еды даже на день. Конечно, эта молодежь не была столь физически крепкой, как та, что шла завоевывать Италию, пересекала Синайский полуостров и возвращалась назад — и одерживала триумфальные победы при Маренго, Аустерлице, Фриланде и Ваграме.

Эркман-Шатриан, написавшие замечательный документальный роман-исследование «История призыва 1813 года и Ватерлоо», оставили нам живое описание этих мальчиков, на долю которых выпали тяжелейшие испытания. Оба автора родились в 1822 году и выросли среди тех участников Великой армии, кому удалось выжить. У них они и нашли материал для своей книги. Ее герой, Жозеф Берта, усыновленный в чужой семье молодой человек, инвалид, но его рассказы о битвах в Саксонии в 1813 году столь же точны в деталях, как и мемуары реальных героев тех дней, таких как капитан Морис Барре из 47-й линии пехоты или полковник Марбо, чьи воспоминания о наполеоновских войнах, написанные с точки зрения среднего офицера, заслужили одобрение изгнанного императора.

Описывая свой первый день в Майнце на пути к фронту, Берта говорит: «Какие-то повозки появлялись из-под арки, и нам говорили, сначала в Италии, потом во Франции, что войска уже почти на позициях. Потом шла переключка, и каждый должен был сделать шаг вперед, когда выкрикивали его имя... Каждому вышедшему давали саблю, патронный ящик, штык и мушкет. Еще давали накидки или плащи, но шапки и шляпы были у всех различные, так что все наше воинство, скорее всего, походило со стороны на шайку разбойников. Мое ружье было столь тяжелым, что я едва мог его тащить, а патронный ящик свешивался до самых колен, больно ударяя по ногам, пока сержант не показал мне, как сделать ремни

короче. Он был добрым человеком. Все эти ремни вокруг моей груди казались мне ужасными, но потом я понял, что на этом наши беды не заканчиваются, как бы мне этого ни хотелось. Подъехала повозка с амуницией, и нам дали каждому по пятьдесят патронов. Вместо того чтобы приказать разойтись и дать нам отдых после этих потрясений, капитан вынул свой меч и закричал: „Правый фланг! Вперед марш!“, и тут начали бить барабаны».

У Берта не было иллюзий относительно своего места в императорской армии. Он не имел шансов выслужиться. Вспоминая о перспективах своей будущей славы, он писал: «Слава не для нас. Она для тех, кто живет в свое удовольствие, кто вкусно ест и сладко спит. Эти люди танцуют на балах, желятся на красивых женщинах, и с ними слава и вступает в сделку, а мы оплачиваем их сделку своим потом, своей кровью и своими сломанными костями. Бедняки вроде нас должны идти вперед, и мы рады уже тому, что нам удалось вернуться живыми, способными работать, не потеряв ни рук, ни ног...» И далее он описывает то отношение начальников всех наций к солдатам, которые выигрывали для них битвы: «А потом те, кто ищет славу, отправляя убивать других, приходят с плетками в руках... и если, к примеру, у тебя нос покраснел от вина, потому что оно необходимо тебе, чтобы устоять и сохранить мужество, когда идет снег или дождь, во время многодневных маршей, они говорят: „Эти люди пьяницы... они ничем не отличаются от нищих бродяг!“»

Берта является наиболее правдивым из всех литературных персонажей этого периода образом типичного французского призывника наполеоновских войн, а его горькие комментарии по поводу военной дисциплины найдут отклик в сердцах миллионов людей последующих поколений, которых доморощенные патриоты отправляли искать славу в болотах Фландрии, в джунглях Вьетнама и Малайского полуострова. «Я научился тому, что капрал всегда прав, когда говорит с простым солдатом, сержант прав, когда говорит с капралом, старший сержант прав, когда говорит с сержантом, и так

далее до самого маршала Франции — даже если он скажет, что луна светит среди бела дня или если скажет, что дважды два — пять. Эту вещь не так просто усвоить, но есть нечто, что очень помогает; в казарме висят правила, в которых написано то, что надо время от времени перечитывать, чтобы все остальные мысли были в порядке. В них записано все, чего обычно больше всего хочет солдат. Например, вернуться в свою родную деревню, отказаться от несения службы, поспорить со старшим по званию, и так далее; все то, за что следует всегда одна награда — расстрел или в лучшем случае пять лет каторжных работ с прикованным к ноге ядром».

Конечно, Берта является вымышленным персонажем, но нам не надо долго искать тех, кто стал его прообразом. Капитан Барре из 47-й линии Шестого корпуса, сопровождавший конскриптов к месту их первого сражения, записал: «Днем 29 апреля, находясь в бивуаке, мы слышали впервые за всю кампанию звуки выстрелов. Молодой солдат 6-й линии, при звуке этой канонады, которая раздавалась на сравнительно далеком расстоянии, пошел за мушкетом, всем своим видом показывая, что хочет почистить его. Взяв мушкет, он сказал товарищам: „Дьявол! Этот проклятый звук. Я не могу его больше слушать!“ Затем он отбежал за изгородь лагеря и вышиб себе пулей мозги».

Как говорили старые солдаты, «оркестр настраивался». Маршал Ней, «Рыжий», как называли его в армии по причине рыжих волос, уже был в полях, и не было в мире другого человека, который был бы лучшим полководцем для неопытной молодежи. Ней практически без перерыва воевал с тех самых пор, как был записан в гусары еще перед революцией, и его воинские заслуги берут свое начало от дней Самбр-эт-Мёза*, когда юные зилоты** революции опрокинули профессиональные армии европейских государств на границах Франции. В качестве тактика у Ней было немного равных, но он

* Самбр-эт-Мёз — название французского департамента, просуществовавшего с 1795 по 1814 годы, ограниченного Арденнами, Уртом, Самброй и Маасом (Мёзом); после 1814 года отошел к Голландии, затем частично к Бельгии.

** Зилоты — от греч. «ревнителю», политическая группировка в Греции, которая в 1342 г. возглавила движение за автономию Фессалоник.

не был стратегом; он был фронтовой командир, который действовал всегда впереди своих войск. Когда он вступал в прямое столкновение с противником, гонцы императора уже не могли его отыскать. Он управлял пехотным каре против кавалерии, защищал деревню, которую считал важным участком битвы в штыковом бою. Люди, находящиеся под его началом, боготворили его, и, хотя его необыкновенный темперамент стоил ему дружеских отношений со многими равными себе, каждый офицер императорской армии признавал его мужество в атаке и его стойкость в обороне.

И именно войска маршала Нея под командованием генерала Суама показали французским конскриптам первый за эту кампанию пример военного мужества. Зондируя местность нижнего течения Заале на пути к месту соединения с армией Евгения, корпус Нея нарвался в Вейсенфельсе на десятитысячный отряд русской кавалерии. К собственному удивлению французов, им удалось не только разгромить этих всадников, но и прорваться к их артиллерийской батарее, состоящей из шести пушек, и захватить все орудия. Ней объявил перед войсками, что он еще никогда не видел, чтобы новобранцы столь лихо и храбро действовали в своем первом сражении. В тот же день отряд из пятнадцати солдат 13-й линии отбил атаку прусских гусар, не потеряв при этом ни одного человека.

Тем временем Наполеон, собрав в Майнце 180 тысяч человек, с обычной для себя скоростью приближался к местам намеченных сражений и вскоре достиг своей цели, соорудив три моста через Заале и переведя по ним на другой берег значительные силы. Здесь, в дефиле* Риппах около деревни Посерна, Великая армия понесла в этой кампании потерю, ставшую большим горем для людей, которые практически были хозяевами Европы на протяжении жизни целого поколения.

Маршал Бессьер, в бытность свою цирюльник, а потом близкий товарищ Наполеона со времен Итальянской кампании, вырвался вперед под прямой огонь противника с отря-

---

* Узкий проход между горами или другими преградами.

дом кавалерии Императорской гвардии и был убит ядром, раздробившим его руку и грудь. Почти при таких же обстоятельствах его соперник маршал Ланн был смертельно ранен в битве при Эслинге четырьмя годами ранее.

Бессьер оказался вторым погибшим в бою из двадцати шести маршалов Наполеона. Его смерть была еще одной в череде потерь высшего командования французской армии, включая две казни, самосуд и самоубийство*. Эта, так похожая на случайную, смерть ветерана Бессьера стала большим моральным ударом по армии. Бессьера любили все, он был чрезвычайно вежливым и сердечным человеком, к которому солдаты всегда чувствовали настоящую любовь. Кроме того, он был единственным среди маршалов, кто во время революции служил роялистам¹. Гвардия обожала его, те же чувства питал к нему и его начальник. Капитан Барре видел, как тело Бессьера везли в похоронной повозке: «В его лице император потерял верного друга, старого преданного помощника в боях, — написал он и продолжил, — смерть этого замечательного маршала чрезвычайно меня опечалила, ведь я долгое время находился под его руководством; это был прекрасный и вежливый человек».

Такая характеристика младшего офицера, данная маршалу, показывает внутреннюю силу наполеоновских армий, прочную связь, пронизывающую весь командный состав Великой армии снизу доверху. Подобная связь была необычной для этого времени, ее не было даже среди старых солдат Легкой дивизии** армии Веллингтона в Испании. Именно она стала одним из важнейших оснований успеха на всем протяжении долгого периода побед Франции над своими соперниками в 1792–1814 гг.

В этот сложный начальный период кампании Наполеон нашел время и написал вдове Бессьера следующие строки: «Кузина, Ваш муж погиб на поле чести. Несомненно, горе,

* Из всех маршалов Наполеона в бою погибли Ланн, Бессьер, Дюрок и Понятовский; Бертье покончил с собой во время Ста дней; Брюн убит во время белого террора в 1815 году; расстреляны Бурбонами по приговору суда Ней и Мюрат.

** Название пехотных подразделений британской армии (Light Division), состоявших из стрелков, вооруженных новым по тем временам нарезным оружием.

постигшее Вас и Ваших детей, велико, но не меньше и мое горе. Герцог Истрийский (титул Бессьера) погиб благороднейшей из смертей и без тяжелых физических мучений. Он оставил после себя незапятнанную репутацию, лучшее наследство, которое он мог передать своим детям. Мое покровительство всегда будет сопровождать их. Они унаследуют все те чувства, которые я питал к их отцу».

Но именно маршал Ней, боевой товарищ маршала на полях сражений, произнес настоящую эпитафию Бессьеру. Глядя на тело человека, бок о бок с которым он сражался с тех пор, когда оба они были еще младшими офицерами, он произнес: «*C'est notre sort. C'est une belle mort*»*, после чего быстро поскакал прочь, чтобы вести свое молодое неопытное войско через равнины Саксонии на Лейпциг.

II

Принц Евгений был уже совсем близко от основных сил Великой армии, и 2 мая два полководца встретились около обелиска, установленного в честь смерти «Льва Севера», как называли протестанты шведского короля Густава Адольфа, чьи армии разгромили в Люцене в 1632 году войска Католической Лиги**2.

Чтобы добраться до этого места и успешно соединиться с Наполеоном, принц Евгений предпринял маневр, успех которого зависел не столько от его мужества, сколько от его умения, изобретательности и находчивости. С тех самых пор как Мюрат, король Неаполитанский, бросил на произвол судьбы остатки армии 1812 года на балтийских берегах в январе 1813 года, Евгений без усталости трудился, собирая разрозненные силы, сдерживая атаки противника, делая все, что только мог, чтобы удержать под контролем патриотическую лихорадку в Пруссии, и перемещая войска то на юг, то на север, когда его положение становилось невыносимым. Он

* Вот наш удел. Прекрасная смерть (*фр.*)

** Католическая Лига (1609—1635) — союз католических духовных и светских князей Германии, созданный в ходе борьбы католиков и протестантов.

справился со всеми своими обязанностями с удивительным успехом, отослав всех больных в госпитали, написав бесчисленное количество писем к родителям и родным, забросавшим его вопросами о судьбе своих детей, братьев, мужей, участвовавших в великом отступлении из России.

Расположившись в конце января в Познани, Евгений сделал первый смотр своим силам. Его окружали люди, которые были старше его как по возрасту, так и по опыту, но подчинявшиеся и преданные ему даже больше, чем во время Итальянской кампании 1796 года, были преданы молодому Бонапарту такие ветераны, как Массена и Ожеро. Многие из них были при смерти, почти все — истощены после тяжелых испытаний, перенесенных во время отступления. Но генерал Роже оставался все таким же примером дисциплины, как и генералы Эбле и Ларибуасьер, соответственно начальники инженерных войск и артиллерии Гвардии, маршалы Бертье, Лефевр и Ней были все еще с армией, но все, кроме Ней, были больны и истощены, перенеся то, что последующее поколение назовет «пушечным шоком» или «усталостью от войны». Генерал Эбле, чье умение строить мосты и переправы спасло армию при переправе через Березину, умер в госпитале в Кенигсберге, Ларибуасьер, некогда командовавший эскортом, вернувшем короля Людовика и Марию Антуанетту в Париж после их неудачной попытки скрыться в Вареннах, оплакивал смерть своего любимого сына, а блестящий маршал Бертье был в состоянии, близком к нервному срыву. Эти люди еще держались, но часто выражали недовольство и разочарование. Евгений решил на мужественный шаг. Он отослал из своей армии всех старших офицеров, которые могли самостоятельно передвигаться, освободив таким образом себя от нежелательных советов. После этого шага из хаоса, окружавшего Евгения, начало возникать некое подобие порядка. Эвакуировав войска из Польши, он двинулся к Берлину, а затем — в Магдебург, где в его армию влились новые соединения и артиллерия, и погибшее было войско снова стало напоминать боевое формирование. Из

Парижа Евгению продолжал идти поток советов и приказов, некоторые из которых были явно невыполнимы, а другие просто губительны. Наполеон писал: «Если прусские города будут проявлять непокорство, они должны быть сожжены!» Евгений реально оценивал свое положение во враждебной ему стране, поэтому он хорошо понимал возможные последствия подобных действий. Он продолжал разрабатывать и исполнять свои планы по восстановлению боеспособности войск, он импровизировал, действовал согласно необходимости, диктуемой ситуацией, и так продолжалось до тех пор, пока вокруг него не собрались силы примерно в пятьдесят тысяч человек и сто пятьдесят пушек. Если бы император последовал совету, который маршал Макдональд предложил ему в самом начале этого года, у него было бы гораздо больше сил. Шотландский маршал уже давно предвидел необходимость отступления за Одер и Эльбу, а возможно, и за Рейн, и поэтому советовал оставить крепости в Данциге, Замостье, Модлине и Торне (Торуни)*. Его советом пренебрегли, а войска, состоящие из ветеранов последней кампании, были оставлены в гарнизонах этих крепостей наряду с гарнизонами Штеттина, Пиллау, Торгау, Кюстина и еще нескольких других укрепленных пунктов. Таким образом, Великая армия лишилась столь нужных ей в этой кампании сотен тысяч человек, опытных воинов, которые могли бы переломить ход сражений, произошедших осенью. Наполеон, который всегда был мастером концентрации войск, на сей раз сам вырыл могилу для своей новой армии, когда пренебрег советом, данным ему во время отступления к Рейну. Огромная армия, состоящая из хорошо обученных и опытных солдат, способных защитить границы Франции, была рассеяна и изолирована в отдаленных крепостях по всей Европе.

К апрелю Евгений был в районе нижнего течения реки Заале, и период выпавших на его долю тяжелых испытаний был почти преодолен, но вслед за этим враг вступил в Дрезден и уже готовился опутать сетью приближающиеся глав-

---

* Крепости французской армии по Висле; так называемая Вистульская линия.

ные силы французов. По мере продвижения к Лейпцигу противники Наполеона все больше укреплялись в убеждении, что один сильный удар довершит то, чего не смогли сделать морозы России и чего не удалось добиться ни одной предыдущей коалиции — сбросить с Европы иго — уничтожить человека, который вершил судьбу континента, начиная с весны 1796 года.

III

Новая Великая армия вышла с запада и, продвигаясь по открытой местности, держала общее направление на Лейпциг. Это было огромное соединение, насчитывавшее 145 000 человек пехоты, 372 орудия, но всего 7500 сабель кавалерии.

Третий корпус Нея занимал центр, это было соединение из пяти дивизий, составленное практически полностью из конскриптов, боевой опыт которых, полученный в стычках с врагом у Вейсенфельса, не превышал нескольких дней. Выйдя из Люцена, где он разместил свои передовые части в ночь с 1 на 2 мая, Наполеон и генерал Лористон направились прямо к Лейпцигу, не ожидая встретить ни сильного сопротивления врага, ни, тем более, прямой атаки, поскольку Наполеон считал, что главные силы противника находятся в самом городе. Мармон и Бертран с большей частью Гвардии, хотя и двигались на помощь, располагались все еще на западе саксонской равнины. Евгений с Макдональдом и другим сильным корпусом пехоты еще не подошел с севера, двигаясь на Альстер.

В 9 часов утра 2 мая началось общее движение на Лейпциг. Лористон шел цепью к пригороду Линденау. Мальчики Нея, расквартировались в деревнях — Кайя, Эйсдорф, Кляйн, Гершен и Гросс Гершен — и варили свою похлебку в милых, спокойных местах, среди длинного ряда опрятных домиков, садов и огороженных пастбищ. К ночи эти мирные места станут местом ужасных и кровопролитных сражений.

Острая нехватка кавалерии в Великой армии лишила ее глаз — разведки. Наполеон, как оказалось, ошибся в определении местонахождения противника. В каких-нибудь двух милях от центра Великой армии оказались элитные части русско-прусской армии. Они собирались в боевые порядки, скрытые несколькими холмами, и в два часа дня уже пересекли реку Альстер.

Стратегический план противника был прост и прямолинеен, а вероятность выполнения этого плана — поистине уникально высока. При номинальном командовании царя Александра и короля Пруссии армию фактически возглавляли с российской стороны — Витгенштейн, а со стороны Пруссии — престарелый маршал Блюхер. Их задачей было удержать Лейпциг силами оставшихся здесь пяти тысяч человек, а основной массой войск охватить французов с северного фланга, разделить армию на две равные части и оттеснить восточную или более выдвинувшуюся часть войск французов к Альстеру. Достигнув этого, они могли бы затем ввести в действие резерв, располагавшийся на западе, в районе Вейсенфельса и Наумбурга.

Этот план очень нравился старому стремительному воину Блюхеру. Вместе с ним в этот солнечный майский день находились два знаменитых лейтенанта — Шарнхорст и Гнейзенау (чьи имена во время Второй мировой войны были присвоены Гитлером двум военным кораблям). Для Шарнхорста равнины Люцена стали конечным пунктом его жизненного пути. Восемьдесят тысяч сильных войск, при поддержке не менее сильной артиллерии и резерва в двадцать пять тысяч превосходной кавалерии — эти силы были сведены в четыре плотные колонны, которые вышли на ничего не подозревавший третий корпус французской армии. Битва началась с сильнейшей канонады, которая разорвала ряды французских конскриптов. К семи часам французам все же удалось полностью развернуть свои силы и в порядке отойти к деревьям, покинув открытое пространство, где артиллерия противника грозила уничтожить их. И тем не менее к девяти часам в

самом лучшем случае битва должна была быть окончена и новая Великая армия перестала бы существовать, полностью разгромленная превосходящими качественно и количественно силами врага. То, что этого не произошло даже тогда, когда тьма опустилась на поле боя, и что французам удалось превратить столь близкое поражение в маленькую победу, только подтверждает силу двух факторов — присутствия на поле боя профессионального гения войны и мужества мальчигов, прошедших крещение огнем, который поверг бы в смятение даже армию, состоящую из проверенных ветеранов.

Все свидетели сражения при Люцене писали, что канонада в начале битвы была одна из самых ужасных за все время наполеоновских войн, к тому же здесь, на равнине, не было никакой защиты от настоящего дождя ядер, падающего на колонны и шеренги неопытной пехоты. Солдаты падали дюжинами, но ни один не покинул строй, и после каждого ужасного взрыва конскрипты смыкали ряды и продолжали медленное движение к деревьям. В дальнейшем, потеряв около трети личного состава, третий корпус Нея, сохраняя боевые порядки, отразил несколько массированных атак вражеской пехоты и все атаки многочисленных эскадронов кавалерии. И тем не менее, несмотря на все мужество, проявленное молодыми солдатами, им не удалось бы выжить, если бы стены и изгороди деревень и хуторов, к которым их отвели под ураганным огнем офицеры, не защитили их от полного уничтожения.

К одиннадцати часам каждый дом, каждый сарай, каждый скотный двор и свиарник превратился в маленькую крепость. Снова и снова героическая пехота Блюхера штурмовала позиции французов под выстрелами ружей конскриптов, пытаясь сойтись с врагом в штыковом бою. Снова и снова гусары и казаки пытались проложить себе путь саблями и пиками, но хотя французы и отступали понемногу, не было речи о бегстве, даже признаков бегства не было. Гросс Гершен и Кляйн Гершен были захвачены, отбиты и захваче-

ны снова. Кайя была взята с ходу, а хутора Рана и Штразейдель на западном фланге периметра снова и снова переходили из рук в руки. Две деревни пылали в огне, освещая поле битвы зловещим огнем, однако сражение продолжалось. В водовороте маленьких побед и маленьких поражений замечательно проявил себя генерал Жерар. Раненный несколько раз, он отказался покинуть поле боя и ждать помощи, которая, как он знал, обязательно должна была прийти. Бок о бок с ним, сражаясь столь же доблестно, как старая Гвардия, стояли двенадцать тысяч мальчишек, которые только несколько дней назад научились заряжать мушкеты и стрелять из них. Теперь они стойко отражали все попытки оттеснить себя с поля боя. Их мужество и стойкость, наследие революционных дней и наполеоновских боевых традиций, спасли армию.

IV

Император был уже на пути к Лейпцигу, когда услышал гром союзнической канонады справа от своих войск. Его реакции мог бы позавидовать и молодой Наполеон, удивлявший мир своими стремительными бросками и маневрами в сражениях при Лоди*, Риволи и Арколе**. Во время Российской кампании о нем говорили, что он уже не тот, каким был раньше, что власть, семейный очаг и возраст повлияли на его дух и притупили острое лезвие его ума, принимавшего столь мгновенные и точные решения. Те, кто так полагали, серьезно ошиблись, и скоро им предстояло убедиться в своей ошибке. Не раздумывая ни мгновенья, не дожидаясь прибытия разведчиков и вестовых, которые бы сообщили ему данные о ситуации, не советуясь ни с кем, Наполеон сделал выводы и принял решение. Союзники атаковали его войска всеми своими силами с целью расколоть армию французов

* Сражение при Лоди произошло 10 мая 1796 года; Наполеон пишет в своих воспоминаниях, что «только после Лоди у меня появилась мысль, что я мог бы сделать, пожалуй, решающим лицом... на нашей политической арене. Первая искра честолюбия появилась тогда». («Дневник о. Св. Елены», Ласказаса, 1823.)

** Сражение при Арколе произошло 15–17 ноября 1796 года.

на две части, воспользовавшись тем, что она растянулась по дорогам и равнинам Саксонии на тридцать миль, совершая свой переход к месту общего соединения. Наполеон решил остановиться, развернуться и провести фланговую атаку на врага, чтобы сдержать наступление на третий корпус до тех пор, пока Мармон и Бертран не смогут подойти справа и смести врага. *Coup-de-grace** можно было нанести по центру с помощью шестнадцати батальонов Императорской гвардии при поддержке восьмидесяти орудий под личным командованием императора.

Как можно скорее необходимо было что-то сделать для того, чтобы укрепить дух третьего корпуса, и Наполеон отправил Нея в гущу сражения, дабы тот личным присутствием поддержал новобранцев. «У нас нет кавалерии, но есть пехота, как когда-то в Египте», — сказал Наполеон и стал отдавать распоряжения и точные указания каждому командиру. Адьютанты помчались на юг, на север и на запад, но прежде, чем хотя бы один из них достиг места назначения, Ней уже был в гуще боя со своими необученными солдатами, пронсясь по всему фронту, появляясь то здесь, то там, изрыгая проклятия на головы врагов в тех же словах, которые он изрыгал во время сотен атак русских войск на его аррьергард шесть месяцев назад.

Эффект его присутствия, по словам очевидцев, был поистине магическим. «Рыжий» маршал был со своими войсками — и вопрос о разгроме и отступлении был снят. Помощь уже шла к ним, и Ней знал об этом, знал он и то, что может удержать позиции своих войск, несмотря на то что враг уже уничтожил половину личного состава французов. Также он знал, что продвижение Макдональда, Лористона, Бертрана и Мармона потребует времени и что император сможет предпринять эффективную контратаку по центру только в середине следующего дня. Нею не оставалось ничего другого, как сражаться среди горящих деревень, подвергаясь непрерывным атакам врага, под огнем артиллерии противника.

* Последний удар (фр.).

Капитан Барре, находившийся в этой битве на крайнем правом фланге, оставил нам живописную картину того, как события этих сражений виделись офицеру одного из выживших в этом многочасовом испытании каре. Осыпаемый пушечными ядрами и зажатый между двумя кавалерийскими отрядами, он поддерживал вместе с другими офицерами боевой дух своих мальчиков, потери среди которых были ужасающими. Через час сражения Барре стал пятым по счету капитаном батальона; четверо офицеров были убиты. В течение трех с половиной часов ни на минуту не прекращались тяжелейшие испытания — артиллерийский огонь и бесконечные атаки пехоты и кавалерии. Обескровленный батальон медленно отходил назад к хутору Штразейдель. К этому времени только подразделение Барре потеряло сорок три солдата и почти всех офицеров. Сам Барре был дважды ранен, одна из ран была следствием того, что голова одного из младших офицеров, оторванная от тела ядром, попала ему в лицо. Барре даже узнал человека, чья кровь залила его; «...милый молодой человек, который всего два месяца назад вышел из *Ecole militaire**. Он говорил: „В тридцать лет я или стану полковником, или буду убит“».

На этом этапе Барре считал битву проигранной, но майор, только что прибывший в Великую армию из Испании, уверил его, что дело обстоит как раз наоборот, что сражение близится к успешному завершению, и указал на колонны четвертого корпуса под командованием Бертрана и пятого корпуса Лористона, которые внезапно появились на крайнем правом фланге противника. Этот человек оказался хорошим пророком. Менее чем через час остатки батальона Барре уже продвигались вперед и захватывали отданные ранее врагу деревни, продолжая нести большие потери и меняя командиров.

Сеть была наброшена, но возможности затянуть ее не было. К половине третьего пополудни подошли войска под

---

* Военная школа (*фр.*). Выпускником *Ecole militaire*, находившейся на Марсовом поле в Париже, был и Наполеон Бонапарт.

командованием императора. Через два часа Бертран и Мармон подошли к правому флангу, и Лористон обрушился на правое крыло врага. Маршал Макдональд, не имея возможности действовать на равнине без кавалерии, впоследствии описывал ожесточенные атаки разъяренной русской конницы на войска его корпуса. Они были отбиты с огромными потерями, и генерал Латур-Мобур³ хотел перейти в контрнаступление со своими крошечными кавалерийскими силами, но его отговорил от этого опрометчивого шага осторожный Евгений.

К пяти тридцати все было готово для того, чтобы совершить атаку по центру. Молодая гвардия была собрана в четыре плотные колонны, поддерживаемые Старой гвардией и гвардейской кавалерией. Генерал Друо захватил восемьдесят орудий, и вся колонна двинулась вперед, словно мощный таран. Ничто не могло помешать этому движению. Рана, Гросс Гершен и Кляйн Гершен были захвачены, и резерв русских войск не смог сделать практически ничего для того, чтобы остановить французов. Ярд за ярдом врага теснили назад к Альстеру, и только недостаток кавалерии помешал тогда полному разгрому.

Несколько человек, видевшие Наполеона во время этой атаки, оставили свидетельства личного участия императора в бою и тот воодушевляющий эффект, который производило его появление на молодых воинов. За все двадцать лет, которые он посвятил войне, он никогда не был столь опрометчив на поле боя. Наполеон скакал с фланга на фланг, и ядра то и дело взрывали землю под копытами его коня. Мармон, которого во время написания мемуаров вряд ли можно было назвать другом Наполеона, и тот отдал дань мужеству и отваге императора, сказав, что когда он мчался на своем коне, даже мертвые отдавали ему честь. Со стороны союзников мы не знаем свидетельств подобного мужества, несмотря на то что Блюхер сражался со своей привычной яростью, а его лейтенант Шарнхорст получил смертельное ранение в шесть тридцать вечера этого кровавого дня.

Поддержали императорскую контратаку и конскрипты, укрывавшиеся среди руин и пожарищ окрестных деревень, сделала свое дело и артиллерия Гвардии, и к семи тридцати все было закончено. Союзники отступили за Альстер, за пехотой последовала кавалерия. Преследование со стороны французов было невозможно, и союзники смогли отступить к Лейпцигу, а затем к Дрездену. Для французов это была пиррова победа. Их потери убитыми и ранеными превышали двадцать тысяч человек, большая часть которых приходилась на третий корпус Нея. Потери союзников были меньшими, примерно двенадцать тысяч. Отмечая мужество новобранцев своей армии, Наполеон сказал: «В моих юных солдатах я нашел то же мужество и решимость, которыми отличались и мои старые боевые соратники. За двадцать лет, которые я командую французской армией, я никогда не был свидетелем столь непоколебимой стойкости и преданности».

На рассвете 3 мая император выехал в поле. Тела друзей и врагов были перенесены в амбары для предания убитых земле и отправки раненых в госпитали Лейпцига и Вейсенфельса. Среди тех, кто по приказу императора был похоронен с военными почестями, был и один молодой прусский солдат и после смерти сжимавший флаг, защищая который отдал свою жизнь. Знамя было похоронено вместе с ним.

ГЛАВА 5

«НИ ОДНОЙ ПУШКИ! НИ ОДНОГО ПЛЕННОГО!»

I

Между Вейсенфельсом, где прозвучали первые выстрелы, и Бреслау, где спустя тридцать четыре дня завершился первый этап этой кампании, протекают десять рек. Три из них даже в это время года представляют собой широкое водное пространство, остальные — притоки Заале и Одера — можно перейти вброд. Французская армия пересекла все эти реки и речушки. Победоносные, но голодные и усталые ветераны и новобранцы под командованием величайших командиров века, чья слава, добытая в боях, поколения спустя стала легендарной. Кирасиры, драгуны, пикадоры и гусары, стремительные и грозные артиллеристы с шомполами и ершами*, усатые гренадеры Императорской гвардии и конскрипты, сгибающиеся под тяжестью амуниции, — вся эта армия двигалась на восток. Но движение ее было слишком медленным и неповоротливым, чтобы настичь армии царя Александра и Фридриха Вильгельма Прусского, отступавших к границам Силезии под прикрытие северного отрога Богемских гор, за которыми виднелась уже австрийская граница. На кровавой равнине Люцена Наполеон был триумфатором, но эта столь необходимая ему победа истощила его армию. Ему нужна была победа, равная по масштабу Аустерлицу; этот второй Аустерлиц должен был, как и первый, потрясти Европу, повергнуть ее в шок и снова подчинить человеку, который лишь несколько недель назад был похож на поверженного гиганта, окруженного со всех сторон

* Имеются в виду банники — приспособления для прочистки пушечных стволов.

врагами и предателями. В то время как три великие армии совершали свои смертоносные маневры по необъятной центральной равнине Европы, на всем пространстве европейского континента все находилось в состоянии предобморочного ожидания — и те, кто сохранял нейтралитет, и те, кто подчинялся французскому диктату. Курьеры мчались от одной европейской столицы к другой с предложениями и контрпредложениями. В стане союзников по антинаполеоновской коалиции царили в эти дни уныние и всеобщая раздражительность. При дворах германских принцев и герцогов общее настроение было мрачным и растерянным. В Вене Меттерних продумывал различные возможности, пытаясь обезопасить себя от непредвиденных обстоятельств в случае нового возрождения Наполеона. В Штральзунде, где бывший маршал Бернадот ожидал британских субсидий, витал дух озабоченности — не является ли этот шаг опрометчивым и не ставит ли шведский принц не на ту лошадь.

Результат великой битвы при Люцене имел более политическое, нежели военное значение. Он привел к тому, что решения правителей Европы были скорее отложены, нежели приняты. Люцен явил призрачную надежду, как для французов, так и для союзников по коалиции. Армии встретились в прямом сражении и проверили силу друг друга. Но, несмотря на то что две армии теперь отступали, а третья преследовала, все три были в боевом порядке, и каждая получала подкрепления, латая брешы, образованные после того, как артиллерийские залпы, кавалерийские наскоки и атаки пехоты усеяли горящие деревни и равнины Саксонии мертвыми телами. Австрия, лихорадочно перевооружающаяся, оставалась потенциальным посредником. Швеция, с ее хорошо обученной армией, все еще не решалась встать ни на ту, ни на другую сторону. Веллингтон и его проверенные в боях британцы и португальцы продолжали продвижение по Пиренеям. Определенности не было нигде; и ее не будет до тех пор, пока равнины Саксонии не оросятся кровью полумиллиона человек.

Итог сражения при Люцене явился событием, разрешившим все сомнения только для одного человека, короля Саксонии. Это был уникальный представитель из ряда германских марионеточных королей, посаженных на трон Наполеоном, поскольку относился к французскому императору не как к деспоту или покровителю, а как к другу.

Когда русско-пруссские войска вошли в столицу его страны, король покинул Дрезден и бежал в Прагу, предоставив своим подданным честь встречать освободителей. Но теперь саксонские бюргеры оказались в том же положении, в каком совсем недавно были граждане Гамбурга. Человек, которого они считали беженцем, изгнанником, теперь стоял у ворот столицы государства во главе победоносной армии. Разбитые освободители отступали назад к Эльбе и Шпрее и далее на Бауцен, где им предстояло окопаться, укрепить вокруг города фортификационные сооружения, немного отдохнуть в лесистых холмах его окрестностей и затем покинуть их, уйдя в Богемские горы. Маршал Макдональд, вырвавшись немного вперед со своим девятым корпусом, пересек с помощью лестниц разбитые мосты через Шпрее. Евгений, написав чрезвычайно вежливое письмо королю Саксонии и извинившись за то, что «ведет войну на территории королевства Его Величества», последовал за Макдональдом. Следом за Евгением на другой берег Шпрее перешли остатки Великой армии, две ужасающие противника силы — одна под командованием маршала Нея, другая — самого Наполеона, который вошел в Дрезден 8 мая 1813 года, шесть дней спустя после победы при Люцене.

Огромные потери заставили Наполеона полностью перегруппировать свои войска у Майна и Эльбы. Северная группа Нея состояла из второго, третьего, пятого и седьмого корпусов, ведомых маршалом Виктором и генералами Лористоном и Ренье, и насчитывала 80 000 пехоты и 4800 кавалерии. Наполеон, продвигающийся вперед по более южному пути, возглавлял Гвардию, гвардейскую кавалерию, четвертый, шестой, девятый и двенадцатый корпуса, соот-

ветственно руководимые генералом Бертраном, маршалами Мармоном, Макдональдом и Удино. Среди них были пер-воклассные солдаты с двадцатилетним опытом активной службы. Эта армия поддерживалась кавалерийскими силами в 12 000 всадников, а ее пехотные ряды насчитывали 107 000 человек.

Несмотря на временное численное превосходство своих войск, Наполеон все еще надеялся на компромисс, компромисс, которого можно было бы достигнуть с минимальными территориальными и моральными потерями. Имея в виду именно это, он пригласил австрийского эмиссара в свой лагерь и послал своего испытанного дипломата, Коленкура, к русскому царю. Он думал, что нерешительность Австрии и разногласия в стане союзников можно будет использовать с пользой для Франции.

Но эти надежды были слишком оптимистичны. Даже жестоко разбитые на полях Люцена, враги не желали признавать победу Наполеона, а Меттерних, играя на неопределенности положения, продолжал требовать невозможную для Франции цену за австрийский нейтралитет — реставрацию правления Дома Габсбургов над Иллирией и Далмацией на Адриатике, уход Франции из Польши и Нидерландов, а также предоставление независимости ганзейским городам на севере. Эта цена была слишком высокой, во всяком случае, выше, чем та, которую Наполеон готов был заплатить даже в случае поражения, поэтому переговоры стали лишь упражнением в ведении дипломатических бесед.

В лагере русских, недалеко от Бауцена, Коленкур не удостоился даже аудиенции царя, поскольку дипломаты продолжали настаивать на том, чтобы все мирные переговоры проходили через Австрию. Трещины в отношениях союзников были пока что не столь широки и глубоки. Впрочем, Наполеон, оценив настоящее положение в Дрездене, решил, что еще одна, теперь уже бесспорная победа на поле боя решит все его проблемы, вызовет раскол новой коалиции, и его основной противник, Британия, будет изолирована в третий раз,

начиная с 1800 года. С этой целью он изучил военные карты и определил дальнейший путь своих батальонов. Если бы ему удалось разгромить русско-прусскую армию у Бауцена, он смог бы диктовать свои условия так же, как диктовал их в Тильзите в 1807 году, а затем летом 1809 года после Ваграма. Под давлением с северо-запада армии Даву и натиском в центре его собственных сил союзникам не осталось бы ничего другого, как отступить на территорию Австрии, и тогда двойная игра его тестя закончилась бы. Если Австрия останется нейтральной, тогда отступившая армия противников Наполеона должна быть разоружена. Если этого не произойдет, если Меттерниху удастся склонить сомневающегося Франца к войне, тогда Гвардия Наполеона неумолимо обрушится на Вену, и вся Европа, включая Швецию Бернадота и немецкие княжества, будет повержена к ногам французского императора. Если это произойдет, Европа снова станет управляемой, а французские ветераны смогут вернуться на свои боевые порядки в Испании и отбросить Веллингтона в Португалию. Еще одно усилие французов, и эти благоприятные возможности станут реальностью. Династия будет спасена, а триколор станет развеиваться на всем пространстве от Вислы до Торриж-Ведраш*. Нею был отправлен приказ отделить два корпуса для движения в направлении Берлина, а остальные войска сконцентрировать у Бауцена. Тем временем сам Наполеон с Гвардией и четырьмя корпусами вышел из Дрездена, направляясь на восток к Шпрее.

II

Принц Евгений, вице-король Италии, написал своей любимой жене Августе, дочери короля Баварии, письмо, в котором говорил, что ждет назначения, которое на месяц оторвет

* Так назывались три линии мощнейших оборонительных сооружений около Лиссабона. Первые две длиной 29 и 24 мили закрывали выходы к устью реки Тежу и морю, а третья позволяла в случае необходимости сесть на корабли в любую погоду. «Простираясь от Альверсы... до моря, они охватывали Лиссабон в круг, весь состоящий из батарей, насыпей, траншей и фортов. Повсюду виднелись амбразуры... подступы к Вилли-Франка закрывали земляные укрепления... а на дорогу были нацелены 24-фунтовые пушки», — писал очевидец.

его от теперешнего места, и что назначение это должно быть получено в течении восьми дней. На деле его отлучка длилась два месяца, поскольку после того, как он прибыл в Дрезден, его послали в Италию для набора новой армии. В этот момент Наполеону требовались не только люди, ему нужна была эффектная демонстрация своих возможностей, поэтому он всячески давал понять своему пасынку важность его миссии. «Набор должен производиться открыто, — сказал он, — и пусть Австрия узнает о всех твоих действиях». Новая Итальянская армия, набранная у самых западных границ Империи Габсбургов, должна была удерживать Меттерниха от нарушения нейтралитета до тех пор, пока судьба Европы не решится на берегах Шпрее. Несомненно, это был замечательный политический шаг, но, сделав его, Наполеон скоро совершил психологическую ошибку, которая стоила ему всей кампании.

Не доверяя стратегическому таланту Нея, Наполеон послал в его распоряжение швейцарского военного теоретика, генерала Жомини. Учитывая темперамент Нея, это было чрезвычайно бестактным решением. Ней не питал нежных чувств ни к одному теоретику войны, что же касается Жомини, то никто не мог столь нервировать его, как он, поскольку этого человека Ней давно уже невзлюбил.

Когда-то отношения между ними были очень близкими. Именно Ней приблизил к себе Жомини и учился у умного и расчетливого офицера, который торговал военными знаниями в лагерях французов во время Консулата. Позже они вместе работали в Швейцарии, а еще позже, когда планировалось вторжение в Англию, Жомини был начальником штаба Нея в Булонских десантных силах. Но с этого времени маршал и генерал несколько раз крупно поссорились, и теперь Ней считал присутствие Жомини укором себе, сомнением в своей способности самостоятельно командовать войсками. Всегда ревностно относящийся к своей репутации военного, Ней был до крайности раздражен этим назначением. В критические дни, которые вскоре наступили, это его раздраже-

дые серьезно откликнулись на результатах военных действий его соединения.

Полагаясь на поддержку левого крыла Нея, главные части Великой армии достигли Шпрее, где Макдональда с авангардом Гвардии уже изучил силу позиций русско-прусских войск. Ожидая прибытия Наполеона, он решил обмануть врага, представив свою группу в качестве основной французской силы. Его маневры вызвали многочисленные выстрелы с левого берега реки, которые не принесли французам никаких потерь, но открыли расположение сил противника. Усиленные в Бауцене 16-ю тысячами русских войск под руководством Барклая-де-Толли и 11-ю тысячами пруссаков под командованием Клейста, союзники ожидали в своих укреплениях, создавая лишь видимость обороны, когда французская разведка обследовала их позиции. Это произошло 19 мая, семнадцать дней спустя после сражения при Люцене и через двадцать один день после того, как произошло первое столкновение противников в Вейсенфельсе.

Атакующий план Наполеона отличался той простотой, которая присуща всем великим предприятиям. Наполеоновская стратегия не была усложнена ни в замысле, ни в реализации. Чаще всего это был тщательный отбор атакующих позиций, определение средств для развития этих атак и выведение главных сил противника из равновесия на слабейшем секторе их расположения. Но во всех великих сражениях Наполеона одним из главных факторов была внезапность, и никогда еще этот фактор не имел такого значения, как здесь, у Бауцена, 20 и 21 мая 1813 года. Здесь все факторы, кроме времени, можно было спланировать, а единственное упущение исходило из двух более ранних ошибок. Одна ошибка — это неправильное вычисление дистанции, за которую несет ответственность вместе с Наполеоном начальник штаба Бертье. Вторая — это императорское назначение Жомини в качестве советника Нея. Эти сравнительно незначительные ошибки при хорошо продуманном во всех остальных отношениях плане оказали на историю XIX века непропорционально большое влияние.

Нею были посланы приказы, инструктирующие маршала относительно направления двух корпусов (Виктора и Ренье) для создания угрозы Берлину. С оставшимися войсками Ней должен был идти к правому флангу союзных армий в Вайсенберг, маленький городок в тылу правого крыла противника французов. Ему было предписано при этом остановиться в Прейтице, пункте, расположенном в нескольких милях от Вайсенберга, и координировать свой спуск на пруссаков отсюда в соответствии с ходом центральной атаки Наполеона из Бауцена. Если бы этот план удался — а не было никаких особых причин помешать этому, — вся русско-пруссская армия была бы оттеснена на территорию австрийской Богемии, местность, губительную для армии на марше. Поскольку Австрия на данном этапе и была не в состоянии, и не имела желаний помогать им, единственным исходом из этого отступления могло быть немедленное заключение мира на французских условиях. Не было бы ни Лейпцига, ни Святой Елены.

Но план Наполеона провалился, и провалился он вследствие того, что Ней совершенно не понял приказа императора относительно той части его войск, которая должна была направиться на Берлин. Когда Ней получил эти новые приказы, корпус Ренье находился на отдыхе, а второй корпус Виктора был в Зенфтенберге, в пятидесяти милях от Бауцена. Полученные приказы предписывали обоим командирам соединить свои силы, но к этому моменту, не располагая необходимым временем, Ней имел лишь половину войск в своем распоряжении. Тем не менее, будучи человеком, всегда предпочитавшим идти туда, где звучит артиллерийская канонада, он вышел в 4 часа утра 21 мая и достиг Прейтица через шесть часов. Здесь он столкнулся с предупредительным Блюхером и был вынужден начать бой. Если бы Виктор и Ренье находились рядом, это дало бы французам новое преимущество в сражении. Они могли бы нанести удар по Вайсенбергу, в тыл врага, в то время как Ней и Лористон удерживали бы основные прусские силы, и таким образом, правое крыло

союзников было бы вынуждено соединиться вплотную с центром, на который наступали войска императора. Но Ренье был в тридцати пяти милях от этого места, в Хойерсверде, а Виктор — в пятнадцати милях к северу, в Зенфтенберг. У Нея не было никого, кого можно было бы послать в обход Блюхера, сражающегося с обычным своим упорством и имеющего преимущество в кавалерии. Ловушка, в которую хотел заманить пруссаков Наполеон, не сработала.

Все же у Бауцена положение дел складывалось пока в пользу французов. Первые столкновения произошли здесь 19 мая, а утром 20-го началась главная атака. Маршал Макдональд форсировал реку по быстро отремонтированному мосту через Шпрее, а Бертран и Мармон последовали за ним на плотах и понтонах. Бертрана встретил серьезный отпор со стороны Баркляя-де-Толли, но к 3 часам пополудни сопротивление было преодолено, и союзники начали отход по всей линии, оставляя французам свои укрепления, возведенные вокруг города. К 6 часам вечера сражение прекратилось на день, однако для Наполеона, рассчитывавшего, что на следующее утро он увидит, как Ней прорывает вражеское крыло с севера, эта ночь прошла за военными картами и в рассылке новых оперативных приказов. В 8 часов утра 21 мая, выработав до мелочей планы диспозиции войск, он отдал приказ наступать и лег отдохнуть в своей палатке¹.

Второй день наступления начался для французов даже удачнее, чем первый. Царь Александр, вмешавшись в работу своих генералов, сыграл на руку противнику, поскольку он предположил, что целью Наполеона было движение на север, от австрийской территории, в то время как последний собирался наносить удар так, чтобы союзники отступили на юг, как раз во владения австрийского императора. Александр, словно делая услугу Наполеону, переместил свои главные силы к центру и влево, оставляя Блюхера с очень ослабленными ресурсами на правом фланге. Маршал Удино, чья воинская репутация уступала только Нею (он был ранен тридцать че-

тыре раза за время наполеоновских войн), нанес сильнейший удар по центру силами Гвардии, его поддержали Макдональд, Бертран и Мармон. Этому напору ничто не могло противостоять, и русские начали стремительно сдавать свои позиции. Теперь наступило самое время для Нея ударить с севера и опрокинуть всю союзную линию в Богемское дефиле. Однако Ней не появился на поле битвы. Вглядываясь на север, маршалы не могли разглядеть дыма от выстрелов пушек артиллерии Нея, а Блюхер и не думал отступать от своих позиций к центру под удар главных сил Наполеона. Вместо этого было заметно общее отступление назад. Под натиском противника союзники отступали не на юг, как этого добивался Наполеон, но прямо на восток, к Гёрлицу на реке Найссе (Нисе).

III

Впрочем, еще до того, как Ней не смог захлопнуть ловушку, ему помешал тот факт, что его армия оказалась ослабленной из-за отделения Ренье и Виктора на дальнем берегу Шпрее. В это злосчастное утро он пребывал в мрачном расположении духа, и он не нашел ничего лучше, как отразить свое настроение в точном соблюдении приказов, уже к этому времени устаревших. Это было одним из самых неразумных поступков, который мог совершить человек, независимо командующий частью уже вступившей в сражение армии. Требовалось точное взаимодействие всех сил для разгрома врага. Наполеон советовал ему атаковать днем, но когда Жomini предложил, ввиду создавшейся ситуации близкого разгрома центра противника, поддержать общее наступление и бросить в бой все силы пехоты и артиллерии раньше этого срока, Ней отказался. Много лет назад, в 1806 году во время Йенской кампании, Нея упрекнули в том, что он излишне торопится с принятием решений, и, возможно, он вспомнил в тот миг эти упреки. Однако с гораздо большей долей уверенности можно предположить, что его отказ был следстви-

ем нежелания принимать советы навязанного ему сверху швейцарского помощника. Он придерживался первоначального приказа, все более и более втягивая свои войска в сражение с Блюхером, но наконец даже этот стойкий генерал, не наделенный особым даром предчувствия, стал понимать план Наполеона и начал готовить общее отступление. Глядя на юг, он мог видеть успешное продвижение войск Удино на левом фланге и в центре, и ему стало предельно ясно, что единственной надеждой избежать полного разгрома было отступление с максимально возможной скоростью к Найссе. Для Блюхера, который ненавидел любое отступление своих войск, это не было легким решением. Всем своим существом он ненавидел Францию, а все его понятия о стратегии сводились к яростной атаке по фронту, так что при жизни Блюхер получил прозвище «генерал Вперед!». Но в данной ситуации альтернатив у воинственного полководца не было. Ему необходимо было выйти из боя и отойти назад, и он, в отличие от своего противника, мог это сделать, поскольку преимущество в кавалерии было на его стороне. Он отошел, и русский центр и левый фланг начали отход вместе с ним, двигаясь на восток вдоль австрийской границы по направлению к Силезии. Поздно вечером поле боя оказалось в руках французов, но что они могли сделать с этой выигранной в сражении землей? Пехота была обессилена. Не хватало кавалерийских сил, способных быстро преследовать разбитого врага, как это было в сражениях при Йене и Аустерлице. Все, чего они смогли добиться на следующий день (22 мая), это послать в погоню гвардейскую кавалерию под командованием генерала Брюйера. Но артиллерийская батарея, прикрывавшая отход союзников, двумя удачными выстрелами остановила это преследование.

Первое ядро смертельно ранило Брюйера, замечательного кавалерийского командира, который однажды за четыре года до этого уже был серьезно ранен в схожей ситуации при Ваграме. Второе ядро принесло еще более значительные потери. Скрикошетив от дерева, оно убило генерала Кирченера и вмес-

те с ним свалило на землю гофмаршала и церемониймейстера императорского двора Дюрока, одного из старейших и любимейших товарищей Наполеона в его военных кампаниях.

Из всех легендарных имен Великой армии Дюрок был наиболее привлекательной фигурой. Приветливый, с прекрасными манерами, предельно преданный и при этом отчаянно мужественный и честолюбивый. Еще со времен первой Итальянской кампании Дюрок был любим и уважаем буквально каждым человеком в штабе Наполеона. Умиравшего Дюрока перенесли на маленькую ферму и вызвали Наполеона. В течение трех последних дней на поле боя сложили свои головы около двадцати тысяч человек, но ни одна смерть не опечалила Наполеона в такой степени, как смерть Дюрока. Хирург сказал, что надежды на то, что Дюрок выживет, нет, и император вышел из помещения. «Не спрашивайте меня ни о чем до завтрашнего дня», — проговорил он и скрылся в своем шатре. В первые часы 23 мая Дюрок умер, и Наполеон заплатил сумму, равную 800 фунтам стерлингов, владельцу фермы, где лежало тело умирающего маршала, с тем чтобы пятая часть этой суммы пошла на возведение здесь мемориала Дюрока. Остальная часть служила компенсацией за ущерб, нанесенный ферме во время сражения. Тело Дюрока вместе с телом другого популярного в армии воина, маршала Бессьера, убитого при Люцене, было перевезено во Францию для захоронения на кладбище Инвалидов. Что касается денег, отданных Наполеоном на возведение мемориала и восстановление фермы, где умер Дюрок, то они перешли в карманы союзников той же осенью.

Смерть друга была столь тяжелой потерей для Наполеона, что это удивило тех людей, для которых война была ремеслом, начиная с юности, и они с недоумением приняли его решение временно прекратить боевые действия. Но все же сначала Ланн в битве при Эйслинге в 1809 году, затем Бессьер в сражении у Люцена, теперь Дюрок, — состояние императора можно было понять. Старые товарищи по Итальянской кампании умирали все чаще, и, оставшись в жи-

вых, прибавив еще одно имя к числу горьких потерь ради очередной ничего не решившей победы, Наполеон, возможно, решил, что настало время перейти с полей сражений за стол переговоров.

Тем временем Великая армия продвигалась на восток. Наполеон издал мрачный приказ: «Ни одной пушки, ни одного пленного! От этих людей не должно остаться и ногтя!» Удивительно собирал своих людей для броска на север, к Берлину. Другие, объединившись с Неем, пересекли реку Кацбах у Яуера, в то время как союзники откатились назад, к Бреслау на Одере. 29 мая пришли новости от Даву и Вандама, которые снова захватили Гамбург, и 1 июня, в день своего вступления в Бреслау, Наполеон решил принять предложение о перемирии до 20 июля, позже продленное до 16 августа, с целью подготовки всеобщей мирной конференции в Праге.

Во время финальной стадии французского продвижения армия прошла через деревню, в которой в апреле умер русский генерал Кутузов, «Старая лиса Севера», как называл его Наполеон. Наполеон всегда оказывал уважение достойным противникам, и хотя Кутузов больше, чем кто-либо другой из противников на полях сражений, стал причиной его ухода из Москвы и тяжелого отхода к Неману шесть месяцев назад, император не озлобился на врага, а приказал соорудить мемориал в честь Кутузова.

Для младших офицеров, сержантов и солдат, устало двигавшихся вслед за отступающим противником по солнечным дорогам, обочины которых были усеяны цветами, перспективы перемирия были более чем желательны. Капитан Барре из 3-го батальона 47-го полка шагал в это время довольно радостно. 18 мая в Борне, около Люцена, его попросили составить список солдат, достойных награды, а сам он стал кавалером ордена Почетного Легиона* под номером 35505.

* Почетный Легион и его награды были созданы Наполеоном 19 мая 1802 года. Почетный Легион состоял из 16 когорт, в каждой из которых было по 7 высших офицеров, 20 командоров, 30 офицеров и 350 легионеров; орденов было пять видов, от простого солдатского до высшего офицерского креста.

Этой награды добивались многие в Великой армии, и цена ее в то время не была еще девальвирована несправедливым распределением. «Никогда еще награда не приносила мне столько радости», — записывал этот человек.

Барре был одним из тех, на чью долю в сражении при Бауцене выпали самые тяжелые испытания. Ему пришлось штурмовать стены города при отсутствии лестниц, во всех перипетиях боев 21 и 22 мая его подразделение было в самой гуще событий, под яростным обстрелом вражеской артиллерии, и потеряло еще двадцать одного человека убитыми и ранеными. Барре повезло, он остался невредим в этом сражении, и судьба позволила ему благополучно добраться до городка Яуер на восточном берегу Кацбаха, где ему неожиданно выпал светлый проблеск в тяжелой походной жизни. Барре служил в рядах Великой армии в течение девяти лет, находясь то на марше, то в сражении. За это время его нос стал способен улавливать запах добычи на довольно большом расстоянии. Однажды Барре обнаружил некий сверток, из которого исходили какие-то звуки. Он открыл сверток и обнаружил в нем крупную связанную индейку. Для Барре и его товарищей эта находка была не менее желанной, если даже не более, чем победа на поле боя. Нашлись знатоки кулинарии, были собраны необходимые ингредиенты и приправы, после чего разбили временный бивуак. Вскоре маленькая группа усталых солдат уже сидела и наслаждалась лучшей пищей, которую им довелось есть с того времени, как они покинули Париж, прекрасный ужин, который они запили несколькими бутылками замечательного Моравского вина. «Удовольствие от того, что ты мирно сидишь со своими товарищами и ешь совместными усилиями приготовленную пищу, — комментировал этот эпизод Барре, — заставило провести нас в этом месте несколько часов спокойствия и радости, столь редких в военное время».

Во всех письмах, дневниках, мемуарах солдат целые страницы посвящены подобным маленьким радостям. Это ясно показывает, насколько далека от совершенства была интен-

дантская служба наполеоновских армий. По большей части солдатам приходилось самим добывать себе еду и фураж. Тот факт, что французы могли воевать и совершать длительные и утомительные марши и при этом сами добывали себе пропитание по дороге, подтверждает шутка, ходившая в то время по Европе: «Где проходит Великая армия, голодают даже крысы».

Саксония была очищена и временная передышка получена, но какой ценой? На всем пути между Заале и Одером лежали могилы погибших, более 100 тысяч человек, 40 тысяч из которых были французами. Госпитали в Вейсенфельсе, Люцене, Лейпциге и Дрездене были заполнены таким же количеством больных и раненых. Русские и прусские войска пострадали еще больше, но их потери могли быть восстановлены с помощью колонн, марширующих с востока, из России, и за счет патриотического движения, охватившего Германию, где молодые люди с готовностью записывались в армию в непосредственной близости от расположения союзных войск. Линии французских коммуникаций шли по пути от Дрездена и Лейпцига к Майнцу и пограничным складам на Рейне. Франция непрерывно воевала, начиная с 1793 года. Требование передышки было необходимостью, и цели перемирия должны были быть достигнуты не с помощью запугивания, но как результат побед этой ничего не решившей кампании. Тогда можно было бы осмотреться и найти новые возможности усиления разногласий между Россией, Пруссией и Австрией. Войска встали на бивуаках. Дипломаты собрали свои портфели и выехали в Прагу. После четырех недель сражений наступили десять недель разговоров.

ГЛАВА 6 «СОМНИТЕЛЬНОЕ ДОЗВОЛЕНИЕ СУЩЕСТВОВАТЬ»

I

Перемирие, разделившее две Саксонские кампании, продолжалось пятьдесят дней, и в течение этого периода из дипломатического багажа были извлечены все старые уловки и трюки. Все пятьдесят дней, зачастую и ночами, дипломаты торговались и блефовали с энтузиазмом, какого не наблюдалось с тех пор за переговорным столом до того времени, пока силы Антанты не собрались в Версале сто шесть лет спустя. Это было замечательное и волнующее событие, особенно в качестве испытания взаимного терпения и изобретательности. И в силу проявления полнейшего взаимного недоверия, а также постоянного ведения двойной игры, оно должно было привести всех даже искренне стремящихся к миру людей к мысли снова вернуться на поля сражений.

Осью, вокруг которой вращались события на этой конференции, была Австрия. Решится ли она объединиться с союзниками, получив от англичан полмиллиона чистого золота и сыграв на своей способности сдерживать амбиции России и отодвигать создание Германской империи? Предпочтет ли она выжидательную позицию, которую занимала до сих пор, оставив Наполеона и его противников на востоке и севере договариваться между собой самостоятельно? Или она захочет приобрести территориальные выгоды присоединением (или угрозой присоединения) к Франции, чтобы помешать России и Пруссии заполнить вакуум власти, который останется после развала Французской империи? Этого не мог

знать ко времени открытия конференции никто; ни Наполеон, ни царь, ни король Пруссии, ни британские посланники и агенты, ни даже сам Меттерних. События были похожи на большую и сложную карточную игру, в которой каждый игрок скрывал то, что казалось ему сильной картой. Результат зависел от того, кто сделает первым ошибочный шаг, и от того, чьи нервы не выдержат первыми в этом испытании на умение скрывать свою игру.

На протяжении всего девятнадцатого века было принято рассматривать кампанию 1813 года как войну за освобождение. Силы коалиции представлялись в официальной историографии как силы, выступающие против человека, чьи амбиции дошли до границ безумия. Но после падения династий Романовых, Гогенцоллернов и Габсбургов в 1917 и 1918 годах получение свободного доступа в архивы привело исследователей и историков к более правильному пониманию этой давней войны. Стало очевидным, и эта очевидность с тех пор все более укрепляется, что большинство из тех государственных деятелей, которые принимали участие в запутанной игре, развернувшейся в комнатах, выделенных для проведения конференции в Масколинском дворце Дрездена, и после, в Праге, делали вовсе не то, что им приписывали затем учебники истории. Они не были рыцарями, которые согласились поступиться своими личными интересами и интересами своих правителей с целью остановить мегаломаньяка. Это были профессиональные махинаторы, заботящиеся исключительно о достижении своих личных целей и стремящиеся или улучшить свое личное положение, либо сделать личную карьеру. Что же касается общей цели, если такая и вообще была, то ею можно назвать стремление восстановить в Европе старый порядок, где все решали аристократические привилегии, а богатство само по себе значило очень мало.

На этом фоне цели Наполеона, в одиночку сдерживавшего натиск противников, можно назвать демократическими в современном понимании этого термина. Конечно, если прочитать некоторые из его писем, отправленные в это время,

можно увидеть, что и он был не менее эгоистичной личностью, чем его противники. Но в его оправдание, по крайней мере, можно сказать, что он гораздо более думал о будущем, чем о прошлом, и в большей степени стремился использовать возможности, открываемые человечеству новым веком, нежели оживить старый век, к лету 1813 года уже умерший. Размышляя во время своего изгнания на острове Святой Елены, Наполеон говорил: «Они даровали мне сомнительное дозволение существовать...» В качестве примечания к этому горькому выводу он добавил, что в то время как законный монарх может иметь надежду выжить после двадцати поражений и снова занять свой престол, столь бесславное завершение войны за пределами своего государства совершенно неприемлемо для «солдата-высочки». Наполеон очень хорошо понимал, что Франция жаждет мира, но не видел возможности для длительного мира, подписанного твердолобыми людьми, которые сидели напротив него за столом переговоров, и в этом история подтвердила его предчувствия. Даже через девять месяцев после этого перемирия, после отречения Наполеона, разногласия между Россией, Австрией, Францией и вновь образованной Пруссией ничуть не смягчились. По сути дела, эти противоречия остались до сих пор, после целого столетия взаимных репрессий, после двух мировых войн и множества мелких конфликтов, им предшествовавших. Мечта об объединении Европы, которая вдохновляла европейское завоевание Наполеона, стала близкой только в наши дни, когда состоялось Совещание в Риме*, и цена этого объединения остается все той же — гегемония Франции де Голя.

В сердце перемирия Дрездена и Праги находились ревность и недоверие. Поскольку Австрия не пострадала ни в суровой компании 1812 года, ни в последующей, завершившейся только что в Бауцене, ее позиция была более сильной, чем десятилетие назад, и она использовала это свое преимущество с безжалостной эффективностью. Ее 200-тысячная

* Речь идет о серии соглашений, подписанных в Риме в марте 1957 года, которые утверждали создание Европейского Экономического Сообщества и Европейского Сообщества по атомной энергии.

армия, сосредоточенная в Богемии, была козырной картой в этой европейской игре. И когда Меттерних встретился с посланниками России и Пруссии 24 июня (спустя три дня после того, как он в Дрездене не смог договориться с Наполеоном), именно он, а не воюющие страны, задавал тон. Его предложения сводились к шести основным пунктам, жесткость которых исходила из страха Австрии перед тем, что Наполеон может использовать период перемирия на восстановление баланса сил, который был достигнут им в Тильзите, и привести все к разделу Европы между Россией на востоке и Францией на западе. Этот страх был небезосновательным. Русские, отбросив остатки Великой армии со своей территории, были близки к решению предоставить Западной Европе самой решать свои проблемы. Если бы это случилось, у Австрии оставалось бы немного шансов поучаствовать в решении судьбы Пруссии, поскольку вероятность того, что царь отойдет в свои владения и не станет впутываться в конфликт в непосредственной близости от своих границ, была очень высока.

Британские агенты, впрочем, усердно занимались тем, что раздавали крупные взятки нужным лицам, тем более что и в русском стане среди военных росло искушение дать Франции, а в особенности Парижу понюхать дым пожара, который Наполеон уже имел возможность вдохнуть, когда летом прошлого года находился в Москве. Но Британия, несмотря на свои успехи на море и в Испании, все еще не желала влезать с головой в кипящий европейский котел, полагая сделать это только в том случае, если баланс сил, за которым она внимательно наблюдала не одно столетие, перестанет ее удовлетворять совершенно. А роль Пруссии в этом водовороте политических и дипломатических интриг была сравнительно невелика. Еще одной ставкой в этой игре было старинное Польское королевство, которое, несмотря на многочисленные полуобещания Наполеона, так и не было воссоздано.

Исполнение шести пунктов Меттерниха должно было привести к реставрации прежнего лидирующего положения

Австрии в Европе. Они включали расформирование Герцогства Варшавского (Польша), приращение Пруссии за счет части Польши и Данцига, восстановления австрийского владения в Иллирии и Триесте на Адриатике, независимость ганзейских городов на Балтике, разгон Рейнской конфедерации и, наконец, восстановление западных границ Пруссии 1806 года, до разгрома антинаполеоновской коалиции в битве при Йене.

По сути дела эта программа означала не более, как требование к Франции вернуться в свои естественные границы, за Рейн, Альпы и Пиренеи. По поводу французского присутствия в Италии, вопрос о котором не ставился как отдельная тема, Наполеон вполне справедливо заметил, что любой мир, не принимающий это положение дел, будет неизбежно временным. Последующие требования Австрии на Венском конгрессе и ее долгое тираническое правление в Венеции и в других областях Италии подтвердили это высказывание Наполеона. Лишь поколение спустя в результате новых кровопролитий Австрия оставила в покое Итальянский полуостров.

Было ясно, что никто и не ждал, что Наполеон примет условия, выдвинутые Австрией. Ни один победитель не принял бы подобных условий, и уже до того, как их выдвинуть, Меттерних знал, что они будут отвергнуты. Наполеон, играя свою игру и не надеясь на то, что ему удастся удержать Австрию от вступления в коалицию или хотя бы сохранить нейтралитет, предполагал оставить вопросы относительно Варшавы, Иллирии и Данцига открытыми.

Поскольку каждый из них измерял своего противника правильной мерой, даже в этих условиях некоторое понимание между этими двумя людьми все-таки могло быть достигнуто — если бы на исходе конференции из Испании не пришли свежие новости. 21 июня, спустя всего семнадцать дней после заключения перемирия, пришли известия о том, что король Жозеф потерпел от Веллингтона сокрушительное поражение при Витории. Теперь он был уже не королем в

чужом королевстве, но беженцем, пробирающимся обратно во Францию и преследуемым Веллингтоном и его армией. Этот бюллетень дал щелчок по носу всей французской дипломатии. После получения этих сенсационных новостей отношение Австрии стало гораздо более жестким, а русско-прусское руководство приободрилось и решило извлечь из этой ситуации максимум выгод для себя. Наполеон, который прекрасно понимал значение разгрома при Витории, надиктовал целый поток полных желчи писем своим представителям в этом регионе, после чего предпринял то, что ему казалось единственно верным для предотвращения проникновения Веллингтона во Францию с заднего хода в то время, когда Великая армия сдерживала войска коалиции на восточных берегах Эльбы. Он послал своего лучшего специалиста по обороне маршала Сульта принять командование над всеми воинскими формированиями, оставшимися в Испании, одновременно сместив маршала Журдана, и обрушил свой гнев и презрение на Жозефа, которому было запрещено появляться в Париже.

II

Последствия разгрома при Витории удивили всех, не исключая самих победителей. Англичане ожидали победы и дальнейшего ослабления французских сил, но они не тешили себя надеждами, что одно-единственное успешное предприятие полностью уничтожит столь сильного противника.

4 июня, в день подписания перемирия, Британско-португальская колонна, в составе 81 тысячи человек, сконцентрировалась на севере от реки Дуэро и выступила на северо-восток в направлении рек Карриона и Писуэрги. Под защитой кавалерии армия ветеранов пересекла великую равнину Старой Кастилии. Погода благоприятствовала переходу, и еще до того, как войско достигло своей цели, французам не оставалось ничего другого, кроме отступления по враждебной им территории. Были эвакуированы сначала Вальядолид, затем

Валенсия, Бургос, и линия отступления стала заполняться толпами тех, кто не принимал участия в сражениях, французскими гражданами, испанцами, состоявшими на службе у французов и опасавшимися, что будут задушены патриотами (гаротта — испанская удавка в виде железного кольца, применявшаяся вместо виселицы в отношении дворян, — была традиционным оружием мести), а также многочисленными девицами, которые многие годы обслуживали солдат из французских гарнизонов.

Привычка к мародерству была очень сильна в армии Наполеона, поэтому ветераны из батальонов Журдана, даже отступая, не оставляли те ценности, которые они накопили за пять лет службы в этой враждебной стране. Пестрая кавалькада отступала к реке Эбро, и все эти военные и гражданские беглецы в сопровождении повозок с добычей, шлюх и утнанного скота попали прямо в руки Легкой бригады Веллингтона, которая шла в авангарде каждого британского выступления на территории полуострова, начиная с неудачной кампании сэра Джона Мура зимой 1808 года*.

Наученная и проверенная годами военных действий, пехота Веллингтона не имела равных себе в Европе, исключая разве что Императорскую гвардию Наполеона, но даже Гвардия уступала ей в качестве стрельбы и мобильности. Кроме того, эта пехота продвигалась по территории дружественной ей страны, в перспективе ее ждали победы и общие с испанцами торжества, а не отступление перед превосходящими силами противника, как это было в совсем еще недавнем прошлом.

Среди тех, кто участвовал в этом июне в освобождении от французского господства Испании, был Джонни (позднее сэр Джон) Кинсайд. Он вместе с другими солдатами Веллингтона шел на северо-восток, и его мальчишеский задор вполне отображает тот дух, который царил среди младшего офицерского состава Испанской армии. Он записывает в дневнике:

---

* 21 декабря 1808 года Джон Мур атаковал французов при Сахагун-де-Кампосе, был разбит и отступил в Корунью.

«Нас приветствовали в каждом городе и в каждой деревне, через которые проходили наши войска. Крестьянские девушки с гирляндами цветов танцевали для нас свои странные национальные танцы». Но далее он делает не столь веселое приращение, говоря, что в то время как молоденькие сеньориты развлекали воинов одного полка, солдаты другого старательно разбирали на дрова их дома!

Таким образом, находясь к победе гораздо ближе, чем за все время этой долгой войны, британцы столкнулись с отступающими французами, командовал которыми вместо маршала Журдана сам король Жозеф. Финальное испытание силы противников произошло на равнине размером примерно двенадцать на семь миль, в долине реки Витория у подножия Пиренеев. Армия в 58 тысяч потерявших всякий боевой дух французов была вынуждена сражаться с тремя колоннами, насчитывавшими 80 тысяч англичан, португальцев и испанцев, которые знали, что своими руками могут положить конец пятилетней войне.

Безусловно, для Британии это было моментом торжества, кульминацией всех многолетних безуспешных попыток. А для короля Жозефа — лишь последней попыткой избежать гнева своего брата-императора. Армия, которая противостояла французам в этот солнечный июньский день, была лучше вооружена и экипирована, лучше обучена, и дисциплина в ней была на более высоком уровне, пожалуй, даже на самом высоком уровне, какой только бывал у британских войск на полях сражений. Да и в дальнейшей истории у этой армии не было последователей в течение ста лет, когда Британские Экспедиционные Силы, пытаясь удержать проход легионов Ван Клюка через Бельгию, погибли практически до последнего человека в кровавых битвах при Монсе, Шато-Тьерри, Ипре и на Лисе*.

В бесконечных войнах сначала с революционной, затем с императорской Францией британские наземные операции были по меньшей мере безуспешными, проводились, как

* Сражения Первой мировой войны (1914–1918 гг.).

правило, неумело, в полном контрасте с блестящими успехами Англии на море. Но, твердо закрепившись на Испанском полуострове, ее сухопутные силы все же смогли стать постоянной и грозной армией. В Бусако, Талавере, Альбукерке, Барросе, Сьюдад Родриго, Бадахосе и особенно в Саламанке одиннадцать месяцев назад эта армия показала свое превосходство в умении стрелять и в маневренности по отношению ко всем бывшим в Испании армиям французов. Ее практика стрельбы по мишеням была организована намного серьезнее, чем в любой армии мира, и ее вели в сражения офицеры, которые (несмотря на то, что считали своих подчиненных сборищем воров и пьяниц) были полны доверия и уважения к своим солдатам. И последние сражались во всех битвах как герои, невзирая на все трудности, которых было немало. Рядом с Веллингтоном в эти дни находились такие военачальники, как огненный Том Пиктон (он погибнет у Ватерлоо два года спустя), сэр Томас Грэхем, классический портрет жены которого написал Гейнсборо, сэр Роуланд Хилл, герой множества отчаянных вылазок в горных долинах Сьерры, Георг граф Далузи, сэр Лоури Коул, Ванделер и многие другие люди чести. Социальный барьер между старшими офицерами и солдатами в Британской армии был несомненно непреодолимым, и когда сравнивают положение британских солдат с тем братством, которое существовало между маршалом Неем и его ветеранами, всегда поражаются тому, что Британская испанская армия сражалась под огнем противника с таким упорством и единодушием. Но за пять лет кампании в Испании и Португалии английский солдат научился ценить и своих противников. К концу войны можно было видеть в их войсках тот же дух взаимоуважения и терпимости между воюющими сторонами, который позже можно будет увидеть на полях сражений на Западном фронте, а еще позднее — между войсками армии Монтгомери и Африканского корпуса Роммеля*. Британцы невысоко оценива-

* Имеется в виду сражение между англичанами и немцами в Северной Африке, состоявшееся 23–25 октября 1942 г. под Эль-Аламейном, где Монтгомери нанес поражение немецким войскам под командованием Роммеля.

ли умение французских стрелков (учеба французских новобранцев обычно сводилась к трем выстрелам по пустой мишени), но сталкиваясь с ними в непосредственных боевых действиях, британские пехотинцы всегда имели в виду их изобретательность, лихость, удивительную выносливость и мужество. Между французами и испанцами царила взаимная ненависть, что приводило с обеих сторон к многочисленным вспышкам зверств и садизма, но среди выступавших друг против друга на полях сражений профессиональных солдат подобных примеров потери человеческого облика не было.

Битва при Витории была короткой, внезапной и решительной. Французские силы — 58 тысяч человек — не были сразу сведены генералом Клозелем в стрелковые колонны, и Веллингтон не дал противнику никакой возможности привести свои войска в состояние боевой готовности. На рассвете 21 июня он начал атаку с запада, когда Роуланд Хилл выступил против левого фланга французов по дороге, ведущей в Мадрид, что заставило отойти в этом направлении французский резерв. Позднее началась главная атака по центру и на правом фланге врага, против французских частей, удерживавших мосты через реку Садорра. Эта атака отсекала единственно возможный путь к отступлению, главную дорогу на Бильбао и к французской границе.

Том Пиктон, сражавшийся на британском левом фланге во фраке и цилиндре, бросился в бой с обычным для него задором, как всегда осыпая врага грубыми ругательствами. Он практически без поддержки пересек реку и вклинился в центр противника. К полудню испанские герильясы* отрезали главную дорогу отступления для французов, в то время как Грэхем направил войска против левого фланга, стойко защищаемого ветераном генералом Рейлем. Некоторое время, пока еще оставалась надежда в душах французов, они сражались стойко, постепенно отступая на позиции перед городом, но ярость и почти механический напор британских бригад и хорошо обученных португальских егерей скоро сло-

* Партизаны — от испанского guerrilla — партизанская (повсеместная) война.

мил всякое сопротивление. К пяти часам вечера дисциплинированное отступление превратилось в повальное бегство, пагубное вдвойне, поскольку единственным открытым путем была узкая дорога в Памплону.

То, что произошло этим вечером, полностью похоронило французские надежды в Испании. Видя, что битва проиграна, каждый человек, начиная с короля Жозефа и кончая маркизантом, стал искать пути к собственному спасению. Войска смешались с багажным обозом, и скоро не осталось никаких надежд спасти награбленные сокровища, пушки и припасы. Но на удивление именно присутствие в тылу добычи, большого количества которой союзные войска не видели за всю войну, стало фактором, спасшим французов от полного уничтожения. Пехота и артиллеристы, сражающиеся и рискующие своими жизнями за жалкие гроши, выплата которых при этом еще и задерживалась в течение многих месяцев, не желали упускать столь заманчивой возможности обогатить себя и занялись грабежом обозов. Это дало французам возможность в какой-то степени восстановить сплочение своих рядов и в порядке отступить в направлении Пиренеев. Военные трофеи британцев в тот день составили 151 орудие, 415 комплектов амуниции, около 2 миллионов патронов, более 40 тысяч фунтов пороха, 56 фуражных повозок. Преследователи, однако, уделили гораздо больше внимания другим видам добычи — ящикам с деньгами (в числе которых был огромный запас золота, только что прибывший в армию французов для выплаты содержания войскам), мешкам с драгоценностями, шедеврам искусства, конфискованным французами в испанских замках и монастырях, а также всем тем богатствам, которые отступающие и погибшие воины противника оставили на поле боя и по пути отступления в своих кошельках и ранцах.

Описывая свои приключения в этот вечер с задором и хвастовством школьника, Джонни Кинсайд повествует о захвате кареты, остановившейся на разрушенной снарядами дороге. В ней находился кучер, забравшийся под карету и

молящий господу о спасении, и старик пассажир, скорчившийся внутри самой кареты от приступа подагры и окруженный бутылками с вином и сумками с провизией. «Никогда еще победитель не получал столь законной и полезной добычи, — говорил Кинсайд, — поскольку было уже шесть часов вечера. Очевидно, большим упущением старого джентльмена было то, что он еще не отужинал в этот день, а для нас, не державших ни крошки во рту с трех часов утра, это было справедливостью судьбы. Один из наших людей отбил горлышко у бутылки вина и передал бутылку мне, чтобы я промочил горло. Я произнес тост за здоровье старика и выпил все залпом безо всяких угрызений совести. Это оказался превосходный кларет, и если старый француз еще жив, боюсь, рассказывая эту историю, он вряд ли упоминает о том, что и мы причастились тогда к столь богатой светской жизни, которую он привык вести».

Французские потери в личном составе едва ли превысили 8 тысяч человек, но их моральное поражение было совершенно сокрушительным. Союзники потеряли более 5 тысяч, из которых 1400 были британцами, но и они понесли моральные потери вследствие утраты той четкой дисциплины, которая привела их к победе. Присутствие такого количества военной добычи в некоторой степени деморализовало солдат. «Мы начали кампанию, — писал Веллингтон, — имея армию, в которой царил высочайший порядок, но эта битва, как это обычно и бывает, полностью уничтожила всякий порядок и дисциплину. В руки солдат попало больше миллиона монет, и ночь после битвы, вместо того чтобы отдыхать и укреплять свои силы пищей для предстоящего наутро преследования врага, они провели, рыская по полю сражения и окрестностям в поисках добычи».

Несмотря на временное рассеяние войска, — «Мы потеряли во время преследования больше людей, чем противнику», — ворчал Веллингтон, — шансы Франции укрепиться в Испании были потеряны, и в течение последующего месяца все французские военные контингенты находились у же

по ту сторону границы. Генерал Клозель, один из лучших наполеоновских генералов, которых Наполеон имел в Испании (именно он спас армию, разбитую при Саламанке в 1812 году), сумел пробиться с боями к границе и вывести 12 тысяч своих человек. Остальные злосчастные «дьяволы» остались лежать, умирая от истощения на испанских дорогах, и их счастьем было, если партизаны-герильясы, которые никогда не брали пленных, добивали их, принося быструю смерть. К следующему вечеру после Витории все оставшееся от королевства Жозефа составляли три осажденные крепости и силы Сюше в провинциях Арагон и Каталония, аннексированных Францией год назад. «Ваша славная победа стоит выше всех наград, — писал принц-регент Веллингтону. — Я чувствую, что единственное, что мне следует сделать, это поблагодарить Провидение за то, что оно даровало моей стране и мне лично такого генерала».

III

Без усталости переезжая из Майнца в Дрезден, из Дрездена — в Прагу, Наполеон нашел этим летом время, чтобы написать своим полководцам, но никаких выражений признательности Провидению в его корреспонденции не было. Поражение такого масштаба вряд ли могло произойти для него в более неподходящее время, и его гнев, павший на головы брата Жозефа и маршала Журдана, был безграничным. «Если король Испании, — писал он министру полиции, — появится в Париже, — арестуйте его, — у него не должно оставаться никаких иллюзий по этому поводу... Наши неудачи в Испании, как вы уже, наверное, могли видеть из английских газет, гораздо более серьезны, поскольку они абсурдны... но они не позорят нашу армию. В армии Испании не было ни полководца, ни короля. В конечном итоге я признаю, что мне стыдно. Если бы я послал в Вальядолид герцога Далмацкого (Сульты) и он возглавил войска... этого бы не случилось».

Военному министру он написал: «Выразите мое неудовольствие маршалу Журдану, освободите его от его обязанностей и передайте ему приказание возвратиться в свой дом, где он должен будет впредь оставаться, не занимаясь никакими другими делами до тех пор, пока не потребуются мне в новой кампании». Оба, Жозеф и маршал Журдан, стойко перенесли гнев императора. Один никогда не хотел быть королем Испании, а другой, военная судьба которого началась во время войны за независимость Америки, где он сражался вольнонаемным солдатом, после этой отставки не изъявлял желаний вернуться в строй. Впрочем, он не захотел остановить отступление своих войск в битве при Витории, и когда вместе с королем мчался по дороге в Памплону, преследуемый по пятам Легкой дивизией британских драгун, сказал своему властелину: «Вот, Сир, вы и дождались своей битвы — но, похоже, проиграли ее».

Несмотря на эффект, который произвели новости о победе при Витории на всех участников мирных переговоров, Испания была все же в стороне от основных событий. Будущее Европы решалось не на пиренейских дорогах, но между Одером и Эльбой. К концу июля стало ясно даже для самых оптимистичных сторонников мира, что разговорами ничего решить не удастся и что предстоят битвы еще более кровавые, чем Люцен и Бауцен.

Отодвинутый вместе со своим подразделением за границу нейтральной зоны, проходящей от устья Эльбы вниз к границе Богемии, капитан Барре из 47-го полка стал участником загона скота для нужд дивизионного комиссариата. Его дневниковые записи, повествующие об успехах на этом поприще, показывают нам, чего стоила война местным землевладельцам и фермерам. Действуя под началом генералов Жубера и Кампана в Нойдорфе, Барре отобрал четыре сотни коров и быков, три тысячи овец и некоторое количество коз и лошадей, которые были приведены в армейские соединения. «Если бы я хотел заработать на этом денег, это можно было сделать без всякого труда, — писал он, — землевла-

дельцы и бароны, владельцы поместий, сами предлагали мне золото, чтобы я оставил им половину того, что намеревался забрать». Впрочем, когда простые крестьяне пришли к нему с жалобой, Барре вернул им живность, которую украли у них его солдаты, зато когда раненый итальянский генерал попытался от имени владельца замка отменить распоряжение о реквизиции, Барре потребовал письменного приказа. Генерал считал для себя более выгодным не предавать свое имя письменному слову, и капитан ушел из замка со всем скотом, который ему было предписано реквизировать.

Несмотря на отсутствие сражений и переходов, Барре было чем занять себя в период июня—июля 1813 года. Большую его часть он провел в хлопотах о починке обуви, восстановлении одежды и амуниции «своих детишек». Также его беспокоило в этот период увеличение числа увечий, которые призывники сами себе наносили, когда жажда славы значительно угасла после кровавых дней Люцена и Бауцена и для них новым светом засветили дни их прежней домашней жизни в качестве простых мирных граждан. Движущей силы неожиданных побед хватило лишь для того, чтобы удержать их в рядах воюющей армии. Однако скука и лишения бивуачной жизни, а также все нараставшая уверенность в том, что осенью им вновь предстоит встретиться лицом к лицу с бесстрашным противником на поле сражения, окончательно охладил их пыл; от него не осталось даже тлеющих угольков. Их моральное состояние, впрочем, вряд ли было ниже, чем состояние профессиональных военных, и особенно старших офицеров Великой армии. В течение долгих недель переговорного процесса во французском лагере усиливалось настроение тоски и безысходности, словно тень неизбежного поражения уже пала на победителей столь многих кампаний. Бертье, начальник штаба, не покидавший Наполеона начиная с 1776 года, использовал все свои дипломатические навыки, пытаясь склонить императора к компромиссу, убедить его пойти практически на все уступки, чтобы добиться в результате общего мира. Его усилия были поддержаны даже

такими старыми войсками, как Удино и, что самое удивительное, Ней. Не говоря уже о целом потоке почтовых отправок, которые прибывали на главную квартиру императора от политиков из Парижа. Наполеон, хотя и понимал необходимость мира, был недоволен этими настроениями. Годы спустя, вспоминая эти события, он объяснял свои чувства тем, что его советчики могли видеть только общие контуры проблем, которые возникали в данной ситуации, и лишь он один мог предвидеть все последствия необдуманных шагов. По его мнению, плохо разработанный мирный договор, вроде тех, которые он подписывал после своих первых триумфов на полях сражений, был бы по своим последствиям катастрофой для Франции, поскольку давал бы антинаполеоновским силам повод продолжать их политику и в конечном итоге увеличить свои и без того грозные для соперника силы для нового нападения уже на следующий год. По его замыслу, как бы ни были тяжелы обстоятельства, действующие против него в настоящий момент, лучше было сейчас же форсировать действия, пока общее недоверие и нестабильность в отношениях между его врагами и Австрией были еще не преодолены. Одна победа на поле боя, и эта нестабильность приведет к развалу коалиции, после чего он сможет диктовать условия как победитель и вести торг с позиции силы. Такой была его генеральная линия в последние недели затянувшегося перемирия.

Как и многие другие руководители в это время, Наполеон не всегда учитывал настроение рядовых солдат, и он проигнорировал общий упадок боевого энтузиазма в рядах ветеранов и конскриптов последнего призыва. Барре заявлял, что генерал-хирург Ларрей лгал, когда рапортовал в штаб-квартиру о редких случаях нанесения себе увечий среди низших чинов армии. «Таких было, — писал он, — более двадцати только в одном моем батальоне, а во всей армии их должно было быть более 15 тысяч». Другой серьезной проблемой было распространение паразитов, многих солдат насекомые буквально пожирали. Некоторые, менее других привыкшие

к жизни в столь тяжелых условиях, нуждались в госпитализации из-за самых ничтожных болезней. Физическая слабость многих этих девятнадцатилетних парней, усугубленная начавшимися в августе проливными дождями, стала решающим фактором в последующих поражениях.

Впрочем, на самом высшем уровне предпринимались усиленные попытки поднять дух армии как можно выше. День рождения Наполеона, 15 августа, всегда отмечался в войсках пирами и фейерверками. В этот год, ввиду скорого окончания переговоров, празднование было перенесено на 10 августа, и был разослан приказ по войскам, согласно которому все маршалы и генералы, командиры корпусов, должны были сообщить офицерам, что им пожаловано по шесть франков каждому, плюс двойной рацион пищи. Награда в двадцать су из императорского кошелька должна была быть выплачена, кроме того, всем ветеранам и рядовым солдатам.

Барре, служивший под началом Мармона в шестом корпусе, принял участие в зрелищном параде 27 тысяч войск и 82 орудий, после которого в местной протестантской церкви состоялся ужин для офицеров. Были зажарены целиком на огромных железных вертелах три оленя, и любители изысканной мясной пищи «могли вполне удовлетворить свои пристрастия, поскольку ее запах наполнял весь банкетный зал». Ужин завершился играми. «Это был замечательный день, за которым последовало много отвратительных», — записал капитан Барре.

Одним из слабых мест Наполеона в это время был недостаток информации о том, что происходит в лагерях союзников. Более точное знание морального духа в русской и прусской армиях убедило бы его в верности предположений о наличии серьезных разногласий между штабами и довольно мрачном настроении союзников относительно будущего. Соблюдая необходимую в таких делах секретность и осторожность в выражениях, Наполеон написал Бертье из Дрездена депешу, в которой просил отобрать четырех раненых офицеров, знающих немецкий язык, чтобы их можно было послать в Теплицу и Карлсбад

«лечиться на водах, держать открытыми свои уши и сообщать обо всем, что происходит на этих курортах».

Его корреспонденция во время этого затишья была поистине необъятной. Кроме рутинной работы по руководству войском и писем относительно ограничения передвижения по Франции своего брата Жозефа и других сомнительных лиц, он диктовал детальные инструкции относительно работы всей огромной и сложной машины государственных дел и сплетал в письмах сети дел частных. Он написал письмо Камбасересу, первому канцлеру Империи, жалуясь на то, что императрица Мария-Луиза, посетив один из благодарственных молебнов в соборе Нотр-Дам, совершенный в честь победы при Бауцене, принижает их значение. «Требуется необычное чувство такта, чтобы иметь дело с такими людьми, какими являются парижане», — язвительно замечает он. В тот же день он пишет письмо своей жене, выражая решительное неудовольствие тем, что она принимает первого канцлера, лежа в постели, особенно отмечая то, что «это является совершенно неподобающим для любой женщины, чей возраст не перешел за границу тридцати лет!». На следующий день он требует, чтобы в Дрезден была направлена театральная труппа для представлений перед войсками, но при этом предупреждает Камбасереса: «Если у нас не найдется хороших актеров, эту идею лучше оставить». Из Майнца, куда он отправился на несколько дней для встречи с императрицей в конце июля, он написал раздраженное письмо своей сестре Элизе, графине Тосканской, выражая досаду на недовольство местных жителей и властей назначением приходского священника на место флорентийского епископа. «Примите самые строгие меры, чтобы устранить это религиозное волнение. Сошлите всех виновных в возмущении народа на остров Эльбу». В последнем распоряжении мы можем почувствовать иронию истории. Не пройдет и десяти месяцев, как сам Наполеон станет узником острова Эльба.

Всех, изучающих жизнь Наполеона, удивляет и поражает именно эта его способность переходить от дел частных к событиям общего значения с такой скоростью, которая сбывала

с толку его штаб, повергала в оцепенение его врагов, а его личных секретарей доводила до нервных срывов. После частных бесед он шел обсуждать высшие сферы политической игры — будущее Польши или образование конфедерации малых государств. Затем снова окунался в море личных проблем, беспокоился о здоровье старых товарищей, думал о судьбе сирот, о назначении представителей власти в маленьких городах, взвешивал слухи и клевету, направленные на тех, к кому он питал доверие, читал полицейские рапорты о мошенниках. Казалось, он знает все обо всех и в курсе всех дел, происходящих во всех его владениях (а часто и за их пределами) в любое время, что он держит в памяти все события и детали, которые даже профессиональный секретарь должен записывать в памятки, чтобы не потерять в потоке повседневных дел и событий. В самом разгаре дискуссий с такими опытными дипломатами, как Меттерних и Нессельроде (последний представлял на переговорах Россию), он мог выкроить время, чтобы написать письмо с искренними соболезнованиями по поводу судьбы генерала Жюно, одного из своих старейших друзей, который потерял рассудок после ранения в голову и о котором пришли сведения, что он ест траву в своем поместье в Илирии¹. Он дал распоряжение, что Жюно необходимо передать на руки его жене, и выразил сожаление, вспомнив, как он нетактично упрекнул его в том, что Жюно не удалось захватить одно из зданий в Смоленске прошлым летом, слишком поздно осознав, что причиной неудач генерала в тех боевых действиях было умственное расстройство.

Во время своего поспешного визита в Майнц в конце июля Наполеон исключительно ради своего удовольствия совершил поездку вверх по Рейну, в которой его сопровождал принц Нассауский. Один из его министров, Бено, описывал как, проплывая мимо замка Биберах на правом берегу, император перегнулся за поручни на корабле, чтобы лучше видеть. Бено наблюдал эту сцену вместе с Жан-Бонном Сент-Андре, старым революционером, который был другом таких людей, как Марат, Робеспьер и Дантон, и цинизм которого

возрастал соответственно возвышению Наполеона. Жан-Бон громко сказал: «Что за странное положение! Судьба мира зависит от того, пнут императора под зад или не пнут!» Это замечание настолько напугало министра, что он попросил своего спутника замолчать. «Не беспокойтесь, — рассмеялся старый террорист, — решительных людей очень мало!»

IV

К концу июля Наполеон и его свита вернулись в Саксонию, но переговоры все еще продолжали затягиваться. С обеих сторон быстрыми темпами происходил новый набор рекрутов, и теперь Наполеон имел под рукой силу, приближающуюся к 400 тысячам человек. Все еще балансировавший на грани войны и мира его тесть Франц Австрийский располагал армией в 200 тысяч. Она стояла лагерем в Богемии и ожидала приказа перейти в наступление на правый фланг Великой армии, как только руководители страны договорятся о совместных действиях с русскими, которые должны были действовать по центру, и пруссаками, удар которых должен был быть нанесен по левому крылу противника. Была и еще одна потенциальная угроза для французской армии. Жан-Батист Бернадот, ныне коронованный принц Швеции, а когда-то старший сержант и человек, внесший свою лепту в превращение Франции в европейского тирана, решил-таки принять английские деньги и вступить в противостояние со своим бывшим соратником. Его шведская армия была немногочисленной по меркам континентальных армий, но она была хорошо тренированным воинским соединением и стремилась испытать свои силы, ведомая грамотными полководцами. Бернадот был во многом ответственен за привлечение в ряды союзников еще одного француза. Генерал Моро, победитель Гогенлиндена* и когда-то претендент на высшую власть в послереволюционной Франции, вернулся из своего американского изгнания, чтобы присоединиться к своему ходатаю

* Сражение при Гогенлиндене произошло 2–3 декабря 1800 года.

и оказаться в числе тех людей, которым суждено было уничтожить Наполеона. К этим двум вскоре присоединился третий предатель, которым оказался не кто иной, как генерал Жомини, шведский военный теоретик, чье участие в битве при Бауцене привело к тому, что Нею не удалось сокрушить правый фланг союзников. Возвращение Моро, который несколько лет жил в Америке, оказало на тех, кто сохранял верность Франции, лишь моральный эффект, но предательство Жомини, посвященного во многие тайны руководства Великой армии и знающего характер многих ее военачальников, грозило гораздо более серьезными осложнениями. Жомини, хотя и был торгашом по сути и дезертиром по положению, был вполне грамотным военным, и союзники могли использовать его опыт. Новый план, разработанный в штабах коалиции, был составлен при учете советов этих трех предателей. Союзники решили, что с самим Наполеоном нельзя сражаться один на один, но все попытки необходимо предпринимать в расчете на то, чтобы вовлечь в сражение отдельные соединения его армии, возглавляемые тем или другим маршалом. В присутствии императора союзники обязательно потерпят поражение, поэтому все надежды на разгром Великой армии ложились на объединенные удары по войскам, возглавляемым людьми, лишенными наполеоновского умения извлекать максимум успеха даже из поражения*. Однажды принятый (что требовало в определенной степени поступиться гордостью), этот план привел союзников к великим победам.

В своей последней и отчаянной попытке предотвратить вступление в войну Австрии Наполеон снова предложил Меттерниху Варшаву, Илирию и Данциг. Он все еще пытался играть свою игру, выжидая подхода Евгения с 50 тысячами итальянцев и других благоприятных обстоятельств. Но вице-король встретился с такими непреодолимыми трудно-

---

* По другим свидетельствам, это был один из первых и последних советов только что прибывшего по приглашению Александра I и погибшего под Дрезденом генерала Моро — не вступать в сражения лично с Наполеоном и нападать на его маршалов.

стями при экипировке и вооружении своей армии, что его прибытие запаздывало. День за днем он бился с проблемами, которые не должны были бы возникать у человека в его положении. Ему не хватало фуража, лошадей, безнадежно мало было одежды. Даже доставка провизии для пехоты в необходимых количествах была совершенно невозможным делом, так что ему пришлось буквально обшарить лично склады провианта в Вероне, Милане, Венеции и, наконец, Турине, дабы его солдатам хотя бы было чем покрыть свои головы. Доходили слухи о восстании хорватов в Иллирии. Итальянские банки закрыли перед вице-королем свои двери. Среди населения стали обычными разговоры о предстоящем нападении Австрии. Но Евгений был человеком, для которого цинизм и предательство Бернадота, Моро и Жомини были совершенно неприемлемым и невозможным делом. Его преданность оказалась непоколебимой. Пока Евгений находился в Италии, можно было не опасаться того, что в этом регионе произойдет нечто подобное событиям в Гамбурге, где теперь Даву держал город и его население железной хваткой; он не ослабил ее даже после сокрушительных поражений Французской армии осенью и зимой 1813 года.

Убежденные в продолжении войны и добившиеся вступления в коалицию Австрии, союзники распределили свои силы по трем армиям. Были созданы Армия Богемии под началом опытного австрийского военачальника Шварценберга, Армия Силезии, ведомая неутомимым ветераном антинаполеоновских войн Блюхером, и Армия Севера под руководством Бернадота. Далеко на юго-западе французский маршал Сульт прикладывал все старания и все свое тактическое мастерство, чтобы предотвратить переход британско-испанских союзных сил через Пиренеи и вторжение их на равнины Лангедока. В самом же центре Европы огромным веером раскрывалась Великая армия; ее соединения покрыли всю площадь от окрестностей Берлина до лагерей, стоявших к югу от Дрездена. Европа затаенно ожидала первого пушечного залпа, и 10 августа перемирие было объявлено завершенным — сна-

чала выступили Пруссия и Россия, затем последовало объявление войны со стороны Австрии. Это событие было отмечено фейерверком, который осветил ночное небо вдоль границы Силезии, сообщая торжествующим союзникам о том, что Австрия наконец приняла свое решение и что Наполеону теперь противостоит сила семи наций, войска которых в одной только Германии достигают полумиллиона человек и 1380 орудий.

Когда маршалу Удино, одному из самых прямолинейных паладинов Наполеона, доложили, что переговоры наконец прерваны, он сказал: «Иными словами, это война! А еще откровеннее — хуже некуда!» Его тотчас же попросили выйти. Но когда буквально через мгновение он получил приказ явиться к императору, Удино рассмеялся: «Как он забывчив! Я ему нужен!» И он действительно был нужен; в последующие десять месяцев сражений, когда союзники хлынули через Эльбу, Заале, Рейн и волна эта дошла до самого Парижа, Наполеону был нужен каждый француз, который мог держать в своих руках ружье.

ГЛАВА 7 ЧЕСНОК И РОК

I

Есть вещи, которым гений не может научиться. Выдающийся человек может быть известен тем, что целый день ходит по улицам с развязанными шнурками. И это происходит не потому, что он невнимателен или рассеян, а лишь потому, что его руки так и не научились секрету связывания вместе двух веревок. Для Наполеона, который мог делать практически все, такой вещью была верховая езда. Он просидел в седле почти всю свою юность и большую часть взрослой жизни и тем не менее так и не научился использовать колени и поводья для управления лошадью, а также самостоятельно садиться в седло. Снова и снова он падал с лошади, часто получая серьезные повреждения. Если на его пути была глубокая колея или кроличья нора, можно было быть уверенным, что его конь встанет на дыбы или начнет брыкаться, и очень часто он возвращался с верховых прогулок с лицом, заляпанным грязью. Пастух, крестьянин, записанные в гусары или драгуны, за неделю изучали в кавалерийской школе искусство езды лучше, чем Наполеон, изучавший его на протяжении всех своих военных кампаний. Новая кампания, которой еще только предстояло начаться, потребовала от императора очень быстрых передвижений, и, возможно, поздним летом 1813 года, он все же справился с этим своим нелепым недостатком. Однако его не часто видели в седле; переезды он совершал обыкновенно в карете.

Это была не обычная карета, подобная каретам ямской службы для простых пассажиров. И не легкий экипаж, на

котором было удобно, путешествуя налегке, пересекать из одного конца в другой пространство страны — арену будущих сражений, представлявшую собой обширный, пересеченный множеством рек прямоугольник. Это было выкрашенное в зеленый цвет громоздкое, специальным образом укрепленное и защищенное тяжелое средство передвижения на колесах, в котором имелось два сидячих места. В движение его приводили шесть огромных лошадей породы лимузен*, ехавшие обычно либо быстрой рысью, либо легким галопом. Кроме этого, карету сопровождал многочисленный эскорт, два кучера и мамелюк Рустам на запятках. Ящик, на котором располагался мамелюк, был разделен на множество отделений, помещавших пять больших фонарей, набор запасных свечей, миниатюрную пушку и откидную постель. Это была одновременно передвижная штаб-квартира и путешествующий отель. Одно ее присутствие или появление в саксонских городах создавало панику и беспорядок, словно надвигался тайфун, тем более что приближение кареты императора можно было услышать за полмили, и проворные пешеходы имели время, чтобы юркнуть куда-нибудь, освобождая ей дорогу. Между августом и октябрём 1813 года карета Наполеона превратилась в демоническую легенду, напоминающую многочисленные истории о привидениях, бытующих в сказках всех народов мира. Генерал Одеабен, в течение всей осени сопровождавший ее верховой эскорт во время передвижений от силезской границы к Лейпцигу и обратно, был настолько зачарован самим экипажем и способом его передвижения, что он стал для него, как и для многих других, символом личности и судьбы Наполеона.

Где бы она ни находилась, ее окружали дежурные адъютанты, офицеры для поручений, вестовые, и вся эта свита неизменно, двадцать четыре часа в сутки, входила и выходила через кольцо конных гвардейцев. Четыре всадника ехали впереди, разделенные по парам. «Остальные, — сообщал Одеабен, — всегда рисковали сломать себе шею или ногу». По

---

* Лимузен — историческая провинция в Центральной Франции.

первой команде императора вся кавалькада должна была развернуться с быстротой молнии; все, кто находился по обе стороны часто узкой дороги, должны были умело следовать этим разворотам, даже если на землю опустилась адская тьма. Находиться в окружении императора порой было более рискованным делом, чем участвовать в сражении. Затем, согласно следующей команде, вся огромная процессия должна была остановиться. И где бы это ни происходило, свершалась процедура, которая превратилась в настоящий ритуал для всех тех, кто мог ее наблюдать.

Квартет егерей становился по сторонам, примкнув штыки к ружьям и беря их на изготовку. Между ними становились остальные гвардейцы, образуя квадрат, в котором каждый замирал, готовый к отражению любого вмешательства извне, в то время как Наполеон рассматривал в подозрную трубу позиции врага, используя в качестве опоры плечо Коленкура, или справлял свою нужду. Когда группа императорского сопровождения разбивала бивуак, зажигался огромный костер, чтобы его пламя обозначало место присутствия императора. Затем устанавливался стол, и все, за исключением Бертье, начальника штаба, или командира соединения, чей доклад требовался в настоящий момент, отходили на расстояние, а квадрат преобразовывался в полукруг. В ожидании атаки или маневра Наполеон без остановки ходил вокруг костра, нюхая табак, подкидывая носком сапога камешки или подбрасывая в огонь несгоревшие поленья дров. «Он был не в состоянии ничего не делать», — добавляет к этому описанию Оделабен.

Возможно, из всех людей, сопровождавших императора в этих бесконечных перемещениях, наибольшую симпатию должен вызывать Бертье, единственный, кто разделял уединение Наполеона внутри кареты. Поездки часто происходили по ночам, часто в продолжение всей ночи, и сиденье Наполеона могло преобразовываться в постель, в которой он спал шумно, как ребенок. Но сиденье Бертье не было приспособлено для подобных трансформаций. Он должен был

продолжать сидеть, как бы далеко ни собирались они ехать. Возможно, нам стоит посочувствовать судьбе начальника наполеоновского штаба. Александр Бертье трясся рядом с Наполеоном по всей Империи и по Ближнему Востоку в течение семнадцати лет, и даже если эти поездки порой и истощали его, он никогда этого не показывал. В любой час дня или ночи его доклады было безупречны. И если его спрашивали о количестве или расположении какого угодно подразделения Великой армии, он отвечал, не обращаясь к штатным листам, которые были заперты в карете. Наполеон и даже сама карета Наполеона стали легендой, но история до сих пор не оценила по справедливости его верного Санчо Пансу.

Обе стороны беззастенчиво использовали время пятидесятидневных мирных переговоров для усиления своих армий, но Наполеон, кажется, действовал более энергично. Теперь, произведя призыв на территориях левого берега Эльбы, он смог поставить под ружье приблизительно 400 тысяч человек, в числе которых было, по крайней мере, 40 тысяч кавалерии, а также свыше 1200 орудий. И это не считая гарнизонов крепостей в Польше и Пруссии.

Но потенциал сил, выступивших против него, был практически безграничен. В рядах действующих трех армий союзников находилось почти 200 тысяч русских солдат, около 150 тысяч пруссаков и 40 тысяч шведов, включая сильнейшую ракетную батарею Конгрева — управляемое английскими военными специалистами оружие, совсем недавно появившееся на полях сражений*. В Богемии, готовые к действиям, стояли 120 тысяч австрийцев. Однако действительная

---

* Ракетная батарея Конгрева впервые была применена в 1805 г. Она представляла собой установку, стреляющую цилиндрическими зажигательными снарядами, с бамбуковой палкой в качестве стабилизатора. Применялась под Лейпцигом и при Ватерлоо. В русской армии ее использовали вплоть до окончания Крымской войны в 1856 году. Кроме ракет Конгрева в армии Веллингтона уже использовалась испытанная в 1803 году и еще долго державшаяся в секрете шрапнель, изобретение британского артиллерийского офицера Генри Шрапнелла (1761–1842). Цилиндрический снаряд, начиненный свинцовыми пулями большого калибра, разрывался в воздухе под действием центробежной силы.

сила союзников заключалась прежде всего в их необъятных резервах. Если бы события приняли даже самый худший для них оборот, они легко могли поставить в строй еще полмиллиона рекрутов, в то время как Франция была опустошена почти полностью и в деле замещения выбывших из строя солдат она вряд ли могла еще что-нибудь сделать. Три суверена — царь Александр, Фридрих Вильгельм Прусский и Франц Австрийский — вместе с армией Шварценберга находились на юге; генерал считал их присутствие для себя стеснительным. На Ине и Изонцо, в Италии, новая армия Евгения ожидала нашествия сильных австрийских сил, которые наблюдали за каждым его шагом.

Как обычно, Наполеон принял решение раньше своих противников, и снова его инстинкт игрока вел его громить армии союзников, прежде чем они попытаются объединиться. Его надежды на успех основывались на давно установленном превосходстве Франции в мобильности и умении перехватывать инициативу.

Его основной наступательный план предполагал оборонительные действия на юге и развитие атак на севере с опорой на войска, расположенные в Гамбурге, которыми руководил один из наиболее способных его полководцев маршал Даву. В Дрездене и его окрестностях он сконцентрировал корпуса Вандама, Виктора, Нея, Лористона, Мармона, Макдональда и Сен-Сира, вместе с Гвардией и четырьмя кавалерийскими корпусами. Атака на севере, проводимая под руководством Удино, должна была угрожать Берлину, для чего Удино ждал подкреплений от Даву из Гамбурга. Чтобы справиться с возложенной на него задачей, Удино были приданы корпуса Бертрана и Ренье, а также кавалерийский корпус. Главной целью Наполеона в этой операции, предполагающей сдерживание противника на юге и стремительный бросок на севере, было отвлечение русских и прусских войск от центра союзных сил и изоляция этих отвлеченных частей от Австрии. Если Удино выиграет операцию в Берлинском районе, армия императора сможет спокойно напасть на Австрию и,

разбив ее на ее же собственной территории, вывести ее из войны в течение недели.

Блюхер первым нарушил условия перемирия, напав на маршала Нея, и Наполеон, узнав об отделении от армии Блюхера в Силезии сильных русских частей, несколько изменил свой первоначальный план и решил атаковать «разбушевавшегося старого прусского дракона» в районе Дрездена, прежде чем Австрия сможет серьезно угрожать его правому флангу. Для этой цели он очень быстро передвинул свою армию к югу, понимая, что защита Дрездена, с его складами провизии и армейскими парками, является основой той кампании, которую он уже разработал.

Он продвигался с чрезвычайной скоростью, направляясь через поле недавней битвы при Бауцене к Гёрлицу, но все равно даже эта скорость была недостаточной. Когда он достиг Гёрлица, то получил донесение, что отделившиеся 40 тысяч русских возвращаются с целью присоединения к Богемской армии, а это значило, что атака союзных войск под Дрезденом неизбежна. Он с привычной гибкостью вновь изменил свои планы в соответствии с новой ситуацией, резко повернул войска еще южнее, в направлении Циттау, надеясь охватить продвигающуюся австро-прусскую армию с фланга. Но, узнав, что Блюхер идет ему навстречу, опять изменил планы и продвинулся на сорок миль восточнее, до Левенберга. Перспективы уничтожить Блюхера, имея численное превосходство, казались замечательными. И сокрушительный разгром старого врага Наполеона, вне всякого сомнения, состоялся бы, если бы, конечно, Блюхер не стал строго придерживаться плана, разработанного в штаб-квартире союзной армии, а именно, не вступать в сражение и отступать при встрече с Наполеоном. Как только армия Силезии получала сведения о личном присутствии императора, она должна была отступать с наиболее возможной поспешностью в направлении Яуера.

Однако скоро прибыли донесения, которые заставили французов изменить общий план кампании в центре. Авст-

рийцы, в течение двадцати лет воевавшие с Наполеоном, так и не научились тому, какое значение имеет в современной войне быстрый маневр при действиях против отдельно избранного объекта. Курьер за курьером мчались в лагерь императора от Сен-Сира, с трудом удерживающего Дрезден с гражданским населением в 60 тысяч человек силами только в 30 тысяч. На город наступала огромная сила всей австрийской армии, усиленная 40 тысячами русских войск.

Оставался единственный выход. Командование силами, преследующими Блюхера, было доверено Макдональду, в то время как остальная Великая армия развернулась и помчалась защищать Дрезден.

Ранним утром 25 августа, всего лишь через десять дней после возобновления кампании, Гвардия и поддерживающая ее кавалерия на предельной скорости подошли к предместьям города. За ними шли корпуса, возглавляемые Мармоном и Виктором, намереваясь занять Штольпен, находящийся в двенадцати милях восточнее Дрездена.

«Армия, — писал один из офицеров, присутствовавших на месте событий, — двигалась как стремительный поток. К 10 часам утра 25 числа Гвардия была уже в городе, пройдя за четыре дня поразительное расстояние в 120 миль с полной боевой выкладкой».

В наши дни моторизованной пехоты, парашютных десантов и почти стопроцентной механизации армий подобный переход может считаться вполне рядовым, но, имея лошадей в качестве самого высокоскоростного средства передвижения и передвигаясь на своих собственных ногах по проселочным дорогам, этот марш Великой армии заслуживает занесения в списки самых впечатляющих событий военной истории. При этом для самой Великой армии он не был чем-то особо примечательным. Пехотинцы этого века, как и солдаты прежних войн, выдерживали такие марш-броски, которые нашему современнику покажутся превосходящими человеческие возможности. Гарольд, спешивший в Лондон из Стэмфор-Бриджа в Йоркшире на встречу с Вильгельмом

Норманнским, покрыл расстояние в 190 миль за шесть дней*. Корпус Даву прошагал расстояние в 70 миль между Прессбургом и Аустерлицем за сорок четыре часа, причем произошло это в середине зимы.

Вслед за Гвардией, ворвавшейся в Дрезден, шли Мармон и Виктор, прибывшие в город, когда его уже окутала ночная тьма, и их появление означало, что город спасен. Глядя, как кирасиры Латур-Мобура, гремя оружием, скачут по городу, граждане приветствовали их криками «Да здравствует император!», но всеобщее воодушевление еще более усилилось, когда сам Наполеон прошел по улицам и стал разворачивать свои войска для молниеносного удара по союзникам в районе Пирна, к югу от городских стен.

II

Когда союзники приблизились к Дрездену на расстояние возможного удара, в их рядах, как казалось, произошло смятение. Они шли сюда совершенно уверенные, что город обороняется слабым контингентом, а удар в их первоначальном плане был назначен по Лейпцигу, в ста милях к северо-западу, в стороне от основных линий коммуникации Французской армии. Быстрое продвижение Наполеона на восток изменило этот план, поскольку поставило на повестку дня чрезвычайно неприятную возможность вторжения неприятеля в Австрию, ввиду чего союзники снизили свои наступательные порывы и передвинулись на восток от французских баз, потеря хотя бы одной из которых могла произвести чрезвычайно желательный моральный эффект на колеблющихся «меньших» князей Германии. Чего союзники вовсе не ожидали, так это возвращения Наполеона, столь усилившего свою мощь в столь краткий срок. Поэтому на совете, состоявшемся 25 августа, было принято решение в соответствии с общим планом — отступить. То, что решение это не было выполнено и великая битва

* Имеется в виду битва при Гастингсе 14 октября 1066 г., где Вильгельм Нормандский (Завоеватель), будущий король Англии, разбил Гарольда II, погибшего в этом сражении.

при Дрездене была проиграна, случилось либо по причине того, что коалиция не смогла сохранить контроль над собственным авангардом, либо вследствие инициативных действий Наполеона. Так или иначе, ранним утром 26 августа союзники, построившись в шесть колонн, атаковали французов, предприняв предварительно жесточайшую артиллерийскую подготовку.

Из окон своего дворца король Саксонии наблюдал, как падали ядра и снаряды на улицы своей столицы, ее площади и декоративные сады. Среди мирного населения имелись многочисленные жертвы. Вследствие различных обстоятельств на начальном этапе это привело к быстрому окружению города противником. Впрочем, в продолжение всего этого времени французские силы выстраивали свои ряды в боевой порядок, и, своим личным присутствием уверив в победе роялистскую партию Саксонии, Наполеон поспешил к пригороду Дрездена Пильницу, чтобы лично руководить обороной, которая вскоре превратилась в несокрушимое наступление. Производя разведку, он передвигался прямо под вражеским огнем, и один человек из числа его личной свиты (из «самых необходимых») был убит на его глазах.

К концу дня сражение переросло во всеобщую битву, и атака союзников была отражена мощным огневым заслоном с близкого расстояния. Наполеону удалось справиться с первой главной трудностью. Маршал Мортье с Молодой гвардией перешел в наступление на правом фланге, где располагались в основном войска русских. Сен-Сир выбил пруссаков из центральных пригородов Дрездена, а Ней атаковал через Пирну и ворота Плауен. Затем тяжелая кавалерия заставила отступить дезорганизованные войска союзников на равнину, после чего перед ними отпал вопрос о взятии Дрездена и встал вопрос о том, сумеют ли они отступить с достаточной скоростью, чтобы предотвратить полный разгром и уничтожение. Впрочем, один корпус австрийцев, уже под покровом темноты и подкрепившись хорошей порцией коньяку, совершил попытку контратаки в районе ворот Плауен, но эта атака была отбита генералом Дюмустьером.

Появление французской кавалерии в пригороде Фридрихштадта стало решающим событием первого дня сражения. Пехота Нея и Гвардия вытеснили противника на открытую местность, но именно кавалерия сокрушила все надежды союзников на возможную контратаку. Никто из участников и свидетелей этого успеха не предполагал тогда, что великолепная атака станет предпоследней для величайшего кавалериста всех времен, Иоахима Мюрата, сына содержателя гостиницы в гасконском городке Кагор, закончившим свой жизненный путь королем Неаполя. Грозные атаки конницы Мюрата стали именной печатью побед Наполеона, но эта, Дрезденская, была практически последней, и не только для Мюрата лично, но и для всех ветеранов — драгун, улан, кирасир и гусаров его эскадронов. Дрезден стал последним триумфом Мюрата.

Его присутствие в этом сражении было совершенно непонятным и явилось, скорее всего, результатом недоразумения. Его стовор с австрийцами в Неаполе в течение всего лета неуклонно шел в сторону успешного завершения, и если бы не курьезный случай, связанный с неполучением зашифрованного донесения, он мог вы воевать с Евгением в Италии или внести свой голос в хор предателей Моро, Бернадота и Жомини. Но на деле, зажатый между недовольством своей жены и угрозами зятя, он прибыл в Дрезден, где почувствовал запах большой битвы, запах, затмивший в его сознании все вокруг до тех пор, пока он не рассеялся после окончания сражения. После этого он мог уже спокойно размышлять о том, что может случиться с его короной в случае, если окончательная победа все же останется не за императором, а за его врагами. Свою работу он как всегда выполнил в этот день замечательно и продолжил ее на следующий день, но для его солдатской чести было бы лучше, чтобы в него в эти дни попало ядро союзников и он, грозный бог кавалерии, принял бы смерть на поле битвы, как Бессьер и Дюрок.

В 11 часов вечера Наполеон, прежде чем отправиться во дворец, прошел по всем бивуакам. Он знал, что назавтра

его враг, даже тяжело раненный сегодня, предпримет еще более отчаянные попытки избежать поражения, тем более что занимает достаточно опасные позиции на высотах к югу от города. Император убедился, что дух его войска высок, гораздо выше, чем во время пятидесятидневного перемирия. Конечно, новобранцы были истощены форсированным маршем и битвой, но ветераны Египта, Аустерлица и Ваграма уже чуяли запах победы, и человек, который доказал, что ему подвластно все, был среди них. Его маленькая, усталая, слегка сутулая фигура с бледным, мрачным лицом вскоре покинула их, чтобы уединиться с Бертье за выработкой диспозиции по картам. «Библия Императора» — так называли эти карты в его штабе. Но на следующий день — день его последней великой победы в ряду пятидесяти триумфов на полях сражений — Наполеон неожиданно заболел расстройством желудка. Это небольшое физическое недомогание стоило ему и его армии кампании, а возможно, и всей войны.

III

Сражение возобновилось в 6 часов утра следующего дня, и казалось, ни у кого не было сомнений в его исходе.

План Наполеона предполагал удар по вражескому центру и наступление на обоих флангах. Одновременно Вандам, чей корпус располагался вверх по Эльбе в окрестностях Тетшена, должен был двигаться наперерез, чтобы отрезать отступление союзников в плоское дефиле Богемских гор, в котором отсутствовали широкие дороги, а проходили лишь несколько троп.

Удача сопутствовала в этот день Наполеону. В линиях врага оставался промежуток для австрийцев генерала Кленау, прибытие которых ожидалось в ближайший момент, и между левым флангом и центром врага образовалась брешь. По крайней мере, дюжина старших военачальников союзников, участвующих в этом сражении, уже многие годы спорили на по-

лях сражений с Наполеоном, в их рядах было трое, знающих структуру Французской армии изнутри, ставших в ее рядах военными профессионалами. Несмотря на это Шварценберг и его подчиненные совершили удивительный промах, оставив широкий зазор в расположении своих оборонительных порядков ради того, чтобы могущее прибыть, а могущее и не прибыть, подкрепление смогло занять предназначенное именно для него место. Наполеон сполна использовал эту ошибку противника. Отозвав Мюрата, Виктора и Латур-Мобура с края правого фланга, он приказал им ударить по левому флангу врага всеми силами кавалерии, находящейся в их распоряжении, одновременно продолжив сдерживать центр и правый фланг. Начав сильную артиллерийскую канонаду, он тут же послал приказ Нею выступать слева.

Это была классическая битва, если рассматривать все сражения французской армии в кампаниях 1800, 1805, 1807 и 1809 годов. К семи часам утра артиллерия Молодой гвардии начала забрасывать ядрами и снарядами вражеский центр, отвлекая внимание Шварценберга на этот участок боя, где, по его мнению, ему следовало ожидать атаки, последующей за артиллерийской подготовкой. И Шварценберг оставил роковую брешь в расположении своих войск. Начался сильный дождь, но бомбардировка продолжалась. Командиры батарей Молодой гвардии видели, что их огонь не приносит никакого вреда противнику, поскольку их цель располагалась выше и пушки не могли вести прицельный огонь, но приказ был: «Продолжать стрельбу!» По крайней мере, одно ядро все же нашло свою цель. Артиллерист-наводчик заметил примерно в пятистах ярдах небольшую группу верховых офицеров и направил в их сторону огонь своей пушки. Первый же выстрел поразил генерала Моро, который всего лишь мгновение тому назад был занят тем, что обсуждал позиции и ход сражения с царем*. Ядро попало в его лошадь и пробило ее

---

* Моро сказал императору Александру: «Ваше Величество, здесь стало опасно, давайте отъедем немного в сторону, вон туда», — и направился в указанном направлении. Едва он отъехал на несколько шагов, в него попало злополучное ядро. Огнем этой батареи действительно руководил сам Наполеон.

насквозь, оторвав генералу обе ноги, что практически означало смертельное ранение. Подобным же образом был убит еще один даровитый французский эмигрант, генерал Сен-При*, который также служил у русских. Ходили слухи, что царь заплатил два миллиона рублей за то, чтобы склонить Моро, находившегося в изгнании в Америке, к выступлению против своих соотечественников. Как оказалось, это было не самое лучшее вложение капитала. Капитан Барре, который не успел подойти и принять участие в сражение при Лейпциге, услышал о смерти Моро на следующий день. «Кара Господня!» — заметил он и сделал соответствующую запись в своем дневнике, с удовлетворением добавив, что его собственные потери в этот день ограничились двумя ранеными.

Великий генерал Республики, когда-то кумир Франции и серьезный соперник генерала Бонапарта, был унесен с поля боя на маленьких носилках, сооруженных из казачьих пик; обе ноги тут же ампутировали в его палатке. Моро курил сигару и, согласно рассказу очевидца, не издал ни звука во время этой операции. Его тело дважды переносили, вследствие стремительного наступления французов, и свое последнее пристанище на этой земле он нашел в доме богемского деревенского булочника. В своем последнем письме, которое он продиктовал жене, Моро написал: «Этому мошеннику Бонапарту всегда везет». Он умер два дня спустя, и его набальзамированное тело было отправлено с эскортом в Санкт-Петербург, где его похоронили с военными почестями.

Тем временем кавалерийская атака на правом фланге французских войск развивалась согласно плану. К одиннадцати часам, несмотря на то что продолжался проливной дождь, Мюрат и Виктор обрушились на левый фланг врага и заняли пустующее место, отделяющее его от центра, вместо так и не успевшего к решительным событиям генерала Кленау. Наблюдатели, которые направляли свои подзорные трубы на этот участок сражения, могли видеть сверкающие сабли французских кавалеристов и Мюрата, яростно проносящегося впе-

* Граф Сен-При был убит при осаде Реймса 13 марта 1814 года; см. здесь же, гл. 12.

реди своих эскадронов, направляя их в самое сердце вражеского фланга. На противоположном фланге дела французов также развивались вполне благоприятно. Ней, Мармон, Мортье, Сен-Сир и кавалерия Нансути теснили правое крыло армии союзников назад и к центру. К трем часам дня войска коалиции отступали по всему фронту, и Наполеон, полагающий, что корпус Вандама продвигается поперек линии вражеского отступления, уже мог считать битву своим новым Ваграмом. Он выступил против численно превосходящей армии противника и заставил ее уйти с поля битвы за полтора дня сражения, причем успех этот был достигнут с людьми, которые вступили в бой после более чем стомильного форсированного марша. Но на этот раз Наполеон ошибался. Кампания в Саксонии была не похожа ни на одну из его прежних кампаний. Ее масштаб был слишком велик, а участники слишком многочисленны, чтобы можно было разбить их в одном решающем сражении, как бы впечатляюща ни казалась победа в этой битве. Кроме всего, во время второго дня Дрезденского сражения он был болен и, вернувшись во дворец короля Саксонии вечером этого дня, даже был вынужден передать командование своим маршалам, ни один из которых не обладал его уникальным даром определения наиболее важных направлений ударов и маневрирования войсками в целом. Сняв свой промокший серый сюртук, Наполеон лег спать; это был его первый отдых, который он позволил себе за последние тридцать шесть часов. Возможность выбить Австрию из рядов участников войны вследствие этих случайных происшествий ускользнула из-под его непосредственного контроля.

IV

Апатичность, которая характеризует поведение Наполеона в эту ночь и на следующий день, когда триумф был уже практически в его руках, является для историков спорным вопросом на протяжении вот уже полутора веков. Даже че-

ловек, не отмеченный печатью военного гения, мог бы принять вполне здравое решение, даже если бы его и мучило расстройство желудка, полученное вследствие употребления излишне приправленной чесноком тушеной баранины и усугубленное целым днем, проведенным в седле под непрерывным дождем. «Он выглядел, — передает его камердинер Констан, встретивший его после возвращения с поля боя, — словно его только что вытащили из реки». Граф Дарю, его товарищ по отступлению из Москвы, встретил его на пути в Дрезден, и Наполеон сказал ему в нескольких словах, что должен дать распоряжения о преследовании, в то время как его самого преследуют боли в желудке. На следующий день ему стало лучше, но все равно он еще не был самим собой. И была упущена величайшая возможность. И так было почти всегда, когда Наполеон оставлял принятие важнейших стратегических решений своим маршалам, даже лучшим из них, таким как Массена и Даву. Так долька чеснока оставила свой след в истории народов. На сей раз ответственность лежит на импульсивном генерале Вандаме.

Внезапная болезнь Наполеона — это только один из факторов в целой цепочке неудач и несчастливых обстоятельств, которые преследовали его между Дрезденом и дефиле Богемии. Были и другие, причем гораздо более важные. Первое — это удивительное поражение маршала Макдональда, встретившегося с прусским полководцем Блюхером на силезской границе у реки Кацбах. Второе — это действия маршала Удино, решившего разгромить союзную армию Севера вне стен Берлина. Оба маршала столкнулись с серьезным сопротивлением и были разбиты. Последствия этих поражений и последующая за ними ошибка Вандама лишили Францию всех плодов Дрезденского триумфа.

Разгром Удино стал потерей последнего французского резерва. Желая приумножить свою славу взятием Берлина, сокрушением или даже взятием в плен изменника Бернадота, считая, что этим он предупредит выступление шведов и

пруссаков к Эльбе, Удино (который всегда был лишь хорошо обученным и дисциплинированным гренадером, при всей своей репутации мужественного солдата) быстро направился на север и достиг объекта своего вождения 20 августа, спустя пять дней после возобновления боевых действий. С ним были, в дополнение к его собственным войскам, четвертый корпус под началом Бертрана и седьмой корпус Ренье — оба соединения в полной боевой готовности. Однако боеспособность этих соединений оказалась не столь высокой. Лишь половина личного состава была из французов, вторую половину составляли итальянцы и саксонцы, причем на верность последних можно было полагаться с большими оговорками. Местность, на которой развернулось сражение, была сильно пересечена многочисленными реками, возвышенностями и лесами, поэтому концентрация войск представляла большую трудность. Ожидавший Удино Бернадот имел под своим началом смешанную группу войск, состоящую из шведов, русских и пруссаков, общую численность которых мадам Удино в своих мемуарах определила в девяносто тысяч. Вполне вероятно, что эта цифра является преувеличенной.

21 августа французы напали на маленький городок Треблин и продолжили свое выступление. Бернадот склонялся к тому, чтобы отступить за Шпрее и покинуть столицу Пруссии. Командир пруссаков, фон Бюлов, по вполне понятным причинам не разделял этого плана и решил остановиться и дать противнику бой у деревни Гросс Беерен, в тридцати километрах к югу от Берлина.

Удино наступал тремя колоннами. Бертье располагался на правом фланге, Ренье занимал центр, сам Удино шел слева, но корпус Бертрана, вступив в столкновение с врагом, отстал, а его командир не предпринял особых попыток выровнять позицию наступления, в то время как Ренье, опрокинувший своих противников, вырвался вперед, причем в своем продвижении он не стал ждать даже Удино, так что вскоре оказался в одиночестве под ударом главных сил армии Бернадота. Отброшенный назад, он потерял около двух

тысяч пленными и был бы уничтожен полностью, если бы Удино не предпринял экстренного отступления и не вернулся в Виттенберг на Эльбе. Плохая погода помешала преследованию, поэтому, произведя разведку и отдышавшись, Удино обнаружил, что ему удалось выйти из боя со сравнительно небольшими потерями. Однако взятие Берлина было сорвано. Гораздо опаснее потерь было усиление морального духа шведов и пруссаков, которые одержали победу как раз тогда, когда союзники в ней чрезвычайно нуждались.

Вскоре дух союзников еще более укрепился вследствие победы, которую другой их контингент одержал 22 августа на восточном берегу реки Кацбах по дороге к городу Яуер, в направлении которого шло плановое отступление Блюхера. Именно здесь, встретив войска посредственного военачальника Макдональда во время сильного дождя, Блюхер одержал наиболее громкую из побед союзников к этому времени; она превзошла триумф Бернадота под Берлином, если измерять ее количеством пленных, захваченными пушками и силой удара по моральному состоянию французов.

Вспомним, что Наполеон переложил командование на Макдональда, когда был вынужден повернуться и поспешить на помощь Сен-Сиру в Дрезден. Макдональд, сын главы шотландского клана, который перешел на службу к французам после поражения молодого претендента на английский трон в 1746 году, был вполне компетентным и чрезвычайно честным человеком, но как военачальника его постоянно преследовали неудачи. Полковник Марбо, который сражался под его началом и оставил нам детальное описание французского поражения на Кацбахе, писал, что идеи Макдональда всегда выглядели вполне выполнимыми, но отсутствие гибкости не позволяло ему воплотить свои планы на поле боя. Рассмотрение того, что произошло, когда Макдональд был оставлен сдерживать Блюхера, пока император выигрывал Дрезденскую битву, подтверждает справедливость слов Марбо.

Как только Блюхер узнал, что Наполеон и основные силы его армии уже находятся на пути к Дрездену, он остановил

отступление и начал снова зондировать силу противника на западе, уверенный, что теперь может воевать с французами на равных или примерно на равных.

Макдональд, сгруппировавший свои войска в количестве 75 тысяч человек на левом берегу реки, ждал атаки. Пространство будущего сражения, изрезанное покрытыми лесом холмами, было удобно для действий пехоты, а в рядах Макдональда было только 6 тысяч всадников, корпус генерала Себастиани, которому противостояло тройное число кавалерии Силезской армии Блюхера.

Мостов через Каубах было мало, а броды были узкими, так что наступление пруссаков неизбежно должно было сопровождаться тяжелыми потерями, и Макдональд считал, что Французская армия вполне защищена водной преградой. Однако 26 августа Макдональд почему-то принял решение перейти в наступление и, будучи человеком предельно точным и пунктуальным, дал столь многословные приказы, что лишь к полудню французская кавалерия пересекала реку и направилась к плато Яуер. Марбо, полковник 23-го полка кирасир, сопровождаемый дивизией Эксельмана, был предельно удивлен, не встретив на противоположном берегу отпора противника, и сразу заподозрил ловушку. Однако маршалу Макдональду эта мысль в голову не пришла, и он продолжил выступление, несмотря на то что тяжелые нависающие облака обещали дождь, который неминуемо усложнил бы отход войск в случае встречи с непредвиденными обстоятельствами.

В своих мемуарах Макдональд заявляет, что Наполеон приказал ему двигаться на Бреслау, указывая на необходимость обхода врага. Возможно, что это и правда, но Наполеон также ожидал от своего командира, возглавлявшего 75-тысячное войско, и наличия собственного ума. Оставляя в тылу полноводную реку перед лицом превосходящей кавалерии Блюхера, Макдональд рисковал невероятно.

Опасения полковника Марбо относительно западни вскоре оправдались. Блюхер заманивал Макдональда в ловушку, и

тот шел прямо в нее. Узкая дорога, проходящая по плато, стала столь скользкой и топкой, что люди и лошади не могли идти, колеса пушек тонули в грязи по самые оси. Три соединения французской кавалерии приняли решение спешиться и, не успев сделать это, оказались атакованы прусскими уланами. Поначалу в этой краткой стычке французы имели даже преимущество. Марбо, чьи кирасиры смешались с вражескими всадниками в этой отчаянной схватке, рассказывает, как сбитый с лошади прусский полковник пятнадцать минут висел на его стремени, восклицая: «Вы мой ангел-хранитель!» Ангел нашел ему лошадь и отправил в тыл в качестве пленного. Этот инцидент имел для Марбо положительные последствия в дальнейшем ходе кампании.

Но плато быстро наполнялось пруссаками, пешими и конными, которые прятались в густых лесах и кустарниках. Когда сражение стало всеобщим, разразился жесточайший ливень, так что очень скоро мушкеты и другое огнестрельное оружие стали совершенно бесполезными. Курьезный случай произошел, когда французские кирасиры, рассеяв соединение улан, оказались лицом к лицу со свежим прусским полком пехоты. Поле представляло собой совершенно разбитую землю, и кавалерия не могла достать пехоту противника, а пехота не могла сделать ни одного выстрела по всадникам. Обе группы стояли какое-то время под проливным дождем друг против друга, но это продолжалось недолго. Когда на плато появились другие французы, а кирасиры все ближе подходили к полку, ощерясь пиками и сверкая саблями, всадники Себастиани были буквально сметены двадцатью тысячами человек прусской кавалерии. Французы, конные и пешие, были выбиты с плато, пруссаки выгнали вперед пушки и открыли стрельбу. Отступление вниз, к реке, под ураганным артиллерийским огнем было ужасным, и Марбо говорит, что он полностью доверил свою судьбу умному турецкому коню, который гарцевал на краю крутого обрыва, «как кот на краю крыши». К несчастью для разбитой армии, уровень реки за время битвы поднялся значительно и зато-

пил подходы к нескольким мостам, а броды стали непроходимыми. Вследствие этого утонуло людей не меньше, чем погибло от ядер и снарядов, сыпавшихся на них с плато, и от сабель и пик прусской кавалерии, которая курсировала на небольшом отдалении от берега и уничтожала или брала в плен толпы беглецов.

Долгие годы наполеоновская армия не терпела столь сокрушительного поражения и не была столь деморализована, как в этот дождливый день. Даже во время долгого пути из Москвы честь орлов была спасена Неем и его полуголодным, обмороженным арьергардом, отбивавшим все атаки царских казаков. Теперь стала очевидной слабость набора 1813 года. Юные новобранцы, победители Люцена и Бауцена, очень скоро поняли, что слава является слишком большой роскошью для необученных солдат. Полк Марбо, замечательное и дисциплинированное соединение, пересек реку, потеряв всего двух человек, но этого бы ему не удалось, если бы на покинутом ими берегу свежая кавалерийская дивизия генерала Сен-Жермена не предприняла быструю и острую контратаку. Французские потери были бы еще большими и поражение еще более позорным, если бы не эта славная товарищеская поддержка. Но понесенные потери были все же более чем ощутимыми и более чем угрожающими для Макдональда — тринадцать тысяч убитыми или утонувшими, двенадцать тысяч взятыми в плен. Кроме того, были потеряны все пятьдесят пушек, все, кроме одной, оставшейся у Себастиани.

Относительно этой единственной спасенной пушки Макдональд поведал потомкам историю, которая вполне показывает отношение Наполеона к этому разгрому. Опасаясь потерять последнюю пушку, Себастиани послал ее вместе с багажным обозом. Но обоз был захвачен во время отступления, когда Блюхер, переправившийся через Каубах, организовал преследование разбитой армии. «Артиллерия предназначена для защиты войск, а не для того, чтобы спастись в обозе!» — кричал император в виду всего войска генералу Себастиани. Генерал был столь унижен этой публичной головомойкой,

что хотел покончить с собой. Лишь такт и деликатность Макдональда смогли успокоить его.

Поведение Макдональда после этого сражения ясно показывает, каким он был человеком. Будь он мельче, он стал бы винить погоду и условия местности или приказ императора любой ценой двигаться вперед и атаковать Бреслау, но это все было не для Макдональда. Он призвал к себе всех офицеров выше командира полка, поблагодарил их за то, что все они сделали все, что было в их силах, за честное исполнение своего долга, и принял всю вину за постигшее их поражение на себя. «За проигрыш этого сражения ответственен только один человек, это я!» — сказал он, и Марбо, который лично слышал это честное признание, добавляет: «Эти благородные слова лишили оружия всех недовольных, и каждый человек сделал все, от него зависящее, чтобы спасти остатки армии, отступающие к Эльбе».

Во время реорганизации в Пильнице несколькими днями позднее Марбо узнал, что отнюдь не все пруссаки разделяют ненависть Блюхера к французам. Он получил письмо с благодарностью от некоего господина фон Бланкензее, который оказался тем самым полковником, чью жизнь он спас во время кавалерийской стычки на плато Яуера и который теперь возвращал ему десять солдат 23-го полка кирасир, взятых в плен ранеными после того, как самого фон Бланкензее освободили. Этот жест благородства, немыслимый в условиях современной войны, показывает, что чувство благодарности и галантность еще были живы на полях сражений в девятнадцатом веке, хотя и становились редкостью под давлением всевропейского раздора, что хорошо показывает прием, которого удостоился от царя Вандам после того, как француз был взят в плен вместе с почти всеми своими людьми во время отступления союзников после Дрездена. И именно Вандам, человек, которого Наполеон однажды назвал способным покорить даже самый ад, стал ответственен за третье поражение, которое понесла французская армия в продолжение недели после ее великой победы под Дрезденом 26 августа.

V

Чеснок, погода, давление обстоятельств или, возможно, чрезмерная самоуверенность Наполеона создали ситуацию, в которой Вандам стал ключевой фигурой в преследовании разбитых сил коалиции 30 августа.

Северная Богемия, район лесистых горных склонов и глубоких, усыпанных камнями лощин, вряд ли соответствовала характеру Вандама, любившего простор для маневрирования войсками. Первоначально его расположение было достаточно выгодным и хорошо отсекало пути отступления союзников. Благоразумный военачальник воспользовался бы этим расположением и выждал время, пока ему на поддержку придут корпуса Мармона, Сен-Сира и победоносная кавалерия Мюрата, чтобы помочь блокировать колонны австрийцев, русских и прусских войск, откатывающихся от Дрездена. Вандам же сошел вниз, на равнину Кульма, примерно в шестидесяти милях южнее города и всего в пятнадцати милях от Эльбы и обнаружил, что его яростно атаковала русская гвардия, обладающая численным превосходством. Он отступил в дефиле, ведущее на северо-восток к Петерсвальде, в направлении, с которого он начал продвижение, когда несколько дней назад пересек Эльбу. Однако на выходе из дефиле он напоролся на прусский корпус, который вел Клейст, и его колонны, решив, что попали в ловушку, наскочили друг на друга, стремясь выбраться из западни.

Однако в течение некоторого времени бой был равным, но вскоре преимущество стало склоняться на сторону пруссаков, поскольку подоспевшая русская гвардия стала наступать на тылы Вандама, и французы оказались зажатыми между тысячами беглецов, отступающими от Дрездена к Теплицу, где располагались их базы и склады, и войсками русского генерала Остермана, который искренне верил, что сражается ради того, чтобы его царь не оказался в плену врага. Вандам держался столько, сколько мог, но в конце концов был окружен и вынужден сдаться вместе с генера-

лами Гаксо, Гюйо и семью тысячами солдат. Пять тысяч пали в этом сражении.

Генерал Корбино спас то, что осталось от корпуса, произведя действие, типичное для того духа, который помог французам выиграть столько сражений, начиная с Самбр-эт-Меза. Произведя отчаянный кавалерийский штурм холма по направлению к Петерсвальде, он опрокинул вражескую артиллерийскую батарею, изрубил пушкарей и открыл проход, через который часть корпуса вышла к авангарду Великой армии, подошедшему к месту сражения слишком поздно, чтобы предотвратить разгром.

Эта победа имела своим следствием эффект, совершенно не соответствующий количеству вовлеченных в боевые действия войск и потерь в корпусе Вандама. Утром 30 августа армия коалиции представляла собой не более чем толпу беженцев, в беспорядке пробирающихся к своим базам в Богемии. Ее ряды и командный состав были совершенно деморализованы, а полководцы находились на грани отчаяния. Но к вечеру того же дня эта же армия вместе с семью тысячами пленных, включая Вандама, вошла в Теплицу так, как возвращается домой победоносная армия после успешного рейда на штаб-квартиру Наполеона. Какая-то часть унижения, выпавшего на долю союзников под Дрезденом, обратилась теперь на головы пленников. Когда Вандама представили царю, последний с насмешкой вспомнил разбойные походы генерала за провизией в Германии. Вандам ответил с иронией: «По крайней мере, меня нельзя обвинить в убийстве отца», намекая на уверенность людей того времени в причастности Александра I к убийству царя Павла, его предшественника на троне.

Капитан Барре, чья рота входила в арьергард сил Вандама, осуществлявших преследование врага, был в некоторой степени вовлечен в это фиаско, но ему удалось все же счастливо избежать и смерти, и плена. Он получил удар в правое плечо казацкой пикой, а в частых стычках в лесах и рощах к северу от Теплица потерял восемь своих людей. Его соратники яростно бились в арьергарде весь следующий день 31

августа. «Мое оружие покрылось таким слоем нагара, что пули не могли войти в дуло!» — записал он. Почти треть его батальона была потеряна в этом сражении, длившемся с перерывами целый день, а остальные спаслись тем, что применили хитрость, запалив огромный бивуачный костер и ускользнув под прикрытием темноты в другую сторону, где росли густые дикие леса. До утра 1 сентября Барре не знал о пленении Вандама, но когда это известие достигло его, он понял, почему враг атаковал его людей столь яростно и уверенно. На следующий день запись в его дневнике гласит: «В течение шести дней мы находимся без пищи. Я ем только землянику и чернику, которую собираю среди деревьев. Наконец одна маркитантка, в чьем багаже имелось небольшое количество провизии, присоединилась к нам. Эта негодяйка сбежала от нас, когда увидела, что мы входим в столь дикие места». Впрочем, вряд ли стоит упрекать ее за это, представьте себе женщину, только что пережившую разгром своих войск и при этом обремененную груженой телегой. Плохие дороги, нервное истощение, скорее всего, и остановили ее. Впрочем, большинство записей об этом периоде показывает, что мужество походных интендантов вполне соответствовало боевому настрою солдат Наполеона. Довольно часто они стойко исполняли свои обязанности даже под огнем врага и получали настоящие боевые ранения.

Наполеон все еще держался за Дрезден, когда получил известие о разгроме Макдональда под Кауцбахом. Это случилось в восемь часов тридцать минут вечера 28 августа. Следом за этим, еще до утра, пришли новости от Удино относительно его отступления к Гросс-Беерену и к Эльбе. В 2 часа ночи 31 августа императора подняли с постели и поведали ему о том, что случилось с Вандамом в Богемских лесах. Барон Фэн, составитель «Манускрипта о 1813 годе», пишет, что Наполеон принял эти скорбные вести философски, играя парой карт и время от времени повторяя строки из поэмы Корнеля, которые казались ему подходящими для данного случая:

*J'ai servi, commande, vaincu quarante annees;
Du monde entre mes mains j'ai vu les destinees;
Et j'ai toujours connu qu'en chaque evenement
Le destin des etats dependait d'un moment*.*

Судьба неожиданно покинула его в эту неделю, которая стала самой несчастливой за всю его карьеру. В течение многих лет в императорской армии стало традицией, что адъютант, приносящий хорошие вести, получал повышение на один чин. Таким образом маршалы могли продвигать по служебной лестнице молодых людей. Но летом 1813 года подобного рода продвижения случались как никогда редко. Спустя неделю после сокрушительных известий о поражениях под Катцбахом, Гросс-Беереном и Кульмом пришла четвертая плохая новость, на сей раз о поражении Нея, который заменил разгромленного Удино на севере. Несмотря на все потрясения, Наполеон все же не оставил свой план взятия Берлина, для чего он решил выманить основную силу союзников из Австрии и расчленил их силы, на что надеялся, полагаясь на довольно малую толику везения и на успех еще одной целеустремленной попытки.

Примерно в сорока милях южнее Берлина лежит городок Барут, и Ней получил приказ выступить маршем к нему. Генеральный план предписывал ему препятствовать движению союзников на север, двигаясь к Эльбе, и удерживать их на расстоянии от Блюхера, который продолжал угрожать Макдональду в богатом реками районе к востоку от Дрездена, а также изолировать Шварценберга, который пытался восстановить порядок в своих батальонах в Теплице, в Богемии. Это была очередная превосходная стратегическая концепция, но успех ее реализации зависел от того, насколько удачен будет маневр Наполеона, предполагавшего соединиться с Неем в Лукау, севернее Барута, к 6 сентября.

* Я служил, командовал, побеждал сорок лет;
Я судьбы мира держал в своих руках;
И я всегда знал, что в каждом случае
Судьба государств зависела от момента (фр.).

Ней ринулся выполнять это поручение со своей обычной стремительностью, но Наполеон был не в состоянии поддержать его, как обещал. До Дрездена дошли известия, что армия несгибаемого Макдональда столкнулась с тяжелыми испытаниями и находится на грани разгрома, и, таким образом, ему не удалось сдержать Блюхера. 3 сентября император в третий раз, начиная с мая, вышел на дорогу к Бауцену, чтобы на этот раз прийти на помощь шотландцу.

Все это напоминало игру в пятнашки. Как только Блюхер узнал, что Наполеон лично принимает участие в направленных против него действиях, он повернул назад, и его нежелание остановиться и принять бой, по словам Оделабена, привело Наполеона в страшную ярость. К 6 сентября Сен-Сир, оставленный в Дрездене, снова запросил помощи, поскольку прошел слух о том, что Ней находится в затруднительном положении и что Шварценберг готов сделать вторую попытку овладения саксонской столицей. Наполеон повернул назад, проклиная военачальника, который мог обрушить вся силу своей армии на любую комбинацию наполеоновских маршалов, но никогда не дерзал сражаться с ним самим, какие бы обстоятельства ни сложились на театре военных действий. Наполеон даже получил в эти дни прозвище «Бауценский курьер». Во всяком случае, ему было ясно, что ни один человек и ни одна отдельная армия, как бы сильна и быстра она ни была, не сможет сдержать четырех сильных противников, чьи армии сгруппированы в три соединения, каждое из которых достаточно сильно, чтобы вести как наступательные, так и оборонительные операции. Он был похож на превосходного дуэлянта, который вынужден биться сразу с несколькими соперниками, причем в каждом направлении его ожидали неожиданные препятствия. Его мужество и мастерство были равными или превосходили мужество и мастерство двух любых его противников, но всегда находился третий участник комбинации, который мог ударить Наполеону в тыл, обойти его справа или слева, причем двигаться армии императора приходилось теперь по территории,

население которой относилось к нему если не враждебно, то во всяком случае без энтузиазма. Он не мог принудить к сражению бдительного Блюхера. Он не мог исключить из игры Бернадота и его агрессивного партнера фон Бюлова. Чтобы ворваться в Богемию и вынудить Шварценберга принять решительное сражение, ему не хватало ресурсов. Все, что ему оставалось, это прятать свои основные планы и препятствовать объединению армий союзников, чтобы их объединенная мощь не смяла его войска, и надеяться на то, что Ней пришлет-таки утешительные новости с севера. Разведывательные рейды и крупные и малые стычки противников продолжались на востоке и на юге от Дрездена практически непрерывно, и в одной из них попал в плен сын Блюхера. Это событие стало хотя бы маленькой, но все же компенсацией за потерю Вандама и его людей.

8 сентября от Нея пришло донесение, но в нем содержались такие известия, от которых все в штаб-квартире Наполеона пришли в беспокойство. На первый план вышла неразумность дальнейшего пребывания французов на территории к востоку от Эльбы. Теперь становилось ясно, что главное сражение, если на таковое можно будет вынудить союзников, должно состояться гораздо западнее, в окрестностях Лейпцига, а Дрезден вот-вот предстоит оставить. Маршал Ней, атакуя Берлин во главе корпуса Удино, встретил Северную армию союзников в Денневице, примерно в двадцати пяти милях к северо-востоку от Эльбы, и был полностью уничтожен, потеряв 22 тысячи человек (из них 13 тысяч пленными), сорок орудий и четыреста фур с грузом боеприпасов и провизии. Наряду с прочими новостями в донесении содержались сведения, делавшие окончательно ясным (ни много, ни мало) то, что вся Германия потеряна для французов. Саксонцы Нея, до сей поры составлявшие полностью преданные императору части Великой армии, в этот раз сдались в плен или дезертировали прямо перед лицом неприятеля.

Неудачи Нея объяснялись его собственными несвоевременными распоряжениями лишь отчасти, более же всего они

объяснялись силой его противника, восстановившего уверенность в своих силах, и мужеством пруссаков. Бертран, атакуя правое крыло Бернадота, был остановлен, и Ней, подошедший к нему на помощь лишь три часа спустя, обнаружил перед собой Бюлова с победителями Гросс Беерена, и оказался не в состоянии продолжать атаку. Затем саксонцы безо всякого предупреждения стали покидать поле боя, а то и просто вливаться в ряды противника, обратив оружие против собственной армии. В образовавшуюся брешь хлынула прусская кавалерия и оттеснила французов назад к Торгау. Отступающая армия была расколота яростью этой кавалерийской атаки на две части, которые бежали в противоположных направлениях.

Бернадоту не достались лавры победителя в этой битве. Когда он со своими шведами подошел, дело уже было сделано, так что он мог спокойно двигаться вдоль Эльбы; это движение, как он надеялся, вело прямо к ожидающему его в Париже трону. Бернадот, продвигающийся по Эльбе, Блюхер, готовый опрокинуть ослабленную армию Макдональда обратно в Дрезден, Шварценберг, уже стоящий одной ногой в Лейпциге. «Моя шахматная партия, — сказал Наполеон Мармону, — становится проигрышной». Она была отчаянно проигрышной, и требовалось время, чтобы собрать все фигуры ближе к Франции. На следующую ночь уже могло быть поздно, союзники могли захлопнуть дверцы своей ловушки и поймать то, что оставалось от Великой армии, на враждебной территории, в двухстах милях от источников амуниции, пополнения конницы, фуража, рекрутов, набираемых на Рейне и в районе Заале.

Удино, снова вошедший в милость, как он и предсказывал, был оставлен, чтобы прикрывать тыл с помощью Молодой гвардии. Основные силы маршировали на запад под осенними дождями, чтобы соединиться с остатками корпуса Нея, двигавшимися в том же направлении с севера. Местом встречи был назначен Лейпциг, название, которое станет основным из всех топонимов, связанных с двумя Саксонскими кампаниями.

ГЛАВА 8 БИТВА НАРОДОВ

I

Высший командный состав Великой армии, вошедший в Саксонию вместе с Наполеоном в апреле 1813 года, вряд ли имел большие надежды на успех кампании. Едва ли нашелся бы среди них хотя бы один, кто не мечтал о мире, даже путем компромисса. Ведь этот мир давал им возможность сохранить за собой почет, звание, социальное положение, огромные доходы. Мир обещал им возможность наконец передохнуть в лоне семьи и в кругу друзей после почти двадцати лет непрерывных войн. Теперь, когда армия катилась назад, маршалы Наполеона были еще более склонны принести в жертву миру Италию, а многие были, без сомнения, не против и того, чтобы Франция вернулась к своим естественным границам, и даже смирились с мыслью о том, что необходимо оставить и Нидерланды. Впрочем, хорошо зная своего предводителя, они вряд ли могли рассчитывать на осуществление этих надежд. Также все понимали и то, что армии русского царя, Фридриха Вильгельма Прусского и Франца Австрийского начинают входить во вкус побед. С точки зрения маршалов впереди их не ожидало ничего, кроме очередных поражений на поле боя, очередных отступлений, и в финале, возможно, восстановления старой аристократической Франции, что, безусловно, окончательно похоронит всех под обломками крушения их хозяина. Несмотря на ясное понимание ситуации, все маршалы Наполеона оставались верными ему. Все, кроме

Мюрата. Некоторые останутся верными еще надолго, но лишь один — до конца его дней*.

Их число уже стало меньше. Бессьер и Дюрок погибли. Вандам с генералами Гюйо и Гаксо шли по этапу в Сибирь. Жомини воевал на стороне союзников. Генерал Кирченер покоился в Бауцене. Некоторые тяжело ранены.

Преданность же младших офицеров была вне подозрений, ее не поколебали даже четыре поражения, понесенные армией в последние тринадцать дней**. Люди вроде кавалерийского полковника Марбо или капитана пехоты Баррэ навсегда остались профессионалами своего ремесла. Раны, потрясения и усталость от битв мало влияли на тот образ жизни, который они вели с юности. Они сражались сознательно и преданно, без жалоб принимая как добро, так и зло, подчинялись приказам, предоставляя своим начальникам принимать решения, от которых зависела их жизнь. Однажды утром, бреясь перед зеркалом, укрепленным на стволе дерева перед бивуаком, полковник Марбо услышал сзади шум, обернулся и увидел серые глаза императора, который обходил лагерь с адъютантом. Он попросил Марбо возглавить его эскорт, и Марбо, стерев мыльную пену с лица, оседлал коня и следовал за Наполеоном в течение всего дня. «Находясь рядом с ним, я не испытывал недостатка в изъявлениях его добрых чувств ко мне», — записал он, вспоминая это событие годы спустя. Капитан Баррэ и его товарищи, сражаясь на своем пути вдоль Эльбы в сентябре, приписали разгром плохому качеству кавалерии, которую им пришлось даже охранять. В одном местечке, где казаки атаковали французский арьергард, Баррэ спрятал своих людей на церковном дворе и открыл прямой огонь по русским всадникам, гнавшимся по дороге за французскими драгунами. «Как сплоченно они дви-

* Имеется в виду Евгений Богарне; но Богарне был генерал-полковником, а не маршалом. Звание генерал-полковника в описываемый период носили лишь два полководца Наполеона: Богарне (егеря) и Бараге д'Илье (драгуны); что касается еще двух его генерал-полковников, то Жюно (гусары) уже покончил с собой, а Сен-Сир (кирасиры) стал маршалом.

** 23 августа Удино при Гроссбеерене, 26 августа Маكدональда при Каубахе, 30 августа Вандам при Кульме и 6 сентября Ней при Денневице.

гались и как быстро они исчезли», — с наслаждением вспоминал он даже спустя годы. Такие люди перед лицом опасности всегда держатся вместе, их поддерживает опыт и воинская гордость.

Несколько иначе обстояло дело с конскриптами, с теми мальчишками, чье неожиданное мужество сделало их победителями Люцена, Бауцена и Дрездена. Одна действительная победа, четыре поражения и бесконечные марши по стране, уже опустошенной войной, стоили жизни 150 тысячам призывников. Еще 50 тысяч лежали в госпиталях. Оставшиеся в строю, полностью истощенные вследствие элементарного недоедания, падали прямо на дорогах или пополняли быстро растущее число французских пленных. Их горькая судьба во время второй половины кампании наглядно отображена в документальных книгах «История призыва 1813 года» и «Ватерлоо». Тяжело раненный в битве при Люцене, ее герой Жозеф Берта провел четыре месяца в госпитале и в сентябре, во время сосредоточения войск в Лейпциге, снова возглавил свое подразделение. Подразделение, которым он командовал, состояло из трех отрядов: его собственного и отрядов его товарищей Зебеде и Клипфеля. Атакованные на краю леса прусскими гусарами, эти отряды скоро потеряли треть людей и превратились в два. Загнанный в овраг, Берта был спасен от смерти под саблями кавалеристов лишь удачным выстрелом, но Клипфель изрублен на куски, тщетно взывая о помощи. «Самая ужасная вещь на земле — слышать, как твой товарищ зовет тебя, и быть не в состоянии прийти ему на помощь и спасти его. Вокруг него было слишком много врагов», — сетовал Зебеде, который был очевидцем смерти Клипфеля.

«Вокруг было слишком много врагов». Это было справедливо для каждого французского корпуса, сражавшегося вдоль берегов Эльбы в направлении Лейпцига, и такие воины, как Берта, воюющие или марширующие сутками напролет, а часто после этого полночи стоящие в дозоре, должны были при этом научиться довольствоваться той пищей, которую они

сами смогут найти, или выторговать у крестьян, или жить на бульоне из конины, приправленном лишь черным перцем. Ветераны наполеоновской армии жалели новобранцев, но и им требовалось сохранить себя в строю и боеготовности, чтобы стать основой боевых порядков и не допустить дальнейших поражений. После Кульма пришел приказ, в котором говорилось, что каждый десятый из тех, кого обнаружат вне его соединения, будет расстрелян. Можно сказать, что в этих условиях лишь дисциплина и традиции ветеранов Великой армии сохранили в ее рядах к концу сентября 256 тысяч солдат и 784 орудия.

Преданность союзников Франции быстро таяла, и они откалывались один за другим. Король Баварии писал в конце месяца, что он не может обещать удерживать людей для Французского альянса более шести недель. Королевство Вюртемберг показало себя столь же ненадежным. 1 октября несколько сотен казаков Чернышова захватили Кассель, столицу Вестфалии, королевства, которым правил брат Наполеона Жером. Столь же нерешительный, как и брат Жозеф, Жером удрал в Кобленц. Генерал Алликс, командующий гарнизоном в Касселе, имел больше мужества. Он сумел сплотить остатки войска и 13 октября отбил город, за что ему была пожалована ежегодная пенсия в 6 тысяч франков. Но Жером, избалованный ребенок клана Бонапартов, понимал, что Вестфалия, это сказочное королевство, созданное для него несколько лет назад, не имеет никакого географического и экономического значения и растает как кусок сахара в огне европейских событий.

Тем не менее в Дрездене Наполеон перебирал все возможные альтернативы дальнейшего хода кампании. Силы Мюрата, Виктора, Лористона, поляки Понятовского (ставшего вскоре двадцать пятым маршалом и проносившего это звание тридцать шесть часов) и лучшая часть французской кавалерии вполне могли остановить продвижение армии Шварценберга на запад. Бернадот и его союзники временно были задержаны в районе нижнего течения Эльбы. Но те-

перь, когда вся Западная Германия восстала против Наполеона, требовались гигантские усилия, чтобы предотвратить разгром. Примерно сутки император еще полагал, что у него есть соответствующий план, и его мужество и величие ослепило некоторых из его подчиненных. Этот план должен был полностью переменить ситуацию, привести в движение все силы, находящиеся вне кольца союзных войск, и опустошить территории продвигающихся европейских владык, вынудив их вернуться и дать решающее сражение. Для этого Наполеону требовалось вывести гарнизоны на севере и создать оборонительные рубежи не по Эльбе, уже занятой врагом, а по Одере. Это был отчаянный план, напоминающий ранние наполеоновские кампании, однако в результате он оказался невыполнимым. В начале октября пришли известия о том, что Бавария совершила предательство, что Вюртемберг последовал ее примеру и что оба бывших союзника уже угрожают французским границам. Другой новостью было то, что царь получил подкрепление в 60 тысяч человек, в которое входили среди прочих башкиры и татары, вооруженные еще луками и стрелами и одетые в шкуры из овечьей кожи. Грандиозный стратегический план оказался бесполезным, и Наполеону остался единственный шаг — отступить обратно в Аейпциг, сконцентрировать здесь все силы и надеяться на лучший исход. Тем временем Северная армия Бернадота пересекла Эльбу у Росслау, ниже Виттенберга, а Блюхер с его проверенной в битвах Силезской армией решил совершить марш на север и присоединиться к ней. Шварценберг с 180 000 войска в Богемии двигался на запад, рассчитывая обойти Великую армию с фланга. Саксонию требовалось принести в жертву, и единственная проблема, которую оставалось теперь решить, — оставлять гарнизон в столице Саксонии Дрездене или вывести его.

Это было нелегкое решение, и, принимая его, Наполеон дважды менял свои планы. В конце концов, возможно, в качестве политического жеста, он оставил в городе Сен-Сира, который лучше других умел вести оборонительные действия,

с 20 тысячами человек. И это, как оказалось, было еще одним неверным решением. Саксония наряду с другими германскими государствами способствовала рассеянию армии, и гарнизон Дрездена вполне мог стать силой, которая переломила бы ход событий в Лейпциге месяц спустя. Обладая 150-тысячной армией, Наполеон выступил на запад. К 8 октября он был уже в Вюрцене, не слишком обеспокоенный тем, что Блюхер практически соединил свои силы с силами Бернадота. Шестью днями позже Наполеон вошел в Лейпциг, где кавалерия Мюрата, отступающая под натиском Шварценберга, присоединилась к нему. Стальное кольцо замкнулось и стало день ото дня медленно сжиматься.

Маршал Макдональд не был выдающимся стратегом, но он был одним из немногих людей, окружавших Наполеона, который имел смелость давать ему реалистические советы. Еще в январе, когда маршал прокладывал с боями путь на Балтийском побережье после того, как половина его армии дезертировала и перебежала к русским, он предлагал вывести все восточные немецкие гарнизоны и сконцентрировать силы западнее. Теперь он говорил примерно то же самое. «Необходимо отступить за Заале и готовить оборону границ, — советовал он императору. — Мы сможем остановить здесь врага, но для этого надо оставить Германию». Этот замечательный совет не был принят, отчасти из-за того, что Наполеон не желал терпеть даже временного поражения, занявшись защитой Франции, но также и по той причине, что союзники были слишком близко, они преследовали Великую армию буквально по пятам, так что никакой возможности усилить войска не было.

15 октября, за день до того, как началась величайшая по масштабу битва всех наполеоновских войск, Мюрат все же пробился в Лейпциг, но и Блюхер тоже приблизился к городу. Отступить без боя стало невозможно. Наполеон понимал это и решил грудью встретить то, что грозило превратиться в безвыходную ситуацию. Он все еще верил, что может разгро-

мить любую армию союзников в отдельности, а прошлые впечатляющие победы выработали у него психологию игрока: «все или ничего». Но и в тот момент он, похоже, еще не осознал, что теперь ему противостоят не правители государств, а сами народы, так же, как это было уже в Испании. В этих условиях одна решающая победа никогда не решает исход всего дела.

Сегодня, зная результат, мы могли бы осудить решение императора принять сражения в Дрездене и Лейпциге, но действиями человека всегда управляет опыт, который приобретен в юности. В течение первой половины своей жизни Наполеон преодолевал все препятствия, которые вставали на его пути, поэтому для него было невозможно смириться с мыслью о поражении. Кроме всего, он все же пережил русский разгром и остался жив, более того, не потерял власть, и уже в весенне-летней кампании наносил врагу поражения всякий раз, когда встречался с ним лицом к лицу. Поражения терпели только его подчиненные, и теперь, обозревая большую равнину на юге Лейпцига в один из октябрьских вечеров, он все еще считал, что у него есть шанс разбить Шварценберга, а затем повернуть на север, пересечь Пате и опрокинуть Блюхера и шведскую армию, идущую за Блюхером.

У него было теперь 157 тысяч человек, а против него с севера и с юга наступали 197 тысяч, и было еще 100 тысяч резерва, который мог также вступить в сражение. Качество командующих этой армии его не впечатляло — Шварценберг и Бернадот оба были предателями; царь Александр уже однажды сидел на земле и плакал после Аустерлицкого поражения; Фридриха Вильгельма и Блюхера Наполеон гнал через всю Пруссию после Йены, и они позволили ему окружить и захватить всех своих людей и всю артиллерию; наконец, австрийский генерал Мервельдт дважды был его пленником, и ему предстояло стать им в третий раз на следующий день. Наполеон вызвал своих маршалов и сообщил им план предстоящей битвы.

II

Город Лейпциг, расположенный на равнине, орошаемой тремя главными реками — Парте, Плайсе и Альстером — и множеством мелких речек и ручьев, являющихся притоками этих рек, в то время насчитывал около 40 тысяч человек населения. Вдоль правого берега Альстера, особенно на востоке, находилось множество деревень, соединенных между собой густой сетью дорог. Между 16 и 18 октября 1813 года эти деревни стали свидетелями самого кровавого сражения XIX века.

Чтобы оценить все события трехдневной битвы, необходимо изучить карту местности. Названия деревень не так легко запомнить тем, кто не знает немецкого языка, но на территории трех главных районов битвы располагаются определенные ключевые пункты, которые упоминаются во всех описаниях сражения. На северо-западе от города, вдоль реки Альстер находится Мокерн — там стояло соединение Мармона, которому был дан приказ удерживать пруссаков. На западе от Лейпцига расположен Линденау, откуда идет дорога в Вейсенфельс и на запад, пересекая Альстер по единственному мосту. Это был единственный путь отступления для французов в случае их поражения. К югу, на востоке от реки Плайсе, охватывая полукругом территорию до Парте, располагались примерно пятнадцать-двадцать деревень и хуторов, которые использовали в качестве укреплений обе стороны — Конневиц, Делиц, Пробстейде, Цукельхаузен, Хольцхаузен и Молкау; за этим полукольцом — Маркклеeberg, Вахау, Либертвольквиц и Кляйн Пессна. Главное поле сражения, исключая район вокруг Мокерна на севере и Линденау на западе, простирается примерно на две мили на юго-восток, а его окружность примерно в два раза больше. На этой территории располагались несколько лесистых участков, но из них лишь один значительный — Кольберг, или «Шведский редут», находившийся на полпути между деревнями Вахау и Либер-

дольквиц. Именно он в ночь перед битвой стал местом незначительного инцидента, который мог стать для Франции выигрышем кампании, а для Наполеона — спасением его династии.

В конце дня 15 октября с линий Шварценберга были выпущены три белые ракеты, ответом на которые были три красные, из расположения Блюхера, на севере от Парте. Союзники дали сигнал друг другу и определили расположение своих войск. Макдональд, который не желал, чтобы «Шведский редут» был захвачен врагом, послал полковника Марбо из 23-го кавалерийского полка осмотреть его. Сидя здесь под ясным звездным небом, Марбо заметил группу офицеров, движущихся на холме, и услышал французскую речь. Решив, что у него есть шанс захватить в плен членов вражеского штаба, он послал два эскадрона справа и слева холма. К несчастью, один из кавалеристов, уронив саблю и не желая упустить встреченный разведывательный отряд, выстрелил из карабина, убив прусского майора. Группа офицеров спешно поскакала прочь, и Марбо, не имея возможности ее преследовать ввиду приближения эскорта, упустил то, что могло принести ему славу всей жизни. Замеченная им группа состояла из царя России, короля Пруссии и их нескольких ближайших советников. Это был очередной пример той цепи невезений, которые преследовали Великую армию на всем пути от Москвы до Ватерлоо.

В 9 часов утра следующего дня на всех трех фронтах началась битва. Генерал Йорк атаковал Мармона у Мокерна; австрийский генерал Гиулаи захватил Линденау силой 19 тысяч человек и двинулся против Виктора, Удино, Лористона, Макдональда и Мортье, войска которых расположились вокруг Вахау и Либервольквица. Эти места стали ареной главного сражения. Генерал Шварценберг и его армия, построенная четырьмя колоннами, а также генерал Мервельдт атаковали Понятовского, оборонявшего Конневиц. Канонада, предшествовавшая атакам, была такой, какой никогда еще в прошлом не слышали. «Это был один долгий непрекращаю-

щийся звук», — говорил один из участников сражения, присутствовавший в том районе, где генерал Друо обрушил на центр союзников огонь своей гвардейской артиллерии, состоявшей из ста пятидесяти орудий. «Земля дрожала от нестерпимого оглушительного рева. Отдельные дома снесло, как пушинки ураганом. В Лейпциге, за восемь миль от этого места, звенели стекла в рамах».

Целью Шварценберга в этот первый день битвы было обойти французов справа по Плайсе, но земля здесь была слишком болотистой, и ему удалось лишь потеснить Понятовского, заняв расположенные в линию три деревни на правом берегу реки. Наполеон намеревался прорвать центр противника в Гульдегоссе и смять его правый фланг. Когда первая атака союзников была отбита, он мог это сделать, поскольку Шварценберг большую часть своей армии направил против Понятовского, где она увязла в болотистых лугах.

В 2 часа дня французы двинулись вперед, и их напор был несокрушим. Виктор занял Вахау и Марклеесберг и мчался к Гульденгоссе, поддерживаемый Удино и Гвардией. Слева Макдональд и Мортье, при поддержке кавалерии Себастиани, смели всех врагов на своем пути. Спустя час кавалерия Мюрата прорвала ряды врага и начала движение, напомиравшее преследование разбитой армии. На севере колокола Лейпцига стали бить, возвещая победу императора. Но это было преждевременной радостью. Союзники были потрясены, но еще далеко не разбиты.

В дело вмешался российский царь. Отменив приказы Шварценберга, он остановил отток войск на левый фланг и приказал начать массированную контратаку, используя все резервы, находившиеся в его распоряжении, включая тринадцать эскадронов русских кирасир и поддерживающих их казаков. Поток свежих кавалеристов союзников обрушился на десятитысячную конницу Мюрата, сломил ее напор и оттеснил с только что занятой территории. Виктор, чтобы предупредить охват с фланга, был вынужден тоже отойти назад к Вахау, а Лористон и Удино остановились в Либертоволькви-

це, где заняли оборону*. Параллельно этой сокрушительной кавалерийской атаке генерал Мервельдт наконец сумел извлечь выгоду из своего перехода через Плайсе и напал на французский правый фланг, отбив у Понятовского Конневиц и перейдя в наступление на соседнюю деревню Делиц. Впрочем, надо заметить, что каждую пядь земли ему приходилось завоевывать ценой огромных потерь. Контратака кавалерии Старой гвардии под началом генерала Кюриала не только вновь оттеснила австрийцев на другой берег реки, но и позволила пленить их генерала.

Тем временем на севере и на западе от Альстера разворачивались два других сражения, каждое из которых при других обстоятельствах можно было бы квалифицировать как отдельные крупные битвы. Одно шло за обладание районом Линденау, другое — за позиции, занимаемые Мармоном в Мокерне и соседних деревнях.

Оба участка были жизненно важными для французов. Если Бертран потерпит поражение при Линденау, враг отрежет мост, который является единственным путем отступления во Францию; если Мармон уступит Блюхеру, прусские войска ворвутся в город и ударят в тыл основным силам французов. Бертран показал себя стойким бойцом. На какое-то время, после семи часов непрерывных атак,

* Вот как этот критический момент развития атаки Мюрата, фактически решивший исход всего Лейпцигского сражения, описывается у Д. Чандлера: «Первый французский кавалерийский корпус, подтянутый к батареям Друо, был незадолго до сражения подчинен генералу Думерку (Латур-Мобур был тяжело ранен). Увидев, что перед его фронтом открылась возможность, Думерк приказал кирасирской дивизии генерала Бордесуля из 18 эскадронов (2500 кавалеристов) атаковать во фланг войска Евгения Бюртембергского. «Тяжелые» с грохотом помчались вперед и немедленно врзались глубоко кинном в линию союзников. Два батальона рассыпались перед их атакой, было захвачено 26 пушек, а Бордесуль все глубже проникал к тылу союзников и почти достиг командного пункта царя. Это могло стать решающим моментом дня, но, к несчастью, ни Думерк, ни Мюрат не смогли прислать нужное количество столь необходимых поддерживающих войск для развития успеха кирасир. Вследствие этого царь пускает в дело лейб-казаков, составлявших его конвой, поддерживаемых 13 свежими эскадронами русских кирасир, которым удалось контратаковать и отбить выдохшуюся французскую кавалерию. К 3.30 эпизод был завершен, и с ним исчез шанс французов добиться реального успеха...

Если бы Наполеон находился на своем командном пункте на Гельгенберге во время атаки Бордесуля, можно было бы не сомневаться, что он позаботился бы о том, чтобы послал достаточно подкреплений для развития успеха кирасир, и бой при Ваху был бы выигран. Но внимание Наполеона было внезапно отвлечено вскоре после 2.30 дня звуками сильной стрельбы из северного сектора. Повернув лошадь, он поскакал к Мокерне узнать, как дела у Мармона» (Д. Чандлер. Военные кампании Наполеона. М.: 2000. С. 565–566).

австрийцы Гиулаи захватили и удерживали Линденау, но Бертран снова выбил их штыковой атакой, после чего ни пяди земли не было отдано врагу, и мост, столь важный для армии, оставался в их руках.

На северном секторе дела шли не столь хорошо. Атакованный превосходящими силами корпуса Йорка, Мармон был вынужден отступать, но делал он это очень медленно, оттягивая войска в боевом порядке к пригородам Халле и Делицу. Северным участком Великой армии командовал Ней, и его решение отправить одну из дивизий Суама, которая могла бы стать решающей для Мармона, на опасный участок сражения под Вахау было явной ошибкой. Люди Суама провели весь день, маршируя с одной части поля битвы к другому, не сделав при этом ни одного выстрела, в то время как Мармон с их помощью смог бы удержать Мокерн¹.

Когда осенняя тьма покрыла поле, оружейный и пушечный огонь стал стихать. Обе армии занимали практически те же позиции, что и в начале битвы. Пруссаки заняли Мокерн, но Армия Богемии Шварценберга, понеся тяжелейшие потери, вряд ли приобрела хотя бы ярд. Оглушенные шумом битвы, солдаты обеих сторон разожгли костры и дали друг другу отдых, прерываемый редкими тревогами. Бертран подошел к мосту в Линденау и с тоской глядел на этот путь отступления. Наполеон, надеясь укрепить мужество поляков, которые столь яростно сражались вдоль берегов Плайсе, даровал маршалский жезл их командиру, князю Понятовскому². Повсюду на огромном поле сражения солдаты перебинтовывали раны себе и товарищам или подвергались ампутациям без наркоза, как это уже случилось с командиром кавалерии Латур-Мобуром.

Капитан Барре из 47-го пехотного полка, стоявшего на самом краю левого фланга Великой армии, провел тревожную ночь. Сражаясь на левом фланге корпуса Макдональда в районе Хольцхаузена, он атаковал лес, защищаемый хорватами, и уже выдвинувшись вперед, услышал крик: «Не стреляйте, мы французы!» Он дал приказ остановить огонь и тут

же стал мишенью мушкетных выстрелов, после чего, снова ринувшись в бой, ворвался в лес, где обнаружил группу хорватов и нескольких французских пленных, один из которых закричал: «Ко мне, Барре!» Это был капитан его собственного батальона, присутствие которого хорваты использовали как ловушку. Те из врагов, которые смогли убежать, тотчас же исчезли, и, прорвавшись сквозь заросли, Барре не увидел ни одного противника. Слева и по центру перед ним лежал обычный сельский пейзаж. Справа, по его собственным словам, «стоял такой шум, словно там собрались все дьяволы ада». Он помчался к деревне Кляйн Поссна, чтобы расположить бивуак на перекрестке дорог. Он не знал, где находится, и никто не мог сказать ему, где находятся его войска. Весь день он сражался наравне с рядовыми солдатами, сам принимая все решения, и потерял ранеными восемь человек. «Мы таяли день ото дня», — записал он. На следующее утро генерал кавалерии Рейзе проезжал мимо и пригласил Барре и его сорок выживших солдат проводить их к основным силам, но Барре, имея многолетний боевой опыт, вежливо отказался от этого предложения. «Спасибо, генерал, — ответил он, — если бой возобновится, а я останусь на равнине, мои люди запутаются в удилах ваших коней». Рейзе, пораженный таким ответом, согласился и помчался прочь. Несколько часов спустя Барре отыскал свой батальон в Хольцхаузене, и все были приятно удивлены, увидев его; там давно думали, что он убит или взят в плен со всеми своими людьми.

Для Марбо, сражавшегося под началом Макдональда и Лористона, этот день тоже был неординарным. Когда он наступал, чтобы захватить Университетский лес в Гросс Поссна, на левом фланге линии битвы, его всадники были атакованы большим количеством русской и австрийской кавалерии. Французы, ведомые Себастиани, контратаковали и отгеснили врага. Марбо потерял много людей, а его заместитель был ранен в грудь казачьей пикой «..вследствие пренебрежения уставной защитой в виде скатки», — отмечает полковник, строгий приверженец армейских уставов.

Несмотря на то что французы удержали свои позиции, их армия была более деморализована и обескровлена, чем войско противника. Наиболее пронизательные были обеспокоены тем, что штаб-квартира совершенно не готовит пути к возможному отступлению, в частности не готовится никаких мер, необходимых для переправы через многочисленные реки, пересекающие поле сражения под Лейпцигом, которые в случае неудачи требовалось преодолеть армии, следующей к Вейсенфельсу, откуда шла единственная дорога к французской границе. Другие спрашивали себя, когда же закончатся эти бесконечные марши и бои с врагом, который превосходит их в числе и вооружении практически на каждом участке. Писатели Эркман-Шатриан* отразили эти вопросы и сомнения участников Лейпцигской битвы в следующем описании того, как их герой Жозеф Берта, наблюдая движение Императорского штаба в Лейпциге, пишет о гренадерах гвардии, расчищающих для него путь: «...люди, похожие на гигантов, в огромных сапогах и шлемах, опускающихся до плеч и оставлявших открытыми лишь глаза, носы и усы... хотелось воскликнуть: „Эти парни на нашей стороне, и они славные воины“». Затем он увидел Императорский штаб — около 150–250 генералов, маршалов и офицеров, «сидящих на ухоженных лошадях и украшенных таким количеством золотых лент, орденов и украшений, что нельзя было даже различить цвет их мундира. Некоторые были высокими и худыми, с надменным выражением на лицах, другие — короткими и толстыми, с красными лицами. Были и молодые, сидящие на своих лошадях прямо, как статуи, с сияющими глазами и носами, похожими на орлиные клювы. Это было величественным и даже пугающим зрелищем. Больше всего меня поразило в этих офицерах, которые создали из Франции самое грозное государство за последние двадцать лет, присутствие среди них самого Наполеона. Он был в своей старой треуголке и в сером сюртуке. Мне кажется, что я вижу, как он

---

* Французские писатели Эмиль Эркман (1822–1899) и Александр Шатриан (1826–1890), публиковавшие свои произведения под именем Эркман-Шатриан.

проходит мимо меня с плотно сжатыми губами, с большой головой, утопающей в плечах. Все кричат: „Да здравствует император!“, но он не говорит ни слова; он обращает на нас не больше внимания, чем на дождь, накрапывающий с неба».

Это вполне достоверное описание. В течение десятилетий девятнадцатого века сотни и тысячи людей, наблюдавших этот мрачный, величественный спектакль, вспоминали его по прошествии многих лет, в старости, когда Францией правили ничтожество, а слава была не в фаворе. Именно эти воспоминания создали из Наполеона легенду, именно они даровали ему победу, которая в конечном счете превзошла победу, одержанную монархами Европы на Лейпцигском поле.

И все же... Прежде, чем битва продолжилась на следующий день, Наполеон думал о компромиссе, пытаясь спасти хотя бы остатки того, о чем он мечтал, составляя свой весенний план. Он послал за пленным австрийским генералом Мервельдтом и вернул удивленному воину его меч, отнятый у него вечером в Делице. Он попросил его вернуться в лагерь союзников с предложением нового перемирия. Он обещал оставить Польшу и Иллирию, дать независимость Голландии, ганзейским городам, Испании (уже почти для него потерянной) и объединенной Италии. Мервельдт уехал, поздравляя себя со столь неожиданной удачей, но ответа Наполеон не дождался, не было даже вежливого отказа. Союзники решили сражаться до тех пор, пока последний французский солдат не пересечет Рейн.

Весь день 17 октября продолжалось необъявленное перемирие. Единственный бой, не очень ожесточенный, произошел на северо-западе, где Мармон противостоял Блюхеру. К тому времени подошел со своими шведами Бернадот. К союзникам присоединился русский генерал Беннигсен со значительными силами, состоящими из двух частей, усилив примерно на 100 тысяч человек изрядно потрепанные ряды коалиции. Французская армия получила подкрепление лишь в лице Ренье и его корпуса — не более десяти тысяч. Ночью 17 октября, не получив ответа на свои предложе-

ния, Наполеон вернулся в ставку и дал приказ возобновить сражение.

III

Он думал и об отступлении. Вряд ли мог быть иной исход для французов, защищавших город с единственной дорогой на запад, находящейся к тому же под угрозой противника. Правое крыло под началом Мюрата стояло в Конневице и Делице на Плайсе. Центр, удерживаемый такими надежными маршалами, как Макдональд и Удино, в основном располагался в Пробсттейде. Левый фланг под командованием Нея доходил на севере до Голиса, где Мармон пытался остановить продвижение пруссаков. Наполеон провел всю ночь на ногах, успев поговорить и с Неем в Рейднице на востоке, и с Бертраном в Линденау на западе. Он поставил штаб-квартиру в Штоттерице, недалеко от центра своей армии, направленного клином в районе Пробсттейде. Пушки заговорили в 8 часов утра. Бертрану был дан приказ начать движение по дороге на Вейсенфельс и любой ценой удерживать открытым единственный мост через Альстер. Сражение снова развернулось на трех участках, но теперь эти участки не были так удалены друг от друга, как 16 октября. Этот кровавый день был отмечен удивительной стойкостью французской обороны на каждом секторе сражения и яростью атак союзников, не прекращавшихся несмотря на значительные потери.

В районе Линденау Бертран легко отбил атаки Гиулаи и начал успешное отступление, а в течение утра и первой половины дня Ней и Мармон удерживали пруссаков и шведов в излучине Парте, но в центре, между рекой Плайсе и французской ставкой в Пробсттейде, сражение приняло не просто яростный, а безудержный характер. Десять раз Шварценберг атаковал Конневиц, Пробсттейде и пространство между ними, и десять раз поляки отбрасывали его назад в Конневице, а Виктор и Лористон в центре.

Сражающиеся смешались, и битва превратилась в сотню маленьких отдельных единоборств. Во второй половине дня русские войска Барклая-де-Толли, который командовал центром союзной армии, вынуждены были перейти к обороне, а Шварценберг был намертво остановлен Понятовским у Конневица.

Небольшой прогресс был достигнут на правом фланге, где войска Беннигсена, относительно свежие, заняли Хольцхаузен и продвинулись к Штоттерлицу — расположению Гвардии и Наполеона. Контратака ветеранов охладила пыл наступавших, и теперь основное давление сместилось еще левее, на ту часть, где Ней отчаянно пытался помешать Блюхеру и Бернадоту прорвать ряды французов.

В середине дня на левом фланге возник новый кризис. Тысячи саксонцев, преимущественно из корпуса Ренье, которые противостояли Бернадоту, неожиданно дезертировали, уводя с собой к противнику сорок пушек*. Эта измена была столь неожиданной, что французская кавалерия, предполагая, что саксонцы начинают атаку, криками приветствовала их движение. Эта потеря и ее моральные последствия были столь велики, что Ней приказал всем саксонцам, не оставившим ряды, отойти в тыл. Один саксонский офицер, который не успел дезертировать, проходя через ряды войск, кричал: «На Париж! На Париж!» Французский сержант, возмущенный этой наглостью предателя, воскликнул: «На Дрезден!» и в упор выстрелил в саксонца. Массовое дезертирство, возможно, было подготовлено заранее, и есть предположения, что Бернадот принял в этом участие, ведь кронпринц Швеции в 1809 году в сражении при Ваграме вел в бой именно саксонские части, дрогнувшие и побежавшие³.

Давление на этом участке возросло в прямом отношении к трудностям, которые обрушились на французов. Но трагедии еще не произошло даже тогда, когда Бернадот, сконцентрировав огонь орудий и новых ракет Конгрева⁴, для ведения

* По данным союзников, на их сторону перешло 4 тысячи пехотинцев и 22 конных орудия. Из них только четырем орудиям было разрешено остаться на поле боя; вся остальная артиллерия и пехота были отправлены на бивуаки.

которого в составе его войск находились британские специалисты, захватил деревню Паунсдорф. Наполеон быстро отбил ее с помощью Молодой гвардии, но вскоре, поняв, что удерживать эти позиции невозможно, отвел войска на линию, проходящую по Шенефельду, Зеллерсхаузену и Штунцу.

Согласно лорду Лондондерри, одному из британцев, присутствовавших в сражении при Лейпциге, ракеты Конгрева произвели значительный эффект на пехоту, «парализовав целую колонну, которая после нашего огня в панике бросилась врассыпную». К несчастью для ракетчиков, их командир, капитан Брэг из Королевской артиллерии, получил смертельное ранение вскоре после этого успеха, и командование над этим, по большей части экспериментальным, подразделением было передано лейтенанту Стрэйнджуэйзу⁵.

Принимая в этот день участие в кровопролитных боях вокруг Пробстгейде, Марбо подвергся нападению целой орды противника. Можно сказать, что этот противник был хорошо знаком галлам пятого века, которые защищали Запад от Атиллы, но полковника французской кавалерии они поразили. Успешно действуя против яростной атаки австрийцев Кленау и русской кавалерии Дохтурова, его соединение встретилось с крупным эскадроном казаков и башкир, которые забросали их стрелами. «Это оружие не принесло нам больших потерь, — записал он, — поскольку башкиры практически не знали строя и их понятие о боевом порядке не шло дальше овечьей отары. Когда они стреляли горизонтально прямо перед собой, то часто попадали в своих товарищей, которые неслись впереди, так что им приходилось пускать стрелы по параболе в воздух, приблизительно рассчитывая расстояние, которое отделяло их от противника. В результате девять десятых стрел не попадало в цель, а попавшие, потеряв скорость, просто падали под своим весом... Однако, поскольку их орда была многочисленной, как рой ос, то на месте убитого возникало двое живых, и количество стрел, которые они пускали в воздух при своем приближении, рано или поздно нанесло нам серьезный урон».

Один из кавалеристов Марбо был пронзен стрелой насквозь. Солдат сломал наконечник и оперение и вытащил стрелу, но умер от потери крови через несколько минут. Сам Марбо был тоже ранен, но в пылу боя не заметил своего ранения. Подняв свой меч, он неожиданно почувствовал всем телом движение своей руки и, опустив глаза, увидел стрелу, торчащую в правом бедре. Врач вытащил ее, рана была пустяковой, и Марбо позже сожалел лишь о том, что не сохранил стрелу в качестве сувенира, потеряв ее во время последующего отступления.

Капитан Барре, сражавшийся в этот день на левом фланге, был одним из тех, кто был свидетелем дезертирства саксонцев. В Шенефельде он лицом к лицу столкнулся со шведами, сражаясь под началом Мармона и генерала Кампана, чьи войска были практически полностью уничтожены в этом сражении. «Офицеры и солдаты ложились как колосья пшеницы под серпом», — писал он. Пушечные ядра часто накрывали целые колонны, и одно из них убило тридцать человек, но офицеры должны были снова смыкать ряды своих солдат, чтобы предупредить их отступление, неминуемое, если бы ряды разомкнулись или рассеялись. Мармон был ранен, и тогда Кампан появился на переднем крае, чтобы вдохнуть мужество в солдат, ожидая прибытия подкреплений Нея. Но и Ней был разбит, и французы стали откатываться назад, на правый берег Парте. «Это было поражение жестокое и болезненное!» — вспоминал Барре, когда начал записывать то, что запомнил об этой самой жестокой битве Наполеона. «Страх и горе при мысли о том, что мы проиграли эту великую кровавую битву, незавидные перспективы отступления, которое может оказаться еще более скверным, огонь, обрушивающийся на нас со всех сторон, предательство трусливых союзников и, наконец, лишения, которые преследовали нас все эти дни». Рота Барре потеряла за эти несколько дней большинство своих офицеров и более половины солдат. Из тех двухсот, что начинали кампанию весной, осталось не больше двадцати. Даже армейские корпуса лишь назывались кор-

пусами, добавляет Барре. Более двух третей генералов были убиты или ранены⁶.

Третью ночь подряд соперничающие армии расположились на ночлег в полях среди тел погибших товарищей. На землю упала тьма, встала луна, зажгли костры. Императору принесли деревянный стул, и он сел на открытом месте. Он уже знал, что Ней, раненный в плечо, покинул поле битвы и что многие другие его боевые товарищи были мертвы или двигались вдоль Вейсенфельской дороги, где Бертран и часть его войск уже начали отступление с санитарными повозками. Длинная череда этих повозок проходила через каменный мост, который был уже заминирован, чтобы дать время войску Наполеона отступить полностью после того, как противник займет город. А это было уже неизбежно. Еще один день сражения будет означать полное уничтожение Великой армии. Впрочем, Наполеон не спешил. Он поднялся и вошел в город, заметив, как хозяева гостиницы, где он остановился, несут вывеску, украшенную знаками королевского Прусского дома.

Распоряжения относительно отступления были переданы через Бертье и Маре. Блюхер, зная, что французский авангард уже находится на пути в Вейсенфельс, отправил корпус Йорка на противоположный берег Альстера преследовать его.

Сразу за городскими стенами горели три деревни, и пригороды Лейпцига тоже были охвачены огнем. Поговаривали о том, что для прикрытия отступления будет сожжен весь город, но Наполеон не пошел на этот вандализм. Вместо этого он послал офицера с белым флагом, предлагая перемирие, чтобы спасти население Лейпцига от последствий штурма. Ответа не последовало. После двухдневного кровопролитного боя союзники были не в том настроении, чтобы начинать переговоры. Жителям Лейпцига оставалось принять то, что станет их судьбой.

В 2 часа утра 19 октября истощенным защитникам Пробштейде, Конневица и Штоттерица пришел приказ снять лагерь и начать отступление. Оставив зажженными огни, они

двинулись в город, неся с собой раненых, добавив их к 23 тысячам, находящимся в госпиталях Лейпцига. Макдональд и Понятовский, на чьи плечи легло тяжелое обязательство удерживать город до самого последнего, получили в подкрепление остатки корпуса Ренье и остатки соединения Лористона, всего примерно 30 тысяч человек. В то время как около 300 тысяч русских, прусских, саксонских, австрийских и шведских солдат, сконцентрировавшихся вокруг города, готовились начать утреннее наступление по всем направлениям.

Сен-Сиру в Дрезден был выслан приказ отступить из города, если это еще возможно. Впрочем, надежды на его успешное отступление практически не было. Между Сен-Сиру и Наполеоном была вооруженная Европа.

С восходом солнца союзники начали атаковать пригороды Лейпцига, и Наполеон покинул Фридриха Августа, старого короля Саксонии, который остался верен ему даже в эти дни. «Попробуйте извлечь выгоду из этого, — посоветовал он ему, — вы сделали все, что было в человеческих силах». С первыми залпами вражеской артиллерии Наполеон вышел из города через ворота Гримма, Халле и Святого Петра, столкнувшись с людьми, которые не узнали его, оглушенные канонадой и ослепленные недосыпанием. Генерал Шато, встретив его у моста, принял его за бюргера и хотел спросить, куда он направляется. Но вдруг узнал в этом неопрятно одетом человеке того, кем он был на самом деле — того, перед кем еще недавно склонялись монархи Европы, предоставляя ему территорию, людей и деньги. Наполеон не был обижен этим, он лишь присвистнул: «*Malbrook s'en va-t'en guette*»*. Он был совершенно и неестественно спокоен, что часто является следствием полного физического и нервного истощения. В 11 часов утра он пересек мост и остановился в миле от Линденау. И здесь, в самом центре окружавшего его ада битвы, уснул.

Его разбудил через три часа взрыв пушечного ядра; это было началом обстрела пригородов Лейпцига, все еще удерживавшихся французами.

* «Мальбрук в походе собрался, Бог весть, когда вернется...» (фр.) — начало шуточной народной французской песни.

живаемых Макдональдом и Понятовским. Мост был взорван, когда 30 тысяч французов перешли на противоположный берег, и союзники приближались к нему со всех сторон.

IV

Разрушение моста в Линденау, прежде чем две трети выживших в трехдневном сражении солдат пересекли его, является одним из темных пятен военной истории. Вряд ли когда-нибудь на него будет получен определенный ответ. Общее мнение склоняется к тому, что заряды оставили на попечение конскрипта после того, как его начальник, будучи не в состоянии определить, какая часть Великой армии уже перешла мост, отправился искать полковника Монфора, инженера, ответственного за всю операцию по взрыву моста. Но отправившийся на поиски младший офицер, а возможно, и сам Монфор были унесены потоком отступающих и не смогли вернуться назад, поэтому капрал, оставшийся лицом к лицу с обстоятельствами, вынужден был взять ответственность на себя. На его решение повлияло, скорее всего, появление на берегу саксонских солдат, готовых продемонстрировать свою преданность пруссакам вопреки воле своего короля. В этих обстоятельствах нет ничего удивительного — злосчастный капрал решил, что город уже сдан и что на противоположном берегу остались лишь раненые, пленные и в одиночку спасающиеся с поля боя. Марбо, который пересек мост рано утром и был уже на Вейсенфельской дороге, обвиняет начальника штаба Бертье не за то, что был взорван этот мост, над которым он не имел непосредственного контроля, а за то, что не было подготовлено других переправ, что было вполне возможно во время дня необъявленного перемирия 17 октября. «Вся армия полагала, что это сделано, — говорил Марбо, — но когда ночью 18 был дан приказ об отступлении, ни через один ручей не было перекинуто ни одного бревна».

Колонны австрийцев, русских, пруссаков и шведов вошли в пригороды Лейпцига, и все оставшиеся германские союзники Наполеона: саксонцы, вюртембергцы, баварцы и гессенцы направили свой огонь на французов. Но даже в этих печальных обстоятельствах арьегард не смешался, но продолжал отступать шаг за шагом, стреляя из-за стен садов, из-за деревьев, растущих по аллеям и бульварам, из окон домов до тех пор, пока не был полностью оттеснен к реке.

Мост был взорван. Враги окружали со всех сторон. Положение было безвыходным. Однако Макдональд и Понятовский, имея за своей спиной Ренье, Лористона и некоторых других, показали пример мужества того рода, которое год назад проявил Ней на пути из Смоленска в Ковно. Когда надежды организовать сопротивление не осталось, Макдональд и Понятовский отошли вдоль Альстера до его слияния с Плайсе, и между ними и главными силами оказались две водные протоки. Здесь они разделились и предприняли попытку по раздельности произвести переправу. Ренье, следовавший за ними, был окружен, но Макдональд предпочел смерть плену. «Я шел один, — говорил он, — в толпе солдат, с которыми пересек два рукава Альстера, первый по маленькому мосту, вися на перилах, поскольку мои ноги не касались земли, другой на лошади, которую мне дал квартирмейстер. Я оказался в открытом поле, окруженный толпой. Я был удивлен ее числом. Но они были уверены, что только я знаю путь к спасению, хотя я не мог отыскать на карте ничего, что могло бы нам помочь. Впереди был еще один рукав реки, который нам требовалось пересечь».

Здесь Лористон, который находился с ним, исчез, присоединившись к другим старшим офицерам, которые стали пленниками, но шотландец упорно шел вперед, встретив на своем пути адъютанта Понятовского, который сообщил ему, что новый маршал Франции, скорее всего, погиб. Один из его собственных адъютантов промчался вперед и сообщил, что какой-то инженерный полковник соорудил некое подобие моста, который можно использовать для отступления, и что

по нему уже переправились Ожеро и Мармон на лошадях. Они тотчас же двинулись вперед, сопровождаемые солдатами, для которых присутствие среди них маршала Франции являлось гарантией осуществления их надежд на спасение. На лошадях импровизированный мост пересечь не удалось бы теперь никому. Мост представлял собой два ствола, на которых были навалены двери, доски, ставни, но бревна не были закреплены на берегах и теперь разошлись настолько, что мостки развалились. Но для Макдональда это был единственный шанс, и он без промедления принял решение. Спешившись, он встал на бревна и начал переход. Его плащ развевался по ветру, и, опасаясь, что из-за него он может потерять равновесие, маршал сбросил его. Когда он прошел три четверти пути, сопровождаемый следующими за его спиной солдатами, бревна под грузом тел начали скользить, и Макдональда упал в воду, доходившую ему до плеч. Добравшись до берега, он не смог быстро взобраться по глинистому обрыву, и стрелки противника начали палить по нему с противоположного берега. Впрочем, уже переправившиеся французы прикрыли своего командира ответным огнем. Они же помогли маршалу выбраться из потока. Здесь он встретил Мармона, который нашел для него коня, но сухой одеждой обеспечить его не смог и он. Впрочем, он ссудил истощенного Макдональда некоторой суммой денег, чтобы тот мог наградить солдата, которому доверили маршальскую записную книжку. Увидев, что он не успевает пройти по мосту, перед которым толпились желающие перебраться на другой берег, солдат скинул одежду и пересек реку вплавь. Примерно так же отец Макдональда, шотландский горец, смог выйти живым в ходе дела якобитов в Куллодене*.

Понятовский не был столь удачлив. Раненный в левую руку, он ринулся в воды Плайсе и смог пересечь ее, несмотря на то, что при этом потерял коня. Он нашел другого и, все

---

* Куллоден — селение на севере Шотландии. 16 апреля 1746 г. в его окрестностях происходило сражение между шотландцами под предводительством Карла Эдуарда, претендовавшего на английский престол, и англичанами под командованием герцога Кумберлендского. Шотландцы были разбиты, и сам Карл едва спасся.

еще преследуемый по пятам, был вынужден таким же образом переправляться через Альстер. На этот раз другого берега не достигли ни конь, ни всадник. Пятью днями позже тело польского князя было найдено рыбаком в прибрежном саду. Оно было все еще одето в роскошную форму, с усеянными бриллиантами эполетами, а в карманах куртки лежали драгоценная табакерка и золотые безделушки. Их раскупили поляки, которых взяли в плен. Понятовский носил звание маршала Франции чуть больше сорока восьми часов.

... Две трети армии исчезли. Император и оставшиеся с ним маршалы на какое-то время оказались в безопасности. Несколько генералов, старших офицеров, тридцать тысяч солдат и все раненные были взяты в плен. Что же случилось дальше с теми, кому удалось пересечь мост вместе со своими призывниками, которые послужили прототипами Жозефа Берта?

Барре, как и Марбо, исключительно повезло. Он был уже на другой стороне моста, когда тот был разрушен. Во время атаки на пригороды Лейпцига он полностью потерял связь со своим соединением. Оставшись один, едва избежав плена, он проскользнул через ворота Халле и влился в поток отступающих войск, вместе с которыми буквально по воздуху перелетел через мост за мгновение до взрыва; до него даже долетели обломки. Оказавшись в компании с капитаном гренадер, также потерявшим свою часть, он видел Наполеона, который делал все возможное, чтобы организовать отступление, грозившее превратиться в беспорядочное бегство. Вдоль дороги были выставлены знаки, отмечающие номера частей и корпусов. Эти знаки стали центрами организации. Барре видел Наполеона в последний раз.

В Маркрудштадте, по дороге на Люцен, он встретил оставшихся в живых солдат своего батальона, которые перешли мост впереди него. Здесь ему удалось купить заблудившегося коня у какого-то пехотинца. Проверив содержимое походной сумки на спине коня, Барре обнаружил, что животное принадлежало военному комиссариату. Кроме бумаг

в сумках находилось некоторое количество одежды, которое он раздал офицерам, лишившимся всего во время отступления. Бумаги он спрятал на всякий случай в кобуре. Затем был разбит бивуак, а на рассвете он выступил к Вейсенфельсу, пройдя через поле весеннего сражения при Люцене. «Времена и впрямь изменились», — делает он замечание в своих записях. Затем в его дневнике мы обнаруживаем пассаж, показывающий тот дух товарищества, который существовал в рядах наполеоновских армий. Капрал из компании, с которой отступал Барре, тяжело раненный в ногу, попросил одолжить ему лошадь, на которой он смог бы вернуться домой во Францию, но появившийся законный владелец потребовал вернуть не только лошадь, но и походную сумку. «Бросив его, ты потерял право владеть им», — сказал Барре и отдал животное раненому капралу. Сам он прошел остальной путь пешком.

Марбо, услышав взрыв моста, решил, что армия спасена от преследования. Сам он находился на стоянке в Маркрудштадте в трех лигах к западу от Лейпцига. Он произвел переключку своих войск и узнал, в частности, что из семи сотен солдат, которые 16 октября, за день до начала сражения, произнесли свои имена, 149 на сей раз не откликнулись, причем шестьдесят из них, в числе которых два капитана, три лейтенанта и одиннадцать ветеранов, были точно убиты. Когда наконец стало точно известно, что же произошло в Линденау, Наполеон приказал кавалерии Себастиани срочно возвращаться и сделать все возможное для спасения остальных. Кавалеристы Марбо были приданы ему в помощь, и сам Марбо командовал бригадой. Когда они увидели обломки взорванного моста, для них все стало ясно. Отрезанные французы металась по улицам и дорогам, преследуемые пруссаками, войсками из Бадена и шведами. Вскоре они встретили 2000 полуобнаженных людей, по большей части раненых, которые перебрались через реку вплавь. Среди них был Макдональд, также практически без одежды. Марбо дал ему форму, коня и бросил свой отряд к мосту. Здесь он стал свидетелем

кровавых сцен — безоружных французов буквально вырезали пять сотен немцев, которым удалось переправиться на другую сторону, набросав на обломки моста доски. Вытащив свой меч, он «почувствовал действительное удовольствие от убийства этих подонков своей собственной рукой». Марбо приказал атаковать, и вместе с 23-м соединением кирасир его бригада поскакала в залитые водой луга, окружив преследователей. «Эффект атаки был ужасен, — говорил он. — Бандиты, удивленные появлением хорошо вооруженных всадников, смогли оказать лишь слабое сопротивление, началась резня, жестокая и беспорядочная». Французская кавалерия, возмущенная тем, что убивали безоружных людей, причем в числе убийц были и бывшие союзники, была безжалостна. Некоторые, не успев пересечь мост обратно, спрятались в расположенной у моста гостинице. Марбо спешил своих людей, окружил здание и поджег конюшню. Саксонский офицер вышел с предложением сдаться, но Марбо, обычно чтущий правила воинского благородства, на сей раз отказался вступать в переговоры. Зажатые между огнем горящего здания и огнем ружей, немцы погибли все, до последнего человека. Затем, пропустив вперед две тысячи французских беженцев, кавалеристы вернулись в Маркрудштадт. Возможно, что маршал Макдональд обязан своей жизнью именно рейду Марбо, но шотландец был столь обеспокоен отсутствием провизии в этот период отступления, что некоторое время отказывался идти на доклад к Наполеону. Он слышал крики людей, взывающих о помощи на другом берегу, и был не в состоянии спасти их. Это произвело на него столь сильное впечатление, что с этого времени он разочаровался в императоре.

И он был одним из многих. Все маршалы и старшие офицеры Великой армии были недовольны штабом, допустившим столь страшный разгром, и бывший уличный мальчишка Ожеро лишь выразил общее мнение, когда сердито воскликнул: «Знает ли этот содомит, что делает?» В Эрфурте через несколько переходов король Мюрат покинул ар-

мию, направившись в Неаполь, полностью уверенный в том, что ему предстоят переговоры с победившими союзниками.

Для тех, кто остался под Лейпцигом, был лишь один выбор — умереть или сдаться в плен, и не всегда этот выбор был свободным. Около 13 тысяч человек из попавшего в ловушку гарнизона были попросту расстреляны из пушек и ружей. Жозеф Берта, герой романа «Призывник 1813 года», был одним из тех, кто не успел перебраться. Описывая его судьбу, Эркман-Шатриан следует источникам, которые послужили основой повествования: географические описания, даваемые Берта во время бегства из-под Лейпцига, соответствуют реальности до мельчайших деталей. Он был схвачен в отчаянной рукопашной еще в самом городе, но атака польских кавалеристов спасла его жизнь. Он говорит об этих пикадорах, как о «лучших солдатах, которых когда-либо встречал». Обнаружив, что единственный путь к спасению, проходящий по взорванному мосту, закрыт, большинство товарищей Берта настолько взъярилось, что они смяли врага и решили сражаться до последнего человека. К счастью, один из молодых солдат, который некоторое время лежал в госпитале Лейпцига после Люценской битвы, рассказал старшему офицеру о том, что один местный житель говорил ему про брод, находящийся выше по течению Альстера. Остатки войска, все же перебравшиеся на другой берег реки, в большинстве своем так и не смогли добраться до Франции, несмотря на то что некоторые из них три дня спустя уже были в Эрфурте, где происходила реорганизация разбитой армии. На Великую армию обрушилась эпидемия тифа, и те, кому посчастливилось пережить все ужасы кампании, сотнями умирали вдоль дороги. «Небо было серым, шел нескончаемый дождь, — говорил Берта, описывая эту стадию отступления, — осенний ветер, казалось, хотел нас полностью застудить. Как могли эти безусые юнцы, истощенные настолько, что, казалось, можно смотреть насквозь через их тела, как могли эти бедняги вынести новые лишения».

С другой же стороны доносились ликование и взаимные поздравления. Лидеры союзников сошлись на великом Лейпцигском поле. Императоры России и Австрии, король Пруссии, Блюхер, Шварценберг и кронпринц Бернадот вряд ли имели моральное право праздновать великую победу. У них были причины довременить с окончательным триумфом. Им потребовалось четыре дня, чтобы добиться победы, имея трехкратный численный перевес, а на отдельных участках соотношение было десять к одному. В результате они овладели одним-единственным городом, а их главный противник ускользнул от них с более чем половиной своей армии. В период с 16 по 19 октября они потеряли 54 тысячи человек убитыми и ранеными, в то время как потери французов исчислялись в 40 тысяч. Около 23 тысяч французов было ранено и около 20 тысяч взято в плен*. Размеры трофеев были несколько более впечатляющими. Союзники захватили практически все французские обозы с амуницией, хотя и сами потеряли немало. Барон Фэн докладывал, что только 18 октября французы произвели 95 тысяч орудийных выстрелов, а за все сражение их число превышает 200 тысяч.

Победа союзников сопровождалась стратегическими промахами. Грамотный военачальник должен был выслать вперед войска, чтобы окружить и поймать в ловушку Великую армию целиком, не дать ей пройти дальше на запад, перерезав дороги на Люцен, Вейсенфельс, Эрфурт и Майнц. В этом случае Наполеон неминуемо попал бы в плен вместе со всеми своими маршалами, и это означало бы окончание войны, которая затянулась в результате еще на семь месяцев. Несколько германских правителей, которые оставались верными Наполеону, пострадали в результате этой победы. Король Саксонии был отправлен в Берлин под конвоем казаков и должен был оставаться пленником Пруссии до самого падения Наполеона. Его вина заключалась в том, что он не предал своего друга даже перед лицом самых тяжелых обстоятельств.

* По данным русских исследователей, в этой битве было взято в плен 22 французских генерала, 3000 офицеров и 15 000 рядовых.

Наиболее ощутимым достижением коалиции в Лейпцигской битве было то, что в первый раз за всю свою карьеру Наполеон потерпел поражение в отдельной битве, лично руководя действиями своей армии. Само по себе это было похоже на чудо. Но победа под Лейпцигом вряд ли стоила того, чтобы в ее память по всей Европе воздвиглись громоздкие и вульгарные мемориалы. В третий раз за шесть месяцев на Наполеона была брошена сеть, но ему дважды удалось ее прорвать. В конечном итоге он был изрядно потрепан, но ему удалось ускользнуть, причем сохранив достаточно сил, в чем союзникам пришлось убедиться сразу же, едва только их войско пересекло Рейн в начале нового года.

ГЛАВА 9 ОСКОЛКИ БЫЛОЙ СЛАВЫ

I

«Покинув берега Альстера, мы прибыли к берегам Рейна в состоянии полнейшего разброда. Мы покрыли наш путь останками армии. С каждым нашим шагом позади оставались тела людей и туши коней, ружья, багаж, осколки былой славы». Эти скорбные слова записал капитан Барре, когда его соединение прибыло в Майнц 2 ноября, через четырнадцать дней после Лейпцигского поражения.

Если вырвать эти слова из контекста, может показаться, что отступление от Альстера до Рейна стало повторением отступления из Москвы, что Великая армия полностью сокрушена. Но это было далеко не так. В некотором смысле отступление к Рейну стало выдающимся военным достижением, а Баварская армия, которая посчитала для себя более выгодным перейти на сторону союзников, испытала на себе способность французов преодолевать самые удручающие обстоятельства. Десять тысяч баварских граждан, способных держать в руках оружие, легли на поле боя в Ганау, пытаясь помешать проходу разгромленных под Лейпцигом беглецов.

Казалось, гений Наполеона возрос прямо пропорционально тем несчастьям, которые на него обрушились, и его противники смогли хорошо почувствовать это в последующие несколько месяцев. Молодым человеком, возглавив бунтующую, плохо вооруженную толпу, он удивил мир. Позже, в зените своей карьеры, управляя хорошо обученной и прекрасно экипированной армией, он подтвердил свою непобедимость. Теперь, когда в его распоряжении были полумертвые, голодные, деморализованные люди, он совершил чудо.

Расстояние от Лейпцига на Альстере до Майнца на Рейне составляет более двухсот миль. Необходимо было пересекать реки, проходить через леса, при этом опасаясь не только бывших германских сателлитов, идущих по пятам, но и двигающегося параллельно корпусу Йорка на севере и преследующей с востока армии союзников. Соотношение сил к этому моменту было, по крайней мере, шесть к одному, и союзников окрыляла только что одержанная победа в Лейпциге. Но Наполеон не желал торопиться. До него доходили вести, что в Лондоне сжигают его изображения, что Евгений с трудом сдерживает натиск противников в Италии, что Мюрат предал его в Неаполе, что Веллингтон и его испанские и португальские союзники хозяйничают в Испании. Но эти известия не становились для него источником уныния: он не считал свое положение безнадежным. Он методично решал сложнейшую задачу преобразования толпы беглецов, пересекших мост в Линденау и три дня отдыхавших в Эрфурте, где находились значительные запасы вооружения и амунниции, в армию, способную отстоять свою родину. Теперь он не спеша направлялся к Франкфурту, отражая с севера удары сил Йорка и формируя колонны для осуществления прорыва у реки Кинцих, притока Рейна, где баварский генерал Вреде, командующий 60-тысячной армией, решил блокировать главную дорогу на Францию.

В рядах Великой армии были сомневающиеся в том, что этот прорыв возможен. Король Мюрат оказался из всех самым неверующим. В Эрфурте 23 октября он сказал свои прощальные слова Великой армии и ее командиру, сославшись на необходимость своего присутствия в Неаполе. Когда Макдональд спросил его о сильной оборонительной позиции, выбор которой поручил ему Наполеон, Мюрат посоветовал ему найти что-нибудь послабее. Это вполне прояснило для шотландца позицию Мюрата. Наполеон и не заблуждался относительно истинных намерений Мюрата, но не арестовал его и даже не стал ни в чем обвинять. Вместо этого он обнял человека, который уезжал, чтобы предать его, возможно, пред-

чувствуя, что им больше не суждено будет увидеть друг друга. Они так долго были вместе, пережив тысячи приключений, начиная со знаменитой ночи «картечной понюшки» в республиканском Париже в 1795 году, когда капитан Мюрат промчался через город, чтобы забрать пушки из артиллерийского склада в Саблонском лагере*. Они были не просто братья по оружию, но и по родству — сестра Наполеона была женой Мюрата. Теперь это не имело никакого значения. Единственная возможность для Мюрата сохранить корону, завоеванную французской кровью, заключалась теперь в предательстве своих бывших товарищей австрийцам, что, при активной помощи Каролины Бонапарт, он и собирался сделать. Впечатляющие кавалерийские атаки, которые он провел в Дрездене и на поле перед деревней Пробсттейде под Лейпцигом, были его последними победами в качестве командира Великой армии. Впереди его ждали несколько месяцев мышиной возни, позорных провалов, бесплодных интриг и мужественная, но бесславная смерть от ружейного огня расстрельной команды. По сути он уже перешел тот рубеж, за которым вместо мира реальности стоит мир легенды.

Остальные маршалы хранили верность, по крайней мере, внешне. Ожеро, по-прежнему негодующий по поводу некомпетентности штаб-квартиры, следовал с отступающими войсками. Здесь же был и Мармон, теперь уже знающий, что можно не выполнять приказания императора, чего нельзя было даже представить себе еще год назад. Марбо, возможно, вспоминал время, когда молодой Бонапарт, плохо одетый и безработный, с радостью делил с ним еду в доме его родителей. Макдональд с горечью вспоминал взрыв моста в Линденеу, а Виктор, который когда-то начинал военную карьеру барабанщиком в королевской армии, размышлял о том, сохранят ли Бурбоны в случае реставрации монархии его, с такими трудами заслуженный, титул герцога Беллюнского.

* В ночь с 12 на 13 вандемьера (4 октября) 1795 года Наполеон, чтобы противостоять мятежникам-роялистам, расположил для защиты Тюильри сорок пушек разного калибра и расстрелял противника прямой наводкой у церкви Св. Роха. И это стало возможным именно благодаря лихому ночному кавалерийскому рейду Мюрата.

Старый гренадер Удино делал больше всех и меньше всех жаловался. На берегах Унштрута он имел стычку с пруссаками Йорка и отогнал их с линии французского марша. Он последним перешел на другой берег реки и слышал, как в ночи, у самого его лагеря, кричат казаки: «На Париж! На Париж!» Но эти варвары беспокоили его намного меньше, чем собственное здоровье. Он был дважды серьезно ранен во время русской кампании и, пожалуй, последней из своих девяти жизней лишился, когда ускакал из снежной российской равнины с оставшейся в его теле русской пулей. Его страхи были вполне оправданны. На последнем этапе отступления он заразился тифом и был вынужден покинуть армию. Когда его в карете привезли к дверям собственного дома, он был в сильнейшей горячке и выкрикивал приказы воображаемым войскам.

Все остальные продолжали тащиться по осенней грязи германских дорог. 27 октября выпал первый снег, и капитан Барре из 47-го полка нашел убежище в церкви, где его подчиненные сообщили ему, что какой-то негодяй украл их походный котел, по причине чего завтрака ожидать не следует. Полковник Марбо, как обычно, находился на службе. Он вступил в бой с австрийским корпусом, которому не удалось выбить Бертрана с моста в Линденау, во главе оставшихся в живых кавалеристов 23-го эскадрона. Французы и в этот день одержали победу, а граф Гиулай, австрийский командующий, был взят в плен. Но это не принесло Марбо большого удовлетворения. Он думал о 100 тысячах французов, которые оказались запертыми в германских крепостях и гарнизонах и которые теперь будут неминуемо окружены врагом.

Прежде чем покинуть Эрфурт, полковник инженерных войск Монфор вместе со своим злосчастным капралом, который взорвал мост, предстал перед старшими офицерами и был допрошен об этом происшествии, которое помешало 30 тысячам французских солдат совершить отход. Подробности этого судейского разбирательства остались неизвестны, известно лишь, что Монфору удалось убедить Наполеона, что он

лично не отдавал приказания взорвать мост и что это произошло не потому, что Монфор решил обеспечить свое собственное спасение.

Колонну настигли известия о том, что последний германский союзник Наполеона все же совершил предательство. Королевство Вестфалия, чьим королем был Жером, наконец пало, и младший член семьи Бонапартов уже был на пути во Францию. 27 октября, прежде чем известия об итогах Лейпцигской битвы стали общеизвестны, «Вестфальский вестник» вышел в последний раз с объявлением, что «жестокие обстоятельства настоящего момента вынуждают Его Величество покинуть королевство». Далее выражалась уверенность, что «преданные Его Величеству подданные должны сохранять верность и спокойствие, которыми они всегда отличались». Граждане Вестфалии все же не были тронуты этим льстивым призывом. Той же ночью они протащили карету своего бывшего курфюрста по улицам Касселя под радостные крики, но к этому времени король Жером уже пересек Рейн в Кобленце. Впрочем, королевские притязания умирали в Жероме еще долго. Даже когда он останавливался в обычных домах вместо своего дворца в Вестфалии, его вестфальская гвардия продолжала стоять у входа, сверкая золотом кружев, а слуги за неимением передней устраивались на ночь прямо на ступенях крыльца. Один из очевидцев описывал это зрелище как «трагедию, которую играла труппа провинциальных актеров»¹.

Наполеон занимался реорганизацией армии в Эрфурте до 23 октября, и в конце этого срока реалии войны снова встали перед ним в полный рост. Взяв с баварских войск слово не принимать участия в войне и понимая затруднительное положение, в которое попал их суверен, он отпустил их, однако, написав королю Баварии, что рассматривает их как заложников войны. Позже на острове Святой Елены он без сожаления вспоминал о предательстве своих коронованных германских союзников. Он писал: «У меня не было причин жаловаться на своих союзников. Добрый король Саксонии оставался верным мне до самого конца. Король Баварии

признался, что он не был хозяином самому себе. Великодушные короля Вестфалии было особенно замечательным. Принц Бадена склонился лишь перед силой и в самых тяжелых для него обстоятельствах. Все они дали мне возможность принять необходимые меры предосторожности против шторма, который на меня обрушился». Наполеон нашел оправдание для правителей, но он не оправдывал подданных. Для человека, который имел возможность сравнить верность гусаров и гренадер королевской армии, позволив им продолжать делать карьеру в своей армии, и верность ветеранов своей итальянской армии, а также верность новых призывников из народа, которые стойко сражались до самого конца, это было странным жестом. Возможно, оправдывая германских сатрапов, которых он поставил на самый верх иерархии своей Империи, он просто выражал осознание того факта, что победа пангерманизма была неизбежной и что влияние таких людей, как барон Штейн, было столь сильно, что сопротивляться ему было невозможно даже королям. Через пятьдесят семь лет после того, как последний француз пересек Рейн, Единая Германия, в которой доминировала Пруссия, стала реальностью. Современные европейцы имеют двойную возможность увидеть, что это значило для Европы и перевешивает ли чаша страдания чашу пользы. Современная история Западной Германии началась в 1813 году. Продолжение этой истории — три волны, которые как прилив и отлив накатывались на континент на протяжении жизни одного поколения — с 1870 года по 1945-й. Эти бури закончились лишь после того, как унесли жизни десятков миллионов людей, а Германия была снова разделена в конце Второй мировой войны. Вспоминая свою Русскую кампанию в последние годы своего изгнания на Святой Елене, Наполеон оправдывает ее, как попытку остановить наступление на Запад русских и установление пограничной точки баланса мировых сил. Западный мир сегодня согласен с его точкой зрения. Но возможно и то, что если бы не 1813 год, не было бы ни разграбления Лувена в 1914-м, ни газовых камер Дахау в 1939–1945-м.

После того как всегда верные баварцы покинули Наполеона, он собрал поляков, находящихся в рядах его армии, и предложил им сделать выбор: уйти или продолжать кампанию. Поляки выбрали войну. Впрочем, ничего другого они выбрать и не могли. Для них было очевидным, что их родина в случае поражения Наполеона будет разделена между Россией, Австрией и Пруссией и что самый крупный кусок будет требовать себе русский царь. Понятовский вполне мог бы стать большим военачальником Российской армии, если бы он не был большим патриотом своей родины. Он предпочел связать свою жизнь с человеком, который всегда обещал ему, что восстановит великое старинное королевство, но так и не сделал этого, хотя позже всегда сожалел о том, что не исполнил своего обещания. И когда русский царь и его союзники подходили к Рейну, это лишало польских солдат будущего в их родной стране. Все как один они остались в Великой армии и почти все как один погибли в последних сражениях этой армии.

II

Ганау, последняя успешная битва Наполеона в кампании 1813-го, чем-то напоминала сражение у Красной, к западу от Смоленска, в ноябре 1812 года. Сходства этих двух сражений очевидны. Оба закончились неожиданными победами французов и оба привели к отходу почти уже разбитой французской армии. Кроме того, в обеих битвах Наполеон лично возглавлял Великую армию. И это обстоятельство усилило его агрессивный дух.

Марбо, возглавлявший отряд легкой кавалерии Эксельмана, с бригадой, составленной из 23-го и 24-го кавалерийских полков, сомневался в правильности данного ему приказа выступить. Путь пролегал через густые леса, окружавшие дефиле Гельхаузен, отсеченное рекой Кинцих, и, по его мнению, кавалерия должна была отойти назад и вступить в сражение с противником. Но приказов подобного рода не последовало,

и легкая кавалерия прошла через леса в долину, где напоролась прямо на гусар Отта, авангарда Баварско-Австрийской армии, расположенной в Ганау. Марбо узнал противника по пышной форме, напоминающей театральные костюмы. «Можно было подумать, что они явились на поле боя с бала или из театра», — писал он, сравнивая щегольскую форму противника с одеждой своего эскадрона, которая представляла собой серые от дорожной грязи двух кампаний лохмотья. Но сколь бы щеголевато ни были одеты баварцы, противостоять атаке французских кавалеристов они не смогли. Дьяволы Марбо, не потеряв ни одного человека, обратили их в бегство, и во время преследования противник потерял более двухсот человек убитыми и ранеными. Марбо записал в этот день: «Мы взяли в качестве трофеев множество прекрасных сильных лошадей и такое же количество шитых золотом камзолов».

Во время этого преследования кавалеристы Марбо могли напороться на австрийскую пехоту — основные силы вражеской армии — и быть полностью уничтоженными, но, к счастью для них, противник совершил ту же ошибку, которую допустил Макдональд у Кацбаха, оставив главные силы непосредственно у реки, которая сковывала действия и не позволяла совершать необходимые маневры. К тому же с флангов пехоту окружали леса. Деревья скрывали малочисленность французских сил, насчитывавших менее 6000 ружей, которых поддерживала кавалерия Себастиани.

Марбо описывает эту битву как некую охотничью вылазку, когда солдаты передвигались от дерева к дереву и от поляны к поляне, выслеживая добычу в зарослях и прогалинах. И эта охота была вполне успешной до тех пор, пока противники не вышли из леса и французы не оказались перед главными силами баварцев, насчитывающих 40 тысяч сильных свежих солдат, поддерживаемых батареей из 80 орудий. Впрочем, в тылу у баварцев был лишь один мост, мост Ламбой, и если бы у Наполеона было в распоряжении больше сил, солдаты Вреде были бы смяты, прижаты к реке и полностью

уничтожены до последнего человека в течение нескольких часов. Но корпуса Мармона, Мортье и Бертрана задержались в том самом дефиле, где прошедшим днем легкая кавалерия встретила гусар Отта. Вреде также упустил свой шанс, не воспользовавшись малочисленностью французов; он мог перейти в резкую контратаку и оттеснить Наполеона обратно в лес. Произошло обратное. Наполеон, словно бы вспомнив времена Арколе и Лоди, приняв на себя командование Гвардейской артиллерией Друо², приказал пятнадцати орудиям открыть беглый огонь и по мере продвижения выводить орудия на такие позиции, чтобы ни один выстрел не пропадал зря. Дым от орудийного огня в некоторой мере скрыл от Вреде малочисленность французов, а умелая стрельба посеяла панику в рядах его армии. На относительно слабые фланги баварцев набросилась Гвардия, чьи медвежьи шапки внушали ужас противнику во все наполеоновские кампании. Ни одна континентальная армия не могла еще устоять перед Императорской гвардией Великой армии, даже теперь, когда эта армия была на грани исчезновения. Пытаясь уйти от разгрома, Вреде приказал кавалерии совершить атаку на французские орудия, и в определенный момент артиллеристы обнаружили, что буквально со всех сторон окружены всадниками противника.

В этот критический момент Вреде мог решить, что сражение уже выиграно и что ему светит великая честь захватить в плен самого Наполеона или, по крайней мере, обратить императора в бегство, на штыки победителей Лейпцига, которые были на подходе. Ситуацию спас один-единственный человек. Этим человеком был генерал Императорской гвардии Друо.

В рядах Великой армии было немало эксцентричных людей, некоторые из них занимали самые высокие посты. Мюрат обычно мчался в битву в розовых панталонах, размахивая над головой, как волшебной палочкой, своим золотым маршальским жезлом. Ланн «успокаивал свою совесть» во время коронации Наполеона тем, что в течение всей службы сквер-

нословил. Кафарелли шел в бой на деревянной ноге. Бертье установил алтарь в честь своей возлюбленной, прекрасной мадам Висконти, и на нем возносил ей молитвы. Друо также имел свои причуды. Будучи глубоко религиозным человеком, он доставал из кармана Библию и углублялся в нее в периоды кратких передышек между сражениями. Именно он спас сражение в Ганау. Опрокинутый на первых порах накатившейся волной кавалерии противника, Друо выхватил шпагу, возглавил воодушевленных его присутствием артиллеристов и отбил с ними все попытки врага захватить или привести в негодность орудия. Его отчаянное сопротивление позволило Наполеону организовать контратаку силами кавалерии. Вся масса усталой израненной армии образовала вокруг каждого всадника противника кольцо из пехотинцев, гусар, драгун, гренадер, которые в отчаянной схватке отбросили от артиллеристов Друо кавалерию противника, после чего стремительно набросились на пехотные ряды Вреде. Вскоре вся баварская армия уже сгрудилась около единственного моста, ведущего в Ганау.

Отступающих спасло мужество и смелость одного местного жителя, мельника. Он покинул свой дом и под огнем артиллерии закрыл шлюзы мельницы, расположенной на реке Кинцих, что позволило баварцам использовать для переправы кроме моста еще и плотину мельницы. Этот простой человек был удостоен награды от самого короля Баварии, который пожаловал мельнику и его семье пожизненную пенсию. Несмотря на это проявление германского патриотизма, французы преследовали врага до самого города, и в последующую ночь дозорные пикеты противников располагались так близко друг от друга, что в течение ночи пришлось семь раз менять пароли.

Баварцы были жестоко разгромлены, но не уничтожены. На следующий день Мармон попытался взять штурмом город, что ему вполне удалось без больших потерь. Он захватил в плен около 4 тысяч пленных. Наполеон разбил лагерь в лесу и обратился к городскому магистрату Ганау с посланием, в

котором упрекал горожан за то, что они столь дружественно привечали своих земляков. «Я не могу заставить вас любить французов, — писал он — но мне хотелось бы думать, что вы предпочитаете Францию хотя бы России». Мэр, бедный малый, без сомнения, и предположить не мог такого поворота дел, когда еще недавно Вреде во главе 50-тысячного войска вошел в город и хвастался тем, что вскоре возьмет в плен императора Наполеона и не позволит Великой армии благополучно вернуться во Францию. И все же мэр молил Наполеона, чтобы тот смягчил участь города и горожан, напомнив, что в течение семи лет граждане Ганау всегда доброжелательно встречали проходящие через город и останавливающиеся в нем французские войска.

Ожеро, который некоторое время возглавлял округ, в котором располагался Ганау, выразил общее мнение помиловать город. «Прекрасно — проворчал император, — тогда я оставляю вас казакам». И выехал во Франкфурт.

Ганау стало последним сражением для капитана Барре. Вскоре после сражения он получил серьезные ожоги и был из строя. Но его и раньше преследовали неудачи, немаловажную роль среди которых играли и проблемы с питанием. Началось с того, что кто-то украл их завтрак, затем вражеское ядро уничтожило обед его и его товарищей. Ужин, который состоял из убитой в лесу дичи, ему пришлось делить со старшими офицерами: генералом Жубером, генералом Лагранжем и двумя другими. «Нас было шестеро, — пишет Барре, — все голодные, вокруг куска дичины, которого в другое время не хватило бы даже на то, чтобы утолить голод одного». Его боевой дух во время марша к Рейну значительно упал. В деревне около Ганау произошел один инцидент, который навсегда запомнился капитану. Он стал свидетелем того, как молодой раненый призывник совершил самоубийство, выбросившись из окна. Несмотря на защиту Барре, хозяина дома схватили, обвинили в убийстве и расстреляли на месте. Профессиональные военные, каким был Барре, не могли спокойно видеть и осознавать, что солдаты Великой армии пре-

вращаются в сборище отчаявшихся до самой последней степени людей, наполовину разбойников, наполовину безумцев. И человек, повывавший столько крови, был настолько потрясен увиденным, что вспоминал этот случай много лет спустя. Все это говорит о том, что младшие офицеры наполеоновской армии до конца сохраняли свою честь и понятия о воинской дисциплине.

Ганану мог бы стать последним днем, проведенным в Великой армии, и для полковника Марбо. Его жизнь снова спасла его турецкая лошадка Азолан, которая вынесла его на дорогу, ведущую за пределы Каубахского плато в злополучный августовский день, когда войска Макдональда понесли столь сокрушительное поражение от Блюхера. Во время кавалерийской атаки баварцев на артиллерию Друо 30 октября полковник и его трубач оказались запертыми упавшими деревьями в непосредственной близости от горящей телеги, на которой располагались запасы пороха. Азолан сумел перескочить через завал и унести своего хозяина на безопасное расстояние, но бедный трубач был разорван взрывом на куски. Утром именно этого злополучного дня юноша-трубач удивил самого маршала Макдональда тем, что под огнем врага цитировал вслух строки из «Буколик» Вергилия. Шотландец заметил: «Вот малый, чья память не страдает ни при каких обстоятельствах!»

Для многих солдат победившей армии усилия, которые требовалось преодолеть, чтобы выйти из вражеского окружения, были свыше их сил. Жозеф Берта, собирательное лицо призывников кампании 1813 года, был одним из этих до предела истощенных людей. Он более не мог переносить сражения и марши на пустой желудок. Он более не мог сопротивляться холодным дождям, оставаясь без одежды, и под открытым небом бороться со сжигающей его лихорадкой. Берта упал на обочине дороги во время очередного перехода и ждал смерти, которая должна была избавить его от невыносимых тягот войны. Его спас и привез домой во Францию один артиллерист, который замыкал шествие отступающих остатков Великой армии. Впрочем, подобный поступок вряд

ли можно назвать типичным для этого периода кампании. Мальчишки, победители Люцена, Бауцена и Дрездена, выдержавшие после этого кровавые дни Лейпцига и снова одержавшие победу при Ганау, усеяли своими телами придорожные кюветы на всем пути от Лейпцига до Майнца. Они умирали от голода, тифа, полученных ран, которые никто не лечил, они умирали просто от истощения, нервного и физического, не в состоянии сделать больше ни шага по расплывшимся от осенней грязи дорогам Германии. И лишь немногие из них были подобраны наступавшими по пятам отходящих французов союзниками и отправлены в госпитали. Вряд ли один из десяти упавших тогда смог вернуться на родину, когда следующей весной произошел обмен пленными.

Барре и его люди ворвались во Франкфурт 1 ноября и буквально свалились с ног от усталости, не замечая дождя, который лился на их изможденные тела. В Майнце, впрочем, ему немного улыбнулась удача, поскольку он встретил капрала, которому одолжил лошадь у берегов Альстера. Теперь, оправившись от раны, капрал вернул капитану лошадь. Это было для Барре чуть ли не божьим даром.

Маршал Макдональд, удерживающий в тылу отступающих Ганау силами слишком малочисленного для этой цели гарнизона, мог надеяться лишь на полное уничтожение своих солдат превосходящими силами врага. Вскоре начальник его инженерных войск, который осуществлял наблюдение за местностью с высоты шпиля местной церкви, сообщил ему о подходе крупных сил союзников. Макдональд встал из-за стола, на котором был для него накрыт не слишком обильный завтрак, чтобы лично возглавить оборону города, но в этот момент прискакал генерал Бертран с приказом об отступлении. Бертран спросил Макдональда, сколько сил требуется, чтобы отстоять город. «Сколько бы ни было их у вас, все равно не хватит», — ответил Макдональд и направил своего коня по дороге во Франкфурт.

На совещании с императором в Майнце он высказал соображение о настоятельной необходимости заключения мира

и напомнил об условиях летнего перемирия, не принять которые было ошибкой. Наполеон возразил, что если бы тогда он принял условия союзников, эти лишь разогрело бы их аппетит по отношению к Франции. Он спросил маршала о его личных тратах и потерях, понесенных за время кампании, и когда Макдональд сообщил ему о них, он в качестве компенсации пообещал ему одну чистую сорочку. Инстинктивно шотландец все же понял, что это замечание императора относительно его финансового положения на самом деле не предвещает его серьезного улучшения. В своих мемуарах Макдональд жаловался: «На деле он дал мне тратту* на 30 тысяч франков до прихода в Париж (примерно 1200 фунтов стерлингов, или 6 тысяч долларов США), но у меня были большие проблемы, когда я захотел обналичить этот кредит».

Другой ветеран пока еще не признавал поражения французов в этой кампании. Спеша с поля боя в Ганау, трясясь от подхваченной лихорадки, маршал Удино был на грани жизни и смерти в течение пяти дней. Он находился на попечении своей жены, которая до этого разделяла тяготы его походной жизни в России. Едва только проходил один приступ болезни, как маршала валил с ног новый. Он бредил тем, чтобы снова оказаться на поле боя во главе преданных солдат и офицеров, и бедная жена, слишком хорошо знавшая его характер, не противоречила ему. Он выкрикивал команды, разворачивал войска, вел их в атаку и одерживал победы. Когда бред закончился, жена, помогая Удино сделать первые шаги на ослабевших ногах, услышала, как он, подойдя к зеркалу, сказал ей: «Вот тебе невезучий уродец!» А в третью неделю декабря, спустя семь недель после того, как ему пришлось покинуть поле боя в Ганау, Удино снова был в седле, готовый защищать Францию от интервентов, уже двигавшихся к ее границам. В рядах офицерского состава Великой армии симулянтов было немного.

---

* Тратта — переводной вексель, письменный приказ кредитора банку об уплате определенной суммы денег указанному лицу.

III

Никто не умел исправлять, казалось бы, самые безнадежные ситуации с такой решительностью и скоростью, как Наполеон Бонапарт. Казалось, когда мир рушился вокруг него, это доставляло ему неведомый другим род наслаждения, он как бы предчувствовал, что именно в этот момент полной неуверенности и общего страха должен будет еще больше укрепиться его авторитет, и это вызывало в нем удивительные всплески нервной энергии. Снова и снова он демонстрировал эту свою дьявольскую способность переламывать самые жестокие удары судьбы. Так было на берегах Дуная в 1809 году*, в Смоленске, в двух сотнях миль к западу от Москвы. Казалось, его внутреннее «я» никогда не признавалось в том, что может потерпеть поражение, и временные неудачи никогда не смущали его дух и разум. Во время перехода от Альстера к Рейну император был угрюм и мрачен, но теперь, вернувшись к границам своей страны, он снова стал тем самым движителем из плоти и крови, который создал новую Великую армию после русского отступления в декабре 1812 года.

Его необыкновенные взрывы энергии всегда сопровождались самым строгим диктатом. Письма с подробнейшими инструкциями, обвинениями, угрозами, приказами, указаниями понеслись с курьерами во всех направлениях. Пытаясь вдохнуть жизнь в остывающее тело французского патриотизма, он послал шестнадцать захваченных у противника знамен в Военное министерство с инструкцией, в которой говорилось о необходимости устроить парад на улицах Парижа, после чего поверженные штандарты следует презентовать императрице Марии-Луизе. «Сорок знамен я захватил в Дрездене, но, к несчастью, они были оставлены в городе», — писал он. Впрочем, он не прибавил, что оставил вместе со знаменами в том же городе одного из лучших своих солдат и гарнизон в 30 тысяч человек. Также он не предупредил генерала Кларка, военного министра, что императрица Мария-

---

* Имеется в виду победа при Ваграме 5–6 июля 1809 г.

Луиза может быть смущена тем, что ей предлагают в качестве подарка трофеи, захваченные в сражении с ее собственным отцом. Возможно, что этим жестом он хотел ответить на самодовольство Габсбургов, чьи эмоциональные реакции полностью подавлялись условностями светского этикета и аристократическими церемониями.

Мармон и Макдональд отделились и были направлены на север и на юг вдоль берега Рейна, разделив поровну между собой 70 тысяч солдат, которых они привели назад, к французской границе. Затем Наполеон произвел примерную оценку способности гражданского населения перенести новый призыв в случае вторжения врага на территорию страны. После этого император занялся делами личными. Он отправил одно письмо своей матери, которая со времен установления империи стала называться мадам Мать; в нем он указывал на эксцентричность поведения ее сына Луи, еще совсем недавно короля Голландии. Другое — Камбасересу, императорскому канцлеру, относительно брата Жерома — еще вчера короля Вестфалии.

Оба брата прибыли во Францию, один — в надежде на реставрацию своей власти в Нидерландах, второй — желая получить достойную компенсацию за потерю своего Вестфальского замка в Касселе. Наполеон, который всегда был хорошо осведомлен о положении дел среди членов своей семьи, буквально читал мысли братьев и ответил на их чаяния достаточно резко. «Намерения Луи, — писал он матери, — приводят меня в великое смущение». Голландия была французской, и должна оставаться французской. «Если Луи все еще желает отделения от Империи, я прошу Вас избавить меня от необходимости арестовать его как изменника. Позвольте ему покинуть Париж. Отпустите его с миром и поселите на покой в каком-нибудь спокойном и удаленном замке Италии». До Наполеона давно уже доходили слухи, что Луи порочит его имя при всех европейских королевских дворах при каждом удобном случае, и, несмотря на то, что император свято чтит семейные узы, и на то, что брат еще ребенком проводил мно-

го времени в его охотничьем домике и жил на жалованье лейтенанта³, не мог простить брату предательства

Письмо Наполеона относительно Жерома, самого младшего в семье, было еще более рассерженным. Он писал императорскому канцлеру: «Аннулируйте покупку замка... Я в шоке от того, что в то время, как все граждане жертвуют всем для защиты своей страны, король, потерявший трон, оказывается настолько бестактным, что именно этот момент выбирает для покупки собственности, словно в стране нечем больше заняться, кроме соблюдения интересов его кошелька». Любопытно, что Наполеон, прекрасный психолог, выражает удивление по поводу поведения своего младшего брата. Жером за всю свою беспутную жизнь ни разу не проявил какого-либо иного интереса, кроме интереса личного. В отношении своих ближайших родственников Наполеон вполне мог сказать, что судьба его не облагодетельствовала. Конечно же, его нельзя обвинять в том, что личные качества его родни были такими, какими они были, но вряд ли стоит его упрекать и в том, что в эти критические дни он порой терял самообладание в общении с ними. Европа наступала на его Империю с севера, с востока и с юго-запада. Две Великие армии были уничтожены менее чем за год. Все союзные отношения, за исключением союза с поляками, которым просто-напросто было некуда податься, были разрушены. И в чем выражалась в этот момент помощь императору со стороны его семьи? Жозеф, изгнанный из Испании, настаивал на своем отречении, словно это отречение не стало уже свершившимся фактом. Люсьен, который еще несколько лет тому назад серьезно поссорился со своим братом, был пленен британцами во время своего плавания в Америку и вел жизнь высокопоставленного пленника в комфортабельном доме в Ворчестершире. Луи, сделав все возможное для того, чтобы опорочить имя Наполеона, требовал себе трона, несмотря на угрозу того, что его владение вот-вот будет захвачено союзниками. Жером, повсюду таскающий за собой группу разряженных охранников, покупал себе новый замок. Наконец, на

юге, в Неаполе, сестра Каролина, младшая из девочек семьи, и вовсе влилась в ряды врагов своего брата и вынудила к предательству своего мужа. Глядя сегодня по прошествии времени на все эти индивидуальные и коллективные действия родни, вполне можно оправдать даже приказ Наполеона шефу полиции арестовать весь его род и отправить в полном составе в Венсенн, в государственную тюрьму.

Итак, обремененный всеми этими родственными смутами и неприятностями, Наполеон снова облачился в свой знаменитый серый сюртук и выехал в Париж, в который прибыл 9 ноября. Вскоре после этого союзные войска достигли Франкфурта, где остановились на длительную стоянку, готовясь к дальнейшим серьезным операциям против Франции, находящейся уже совсем рядом. Эти люди отнюдь не разделяли беспокойности Наполеона семейными делами. Его проблемы были им даже на руку. Армия из русских, пруссаков, австрийцев, шведов, баварцев, саксонцев, солдат Вюртемберга и Бадена общей численностью уже превосходила число в полмиллиона воинов. При этой армии был практически бессчетный парк артиллерийских орудий всех калибров, включая и те, которые были захвачены в Лейпциге. Это была самая многочисленная и оснащенная армия, которая когда-либо во все века достигала берегов Рейна, и новости, которые шли с ее тыла, говорили о том, что резервы этой армии были еще более безграничными. Сен-Сир сдал Дрезден 11 ноября. 2 декабря генерал Рапп, эльзасец, герой сотен сражений, сдал Данциг. Это произошло в день годовщины коронации Наполеона и в день годовщины Аустерлица. Обе капитуляции сопровождались актами грубого нарушения воинской этики со стороны союзников. Сен-Сир, чьи солдаты жили в последние дни буквально на голодном пайке, сдался на тех условиях, что ему и его войскам будет позволено вернуться во Францию, но после того, как союзники убедились, что запасов в Дрездене не хватит даже на то, чтобы один день содержать армию, они цинично предложили Сен-Сиру выбор: вернуться в Дрезден или стать пленником Авст-

рии. Примерно то же произошло в Данциге, где под началом Раппа было 15 тысяч человек, половина французов, половина немцев. По условиям сдачи Раппу должны были обеспечить выход их войны, сохранив его честь и свободу, но на деле ему был предложен такой же выбор, как и Сен-Сиру, — вернуться в Данциг или отправиться в качестве пленного в Россию. Лишенный продовольствия, Рапп был вынужден сдать-ся. Легко было понять чувства тех солдат его гарнизона, которые год назад пересекали Неман и Березину во время отступления из России. Теперь снова под их ногами была жестокая российская земля.

Штеттин был сдан 30 ноября, Модлин — 1 декабря, Торгау — 26 декабря; Магдебург и Гамбург продержались дольше других благодаря железной воле маршала Даву.

Сохранение гарнизонов в этих городах после Лейпцигского поражения считается одной из самых главных ошибок Наполеона, приведших в результате к краху. Но скорее всего, несмотря на эту волну критики, причины поражения заключались не только и не столько в этой ошибке. Судьба подготовила Наполеону еще одну ловушку.

Покидая Лейпциг, Наполеон отправил гонца к Сен-Сиру с сообщением, в котором давал ему приказание, если еще есть время, покинуть берега Эльбы и, объединившись с гарнизонами Торгау, Виттенберга, Магдебурга и Гамбурга, ударить армии союзников в тыл и перерезать ее линии коммуникации. Если бы Сен-Сир получил этот приказ, он смог бы собрать под своим началом 150-тысячную армию, план Наполеона мог бы осуществиться и все приготовления союзников к вторжению во Францию в 1814 году были бы сорваны. Но судьба редко помогала Наполеону в этот злополучный 1813 год. Гонец был схвачен, и Сен-Сир так и не получил приказа. Теперь же, не переставая протестовать против нарушения условий сдачи города, Сен-Сир, бывший актер, студент отделения искусств, художник и инженер, направил свои безоружные войска в Богемию. Для него, как и для генерала Раппа, война была закончена.

Чрезвычайно неблагоприятно шли дела Империи и еще на двух участках — в Италии и на северо-востоке Испании. В Италии ситуация, складывающаяся вокруг принца Евгения Богарне, становилась день ото дня все более критической. Как только Австрия присоединилась к коалиции в конце августа 1813 года, генерал Иллер с 60 тысячами вооруженных человек пересек Тироль, намереваясь захватить Ломбардию и Венецию. Набрал 40 тысяч человек свежего ополчения, Евгений был все же вынужден отступить. Но его положение не было бы столь плачевным, если бы он мог рассчитывать на поддержку Каролины Мюрат, которая, находясь от боевых позиций вице-короля далеко на юге, в Неаполе, без устали интриговала. Евгений отступил через Тальяменто к Адиге, к этому времени в рядах его противника появился и его тесть — король Баварии. Король, желая вынудить Евгения отречься от Наполеона, послал ему специального гонца⁴ с письмом, предлагающим весьма выгодные условия перемирия, но Евгений, и в этом он резко разошелся с Мюратом, был до самого конца человеком чести. В деревушке около Вероны он встретил посланника, выказал ему все положенные знаки уважения перед своим родственником и королем, но, прочитав письмо, спокойно ответил: «Я очень сожалею о том, что вынужден сказать „нет“ королю, моему тестю, но он просит от меня невозможного». Затем он приказал накормить гонца и написал ответ: «Я глубоко тронут тем, что вы помните обо мне и думаете обо мне, но для меня совершенно невозможно ни на шаг отойти от тех правил, которые я себе поставил. Лучше я пожертвую своим будущим счастьем и счастьем моей семьи, нежели нарушу торжественные обеты, которые дал». Для нас, видевших множество исторических примеров верности и предательства в течение прошедших полутора веков, этот ответ, возможно, звучит несколько напыщенно, но для того времени это было нормальным соблюдением этикета. Ответ Евгения де Богарне показывает нам то, что он понимал под своим долгом солдата, сына и подданного. Отвергая это предложение, он автоматически лишался возможности в будущем сохранить для себя

корону Италии. Но он поступил бы точно так же даже в случае, если бы ему предложили занять трон самого Наполеона. Его пример показывает ложность поговорки, гласящей, что каждый человек имеет свою цену; да, у большинства она есть, но у некоторых — нет.

И все же Евгений получил компенсацию за потерю трона: Он оставил свое «я» и свое имя в истории незапятнанными, а также сохранил любовь и доверие своей жены, к которой уже взывал ее отец. Будучи в положении и снова разлученная с мужем тяготами войны, она писала своему брату, кронпринцу, что полностью стоит на стороне Евгения и французского императора. Этот первоначально сугубо династический брак на поверку оказался историей настоящей большой любви и верности. «Чтобы спасти Баварию и мою семью, я приношу себя в жертву, и я никогда не стану сожалеть об этом, — писала она с горечью, — но какова будет моя награда? Просить за своих детей. Вместо ангела Бог дал мне мужа. Это мое единственное счастье в жизни».

Евгений подозрительно относился к действиям Мюрата, начиная с того самого момента, как король Неаполя оставил свой пост командующего войсками, пришедшими из России год назад, но для человека его темперамента было трудно заподозрить Мюрата и Каролину в прямой измене теперь, когда Империя была на грани развала. До самого последнего момента (несмотря на все кривотолки и прямые указания, которые сообщались в письме короля Баварии) Евгений все еще надеялся, что Мюрат и его неаполитанцы придут к нему на помощь, и Наполеон тоже на это надеялся, поскольку у него были планы объединить обе Итальянские армии. Он даже послал главу полиции Фуше в Неаполь с целью разведать истинное положение дел. Для Фуше это было бесплодное путешествие. Франции достигли слухи о том, что Неаполитанская армия вошла в Рим и Анкону и теперь продвигается в Верхнюю Италию. Английские морские силы захватили Триест. Иллирийцы и тирольцы подняли восстание. И даже Ломбардия колебалась. Под угрозой Хиллера, направлявшего

свои войска на фланги, а также своего тестя, идущего к нему в тыл, Евгений отступил к реке Минчо. Здесь у него не было связи с Французской армией, но и не было угрозы нападения с севера армии австрийцев, поскольку основные силы Габсбургов располагались на Рейне. Теперь Евгению оставалось только удерживать свои позиции из последних сил, полагаясь на волю случая и складывающиеся обстоятельства, которые от него никак не зависели.

Лишь одна радостная весть пришла к нему с юга. Французские офицеры и солдаты, остававшиеся в армии Мюрата, отказались исполнять свой воинский долг, когда намерения их командира стали наконец открытыми, «показав, — как пишет историк Боссюз*, — что добрая вера и патриотизм еще не покинули сердца солдат Наполеона». Когда положение Евгения стало совершенно отчаянным, он выпустил прокламацию. «Мой девиз, — говорилось в ней, — Честь и Верность. Пусть он станет и вашим девизом. Тогда с Божьей помощью мы сокрушим всех врагов». Поняв, что вице-король никогда не предаст Наполеона, австрийский канцлер Меттерних, главный манипулятор всей этой запутанной сети интриг, заметил, по словам современника: «У этого человека на редкость возвышенный нрав». Удивительно здесь то, что Меттерних смог распознать верность долгу, несмотря на то что во всем искал и видел лишь попытки его нарушения.

IV

Далеко на юго-западе, там, где Бидассоа** отделяет Францию от Испании на северной оконечности Пиренеев, все могло бы быть потеряно еще давно, если бы после известий

* Боссюз (Bossuet) Жак Бенинь (1627–1704) — французский епископ и писатель, историк. Писал о божественном происхождении абсолютной власти. Был очень популярен во Франции в первой половине XIX в., например, о книге Шатобриана «Замогильные записки» (опубл. 1748–1750) говорили, что она написана «пером Тацита-Боссюэта» (Тургенев А. И. Хроника русского. М.: Наука, 1964. С. 180). Здесь, скорее всего, имеется в виду французский историк Бюше (Bushez) Филипп Жозеф (1796–1865), который в 1834–1838 гг. совместно с П. Ру-Лавернем осуществил публикацию источников «Парламентская история Французской революции» в 40 тт.

** Небольшой горный кряж длиной около 6 миль с одноименной рекой вдоль него.

о поражении при Витории в июне Наполеон не поспешил послать туда в качестве главнокомандующего Сульта.

Здесь, на юге, Султ вел кампанию всей своей жизни, в результате чего заслужил уважение Веллингтона, восхищение веллингтоновских войск и, как итог, рукоплескания лондонской толпы, когда двадцать пять лет спустя прибыл на коронацию королевы Виктории. После разгрома при Витории вторжение британских, испанских и португальских войск в юго-западную Францию было делом практически решенным. И в одном и в другом лагере ожидали начала вторжения сразу же после победы, но эти ожидания не оправдались. Трудности, с которыми столкнулся Веллингтон, и скорость, с которой французы смогли оправиться от поражения и восстановить свои силы, не позволили союзникам начать завоевание Франции немедленно. Прошло немало времени и пролилось немало крови, прежде чем британские гренадеры и стрелки Легкой дивизии, облаченные в зеленую форму, начали осаду французских городов.

Как ни странно, но проблемы Веллингтона возникли из-за его победы. Прежде он несколько лет базировался в Лиссабоне, где были все его склады и куда поступали все подкрепления, но теперь требовалось перевести все базы снабжения в города и порты Северной Испании. При наличии господствующего положения на море подобная задача была бы достаточно простой, но такового не было, поскольку Америка стала теперь союзником Франции (единственным союзником, не считая Польши), и американские охотники за удачей развили такую бурную деятельность в водах Атлантики, что ни один корабль снабжения армии Веллингтона не мог выйти из Лиссабона без конвоя. К этой основной проблеме присоединялись и другие, связанные с тем, что две испанские крепости — Сан-Себастьян на побережье и Памплона примерно в пятидесяти милях от моря все еще оставались в руках противника. В обеих крепостях находились значительные гарнизоны, с помощью которых враг мог прорвать линии английских коммуникаций в случае, если бы британцы перешли за Пиренеи.

Веллингтон же имел только один осадный обоз и мог блокировать одновременно только одну крепость.

Он выбрал Сан-Себастьян, посчитав его наиболее ценным призом в этой игре, и Грэхем, один из наиболее способных командиров его армии, начал осаду силами 1-й и 5-й дивизий, португальской бригады и 15 тысяч испанских добровольцев. На левом крыле Хилл удерживал берег и долину реки, а за Хиллом, в знаменитой долине Ронсеваль*, располагался сэр Лоури Коул с 4-й дивизией и остатками испанцев. Веллингтон расположил свою штаб-квартиру в центре левого крыла в Лесака. С тыла его правому крылу угрожал маршал Сюше, все еще стойко удерживавший в своих руках Каталонию. Но территория между двумя армиями находилась под контролем испанских партизан, так что Сюше вряд ли рискнул бы прийти на помощь Сульту, чтобы совместными усилиями отстоять Сан-Себастьян и Памплону. Вторую крепость осадили испанцы, которые, не производя приступов, ждали, когда французский гарнизон сдастся сам от истощения.

По прибытии в Байонну Сульт начал действовать в темпе, показавшем, что он не зря прошел школу Наполеона. Среди всех маршалов Франции он лучше других знал Испанию, проведя здесь пять лет, а его оборонительная тактика базировалась на достижениях Массена, чьи действия в Цюрихе и Генуе в 1799 и 1800 годах спасли Северную Италию и создали предпосылки для победы Наполеона в битве при Маренго у подножия Альп.

Сан-Себастьян снабжался по морю, поэтому опасности быстрого его падения не было. Сульт решил сначала снять осаду с Памплоны, после чего атаковать правый фланг союзных сил. Под его командованием было 72 000 человек пехоты и 7000 кавалерии, но кавалерия была практически бесполезной в этой части горной страны.

25 июля, когда Грэхем был уже готов начать штурм Сан-Себастьяна, Сульт подошел к правому флангу британцев, и

---

* Ронсеваль — селение и ущелье в Западных Пиренеях в Испании, где баски и арабы разгромили арьергард армии франков Карла Великого. В этом бою погиб Роланд, ставший героем французского эпоса.

Д'Эрлон* атаковал Хилла, защищавшего перевал Мейя. В двадцати милях на юго-востоке французы бросили превосходящие силы против Бинга, защищавшего дефиле Альтобискара и Линдузы. Линия союзников упорно держалась в течение целого дня, но вечером опустился густой туман, и сэр Лоури Коул, опасавшийся, что его обойдут с фланга, отошел назад, оставив проходы открытыми.

Перспективы французов становились вполне радужными, и Сульт послал депешу, полную ликования. Впрочем, шок противника, вызванный внезапною французской атаки, быстро прошел. Веллингтон, решивший сперва, что Сульт намеревается первым делом освободить от осады Сан-Себастьян, а не Памплону, уже осознал свою ошибку и поспешил передвинуть резерв вдоль линии битвы к юго-западу. Вечная проблема испанской войны — трудности с обеспечением армий в бесплодной и враждебной стране — снова встала перед французами. Было необходимо захватить склады тех сил, которые осаждали Памплону, чтобы сохранить свою боеспособность. Наступление французов продолжалось, но генерал Релье заблудился в тумане на горной тропе, был вынужден отойти к главной дороге и присоединиться к Клозелю.

Тем временем сопротивление англичан у Памплоны усиливалось. Особенно воодушевило войска появление высокой шляпы Тома Пиктона. Вечером 28 июля появились французы. Это был 20-тысячный отряд, направленный, чтобы занять стратегически важный хребет, обороняемый 11 000 британцев. Но с севера последним постоянно подходило подкрепление, и вскоре силы Сульта оказались истощены тяжелыми потерями. В этот и в следующий дни французы не продвинулись ни на шаг. 30 июля, съев все до последней крошки, они потеряли последнюю надежду освободить также страдающий от голода гарнизон Памплоны. Появление же на гребне хребта Веллингтона на чистокровном жеребце и вообще вселило в защищавшихся новые силы. Потеряв около 4000 человек (против 2600 у противников), Сульт осознал невозможность

---

* Аруз.

выполнения своего первоначального плана. Второй его ошибкой было то, что он решил без промедления начать операцию по снятию осады с Сан-Себастьяна.

Для человека его способностей и возможностей это был чрезвычайно опрометчивый шаг, поскольку он предполагал, что войска должны будут пройти вдоль всей линии британского фронта под огнем вражеской артиллерии и в прямой видимости для полководца, который вряд ли упустит возможность напасть на противника, находящегося в таких невыгодных условиях. Веллингтон этой возможности не упустил. Атаковав французский аррьергард, он практически полностью уничтожил его. Потеряв в общей сложности 13 000 человек, Сульт отошел к границе, чтобы выработать новую стратегию и, как и Веллингтон, дожидаться результатов затянувшегося перемирия в Саксонии. Тем временем две армии двух ветеранов испанской войны смотрели одна на другую, разделенные Бидассоа. Блокада Памплоны продолжилась, и уже готовилось новое наступление с целью штурма Сан-Себастьяна.

Джонни Кинсайд из Легкой дивизии не принимал активного участия в этой битве, но был в числе тех, кто преследовал потерпевших поражение французов по тропам и перевалам горной Испании. Сравнивая его дневник «Выстрелы на удачу» с отчетом полковника Марбо о битве на мосту в Линденау, нельзя не заметить разницу в ожесточенности боевых действий в Саксонии и Испании. Все пять лет испанской войны зверства французов и испанцев в отношении друг друга были обычным делом, но боевая дуэль ветеранов Сульта и Веллингтона велась с соблюдением всех цивилизованных норм. Иногда казалось, что это некий вид спорта с возможностью смертельного исхода для игроков. С обеих сторон удары наносились точно и умело, но без злобы или жестокости. Так, Кинсайд пишет о преследовании, в котором ему пришлось принять участие: «Вид французов всегда действовал на наших стрелков возбуждающе, поэтому усталости этого дня были забыты, едва только три наших батальона распо-

ложжились в кустах, чтобы стряхнуть пыль со своих лохматых ранцев⁵...

Враг, в том положении, в каком он находился, не мог не вызывать жалости. Сзади его давил противник, справа стояли неприступные горы, а слева текла река, вдоль берегов ее залег невидимый враг, от которого было лишь одно спасение — бежать вперед изо всех сил. Впрочем, у каждого — свой день, этот день был нашим днем, и мы можем лишь принести извинения за это».

После целого дня, проведенного в преследовании французов, Кинсайд и его товарищи-офицеры вернулись и обнаружили, что на накрытых столах их ждет добрый ужин — одно из преимуществ войны, обеспеченной хорошими морскими коммуникациями. «Это был один из самых джентльменских дней войны, который я здесь провел, — заключает свои размышления Кинсайд, — хотя и в этот день несколько мест за нашими столами остались свободными».

И все же Сульт был еще далек от того, чтобы признать свое поражение или даже перейти от атак к обороне. Он все еще ждал, что из Германии придут вести о новом Аустерлице и что эти вести заставят британцев и их союзников усомниться в желательности перехода границы и наступления на Байонну. Ему, ему одному были доверены ключи от «черного жода» во Францию, и он собирался удерживать его во что бы то ни стало. Он блестяще преуспел в этом, продолжив сложную борьбу на юго-востоке до того самого дня, когда казаки вошли в Париж, а владения Наполеона в один миг сократились до размеров острова Эльба.

31 августа Сульт сделал последнюю попытку снять осаду с Сан-Себастьяна, бросив 45 000 человек под командованием Рейля через Бидассоа. Рейль атаковал испанцев, а блестящий Клозель провел отвлекающий маневр против трех союзных бригад. К всеобщему удивлению, испанцы не только удержали свои позиции, но и провели контратаку, так что люди Рейля были вынуждены отступить, потеряв более 2000 человек. В тот момент, когда Клозель также отходил назад, силь-

нейший ливень затопил броды через реку до шестифутовой высоты, и у четырех французских бригад под началом Вандермесена оказались отрезанными все пути к отступлению, за исключением одного моста в Вера, защищаемого двумя слабыми отрядами общей численностью не более ста человек. Результат сражения едва ли можно назвать эпическим. Отчаянно сражаясь, французы в конце концов прорвались, но огонь британцев стоил им почти пятисот жизней, включая командира. В бою погиб и шестьдесят один английский стрелок, положивший по четыре француза каждый. Английская практика стрельбы продолжала оставаться лучшей в мире и столетие спустя, при Монсе и Ипре.

Пытаясь освободить генерала Рея, запертого в Сан-Себастьяне, Султ потерял 3800 человек, после чего перешел к позиционной обороне, построив длинную цепь укреплений, идущую от моря на юг. Было похоже, что он кое-чему выучился у Веллингтона и у его стратегии набегов и обратного отступления к Торриж-Ведраш в годы, когда французы занимали Испанию.

В то же утро, когда Султ пытался храбро, но безрезультатно снять осаду с Сан-Себастьяна, город был взят англичанами штурмом. Первая попытка в июле стоила нападавшим 570 жизней. Следующая атака была еще более кровавой. В результате штурм увенчался успехом только вследствие удачного огня осадной артиллерии Грэхема, прикрывавшей наступающие отряды, которые ворвались в образовавшиеся от огня брешы. Все же часть изможденного гарнизона Рея укрылась в замке. Подсчитав свои потери, составлявшие около 2500 убитыми и смертельно ранеными, британцы и португальцы пришли в ярость, и ночь удачного штурма обернулась оргией грабежа пьяных солдат, наподобие той, что легла пятном на Британскую армию при взятии Бадахоса в 1812 году*. Офицеры, пытавшиеся остановить мародерство, поджоги и насилие, были напуганы и дважды открывали стрельбу, в одном случае — даже со смертельными исходами. «Этот

---

* Веллингтон взял штурмом Бадахос после трехнедельной осады 6 апреля 1812 года.

штурм, — писал Напьер, — казался сигналом из ада к возобновлению злодейств, которые свершали наиболее жестокие варвары античности». Рей удерживал замок до 8 сентября, потом был окружен и добровольно сдался. «Третьеклассная городская крепость в плохом состоянии выдерживала осаду армии, имевшей огромный осадный артиллерийский парк, в течение шестидесяти трех дней», — добавляет Напьер в одном из своих многочисленных похвальных слов, посвященных доблести французских солдат в Испании.

Известия о конце дрезденского перемирия и выступлении Австрии против Наполеона дошли до Веллингтона 3 сентября, но его опасения относительно французского вторжения оставались по-прежнему сильными. Справа в его тылу маршал Сюше, все еще успешно удерживавший Каталонию, был постоянной угрозой. Но была и еще одна причина, более важная, почему Веллингтон отошел, никак не связанная с оборонительными приготовлениями Сульта за рекой. За весь период Испанской кампании испанское правительство не создало запасов продовольствия для своих войск. Большая часть армии существовала за счет того, что она доставала сама себе, или того, что получала по морю из Британии. Кинсайд приводит в пример одного испанского офицера, который предложил его команде облегчить багаж на трехдневный рацион в обмен на обязательство оплатить продовольствие. «Мы отказались, — пишет Кинсайд, — сказав, что нести такой груз для нас — истинное удовольствие». Веллингтон хорошо понимал, что произойдет, когда тысячи полуголодных испанских солдат начнут поход по враждебной территории. Мародерство вызовет всеобщее восстание, патриотическую народную войну, которая прибавит еще больших трудностей к тем, что уже были. Бадахос и Сан-Себастьян показали, на что способны британцы и португальцы в состоянии озлобления. Впрочем, в своих солдатах, с которыми он проделал путь от самого Лиссабона, Веллингтон был уверен — такой уверенности не было относительно испанцев. Но помимо этих соображений, его нежелание перейти французскую границу

можно было объяснить и иными причинами. Он был свидетелем того, как несколько коалиций против Наполеона уже буквально растворились в ночной тьме, и во время последнего летнего перемирия англичанин начал сомневаться относительно долговечности и последнего «консорциума». Если правители Европы оказались способными на сомнительную сделку с Наполеоном, они вряд ли подумали о том, какое воздействие этот шаг произведет на британцев, находящихся за сотни миль от центра основных действий. А уж помирившись с ним, и вовсе не примут во внимание того, что император получит возможность обрушить на англичан освободившиеся силы своей армии. Вести о том, что происходило в Германии, шли медленно. О возобновлении боевых действий Веллингтон узнал от французов, раструбивших о блестящей победе Наполеона над союзниками в битве при Дрездене. Но никто не сообщил Веллингтону о французских неудачах при Кацбахе, Кульме и Денневице.

Все же, убежденный в том, что война будет продолжена, Веллингтон принял решение в первые осенние дни 1813 года. Утром 7 октября, когда у него в тылу Памплона все еще продолжала сопротивление, он высадил морской десант, атаковавший укрепления Сульта, и сам был удивлен тем, насколько успешными оказались эти его действия. Во французском лагере ощущался явный упадок энтузиазма. Память о поражении, которое они потерпели от британцев при Витории, под Памплоной и во время последней попытки освободить Сан-Себастьян, сломила дух солдат. «Они стояли на своих позициях храбро, — вспоминал британский солдат, участвовавший в атаке, — но в последний момент побежали». «Они встретили нас, как львы, — писал другой, — но скоро превратились в зайцев».

К вечеру битва завершилась, и все опасения Веллингтона разрешились благодаря тому, что победа досталась столь малой кровью. Султ отступил к Нивелю, и со своих новых позиций британцы уже могли видеть перед собой ухоженную плодородную землю юго-западной Франции. Ветераны пришли в

восторг — и было от чего. Этому дню предшествовали пятилетние походы, начиная с августа 1808 года, когда герцог (тогда еще просто сэр Артур Уэлсли) разбил генерала Жюно при Вимейро, но за эти пять лет задача освобождения от французских легионов Португалии, не говоря уже об Испании, для столь маленькой армии, какой была армия Веллингтона, казалась порой невыполнимой. Даже теперь старая привычка постоянно и напряженно ждать опасности, продвигаясь вперед шаг за шагом и выжидая удобного момента (что характеризовало поведение британцев на протяжении всей кампании), в действиях герцога все еще напоминала о себе, хотя все условия благоприятствовали и ничего уже не мешало. Победы не ослепили его. И только после того, как стал известен исход битвы при Лейпциге, Веллингтон дал приказ к финальному выступлению, в ходе которого Сульт должен был быть выбит со своих позиций и оттеснен к Тулузе.

31 октября пала Памплона. А 10 ноября, спустя восемь дней после развала Великой армии во время ее перехода через Рейн, британцы и их союзники атаковали новые позиции Сульта, растянувшиеся вдоль Нивеля и правым крылом повисшие над живописным морским портом Сен Жан-де-Люз. История повторилась. К вечеру французы были выбиты со своих позиций и отступили по широкому фронту от Байонны до Камбо на реке Нив. Их потери исчислялись в 4350 человек, из которых 1200 были взяты в плен. Союзникам победа стоила 3000 человек, пять шестых из которых были британцами. «Черный ход» не был отомкнут. Дверь в него была выбита, и война на Иберийском полуострове фактически завершилась.

Глядя в этот ноябрьский день на захваченные позиции, англичане с удивлением видели опрятные дома, построенные местными жителями, столь непохожие на те временные убежища, что сооружали на марше солдаты Легких дивизий. Даже сейчас британские лагеря были разбиты прямо на улицах и площадях, и некоторые из них имели названия. Одна из таких улиц пророчески называлась «рю де Пари».

ГЛАВА 10 МУЗЫКА В СНЕГУ

I

Начавшаяся зима обещала стать не менее тяжелой, чем предыдущая. Перед Рождеством снегопады завалили Восточную Францию, а по улицам Парижа, превратившимся в болота от растаявшего под копытами лошадей снега, пронеслись курьеры с прокламациями и призывными листами. Стук копыт теперь заглушался новыми звуками. Эти новые звуки тем не менее вызвали у парижан ностальгию по давно прошедшим временам, напоминая, что средневековый счет говорил о двадцатилетнем цикле времени. Шарманки и органчики в руках агентов, рекрутирующих новый набор, извлекали мелодию, которая много лет тому назад призвала всю Францию к оружию. Это была «Марсельеза» Руже де Лилля.

Боевой клич Революции вышел из моды еще со времен юности Наполеона, его Египетской авантюры, когда, вернувшись из овеянного романтикой похода, он прибрал к рукам все институты государственной власти, установил личный контроль над всей страной, а на избранных народом представителей смотрел сквозь окно Оранжереи* в ружейный прицел. «Марсельеза» еще звучала на многих частных квартирах, в тюремных камерах, где содержались последние якобинцы, оставшиеся в живых после ими же учиненного террора, но ухо Наполеона, нового апостола порядка и закона, было глухо к этой музыке, которая стала для него музыкой произвола и анархии. И вот теперь, когда Франция станови-

---

* Во время переворота 18 брюмера 1799 года Совет Пятисот, возглавляемый Люсьеном Бонапартом, размещался в галерее дворца Сен-Клу, так называемой Оранжерее.

лась ареной европейской бойни, звуки гимна свободе де Лилля снова стали необходимым средством пропаганды. Именно эти звуки призывали молодых людей 1792—1793 годов к оружию на защиту завоеваний революции, именно они сплотили их на улицах Парижа, помогли одержать победу внутри страны, и инерция этой победы двинула этих одетых в синие блузы граждан к границам страны, которым угрожали интервенты и предатели Республики. Теперь, после двадцати лет, овеянных невиданной славой и великими победами, за которыми последовали восемнадцать месяцев, обративших эту славу и эти победы в катастрофу, людей снова вдохновлял гимн, призывающий восстановить величие прежних дней, величие, еще более значимое, нежели это было в 1793 году.

Некоторые, но не большинство, отозвались на призыв, сопровождающийся старой музыкой революции. Конечно, холода вряд ли способствовали тем, кто прятался на сеновалах, на скотных дворах, в лесах или кустарниках, но для многих эти тяготы были менее тяжелыми, чем перспектива получить прусскую пулю в живот или удар казацкой шашкой. И чаще рекрутеры не могли найти того или другого Жана или Жозефа, которые были отмечены в призывных листах. И вряд ли имело смысл дожидаться его возвращения в родную деревню даже ради того, чтобы принять участие в общих крестьянских трудах. По всей Франции за плугом все чаще шли женщины, а мужчины, появлявшиеся на пашне, становились все старше и старше. Рекрутеры, в чьих списках значились сотни имен, могли считаться вполне удачливыми, если им удавалось собрать под знамена армии хотя бы десять, и их барабаны, когда-то возвещавшие будущую славу Франции и Наполеона, теперь играли несколько другую музыку. Она напоминала призывникам 1815 года удары молотка, заколачивающего последние гвозди в крышку гроба.

На собрании маршалов и генералов вскоре после того, как император отправился в ноябре из Майнца в Париж, Наполеон своим, казалось бы, нерациональным оптимизмом вызвал раздражение маршалов Мармона и Макдональда. Когда

они спросили его об осуществимости планов кампании, он в ответ обвинил их в отсутствии веры и решимости. «Мне необходима, — заявил император, похлопывая по груди генерала Друо, — сотня человек, но таких, как этот!» Однако Друо читал Библию не зря, он знал разницу между фразой и словом. «Вам необходима, — ответил он, — сотня тысяч!»

И это была правда. 70 тысяч выживших после Лейпцига солдат не могли защитить все протяжение границы от пяти-сот тысяч солдат противника. И какой был прок от ветеранов, которые были изолированы в Каталонии, или от призывников, которых захватил Веллингтон в Байонне, или от окруженных гарнизонов Гамбурга и других городов севера Германии? Впрочем, резервы нации еще могли дать ему одну, последнюю армию, и в течение одиннадцати недель между началом ноября 1813 года и 25 декабря 1814 года император полностью посвятил себя именно этой задаче — поднять и поставить под ружье новую армию.

Эта задача была одновременно сложнее и легче той, которую ему удалось решить после того, как шестисоттысячная Великая армия растаяла в снегах русских равнин в декабре 1812 года. Более сложной, поскольку ресурсы людской силы становились все меньше и меньше; более легкой, поскольку противник был уже у границ Франции, а среди французов еще оставалось немало таких, кто верил, что идеалы Революции все еще могут быть достигнуты.

Призыв к оружию в эту зиму получил весьма странный отклик. Некоторые взялись за оружие, подчиняясь магии прошлых побед, иностранных завоеваний и возможной славы. Среди этих людей были такие, как Карно, бывший организатором побед Республики, или новые богачи, получившие состояния после конфискации церковных сокровищ и земель, которые боялись снова впасть в нищету в случае реставрации Бурбонов. Фанатичные якобинцы также откликнулись на призыв, но их услуги были вежливо отклонены. «Даже если мне суждено пасть, я не собираюсь свергать Францию в хаос Революции, от которого спас

ее», — сказал Наполеон, вспоминая следы, оставленные толпой нищих и оборванных людей в саду Тюильри в августе 1792 года*. Но помощь Карно была принята. Наполеон мог распознать истинный патриотизм человека, и таковой был у Карно. Организатор крупных побед на границах Франции времен Республики, во времена Империи он предпочел жизнь в бедности и забвении. «Железный Карно, дальновидный и непобедимый, — так писал о нем Карлейль тридцать лет спустя. — Карно, с его холодным математическим разумом и молчаливым упорством воли, который в трудный час не требовал для себя ничего».

«Предложения услуг шестидесятилетним стариком, без сомнения, дают немного, — писал Карно Наполеону, — но я полагаю, что пример известного своим патриотизмом солдата может привлечь в ряды ваших орлов немало людей, пока не знающих, чью сторону им принять, и полагающих, что единственный способ послужить своей стране — это оставить ее». Карно был послан в Антверпен оборонять его от пруссаков и шведов, где зарекомендовал себя как настоящий патриот и храбрый солдат.

Карно был редким исключением, когда согласие со стороны Наполеона совпало с личным желанием самого Карно. Но предложения поддержать страну поступали и от людей, которые вряд ли могли внушать доверие власти. Один из примеров такого рода показывает донесение Военного департамента. Некто полковник Вирио, оклеветанный историей и представленный, пожалуй, в самом позорном виде, был поставлен во главе части иррегулярных сил и послан сдерживать захватчиков. Его записи, относящиеся к этому времени, особенно любопытны, поскольку они показывают, что даже последствия самых несправедливых действий могут забыться перед лицом национального кризиса. Вирио, бесстрашный солдат с незапятнанной репутацией, был смещен с должности и уволен за то, что осмелился перечить Фуше, шефу поли-

* Здесь имеется в виду народное восстание в Париже 10 августа 1792 г., когда народ ворвался в Тюильрийский дворец с требованием казни короля и конфискации имущества всех аристократов.

ции. Он отказался нарушить закон, послав на гильотину двух невиновных, против которых полиция сплела настоящую сеть заговора¹.

Поодиночке, парами, десятками стекались добровольцы, но их количество не было достаточным. Пятьсот семьдесят пять тысяч французов были одеты в мундиры в 1812 и 1813 годах, и триста тысяч из них были теперь пленниками или на грани того, чтобы оказаться в плену. Еще сто семьдесят пять тысяч были мертвы или недееспособны, и лишь около ста тысяч еще оставались в состоянии держать в руках оружие. При этом, несмотря на опустошения, которые испытывало население в период от Вальми до Ганау*, население Франции в правление Наполеона продолжало увеличиваться почти на полмиллиона ежегодно. Но позволяло ли это увеличение объявлять в Императорском и Сенатском приказах о призыве *девятисот тысяч*?! На первый взгляд представляющаяся совершенно невероятной, математически эта цифра была вполне реальной и достижимой. По подсчетам работника правительственного департамента те, кто был освобожден от призыва между 1804 и 1814 годами, составляли число примерно в сто шестьдесят тысяч человек. Это число могло быть удвоено досрочным призывом 1815 года. В Национальной гвардии, согласно полковым листам, находилось около двухсот тысяч человек, и еще один резерв составляло ополчение. Впрочем, не всегда имена в списках соответствовали реальным людям из плоти и крови. Подсчеты, особенно производимые гражданскими людьми, иногда сообщали о том, что два и два равно двадцати двум, и разница между оценкой, сделанной согласно этим подсчетам, и реальностью была зачастую значительной. Попытка привлечь в армию призывников 1815 года потерпела столь очевидный провал, что скоро

---

* Битва при Вальми — первое военное столкновение революционной Франции с войсками коалиции под командованием герцога Брауншвейгского (французских добровольцев возглавляли генералы Дюмурье и Келлерман) — состоялась 20 сентября 1792 г.; битва при Ганау — 30 ноября 1813 г. Таким образом, здесь имеется в виду период в 21 год. Согласно официальному отчету д'Аржанвиляе, начальника рекрутского управления при Наполеоне, число погибших на полях сражений исключительно французов только за период Империи (1804—1814) составило 1 750 000 человек.

была официально отменена, а сбор резервистов приводил к тому, что сотни и тысячи вполне трудоспособных людей прятались, где только могли, до тех пор, пока рекрутеры не покидали ближайшие окрестности. Более чем столетие спустя, когда нацистская Германия пыталась набрать рабочих после поражения Франции в 1940 году, французские официальные лица столкнулись с удивительно многочисленными случаями внезапной смерти молодых людей к югу и северу от демаркационной линии Виши. Но на деле никаких смертей не было. Вполне возможно, что французы просто вспомнили свою собственную историю или прочитали в книгах и учебниках о том, как происходил призыв во всех французских департаментах в период между ноябрем 1813 года и весной следующего года.

Каждый город и каждое поселение, каждая деревня и каждый хутор имели свою квоту «зайцев», скрываемых родственниками на чердаках и в сараях или живущих в пещерах и лесных хижинах, как первобытные люди. На этих людей не действовали ни патриотические воззвания (прямое следствие страшного 29 Бюллетеня 1812 года), ни пугающие слухи, приходившие из Саксонии следующим летом.

Любой неграмотный подпасок или ученик, живущий на несколько су в день, боялись строевой подготовки в имперской армии больше, чем возможных зверств казаков или пруссаков. Однако значительная часть населения все же откликнулась на призыв вступить в армию. В основном это была более грамотная и более деятельная часть общества. Как в самой Франции, так и за ее пределами, Наполеон все еще был для мелкой буржуазии знаменем нового времени, в котором богатство значит больше, чем наследственные привилегии. Его считали блестящим импровизатором, которому удалось в некоторой степени сохранять баланс между тиранией феодализма и анархией власти толпы, сгубившей революцию. Это были люди, которые сплотились под знаменем своей родины, люди, видевшие в продвижении союзных сил приближение возврата к классовому разделению восемнад-

цатого века, унижавшему человеческое достоинство. Среди этих людей многие были готовы признать, что Наполеон поставил личное возвеличивание выше целей революции, но это еще не означало, что они предпочли бы его автократию Бурбонам и ищущей возврата к прошлому аристократии. Наполеон, конечно, сверг страну в бесконечные войны, отдельные из которых целиком были на его совести, но он также построил дороги, изменил систему общественных институтов, заставив их работать на благо многих, а не некоторых, принял новое законодательство, оживил местную промышленность, создал условия для развития современного сельского хозяйства и, что, может быть, важнее всего, открыл широкую дорогу для продвижения по службе тех буржуа, которым хватало амбиций и способностей делать деньги и упорно трудиться. И это помнили многие французы — вот почему Блюхеру, Шварценбергу и русскому царю пришлось нести тяжелые потери на всем пути к Парижу, когда их преимущество в собственно военном отношении должно было сделать этот путь не более чем парадом.

Впрочем, нация должна была убедиться, что все разумные компромиссы не увенчались успехом, и этим занимался Наполеон все время после возвращения в Париж. Бурьенн рассказал нам, что в этот период император позволял себе спать лишь с одиннадцати до трех утра, работая по двадцать часов в сутки над самыми различными вопросами.

Были назначены комитеты Сената и Легислатуры для изучения предъявленных в Праге условий и для подготовки официального обращения. Однако изыскания последнего комитета (имея в виду, что Франция должна была принять условия, которые Наполеон считал унижительными) вызвали к жизни самую бурную публичную речь за всю карьеру императора после того, как он запретил пускать в печать результаты работы членов комитета. «Мы не должны прилюдно развешивать наше грязное белье, — в ярости кричал он, — и демонстрировать его всему миру! Я один являюсь представителем народа. Дважды двадцатичетырехмиллионный народ

Франции призвал меня на трон. Кто из этих низких душ еще мог бы нести такое бремя? Вы говорите об уступках — уступках, которых не смеют требовать от меня даже мои враги... Франция нуждается во мне больше, чем я нуждаюсь во Франции».

Оскорбленный неверием в то, что ему удастся выгнать Францию из того затруднительного положения, в котором она находилась, Наполеон все-таки был готов к «уступкам» по политическим мотивам. И первой из них могло стать освобождение находящегося в плену Фердинанда, наследника престарелого короля Испании, который разругался со своими родителями еще до того, как оба стали пленниками в 1808 году². «Политическая ситуация, в которой я нахожусь, вынуждает меня желать окончательного решения испанских проблем», — мягко писал он малоприятному молодому человеку, который в течение пяти лет содержался во Франции в качестве пленника, обвиняя при этом англичан в «возбуждении в Испании анархии и якобинства» и предлагая создать в стране республику. Это было, пожалуй, единственным случаем, когда герцог Веллингтон встретился с угрозой революции.

Внезапное появление Фердинанда в Испании несомненно вызвало бы переполох у англичан, но вскоре этот блеф императора был разгадан. Талейран, глава множества заговорщиков в руководстве Франции, ищущих средства обезопасить себя на случай возвращения Бурбонов, медлил до тех пор, пока Испанский двор не отверг Фердинанда, и запутанный клубок испанской политики был распутан. Не более успешным стал для Наполеона и следующий жест — освобождение Папы, также являвшегося пленником Франции, которому Наполеон открыл дорогу в Рим, чтобы там он «лопнул на месте, словно раскат грома». Но взрыв при появлении в Риме Его Святейшества не был услышан на севере. Он был преспокойно восстановлен в своих правах королем Мюратом, присоединившимся к коалиции; сам же старик, прежде чем покинуть Фонтенбло, вызвал французских кардиналов,

призвал их к мужеству и посоветовал противиться Наполеону при каждом удобном случае. Неспособность Наполеона действовать в сотрудничестве с кем бы то ни было объяснить нетрудно. Конечно, Наполеон был человеком, который восстановил католическую церковь во Франции после атеистического времени Террора, но после этого его обращение с христовым наместником стало столь высокомерным, что вызывало ярость всей католической Европы. Теперь он платил за свою несдержанность, которую проявлял по отношению ко всем, кто хоть как-то противостоял его попыткам реорганизовать и модернизировать Западную Европу так, как замыслил он один.

Иногда, несмотря на непоколебимую веру в свои силы и свою демоническую энергию, он оказывался выбитым из колеи и словно слепой Самсон сходил с ума под ударами своих мучителей. Явные нотки деспотизма проявляются в его переписке, относящейся к этому времени, и это не делает чести человеку, который снова и снова объявлял себя образцом гражданской добродетели и защитником свободы слова. В письме губернатору Антверпена относительно взбунтовавшихся датчан он писал: «Сожгите первую же деревню, до которой доберетесь и где обнаружите оранжевые кокарды*, и издайте приказ, что первый же, кого увидят с этой кокардой, будет расстрелян». Тень истерии лежит практически на всех его посланиях, которые он диктовал перед тем, как снова стать во главе армии. «Вы сделаете это...», «Он должен сделать так...», «Это невозможно выносить...», «Ввести быстрый суд для всех враждебных элементов...» и так далее. Казалось, он видел себя измученным и растерянным отцом большой, непокорной семьи, чьи глупости и выходки разрушают ее и потому вынуждают отца карать всех без всякой жалости. Наполеон не считал себя ответственным за войны, которые обескровили всю Европу, и полагал, что не заслуживает обвинений ни в одной, кроме войны в Испании, в отношении которой он все же признавал свою ошибку.

---

* Оранжевый цвет является национальным цветом Оранского дома и Голландии.

II

Но и теперь еще не все было потеряно. Союзников, расположившихся на Рейне, без всякого сомнения, нельзя было назвать братским союзом, как это казалось последующим поколениям. Напротив, это было сборище эгоистов, спорщиков, коварных политиканов, людей продажных и озлобленных, разрываемых взаимным недоверием и имеющих лишь одно сходство — упорную веру в абсолютизм. Кроме этого у них не было ничего общего. Британия, представленная холодным и непроницаемым Кестльри³, была озабочена, как всегда, установлением в Европе равновесия сил, что должно было служить делу сохранения ее морского превосходства. И чтобы добиться своих целей, ей требовалась независимость Нидерландов, расположенных прямо напротив британских берегов. Ради этой цели в прошлом ей уже приходилось сражаться не один раз. И еще дважды Британия возьмется за оружие ради той же цели в двадцатом веке.

Пруссаки даже и друг перед другом не имели какой-либо общей цели. Блюхером и его офицерами двигало чувство личной мести, идеалист Штейн мечтал о Германском союзе, король — о приращении территории своего королевства, равно как и его населения, чтобы превзойти в силе Гогенцоллернов.

Австрийцы, управляемые Меттернихом, хотели лишь ограничить притязания Наполеона тем, что они считали естественными границами, и вполне были бы согласны с его дальнейшим противостоянием британской торговле на севере до тех пор, пока австрийский канцлер не подготовится к восстановлению влияния Австрии в Италии и страна не вернет свои утраченные провинции на Адриатике. Более же всего Меттерних опасался усиления Пруссии — Австрия не должна была утратить своего лидирующего положения в Европе.

Россия, потенциально наиболее могущественная сила в коалиции, также была небезразлична к британским морским интересам, поскольку имела свои планы на востоке, но, же-

лая усиления Пруссии за счет любой другой страны, была категорически против сильной Австрии. Среди русских были такие, кто, как Блюхер, надеялся отплатить Наполеону его же монетой и взять Париж в отместку за разрушение Москвы. Но эти люди не составляли большинства в русском лагере. Подобного рода фанатизм был характерен только для пруссаков. Царь склонялся к тому, что править Францией должен Бернадот, но это решение было неприемлемо для Франца Австрийского. Он не собирался вести дорогостоящую войну ради того, чтобы место его дочери в качестве императрицы заняла дочь мыловара, которой посчастливилось удачно выйти замуж за гасконского сержанта.

Будучи самым младшим в этом предприятии, Бернадот мало что мог сказать на совете. Он уже успел рассердить царя, пообещав маршалу Даву и его гамбургскому гарнизону свободный проход во Францию в случае, если он сдаст город. Он воспользовался этой возможностью и двинулся на север, угрожая Норвегии, которую не просто хотел видеть своей, но собирался забрать как уже обещанную ему в качестве тридцати серебрянников. Два его лучших корпуса вошли в состав пруссаков генерала Бюлова для похода на Нидерланды.

Но, кроме общего недоверия друг другу, был и еще один момент, который внушал опасения победителям лейпцигской «битвы народов». Пламя национализма начинало разгораться не только к западу от Рейна, где оно в чем-то повторяло пожар 93 и 94 годов прошлого века, но и среди угнетенных народов Австрии, Берлина и России. Объявив народную войну на своих территориях, европейские монархи очень скоро заподозрили, что раздули огонь, который их наследникам погасить будет невозможно. К тому же возникло опасение, что после того, как первоначальная цель будет достигнута, ее может заменить другая. Как горько заметил один из австрийских дипломатов, «война за освобождение государства превращается в войну за освобождение народа». Это было серьезной угрозой людям, которые пришли к Рейну, не имея в войне иных задач, кроме спасения себя в качестве наслед-

ных монархов и присоединения к своим владениям таких стран, как Польша.

В этом адском котле алчности, злобы, ревности и недоверия Австрия была наименее воинственной и имела некоторые преимущества перед своими партнерами. Надеясь закончить войну без жертв, расходов и риска вторжения во Францию, последствия которого могли потом долго отзываться на европейских делах, Меттерних склонял своих соотечественников разработать очередной пакет предложений. Эти предложения вошли в историю как «Франкфуртские предложения»*.

Это были сравнительно простые предложения. Австрия сохраняла достаточное количество итальянских территорий, чтобы подтвердить свое господство в этом районе. Франция сохраняла Ниццу и Савойю. Голландия и Испания должны были быть освобождены, а Франция оставалась в своих более «естественных», нежели «старых» границах. Наполеон должен был поддерживать «влияние» в Германии, а Великобритания, уверенная в своих правах на морское господство, возвращала Франции колонии, отошедшие к ней за время долгой войны.

Но даже Меттерних, более всего выигрывавший от этих перестановок, не верил, что они смогут стать практической основой для общего соглашения. Ни Пруссия, ни Россия не были от них в восторге, а Кестльри, выражающий волю Британии, и вовсе должен был видеть в них тщетность всех попыток помочь континентальным силам не только по национальным мотивам. И все же эти предложения были вынесены в качестве последней попытки примирения, перед тем как первый союзный солдат пересечет Рейн. Пройдет еще несколько недель, прежде чем они начисто будут отвергнуты Россией и Британией, первой — вследствие того, что могут лишить ее триумфа, второй — поскольку мир на этих условиях оставлял во владении Франции Бельгийские порты и, по

* Меттерних предложил Наполеону выгодные условия заключения мирного договора 9 ноября 1813 года.

словам Кестльри, «приводил к необходимости для Британии находиться в состоянии постоянных военных приготовлений».

Если бы Наполеон сразу же принял Франкфуртские предложения — а ему настоятельно советовали сделать это, — то еще была возможность того, что Австрия выйдет из коалиции, недовольная Россия отойдет назад, а Британия и Пруссия продолжат сражаться в одиночестве; противостоять же им будет патриотически настроенная единая Франция. Возможно, Наполеон не принял эти предложения всерьез, и для этого у него были причины. В тот самый день, когда он послал свой тщательно разработанный ответ, предложив начать новое мирное совещание в Мангейме, союзники выпустили очередную прокламацию, предназначенную для распространения во Франции. Мишенью этого воззвания был он сам. «Мы желаем, чтобы Франция, — заявлялось в этой листовке, — была великой, сильной и процветающей, и мы воюем не против Франции, но против того всецелья Наполеона, которое продолжается уже долгое время, став бедствием для Европы и самой Франции».

Если устранить все политические экивоки, то Франкфуртские предложения были просто признанием со стороны Австрии ранних завоеваний Французской республики (в основном в Бельгии и Савойе) за ответную свободу действий в Италии и некоторую гарантию против создания сильной объединенной Пруссии. Как могли они быть приняты, даже при условии того, что Наполеон уже был готов на куда меньший кусок европейского пирога? Ни российский царь, на памяти которого был пожар древней столицы его государства, ни группа барона Штейна, лелеющая мечты о единой Германии, ни Британия, которая двадцать лет упорно боролась за то, чтобы Франция не была главной на континенте, не получили бы удовлетворения от последнего предложения Меттерниха. Однако конференция все же была назначена, но без объявления перемирия, и продолжалась в Шатильоне целых шесть бесплодных недель. Предметом обсуждений стали лишь очередные военные победы и поражения, а вскоре но-

вые события и вовсе уничтожили смысл подобного дипломатического собрания.

Во время затишья перед вторжением во Францию Франц Австрийский, пожалуй, самый законченный лицемер, выращенный домом Габсбургов, продолжал писать нежные письма своей дочери, Марии-Луизе, побуждая ее стать регентшей в отсутствие мужа, бьющего австрийские войска на французской земле. «Что касается мира, — писал он в декабре 1813 года, — то, будьте уверены, я желаю его не меньше, чем вы, чем вся Франция и — как я надеюсь — чем ваш муж. В одном лишь мире заключены условия счастья и процветания. Мои желания умеренны. Я хочу только того, что согласуется с продолжительным миром, но в этом мире одних желаний недостаточно». Эти горькие размышления о делах человеческих сегодня, после того, как две мировые войны закончились ядерным облаком над Хиросимой, главы государств во всем мире могли бы выразить в тех же самых словах, что и австрийский король.

III

23 января в Тюильри состоялась одна из последних блестящих встреч человека, знавшего, как до последней капли выжимать верность у галльских пленников его чар с помощью эмоционального красноречия и тщательно организованной системы управления. Вызвав офицеров Национальной гвардии, одни из которых были известны как роялисты, другие — как преданные республиканцы, он появился перед ними, сопровождаемый только императрицей и сыном, трехлетним королем Римским. «Я вверяю мою жену и моего сына вашему мужеству», — сказал он, и ответ на этот картинный жест был в точности таким, какой и ожидался. Офицеры бросились вперед с криком: «Да здравствует император!» В 4 часа утра 25 января Наполеон отбыл на фронт, чтобы никогда уже больше не увидеть ни Марию-Луизу, ни сына.

Наполеон ожидал вторжения со стороны Льежа и, имея лишь 50 000 человек, должен был разработать наиболее гибкий план его отражения. Макдональд удерживал нижний Рейн в Кельне, Мармон, старейший друг, стоял в среднем течении, Виктор командовал укрепленным районом еще выше по течению, ожидая подкреплений новыми рекрутами, а Бертран находился на правом берегу напротив Майнца. Раненый под Лейпцигом Ней все-таки снова встал в строй, так же как и Удино, только что поднявшийся с тифозного ложа. Мортье был с императором, как и Бертье, занимавший свой бессменный пост начальника штаба. Ожеро, ворчавший, что с мальчишками, не знающими, как зарядить мушкет, дела не сделаешь, оставался в Лионе с 25 000 этих мальчишек. Сульт по-прежнему сражался в Пиренеях не на жизнь, а на смерть, поскольку Веллингтон с испанцами вынудил его защищать уже территорию Тулузы.

А здесь, в Европе, союзники уже в двух местах пересекли Рейн. Никакого прихода весны они, как надеялся Наполеон, ждать не стали. Они шагали в трех сотнях миль от восточных границ Франции — колоссальная армия, которую, конечно, можно было кое-где остановить, кое-где даже отбросить, удерживая на расстоянии от Парижа в течение нескольких недель, но удержать ее могучую волну, катящуюся на запад, было невозможно. Только один профессиональный военный во всем мире мог принять вызов с возможностью выигрыша один к десяти — и он его принял. И на восемь недель, пока его колонны сражались и маневрировали в снегах и грязи между Арнхаймом на севере и швейцарской границей на юге, вся Европа затаила дыхание. Первым на поле боя вышел Шварценберг с 209 000 человек; 20 декабря он пересек реку между Базелем и Шаффхаузеном (целью многих спасшихся из плена британцев, французов и американцев в последней войне) и, нарушив нейтралитет Швейцарии, вознамерился повернуть к приграничным крепостям и Вогезам*. Блюхер с 47 000 перешел Рейн между Кельном и Раштадом в первый

* Горы на северо-востоке Франции.

день нового года, стремясь к Льежу и Брюсселю — путь, выбранный легионами фон Клюка летом 1914 года. Прусский генерал Бюлов, доказавший свое упрямство в Саксонии, углубился в зарейнские территории с 30 000 человек, включая шведов Бернадота, и ударил по Нидерландам, где уже полыхало восстание.

Это был неуклюжий, старомодный подход к делу, дававший широкий простор дурным советам и национальной ревности, ясно доказывавший, что лидеры союзников мало чему научились по наполеоновскому учебнику. Имея огромное превосходство в людях и вооружении, они снова подарили великому мастеру стратегии возможность атаковать и побеждать — и по прибытии в Шалон он воспользовался этим подарком немедленно. Неделю спустя войска союзников предоставили Европе возможность увидеть не лишенный юмора спектакль, демонстрирующий, как нескольким рыбакам-любителям одному за другим не удается поймать за хвост уже загарпуненного кита.

Но прежде чем более пристально посмотреть на эту увлекательную игру в салки, было бы полезно вернуться к воспоминаниям трех французов, которые сами участвовали в ней. Каждый из них проливает свой свет на характер того времени.

Капитан Барре, находившийся в Майнце, оказался свидетелем новогоднего вторжения Блюхера. В последнюю ночь 1813 года в Огерсгейме он повстречался с приятелем, отбывавшим на редут перед Мангеймом, в том месте, где Неккар впадает в Рейн. Приятель имел под своей командой трех офицеров и сотню солдат; им было приказано «победить или умереть» и ни при каких обстоятельствах не входить ни в какие сделки с неприятелем. Ближе к рассвету стала слышна прусская канонада, и Барре понял, что Блюхер переправляется через реку, атакуя тот самый редут. Поспешив приятелю на помощь, Барре увидел, что равнина уже усыпана прусскими кавалерийскими разведчиками, а злосчастный редут окружен. Спасти его перед лицом надвигавшихся главных сил противника не было никакой надежды, и Барре отошел об-

ратно в Майнц. Маленький гарнизон продержался три часа, уничтожив семь сотен пруссаков, — это было предвестием того, чего надо было ожидать союзникам, когда они пойдут по Франции.

Пятьдесят с небольшим человек, выживших в этой бойне, даже заслужили уважительного отношения со стороны союзников: прусский король лично приказал вернуть шпаги всем офицерам.

2 января, будучи снова оторван от обеда в связи с быстрым вторжением неприятеля, Барре со своими людьми отступил по направлению к Вормсу. Гусиный паштет, с которым они собирались праздновать Новый год, был наспех поделен. «Вопроса о том, чтобы съесть его в кругу семьи, больше не было», — вспоминает Барре, посмеиваясь над комендантом, который, требуя коня, раз десять прокричал, чтобы не забыли паштет. Они вошли в Майнц с русской кавалерией, висевшей у них буквально на хвосте.

С этого момента для Барре и его товарищей началось время осады. Блокада открылась 4 января и закончилась лишь 4 мая, когда император уже ехал в ссылку.

Полковник Марбо из 23-го егерского полка встретил Новый год в Монсе, на равнинах, двадцать один год назад бывших свидетелями триумфов революционной армии. Ныне разочарованные обитатели этих равнин стремились вновь попасть под старую отеческую власть Австрии. Под командованием Марбо состояло четыреста рекрутов, несколько жандармов и двести безлошадных воинов собственного полка, на пятьдесят из которых можно было положиться лишь с трудом, поскольку они были бельгийцами. Каждый день приносил новые вести о дальнейшем продвижении противника, жители становились все беспокойнее, и мэр наконец предупредил Марбо, что в его собственных интересах было бы своевременно эвакуироваться. Но эти речи были обращены не по адресу. Марбо, который прослужил четырнадцать лет из своих тридцати с небольшим, имел ранения за Испанию, Россию, Польшу, Германию, Австрию и Италию, и так знал,

что надеяться на помощь гражданского населения, тем более помощь вынужденную, бессмысленно. И ни один мэр на свете не смог бы уговорить его оставить свой пост без приказа сверху. Наоборот, вспоминает Марбо, «я решил показать зубы» и немедленно привел это в исполнение, отбив охоту бунтовать и у мэра, и у жителей.

По требованию Марбо мэр собрал всех нотаблей и подерживавших их крестьян на городской площади, где им было прочитано предостережение. Держа всех потенциальных бунтовщиков в одном месте под прицелами французских карабинов, Марбо предложил им следующее: «По третьему раскату барабанной дроби, — заявил он, — я отдам приказ стрелять в толпу и поджечь город». Чтобы придать реальный вес этой угрозе, он добавил, что его люди будут расстреливать каждого, кто попытается тушить горящие дома. Только-только начинавшийся бунт был подавлен в зародыше. Жители Монса разошлись по домам и тихо стали ждать прибытия пруссаков.

И пруссаки появились, хотя и более скрытно, чем ожидалось. Шайка из трехсот прусских мародеров, переодетых казаками, вошла в Монс ночью для того, чтобы списать на царских подданных свое насилие над мирным населением и похитить Марбо, тем самым деморализовав гарнизон. Но, как и мэр, они пошли не тем путем. Окружив гостиницу, где жил полковник, и взъярившись от того, что там его не оказалось (Марбо в это время спал вместе со своими егерями в бараках), они вытащили запасы вина, перепились и убили старого потерявшего в России ногу солдата, который пользовался уважением всего района. Жители отреагировали немедленно. Предупредив Марбо об опасности, они объединились с солдатами гарнизона, спрятались в засаду и в последующей стычке перебили три четверти ажеказаков. Те были настолько пьяны, что практически не могли сопротивляться. Взяв в качестве трофея триста лошадей, Марбо теперь мог укомплектовать своих кавалеристов, и остальное время все прожили весьма мирно до тех пор, пока не пришел приказ отходить к Камбре.

Севернее, в Арнхайме, где Мақдональд еще молодым офицером, не помышлявшим о маршальском жезле, разделял республиканские победы 1794—1795 годов, упрямый горец снова проводил ту же тактику, которую отстаивал еще при отступлении 1812 года — соединять крепостные гарнизоны в поле, не давая их окружать, как уже случилось с гарнизонами на Эльбе и Одере. Испытывая сильный натиск превосходящих сил противника, он сумел эвакуировать гарнизоны Буа-ле-Дюка, Везеля, Венло и Маастрихта. «Я мог только смотреть на Рейн, но не защищать его, — писал он. — По документам предполагалось, что я командую силами от 50 до 60 тысяч человек, в то время как реально у меня не было и трех».

Но и трех тысяч было достаточно человеку, сумевшему спастись на Альстере по мосту из разбегжавшихся бревен. Мастерски, с боями он отходил к назначенному месту встречи в Шалоне, но, добравшись туда, обнаружил город на грани эвакуации. А через несколько часов раздался крик о помощи с юго-востока, где в критической ситуации оказался французский гарнизон в Витри. Мақдональд прорвался и туда, сражаясь по пути с прусским корпусом, который дезертировал из-под его начала в конце русской кампании. Его командир появился под белым флагом парламентаря, угрожая тем, что если Шалон не будет сдан немедленно, его подвергнут бомбардировке и пожарам. «Как вам будет угодно», — равнодушно ответил маршал, и угроза превратилась в реальность. Мирные жители выскочили на улицы в ночных одеяниях, а на градусниках была минусовая температура. Опыт такого рода был хорошо известен жителям многих городков между Москвой и Кадисом, но должно было пройти очень много времени, чтобы подобное унижение коснулось наконец и Франции.

ГЛАВА 11

БОТФОРТЫ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ВРЕМЕН

I

Для поколения, выросшего в первые десятилетия двадцатого века, названия мест и городов, на которых развернулись дальнейшие события описываемого нами периода, имеют страшный и зловещий смысл: Монс, Верден, Марна, Суассон, Шато-Тьерри. Но и для старших поколений леса и реки этих мест известны не менее. Люди сражались здесь на протяжении уже двух тысячелетий. Римляне, галлы, франки и гунны, французы и англичане, жители Арманьяка и бургундцы. Кости сотен тысяч воинов лежат в этой земле, образовавшей большой треугольник с вершинами в Париже, Реймсе и Барсюр-Обе. Длинная череда битв была продолжена здесь зимой 1813 года, а по городским улицам и сельским дорогам, по полям и лугам вдоль и поперек всего района прошли сапоги солдат пяти армий.

Начальный план Наполеона потерпел крах. Обдумывая свои перспективы в Сен-Клу, он разработал большую стратегическую ловушку для врага, которая в случае успеха напомнила бы его громopodobный переход от берегов Английского канала к Богемии в 1805 году. Резерв Ожеро, располагающийся в Лионе и постоянно увеличивающийся в результате набора, должен был вторгнуться в Швейцарию и соединиться с итальянцами Евгения. Сам же император при помощи своих главных сил вклинивался, согласно плану, между Блюхером, наступавшим на запад, и Шварценбергом,двигающимся на Париж с юго-востока. Но промедление (или что-то другое, скрывавшееся за его нерешительностью) Ожеро и

предательство Мюрата разрушили этот грандиозный замысел. Ожеро, бывший учитель фехтования, не выступил из Лиона. Евгений был все так же зажат на Минчо между австро-баварской армией Хиллера и неаполитанцами Мюрата. Разрыв, остававшийся между армиями Блюхера и Шварценберга, остался единственной возможностью для Наполеона, и он ринулся вперед, не медля ни дня.

Удино и две дивизии Молодой гвардии обрушились на пруссаков в Сен-Дизье, отгеснив их назад, к воротам Бар-ле-Дюка. Здесь маршал оказался на знакомой ему земле. Бар-ле-Дюк был его родным городом, в котором ему, скорее всего, суждено было бы стать преуспевающим хозяином пивоварни, если бы не произошла революция и если бы революция не породила Наполеона Бонапарта. Однако радость и честь выбить пруссаков из своего родного города Удино не выпала. Наполеон, который все это время внимательно изучал карты местности и диспозиции войск, отозвал его назад, и армия двинулась на юг в направлении Бриенны на реке Об. Пришли сведения, что сам Блюхер и русский генерал Олсуфьев были готовы к тому, чтобы захватить город и замок Бриенны.

Удино был не единственным, кто узнавал родные места. Наполеон также совершил сентиментальное путешествие. В Бриенне находилось Военное училище, в котором двенадцатилетний корсиканец провел последние дни старого режима. Тогда это был странный, угрюмый маленький пансионер, почти не говорящий по-французски и наделенный гордостью, которая его соученикам казалась высокомерной и комичной. Вернувшись в Бриенну на самом закате своих бесконечных приключений и странствий, Наполеон нашел ее ошетинившийся вражескими штыками. «Выбейте их отсюда!» — приказал он Нею, и Ней, счастливый при мысли о том, что он снова нужен императору, исполнил приказ с той же яростью и с тем же напором, с какими штурмовал Швардинский редут в Бородино. Новобранцы следовали за ним с пылом и готовностью все как один сложить головы за своего маршала. «Рыжий» не имел даже двух дивизий. Рядом с

ним, пока он выгонял из города русских и пруссаков, были Удино и племянник Виктора генерал Шато. Скорая смерть последнего произойдет из-за того, что его дядя совершит ошибку, роковую для судьбы Франции.

Тем временем короткий зимний день подошел к концу, и враг оставался только в замке, а вскоре под покровом темноты освободил и его. Блюхер, ошеломленный быстротой и яростью атаки французов, оставил недоеденным свой ужин, но даже и в этом случае он мог бы стать пленником, если бы не пустил свою лошадь вскачь по ступенькам лестницы и не выскочил из одних ворот крепости за минуту до того, как французские колонны вошли через другие.

Из погреба вылезли две испуганные женщины, в которых маршал Удино признал своих племянниц. Они скрывались здесь после того, как бежали из Бар-ле-Дюка. Маршал, появившийся словно принц из волшебной сказки, пригласил их поужинать с ним в компании императора. Все случившееся в этот день: и удивительное спасение кузин Удино, и скорость, и эффект победы — все было удачей для французов, однако именно в этот день Наполеон едва не погиб. В конце дня, когда сумерки уже опустились на землю, император и его маленький эскорт неожиданно были окружены отрядом казаков. Двое из них, скорее всего не опознав врага и желая показать свою удаль, бросились вперед с пиками наперевес. Генерал Гурго застрелил казака с пикой, атакующего с тыла, а генерал Корбино убил второго. Примерно при тех же обстоятельствах император был спасен от равнинных всадников при выходе из Москвы. «Я умру в своей постели, как проклятое чудовище», — с горечью произнес он пророчество самому себе. Шесть тысяч пруссаков Блюхера погибли при обороне Бриенны, но и потери французов были не меньшими.

На следующий день, 30 января, император внимательно осмотрел окрестности города, вспомнив дерево, растущее около реки, под которым в двенадцатилетнем возрасте он впервые читал итальянского поэта Торквато Тассо. Он мог

бы вспомнить в этот миг также и то, что последние семь лет своей жизни Тассо провел в темнице, умерев совсем незадолго до того, как в Риме его увенчали лаврами поэта-лауреата. Между Бриенной и его смертью на Святой Елене лежали как раз семь лет и четыре месяца. Литератор должен подумать дважды, прежде чем указать на это совпадение, поскольку судьба, которая увела и снова привела в Бриенну выпускника Парижской военной школы, сделала из него повелителя континента, полководца на полях сражений в Испании, России, на Святой Земле. Теперь он вернулся, приведя свою армию на берега реки, где провел пять долгих и безрадостных лет своего детства. Эмиль Людвиг, который из всех биографов Наполеона был самым поэтичным и романтичным, окрасив в эти тона и своего героя, пишет об этом периоде его жизни: «Никто не мог сказать, что он видел, как этот мальчик смеется». Чему бы он мог смеяться здесь? Смеяться, видя свою чуждость, чувствуя себя на вражеской земле, без денег, в неказистой, плохо сшитой одежде, тщедушный на вид, едва-едва знающий несколько фраз на французском языке? «Если твои корсиканцы такие brave вояки, почему мы разбили ваши непобедимые войска?» — спросил его как-то один из юных снобов, соученик по школе. «Нас было в десять раз меньше», — ответил Наполеон. Теперь, после десятилетий войны, соотношение сил было примерно таким же.

Конечно, у Наполеона не было теперь времени для того, чтобы сравнивать и *соизмерять* мечты детства и юности и достижения и неудачи зрелости. Блюхер, ругаясь хуже самого последнего рядового, чего раньше за ним не наблюдалось, отошел назад и искал правый фланг армии Шварценберга, найдя его в Бар-сюр-Обе, где он получил подкрепление в двенадцать тысяч человек, которые компенсировали если не ущемление его гордости, то хотя бы потери под Бриенной. Здесь, на пути армий союзников, история приоткрыла край завесы, чтобы показать частичку того, что будущие поколения прусских милитаристов приготовили для Европы. Были разосланы приказы, в которых предписывалось безжалостно

расправляться с теми французскими общинами, которые будут защищать свою землю или станут укрывать партизан. Наиболее непримиримые граждане должны были быть расстреляны, а оказывающие сопротивление деревни — сожжены. Две деревни и были сожжены в первые сорок восемь часов после получения приказа в войсках. Их названия — Ла Шез и Морвиль. Они стали первыми из длинного ряда сожженных деревень. Клаузевиц, прусский военный теоретик, в это время сражался в рядах союзной армии. Впоследствии он стал апостолом возмутительной бесчеловечной доктрины военного террора, которая, словно ужасная опухоль, поразила умы прусского военного командования на долгие годы. В Седане в 1870 году граждане, проявлявшие патриотические чувства, были буквально вырезаны как *партизаны*. Во время прохода через Бельгию в августе 1914 года путь германской армии был отмечен разрушенными городами и замученными мирными жителями под предлогом того, что в этих городах по германским солдатам производились выстрелы. В 1940 году заветы Клаузевица были развиты и дополнены. Все понятия о человечности и человеческом облике были утрачены нацистскими палачами. По всей Бельгии стоят могильные кресты с надписями: «Убит немцами в 1914 году» или «Убит немцами в 1944 году». В одном лишь городе Таминсе таких могил 384. Возможно, что сохранились и более ранние могилы, с датой «1814 год». Особенно много их должно было быть в деревнях между Бриенной и Ла-Ротьером. Вполне вероятно, что именно здесь Клаузевиц на практике увидел и оценил эффект того, что позже стало его теоретической доктриной «гражданского усмирения». Ветераны Великой армии занимали германские квартиры, начиная с 1806 года, и было бы наивным утверждать, что за это время не было случаев мародерства или насилия по отношению к безоружным жителям. Но эти случаи были лишь отдельными актами, совершаемыми озлобленными или пьяными, обезумевшими от вида крови и убийств людьми. Они никогда не были частью узаконенной политики, приказом сверху. Все войны ложи-

лись тяжелым бременем на плечи гражданского населения, на землях которого они проходили, и на территориях, оккупированных армией противника. Но простые солдаты Запада не были в большинстве своем мародерами, и жестокость по отношению к гражданскому населению не была политикой, навязываемой в приказном порядке.

Наполеон знал пропагандистский эффект подобных действий. Вскоре после Бриенны он писал Коленкуру: «Войска врага ведут себя возмутительно. Все жители бегут в леса... враг сметает все, забирает весь скот и всех лошадей, отбирает одежду, даже жалкое крестьянское тряпье; они подвергают экзекуции даже женщин, насилуют. Я видел все это своими собственными глазами... вы должны составить себе картину всех этих ужасов вражеского разбоя. Городки вроде Бриенны, с двумя тысячами населения, стоят сейчас совершенно обезлюдившими»*.

II

Бриенна была победой, но эффект этой победы был несопоставим с эффектами побед в Люцене или в Дрездене во время Саксонской кампании. Блюхер отступил, но, получив подкрепление и поддерживаемый основными силами союзной армии, снова был готов к наступлению. Это он и сделал в Ла-Ротъере, несколькими милями к юго-востоку от Бриенны.

* Вот что писал русский историк Богданович: «Продовольствие союзных войск после понесенных ими поражений чрезвычайно затруднилось. Доселе они большею частью располагались на квартирах и получали от жителей хорошую пищу; там же, где нельзя было пользоваться этим средством, продовольствовались реквизициями запасов, необременительными для страны. Но когда расположение жителей к союзникам совершенно изменилось и приняло враждебный характер, тогда уже нельзя было разобщать войска на большом пространстве, а надлежало двигаться и располагаться значительными отрядами; селения и местечки были оставляемы крестьянами, которые, опустошив свои дома, скрывались в лесах и утащили туда стада свои. Союзники вынуждены были отводить селения для фуражировки целых полков и бригад, что, подавая повод к беспорядкам и к ослаблению дисциплины, имело неизбежным следствием совершенное разорение страны, служившей театром военных действий. Солдаты, томимые голодом, не менее страдали от стужи при недостатке в топливе повсеместном в безлесной Шампани; когда же настала оттепель, дороги делались непроходимыми, обувь изнашивалась в несколько дней, и люди, совершая усиленные марши босиком, поступали сотнями в походные лазареты. Обувь в Шампани достать было невозможно, потому что там почти все жители носят деревянные башмаки (sabots)» (Богданович М. И. Война 1814 г. С. 197 и 206).

Наполеон, все еще полагающий, что прусские части изолированы от главных сил, выступил против него с 40 000 человек и днем 1 февраля принял на себя атаку Блюхера. Фланги французской армии держались стойко, но центр был вынужден отступить, а за ним подался назад Мармон, под напором войск генерала Вреде. Одна из атак австро-баварской кавалерии привела к захвату семи орудий, всего же за этот день было потеряно сорок четыре пушки, потери в людской силе составили шесть тысяч человек, половину из которых — пленными. Были и примеры героизма, столь характерные для солдат Наполеона. Батарея Старой гвардии, окруженная врагом, отказалась сдаться и пробила себе путь сквозь строй противника, организовав эскадрон. Мост через Об в Л'Эсмонте был починен во время сражения, и французы смогли отступить и укрепиться в Труа, которого они достигли 3 февраля. Здесь Наполеон встретил генерала Ренье, одного из старших офицеров, попавших в плен во время переправы через мост Линденау в октябре. Отпуская его под честное слово, русский царь сказал: «Мы будем в Париже раньше вас». Спрашивается, какие же предложения в этом случае обсуждались на конференции в Шатильоне?

Постоянно шел снег. По выражению А. Дж. МакДонелла, это был первый снег, который шел, чтобы спасти Наполеона. До этого снег всегда помогал его врагам. Глубокий снег до крайности затруднил спуск через Большой Сен-Бернарский перевал в 1800 году, снегопад и метель украли у него победу при Эйлау в 1807 году, снег и ветер помогли уйти от преследования армии сэра Джона Мура в Испании двумя годами позже, задержав войска Наполеона на перевале Гвадаррама. И, несомненно, именно снега и морозы России способствовали разгрому Великой армии в 1812 году. Но теперь снег замедлил продвижение преследователей и дал Наполеону срок в несколько дней для перегруппировки своих войск. 7 февраля он отступил к городу Ножану.

На военном совете союзных войск, произошедшем вскоре после этого отступления, был разработан новый план. Блю-

хер с 50 000 человек должен был кратчайшим путем идти к Парижу, а Шварценберг со 150 000 — двигаться к Сене, в тридцати пяти милях западнее Труа и в двадцати милях юго-западнее Ножана. Снова предстояло разделение не только на поле сражения, но и в руководстве союзными войсками. События пока еще не стали для Франции роковыми. Она сохраняла свои границы 1791 года, и, кроме того, Австрия не очень-то желала видеть Бурбонов снова на французском троне. Амбиции русского царя увеличивались по мере продвижения его войск в глубь Европы. Теперь он уже желал присоединения всей Польши, а Пруссии в качестве компенсации предлагал Саксонию. Даже Кестльри, британский посланник, был встревожен, не видя перспектив надежного мира ни в территориальном ущемлении Франции, ни в коронации на французский трон Бернадота, кандидата, которого поддерживал царь. Аргументы австрийской и британской делегаций все же не были достаточно последовательными, чтобы предотвратить союзное продвижение к Парижу, но они в определенной мере влияли на Александра, которому пришлось согласиться с тем, что Франция сама должна избрать главу государства в случае свержения Наполеона.

Во вторую неделю февраля Наполеон снова поразил всех, выиграв пять сражений за девять дней.

Местность, где в предпоследний раз солдаты Наполеона подтвердили свою репутацию лучших в мире, представляла собой череду низких, покрытых лесом холмов, заболоченных речных пойм и лугов, маленьких городков, связанных друг с другом разбитыми, непроходимыми большую часть года дорогами. Эту местность пересекают реки Сена, Об, Марна и Йонна.

Несложно понять, что эту местность вряд ли можно назвать идеальным местом для сражения с превосходящими силами противника. Время от времени шел снег, покрывая холмы белым ковром, из которого торчали черные стволы лишенных листьев деревьев. Реки замерзли, но лед не был достаточно крепок для того, чтобы вынести даже вес челове-

ка, не говоря уже о пушках. А в те дни, когда температура повышалась, дороги, пригодные для передвижения во время мороза, покрывались слоем растаявшего снега. Над реками стался густой туман, и северо-западный ветер, не менее безжалостный, чем ветра русской равнины, пронесся по заброшенным полям и пустынным селениям, обрушиваясь на людей мокрым снегом или холодным дождем. Солнце изредка выглядывало из-за туч, но большую часть времени небо было серым, и тучи чаще всего несли снег и метели. У французской армии было очень мало запасов продовольствия, порой еды не было вовсе. Даже Императорская гвардия, привыкшая кормиться в сельской местности, неохотно шла на поиск продуктов питания в маленьких французских фермах и хуторах. Со своей штаб-квартиры в Ножане Наполеон отправил одно из резких писем, на сей раз квартирмейстеру Дауре: «Армия погибает от голода! Все ваши рапорты о достаточном снабжении продовольствием — полная чушь... Сообщите мне о количестве риса в различных армейских корпусах... но пусть это будет точный рапорт, не удваивайте цифры имеющегося запаса!»

И все же, несмотря на нехватку солдат, нехватку еды, плохую погоду и разбитые дороги, состояние армии не было безнадежным. Блюхер, гнавшийся за Макдональдом вниз по долине Марны, совершил целый ряд тактических ошибок, в то время как Шварценберг, продвигавшийся вдоль Сены, действовал, напротив, столь медленно и осторожно, что не смог даже разбить отряд Удино в количестве 25 000 человек, обладая шестикратным перевесом в силе. В различии темпераментов этих двух главнокомандующих армий союзников и была для Наполеона заключена возможность решения его проблем, но, чтобы предотвратить падение Парижа, решить эти проблемы ему надлежало незамедлительно. Следовало сыграть на стремительности и порывистости Блюхера и осторожности и медлительности Шварценберга. Достигнув согласования действий двух союзных армий, Наполеон смог бы повторить высшие успехи кампаний его молодости.

В письме брату Жозефу из Ножана Наполеон обрисовал свой план: напасть на Блюхера, распылившего свои части, уничтожить его рассеянные на удалении один от другого корпуса, затем повернуться против более мощной армии Шварценберга. Наполеон не мог рассчитывать на то, что ему удастся разгромить превосходящего врага в открытом сражении, но он посчитал, что сможет остановить продвижение союзников и спасти столицу. «После этого, — писал он, — я буду ждать новых комбинаций». Лишь он сам и, возможно, Талейран и Меттерних знали о том, что это были за «новые комбинации».

Для начала маршал Мармон, пребывающий, впрочем, все это время в мрачном и пессимистическом настроении, был направлен на север к Сезанну. На его подразделение, численностью не больше четырех тысяч двухсот человек, вряд ли можно было возлагать большие надежды, особенно учитывая жалкое состояние солдат, вооружения и питания. Но вскоре в поход выступил и сам император с восемью тысячами Старой гвардии, Ней с шестью тысячами вновь призванных пехотинцев, еще не истощенных невзгодами последней кампании, и десятью тысячами кавалерии под руководством такого испытанного войной предводителя, как маршал Груши. Далее шли Нансути и Думер с 28 500 солдат на двоих.

Виктор с еще восемью тысячами был оставлен в Ножане с приказанием быть готовым в любой момент выступить маршем на север, юг или в любом другом направлении, которого потребуют меняющиеся обстоятельства войны. Удино продолжал медленно отступать вдоль Сены перед лицом неумолимой силы австро-русской армии Шварценберга. Макдональд, больной и истощенный после своего отступления из германских равнин, был оттеснен на запад до деревни Ла Ферте-су-Жуар, находящейся всего в тридцати милях восточнее Парижа.

В столице была паника, которую не могли сдерживать меры, предпринимаемые официальным депутатом императора Жозефом. И здесь остро чувствовался недостаток решитель-

ности этого человека. Письма из императорской штаб-квартиры предписывали ему расставить по двести пятьдесят стражников на каждых городских воротах, но он имел твердые инструкции не подвергать риску пленения императрицу и короля Римского, даже если их безопасность будет стоять Парижа. Хорошо запомнив свое бегство после поражения при Витории прошлым летом, Жозеф, скорее всего, был удивлен, как могут двести пятьдесят стражников, половина из которых была составлена из новичков Национальной гвардии, справиться со 150 000 войском противника, продвигающимся вдоль Сены, и еще 50 000, наступающих с Марны. И Жозеф опустил руки, так же как он часто это делал в Мадриде. Британский пленный, проходя мимо Вандомской колонны*, заметил надпись на ее основании: «Pesses vite, il ve tomber!»** Но не все еще было потеряно, поскольку по крайней мере один человек в Великой армии сохранял спокойствие и уверенность в своих силах. Через несколько дней 6000 заключенных и пленных прошли через эти самые ворота, в возможности охраны которых так сомневался Жозеф, перед удивленными Национальными гвардейцами, которые еще вчера были крестьянами, пастухами и виноделами.

Первый триумф выпал на долю Мармона. В Шампобере, между Сезаном и Эперне, он наткнулся на два изолированных корпуса русских, ожидавших прибытия подкрепления. Ими командовал генерал Осуфьев, который был недавно выбит из Бриенны. Численность его войска составляла около 4500 человек, у Мармона было примерно на сотню меньше. Мармон не стал дожидаться подкрепления, а стремительно атаковал противника. Его мальчишки сражались с таким же мужеством, как новобранцы Люцена и Бауцена год назад. Многие из них не знали даже азов воинского искусства — столь поспешно проходил последний призыв. Мармон увидел, как один из ново-

* Колонна в честь побед наполеоновской армии была заложена 25 августа 1806 года и закончена через четыре года. После реставрации фигура Наполеона с нее была перелита для конной статуи Генриха IV, в 1833 восстановлена, в 1871 была сломана полностью и восстановлена вновь только в 1875.

** «Скорее прочь! Падают!» (фр.). 2 апреля 1814 года колонну спас от разрушения только подоспевший Семеновский полк русской гвардии.

бранцев просто стоит под градом пуль и ядер, и спросил его, почему он не стреляет в ответ. «Я умею хорошо целиться, — прозвучал ответ, — но никто не показал мне, как заряжать ружье». Рядом находился еще один новичок, более благоразумный, он протянул свой мушкет лейтенанту подразделения со словами: «Вы уже давно делаете эту работу, сир. Возьмите мушкет и стреляйте, а я буду подносить вам патроны»¹. Русские, не осознавшие слабости противостоящих им войск, отступили с поля боя. Олсуфьев и другие офицеры были взяты в плен, на следующую ночь их привезли на ужин к императору в особняк, стоящий в стороне от дорог.

Наполеон провозгласил эту маленькую победу триумфом. Вечером он сказал, обращаясь к Мармону и другим «триумфаторам»: «Еще один такой день, и мы вернемся обратно к Висле». Конечно, он шутил, но его шутку не поняли, и, увидев недоумение офицеров штаба, он быстро добавил: «Где я сразу же заключу мир на условиях естественных границ Франции по Рейну».

«Если бы он это сделал!» — с горечью комментировал эти слова Мармон в своих мемуарах, в те времена, когда его графский титул Рагуза стал во французском языке синонимом неверия.

Сражение при Шампобере произошло 10 февраля. На следующий день произошло еще одно, более крупное и в равной степени важное сражение недалеко от Монмирайля. Несколько изолированных дивизий прусских генералов Йорка и Клейста и русских под руководством генерала Сакена были атакованы столь же стремительно, как Олсуфьев, и с тем же преобладанием мужества над боевым опытом и выучкой. Мортье направил острие удара главных сил в центр, а Наполеон, двигаясь по флангу, отсек русских от союзников. До самых сумерек враг отступал к Шато-Тъери, теряя орудия, ружья, целые воинские подразделения и добычу, награбленную у местных жителей. В этот момент у Макдональда появилась возможность превратить неудачу противника в его полный разгром, который уничтожил бы армию Блюхера как

боеспособное соединение. Но он упустил этот шанс, хотя и не по своей вине. И в этот раз на ход кампании повлиял взорванный мост, и снова это был преждевременный взрыв.

Отступление Макдональда от Рейна было проведено мастерски и мужественно. Гарнизон Витри был спасен, и корпус шотландца, несмотря на постоянную спешку, был вполне боеспособен. По пути из Шалона маршал едва не попал в плен, но несколько форсированных маршей позволили ему прибыть в Ла Ферте-су-Жуар раньше своих преследователей. Его задачей на этом этапе кампании было прикрыть путь на Мо, а после Мо — дорогу на Париж. Он имел сведения о том, что происходит на юге его маршевой линии, но сведения эти были недостаточными, поскольку ситуация постоянно менялась. Прусская кавалерия совершала частые рейды по территории, разделявшей его войска и войска императора, связь со штаб-квартирой была ненадежной. Почти каждый день он имел стычки с противником, ему удалось переправиться через Марну по мосту в Трильпоре, и, опасаясь за сохранность этого жизненно важного рубежа, он разбил бивуак на берегу. Истощенный, чувствующий приближение болезни, он лег спать, но был разбужен, как и Наполеон в Линденау, страшным взрывом. На заминированный мост попала горящая спичка. Теперь ему был доступен только мост в Мо, внизу по течению Марны.

Трудно было придумать более неблагоприятный момент для этого происшествия. Почти сразу же пришли известия о победе Наполеона в Шампобере и Монмирайе. Теперь Макдональда, освобожденный от преследования, мог сам обрушиться на преследователей, пройти вверх по течению и отсечь отступление противника к Шато-Тъери. Он сделал все, что смог, послав кавалерию окружным путем через мост в Мо, но она прибыла слишком поздно, чтобы заблокировать армию Блюхера между двух огней.

Обнаружив Шато-Тъери незащищенным, прусские беглецы расположились лагерем в городе. Дома были разграбле-

ны, женщины изнасилованы, граждане вырезаны, остатки их организовали сопротивление всеми имеющимися под рукой средствами. На прусских мародеров организовали ночную охоту, поэтому ко времени подхода авангарда французов под предводительством Мармона враг укрылся в ближних лесах. Солдаты Мармона ворвались в город 13 февраля, став свидетелями того, как возмущенные женщины волокут раненых пруссаков по улицам города и бросают их в Марну. Если бы вся северо-восточная Франция проявила такой же дух сопротивления, как жители города Шато-Тьерри, захватчикам пришлось бы заплатить, возможно, непомерную цену за Париж, но этого не произошло. Огонь партизанской войны разгорался только тогда, когда население подвергалось насилию в самой крайней форме. Но редко эта борьба становилась всеобщей, как в Испании или в России. Мармон, все еще возглавлявший авангард наступавших французов, направился к Шалону, куда стекались и пруссаки, бросая по пути награбленную добычу.

В ночь с 13 на 14 февраля Наполеон встретился с Мармоном в Вошане. Вскоре, впрочем, пришло известие о том, что в долине Сены ситуация становится день ото дня напряженной, поскольку армия Шварценберга, имеющая подавляющее численное преимущество, оттесняет объединенные силы Виктора и Удино к столице. Виктор был вынужден сдать союзникам мост в Ножане, и оба маршала нуждались в незамедлительной поддержке. Военный инстинкт Наполеона подсказывал, что необходимо развить собственный успех на родной территории и уничтожить Блюхера, прежде чем иметь дело с более сильным, но менее решительным противником. Он послал Макдональда с 12 000 солдат на юго-запад к Монтре, где Виктор продолжал удерживать подступы к Парижу. После этого своими собственными силами он устремился в погоню за побитыми батальонами Блюхера.

Старый прусский полководец теперь стоял перед лицом весьма серьезных проблем. Практически вся его кавалерия была уничтожена или рассеяна в Шампобере, Монмирайе и

Шато-Тьерри, но Блюхер не растерял свой агрессивный пыл и встретил наступление своего визави в Вошане. Это был мужественный шаг, но он никак не может умалить и мужество французской армии. Чтобы достичь поля битвы, Наполеон произвел стремительный марш по полузамерзшим болотам, причем появился на фланге противника раньше, чем авангард Мармона ударил по центру. Далее император послал Груши и его кавалерию в обход прусских сил, чтобы отрезать им отступление к Шалону.

Никогда еще Блюхер не был в такой непосредственной опасности, и лишь его дар полководца помог ему избежать полного разгрома и личного плена. Впрочем, людские потери и потери вооружения пруссаков были огромны. Уничтожив 7000 человек и захватив 16 пушек, французы потеряли лишь 600 человек. Блюхеру удалось собрать остатки разбитой армии в колонны, с одной из которых он проложил себе путь сквозь неприятельскую кавалерию, атаковавшую редкие ряды до наступления темноты. И все же даже негибимое мужество не спасло бы пруссаков и их предводителя от разгрома на следующий день, если бы Наполеон не получил известий о положении на другом важном участке войны. Эти известия сделали невозможным дальнейшее преследование Блюхера. Курьеры донесли, что Виктор и Удино отступили к Нанжи, от которого до столицы оставалось не больше тридцати миль, что дороги к Парижу забиты беженцами (в последующие полвека эти толпы отступающих стали часто появляться на дорогах, ведущих в Париж с востока) и что отдельные отряды рыскающих по стране башкир, татар и калмыков уже были замечены в предместьях Фонтенбло. Наступило время вернуться и направить свои силы против Шварценберга, и теперь уже даже необходимость довершить разгром Блюхера отошла на второй план.

За четыре дня, имея под своим началом менее тридцати тысяч человек, Наполеон разбил пятидесятитысячную армию противника и выиграл три сражения, в которых соотношение сил было два к одному и даже больше. И если это мож-

но было сделать один раз, значит, можно сделать и во второй. После этого появлялась реальная возможность начать мирные переговоры.

III

Конгресс в Шатильоне, созданный лишь для вида, продолжал свою «работу». Предложения обеих сторон корректировались по мере достижения известий с полей сражений. Настроенный миролюбиво представитель Наполеона, Коленкур, тяготился возложенной на него ответственностью. С одной стороны, его хозяин предоставил ему карт-бланш в отношении решения судьбы Франции, но каждый раз, едва дела начинали принимать благоприятный оборот, как в последнюю минуту он писал Коленкуру записки, из которых можно было вычитать его неготовность принять предложения союзников. Франкфуртские предложения, «естественные» границы Франции, границы «91 года», время от времени на первый план выступали все эти условия мира, но была ли вера в успех переговоров хотя бы у одного человека из тех, кто сидел за столом? Вряд ли можно с уверенностью утверждать это, вряд ли сам Коленкур мог сказать это о себе — участники переговоров, проходящих под постоянный аккомпанемент пушечных выстрелов, были в состоянии нерешительности из-за постоянной возможности изменения ситуации. С другой стороны, столь опытные политики, как Меттерних или Кестльри, едва ли желали передавать потомкам секреты своей «кухни». Их мемуары, их официальные и личные бумаги говорят только часть правды, но эта часть всегда и в любом случае меньше половины всей правды. Иногда, например, когда мы имеем дело с таким романтиком, как царь Александр, или с по-военному аккуратным Блюхером, можно сделать близкие к истине выводы о намерениях человека, но такие профессиональные дипломаты, как Талейран и ему подобные, практически недоступны для суда истории. Их сети интриг, амбиции и личный интерес скрываются в

тумане фраз о необходимости соблюдения интересов представляемых ими государств*.

Безусловно, интересы союзников совпадали отнюдь не по всем пунктам. Австрия явно не была в восторге от желания Британии восстановить династию Бурбонов. Кестльри продолжал настаивать на свободном статусе Антверпена и независимости Бельгии. Россия была ослеплена перспективой возможности влияния Москвы-отца на Париж-мать**. Представители Пруссии вдохновлялись идеей мести человеку, который уничтожил миф о военном превосходстве потомков Фридриха Великого в течение трех недель. Барон Штейн продолжал грезить о единой Германии, которую хотел видеть, по примеру Британии, конституционной монархией. Бернард лелеял мечту занять французский престол, наследовав его от Наполеона. Колдовское зелье переговоров продолжало вариться, и ингредиенты порциями продолжали в него добавляться. Самыми важными составляющими частями этого варева были территориальные претензии и ущемленная гордыня.

Наполеон, чьи шпионы работали успешно и добросовестно, был в курсе всех разногласий между союзниками и был готов к тому, чтобы использовать их сполна, но он мог это сделать только в случае благоприятной для себя ситуации на полях сражений. У него не было иллюзий по поводу того, что ему удастся превозмочь намерения остальных делегатов, заключавшихся в том, чтобы удовлетворить свои собственные территориальные притязания, вырвать с корнем еретические идеи о мире с равными возможностями для всех и освободить Европу для старинных династий. Более чем пятьдесят лет спустя после смерти Наполеона народы Европы, пытаясь освободиться от оков, которыми их сковали наследные правители, видели в отказе Наполеона от того, что преподносилось ему под видом щедрого дара, высокомерие. Но сегодня

* Широко известен афоризм Талейрана: «Язык существует для того, чтобы скрывать свои мысли».

** Ошибка Делдерфилда. Известно, что весной 1814 года в русской армии существовало выражение: «Здравствуй, батюшка Париж! Как-то ты заплатишь за матушку Москву?»

мы понимаем, что этот вывод ложен. Мемуары Меттерниха доказывают, что ни одни условия, которые предлагались союзниками после летнего перемирия, не были искренними попытками решить вопрос войны на условиях компромисса. Если бы Наполеон и принял их после Дрездена или Лейпцига, это не было бы окончанием войны, а лишь временной передышкой на год или около того. Вырвав с корнем родовую аристократию за годы, прошедшие между взятием Бастилии и концом революционного террора, Франция отвергла раз и навсегда теорию абсолютной единоличной власти. Пока она оставалась сильным государством, ни один европейский наследный принц не мог спать спокойно в своей королевской опочивальне. В кулуарах и за спиной лидеров европейских стран, встретившихся в Праге, Франкфурте и Шатильоне, этот страх был одной из главных движущих сил, и именно этот страх заставлял шелестеть страницы официальных документов, которые никогда не говорили о нем прямым текстом. Наполеон хорошо знал это, но он был, пожалуй, единственным, кто реально принимал его в расчет. Некоторые старые республиканцы, такие как Карно, находящийся в Антверпене, тоже понимали значение этого фактора, но их вес был слишком мал, чтобы серьезно влиять на политику государства. В умах же тех, кого Наполеон возвел на вершину государственной и военной машины, царили иные настроения и мысли. Макдональд, Ней, Виктор и Удино готовились исполнять свой воинский долг, но в качестве графов и герцогов они страстно желали, чтобы мир наступил прежде, чем боль от полученных страной ран станет невыносимой. Кроме того, все они уже давно привыкли пользоваться как должным всеми теми привилегиями, которые были им даны.

IV

Наполеон выступил к Ла Ферте-су-Жуару 15 февраля. Теперь, когда события сменялись с поразительной быстротой, он снова был похож на двадцатипятилетнего героя Лоди

и Арколе, начинавшего свой путь на вершину всемирной славы и величия. Череда лет, которая обычно все ниже пригибает человека к земле, казалось, никак не повлияла на этого сорокачетырехлетнего, склонного к полноте человека. Он проделал путь в пятьдесят миль по зимним дорогам за тридцать шесть часов, и его люди шли с ним в ногу, не только Гвардия, но и все новобранцы, для которых его присутствие было гарантией победы. Вечером 16 февраля он был готов к выступлению на юг к Жуине. 17-го появился в Нанжи и, как метеор, накинулся на авангард Шварценберга, которым командовал русский генерал Виттенштейн, человек, который меньше чем год назад мчался с севера, чтобы не допустить переход французами Березины во время великого отступления Наполеона из России.

Русский генерал не мог теперь ничего противопоставить французской атаке. Оставив на поле боя шесть тысяч пленных, он спасся только благодаря скорости своей лошади. Как и Джонни Коуп после Престонпанса*, он первым привез новость о своем разгроме, поэтому достоверность этого сообщения была абсолютной. «Меня разбили, — сказал он Шварценбергу, — и я потерял две дивизии. Через два часа вы увидите здесь французов!» Его предположение оказалось на редкость точным. Прежде чем союзники смогли подготовиться к отпору или отступлению, Виктор, Удино и Жерар уже стояли перед ними, и поток, медленно двигавшийся до сих пор к Парижу, повернул вспять, через Вильнев-ле-Ком к Монте-ро — месту слияния Сены и Йонны.

Это был еще один момент, когда ожидаемый разгром Франции мог смениться ее триумфом, когда результат кампании мог стать для нее удивительным и выдающимся. Но эта возможность была упущена вследствие ошибки Виктора, ошибки, причиной которой была нерадивость, а не отсутствие удачи, оставившей несколько дней назад Макдональда без переправы. У Виктора был приказ императора атаковать

* Престонпанс — деревня неподалеку от Эдинбурга, где в 1745 году принц Чарльз Эвара с шотландскими горцами наголову разбил королевские войска под руководством сэра Джона Коупа.

мост в Монтеро. Общий план предусматривал охват позиций Шварценберга, что ставило его в чрезвычайно невыгодную ситуацию; его авангард был бы оттеснен и частично пленен, и главным силам пришлось бы поспешно отступить. Но этот план рухнул из-за медлительных действий Виктора, который, несомненно, был неплохим командующим корпусом, но не имел стратегического дара и почти всегда, когда ему поручались самостоятельные действия, терпел неудачи. Обнаружив неподалеку от моста в Монтеро четырнадцатитысячный отряд баварцев, Виктор остановил наступление и разбил лагерь на ночь, во время которой главные силы союзников перешли через Сену и прошли к Бре и Ножану.

В штаб-квартиру французов в Нанжи прибыл гонец с посланием от союзников. В послании выражалось удивление по поводу последней атаки, поскольку якобы были получены сообщения от участников конгресса в Шатильоне, где говорилось о подписании предварительных условий мира, на основании которых были выпущены приказы прекратить военные действия. Наполеон, несомненно, был в ярости, но теперь, когда угроза Парижу была почти ликвидирована, этот шаг противника можно было использовать в качестве пропагандистской меры. Он написал в Париж письмо Жозефу, в котором дал выход скопившемуся пару: «При первых трудностях эти трусы пали передо мной на колени... Я ни за что не подпишу перемирие до тех пор, пока они не очистят моей территории... У меня есть надежда, что я скоро восстановлю мир на условиях Франкфуртских предложений. Оповестите население, что враг испытывает трудности и просит мира или передышки, но эта передышка лишит меня преимуществ, которые я получил благодаря последним маневрам». Однако вслед за этой вспышкой следует благоразумный совет: «Не печатайте этого, но сделайте так, чтобы об этом говорили на всех городских углах». У нас нет данных, что сделал Жозеф, руководствуясь этим письмом, являвшимся одним из многих противоречивых посланий, которые в это время часто посылались в столицу, где общественная тем-

температура поднималась и спадала, как у человека, больного гриппом или в лихорадке.

Утром 18 февраля, чтобы исправить ошибку Виктора, генералы Жерар, Пажоль и Шато атаковали Монтеро и прорубили себе путь к мосту. Шато, племянник Виктора, был убит. Пажоль, чья лошадь была убита в грудь ядром, смог чудом спастись. Генерала выбросило из седла, но он упал на землю, не получив серьезных ранений. После шестичасового боя город и мост были отбиты у врага, а их защитники, которым не удалось переправиться через Сену, взяты в плен.

В середине сражения прибыл лично император. Ворвавшись на полном скаку, он подъехал к артиллерийской батарее и, спешившись, стал управлять огнем одной из пушек. Некоторое время удивленные французские артиллеристы наблюдали за действиями императора, который, казалось, вспомнил времена двадцатилетней давности, когда он был еще воспитанником военного училища. Затем один из них предложил Наполеону передать управление более младшему по званию, сказав, что император не должен рисковать своей жизнью. Наполеон весело ответил: «Не волнуйтесь! Не отлита еще та пуля, которая меня убьет». Он все еще был убежден, что ему суждена смерть «проклятого чудовища».

Но это восторженное настроение императора продлилось недолго. Как только враг отступил, он снова начал раздавать направо и налево упреки и выговоры. Виктору досталось больше всех за его медлительность прошлой ночью. Он не только получил выговор, но и был отстранен от командования, его корпус был передан под начало Жерара, героя последнего штурма. Виктор признал свою вину, но считал, что уже достаточно наказан гневом императора. Кроме того, его родственник Шато заплатил своей жизнью за ошибку маршала. Смирив свой гнев по отношению к одному из своих старейших друзей, Наполеон передал Виктору командование над двумя дивизиями гвардии, но общее управление гвардией оставалось за Неем.

Виктор был не единственным, кто подвергся наказанию. Один из генералов получил взбучку за потерю орудия, другой

высший офицер — за то, что не смог обеспечить свою батарею боеприпасами. Впрочем, не забывал император и о наградах. Национальные гвардейцы из Бретани были отмечены как «люди Запада, всегда верные Монархии». Не была ли заключена в этих словах ирония? Именно Западная Франция пронесла верность Бурбонам через все испытания революционных лет. В Бретани и Вандее гражданская война велась с наибольшим ожесточением с обеих сторон, она не ослабевала ни на день с того мгновенья, когда голова короля скатилась в корзину с парижской гильотины, вплоть до времени, когда Наполеон, став первым консулом, не заключил мира с самыми непримиримыми.

Вечером 18 февраля Наполеон лег отдохнуть в замке Сюрвиль и пробыл здесь весь следующий день. Среди писем, которые он продиктовал перед выступлением, было одно, адресованное де Шампани, герцогу Кадорскому, который был связан с тем, что можно назвать «психологической войной». Это письмо больше, чем все декреты и бюллетени этого времени, показывает, какое значение уделял Наполеон пропаганде. «Императрица прислала мне интересный портрет короля Римского в польском костюме, в момент, когда он шепчет свою молитву... Я бы хотел, чтобы с этого портрета сделали гравюру с подписью „Я молю Бога за моего отца и Францию“... Если открытки с этой гравюры будут отпечатаны и пущены в продажу в течение сорока четырех часов, это даст замечательный эффект».

Были написаны и отправлены другие письма, по крайней мере, одно из которых сильно повлияет на последующие события. Это был приказ Коленкуру, продолжавшему переговоры с союзниками в Шатильоне, согласно которому он терял право на карт-бланш, данный ему ранее, и в котором ему предписывалось настаивать на условиях, выдвинутых во Франкфурте. В тот же день Наполеон получил депешу с изложением недельной давности предложений союзников, которые они разработали после его ухода в Монтеро. В них излагались требования возвращения Франции к границам 1792

года и отречения самого Наполеона. События развивались гораздо быстрее, чем двигались перья Шатильонских писцов.

Тон этого запоздавшего послания привел его в ярость, несоразмерную комизму самой ситуации. Но Наполеон давно уже знал, что на уме у интриганов европейской дипломатии, и его возмутили не сами эти требования, но тон, в котором они выражались, — насколько изменился он и претензии союзников после серии удачных военных операций Наполеона! Вместо того чтобы ответить прямо на послание, император продиктовал длинное письмо своему тестю, Францу Австрийскому. В нем содержался несомненный отказ предоставить независимость Бельгии и Антверпену, обоснованный тем, что это требование соответствует интересам не континентальных союзников, а их казначея — Британии. В письме также говорилось о возможности нового перемирия, на которое Наполеон был согласен при условии, если на совещании в Шатильоне представители европейских стран смогут выработать условия мира на основании Франкфуртских предложений. Теперь настало время блефовать для союзников. Была назначена комиссия для выработки условий перемирия. Тем временем союзные представители пришли к общему решению организации Северной армии, а Блюхеру было отправлено указание, гласящее, что несмотря ни на какие слухи, «приостановки боевых действий не будет».

Тем временем Наполеон занял Бре, затем Ножан. Шварценберг расположился перед Труа. Теперь австрийский военачальник был в шестидесяти милях восточнее от того места, откуда он несколько дней назад объявил, что его армия «стоит почти под стенами Парижа». Из всего руководящего состава армии пяти наций лишь один генерал сохранял уверенность. При этом именно он, Блюхер, терпел самые тяжелые поражения. Среди всех союзников, возможно кроме Веллингтона, он один был готов к тому, чтобы снова и снова пытаться уничтожить Наполеона. В ответ на призыв союзников к отходу неспасаемый старый пруссак неожиданно появился в Мери, недалеко от излучины Сены при впадении в

нее Оба. Мери располагался примерно на полпути между Ножаном и Труа. Его появление здесь в это время и со всеми силами было военным чудом. Лучшего не мог бы придумать и сам Наполеон.

Когда Наполеон двинулся на восток и юг, чтобы остановить продвижение Шварценберга к Парижу, он оставил Мармона наблюдать за прусским «генералом Вперед». Но войск, чтобы сдерживать наступление австро-пруссских войск, не хватало, каждый мушкет был на счету. Отряд Мармона по этой причине мог только пассивно наблюдать за разбитым Блюхером. По неизвестной причине Блюхер собрал все боеспособные подразделения своей армии и выступил из Шалона, направляясь на юг, через места, где только что потерпел столь чувствительные поражения от Наполеона. Его внезапное появление на берегах Сены было до крайности неприятным сюрпризом для французов. Конечно, его сил было недостаточно для того, чтобы причинить армии Наполеона серьезные неприятности, но Удино был направлен с целью заставить Блюхера вернуться назад и очистить этот участок реки и Мери. Пруссаки так и сделали, предварительно разграбив Мери, как они это делали во всех французских городах. Наполеон продолжил свое наступление на Труа, оставив «хитрого слона» Блюхера на попечение 8000 солдат Мармона и 10 000 Мортье, прикрывавших Париж на линии Сезанн-Суассон. Шварценберг с семидесятитысячной армией занял линию фронта перед Труа и, казалось, готовился к решающему сражению.

Но даже если в какой-то миг австрийский командующий и решил принять бой, он вскоре изменил свое решение и отступил на восток, к Бар-сюр-Обу. Победные французские войска снова овладели ключевым городом местности, городом, из которого они отступили лишь две недели назад.

Ситуация значительно изменилась. Еще недавно наступление союзников на Париж казалось лавиной, которую невозможно остановить. Они шли к французской столице по

двум главным направлениям, опустошая сельскую местность и грабя города. В Труа восстали несколько роялистов в белых кокардах, и их депутация обратилась к русскому царю с заявлением, в котором выражалась воля французского народа на восстановление правления династии Бурбонов. «Господа, — ответил им Александр, который, начиная с 1805 года, пытался заключить с Наполеоном договор, — ваша инициатива несколько преждевременна». Этот маленький оплот роялизма бежал из города после того, как французы снова вошли в Труа, но один из делегатов все же не успел покинуть город вовремя. Это был шевалье де Гул, один из тех аристократов, которых Наполеон призвал вернуться в страну во имя спасения родины от вражеской опасности. Теперь за свою партизанскую деятельность он дорого заплатил. Приговоренный к расстрелу, он был выведен на плац с табличкой на груди: «Я — предатель своей родины». Умер он мужественно, выкрикивая слова верности Бурбонам до самой последней секунды.

Союзники и их армии были в таком смятении, какое сложно было даже предположить. Моральный эффект побед при Шампобере, Монмирайе, Вошане и Монтеро был столь ошеломляющим, что это вызывает удивление и сейчас — все же в военном плане эти сражения не были ни решающими, ни даже просто значительными, ни по числу сражающихся, ни по числу потерь. Но теперь основные силы союзников были уже в ста милях от Парижа, Блюхер находился под бдительным присмотром, тысячи пленных, проходящих колоннами по улицам Парижа, наблюдали воодушевление нации, снова почувствовавшей свое превосходство, материальные запасы союзного войска значительно уменьшились. Средства для того, чтобы сполна использовать преимущества, достигнутые за этот период, находились в руках человека, остававшегося вне орбиты сражений, сорокашестилетнего Ожеро, маршала Франции и герцога Кастильоне, титул этот он получил за блестящую работу в первую Итальянскую кампанию Наполеона восемнадцать лет назад.

Еще в начале второй недели февраля Наполеон понял, какие огромные возможности заключены в использовании Резервной армии, которую Ожеро формировал в Лионе, и дал приказ маршалу выступить с 25 000 на север, чтобы перерезать линии коммуникаций союзников. Этот приказ Ожеро получил 13 февраля, когда Блюхер готовился к удару по Вошану. Но Ожеро никак не отреагировал на приказ императора. 16 февраля Наполеон вторично, уже в почти просительном тоне призвал Ожеро присоединиться к делу защиты Франции, и снова Ожеро, принеся свои извинения и оправдания, остался бездействовать в Лионе. Из Ножана, преследуя Шварценберга, Наполеон в третий раз написал в Лион, и в этом третьем послании можно заметить странные жалостливые нотки. Он почти взывает к своему старому соратнику, с которым когда-то поделил столько триумфов на полях сражений большинства европейских стран. Не обращая внимания на отговорки Ожеро, он восклицает: «Я одержал победу в Нанжи с помощью бригады драгун из Испании, которые не слезали с седла от самой Байонны. Шесть батальонов дивизии из Нима сражаются без формы, при остром недостатке боеприпасов и практически необученными. Неужели для Ожеро этого недостаточно, чтобы решиться! Я уничтожил 80 000 солдат противника с новобранцами, у которых не хватает ни патронов, ни снаряжения... Вы говорите, что у вас нет денег, но где и как вы хотите их получить? Вы не увидите денег до тех пор, пока не отберете у врага то, что он захватил у нас. У вас не хватает вьючных животных? Реквизируйте их любыми способами и из любых источников. У вас нет продовольственных складов? Но это уже просто смешно. Я приказываю вам выступить в течение двенадцати часов после получения этого письма, чтобы немедленно принять участие в кампании. Если вы все еще остаетесь Ожеро Кастильонским, вы должны принять на себя командование. Если ваши шестьдесят лет лежат на вас слишком тяжелым грузом, передайте командование одному из ваших высших офицеров. Стране угрожают, страна в опасности. Ее могут спасти

только мужество и преданность, но не глупая медлительность. У вас должно быть ядро, состоящее из 6000 полностью экипированных солдат. Это больше того, что имею я, и я все же уничтожил три армии, взял в плен 40 000 пленных, захватил 200 пушек и трижды отвел угрозу от Парижа... Сейчас не время обсуждать то, что было между нами в последние несколько лет, вы должны достать свои старые ботфорты революционных времен и свою старую решимость, которые привели вас к победам в 1793 году. Когда французы увидят ваш плюмаж, развевающийся впереди войска, и вас самого, грудью встречающего вражеские пули, вы снова будете способны сотворить с этими людьми все, что только пожелаете...»

Это был чрезвычайно взволнованный призыв, но даже он не сподвиг бывшего учителя фехтования и танцев на выступление из Лиона, Ожеро даже не отрядил хотя бы часть своих войск, чтобы отрезать союзные коммуникации от их баз снабжения на востоке от Рейна. Ожеро за свою бурную жизнь вполне удовлетворил жажду славы и приключений. Он был усталым и разочарованным человеком, далеким от мыслей о новых почестях или доблестной смерти на поле боя. Он не стремился разделить участь Ланна, Бессьера и Понятовского. Также ему не была по душе война ради войны, что было в крови у Нея и Удино. Он был практичным, циничным, ожесточенным от многих полученных ран и вполне облаканным славой и почетом. Он оставался в Лионе вплоть до 28 февраля, когда действовать было уже поздно.

В Бар-сюр-Обе Шварценберг тоже диктовал и объяснял. Ему, очевидно, хотелось самому понять причину того, почему столь тщательно разработанный план захвата Парижа провалился. Подданные и подчиненные, скорее всего, играли роль лишь пассивных слушателей. «Поражение будет означать отступление не за Об, но за Рейн», — провозглашал он, имея в виду свое поспешное отступление из Труа. Далее он описал страшные последствия ведения боевых действий в стране, где все крестьяне и горожане настроены враждебно, а противник уже практически произвел новый набор, и подкреп-

ление уже готово. Эти слова несколько остудили европейских монархов, и они подтвердили свое доверие генералу. Они терпеливо продолжали вариться в котле Шатильонских переговоров, постепенно перегруппировывая свои силы и приказывая Блюхеру продолжать нагнетать напряжение в районе Марны и Сены.

Понимая, что против новой угрозы со стороны прусской армии необходимо что-то предпринимать, Наполеон поручил преследование Шварценберга Макдональду и Удино и снова направился на север. Дипломаты продолжали переговоры, глядя одним глазом на свои карты, а другим — в бюллетени о ходе войны. Когда Наполеон направился на север, некоторое доверие друг к другу восстановилось. В Шомоне, в первые дни марта, они подписали новый договор с Британией. В обмен на пять миллионов фунтов стерлингов, ежегодно им предоставляемых английским казначейством и разделяемых поровну между всеми участниками антифранцузской коалиции, каждый европейский монарх обязался поставить 150 000 вооруженных людей «если потребуется, то на срок в двадцать лет». Это прибавление имело в виду ситуацию, если Наполеон не согласится на старые границы Франции периода монархии. Энергия и решительные действия Наполеона вполне оправдывали их опасения и накаляли злобу. Они быстро нашли общий язык в борьбе против него. Историки же не должны упускать из виду, что именно решения, принятые в Шомоне в марте 1814 года, которые стали основой решений Венского Конгресса, ввергли европейские народы еще на целое столетие в лоно абсолютизма. Завоевания Наполеона привели к зарождению или усилению патриотизма во многих странах, но низвержение Наполеона силой армий, воспитанных на этом патриотизме, снова сковало Европу цепями абсолютизма. Окончательная победа царя и союзников предотвратила Европу от того, чтобы ею управлял один гений, вместо этого ею руководили многие бездарные, безвольные и тщеславные монархи. Мир, последовавший за свержением Наполеона, был миром, основанным на виселицах и

шпицрутенах, бесконечных этапах в Сибирь, на разделе и насилии над Польшей, на еврейских погромах, на баррикадах 1848 года. Маршировавшие по Европе прусские ботфорты привели впоследствии и к холокосту на Западном фронте и еще дальше — к Дахау. За все это должны ответить Габсбурги, Гогенцоллерны, Бурбоны и Романовы, а рядом с ними перед судом истории должен встать и Джон Буль, их вечный кредитор.

ГЛАВА 12

УМИРАЮЩИЙ ГЛАДИАТОР

I

Даже военный гений должен вступить в контакт с противником, прежде чем он докажет свое преимущество перед ним. Именно это удалось сделать Наполеону быстро и эффективно в период между 9 февраля, когда он двинул свои войска на север против Блюхера, и 18 февраля, когда он совершил тридцатимильный бросок к Марне и Сене, чтобы отеснить Шварценберга и заставить его отступить в Труа и Бар-сюр-Об. Но теперь линия боевых действий представляла собой четыре достаточно удаленных друг от друга участка, и император не мог лично присутствовать на каждом из них во время сражений, он не мог даже удерживать ситуацию под личным контролем, он мог лишь давать приказы и ждать их исполнения.

Наиболее удаленными и недостижимыми были районы крепостей, расположенных к востоку от Рейна, некоторые из них были окружены неприятелем еще до начала этой кампании, развивающейся как вихрь. Гамбург, самый важный пункт, был все еще под контролем Даву, маршала, для которого верность Наполеону была его религией. Он не сдал бы город ни при каких условиях, даже самых отчаянных. Восстания местного населения, нехватка пищи и фуража, недостаток амуниции и боеприпасов — ничто не могло поколебать «железного маршала», даже мысль о том, что, возможно, никто и никогда не придет ему на помощь. Мрачный, но пунктуально исполняющий свой долг, под постоянной угрозой внутреннего мятежа, Даву продолжал удерживать город, зная, что он

совершенно одинок в этой враждебной стране, но его решимость исполнять свой долг до самого конца была непоколебима.

Бернадот, который еще не распрощался с надеждой на коронацию в Тюильри под именем Карла, императора Франции, провел зиму в хлопотах о сокращении территории Дании, поглядывая одним глазом на Антверпен, защищаемый республиканцем Карно. Но император ничего не мог сделать, чтобы помочь Карно. Также не мог он принять участие и в судьбах таких людей, как капитан Барре, который получил ранение во время бомбардировки пригородов Майнца и едва смог выбраться живым из горящего дома. Вдоль Рейна сражения в основном прекратились, но солдаты, как Франции, так и союзников, раненые или заболевшие во время сражений и маршей, встретили еще одного врага — жестокие морозы, одолеть которые им часто бывало сложнее, чем одолеть противника на поле боя (Рейн в этот год замерз, как и Темза). Свирепствовала эпидемия тифа. Во время осады Майнца погибло 30 000 солдат и мирных жителей. Их хоронили в общих ямах, засыпая известью. Впрочем, недостатка в продуктах питания не было и, несмотря на высокую смертность, кафе и театры были открыты, а балы и приемы происходили столь же часто, как и в мирное время. «Я часто бывал в эти дни в театре, — вспоминает Барре, — чтобы хоть как-то отвлечься от мыслей о тяготах этого времени». Когда приходили известия о том, что происходило в других частях Европы, люди, защищавшие Гамбург, Майнц и Антверпен, чувствовали себя столь же далеко, как если бы они обороняли Тимбукту. Были в большом ходу слухи и разговоры о близкой помощи, но их не подтверждали ни новые приказы, ни свежие подкрепления.

Что касается вице-короля Италии Евгения, все еще удерживавшего линию Минчо в противостоянии австрийской армии, его положение было не менее отчаянным. Он имел связь с императорской штаб-квартирой, но все, что ему предписывалось, это держать оборону. Король Мюрат и его неаполитан-

цы уже двигались на север к долине реки По, и их предательство уже не могло подвергаться сомнению. Это была одна из самых больших проблем для Евгения, но пока Мюрат не предпринимал прямых военных действий против него, он мог удерживать свои позиции. Приказ императора гласил: «Защищайте Италию до тех пор, пока Мюрат не выступит прямо против Вас. Как только он это сделает, переходите Альпы и приведите Вашу франко-итальянскую армию мне на помощь».

Вся ситуация требовала от столь добросовестного военачальника, каким был Евгений Богарне, чрезвычайного напряжения всех сил, физических и умственных. Под его началом находилось 36 000 человек, из которых 24 000 были французами (по большей части уроженцами Италии), а 12 000 — итальянцами. Против него на линии Минчо стояли 70 000 австрийцев генерала Бельгарда, маленькая англо-сицилийская армия в 8000 солдат, но подходил Мюрат с 24 000 неаполитанцев, и генерал Бельгард знал об этом. Помимо военных проблем, Евгения осаждали и проблемы личные. Его преданная жена, Августа Баварская, была на седьмом месяце беременности и, кроме того, не имела возможности видеть мужа и детей, находясь на территории, которую занял противник. К счастью для нее, австрийский командующий был галантным человеком. Евгений направил ему послание, в котором просил разрешения пересечь линию противостояния и собрать дрова для обогрева своей полузамерзшей армии. Разрешение на это было получено, вместе с обещанием, что жена вице-короля будет жить свободно в Милане, не подвергаясь никаким ограничениям в передвижении, общении, и, тем более, не будет подвергнута аресту.

Несмотря на эти примеры благородства и вежливости со стороны противников, события в Италии быстро близились к развязке. 31 января Мюрат вошел в Болонью, недалеко от которой располагался правый фланг армии Евгения, стоявший под Мантуей. 8 февраля Беллегард атаковал войско вице-короля по семнадцатимильной линии реки Минчо между городами Мантуя и Пескьера на озере Гарда.

Позиция была лучшей у французов. Территория по обеим берегам реки была перерезана виноградниками, каналами, сами берега были обрывисты, но соотношение сил было два к одному в пользу противника. Бельгард рассчитывал, и не без оснований, на помощь Мюрата, который был теперь лишь в тридцати милях. Но он, по-видимому, плохо знал характер короля-гасконца. Мюрат выжидал исхода сражения, и когда после суток кровавого боя австрийская атака стала захлебываться, сделал предварительные предложения Евгению.

Вскоре позиции Евгения были усилены подкреплением в виде нескольких подразделений итальянских войск, выведенных из Испании, а когда погода наконец стала улучшаться, юнцы привезли с севера известия о победах Наполеона над пруссаками на Марне. В ночь на 17 февраля (спустя четыре дня после битвы при Вошане) австрийские солдаты услышали ружейный салют в стане французов. Так солдаты вице-короля Италии отмечали успехи императора Наполеона во Франции.

Таше, адъютант Евгения, помчался к Марне с сообщением о победе вице-короля на Минчо. Он отыскал императора в Нанжи, готовящегося к своему удару на Монтеро. Таше был дан приказ немедленно возвращаться и передать Евгению, чтобы тот поторопился с выступлением во Францию. Адъютант достиг Мантуи 25 февраля. Он совершил свой круговой рейд по зимним дорогам за семнадцать дней, и это дает представление о тех требованиях, которые предъявлялись к императорским гонцам. Он застал Евгения в ярости. Только что прибыло письмо от его матери Жозефины и сестры Гортензии, которые умоляли его «подчиниться приказу императора, оставить Италию и выступить на помощь родине». Было ясно, что оба письма были написаны по указке Наполеона. В письме Жозефины была приписка: «Франция требует к себе всех своих сынов».

Евгений был разгневан подобного рода «убеждениями». Как и Ней, он был чрезвычайно чувствителен в вопросах че-

сти и увидел в этом «юбочном подходе» императора сомнение в своей преданности. Его подозрения подтвердило второе письмо, которое прибыло вскоре после первого с корреспонденцией, которую привез из Парижа Таше. Наполеон советовал, а скорее приказывал, ему отправить жену и детей во Францию. Вице-королева сочла это предложение за попытку получить ее в качестве заложницы на случай измены мужа.

Евгений был не из тех людей, которые молча переживают свои обиды. Он тут же излил свое возмущение на бумаге, отметив, что его личный приказ предписывал войскам защищать Италию до тех пор, пока Мюрат не начнет атаковать позиции армии. Но поскольку Мюрат не делает этого, более того, все его действия показывают, что он готов снова стать верным Франции и императору, Евгений пишет о том, что он останется защищать Италию. В письме говорится, что в случае приказа по армии покинуть Италию среди итальянцев и франко-итальянцев начнется повальное дезертирство, так что количество войск, которое ему, скорее всего, удастся перевести через Альпы, чтобы участвовать в защите Парижа, не сможет компенсировать потери Италии. Если внимательно изучить ситуацию на этом участке европейской войны, придется все же согласиться, что, скорее всего, Наполеон ошибался и его подчиненный был ближе к истине.

Августа, также обиженная, расценивала приказ императора как предложение стать беженкой или заложницей. Ожидая ребенка, она все же отправилась в путь, но путь ее лежал через Мантую, где она решила остаться до самого конца с человеком, которого так горячо любила. Ее ребенок, это была дочь, родился в герцогском дворце 13 апреля 1814 года. Лежа в своей колыбели, маленькая Богарне слышала взрывы орудийных залпов, производимых противником. Так австрийцы праздновали получение известия о вступлении союзных войск в Париж. Скоро прибыл посланник от Франца Австрийского с предложением конвенции. Посланник был учтивым человеком, говорившим убедительно и веско. У него была

хорошая выправка, импозантный вид, и даже черная повязка на лице, скрывавшая потерянный в бою глаз, только добавляла его облику мужественности. Этот человек, очевидно, всегда имел успех у женщин. Его звали граф Нейперг, и он занял свое место в истории. Спустя месяц после его появления в Мантуе он соблазнил вторую жену Наполеона, двадцатичетырехлетнюю Марию-Луизу. В качестве соблазнителя бывшей французской императрицы он получил немало выгод от европейского высшего общества, захватив разом постель молодой женщины и отсвет славы ее мужа.

Четвертым участком европейской войны, на котором Наполеон вряд ли мог рассчитывать на личное влияние, была юго-западная оконечность Франции у границы с Испанией, где маршал Султ располагал силами в 50 000 человек.

Вынужденный оставить Нивель, теперь он воевал на французской территории. Султ усилил крепости Байонны и время от времени отражал попытки Веллингтона пройти на север. Погода в этом районе была не столь холодной, как в долинах северо-французских рек, но и здесь было не менее ветрено и промозгло. Реки, текущие с Пиренеев, вышли из берегов, дороги превратились в непроходимые топи, по которым не могли пройти ни колонна солдат для подкрепления, ни обоз для снабжения. В первую половину зимы действия противника разбивались об укрепления, которые Султ организовал на правом берегу реки Нив, а испанские ветераны Веллингтона расположились лагерем в районе, который один из офицеров назвал *cul-de-sac** — быстрая река с одной стороны, море — с другой и гряда Пиренейских гор — позади. Вблизи их позиции был лишь один приморский город — Сен-Жан де Люз, но его прикрывала укрепленная крепость Байонны с выносливыми защитниками и крупным гарнизоном.

Стрелок Британских вооруженных сил Кинсайд выжал из этой патовой ситуации все, что только можно, в полном соответствии со своим характером. Он провел эти долгие

* Дно мешка (фр.).

зимние недели противостояния на ферме семейства д'Аркинж, помогая ее хозяевам использовать по назначению запасы кларета, заготовленные в подвалах фермы.

Трудности, с которыми столкнулся Веллингтон, готовясь пересечь французскую границу, были двоякими. Ему требовалось, во-первых, сломить сопротивление Сульта, чтобы открыть себе путь в центральные районы Франции. Во-вторых, ему было необходимо добиться если не поддержки, то, во всяком случае, пассивности местного населения, чтобы пламя народного восстания не охватило весь юг страны.

Богатый испанский опыт научил его, что ни одна вторгающаяся на чужую территорию армия, сколь бы ни была она сильна и многочисленна, не имеет шансов на успех, если все население страны: женщины, дети и старики являются потенциальными убийцами, грабителями или шпионами. Именно этот фактор более всех остальных способствовал разгрому французских войск в Испании. Враждебность населения означала, что буквально каждая карета и каждый солдат или гонец будут нуждаться в эскорте. У Веллингтона было численное преимущество в силе. Вместе с испанскими и португальскими союзниками его войска значительно превосходили противника, но после долгих размышлений (Веллингтон никогда не действовал под влиянием импульса) он решил послать испанцев на родину, оставив только самых дисциплинированных.

Объясняя причины этого шага, сократившего численность армии, он говорил, что его испанский контингент испытывал нехватку питания и снабжения, по причине чего солдаты были вынуждены прибегать к реквизициям у местного населения, а это естественным образом приводило к тому, что французские крестьяне пополняли состав партизанских банд и отрядов. Веллингтон же ничего не желал больше, чем отсутствия конфликтов с населением. «Я не желаю потери тысяч и тысяч солдат и офицеров, по причине того, что кто-то грабит французов», — добавляет он. Последующие его действия были направлены на то, чтобы принять самые суровые

дисциплинарные меры и не допустить случаев мародерства среди своих подчиненных. Отряды военной полиции сутки напролет прочесывали территорию, занимаемую армией, и каждого, замеченного в мародерстве, расстреливали на месте. В армии Веллингтона было достаточно и профессиональных воров, и контрабандистов, так что среди тех, кто в свое время грабил Бадахос и Сан-Себастьян, прошла волна недовольства этими жесткими мерами. Один славный малый, уже приговоренный к повешению, кричал, что он не понимает, почему ему не позволяют делать во враждебной Франции то, что он безнаказанно совершал в союзной Испании.

Однако эта политика в результате принесла щедрые плоды. Баски были несказанно удивлены, когда на их землях расположилась армия, которая не только не изымала у них продовольствие, не грабила их дома и амбары, но платила по стабильным рыночным ценам за товары, выставленные в витринах магазинов и на лавках. Как и те люди, земли которых наводняют богатые туристы, они, безусловно, сполна воспользовались этой щедростью вражеской армии, но те, кто в свое время имел дело с Великой армией Франции, привыкшей жить за счет местных ресурсов, еще долго приходили в себя от удивления. Слуга одной из таверн, принесший обед британскому офицеру, не мог произнести ни слова от растерянности, когда последний потребовал у него счет. Остальные приспособились еще быстрее. Цена на битую птицу сравнялась со стоимостью ракеты Конгрева. Кинсайд пишет: «Они были слишком мелки, чтобы держать в узде свою совесть и цены на товары... Я часто сожалел о том, что у врага нет возможности самому стать покупателем в собственных магазинах хотя бы на несколько минут, что они должны бы в определенной мере понести наказание за свои грехи еще на этом свете».

Как и следовало ожидать, вскоре местное население перестало видеть в британских солдатах врагов. Британцы, кроме того, имели склонность заводить себе в дальних странах Арузей даже на оккупированной территории. В последующее

столетие эта же тактика была применена в самых разных уголках мира, от Ганга до Рейна.

Впрочем, Сульт отнюдь не чувствовал себя обреченной добычей. Когда Веллингтон, тщательно избегая риска и принимая все меры предосторожности, перебросил часть своих войск на правый берег Нив, маршал атаковал их силами всей своей армии, решив уничтожить сначала 30 000 отряд Хоупа, располагавшийся между рекой и морем, а когда эта попытка окончилась неудачей — 14 000 отряд Хилла, на правом берегу реки, занявший высоты, главенствующие над Сен-Пьер д'Ирубе. Хоуп выдержал жестокую схватку, в которой сам был дважды ранен. Он потерял 1700 человек, из которых около 500 было взято в плен. Для армии Веллингтона такое большое количество пленных, взятых в одном сражении, было неожиданностью. Укрепившаяся в своем замке Легкая дивизия не имела возможности участвовать в боевых действиях. Сами французы не тревожили позиции англичан. Кинсайд записывает, что ни один французский солдат или офицер не пал от его руки и что разведчики и снайперы безуспешно пытались обнаружить хотя бы одного солдата противника. В конце концов появился лишь один французский офицер с белым флагом, который сдался нескольким английским солдатам, занимавшимся земляными работами и не имевшими другого оружия, кроме лопат. Война приобрела вид окопной.

Краснолицый Хилл, прозванный «Фермером», был куда ближе к тому, чтобы изведать горечь поражения от французской армии. Разлившаяся река создала препятствия для получения подкреплений. Трудностей ему добавила и трусость двух полковников его отряда. Есть запись, что в этот день Хилл второй раз за всю жизнь выругался, и даже Веллингтон, которому сообщили об этом, сказал: «Если Хилл начал ругаться, нам лучше отступить». «Фермер», однако, продолжал сражение, и когда Веллингтон прибыл с подкреплением, французы отошли. Две атаки стоили им примерно 5 тысяч человек. Полторы тысячи германцев перешли к англичанам, повторив «подвиг» своих компатриотов под Лейпцигом.

Плохая погода способствовала тому, что остаток декабря и январь обе стороны пребывали в бездействии. Лишь 14 февраля, в день, когда Наполеон разбил Блюхера и перешел в наступление на Шварценберга на Сене, Веллингтон снова двинул свою армию вперед. На этот раз марш проходил восточнее, с целью охвата с фланга его бдительного противника. Армия преодолевала одну водную преграду за другой. Наконец Хилл, переправившись через Адур, достиг Байонны, в то время как полевая армия Сульта совершала маневры ввиду главных сил Веллингтона, которым удалось закрепиться в районе Ортеза.

Теперь у Сульта было меньше сил, чем у врага, поскольку Наполеон за прошедший период отобрал у него три кавалерийские бригады, два дивизиона пехоты и пять батарей, а итальянцы, служившие под его началом, пошли на помощь Евгению на Минчо. Несмотря на эти потери, сражался он ожесточенно; умелый точный огонь нанес англичанам тяжелый урон. Неуязвимый Веллингтон был ранен в ногу мушкетной пулей. Байонна продержалась до конца войны, но Бордо, всегда бывший колыбелью интриг Бурбонов, с энтузиазмом приветствовал англичан. В упорных боях Султ достиг Тулузы, но и здесь Веллингтон, тщательно организовавший преследование, настиг его. Южная дверь во Францию была открыта.

II

Третий за последний месяц и последний в кампании выпад против Блюхера Наполеон построил по образцу своего раннего похода против сардинских солдат в Италии, когда под его началом также находились оборванные и истощенные люди. Тогда ему удалось отрезать врага от его австрийского союзника в продолжение шестнадцатидневных боев. Это был излюбленный прием императора: сначала обрушиться на слабейшего противника, а затем быстро, используя моральные преимущества своей первой победы, добить тех, кто

еще остался в строю. Его действия были всегда быстрыми, неожиданными и сконцентрированными на одном, наиболее выгодном секторе фронта. Эта стратегия применялась им не только в Италии, но и в сражениях при Ульме, Аустерлице, Йене и Фриланде, позднее — в дунайской кампании 1809 года, когда он неожиданно покинул Испанию и, пройдя всю Европу, обрушился на австрийцев, подавив их попытку поднять антинаполеоновское восстание. В некоторой мере эта тактика привела его и к войне с Россией в 1812 году. Он надеялся вывести из игры своего самого грозного противника — Россию, чтобы тем самым устрасить всех остальных. То же самое повторялось в Саксонии до того времени, пока врагам Наполеона не удалось сконцентрировать все свои силы у Лейпцига. Теперь, обороняя свою столицу от врага, обладающего громадным численным превосходством, он не видел для себя возможности применять иную стратегию, даже если привычная для него стратегия и несла в себе значительный элемент риска. Метод Наполеона оставался прежним, так хорошо зарекомендовавшим себя ранее: сконцентрировав свои силы, бить противника поодиночке.

Удивительным может показаться не то, что действия Наполеона были легко предсказуемыми, но то, что союзники, обладавшие несомненным преимуществом в людях, вооружении, артиллерии, у которых были деньги и резервы, позволили ему успешно вести свою игру, и что они не смогли объединить свои силы и отрезать императору Франции путь к столице. Англичанин Веллингтон с презрением говорил о своих союзниках, находясь вдалеке от основного театра боевых действий и имея возможность оценить происходящее со стороны: «Я не позволил бы вести себя так, как действует вся армия, даже одному своему полку!» Но монархи имели свои интересы, их взгляд на события был затуманен противоречивыми желаниями и личными амбициями. То, что видели они, вряд ли можно понять рационально. Единственный среди всех яростный Блюхер продолжал настойчиво и любой ценой пытаться «схватить крокодила за хвост», в то время как

его соратники продолжали странные танцы вокруг арены основных военных действий, оставляя на долю старого пруссака все шишки и удары. Бернадот с нарастающим подозрением глядел на то, как союзники все настойчивее обращаются к Бурбонам, демонстрируя желание восстановить старинную династию на французском троне. Он продолжал черепашными шагами продвигаться к Брюсселю с 23 000 своих шведов и даже начал неподготовленные и непоследовательные переговоры с Жозефом Бонапартом. Британия, помимо того, что была организатором и спонсором почти всех антинаполеоновских комбинаций, предпринимала еще и реальные боевые действия на юге Франции, где ей удалось заблокировать Сульта, который сконцентрировал свои малочисленные силы в Тулузе. Но в целом армия союзников являла собой картину, на которой монархи и их представители продолжали бесконечные споры и интриги. Более того, неразбериха в командовании усугублялась трусостью и нежеланием рисковать, что было особенно характерно для Шварценберга и его штаба.

Новый марш Блюхера на Париж через Мо потребовал от прусского главнокомандующего немалого мужества и решительности. Перейдя Урт, он попытался пройти к Мо с севера, Мармон и Мортье отразили его натиск. Блюхер вернулся в долину Урта и двинулся в направлении Суассона. Наполеон, совершавший маневры к северо-востоку, пересек Марну, предполагая широкую фланговую атаку прусской армии. Поскольку Суассон, как считал император, был надежно защищен французскими войсками, это был вполне здравый план. Понятно, что Блюхер мог отступить только на северо-запад, поскольку северный путь на Суассон был для него закрыт. Мортье и Мармон следовали за своим императором, усиленные 6000 рекрутами, присланными из Парижа.

Но тут произошло одно из тех событий, которые всегда путают планы, разработанные на бумаге. Суассон не был закрыт для Блюхера! Вместо того чтобы стать препятствием для

прусского командующего, город стал его убежищем и источником столь необходимых ему подкреплений. Защищаемый неопытным командиром и 1400 поляками, город был быстро окружен двумя вражескими корпусами под командованием Бюлова и Винценгероде и сдан без боя. И здесь Блюхер смог наконец получить отдых после своих бесплотных блужданий в снегу и слякоти.

Если даже Наполеон и испытал отчаяние после того, как ему доложили об изменении ситуации, он никак этого не показал. 5 марта он повел свою армию, больше напоминающую колонну огородных пугал, через Эну и вошел в Реймс. Его план претерпел очередные изменения: теперь он решил расширить разрыв между пруссаками и их союзниками, оттеснив последних на юг. Возможно, даже на этом этапе он разрабатывал план, схожий с тем, которому он собирался последовать перед Лейпцигом, а именно, развернуть колонны своей армии на восток и направиться к Рейну, рассчитывая на то, что ему удастся вывести преследующих его врагов за пределы Франции.

Впрочем, даже если мысли такого рода и были у Наполеона, он не стал их претворять в реальность, по крайней мере, на данной стадии развития событий. Снова его поведение было похоже на поведение средневекового рыцаря, который, будучи окруженным врагами, бросался с мечом на самого опасного, а поразив его, обращал в бегство остальных, менее сильных и мужественных. Когда Блюхер вышел из Суассона и направился на север, в направлении Краона и Лаона, Наполеон снова выступил против него, настигнув часть армии, по преимуществу состоящую из русских войск, у Краона. Выйдя на расстояние прямой видимости, император обнаружил, что войска противника занимают сильную позицию на плато, не собираясь отступать.

Ней и Виктор начали атаку в 11 часов утра, и кровавое сражение длилось до 4 часов дня, когда противник стал отходить. Потери с обеих сторон были примерно равными. Кавалерия Груши и Нансуги и артиллерия Друо пытались раз-

вить успех, но не смогли преуспеть в этом, но все же они позволили французской пехоте покинуть поле боя с минимальными жертвами. При этом Виктор и Груши были ранены в битве при Краоне, причем ранение Груши было серьезным.

Ночь император провел в гостинице под названием «Ангел-хранитель», и здесь ему доставили последнее сообщение Коленкура с конгресса в Шатильоне со старым предложением мира и требованием отойти к «старым» границам. Наполеон едва смог дочитать послание до конца. «Если я и сдамся, то не добровольно», — таков был его комментарий.

Всегда, когда союзные монархи получали известие о том, что Наполеон не присутствует лично на поле боя, их сердца исполнялись мужеством. Выступив из Бар-сюр-Оба, крайней границы своего отступления, они подошли к Монтеро, где осторожно, но решительно стали теснить на Сене Макдональда и Удино.

Французские маршалы отступили сперва к Труа и наконец к Провену*. Макдональд делал все возможное, чтобы враг не захватил переправу через Об и не открыл себе путь к столице. Но он все еще был болен и истощен. Истощены были и войска. Выдержать зимнее сражение французам было явно не под силу. В Труа Макдональд снова слег в постель. Но восстановить свои силы ему было не суждено. Его соратник Удино неожиданно отвел Молодую гвардию за Об, мотивируя свои действия тем, что она не призвана играть роль арьергарда. Нервная взвинченность, которая сопровождала в эти дни боевые действия на востоке от Парижа, все же не позволяет считать, что Удино предал Наполеона. Его верность была вне подозрений. Но в сложившихся условиях даже он и Ней стали отчаиваться, видя безуспешность стольких побед, не видя перспектив дальнейших попыток сокрушить врага, падая от усталости и от безумных маршей взад и вперед. Если Наполеон не мог опереться даже на этих закаленных несгибаемых воинов, игра для него уже была проиграна наверня-

* Провен — город приблизительно в ста километрах восточнее Парижа.

ка. Один за другим пали его коронованные братья. Ланн, Бессьер, Понятовский и Дюрок были мертвы. Виктор, тяжело раненный, был вне игры. Бернадот и Мюрат служили врагам. Сульт и Евгений были зажаты каждый в свой угол. Ожеро в Лионе думал о предательстве и не торопился идти на помощь с пополнением. Сен-Сир и многие другие находились в плену. Ней, Удино, Мортье и Макдональд были кто болен, кто деморализован, кто разочарован. Теперь пришла очередь Мармона, старейшего друга Наполеона еще по учебе в Парижской военной школе.

Ссора, которая привела к разрыву двух друзей по жизни и по боевым действиям, произошла у стен Лаона. Наполеон пережил это происшествие на семь лет, Мармон прожил еще половину жизни, но с этого дня они вспоминали друг друга только с обидой и злостью. История осудила Мармона как бесчестного человека, а Наполеона как человека с манией величия. Во многом причины этих оценок лежат в том, что сказали друг о друге Мармон и Наполеон после ссоры в Лаоне.

Отойдя от Краона, Великая армия, вернее, то, что от нее осталось, совершила перегруппировку с целью атаки Лаона. Лаон располагался на холме, и Блюхер расставил свои войска по обе стороны от города. Теперь, получив после Суассона в подкрепление два корпуса, он обладал достаточным численным перевесом, его позиция была выигрышной и защищенной в виду находящейся впереди деревни Атье. Положение Мармона было незавидным. В ночь 9 марта генерал Гурго выставил пикеты, и на следующий день французы начали общее наступление. На первом этапе им удалось потеснить правый фланг противника, но Мармону не удалось отбить деревню. Во время сражения значительные силы казаков сумели вклиниться между его корпусом и французским центром, так что к вечеру Мармон оказался отрезанным от своих соратников.

Само по себе это не было трагедией. У французов были хорошие шансы наутро оттеснить правый фланг союзников, и это снизило бы давление на Мармона. В дальнейшем вся

армия могла бы продолжать совместное движение вперед, заставив Блюхера отступить от Лаона и, возможно, нанеся ему серьезное поражение. Если бы это было достигнуто, Наполеон получил бы моральное преимущество, которое увеличило бы его шансы на успех в действиях против сверхосторожного Шварценберга, и кто мог бы предсказать ход дальнейших событий после того, как одна союзная армия потерпела бы очередное поражение, а вторая — отступила? В любом случае такой исход отнюдь не способствовал бы прекращению разногласий в штабе союзной армии, и вполне вероятно, что при умелом использовании этих разногласий Наполеон вполне мог рассчитывать на большее, чем сведение территории Франции к «естественным границам». Это был последний шанс Наполеона, и он был потерян из-за безрассудности или психологической слабости Мармона.

Во время сражения при Лаоне Мармон, не выполнив и половины того, что должен был сделать, отвел свои войска в замок, расположенный в трех милях от поля боя. Ночью с 10 на 11 марта прусские войска совершили внезапную атаку на его корпус. Мармон был окружен и вынужден бежать, оставив врагу все свои орудия*.

Два драгуна, которым удалось вырваться из окружения, принесли эту плачевную весть Наполеону в тот самый миг, когда он натягивал сапоги, готовясь возобновить битву. На сей раз реакция была не столь спокойной, как в прошлый, когда ему сообщили о сдаче Суассона. Он изрыгал проклятья на голову своего старого друга, но гнев и ярость ничем уже не могли помочь. Победа под Лаоном ушла от императора. Опустевший правый фланг не давал возможности продолжить наступление, и Наполеону оставался только один выход. Он закрепил войска на своих позициях, тем самым помешав врагу организовать преследование окруженного корпуса Мармона. Мармон бежал в полном беспорядке до Фима, но здесь собрал 8000 человек, что в этих условиях могло считаться большой удачей.

* В сражении при Лаоне французы потеряли 12 000 пленными и 8000 убитыми.

В своих мемуарах Мармон рисует живописную картину состояния армии в эти тяжелые для нее дни. Солдаты были не только деморализованы и морально сломлены: у них не было одежды, обуви, головных уборов. Он пишет о том, что артиллеристами служили простые матросы, которые не имели понятия о том, как перевозить пушки, как заряжать и стрелять. Он рассказывает о том, что форма, присланная в части, настолько кишела насекомыми, что солдаты предпочитали донашивать свою рванину, чем надевать ее.

Утром 13 марта главные силы французской армии отошли назад к Суассону. У Наполеона была украдена очередная победа, которая могла бы восстановить боевой дух в армии и порядок в столице. Блюхер, несмотря на потери, обладал перевесом и был в состоянии идти к Парижу. Мақдональд и Удино, которые с трудом противостояли на юге Шварценбергу, постепенно сдвигались к северу от Сены, в район между Провеном и Арси-сюр-Обом, где их подразделения начали рассеиваться перед лицом гораздо более многочисленного противника. Ожидать помощи от Ожеро или Евгения было бесполезно. Сулыт под Тулузой сам испытывал большие затруднения в действиях против дисциплинированных англичан Веллингтона. Вскоре пришли еще более неутешительные новости. Был сдан французскому эмигранту Сен-При Реймс, и теперь открылась прямая линия сообщения между двумя союзными армиями.

Чтобы предотвратить соединение армий Блюхера и Шварценберга, требовалось принятие незамедлительных мер. Наполеон издал приказ о концентрации всех сил в Суассоне, чтобы собрать достаточно войск и отобрать у врага Реймс. Мармон подчинился приказу, надеясь, очевидно, обелить себя после позорных неудач у Лаона. Главные силы начали спешное продвижение вперед, но обозы с артиллерией отстали, так что Наполеон прибыл к Реймсу в самый разгар сражения. Французы, ведомые в бой отчаянным Мармоном, напали на город с запада. Сен-При был убит — говорили, что тем же самым артиллеристом, который поразил предателя Моро

под Дрезденом* — население города восторженно приветствовало императора. Это была последняя встреча подобного рода в кампании 1814 года, следующая подобная встреча ожидала его только после бегства с Эльбы год спустя, а Реймс был последним городом, который ему удалось захватить у врага, последним в ряду его побед, начало которым положило взятие Тулона в 1793 году. Наполеон брал Милан, Вену, Берлин, Варшаву, Мадрид и Москву — практически все европейские столицы. Французский город Реймс замкнул этот список. В. М. Слоун в своей впечатляющей биографии Наполеона писал: «Поход на Реймс был предсмертным ударом тяжело раненного гладиатора».

Два старых друга встретились на следующее утро. Мармон был по праву героем этого сражения, но это не даровало ему прощения императора. Вместо этого Наполеон сделал ему резкий выговор и отправил в Лаон. Мармон, приложивший больше других личных стараний в последнюю наполеоновскую кампанию, вправе был посчитать себя оскорбленным и покинул Наполеона в гневе. Как и все солдаты удачи, которые всего добились своими собственными силами, часто рискуя жизнью, всем обязанные собственному мужеству и преданности, Мармон не мог вынести того, что подвергало сомнению его воинскую репутацию, его честь и профессионализм. В прошлом, когда один успех следовал за другим, и отдельные промахи быстро забывались в череде последующих побед и триумфов, размолвки между людьми, которые общими усилиями создавали эти победы, сглаживались в течение нескольких дней. Но теперь, видя повсюду ошибки и прямое предательство (часто там, где его и не было), Наполеон слишком сильно переживал каждую неудачу, каждую ошибку. То, что он сказал в Реймсе Мармону, имело гораздо более тяжелые последствия, чем отход Мармона со своих позиций и потеря им нескольких пушек у Лаона. Последующие семнадцать дней войны показали истинную цену его несдержанности.

* Другая легенда, впрочем, повествует о том, что фитиль к орудию, ядро из которого убило Моро, поднес сам французский император.

ГЛАВА 13

«ОБНИМИ МОЕГО МАЛЬЧИКА...»

I

Новая кампания началась с переходом Блюхера через Рейн в новогодние дни. Теперь, к 14 марта, никаких результатов достигнуто не было. В течение 73 дней на пространстве от Голландии до Сены сражались и погибали три армии. Территория была разорена и разграблена, землю усеяли тела погибших французов, немцев, русских и австрийцев. Пропагандистская кампания союзников уверяла мир в том, что война ведется ради того, чтобы сбросить с Франции иго тирана, но то, что вынесло мирное население Франции от улан и казаков союзных войск, вряд ли можно было сравнить с тем, что происходило в странах Европы, которые завоевал Наполеон.

Отклик на декабрьский призыв в армию разочаровал Наполеона. В центральной и южной Франции он попросту провалился — подавляющая часть населения не пожелала проливать свою кровь за начавшуюся шататься императорскую династию. На севере, где реалии оккупации пруссаками и полудикими азиатами были известны в каждом селе и хуторе, французы сопротивлялись с фанатизмом, который не уступал фанатизму испанских крестьян. Солдат союзных армий убивали ночью, на маленькие конвои и отряды устраивались облавы, оставших, заблудившихся, одиноких солдат брали в плен. Жесткие меры, вроде тех, которые применял Блюхер после взятия Шато-Тьерри, повлекли за собой не менее жесткие ответные действия. Волна взаимной ненависти и жестокости покатилась по заснеженным полям со скоростью ветра, проносящегося с востока по долинам рек Эна, Марна и Об.

Вопрос о том, каким образом использовать эту волну народного гнева, одно время серьезно волновал Наполеона, и во время трехдневной стоянки в Реймсе, где пламя патриотического сопротивления было особенно сильным, в его голове начал вызревать план. Он мог разбить врага, несмотря на подавляющее преимущество последнего, только если сам лично присутствовал на поле сражения. Поведение Шварценберга, Блюхера, Виттгенштейна, допускаемые ими ошибки, их страх доказывали это. Они уже потерпели от Наполеона несколько поражений, имея двух-трехкратное превосходство в живой силе, артиллерии, не говоря о материальном обеспечении и физическом и моральном состоянии войск. Но одного этого было мало, чтобы обеспечить Наполеону приток в его армию новых сил, и только мужество и граничащая с самопожертвованием самоотверженность его мальчишек, совершающих беспримерные марши между Марной и Сеной, спасала от окончательного падения французскую столицу. Для полного устранения угрозы Парижу требовался более масштабный и более необыкновенный план. Наполеон тщательно оценивал свои возможности, пытаясь определить расположение своих противников и моральное состояние его войск. Данные разведки были слишком противоречивыми, чтобы сделать четкие выводы. Будет ли Блюхер пытаться снова занять Париж? В состоянии ли его армия предпринять третий марш вдоль Марны? Является ли нерешительность и медлительность Шварценберга следствием действий австрийской дипломатии или подтверждением трусости и некомпетентности самого генерала? Как объяснить действия Ожеро в Лионе: объективными трудностями или прямым предательством? Как долго сможет Султ сдерживать противника на юге? Каковы перспективы того, что союзные разногласия в отношении целей войны помогут Наполеону продолжить стратегию разделения их армий? Каковы планы Бернадота, до поры бездействующего в Льеже? Вопросов было много, и все они были не простые. И на каждый необходимо было ответить, зная, что хотя бы один неверный ответ будет стоить ему всего его будущего.

В Реймсе ситуация в некоторой степени сама собой прояснилась. Предполагая, что взятие города французами и угроза последующего разгрома Блюхера заставят главные силы Шварценберга отступить, Наполеон мог идти тремя путями. Первый, самый очевидный, идти назад к Мо и перекрыть восточный проход к столице. Второй предусматривал марш южнее, от Сезанна к Провену, с целью предотвратить союзное продвижение вдоль Сены. Третий принципиально отличался от двух первых, сугубо оборонительных. Он предполагал выступление в южном направлении, на Арси-сюр-Об, чтобы атаковать и отрезать фланг армии Шварценберга, которая должна была двигаться к Витри и Сен-Дизье на соединение со своим прусским союзником.

Наполеоновские предположения были, как мы можем сегодня судить, довольно проницательными. Очередное поражение Блюхера и сравнительно легкое завоевание Реймса оказало на союзные армии воздействие, несравнимое с масштабом и значением этой военной операции. Русский царь, несмотря на все свои грандиозные мечтания о триумфальном вступлении в Париж во главе победоносных армий, советовал на время приостановить активные действия, а Шварценберг сверх того имел тягу к отступлению до самого Рейна. Все военачальники союзников испытывали страх перед всеобщим сопротивлением гражданского населения, в частности в Эльзасе и Лотарингии, что грозило отрезать линии коммуникации и оставить армии один на один с противником на враждебной территории. Никаких быстрых и решительных действий от Блюхера и, тем более, шведов Бернадота ожидать не следовало. Правда, с юга приходили ободряющие новости, но здесь, на севере, в районе основных боевых действий, немногие решили надеть белую эмблему Бурбонов. Вместо этого во множестве появлялись рассказы об убитых часовых, пропавших без вести гонцах, о бандах партизан, во множестве укрывающихся в местных лесах, о разграбленных на проселочных дорогах конвоях с амуницией, боеприпасами и продовольствием. Монархи уже имели дело с восстав-

шей Францией, и это восстание обернулось для них двадцатью годами унижений и страха. Наиболее здравомыслящие из них теперь были готовы на очень большие уступки, лишь бы ситуация 1793—1794 гг., когда профессиональные армии Гогенцоллернов и Габсбургов были сметены с французских границ нестройными колоннами ремесленников и крестьян, не повторилась. Плановое отступление и ожидание более благоприятного времени казались союзным лидерам более предпочтительными, нежели повторение Вальми, Жемаппе* или Аустерлица. Пока царь и Шварценберг колебались, их колонны выстроились вдоль юго-восточных подходов к Парижу. Все дальнейшее зависело в первую очередь от того, каковы будут действия Наполеона.

Император не стал долго томить своих противников в неизвестности. Приказав Мортье и Мармону пресекать любое выступление Блюхера, он двинул свои войска в соответствии с третьим, наиболее рискованным планом, на Арси-сюр-Об. Он предположил, что главные силы союзников уже готовы начать отступление, и решил попытаться судьбу во фланговой атаке этих сил.

Но и этот план был лишь наполовину верным. Союзники думали об отступлении и даже уже начали его частично осуществлять, но общего отступления еще не было. Когда пришли сведения о концентрации сил Наполеона в Арси, союзное командование приняло другое решение. Это решение заключалось в намерении дать генеральное сражение, пользуясь численным перевесом, в то время как Блюхер будет отвлекать войска Мармона и Мортье на севере. Именно эти решения привели в результате к беспорядочной, но ставшей решающей для всей кампании битве при Арси-сюр-Обе, произошедшей 20—21 марта 1814 года.

В первый день основные силы не принимали участия в сражении. Силы французов насчитывали лишь 16 000 человек, силы союзников не превышали 24 000 — преимуще-

* Сражение при Жемаппе произошло осенью 1792 года между молодой революционной армией Франции и австрийцами.

ственно кавалерии. В течение ночи силы соперников были существенно увеличены. 21 марта, все еще уверенный, что перед ним остатки арьергарда армии Шварценберга, Наполеон послал Нея и кавалерию Себастиани для занятия плато за городом Арси. То, что предстало их взорам на востоке, удивило и обескуражило. Выстроенные, словно для парада, с большими массами кавалерии на обоих флангах и прикрываемые по всему фронту 370 орудиями, стояли силы австро-пруссской армии численностью примерно в 100 000 человек. Соотношение сил один к четырем в пользу противника было слишком велико даже для победителя при Монтеро. Недовольный Наполеон дал приказ к отступлению через Об на Витри. Паралич, который разбил военачальников союзной армии, когда они увидели перед собой Наполеона, был столь сильным, что французы успели переправить через реку две трети своих сил, прежде чем был дан приказ наступать.

Кавалерия Себастиани прикрывала отступление основных сил французской армии, а Ней и Удино препятствовали организованному преследованию со стороны союзников. Этой же ночью Наполеон покинул Витри, опасаясь преследования армии Шварценберга. Витри практически был в руках союзников.

Что оставалось теперь Наполеону? Его план развалился еще до того, как был предпринят хотя бы в половинном объеме. На востоке находились Маас, Мозель и Арденны, за ними располагались крепости, удерживаемые французами. Там можно было получить столь необходимое подкрепление. Наполеон разрабатывал планы, предусматривающие начало народного восстания в этих районах, которое бы напрочь перекрыло линии коммуникации союзных армий. Париж следовало предоставить самому себе.

II

Мармон получил приказ идти на Шалон, а еще из Реймса было отправлено письмо в Париж Жозефу с требованием

вывести из столицы императрицу с королем Римским в случае, если враг войдет в город. Его инструкция относительно недопустимости пленения наследника была чрезвычайно жесткой. «Я скорее увижу его тело в Сене, нежели допущу, чтобы он стал пленником Австрии, — писал он, — судьба Астианакса всегда казалась мне самой несчастной в истории»¹.

Но Мармон не пошел на Шалон. Он не выполнил императорского приказа и в той его части, которая предписывала ему держать открытой дорогу на этот город. Мармон, а также Мортье столкнулись с более насущными требованиями момента как раз 18 марта, в день, следующий за тем днем, в который Наполеон выступил в Арси. Несгибаемый Блюхер, удивительно быстро оправившись после очередного поражения, выступил из Лаона на юг, стремясь соединиться со своими союзниками. К этому времени он уже предпринял достаточно попыток в одиночестве пробить себе путь к французской столице и теперь желал поделить с другими военачальниками удары и поражения, которые пока что он единолично принимал на себя. По всей видимости, были границы и у его способности выносить тяжести войны. Впрочем, его потери в битвах, начиная с Шампобера и кончая Лаоном, были столь велики, что даже получаемые им частые подкрепления не могли их покрыть.

Между тем Мармон и Мортье имели всего 17 000 солдат, которым предстояло защищать от Блюхера подступы к столице. Маршалы объединили свои силы в Фиме, в двадцати милях к западу от Реймса, между Эной и Марной. Им предстояло еще одно сражение, после чего кампания для них закончится. Позади них падут Реймс и Эперне, а вскоре после этого они окажутся в Суассоне, который будут мужественно защищать до самого конца.

На юге ситуация развивалась не лучше. Ожеро, казалось, играл двойную игру, по очереди обманывая ожидания обоих соперников. 20 марта его блеф наконец дал результаты. В Лионе у него было 24 000 солдат, которым противостояло

32 000 войск союзников. Впрочем, на подходе были значительные силы французского подкрепления. Но Ожеро не стал их дожидаться. Он не стал укреплять свои позиции и оставил врагу всю тяжелую артиллерию в Валансе. Когда начался штурм Лиона, он созвал совет «отцов» города и стал спрашивать их относительно будущего. Должен ли он защищать город от союзников или оставить его? Какого ответа ожидал он от состоятельных граждан, чье имущество было под угрозой того, что при штурме города оно может погибнуть? Станный вопрос для того, кто считался одним из самых решительных маршалов Франции! Городские авторитеты дали вполне ожидаемый ответ, и второй по величине город Франции открыл ворота врагу.

Все же в окружении Наполеона были и такие, кто не утратил не только боевого мужества, необходимого для участия в сражениях, но не утратил и мужества здравого смысла, необходимого, чтобы честно высказывать то, что думаешь. Одним из них был маршал Макдональд, прикрывающий теперь тылы французской армии. Получив приказ атаковать Витри, он отказался это делать, мотивируя свой отказ тем, что солдаты истощены до крайности, город находится под защитой сильного гарнизона противника и окружен глубоким рвом. «Забросайте ров связками соломы», — предложил Наполеон, но шотландец ответил: «Требовать от усталых людей, чтобы они шли в атаку по соломенному мосту? Попробуйте сделать это силами Вашей гвардии, Сир!»

Этот случай может показаться свидетельством того, что на этом этапе кампании разум Наполеона был затуманен настолько, что он был уже неспособен понять всю безнадежность ситуации, но это было не так. Ни один человек не мог бы совершить то, что удалось Наполеону, начиная с 25 января, когда он собрал свою армию в Шалоне, если бы он не владел полностью собой и не осознавал того, что предпринимает. Теперь, как всегда, реально оценивая все свои возможности, он видел, что все их недавнее богатство свелось к одному — необходимо было соединиться с состоящими из ве-

теранов армии гарнизонами на Рейне, создать из них единую ударную силу, поднять население Эльзаса и Лотарингии и произвести такой беспорядок в тылу врага, чтобы взятие Парижа стало лишь ничего не значащим жестом. Он знал, что Италия не может ему помочь, что Ожеро совершил предательство, что Султ не сможет бесконечно сдерживать Веллингтона и что союзники могут иметь разногласия относительно деталей войны, но они никогда не разойдутся настолько, чтобы ему удалось разбить в сражении их основные силы. Но если произойдет угроза их собственным территориям, это может вынудить их отрядить часть армии для препятствования этой угрозе, и, хотя надежда на это была ничтожной, она была. Наполеон как всегда следовал своей основной стратегии — бить врага по частям. После этого можно было бы сказать, что вторжение во Францию для союзников закончилось провалом.

Ситуация была отчаянной, но не более отчаянной, чем на обратном пути из Москвы или Лейпцига. Всего две недели назад он показал, чего можно добиться с маленькой преданной армией, которую возглавляет человек, наделенный талантом тактика. Даву продолжал удерживать город Гамбург, ему даже удавалось совершать ночные вылазки, доставлявшие врагу немало неприятностей. Евгений сохранял свои позиции на Минчо. Султ отвлекал силы Веллингтона на юго-западе. Бернадот всю кампанию не участвовал в боевых действиях, и была надежда, что впечатляющие победы императора склонят его к смене союзника. Поддержку же Мюрата мог получить любой, кто смог бы гарантировать ему сохранение неаполитанской короны. Потенциальных союзников можно было видеть в Саксонии, в Берге*, в Польше и в Дании, а также в сотне других мест, где население с ужасом ожидало смены деспотии Наполеона на деспотию более страшную — деспотию надменной Пруссии и дикой России. Да и в самой Франции также было немало таких, кто потерял бы все, что

* Имеется в виду местность на нижнем Рейне, между Руром и рекой Зиг, со столицей Дюссельдорф; 15 марта 1806 года Наполеон для Мюрата создал на этой территории Великое герцогство Берг. В 1815 году оно отошло к Пруссии.

имел сегодня, в случае, если бы часы истории вернулись назад, к 13 июля 1789 года, к временам правления Бурбонов.

Тщательно взвесив все эти факторы, он представил выводы на суд людей, окружавших его. Ответа не последовало. Только Макдональд выразил желание вместе с императором попытаться реализовать его план. Остальные люди, которых он возвысил до высочайшего положения в стране, которые были властителями больших областей во Франции и за ее пределами и носили громкие титулы, отказались продолжить борьбу. Наполеон выступил к Сен-Дизье, сменя сопротивление его защитников, после чего повернул на север, в направлении Бар-ле-Дюка.

Местность была на удивление пустынна. Кавалерийские патрули не обнаруживали присутствия врага, но им удалось захватить в плен нескольких делегатов недавно закончившегося дипломатического марафона в Шатильоне. В Бар-ле-Дюке французские патрули едва не пленили тестя Наполеона, императора Австрии Франца. Наполеон был удивлен и сделал вывод, что главные силы союзной армии, которые должны были, несомненно, преследовать его после Арси, покинули Труа и Бриенну и концентрируются в районе хорошо укрепленного Витри. Весь путь к Сен-Дизье Наполеона сопровождали массы русской кавалерии, двигающейся, впрочем, на безопасном расстоянии. Наполеон решил, что это авангард Шварценберга. Раздраженный этим сопровождением и надеясь на то, что ему удастся вызвать противника на бой, Наполеон неожиданно развернулся и атаковал своих преследователей. Ему удалось опрокинуть их, и они бежали, оставив 2500 человек убитыми и пленными. Теперь Наполеон узнал правду. Преследователи не были авангардом армии Шварценберга, это был 8-тысячный отряд русского генерала Винценгероде, которого Шварценберг отрядил для создания видимости преследования. Сам Шварценберг и не думал преследовать Наполеона. Наконец, после недель бесплодных маневров, которые позволили Наполеону по частям разбивать союзные армии, австрийский гене-

раа соединился с Бюхером, и оба союзника моментально приняли решение — совместно идти прямо на Париж, оставив главные силы Великой армии безо всякого внимания, словно бы их и не было. После стольких поражений, отступлений, унижений противники Наполеона все же объективно оценили силу истощенной и оборванной армии, пусть даже ею и руководит военный гений. Теперь она не представляла реальной угрозы для объединившихся союзников. Теперь главное было не поддаваться искушению и не повернуть вспять под чарами страха перед серым дьяволом на коне — Наполеоном. Главная цель была впереди — Париж, место, где находилось правительство Франции. Без него император Наполеон не мог существовать.

Союзники вряд ли достигли бы такого единодушия в замыслах и решениях, если бы не Судьба, снова улыбнувшаяся им и отвернувшаяся от Наполеона. 23 марта, когда они все еще колебались в принятии решения, казацкий патруль перехватил два сообщения из французского штаба. Одно было послано от Бертье Макдональду и, на первый взгляд, не сообщало ничего, чего бы союзники не знали, т. е. местонахождение Наполеона. Но второе, гораздо более краткое, содержало данные чрезвычайной ценности. Это было письмо императора императрице, и в нескольких его строчках был очерчен весь наполеоновский план². В нем говорилось: «Мой друг, весь день я провел в седле. 20-го я взял Арси-сюр-Об. Враг атаковал в восемь вечера. Я разбил его, убил четыре тысячи человек и захватил четыре пушки. 21-го враг занялся тем, чтобы защитить свои колонны во время марша к Бриенне и Барсюр-Обу. Я решил идти к Марне, чтобы отвлечь врага от Парижа и достичь моих укреплений. Этим вечером я буду в Сен-Дизье. Прощай, мой друг; обними моего мальчика».

Теперь они знали не только, где находится Наполеон, но и что он собирается предпринять дальше. Эта депеша разрешила их последние сомнения. Был дан приказ всей союзной армии двигаться прямо на Париж.

Кажется странным, что столь опытный военачальник, каким был Наполеон, доверил бумаге столь важную информацию и решился переправить эту бумагу через линию врага. Этот факт настолько удивителен, что историки часто считают его ложью или апокрифом. Этот лист бумаги не сохранился, и о подлинности послания мы можем теперь судить лишь по свидетельствам и по стилю самой записки. Безусловно, слова говорят именно о том, что намеревался делать Наполеон, а выражение «Обними моего мальчика» — очень характерно для него. Скорее всего, послание было написано второпях, единственно с желанием успокоить жену, но так или иначе, именно оно стало решающим фактором во всех последующих событиях. С этого дня союзники не обращали никакого внимания на главные силы Наполеона, которые он повел на восток. Всех своих солдат, кавалерию, артиллерию они направили против тонкой линии обороны французской столицы, и через шесть дней, преодолев слабое сопротивление, они уже могли обстреливать пригороды Парижа.

Нельзя сказать, что продвижение союзной армии прошло без единого выстрела. Битва при Фер-Шампенуазе в десяти милях восточнее Сезанна и в пятнадцати к северу от Оба была самым кровопролитным сражением этого похода. В этой битве были продемонстрированы образцы героизма, непревзойденные в истории Великой армии.

Мармон и Мортье, имея менее 20 000 человек, противостояли врагу, у которого было семикратное превосходство в живой силе. Большинство из этих 20 000 были юнцы, практически не имевшие боевого опыта. Сражение при Фер-Шампенуазе не было сражением в прямом смысле этого слова. Это была попытка последних французских призывников противостоять натиску хорошо обученных, дисциплинированных сил противника, рвущихся к столице. Битва представляла собой ряд стычек отдельных частей и соединений. Шаг за шагом, теряя людей, артиллерию и боеприпасы, оба маршала отошли сначала к Сезанну, затем к Марне и, нако-

нец, были прижаты к воротам Парижа. За все время этого последнего наступления союзная армия не прекращала испытывать упорство последних защитников французской столицы. Стычки происходили каждый день, и все остатки армии двух маршалов были оттеснены к предместьям Парижа.

Нам известна история одного сражения из этого ряда ежедневных стычек, которое произошло в день, когда Мармон и Мортье стояли в Фер-Шампенуазе. Оно являет собой миниатюрный эпос. По свидетельству очевидцев, именно оно лучше других демонстрирует отчаянное мужество почти что мальчишек, отцы которых отбросили иноземных захватчиков с этой земли, а старшие братья стали участниками славы Аустерлица, Йены, Фридланда и Ваграма.

Здесь стояли две дивизии маршала Макдональда, сопровождаемые конвоем с амуницией и продовольствием, двигающимся от Шалона к Фер-Шампенуазу под командованием генерала Пакто. При соединении было шестнадцать орудий. Практически все солдаты были Национальными гвардейцами призыва 1815 года. Им не было еще и двадцати лет. Утром 25 марта конвой находился на привале на перекрестке дорог в Вильнё, когда он был атакован крупным соединением русской кавалерии. Пакто выстроил своих людей в шесть каре, которые окружали обозы, поставив между каре по четыре орудия. Затем, медленно двигаясь и сохраняя свои ряды в организованном порядке, маленькая армия подошла по полю к Фер-Шампенуазу, с целью присоединиться к силам Мармона и Мортье.

Почувывая легкую добычу русская кавалерия начала преследование, обстреливая с близкого расстояния каре французов легкими пушками, установленными на лошадях. Но, несмотря на многочисленные потери, французы сохраняли боевой порядок, все налеты кавалерии были отбиты, и каждый стоил русским многих жизней. Понимая, что обоз сильно мешает войску, Пакто приказал перепрячь лошадей и везти с их помощью пушки. Достигнув деревни, продолжая отстреливаться от наседающего противника, обладающего четырехкратным

превосходством, французы обнаружили, что дорога перекрыта пушками союзников и двумя соединениями драгун. Им удалось пробиться через этот заслон и продолжить отступление. В течение пяти часов продолжалось непрекращающееся ни на минуту сражение. Отражая все новые и новые фланговые атаки кавалерии, каре лишь все теснее смыкали свои ряды и продолжали движение, достигнув к полудню пределов видимости Фер-Шампенуаза. На холмах, окружающих город, они заметили войска, стоящие в боевом порядке, и блеск золоченых позументов на мундирах офицеров. Пакто был уверен, что это французы, в его войске возникло воодушевление. Но это были не французы. На холмах Фер-Шампенуаза расположился штаб русского царя и короля Пруссии; они праздновали победу, только что оттеснив из города отчаянно сопротивлявшиеся силы Мортье и Мармона.

Шесть поредевших, но несломленных каре Пакто противостояли теперь всей армии союзников. На них обрушился мощный артиллерийский огонь, и в лучах закатного солнца понеслись свежие силы кавалерии. Пакто приказал сменить направление движения и отошел к болотам, где кавалерия не могла его преследовать. Попытки окружения были отбиты.

К этому времени мальчишки Национальной гвардии находились в непрерывном бою более десяти часов. Почти каждый солдат в обеих дивизиях был ранен хотя бы один раз. Противник двинул на них пехотный батальон и 20 000 кавалерии, но каре не дрогнули. После того как были пройдены еще пять миль в направлении, в котором двигался Пакто, появились еще несколько соединений вражеской кавалерии и сорок пять орудий.

Теперь у Пакто не было пути к отступлению. Французский командир, чувствуя, что он не имеет права осуждать на полное уничтожение тех, кто выжил в этом двенадцатичасовом аду, вышел к окружившему его противнику. «Я не могу давать приказы под огнем, — крикнул он, — прикажите прекратить огонь, и я сделаю то же самое». Стрельба стихла,

и Пакто бросил свою шпагу. Пять каре сложили оружие вслед за своим командиром; в сумках солдат не оставалось практически ни одного патрона. Третье же каре отказалось сдаться и под покровом ночи укрылось в болотах. Из 4300 человек 2000 остались лежать на дороге к Вильнё. Из 1500 сдавшихся в плен почти все солдаты и офицеры были ранеными, включая и мужественного генерала Пакто. Так закончился этот героический эпизод сражения у Фер-Шампенуаз*.

Спустя два дня Наполеону, который в это время допрашивал русских пленных, рассказывающих ему о движении союзников на Париж, принесли союзный бюллетень, перехваченный одним из патрулей Макдональда. Так Макдональд узнал о том, что две из его дивизий оказались отрезанными и вся артиллерия и обозы, бывшие в Сезанне, захвачены врагом. Роковой бюллетень был передан Наполеону лично Макдональдом, который теперь молча ожидал реакции императора и готовился к грозе. К его удивлению Наполеон улыбнулся. «Какое сегодня число?» — спросил он. Макдональд ответил: «Двадцать седьмое». «Этот бюллетень датирован послезавтрашним днем, двадцать девятым — сказал Наполеон, — он лживый, враг всегда так поступает».

Обескураженный, поскольку названия соединений и имена пленников доказывали истинность данных противника, маршал вернулся к начальнику Гвардейской артиллерии Друо.

«Что сказал император?» — спросил его ветеран.

«Что бюллетень лжет» — ответил Макдональд.

«Нет, он истинен, — сказал Друо, — цифра «шесть» перевернута вверх ногами. Это не цифра „девять“».

Макдональд вернулся с этой информацией, но Наполеон, выслушав маршала, не казался разочарованным.

Он тихо спросил: «Итак, вы полагаете, что мы не сможем удержать Витри?»

«Я думал, что вы в этом уверены», — проворчал Макдональд, после чего Наполеон сказал: «Да, именно так, пойдёмте».

* В целом в сражении при Фер-Шампенуазе было взято в плен 6 французских генералов и 8000 рядовых.

Именно после этого шотландец, в отличие от молчаливого Бертье, раздражительного Удино и других людей из окружения императора, которые всегда говорили Наполеону только то, что он хотел услышать, решительно сказал: «На вашем месте я бы направился в Лотарингию и Эльзас, собрал там все гарнизоны и направил бы войско в тыл врага, перерезав его коммуникации и не допуская подхода конвоев и подкреплений. Тогда противник был бы вынужден отступить, а вас поддержали бы наши крепости».

Не зная того, он говорил именно то, о чем думал сейчас и сам император. Этот план он выразил в самых простых слова, но именно он, этот план, был очевиден еще в сентябре, после Дрездена. Надо было забыть про армию противника, так же как он сейчас забыл о его армии. Перенести сражения снова на Рейн, в Саксонию и к Одере, если это будет необходимо. Это действительно был хороший план, это был единственно хороший план, и, не приняв его, Наполеон проиграл войну.

III

Двадцать один год назад, в пасмурный январский день вниз по рю Рояль прошла мрачная процессия, окруженная тысячами молчаливых зрителей. В центре этой процессии находился король Людовик, который шел к своей смерти под рукой общественного палача. В некоторой степени именно этот жестокий и не столь уж необходимый акт цареубийства породил весь последующий хаос террора и взаимной ненависти людей и народов. Теперь на той же сцене разыгрывалось другое театральное представление. 31 марта около полудня кавалькада из сорока всадников, несущих знамена, промчалась по бульвару Мадлен с криками «Да здравствует король! Да здравствуют Бурбоны!». Тем, кто в молчании смотрел на эту демонстрацию, ее значение было вполне понятно. Современники видели в ней не просто падение Империи, но конец целой эпохи. Всадниками были французы, которые вы-

крикивали приветствия брату презренного человека, голову которого как камень бросили народу на этом самом месте, и их крики неслись под окнами дома, где расположились два монарха, только что вошедшие во французскую столицу на ружьях своих солдат.

«Париж, — сказал генерал Кларк, военный министр, — не приспособлен к обороне», и многие люди верили ему, когда он говорил эти слова. В 1870 и 1914 годах история доказала обратное, но в 1940-м инерция парижан привела к повторению предательства и малодушия, которые характеризовали их поведение в 1814 году. Ни в 1814-м, ни в 1940-м Париж не пал под ударами армии. В обоих случаях он был принесен в жертву неверию, некомпетентности и страху тех, кому была поручена его оборона.

Читая рассказы очевидцев этих последних катастрофических дней, поражаешься постыдному и непонятному контрасту между, например, поведением юных призывников Пакто и эгоизмом людей, за которых они положили свои жизни*.

Мармон с остатками своих батальонов, уязвленный словами Наполеона, сказанными в Реймсе, но еще далекий от того, чтобы совершить предательство родины, отошел к высотам Романвиля и Бельвиля у самой границы Парижа. Вместе с выжившими частями Мортье у него было около 8000 человек, которые могли присоединиться к тому, что должно было быть сильным и хорошо организованным гарнизоном Национальной гвардии из добровольцев, которыми командовал маршал Монсей, давно уволенный в отставку и известный больше своей честностью, нежели военными талантами. В городе находились арсеналы с ружьями, легкими пушками и порохом, недостатка в продовольствии ни население, ни солдаты не испытывали. Мужественное сопротивление, подобное тому, которое парижане выдержали спустя два поколения, поставило бы

* На русских военных тех дней поведение парижан производило отталкивающее впечатление. Денис Давыдов, например, открыто возмущался их «изменой» Наполеону; отголоски этого отношения подытожены Лермонтовым укором в адрес французок: «...в испуге не появ позора своего, как женщина ему вы изменили, и как рабы вы предали его...»

победоносные союзные армии в чрезвычайно сложное положение. Позади них были главные силы Франции во главе с Наполеоном, а еще далее находились крепости Верден и Антверпен, в которых были сильные французские гарнизоны. Даву продолжал удерживать Гамбург, Сульт сдерживал на юге Веллингтона, а Евгений сохранял Мантую. Все надежды, если таковые еще оставались, основывались на том, что измученные солдаты Мортье сумеют вдохновить еще десять тысяч дилетантов в Париже. Требовался и еще один ингредиент для того, чтобы эти надежды смогли воплотиться в реальность, — решимость. Без нее никакой героической защиты столицы быть не могло. Но именно решимости и не было ни у профессиональных военных, ни у гражданского населения, ни у руководства города, центральной фигурой и законодателем в котором был Талейран.

Историки уже полтора века спорят о мотивах поведения Талейрана весной 1814 года. Рассчитывал ли он получить оправдание за свое прошлое перед угрозой неизбежной победы европейских монархов, или он действовал, будучи искренне убежденным в том, что сдача Парижа врагу — единственное, что может спасти Францию? Мы не можем ответить на этот вопрос, то есть убедительно подтвердить первое или второе. Талейран был Талейраном, также как и Меттерних был Меттернихом. Оба политика были до крайности изощрены в искусстве интриги, и им не был свойствен бескорыстный идеализм, который, впрочем, существует в каждом человеке, явно или тайно, в той или иной мере. Но у подобных дипломатов и политических игроков своя мера, свои коды, свои правила, их путь похож на путь брезгливых котов, крадущихся среди мусорных куч. Они любили интригу ради интриги, но это еще не означает, что их интересы были всегда низкими. Они действовали сообразно обстоятельствам так же, как ученые действуют согласно научным формулам и законам природы, математики — согласно математическим уравнениям, а поэты — подчиняясь законам языка. Проблемы, которые стояли перед ними в этот конк-

ретный момент, настолько поглощали все их существо, что они не могли думать о людях, о народе, и их мало интересовало то, что множество людей меньшего политического масштаба были озабочены теми же проблемами, что и они.

Выжидая в Париже, в то время как поступали противоречивые сообщения о том, что происходило на полях сражений в районе между Марной и Сеной, Талейран тщательно перебирал возможные варианты своих действий и теперь, к концу марта, понял, что окончательное решение созрело. Союзники, силы которых превосходили 200 000 человек, были у стен столицы. Наполеон и остатки его армии были далеко на востоке. Мария-Луиза и бывший король Жозеф не представляли для Талейрана большой проблемы. Одна была уже почти вдовой, второй — человеком, отнюдь не наделенным сильным характером, которому вряд ли пришла бы в голову мысль о том, что можно воспользоваться предоставленными ему в этот момент блестящими возможностями получить власть над Францией. Мармона, Мортье, Монсея и других воинов Талейран не принимал в расчет. Он всегда полагал, что солдат — это выросший ребенок, которому требуются только блестящие игрушки, чтобы утвердить свой авторитет. Что касается монархов, щедрого, слегка застенчивого и мистически настроенного русского царя и его младшего партнера — тугодума Фридриха Вильгельма Прусского, то он презирал их не меньше, чем Его Императорское Величество Наполеона Первого. Впрочем, круг презираемых им лиц не ограничивался автократами. Он так же относился и к роялистам, и к якобинцам, и к конституционалистам, и к легитимистам. Среди всего этого политического выводка, устраивавшего в Европе ярмарку тщеславия, только два человека внушали ему уважение: австрийский канцлер Меттерних и английский политический негодник Кестльри. Они служили ему примером для подражания.

Тем временем стычки армий, к которым свелась война, продолжались. 29 и 30 марта в пригородах раздалась пушеч-

ная канонада, эхо которой металось по улицам, врываясь в окна перепуганных жителей. Те, кто стояли на защите столицы, дорого продавали свои жизни, невзирая на громадное преимущество врага, усталость, недостаток снабжения и боеприпасов. Однако решение уже было принято, хотя и стало не результатом исхода сражений. Решение вышло в готовом виде из недр правительственной Палаты.

Вечером 28 марта Мария-Луиза и Жозеф устроили совет с главами гражданской администрации, которые проголосовали за их отъезд из столицы. Новым местом пребывания императрицы должен был стать Рамбуйе, город на западе Франции. Сын должен был быть с ней.

Чтобы понять настроение парижского высшего света в эти дни, полезно будет познакомиться с рассказами трех женщин, свидетельниц событий этого времени. Эти женщины, несомненно, гораздо более реалистично и точно воспринимали события, нежели это позволяли чувства урожденной принцессы Габсбургской, ставшей четыре года назад женой Наполеона в качестве платы за мир с Австрией. Первой женщиной была Гортензия, дочь брошенной Наполеоном Жозефины и покинутая жена его брата Луи. Вторая, недавно ставшая вдовой, жена старого соратника Наполеона, мадам Жюно*. Третья — мадам Удино, жена маршала Франции и командира корпуса, который продолжал сражаться на стороне Империи.

Внезапное продвижение союзников к столице и долгое отсутствие новостей о действиях на полях сражений Наполеона в некоторой степени лишило их всегда им присущих легкости мышления и ироничного остроумия. Будучи женами первых людей Империи, находясь на самой вершине социальной лестницы, они были законодательницами мод, настоящими «звездами» светских салонов, обладательницами бесчисленных гардеробов, драгоценностей, хозяйками домов и дворцов.

---

* Герцогиня Лаура д'Абрантес оставила весьма интересные мемуары о правлении Наполеона, написанные при участии Бальзака. Ее также высоко ценил Стендаль, называя «дамой, отличающейся большим умом». «Записки герцогини д'Абрантес» были изданы на русском языке (в 16-ти тт. М., 1835–1839).

Теперь они превратились в беженок. Женщины металась по своим домам, зашивали в корсеты ювелирные изделия, устраивали тайники для других наиболее ценных вещей, чтобы сохранить их от грабежа казаков, о которых уже были немало слышаны от очевидцев поведения союзных войск на севере и востоке Франции. Все три женщины были обязаны всем, что они имели, человеку, который совершал маневры со своей армией в Сен-Дизье, в десятках лье от Парижа, на востоке. Поэтому эти женщины были менее склонны к тому, чтобы предать императора, чем многие военные и политики, которых он привел к вершинам власти, но которые могли надеяться на то, что предательство сохранит им эту власть.

Гортензия была озабочена тем, что падение Наполеона может повредить ее матери, которая получала значительную пенсию от своего бывшего мужа. Также ее заботила судьба ее брата Евгения, который был отрезан от родины в Италии и окружен со всех сторон вражескими армиями. Да и сама она, и ее дети — куда могли они направиться? Полная горя, она попросила совета у императрицы как раз в тот момент, когда Мария-Луиза обсуждала предстоящий ей из Парижа путь. «Я уезжаю, — сказала Мария-Луиза с улыбкой, которая говорила о том, что принятое ею решение облегчило ей душу, — и советую вам сделать то же самое». «Мне приятно видеть, что Ваше Величество с улыбкой теряет свою корону», — ответила Гортензия, которая всегда отличалась острым языком, а ее отношение ко второй жене Наполеона было давно известно. Впрочем, Гортензия хорошо понимала, какой эффект в столице вызовет паническая эвакуация императрицы и наследника. Гарнизон и союзники несомненно увидят в этом разрешение сдать, и Гортензия безуспешно пыталась, чтобы герцогиня Монтебелло (компаньонка императрицы и вдова маршала Ланна) повлияла на решение императрицы. Когда это ей не удалось, она стала просить совета у Жозефа, который помог ей и того меньше. Он грубо посоветовал ей заняться своими собственными проблемами. Любви между Бонапартами и Богарне не было никогда.

Сегодня мы ясно видим слабость правительства Наполеона, слабость, присущую всем государствам, в которых осуществляется диктат одной личности. Со времени переворота 1799 года император держал всю власть в стране в своих руках. Мысли и чувства всех сословий, высших и низших, аристократии, буржуазии и народа подчинялись его воле. Теперь, когда наступал кризис, когда зашатались основания его личной власти, те, в ком эгоизм был сильнее, сразу же пошли на предательство, а те, кто еще хранил верность, были лишены решительности. Люди, от которых зависело решение важнейших вопросов, в смятении задавали друг другу риторические вопросы, но даже закаленные в боях военные не могли в тумане пропагандистских панических заявлений, слухов и клеветы четко следовать своему долгу. Только такие холодные и расчетливые люди, как Талейран и его заговорщики, смогли проложить себе путь и шаг за шагом следовали к предательству Империи, не обращая внимания на высокие слова о долге и повинувшись чувству собственной выгоды. В конце концов, когда озлобленный муж сообщил Гортензии, что их дети станут заложниками, она последовала примеру Марии-Луизы и отправилась на запад, беспокоясь, успеет ли до того, как англичане Веллингтона перекроют ей путь в своем движении от Тулузы на северо-восток.

В последний момент этого безумного бегства она услышала о том, что на западе после четвертьвекового затишья возрождается движение роялистов. Услышала она и грустную историю про Римского короля, совершенно сбитого с толку непонятной ребенку суетой. Во время отъезда он отчаянно цеплялся за шторы и двери дворца Тюильри, не давая свершиться поспешному бегству своей матери и ее свиты. «Папенька, не вели им уезжать!» — кричал малютка. Свое состояние, слабость и непреодолимое желание опустить руки и положиться на волю судьбы Гортензия описывает в дневнике. Будучи дважды разбуженной в продолжение последней ночи своего пребывания в Париже, она жалуется: «Эта бессонная ночь, а также слабое мое здоровье вряд ли можно

назвать должной подготовкой к тем испытаниям, которые меня ожидали». Позже, в Глатиньи, она услышала пушечные залпы и вспомнила, что прежде эти звуки всегда были связаны для нее с победами Наполеона.

Мадам Удино суждено было выдержать схожую борьбу с собственной нерешительностью и невозможностью поддерживать решимость других. Она покинула Париж в 4 часа вечера того же дня, что и императрица, направившись по запруженной народом дороге в Версаль и далее в Рамбуйе, куда стремились все высокопоставленные беженцы, не давая себе отчета, что они будут делать по прибытии и каков будет их дальнейший путь. Первую ночь, проведенную в Версале, жена маршала коротала на Рю де л'Оранжери. Всю ночь длинная процессия беженцев проходила под окнами дома. «То, что проходило мимо, дети мои, — писала она позже в своих мемуарах, обращенных к семье, — была Империя, Империя во всем своем блеске и величии... министры в своих волоченых каретах, запряженных шестерками лошадей, с женами, детьми, драгоценностями, слугами; весь Государственный Совет, архивы, королевские алмазы, администраторы всех мастей. Все эти представители власти и величия теперь смешались на дороге с толпой простых смертных, домовладельцами, которые весь свой скарб могли унести в руках. И все боялись только одного — грабежа со стороны захватчиков, опустошавших страну». Было бы любопытно узнать, пришло ли в голову этой женщине, что то, что она описала, в точности соответствовало тому, что происходило почти что во всех европейских столицах, когда в них входили солдаты Франции. Прежде чем мадам Удино отошла от окна, через которое наблюдала сцены хаотического бегства французской столицы, ей передали копию прокламации Жозефа, в которой был призыв к парижанам оставаться в городе и принять участие в его обороне. Она заканчивалась словами: «Парижане, я остаюсь с вами!» Во время чтения она случайно взглянула в окно и увидела автора читаемых ею слов во главе своего штаба. Жозеф также дезертировал в Рамбуйе.

Мадам Жюно, чей муж в приступе безумия покончил жизнь самоубийством, не бежала из Парижа. Причиной, которая заставила ее отказаться от этого шага, была не верность человеку, возвысившему ее мужа, превратившему его из простого сержанта в герцога, но письмо с советом от другого старого друга, Мармона, в это время высшего военного руководителя в Париже. Оставаясь в городе со всеми своими слугами и четырьмя детьми, она также зашивала в корсет бриллианты и, не зная, что делать дальше, написала Мармону, который в это самое время обсуждал условия сдачи Парижа с союзниками. Несмотря на перегруженность делами, маршал все же находил время на ответные письма, и они в определенной мере проясняют события, которые принято рассматривать как предательство Мармона. Он писал: «..Я советую вам не покидать Париж, который завтра уже будет без сомнения самым спокойным местом на двадцать лиг в округе. После того как я сделал все, что было в моих силах, ради сохранения чести Франции и французской армии, я вынужден подписать акт капитуляции, по которому иностранные войска уже завтра войдут в столицу! Все мои усилия оказались тщетными. Меня заставили сдаться, как бы ни было горько мне это признание. Но таков был мой долг — остановить бесполезную смерть солдат, вверенных моему руководству. Я не мог не сделать того, что я сделал, и я надеюсь, что моя страна вынесет мне именно тот приговор, которого я заслуживаю. Я готов выслушать этот приговор».

IV

Так Мармон видел свой долг, и, возможно, история судит его несправедливо. Прежде всего, дело Империи было проиграно. Когда императрица и наследник вместе с Жозефом покинули столицу, большинство нотаблей хлынули вслед за ними, заполнив дорогу на Версаль, владельцы торговых лавок и магазинов стали зарывать в своих палисадниках и на дворах ценности, боевой дух Национальной гвардии упал до нуля.

Не было никого, в ком чувство национального достоинства сохранилось в степени, достаточной для того, чтобы сподвигнуть парижан к обороне своей столицы. Страх перед казаками царя, грабежом и мародерством сковал умы буржуа, он витал в каждом доме богатых районов вместе со страхом перед восстановлением династии Бурбонов, владевшим трущобами бедноты. В четвертый год революции, когда европейские монархи шли к Парижу, агитки роялистов обещали повесить петлю на шею каждого защитника революции. Теперь, когда армии монархов снова были здесь, кто мог поручиться за то, что угрозы двадцатилетней давности не будут приведены в исполнение? И тем не менее, не имея таких лидеров, как Дантон или Наполеон, никто из тех, кто дрожал от страха перед иноземными грабителями, не был готов к тому, чтобы рисковать своей жизнью на городских баррикадах. Ни Мармон, ни Мортье, ни стареющий Монсей не обладали даром личного магнетизма, чтобы возбудить в парижанах волю к сопротивлению, и Мармон, на котором лежала основная ответственность, понимал это слишком хорошо. Бонапарты покинули Париж. Жозеф появился в столице, но тут же снова исчез вместе с кортежем императрицы, своими братьями — бывшим королем Луи и бывшим королем Жеромом. Члены высокородной семьи часто подавали плохой пример своим подданным, но никогда это не было столь явным, как в последнюю неделю марта 1814 года. Даже Жозефина, которую звали когда-то Дамой Побед, бежала из Мальмезона в свой замок в Наварре: ей чудилось, что казаки находятся за каждым деревом.

30 марта в пригородах Парижа разгорелись ожесточенные бои. Пруссаки наступали на Монмартр, войска Вюртемберга и русского царя — на Романвиль, австрийцы — на Венсенн и Шарантон. В 4 часа дня прусская армия захватила Монмартр и начала обстреливать город тяжелой артиллерией. Дальнейшее сопротивление было бесполезным, и Мармону было дано указание начать переговоры — право, переданное ему Жозефом перед своим окончательным бегством из столицы.

Переговоры открылись тем же вечером, и Мармон, ощущающий боли в сердце и истощенный до предела физически, встретился с эмиссаром союзников, который проявил удивительную щедрость. Он согласился в случае сдачи города позволить Мармону и его войскам беспрепятственно выйти из столицы вместе с вооружением и обозами обеспечения. Национальная гвардия должна быть разоружена, все военные арсеналы — открыты победителям, раненые и больные оставались в городе в качестве пленных. Эти условия были приняты Мармоном. Битва за Париж, кульминация кровавых кампаний, продолжавшихся без малого год, была окончена в несколько часов, впрочем, это не означало, что она была бескровной. Короткий бой в пригородах Парижа унес жизни 9000 солдат союзников.

Вся последующая ночь в доме Мармона на Рю де Парадиз была посвящена уточнению и согласованию всех тонкостей сдачи французской столицы. Талейран был в числе посетителей этого дома. При встрече с графом Орловым он не забыл передать «свое величайшее уважение царю». Мармон чувствовал, что он сделал все, что было в человеческих силах. Бурьенн, один из участников заговора Талейрана, видел, как он вернулся домой с поля боя. Его одежда была в нескольких местах изорвана пулями и осколками ядер, лицо было бледным от пыли, на щеках — шетина: маршал восемь дней не имел возможности достать бритву. Один из очевидцев битвы за Монмартр сообщил, что вместе с ним находились шесть мушкетеров. Другой очевидец сообщает, что под Мармоном было убито пять лошадей только в этот последний день, а сам он ранен в предплечье и кисть. Но теперь солдаты отступили, и на сцену войны выступили политики. Утром 31 марта Талейран начал свою работу, намечая проект конституции. Все союзники сходились в одном: они не будут иметь дела ни с кем из Бонапартов.

Именно на этой стадии, около полудня 31 марта прошла демонстрация всадников-роялистов на бульваре Мадлен. Воодушевление этой роялистской группы было беспримерным.

Белые полотнища развевались в окнах домов. Несколько солдат Национальной гвардии сорвали свои воинские знаки, кокарды и нашивки с триколором, заменив их белыми. К крикам «Да здравствуют Бурбоны!» присоединились возгласы «Да здравствует император Александр!», «Да здравствует король Пруссии!» и, что особенно поражает, «Да здравствуют наши освободители!». Держа руку на пульсе парижского общества, как врач держит руку на пульсе больного лихорадкой, Талейран должен был улыбаться в номере своего отеля. К нему стекались преданные заговорщики, большинство из которых еще неделю назад могли считаться баловнями судьбы благодаря Наполеону. Общее дело согревало эту группу, как весеннее солнце согревает землю. Из пригородов в сердце города сначала ручейком, затем потоком хлынули освободители. Это была, наверное, самая интернациональная армия, которая когда-либо прошла этот путь с тех времен, когда римские легионеры дали имя «Лютеция» — «Грязные» — поселениям на Сене. Любопытство выгнало парижан, оставшихся в городе, на улицы, и процессия, которую они увидели, отрезвила людей, которые привыкли к достатку и изобилию за время триумфов Наполеона. Теперь во плоти и крови в Париж прибыли сто восемьдесят тысяч вооруженных граждан тех стран, где были одержаны эти победы, сыны городов и деревень, знакомых парижанам по длинному списку французских боевых наград и титулов. С высот Монмартра поднимали ветераны армии Блюхера, гусары с плюмажами на шляпах, гренадеры и пехотинцы, которые шаг за шагом прошли путь к Парижу из равнин Силезии. Из Венсенна и Шарантона пришли австрийцы, сородичи уехавшей императрицы: ряды хорватской пехоты, венгерские всадники, радующиеся своей первой победе после более чем пятидесяти поражений от рук республиканских, консульских и императорских армий Франции. Но наибольшее удивление вызывали не они, а русские воины, которые казались парижанам сошедшими с иллюстраций книг по средневековой истории. Бородатые казаки на своих лохматых лошадях, кавказцы в бурках, башкиры

с луками за спиной, татары и сибиряки в меховых шубах, и вперемешку с этими экзотическими людьми — колонны шведов, богемцев, баварцев, саксонцев, солдат Вюртемберга, многие из которых еще несколько месяцев назад шагали рядом с ветеранами Великой армии к их последним победам.

Во главе этой пугающей процессии ехали два странных соратника: царь Александр и Фридрих Вильгельм Прусский с присоединившимся к ним позднее Шварценбергом, представляющим императора Франца Австрийского, в это время находившегося в Дижоне. Все трое были с почетом встречены городскими властями, и этот почет перешел в торжество, когда стало известно, что высокородные завоеватели издали эдикт: Париж будет до подписания общего мира оккупирован, но не будет сожжен, как была сожжена в 1812 году Москва. Он даже не будет отдан на разграбление войскам. Отцы города получили на этот счет слово царя.

Париж был завоеван, но будущее Франции еще не было решено. Даже теперь союзные силы еще не полностью были согласны друг с другом относительно того, как будут пожинаться плоды победы над Наполеоном. Австрия надеялась (втайне от других союзников), что можно будет оставить в качестве регента Марию-Луизу. Пруссия, и в особенности Блюхер, страстно желали навсегда покончить с ненавистным Наполеоном; были даже разработаны планы его убийства. Царь Александр, который стал сейчас тем человеком, от которого больше всего зависело принятие решения, продолжая не одобрять поддержку Британией династии Бурбонов, оказался в поле деятельности Талейрана и его конспираторов. Шатобриан, один из самых выдающихся писателей того времени, а во времена Империи — первосвященник французской литературы, придал этой версии статус почти официальной. Он порвал с Наполеоном после несправедливой казни герцога Энгиенского* в 1804 году и последнюю зиму существования Империи провел в написании памфлета под названием «О необходимости власти законных монархов ради

* Принц Конде.

спасения Франции и Европы»³. События 1814 года обогнали его труд. Он все еще был в доработке, когда союзники вошли в Париж. Общее настроение в Париже казалось, было роялистским, но царь, несмотря на весь свой идеализм, не был глупым человеком. Он скорее чувствовал, нежели видел, некую фальшь в спорадических демонстрациях бурбоновской клики на улицах города. Он не был мстительным. В нем не было ненависти к Наполеону, и он, несомненно, не желал его смерти. Он прекрасно понимал важность настоящего момента и думал о будущем Франции, Европы, мира, о своей репутации перед лицом этого неординарного события истории. Уже было пролито достаточно крови, в том числе монаршей, и у царя не было желания проливать еще больше в угоду семье, которая четверть века находилась в положении узников в изгнании. Если Франция действительно желает Бурбона, она может его получить. Если же нет, то можно найти другой вариант: регентство или даже Бернадота. Талейран был против последнего варианта. «Если бы нам был нужен вояка, то, во всяком случае, у нас и сейчас есть самый лучший в мире», — сказал он, добавив, что ни один профессиональный военный не сможет найти во Франции и ста голосов в свою поддержку.

Коленкур, преданный друг Наполеона, снова вышел из тени и предложил регентство, но временное правительство было уже заполнено креатурами Талейрана и роялистами. Ни одна правительственная фракция не допускала сохранение власти династией Наполеонов. Был издан декрет, в котором говорилось, что правительство освобождает солдат от присяги, данной Наполеону. Мягко, но настойчиво Талейран продолжал убеждать всех, что восстановление власти Бурбонов является единственным выходом из сложившейся ситуации.

Этого можно было добиться сразу же, если бы кампания завершилась захватом Наполеона в его столице. Но он продолжал возглавлять армию или подобие армии. Он только что пересек Сену, а в Эссонне находился Мармон с четыр-

надцатью тысячами дисциплинированных солдат, готовых к бою. И это было не все. Говорили, что гарнизоны некоторых пограничных крепостей выступили, чтобы присоединиться к своему императору. Сульт все еще воевал с Веллингтоном. Ожеро не объявил о своем переходе на сторону союзников. Каталонская армия Сюше стояла в бездействии. Евгений в Италии не собирался следовать примеру Мюрата. Наполеон совершил множество чудес в прошлом и мог надеяться еще на одно, если бы ему удалось собрать все эти разрозненные силы воедино и пойти с ними на запад к Парижу или на юг, к Луаре. Он не был одинок — Бертье, Удино, Ней, Лефевр и многие другие были верны ему, так же как и Мортье, второй защитник столицы. Все эти факторы необходимо было учитывать царю, который не хотел продолжения войны, и особенно народной войны. Он хотел видеть себя не в роли полководца, захватившего вражескую столицу, а в роли европейского «отца» народов, могущественного, но справедливого и великодушного.

Поэтому в доме Талейрана продолжались сходы и диспуты, и царь председательствовал на них чаще всего молчаливо, будучи гостем хромоногого расстриги, в чьем разуме было больше трещин, чем в разбитой стеклянной тарелке.

ГЛАВА 14

НОВОЕ СЛОВО ОТЧЕКАНЕНО

I

В сотне миль на восток от Парижа, в городке Сен-Дизье, куда Наполеон отошел после того, как Макдональд настоял на невозможности атаковать Витри, император еще не знал о великих делах, происходящих в столице.

25 марта, обнаружив наконец, что от Арси-сюр-Оба его отделяют 8000 русских кавалеристов, являющихся лишь отвлекающими силами, он вспомнил свой план нападения на арьергард врага и решил реализовать его, не зная, что все, кроме Макдональда, будут против этого отчаянного шага. В некоторой степени этот план уже совершался сам собой, поскольку территория, на которой происходили события, практически была на грани народного восстания; начали появляться отряды, которые каждый день нападали на одиночных солдат врага и обозы снабжения. Некоторые операции партизан напоминали маленькие сражения. Примером может служить случай у Базоше, неподалеку от Сен-Мийеля, где злосчастный полковник Вирио (который так сильно пострадал от действий секретной полиции Фуше) обрушил весь свой гнев и подавленный военный пыл на головы захватчиков.

Эта акция Вирио была типична для того времени и для этой части Франции, и она показывала практическую возможность реализации плана Наполеона. Взяв из Вердена шесть пушек, в которые были впряжены лошади, используемые на пашне, полковник атаковал русский армейский корпус, разбил его, взял в плен 1800 человек, восемьдесят повозок, пятьсот лошадей и восемь орудий. Но злой рок продолжал пре-

следовать его. Корпус, который он разгромил, находился под командованием герцога Бирона Курляндского, близкого друга Людовика Восемнадцатого, и злосчастному Вирио пришлось тяжело поплатиться за этот эпизод впоследствии.

К этому времени Наполеону стали известны подробности поражения Мармона и Мортье при Фер-Шампенуазе, и он ясно осознавал, что Париж стоит на грани падения. Впрочем, это он только предполагал. Но он должен был знать, что маршалы с несколькими тысячами истощенных новобранцев не смогут сдержать наступление объединенных армий коалиции, и не мог считать эти силы чем-то более реальным, чем формальное прикрытие А без реального прикрытия, осуществляемого старшими офицерами армии, он был не в состоянии организовать контратаку. Но настроение штаб-квартиры было однозначным: мир, мир любой ценой. Народная война, если она разгорится по-настоящему, могла продлить боевые действия до бесконечности, но в Сен-Дизье, в период между 25 и 28 марта, стало очевидно, что мечта перенести центр боевых действий на линии коммуникации союзников никогда не будет реализована. Последнее, что оставалось, это решительно двинуться на запад, в Фонтенбло, расположенный к югу от столицы. Линия его марша предполагала, что Сена будет на правом фланге, а левое крыло союзников — в Мо. Путь этот был выгоден и тем, что пролегал по местности, где можно было еще получать продовольствие для солдат и фураж для лошадей.

Некоторые историки считают этот марш и резкую смену плана действий мерой, предпринятой в паническом состоянии. Эмиль Людвиг восклицает: «Он бросился к Парижу как человек, который услышал, что его дом горит», но вряд ли дело обстояло подобным образом. Поход к столице был, несомненно, вынужденной мерой, и он был осуществлен за феноменально короткий срок. Но быстрые марши всегда были характерны для наполеоновской тактики, так же как и высокая скорость принятия новых решений и незамедлительное воплощение этих решений. Париж, несомненно, окажет со-

противление, но ему потребуется поддержка. Никто лучше Наполеона не знал, что арсеналы в городе по большей части содержали устаревшее вооружение, что городские укрепления слабы и частично разрушены, что за стенами города находится множество предателей. Покидая город в январе, он сказал, имея в виду Талейрана: «Я знаю, что оставляю здесь не меньше врагов, чем там, куда направляюсь воевать». У него не было надежд на длительную оборону в его отсутствие.

Он выступил из Сен-Дизье рано утром 28 марта, и это движение вдоль Сены было подобно метеору. Каждый шаг его обреченной армии сопровождало предчувствие беды. Среди пленных, захваченных на этом пути, был австрийский дипломат, направляющийся в Лондон. Его отпустили под честное слово, заставив вернуться к своему императору. В Дулеване Наполеон получил срочное донесение своего почтмейстера Лавалетта, человека, которому он еще доверял. В донесении было недвусмысленное требование поспешить, если император не хочет, чтобы разразилась катастрофа. Движение возобновилось, и к ночи 29 марта измученные колонны вошли в Труа.

Но несколько человек могли передвигаться быстрее, чем целая армия, даже если эта армия была армией Бонапарта. Взяв маленький эскорт, Наполеон направился к Вильнёву, а оттуда, практически в одиночестве, ринулся к Парижу. Рядом находился Коленкур, который уже был однажды его единственным попутчиком на грязных дорогах от Сморгони до Парижа в декабре 1812 года. Следом за почтовой каретой, в которой ехал император, скакал его маленький штаб, включавший генерала Гурго и маршала Лефевра.

Присутствие Лефевра имело особые причины. Его имя было включено в состав маршалов десять лет назад, чтобы умиротворить честолюбие республиканцев после того, как Наполеон присвоил себе титул императора. Теперь, когда тайные роялисты стали выходить из своих убежищ, такие люди, как Лефевр, должны были показать, что ничто не мо-

жет поколебать ценности, которые олицетворял французский триколор, ценности, завоеванные народом в ходе революции и приведшие этот народ к двадцатилетним триумфам. Вот к чему был вынужден прибегнуть человек, который всю свою жизнь презирал и ненавидел неорганизованную толпу, но который теперь искал у нее защиты!

Приверженность Лефевра идеям республиканизма никогда не вызывала сомнения. В Эссонне императорская процессия узнала, что Париж возбужден и что императрица покинула город. На следующей остановке, на почтовой станции в десяти милях от Парижа, они встретили пешего кирасира, который сказал, что приписан к штабу Мортье и послан вперед искать квартиры для покидающей столицу армии. В первый момент это поручение привело императора в недоумение. Он не мог понять, для чего Мармону и Мортье требовались квартиры в этом месте. Офицер сообщил им, что корпуса маршалов должны будут оставить Париж, что его брат Жозеф последовал за императрицей и что в столице мира, какой Париж был еще неделю назад, будут квартировать башкиры, хорваты и прусские гусары. Короче, война окончена.

Несколько минут император не был в состоянии сказать ни слова. Затем последовала буря. Это было похоже на нервный срыв. Завтра прибудет Гвардия! Национальная гвардия Парижа будет приветствовать своего императора! Он либо останется в городе, либо погибнет в нем!

Коленкуру были знакомы эти вспышки бреда. Он сидел рядом с этим великим человеком, когда они пересекали пустынные снежные пространства в тысячи лиг, и мог отличить приступ истерии от гнева гения. Он переждал, пока буря прошла сама собой, после чего посоветовал срочно возвращаться в Фонтенбло и выждать, пока не будет изучена новая ситуация.

Но даже Коленкур был все-таки обескуражен силой реакции императора, проклинавшего Жозефа за трусость, Мармона — за глупость, а депутатов — за предательство. Смущенные офицеры и люди сопровождения некоторое время

видели перед собой не императора, гениально управлявшего войсками и народами, и даже не товарища, делившего с ними тяготы походов и триумфы побед, но безумца, изрыгающего проклятия, не умеющего справиться с обуявшим его дьяволом. Он отказывался признать очевидное. Он сел на землю посреди дороги, ведущей на Париж. Коленкур пытался протестовать, взывал к разуму императора, но безуспешно. К счастью, вскоре появился авангард корпуса Мортье, который подтвердил сообщение квартирмейстера. Регулярные части французской армии покинули Париж, подчиняясь подписанному вечером соглашению, и теперь направлялись на поиск нового пристанища.

Наполеон тотчас же овладел своими чувствами, и, как всегда, его гений импровизации снова проявил себя. Он отдал приказ войскам Мармона и Мортье занять сильную позицию между Эссонном и Сеной и рекой Йонной, защищающей тыл. Он отправил Коленкура в Париж к русскому царю с последней просьбой сохранить династию. Сам император довернул назад и вернулся в Фонтенбло, достигнув его в 6 часов утра 31 марта.

II

Два человека с честью вышли из запутанного клубка интриг, неверия и предательства, сопровождавших крушение империи Наполеона в первые дни апреля 1814 года. Этими людьми были Коленкур, друг и чрезвычайный посол потерпевшего поражение императора, и царь Александр, его самый могущественный противник. К великому огорчению тех, кто хотел извлечь выгоду из великого крушения, им суждено было встретиться.

Эта встреча являлась последней надеждой Наполеона на сохранение династии. Если эта ниточка оборвется — Талейран и многие другие были уверены, что это случится, — все надежды дома Бонапартов будут разрушены. Все обаяние Коленкура и его способность убеждать не могли помочь На-

полеону сохранить власть над государством — это было ясно всем — но посланник императора рассматривал возможность того, что через четырнадцать лет на французском троне мог оказаться наследник. Коленкур был честным и преданным своему долгу человеком. По дороге к сигнальным огням казачьих и уланских частей, разбивших бивуаки на дальнем берегу Сены, он решил сделать все, что будет в его силах, чтобы помочь человеку, которого искренне любил и уважал.

Его приезд в столицу был сопряжен с одной трудностью. Заградительные пикеты имели строгий приказ заворачивать обратно любого посланника Наполеона, и присутствия Коленкура боялись более всего, поскольку, будучи некогда послом Франции в Москве*, он имел хорошие отношения с царем. Если бы не случайная встреча с Великим князем Константином, братом монарха, Коленкуру пришлось бы возвращаться в Фонтенбло, не выполнив своей миссии. Константин узнал дипломата и проводил его туда, где союзники устроили совещание и где в то время находился царь, на Елисейские поля. Здесь, вымотанный трудностями дороги, он был препровожден в маленькую комнатку, которую Наполеон использовал в качестве рабочего кабинета в те времена, когда здесь была его резиденция. Стол был все еще завален картами России. Коленкур, будучи человеком тактичным, сжег их, после чего прилег на диван. Теперь он был уверен, что царь примет его, и оказался прав. Александр узнал о прибытии посла и согласился дать ему личную аудиенцию.

Начало было обескураживающим. «Вы прибыли слишком поздно, — в доброжелательном тоне сказал царь, — все кончено. Сейчас я не могу сказать вам ничего». Коленкур настаивал, и в какое-то мгновение у него появилась надежда. То, что происходило дальше между этими людьми, в точности неизвестно. В последующие годы оба участника этой беседы хранили молчание. Известно лишь, что Коленкуру удалось убедить Александра в том, что, несмотря на невозможность сохранить личную власть для Наполеона, наследником пре-

* На самом деле Коленкур был послом Франции в Петербурге.

стола может быть его сын. У француза на руках были две сильные карты. Одной было то, что царь колебался (а в течение года эти сомнения превратятся в уверенность) относительно того, что французский народ действительно желает видеть своим монархом Бурбона, и того, что Талейран и его приспешники либо лгут, либо значительно искажают картину действительности. Другой — опасения того, что Наполеон сможет продолжать войну либо из Лотарингии, как он планировал, либо на юге, в районе Луары. Коленкур играл очень умело, и после их встречи в уме царя все эти опасения сохранились, если не увеличились. Талейрану, Пруссии и Британии пришлось тяжело поработать для того, чтобы Александр принял предлагаемые ими условия окончания войны. Коленкур выехал в Фонтенбло с надеждами на успех.

Тем временем ход событий все ускорялся. 1 апреля было создано Временное правительство под общим руководством Талейрана. Состав этого правительства поверг в отчаяние всех патриотов Франции. Бурьенн, люто ненавидевший Наполеона, стал начальником почт. Аббат де Прадт, назначенец Талейрана и первый, кто встретил Наполеона в Варшаве на первом этапе его пути из России, стал председателем Почетного Легиона. Генерал Дюпон, чье постыдное предательство в Байлене* привело 8000 французов к смерти и голоду в лагере для военнопленных на пустынном острове, стал военным министром. Остальные, за редким исключением, были ничтожествами, выражающими либо искреннюю, либо притворную симпатию Бурбонам.

На следующий день, 2 апреля, Сенат опубликовал декрет, в котором Наполеон был обвинен практически во всех преступлениях, которые мог совершить глава государства; подобные обвинения могли бы быть предъявлены императору Рима преторианской гвардией, прежде чем убить его. Наполеона обвиняли даже в том, что он оставлял без помощи раненых и намеренно вызвал в стране голод и болезни. В тот

* Байлен — город в Испании, где 19 июля 1808 года испанская армия численностью 20 000 человек под командованием Кастаньоса вынудила Дюпона сдатьсь.

же день Муниципальный совет открыто призвал в страну Бурбонов и потребовал у всех маршалов и генералов, оставшихся верными Республике, прекратить войну под трехцветным знаменем. В качестве приманки им обещали сохранение пенсий в прежнем размере, званий, знаков отличия и титулов. Никому и в голову не пришло, что сохранение таких титулов, как «Принц Московский» или «Герцог Данцигский», звучит абсурдно; не задумались об этом не только те, кто получил эти титулы, разбивая армии правителей, выпустивших этот манифест, но и сами эти правители.

События и персонажи на политической сцене Парижа менялись ежечасно. Когда Коленкур вернулся в Фонтенбло 2 апреля, его оценка ситуации уже безнадежно устарела. Впрочем, это не помешало ему объявить Наполеону, что единственной надеждой остается надежда на регентство при малолетнем сыне. Но к этому времени так думал только он один. Ней уже пробурчал в присутствии Наполеона, что только отречение может спасти их, а остальные, включая таких преданных людей, как Лефевр, Удино и Макдональд, предлагали друг другу послать депутацию с требованием исполнения этого решения.

Но даже теперь, когда во Франции находилась полумиллионная армия захватчиков, военное положение не было безнадежным. После марша в пятьдесят лиг за три дня из Труа пришли остатки Великой армии. Сколько раз с меньшими силами Наполеон совершал чудеса?! Войска беспокоились, но не были в отчаянии. Все чины, начиная с полковника и ниже, продолжали доверять Наполеону, любовь к нему среди солдат не уменьшилась. Все ждали от императора очередного мастерского трюка теперь, под стенами Парижа. Но надежда покинула сердца генералов и маршалов. Генерал Жерар, беседуя с Макдональдом, сказал, что состоятельные люди в штабе Наполеона боятся, что в случае продолжения сражения за Париж город будет предан огню, как Москва в 1812-м. Макдональд обещал передать императору эти опасения, как только ему удастся его увидеть.

Тем временем декрет Временного правительства, освободивший армию от присяги, данной императору, начал свою разрушительную работу. Первым в сети попал человек, занимавший ключевое положение в армии Наполеона. Талейран редко ошибался в том, кому и что пообещать для исполнения своих целей. Не ошибся он и на этот раз. Нужным человеком, по его мнению, был Мармон, герцог Рагузский, старейший друг Наполеона и один из тех, кому император доверял больше всех.

В это время репутация Мармона была достаточно высока. Позади десятилетия преданной службы и близкой личной связи с Наполеоном, корнями уходящей ко времени их совместной учебы в Военной школе. В битве за Париж маршал проявил удивительное личное мужество. Ему удалось получить от победоносных союзников на редкость выгодные условия сдачи города. То, что происходило в эти дни в душе Мармона, можно частично понять, сравнив воспоминания людей, которые в те дни пытались склонить его к нарушению клятвы верности императору Франции, с воспоминаниями его друга Макдональда, который был, пожалуй, самым беспристрастным свидетелем происходящих событий. Мармон начинал видеть себя в роли генерала Монка, полагая, что ему удалось примирить гражданские и военные интересы истощенной войной Франции, завоевать благодарность соотечественников и славное имя в истории. Как и Макдональд, Ней и другие маршалы, Мармон был истощен физически и морально. Его тело было покрыто шрамами, полученными за время службы, а душа устала от войны. Он не видел никаких перспектив в продолжении правления Наполеона. Мужество этого человека в Фер-Шампенуазе и на подступах к Парижу ни к чему не привело. Теперь было совершенно ясно, что царь не собирается отдавать Париж на разграбление своим дикарям. Не менее ясно было и то, что многие влиятельные представители французского высшего света готовились к реставрации Бурбонов в качестве платы за мир. Встретившись с Наполеоном после возвращения последнего в Фонтенбло вместе с квартирмейстером Мортье,

Мармон выслушал от императора благодарность за мужество, проявленное в сражении с превосходящими силами врага на Монмартре и в других столичных пригородах, но что стоила эта благодарность человека, который находился теперь на крошечном островке посреди океана врагов? Сидя в Эссонне со своими храбрыми четырнадцатью тысячами солдат, Мармон не видел смысла в продолжении борьбы, и к тому времени, когда посланник Временного правительства прибыл в его расположение с письмом, в котором находился призыв его старого друга Бурьенна, его вера в Наполеона была на самом исходе.

Талейран снова доказал свое двуличие. Авторами двух писем к Мармону были старые друзья, Бурьенн и генерал Дессоль, но третье, куда более важное письмо было написано генералом Шварценбергом. Все три послания делали упор на патриотизм и честь. В них предлагалось Мармону в качестве доказательства утраты армией веры в Наполеона перейти со всеми подчиненными ему войсками в лагерь противников императора. Сделав это, он показал бы всей Франции, что Бурбонов хотят видеть на престоле не только гражданские лица, но и те, кто создавал славу французского оружия за ее границами. Этот шаг предотвратит гражданскую войну в стране и создаст условия для действительного, а не мнимого мира, так необходимого народу, истощенному амбициями Наполеона.

Долг Мармона как солдата был ясен. Он должен был сжечь письма так же, как Евгений сжег те, что посылались ему, а посланного к нему Монтессю отправить без ответа. Но Мармон этого не сделал. Он стал рассуждать не о своем долге воина, а о своем долге гражданина своей страны. Был ли смысл продолжать кровопролитие, когда исход сражений уже ясен? Он сомневался и в конце концов написал ответ, в котором давал согласие начать переговоры. Торжествующий Монтессю направился к своим хозяевам. Конец династии Наполеона был предрешен.

Письмо Бурьенна дошло до нас полностью. Оно представляет собой призыв к Мармону решиться на то, чтобы сказать одно-единственное слово, которое спасет Францию. В

нем были и такие строки: «Ваши друзья ожидают вас, и я верю, что скоро смогу обнять вас». Генерал Дессоль писал практически то же самое, а Шварценберг обещал беспрепятственный выход маршала с подобающими воинскими почестями и всеми его солдатами в Нормандию. Он также гарантировал Мармону в случае его перехода на сторону союзников «жизнь и свободу на территории, выбранной союзными силами и французским правительством».

2 апреля, через два дня после инцидента на почтовой станции, когда Наполеон узнал о сдаче Парижа, император снова был самим собой и занялся оценкой сложившейся ситуации. Государственные апартаменты в замке Фонтенбло не были открыты, поэтому Наполеон расположился в частном доме. Он разложил на столе карты и принялся манипулировать фигурами и расстояниями. Он все еще не признавал своего поражения и чувствовал себя в состоянии повернуть судьбу в очередной раз. Судя по свидетельствам очевидцев, этот самообман ему вполне удался — и в этом он повторял поведение всех находящихся на грани падения диктаторов прошлого. Но ему не удалось передать своего воодушевления и веры в успех никому. Никому, даже молчаливому Бертье, который наблюдал за близким другом и руководителем, как врач наблюдает за поведением помешанного. У меня, говорил Наполеон, есть три пути. Первый — это путь на восток. Можно прервать коммуникации союзников, то есть сделать то, что было намечено неделю назад. Второй путь — пересечь Луару и начать войну из Центральной Франции, где больше шансов набрать новых солдат и обеспечить их всем необходимым. Третья возможность — собрать все имеющиеся на сегодня силы и выбить врага из Парижа. Сам император склонялся именно к этому последнему варианту, успех которого доказал бы его силу, решительность и мужество и привел бы к самому быстрому решению всех проблем. За стенами дома, где составлялись планы будущего, стояли ветераны, пытавшиеся согреть себя под лучами весеннего солнца. Именно они должны были по плану

своего предводителя добровольно идти в ад по первому его слову. Но они не были его единственной силой. На расстоянии нескольких маршей располагались гарнизоны Санса, Блуа, Тура и Орлеана, всего восемь тысяч солдат; немного дальше был Сульз с 40-тысячной армией (Наполеон, возможно, просто не принимал в расчет Веллингтона), Сюше с 15 тысячами уже возвращался во Францию из Испании, был еще Ожеро с 16 тысячами (его предательство еще не было известно в императорской штаб-квартире) и генерал Мэзон с 20 тысячами на севере. Можно было рассчитывать на гарнизоны Антверпена и рейнских городов, впрочем, было неясно, как они могли добраться до Фонтенбло. Никто не мог дать ему совета, поскольку никакого возможного решения просто не было. Ней дал императору парижскую газету, полную славословий и призывов восстановить династию Бурбонов. Наполеон бегло просмотрел листы и сказал, что все это чушь, не соответствующая действительности. Днем вернулся из Парижа Коленкур, но его героическая миссия не заслужила никакой похвалы императора. Более того, он в столь резком тоне сделал выговор своему верному эмиссару, что позже ему пришлось извиняться за это. Его поведение перед началом марша на Париж было столь неестественным, что маршалы стали сомневаться относительно здравого рассудка императора.

3 апреля Наполеон сделал смотр войскам во дворе Большого дворца, на котором был встречен криками приветствия батальонов Старой и Молодой гвардии. В парадном мундире император шагал между рядов своих самых верных солдат, сопровождаемый утрюмыми маршалами — Неем и старым Монсеем, который выскользнул из Парижа во время краткого перемирия, подписанного им и Мармоном. Но это был уже театр теней, и среди тех, кто хорошо это видел и понимал, был Макдональд. Именно шотландец оставил подробное описание спектакля, происходившего в тот день в Фонтенбло. В его кармане находилось нечто, что стало добавлением к описанию. Он вышел из строя.

Наполеон весело приветствовал своего маршала:

«Добрый день, герцог Тарентский. Как вы себя чувствуете?»

Герцог Тарентский ответил, что опечален. Происходящее начинало не только выглядеть как спектакль, но уже и звучать. Макдональд сказал, что он ошеломлен и унижен известием о взятии Парижа, но прежде, чем Наполеон смог сказать, что собирается исправить ситуацию и идти на столицу, маршал со свойственной ему прямоотой добавил, что войска не желают подвергать Париж опасности разделить судьбу сожженной Москвы. Далее он дал красочную картину физического и морального состояния солдат и высказал предположение, что может произойти, если эти истощенные и сломленные люди встретят превосходящие силы противника на поле боя. «От себя, — закончил он, — я заявляю, что моя шпага никогда не станет орудием убийства француза. И, как бы ни строились планы в этой несчастливой войне, она не должна стать началом войны гражданской!»

Ко всеобщему удивлению, вспышки императорского гнева в ответ на эти слова не последовало. Наполеон не разразился потоком упреков, не стал приводить факты и цифры, демонстрирующие его силу и возможности. Он остался спокойным и холодным, хотя то, что сказал Макдональд, можно было рассматривать только как бунт. Макдональд воспользовался минутой и вытащил из кармана письмо, которое только что получил. Это было письмо со сломанными печатями Мармона. Оно было подписано Бернонвиллем, членом Временного правительства, и предназначалось высшим офицерам армии. В этом правительственном циркуляре объявлялось, что союзники, не желающие зла ни одному французу, не сядут за стол переговоров с Наполеоном. Далее говорилось, что Франция получила Конституцию по английскому образцу, которую уже одобрил Сенат. Император передал письмо Маре, который прочитал его вслух. Когда Маре закончил читать, Наполеон обернулся к Макдональду и поблагодарил его за доверие. «Вы можете не сомневаться в этом», — ответил шотландский клансман*.

* Представитель рода (клана) в Шотландии.

Не часто бывает так, что военные, собирающиеся обсуждать вопросы будущих предприятий, понимают, что они вершат историю. Однако те, кто находился в эти весенние дни в Фонтенбло, стали исключением из этого правила. Они знали, что произойдет в последующие часы или даже минуты, и то, что произойдет, станет будущим Франции, а возможно, определит и всю европейскую историю девятнадцатого века. И они не ошиблись. Каждый из присутствующих реагировал на эту ответственность, ощущаемую всеми, в соответствии со своим темпераментом. Совещение, начавшееся столь случайным образом, неожиданно стало событием, важности которого никто не мог предполагать заранее, но теперь ясно осознавали все. Макдональд был холоден и подчеркнуто вежлив. Ней покраснел еще больше и был близок к гневу. Лефевр, столь же возбужденный, настаивал на том, что требуется предотвратить повторение террора. Монсей, возможно, вспомнив, что является сыном присяжного поверенного, владел своими чувствами и словами. Один Удино, солдат, привыкший идти впереди всех под вражескими пулями, чувствовал, что в начавшемся испытании воли и характера находится вне игры и что ему нечем проявить себя. Два гражданских лица, Коленкур и Маре, были в смятении, поскольку чувствовали себя лишними среди руководителей армии, их лица были неестественно бледными. Полноватый человек в мундире теперь был перед лицом окончательного поражения, которое еще никогда не подступало к нему так близко. Бертье, человек, находившийся неотлучно при Наполеоне с того самого дня, когда весной 1796 года был назначен главой его штаба, хранил молчание. Это заметили все. Он безмолвно следил за ходом дискуссии, выражая свое мнение только глазами. За все эти двадцать лет Александр Бертье никогда не принимал ответственных решений, тем более решений политических. Все, что он делал, и делал безошибочно, было лишь координированием, а не принятием решений. Будучи по чину выше всех присутствующих в том, что касалось технического исполнителя воли и разума императора, в этот

момент он оказался в стороне, и события развивались без его участия. Он казался часовым, стоящим у двери.

Реакция Наполеона на письмо Бернонвилля не была бурной. Он не верил ни этому письму, ни тому, что писали парижские журналисты. Он снова обратился к вопросу концентрации всех сил для атаки Парижа. Но, понимая, что ему вряд ли удастся удержать около себя всех своих подчиненных, он рассчитывал обратиться напрямую к армии. Это он и высказал окружившим его маршалам. На сей раз Ней не смог сдержать свой темперамент. «Армия, — закричал он, — не выступит! Армия подчиняется своим командирам!»

В любой другой день подобная выходка привела бы к такому взрыву, который очистил бы всю залу, но 3 апреля единственной реакцией было молчание, на несколько секунд повисшее в воздухе. Затем Наполеон спокойно сказал: «Что же вы предлагаете делать мне?»

Этот вопрос был обращен ко всем. Ответ последовал незамедлительно: «Отречься в пользу вашего сына». Это, по мнению всех присутствующих, было единственным способом спасти Империю, и все, кто находился в этот момент в зале, почувствовали важность момента, как для себя лично, так и для судьбы Франции. Эти люди не хотели восстановления династии Бурбонов. Для более молодых из них Бурбоны были всего лишь изгнанниками, людьми, живущими в чужой стране. Для более старых, таких как Лефевр и Монсей, династия Бурбонов означала возвращение к привилегиям аристократии и к ретрибуциям. Регентство, которое обещало быть долгим, давало им надежду спокойно и не теряя своих заслуг дожить до старости в мире и достатке.

«Хорошо, господа, если это должно свершиться, я отрекись, — сказал Наполеон. — Я пытался сделать Францию счастливой, но мне это не удалось. Я не желаю увеличивать наши несчастья. Но что будете делать вы, когда я отрекись? Вы признаете короля Римского моим наследником, а императрицу — регентшей?»

Вся группа как один человек с воодушевлением подтвердила это, и Наполеон сказал, что сейчас же будет послана депутация в Париж. Император избрал для исполнения этой миссии Нея, Мармона и Коленкура и спросил присутствующих, согласны ли они с этим выбором. Возражений не последовало, и все ощутили себя уволенными со службы. Впрочем, этот момент стал моментом и общего примирения. Среди всех присутствовавших только Наполеон сохранял полное самообладание. Остальные поодиночке или группами входили и выходили из залы, давая императору возможность собственноручно написать отказ от продолжения дела всей его жизни.

Это был краткий и величественный документ: «Поскольку союзные державы провозгласили, что император Наполеон является единственным препятствием к установлению мира в Европе, император Наполеон, верный своей присяге, объявляет, что готов отказаться от трона, покинуть Францию и, если необходимо, лишиться жизни ради блага своей страны, блага, неразрывно связанного с правами его сына, правами регентства императрицы и законами Империи». Бумага была датирована 4 апреля.

Последовало одно небольшое изменение в составе депутации. Вместо Мармона был назначен Макдональд. Мармон был в штаб-квартире в Эссонне, и, кроме того, Наполеон решил пощадить своего старейшего друга, «который вырос в моей палатке», от унижения, связанного с доставкой документа в лагерь врага. Впрочем, трое посланников могли по своему усмотрению заехать в Эссонн и включить Мармона в свое число, если последний пожелал бы этого.

III

В период между падением Парижа и безусловным отречением Наполеона заговорщики носились по Парижу, словно мухи над навозной кучей. Мармон в своих попытках повторить роль генерала Монка был на редкость непоследова-

тельным и неловким. И ни одна интрига, которых было немало проведено в эти дни, не повлекла за собой столько пересудов и толков в последующие годы.

Ней, Макдональд и Коленкур прибыли в штаб-квартиру Мармона в 4 часа утра 4 апреля. Объявление об их прибытии вызвало такой переполох, что императорские посланники сразу же почувствовали, что события развиваются вовсе не так, как все они предполагали. Миссия застала Мармона и пятерых генералов, которых ему удалось склонить на свою сторону, в двусмысленном положении. Переговоры со Шварценбергом были практически завершены, и теперь предатели должны были претворять в реальность свою готовность сдаться противнику или рисковать быть расстрелянными как дезертиры. Еще не зная ничего о том, что происходит в Фонтенбло, Мармон исповедовался и совершил молитву, так что его подчиненные могли вполне убедиться в его приверженности церкви. Он не сказал своим бывшим товарищам по оружию ничего об окончании своих переговоров со Шварценбергом, и когда Ней прямо спросил его, подписал ли он какой-либо документ, Мармон патетически воскликнул: «Нет!» Ней, честный и простой человек, поверил в искренность Мармона, но Коленкур, опытный дипломат, сразу понял смысл того, что Мармон назвал «пониманием» союзников. Это грозило разрушить все перспективы предпринятой миссии Наполеона. Если Мармон, старейший друг императора, был готов дезертировать, чего еще могли бояться союзники от остатков Великой армии?

В отчаянии он и Макдональд с помощью Нея, который, впрочем, оказался не лучшим помощником в этой ситуации, попытались исправить положение, сделав все, что было в их силах. Мармон не согласился написать решительное письмо Шварценбергу с отказом сдачи, сказав, что уже принял решение. Также он не откликнулся и на предложение задержать австрийского посланника, находившегося в этот момент в лагере под предлогом того, что Мармон вызван в Фонтенбло. Третье предложение Коленкура — чтобы Мармон

присоединился к делегации и лично сказал Шварценбергу о том, что исполнить первоначальный план не представляется возможным, — было наилучшим из всех, поскольку только оно спасало Мармона от гнева императора. Мармон сумрачно вскарабкался в карету Макдональда, которая ехала вслед за той, где сидели Ней и Коленкур. В штаб-квартире Мармон оставил пятерых бесславных генералов — Суама, своего заместителя, Менадье, начальника штаба, Мерлена, Дижона и Ледрю дез'Эссара. Суам получил указание оповестить войска Наполеона об отречении императора, но оставаться на месте, невзирая на то, от кого поступит приказ начать хоть какое-либо движение.

Для Макдональда, близкого друга Мармона, это была не самая приятная поездка. Герцог Рагузский был явно испуган во время этого путешествия ради спасения династии, которую уже предал. Ехавшие впереди него Ней и Коленкур имели достаточно времени, чтобы поговорить и обсудить друг с другом поведение Мармона, в карете же Макдональда царило молчание. Когда процессия достигла замка Пти-Бурж, штаб-квартиры Шварценберга, Мармон по совету Макдональда продолжал оставаться в карете. Шотландец вышел и присоединился к своим товарищам. Затем все трое лично предстали перед австрийским генералом, которому высказали свое желание как можно быстрее иметь аудиенцию царя.

С этого времени Мармон был исключен из состава миссии в качестве доверенного посла императора. Когда три посланника объясняли Шварценбергу свое появление, австрийского генерала неожиданно вызвали. Он вернулся спустя пятнадцать минут, и с ним был Мармон. Трое французов сразу заметили, что с Шварценбергом стоял совсем другой человек, нежели тот, кого они оставили в карете перед замком. Он уже не выглядел испуганным, но был довольным и улыбался. Было видно, что он сделал окончательный выбор и получил отпущение грехов за свое полусогласие сдаться. Каковы были обстоятельства этого события, осталось неизвестным будущим поколениям. Каждый участник его рассказы-

вал историю, которая отличалась от свидетельств других. Некоторые рассказы (в том числе самого Мармона) оправдывают Мармона или, по крайней мере, освобождают от обвинений в ведении двойной игры. Другие, и таких большинство, считают его поступок подлым, а самого Мармона — действующим по своему собственному расчету, сознательно перерезающим последнюю нить, связывающую Францию с наполеоновской династией.

Вряд ли можно считать благодарным делом выстраивание предположений о том, что делал Мармон после того, как Макдональд оставил его, измученного и одинокого, в карете, привезшей посланников императора из Эссонна в Пти-Бурж. Он мог быть освобожден от своих обязательств Шварценбергом. Также не исключено и то, что Мармон мог отправить секретное послание Талейрану, который был в курсе всех дел, свершавшихся в этот день, уже к девяти часам вечера. Он мог совершить и гораздо более худшее: послать приказы своему подчиненному — генералу Суаму — направить войска в Париж для сдачи союзникам. Точно мы знаем лишь то, что его настроение резко изменилось за очень короткий промежуток времени и что именно он сообщил своим бывшим товарищам-маршалам и Коленкуру (которые некоторое время никак не могли поверить словам, слетавшим с его уст), что Шварценберг не может принять предлагаемые союзникам условия отречения Наполеона.

Царь не спешил принять депутацию. Он знал, как далеко продвинулись переговоры Мармона с Шварценбергом, и ему требовалось время, чтобы оценить сложившуюся ситуацию. Поздним вечером Талейран, чьи железные нервы были расстроены опасениями, что Александр может предпочесть регентство, использовал все имеющиеся в его распоряжении аргументы, чтобы убедить царя в том, что Франция настроена роялистски, но все доводы интригана не смогли достичь цели, во всяком случае, сам Талейран не смог увидеть плодов своих трудов. Ночью депутация была официально принята

царем в доме Талейрана. Знаменательно было то, что Мармон не был в числе ее участников. Он скрылся на сей раз в доме Нея на Рю де Лилль.

Встреча началась с обмена любезностями. Александр сказал, что он поражен тем мужеством, с которым маршалы защищают Францию, особенно отметив героизм призывников Пакто в битве при Фер-Шампенуазе. Маршалы вернули царю комплимент, признав великодушие монарха и достойное поведение его оккупационного войска. Далее обе стороны перешли к делу. Макдональд был среди троих депутатов самым красноречивым и последовательным. Маршалы и Коленкур делали упор на том, что армия не только остается верной Наполеону, но и готова в самое ближайшее время совершить контратаку с целью отбить Париж у союзников. Царь, без сомнения, был впечатлен этой перспективой. После долгого обсуждения, в котором, казалось, императорские посланники имели инициативу, царь сказал, что должен встретиться для обсуждения сложившейся ситуации со своими союзниками. Ответ он обещал дать на следующее утро.

После окончания аудиенции Ней, Макдональд и Коленкур встретили у выхода членов Временного правительства, в числе которых был автор письма, переданного Макдональдом Наполеону, Бурнонвиль, а также Дюпон, новый военный министр, который в 1808 году был разжалован после позорной сдачи Байлена. Этой возможностью нельзя было не воспользоваться, и Макдональд едко прошелся по прошлому и настоящему обоих лидеров новой Франции. Раздались возмущенные голоса, и, казалось, ссора была неизбежна, но Коленкур, напомнив, что они находятся в резиденции царя, предложил перенести выяснение отношений в другое место. «Какой в этом прок?! — воскликнул негодующий шотландец. — Мы с Неем не признаем это Временное правительство». Впрочем, все трое направились в дом Нея, где их ждал Мармон.

На следующее утро три маршала и Коленкур сели завтракать вместе, но завтрак вскоре был прерван. Адьютант

Мармона Фабье в чрезвычайном волнении вошел в столовую, и маршал поднялся из-за стола, чтобы услышать новости. Когда он вернулся, то был бледен, а черты его лица были искажены, как и в минуту, когда посланники императора предлагали ему в Эссонне разделить с ними поручение. «Весь мой корпус перешел на сторону врага этой ночью, — сказал он. — Я отдал бы руку, чтобы этого не случилось».

«Лучше скажи — голову! — закричал Ней. — Это не было бы слишком дорогой ценой!»

Мармон схватил свою шпагу и вышел, не ответив. Его товарищи растерянно глядели друг на друга. Единственный козырь, который оставался еще у них на руках, был бит.

Предательство 6-го корпуса Мармона в его отсутствие является еще одним необъяснимым фактом в истории этой столь наполненной событиями недели. Если признать, что Мармон был невиновен, то человеком, на котором лежит ответственность за то, что исчез последний шанс повлиять на царя и выторговать у него регентство, был Суам, оставшийся после отъезда Мармона старшим в Эссонне. Возможно, он действовал по собственной инициативе, вопреки приказам своего командира. Возможно, но, ввиду поведения Мармона в следующие несколько часов, эта возможность сомнительна.

Зная, что в случае успеха миссии посланников Наполеона ему и его четырем братьям-офицерам грозят самые строгие кары вплоть до расстрела, сложно понять столь странное нетерпение Суама. Когда цепочка курьеров прибывала из Фонтенбло с короткими промежутками во времени и требовала от Мармона или его преемника немедленного прибытия в главную штаб-квартиру, его беспокойство переросло в панику. Созвав дивизионных командиров, Суам сказал, что они должны действовать вместе и без промедления. Его предложение заключалось в том, что войска должны идти в Версаль, тем самым выполняя первый пункт соглашения Мармона с врагом. Казалось, что дивизионные командиры были согласны, и ранним утром, еще до рассвета, войска были

подняты на марш. Сначала солдаты решили, что началась атака Парижа, но это предположение не подтвердилось. Они прошли между рядами русской и баварской кавалерии, которые наблюдали за проходящими французами, не пытаясь атаковать. Когда лучи солнца осветили землю, известие о том, что 6-й корпус идет сдаваться, стало передаваться по рядам из уст в уста. Колонны остановились. Солдаты и младшие офицеры были возмущены. Целые группы пытались остановить движение, целое соединение поляков отделилось от корпуса и повернуло назад, к Фонтенбло. К тому времени, как основные части корпуса достигли Версаля, он весь был на грани мятежа. Был даже брошен клич повесить генералов-предателей.

Эта напряженная ситуация была спасена прибытием Мармона, который сломя голову примчался к своим войскам из Парижа. Солдаты любили маршала, и его неистовая речь предотвратила мятеж. Неизбежное, убеждал он солдат, надо принять как должное. Наполеону конец, его династия обречена. Солдаты же должны остаться верными Франции. Мрачно, еще не веря до конца словам своего полководца, корпус разбил бивуак в Версале. 14 000 защитников Франции были окружены здесь тремя армиями великих держав.

Вернувшись в дом Нея на рю де Лилль, депутация нашла лишь единственный проблеск надежды на успешное выполнение миссии. Если им удастся склонить царя к принятию регентства до того, как известие о дезертирстве 6-го корпуса достигнет его слуха, можно будет надеяться на исход, удачный для дела спасения династии. Они спешно бросились к дому Талейрана, где Александр снова дал им аудиенцию и вежливо и терпеливо выслушал все аргументы, которые они уже предъявляли ему во время первой встречи. На этот раз вместе с царем находился король Пруссии Фридрих Вильгельм, а по другую руку собрались смущенные члены Временного правительства. Все эти люди оказались бы полностью уничтоженными, если бы царь высказался в пользу регентства.

Собравшимся в зале можно было не спешить. Дискуссия все еще продолжалась, когда вошел адъютант и что-то сказал

царю по-русски. Коленкур смог услышать лишь одну фразу: «Герцог Рагузский...», которая объяснила ему, что игра закончена. Царь ненадолго вышел из комнаты для консультации со своими помощниками. Когда он вернулся, посланники императора поняли по его виду, что их миссия не увенчалась успехом. Они покинули резиденцию и стали собирать вещи, чтобы как можно скорее вернуться в Фонтенбло. Для того чтобы они могли беспрепятственно довести до конца свою миссию, царь обещал сорокавосьмичасовое перемирие.

Мармон остался в стане противника. «Мужество Мармона спасло всех!» — ликовал Бурьенн, комментируя события этих дней многие годы спустя. Так оно и было для судьбы самого Бурьенна, а также Талейрана и всех других французов, которые получили от Наполеона власть для того только, чтобы предать интересы своего правителя при первом удобном случае. Но большинство французов поколения первой четверти девятнадцатого века не разделяли мнения этой кучки новоявленных государственных честолюбцев. Вскоре после событий этого злосчастного дня во французском языке появилось новое слово — «рагузе», означающее — предать.

Историки терпеливо исследуют события, составляя научное мнение относительно фактов, но общественное мнение выносит свой вердикт, который может отличаться от научного. В 1940 году в Норвегии также вошло в оборот новое слово, которое имело схожее значение. К 1945 году это слово стало употребляться во всех языках Запада. Это слово — «Квислинг»*.

* Виджун Квислинг (1887—1945) — организатор и руководитель фашистской партии в Норвегии; в 1940 году содействовал захвату страны Германией, сотрудничал с оккупантами в качестве премьер-министра; это имя стало нарицательным для обозначения предателей.

ГЛАВА 15

ГОСТЬ ЕВРОПЫ

I

Распад Империи Наполеона можно сравнить с тем, как распадается на берегу моря замок из песка, построенный ребенком. Бумажные крепости и спичечные стяги пали, а башни разрушены и сметены с поверхности. Или это было похоже на то, как стальные иглы, удерживаемые слабым магнитом, отрываются от него под воздействием более сильного магнита. Но, пожалуй, самым точным и красочным описанием этого распада будет картина тонущего государственного корабля, который сбрасывает свой груз старых рантье, искателей должностей, чиновников, концессионеров, изменников родины — и в конце концов остается лишь горстка решительных офицеров, управляющих обезумевшими людьми на нижней палубе погибающего судна.

Государственный корабль шел ко дну, он час за часом все более погружался в воды измены, и все попытки остановить погружение, предпринимаемые теми, кому удалось выжить, были жалки и болезненны. Менее года назад предательство Бернадота и Мюрата разлучило навсегда бывших товарищей по оружию. Когда пала Саксония, предательство стало всеобщим, оно совершалось и правителями, и народами этих правителей. В редких случаях, например в Саксонии и Вюртемберге, измена была вынужденной, и правители не потеряли своего достоинства, меняя хозяина, — к этому их вынудили обстоятельства (Саксонию вынудила к отпадению от Наполеона победа союзников в Лейпциге), а не личная корысть и честолюбие. В новом году люди, которые окружали Наполео-

на, привыкли к тому, что теперь они сражаются в одиночестве. Один за другим союзники и марионеточные короли отпадали от служения интересам Империи и переходили на службу к монархам. Постепенно вирус предательства проник и во Францию. Теперь наступил момент кризиса болезни.

Кульминация процесса наступила после того, как союзники вступили в пригороды Парижа. Понимание конца Империи — вот чем был ночной поход корпуса Мармона из Эссонна в Версаль. Весть о том, что поход корпуса был сдачей врагу, с быстротой молнии облетела ряды солдат. Это было самое худшее из того, что они могли ожидать. Когда истинное положение 6-го корпуса стало известно глубоко на территории вражеских войск (куда он прошел с оружием в руках), даже самые верные приверженцы Империи стали думать больше о личной сохранности, нежели о проявлении патриотических чувств. Случилось невероятное — человек, перед которым все трепетали и от встречи с которым на поле боя уклонялись, даже обладая численным превосходством, пал, неспособный более сделать ни одного выстрела. Более того, он не мог ничего обещать людям, которые еще продолжали верить в него. Что могли предпринять в сложившейся ситуации эти люди? Единственное, что можно было сделать, это попытаться понять, что именно может ожидать лично их в изменившихся условиях. После того, что сделали Бернадот, Талейран и лучший кавалерийский командир в мире Мюрат. А если к Мюрату присоединится еще один, храбрый из храбрых, князь Московский? И действительно, через час после осуждения предательства Мармона Ней уже раздумывал, хватит ли у него карт попасть в масть.

Весть о предательстве Мармона принес в Фонтенбло один из адъютантов Мортье. Новость настолько удивила императора, что он не мог ей поверить. Впрочем, Наполеон не потерял способности рассуждать трезво, как это произошло тогда, когда он встретил отступающие из Парижа войска. К этому времени он уже научился спокойно принимать предательство, зная, что теперь оно таится на самых верхних ступенях власт-

ной пирамиды его Империи и что вероятность предательства находится в прямой зависимости от количества привилегий, почета и власти, которые он сам же и распределил между своими подданными. Люди, которые ничем не были ему обязаны, могли еще ему подчиняться, они могли даже начать гражданскую войну, но все другие или почти все, кто от Наполеона получил звания, должности и богатство, использовали теперь свою власть для того, чтобы как можно скорее освободиться от обязательств перед ним. И делали это прямо по правилу золотого сечения: чем больше они имели, тем настоятельнее была для них необходимость в этой свободе, и эта аксиома снова и снова подтверждалась в последние месяцы. Мюрат был женат на сестре императора и от него получил итальянский трон. Бернадота избрали королем Швеции благодаря репутации, завоеванной им в качестве одного из военачальников Французской армии Наполеона. Мармон был его ближайшим другом в продолжение более чем двадцати лет. Политики, составляющие в эти дни послание с приглашением к Людовику XVIII, в подавляющем большинстве были спасены им от смерти в пучине революционного террора. Теперь вода вокруг императорского корабля была черна от голов выпрыгивающих с него людей самого высокого ранга. Император наблюдал эту возню со стороны и объективно. Она не вызывала у него приступов гнева, он не задавал себе риторических вопросов о причинах поведения тех, кто был столь многим ему обязан. Наполеон не вопрошал о чести, благодарности или верности присяге и гражданскому долгу. Вместо этого мы с удивлением можем наблюдать в поведении Наполеона в эти дни нотки философского отношения к жизни и человеческой природе. Станным образом императора забавляли происходящие в кругу его друзей и сподвижников события. Он испытывал неподдельный интерес, и выводы, которые он для себя делал, складывались не в моральные термины тщеславия, неблагодарности или низости, а в некий математический результат. Иногда результат удивлял его, но чаще всего — нет. Из всех, кто был рядом, полного доверия заслуживали только еди-

ницы. Среди остальных одни колебались больше, другие — меньше, поджидая удобного случая, чтобы сменить хозяина. Но большинство самостоятельно нашло выход из затруднительного положения, как это сделал Мармон. «Теперь можно рассчитывать только на тех солдат и офицеров, которые не стали герцогами, — сказал император, когда разрыв линии отхода корпуса Мармона был заделан. — Всех остальных мне следует отправить по домам и начать войну с мужественными молодыми солдатами, ничем себя не запятнавшими»

Таких еще оставались тысячи, но они не носили генеральских эполет. Двадцать пять тысяч преданных солдат Империи разбили бивуак в лесах около замка, но их начальники уже не были с Наполеоном, предпочтя приспособляться к фактам, которые ежечасно доставляли в штаб-квартиру многочисленные курьеры, депутации и комиссионеры, прибывавшие и днем и ночью. Имена этих людей были известны всей Европе, и всей Европе они внушали страх. Еще недалеко было то время, когда любой из этих людей с колонной гренадер и эскадром кавалерии мог захватить город, лишь появившись около его ворот. Теперь это были либо дезертиры, либо потенциальные дезертиры. Они либо думали о предательстве, либо считали для себя более удобным уйти со сцены незаметно и наблюдать со стороны за тем, как будут разворачиваться дальнейшие события, чтобы спастись прежде, чем будет слишком поздно.

Журдан, Келлерман и Лефевр были в числе первых. Гордость не позволила им бежать, но тем не менее они решили закончить войну на этом месте. Ни один не ждал ничего хорошего для себя от реставрации Бурбонов, поскольку все трое были вождями революционных армий, приведшими их к победам еще до того, как имя Бонапарта стало обозначать нечто большее, чем просто молодого офицера с сильным корсиканским акцентом. Ожеро, который тоже входил в эту группу бывших республиканцев, уже принял решение, а Удино, сын пивовара, был на пути к нему и склонял Нея и других объявить об этом лично Наполеону. Дивизионные гене-

ралы были примерно в таком же настроении, полагая для себя возможным повторение поступка Суама, оставшегося начальником 6-го корпуса. Среди них были три выдающихся кавалериста: Мильо, Нансути и Латур-Мобур; да и другие члены этой группы тоже заслуживали лучшей участи, нежели позорный выбор: Мэзон, который прикрывал Нея во время отступления из Москвы, Сегюр, чье перо сделало доступным для публики ужасы отступления, Бельяр, человек, который сообщил Наполеону о падении Парижа, Лагранж, Улен и многие другие, списки наград которых за победы в сражениях у каждого заняли бы не один лист. Оставались трое, чья известность была исключительной даже в этом списке: Макдональд, Ней и Бертье, начальник штаба. Пожалуй, ничто в их славных биографиях не подтверждает так силу их характера, как поведение этих славных людей в продолжение следующих сорока восьми часов.

Выбор между верностью Наполеону и личным интересом вряд ли можно назвать легким в любом случае. Это была непростой выбор, который усложнялся тем, что попутно требовалось ответить на многие другие непростые вопросы. Было ли дезертирство честнее ввержения страны в опасности и несчастья гражданской войны? Могла ли Франция отвергнуть славу недавнего прошлого и снова отдать власть имени, символизировавшему ненавистный абсолютизм и аристократические привилегии, с которыми боролась революция? Была ли сама революция лишь случайным событием истории, которое теперь должно было кануть в Лету? Имел ли право хоть один руководитель Великой армии послать на смерть хотя бы еще одного семнадцати-восемнадцатилетнего мальчика ради продолжения авантюры погибающего искателя приключений? Это только часть тех вопросов, которые приходилось решать Нею, Удино, Коленкуру и другим, когда они шагали мимо бивуачных огней, окружавших замок Франциска I. И в конечном итоге все варианты решения сводились к выбору одного из трех решений: покинуть человека, который был их руководителем и привел их к пятидесяти

победам на полях сражений; сохранять верность присяге, данной Франции и ее императору до самого конца, оставаться солдатами чести и долга; спасти себя, переждав момент, когда падение Империи затмит их славное прошлое.

Макдональд никогда не был фаворитом императора. Он был слишком прям и честен, чтобы быть придворным или приближенным ко двору. Его маршальский жезл был заработан тяжелым трудом на полях сражений. Годы жизни ушли на то, чтобы заслужить репутацию, которую имел он, и это были годы упорной, терпеливой службы, за все время которой он ничем не запятнал свой военный мундир. Теперь, в дни кризиса, проявились в полной мере все его человеческие качества, которые позволили ему занять то место в армии Наполеона, которого он был достоин. Он всегда давал искренние советы, когда бы его ни спросили, если же его мнения не спрашивали, он молча исполнял свои обязанности, не думая о том, что ждет его в последующие годы. Он никогда не был очарован личностью Наполеона. Он видел в нем главу государства и своего главнокомандующего, так же как его отец, клансман, смотрел на младшего претендента* на корону до и после Куллодена. Это был суровый, не улыбкачливый и всегда надежный исполнитель приказов, и его инстинкт война связал его с императором клятвой верности до самого конца. Весть об отречении может оказаться истинной, но она должна прийти из Фонтенбло, а не из Парижа, где решение вопросов, касающихся национальных интересов, было в руках людей вроде Талейрана.

Бертье, начальник штаба, был вылеплен из другой глины. Он в течение двадцати лет практически был телом и душой Наполеона, и их военная репутация связана воедино. Двадцать лет он ждал от своего командира приказаний и постановок задач. Теперь впервые за многие годы ему надлежало принять самостоятельное решение. Неожиданно он обнаружил, что не может сделать этого. Бормоча слова извинения, он покинул императора с обещанием вернуться. Наполеон, который знал своего начальника штаба, пожалуй, гораздо луч-

* Принц Карл Эдуард Стюарт.

ше, чем последний знал самого себя, не обманулся этими обещаниями. «Он не вернется», — сказал он, и Бертье не вернулся. Сорванный со своей якорной стоянки в императорской гавани, Бертье дрейфовал в омуте противоборствующих сил, призывающих его к верности. Попытка причалить к какой-либо новой пристани стоила ему жизни.

Темперамент Нея отличался как от темперамента Макдональда, так и от темперамента Бертье. Это был человек действия, мало принимавший в расчет политические мотивы. Его мужество было вне сомнений не только в Великой армии, даже враги склонялись перед его силой, несмотря на то что его нрав был переменчив, а суждения часто слишком эмоциональны. Если бы Ней понял это и попытался действовать в соответствии с реальностью, а не со своими чувствами, его репутация осталась бы чистой. Но он не был достаточно рассудителен, чтобы правильно оценивать мотивы своих поступков. Как всегда, на поле боя или вдали от сражения, он действовал под влиянием импульса, и на этот раз этот импульс привел его к поступку, который сегодня мы по прошествии времени оцениваем как недостойный и совершенно ему не свойственный.

Осознав, что царь не поддержит условное отречение Наполеона, сохраняющее династию, императорская депутация в составе Нея, Макдональда и Коленкура приготовилась к отъезду в Фонтенбло, чтобы вырвать у Наполеона согласие сложить свои полномочия вместе с правами на трон своего сына. Но вернулись они не вместе. Ней отправился первым, промчавшись полным галопом и опередив своих товарищей. Он прибыл туда вечером 5 апреля. Первым делом маршал сел за стол и начал писать письмо. Это было похоже на то, как вел себя в критической ситуации Мармон. В письме маршал давал обещание поддержать восстановление династии Бурбонов, поскольку в этом он видел единственное спасение от гражданской войны. Впрочем, если это и было в большой степени верно, мотивы его личной капитуляции заключались, скорее всего, в ином. Более того, Ней совершил еще один шаг, оправдать ко-

торый гораздо сложнее, — он обязался настоять на том, чтобы Наполеон принял безусловное отречение, причем он писал, что «есть надежда добиться этого важнейшего документа в течение считанных часов». Это была ложь, поскольку известно, что он не встречался с Наполеоном этой ночью, и, более того, он не встречался с ним на протяжении всего времени, пока письмо находилось в пути к своему адресату — Временному правительству. Легко предположить, что эти действия Нея, которые он предпринял, не посоветовавшись со своими двумя коллегами по депутации, имели целью стать в глазах всех тем, кто способствовал окончанию войны, и разделить таким образом лавры с Мармоном, истинным героем этих дней. Ней не сообщил о письме Макдональду и Коленкуру даже после их прибытия в Фонтенбло в час ночи. Маршал и советник императора узнали о поступке Нея при обстоятельствах, которые для всех трех стали очень невыигрышными.

.. Ранним утром 6 апреля Наполеон был разбужен и проинформирован о неудаче миссии. Известие о дезертирстве Мармона подготовило его к принятию и этого горестного известия. Теперь он окончательно понял, что только безусловное отречение удовлетворит его врагов. Все же он попытался совершить последний решительный шаг, призвав войска к отступлению за Луару и далее, в Италию, где он предполагал основать независимое королевство. Его аргументы в пользу продолжения борьбы были все теми же — армия Сульта на юго-западе, 15-тысячная армия Сюше на севере Жиронды, решительная оборона Гамбурга Даву, несокрушимость гарнизонов германских крепостей, борьба Евгения в Северной Италии. Когда его попытались убедить, что всякий курьер, которого император попытается послать в любую из этих точек, будет перехвачен, он ответил: «Пятьдесят тысяч человек смогут пройти там, где закрыт путь для курьеров».

· Это была мечта, и он знал об этом, даже не зная еще, что и остальные остававшиеся до сего дня маршалы уже согласились друг с другом в том, чтобы не подчиняться приказам императора относительно выступления войск. Он чувствовал

по их ответам, по их виду, что ему не удастся увлечь их своим энтузиазмом, что здесь находится последняя точка его пути, который начался восемнадцать лет назад, когда он в карете, набитой картами, пересекал этот же лес в Фонтенбло, направляясь в Ниццу, чтобы принять командование Итальянской армией Франции. Он быстро сказал: «Хорошо. Вы заслужили отдых — берите его!», после чего отпустил их, чтобы в одиночестве подписать документ, которого ждали все люди Европы. Он гласил: «Так как союзные державы провозгласили, что император Наполеон является единственным препятствием к восстановлению мира в Европе, император Наполеон, верный своей присяге, объявляет, что он отказывается за себя и за своих наследников от тронов Франции и Италии, поскольку нет такой личной жертвы, которую он не был бы готов принести в интересах нации». Последние три слова были изменены, и вместо них в тексте появилось «в интересах Франции». Ночью 6 апреля усталое трио снова отправилось к столице, уже с новым документом.

II

Долгие годы все важнейшие политические решения в Европе принимались императором Франции, и где бы он ни находился — в Париже, в Нидерландах, в верховьях Рейна, у истоков Дуная, в Испании или за Неманом — центром событий и решений была его палатка или место остановки, откуда нити руководства тянулись по всем путям и дорогам на тысячи миль. Теперь, в первые теплые дни этой весны, сменившие непогоду зимних месяцев, император оказался на периферии действий, он получал лишь слухи и старые газеты. Незаметно центр тяжести переместился из Фонтенбло в Париж. Когда официальные бюллетени приходили к нему, события уже настолько продвигались вперед, что все сведения были безнадежно устаревшими. Люди вроде Маре, предшественника Коленкура, и еще несколько верных до конца, вроде крупного и веселого Мортье, готовились к исполнению новых приказов

своего императора; они крутили усы, брились, чистили оружие, приводили в порядок амуницию и были готовы немедленно начать новый поход. Но все это было похоже на театральную игру труппы актеров-неудачников перед самой бедной публикой, игрой, в которую даже сами актеры верили лишь наполовину, а зрители сомневались, не отдать ли предпочтение более амбициозной драме, которая разыгрывалась во дворцах Тюильри и на площади Согласия.

Оттуда Наполеону сообщили о будущем, которое было ему уготовано. Он должен был стать императором Эльбы, средиземноморского острова, площадью в девяносто квадратных миль — они заменяли теперь всю Европу. С этого времени он должен был стать гостем Европы. Узнав о решении европейских монархов, Наполеон проявил любопытство относительно своего будущего владения и послал за офицером, который когда-то служил на острове. Офицер сообщил ему, что население острова состоит по преимуществу из рыбаков, и лицо императора Франции, а теперь уже императора Эльбы, озарила улыбка. Он сам рыбачил в водах Средиземного моря в детстве, когда жил на острове, который находился в нескольких днях плавания от Эльбы. Наполеон распорядился относительно своих финансов, составлявших приблизительно шесть миллионов франков. Два миллиона оставались у императрицы Жозефины*, а полмиллиона — у остальных свергнутых с трона Бонапартов, которые также должны были проживать в предписанных им районах. Наполеон сохранял свой титул императора. Его жена и сын становились герцогами Пармы, Пьяченцы и Гуасталлы. Все эти пункты были достаточно великодушными и щедрыми, однако не для человека, который был во главе Империи, крупнейшей по территории и населению со времен Цезаря.

В Париже температура дипломатической деятельности достигла точки кипения. Дело военных закончилось. Казаки, уланы, гусары и гренадеры сошли со своих коней, взяли их

* Титул императрицы после развода 1810 года был оставлен Наполеоном Жозефине пожизненно вместе с рентой, недвижимостью по всей стране и дворцом в Мальмезоне.

под уздцы и привязали в стойлах, оружие было сложено в пирамиды, сами воины теперь гуляли по парижским бульварам, любуясь монументами столицы мира, многие из которых были установлены в честь побед именно над ними. Но для клерков и курьеров работа была в самом разгаре. В правительственных учреждениях перья безостановочно носились по бумаге, гонцы с папками, конвертами и сумками перевозили возникающие из-под перьев писцов великие новости в самые отдаленные концы Европейского континента, судьбы которого решались сейчас именно здесь. Пока человек из Фонтенбло не переменил своего решения, требовалось проделать работу неимоверного масштаба.

Был провозглашен новый король Франции, Людовик XVIII, страдающий подагрой, приветливый человек, наследующий последнему дофину — мальчику, который так никогда и не взшел на трон и умер при обстоятельствах, так и оставшихся неизвестными. Он был братом человека, которого палачи тащили на гильотину, установленную едва ли не перед окнами дворца, в котором теперь Талейран и его агенты, вооруженные соответствующими документами, рылись в личных вещах Наполеона, после чего именно в их руках оказались его табакерки и даже носовые платки.

По двое, по трое границы Франции пересекали кабриолеты, которые привозили семьи эмигрантов, их деньги и драгоценности, вывезенные в опасные годы из страны. Они снова наводняли столицу, словно жители прибрежного города, которых тайфун погнал прочь, и после того, как неукротимая стихия умирилась, они снова возвращались в покинутые дома. Люди, бежавшие из своих замков и усадеб юношами, прибывали обратно уже морщинистыми людьми с двойным подбородком и приличным брюшком. С ними были их жены, венчаные в изгнании, и дети, рожденные на чужбине. Они с любопытством смотрели на то, что сделал с Парижем в их отсутствие персонаж, знакомый им только по газетным карикатурам. Отнюдь не все из них пылали злобой и местью. Некоторые, в ком еще жив был дух патриотизма, с тайной гор-

достью замечали знаки величия французского империализма. Эти люди и в изгнании испытывали воодушевление, когда кавалерия Мюрата и штыки гренадер Нея опрокидывали одну вражескую коалицию за другой. Сам Людовик с истинно французским достоинством сказал, когда его попросили участвовать в праздновании годовщины Лейпцигской битвы: «Ни я, ни кто-либо другой не можем выражать радость по поводу события, которое явилось таким несчастьем для нашей страны». Опуст де ля Ферроне, еще один изгнанник, был прикован к карте Франции, когда союзные войска еще шли по стране; после взятия Парижа он горько сказал: «Они завоевали нашу страну без нас!» Английский принц-регент, внезапно осознавший, что вместо нищих королей у него на руках оказалась действительно королевская семья, пригласил Людовика на бал, посвященный дню рождения королевы Шарлотты, в Карлтон Хаус, где Бурбон обнаружил, что стены украшены гобеленами с вышитыми королевскими лилиями. С королем на бал пришло множество других эмигрантов, но за двадцать лет, проведенных на чужбине, французские аристократы разучились проводить балы в национальном стиле, к тому же почти все наряды были взяты ими у своих английских друзей. Мода не благоволила к тем, кто не имел друзей в Англии. Поэтому даже старые бальные наряды дореволюционных времен со шлейфами и длиннополыми кафтанами пришлось урезать и подкалывать в соответствующих местах до модных в этом сезоне высоко приталенных сюртуков и платьев.

Первым лицом, получившим выгоду от оккупации Парижа союзниками, был Шарль-Филипп, граф д'Артуа, младший брат короля. Он был ярким эксплуататором в последние дни монархии, активным реакционером в первые дни революции и, пожалуй, самым непопулярным лицом среди всех Бурбонов. Высокий, запоминающийся на вид, со следами былой красоты, Шарль-Филипп во время долгого изгнания находился рядом с братом. Зная ненависть к себе со стороны парижской бедноты, он покинул страну через четыре дня после падения Бастилии в июле 1789 года, но теперь, оберегаемый от воз-

мощного покушения на свою персону эскортом казаков, он вернулся в столицу 12 апреля 1814 года. «Празднование его прибытия, — комментировал это событие очевидец, — было ограничено узким кругом лиц его приближенных». Парижане наблюдали за роскошным антуражем этого праздника, но многие выражали радость по этому поводу. Чему было им радоваться? Граф и ему подобные были чужаками, а среди тех, кто стоял в толпе наблюдателей, старшие помнили, как человек, по поводу прибытия которого было устроено торжество, осуществляя самые кровавые меры, чтобы сдержать революцию в первые громовые дни ее зарождения.

Граф покинул Ярмут в январе 1814 года и высадился в Голландии, где погрузился в деятельность, милую сердцам всех королевских изгнанников. Он издал манифест, призывающий «всех честных французов» к признанию выгод легитимации. В то время это было все равно что обращаться к глухим. Его даже не пригласили к себе лидеры союзников, для которых его присутствие было пока еще явно преждевременным. Однако после падения Парижа, когда было решено реставрировать династию Бурбонов, граф был торжественно проведен по городу на белой лошади одетым в форму Национальной гвардии. Было странно, что он избрал именно этот наряд для своего парада. Национальная гвардия являлась творением революции, а в последние дни монархии Бурбоны предпочитали защищать себя с помощью швейцарских наемников. 12 апреля граф в сиянии алмазов и сопровождаемый многочисленным эскортом въехал в Париж. Его отсутствие длилось без нескольких месяцев четверть столетия.

Его приняли официально на площади Согласия. Собрание, которое он имел возможность здесь наблюдать, оказалось наибольшим со времени июля 1789 года. Многие погибли здесь вместе с Людовиком, и теперь это место, казалось, было наполнено еще и духами тех, кто сложил голову на дьявольском изобретении доктора Гильотена. Мария Антуанетта была одним из этих духов, седая и наполовину ослепшая в свои тридцать семь лет. Шарлотта Корде и все жирондисты, которые

пытались остановить революционный хаос с помощью религиозных нововведений, также погибли здесь, а после них отцы террора, Дантон и Робеспьер: первый — испуганный от неминуемого падения и гибели, второй — непреклонный и молчаливый, скрывающий под грязной повязкой свою раздробленную выстрелом челюсть. Только теперь вязальщицы, видевшие, как скатывались в корзину головы короля и его приближенных, сменились другим королем и принцами, а вместо грубых революционных песен звучали религиозные псалмы.

В тот же день был подписан договор, формально смещающий императора Наполеона со всех государственных постов, и Талейран спросил представителей императора: Коленкура, Макдональда и Нея, принесут ли они присягу верности новому правительству. Коленкур и Макдональд отказались, сославшись на то, что они еще являются официальными эмиссарами императора и эти обязанности еще не сняты с них пославшим их свергнутому правителем. Нею пришлось открыть, что он уже дал заверения в признании новой власти; это ясно читалось в его письме, написанном в ночь с 5 на 6 апреля. Это различие в ответах эмиссаров вызвало оживленные толки и обмен мнениями. Стойко сохраняющие верность слову и долгу Коленкур и Макдональд были оскорблены, видя, как Нея, который был формально главой миссии, царь осыпает поздравлениями и благоволением. Теперь, поняв, что и Нея пытается спасти себя за счет своего благодетеля, они потребовали свои паспорта. Нея взорвался. «Я не собираюсь возвращаться, ища награды!» — кричал он, но Макдональд нашел слова для ответа. «А я возвращаюсь, — сказал он, — чтобы сдержать слово, которое я дал императору». И вышел вместе с Коленкуром.

III

Период ожидания, продолжавшийся с 6 по 12 апреля, был, пожалуй, самой несчастливой неделей в жизни Наполеона. Ответа на письмо из Блуа не последовало, там правил хаос,

бурное кипение которого составляла деятельность предателей, слетевшихся на запах падения Парижа. Император только что отказался от всех своих прав и прав своего сына, наследника, регентом которого могла быть его красивая и благородная супруга. Ни один из европейских монархов и сильных мира не пригласил Наполеона к себе, кроме пани Валевской, польской графини, которая также имела от французского императора сына. Наполеон не принял ее приглашения. Даже намек на возобновление их старых отношений дал бы в руки Меттерниха и других политических интриганов смертельное оружие, которое позволило бы им добиться столь желанного развода Наполеона со своей второй женой. Валевская написала всего одно письмо. Позже она навестила его на Эльбе, что позволило некоторым историкам и биографам назвать ее «единственной женщиной, которую любил Наполеон». Этот романтический титул слишком категоричен, чтобы быть истинным. Наполеон в эти бесконечные дни думал не о любви и не о романтике — он думал о судьбе династии, о том, чтобы сохранить новую Францию, и о той Европе, возврата к которой уже не было. Также он думал о своем возможном убийстве — эта идея витала в эти дни в воздухе*. Старый оскорбленный задира Блюхер был одним из тех, кто поддерживал ее**, а шакалы в окружении Талейрана, готовые наброситься на тело обесцененного владыки континента, готовили покушение на императора во время его путешествия на Ривьеру. Отрекшийся император размышлял и о многих других вещах. Это были горькие мысли об упущенных возможностях, о военной некомпетентности, о разорванной дружбе, о верности, не прошедшей испытаний. Все эти мысли вызвали к жизни поступок, который был чужд всему в его природе.

В течение нескольких лет, по мнению одних, начиная с 1808 года, а согласно другим, после московского похода, Наполеон носил на шее маленький мешочек. В нем находился смертель-

* В период нахождения Наполеона в Фонтенбло Талейран пообещал некоему Мобрею, офицеру-монархисту, весьма высокое вознаграждение, если «тот согласится выполнить важное поручение на дороге, идущей в Фонтенбло».

** Блюхер по собственной инициативе выделил отряд с целью уничтожить Наполеона.

ный яд, приготовленный для него известным французским врачом Пьером Кабанисом¹, родственником маркиза Кондорсе, математика, покончившего в тюрьме жизнь самоубийством с помощью яда, приготовленного Кабанисом. Состав этого яда так никогда и не был открыт. Скорее всего, эта была смесь, содержащая стрихнин. Наполеон всегда заявлял, что он держит яд на случай, если враги захватят его в плен. Теперь настало время применить творенье врача-материалиста. В ночь с 12 на 13 апреля, после того как он подписал бумаги, которые ему привезли Коленкур и Макдональд, один из служащих дворца видел Наполеона сидящим в одиночестве в своем кабинете. Взгляд его пустых глаз был устремлен в неизвестность.

В следующие несколько часов они стали свидетелями одного из тех внезапных поворотов, которые случаются в самые кризисные моменты истории и которые никогда нельзя ни полностью объяснить, ни даже проверить. Несмотря на то что общее мнение утверждает практически единогласно, нельзя быть твердо уверенным, была ли внезапная болезнь этого разбитого человека результатом попытки самоубийства или просто следствием чрезмерной дозы опиума, который он употреблял в эти дни как средство против бессонницы, ставшей его постоянной спутницей в последние дни.

Слова Констанана, его денщика, человека, которому можно доверять больше других относительно обстоятельств этого инцидента, и являются основным источником информации; им поверили почти все. После Констанана барон Фэн, его секретарь и автор «Рукописи о 1814», поддержал эту версию. Со слов этих двух преданных своему хозяину людей можно заключить, что Наполеон оказался тяжело больным после того, как лег в постель в 10 часов вечера, сказав перед сном относительно предательства Нея: «Я знаю его. Вчера он мог быть против меня, но он отдаст за меня жизнь завтра». Это опровергает предположение, что предательство еще одного старого друга свергло императора в пучину отчаяния.

Пелар, еще один слуга, который зашел в спальню, чтобы потушить огонь в камине, рассказал, что после того как он

вышел, оставив дверь приоткрытой, он увидел, как Наполеон открыл сундук, в котором лежала его одежда, после чего высыпал что-то в стакан и выпил содержимое стакана. Слуга немедленно поднялся в комнату Констан, которая была этажом выше. Вдвоем они поспешили к императору, обнаружив его в постели в совершенно плачевном состоянии. Он метался, стонал, его тошнило. В этот момент, впрочем, император совершил действие, которое укрепило мужество вошедших. Констан рассказывает, что Наполеон произнес речь, которую он называет драматической и полной пафоса.

Человек, который только что принял дозу стрихнина, вряд ли стал бы говорить о своих орлах, которые сегодня тонут в болоте предательства. Человек в таком состоянии вряд ли станет восклицать подобно никем не понятому герою романов викторианской эпохи: «Мой дорогой Констан, они горько жалеют, когда меня не станет...» Был вызван доктор Айван*, врач императора, который сопровождал его на пути в Москву (согласно Фэну, именно Айван доставал яд во время кампании), давший Наполеону противоядие. После того как приступы рвоты прошли, император смог выпить чашку чая и вскоре заснул. Его не будили в течение нескольких часов, после чего он появился снова в нормальном состоянии, что подтверждает Макдональд, видевший его в 9 часов утра. Все же Макдональд пишет: «Цвет его лица был изжелта-зеленым». Наполеон сообщил Макдональду, что был болен этой ночью.

Принимая во внимание все события этой ночи, описания которых были сделаны по большей части гораздо позже, сомнения относительно того, совершал ли Наполеон попытку самоубийства, имеют под собой достаточно оснований. Несмотря на то что Констан заявляет о виденных им обгорелых остатках пакетика в камине, гораздо более вероятным является версия о том, что император принял слишком большую дозу снотворного, которое он употреблял в эти дни нервного и физического истощения. Нельзя забывать о том, что в преды-

* Имя одного из трех лейб-медиков Наполеона (были еще Лерминье и Риб) в разных источниках транскрибируется по-разному: Айван, Жуан, Ивен, Юван и даже Иван — Yvan.

душие десять дней этот человек проехал сотни миль по ненастью и что нервы его все это время находились на пределе.

Больной или нет, но утром 13 апреля Наполеон выглядел достаточно собранным, когда Коленкур сказал ему, что Макдональд готов к тому, чтобы выехать в Париж с подписанным соглашением. Он использовал это как возможность поблагодарить шотландца за его верную службу и сделать ему подарок, который глубоко тронул маршала. Выражая свою благодарность Макдональду за его верность, он сказал: «Я сделал столько добра многим тем, кто предал и продал меня, но ты, который ничем мне не обязан, остался верным. Я оценил твою верность слишком поздно и искренне сожалею, что сейчас я не в состоянии выразить свою благодарность иначе, нежели словами». Впрочем, был и более материальный дар, хотя и несколько иного рода, нежели желал для себя Ней в прошедший день. В порыве благодарности Наполеон преподнес Макдональду саблю Мюрад-бея*, который будущий император добыл в битве у Табора** в Святой земле в 1799 году. «Сохраните ее в память обо мне и моей дружбе», — сказал он. Ни один подарок не мог бы быть для Макдональда более ценным. После теплых объятий два полководца расстались. Им не суждено было более увидеться. Макдональд поехал в Париж, чтобы заключить мир с новым режимом. Наполеон начал приготовления к изгнанию.

IV

Курьеры, покинувшие Париж со свежими новостями, быстро двигались по дорогам, высыхающим после распутицы первого месяца весны. Вскоре они уже пересели на корабли в Кале, стоявшие к этому времени под парусами. Спустя несколько часов донесения пересекли Английский канал и собрали толпы восторженных кокни у газетных киосков. Лорд-мэр Лондона приказал произвести салют в честь побе-

* Мюрад-бей (1750—1801) — с 1798 по 1801 год глава мамлюков.

** Битва при Таборе произошла 16—17 апреля 1799 года.

ды. Верующие, выходящие из церквей после утренних служб, радостно обнимались. Война, которая с короткими перерывами продолжалась с января 1793 года по апрель 1814-го, закончилась, и передовицы «Таймс» последнего времени: «Он скоро падет! Он уже почти пал!» наконец-то превратились из желаемого в реальность.

Другие курьеры поскакали через опустошенную страну к Брюсселю, в Нидерланды и к гарнизонам вдоль Рейна, где императорские войска продолжали сопротивление противнику. Там восприняли полученные новости по-разному. Некоторые старые офицеры, среди которых был и капитан Барре, почувствовали горечь, но были и такие, кто с готовностью ждал часа, когда можно будет дать клятву верности Бурбонам. Таким был, например, батальонный командир самого Барре. «Не волнуйтесь за будущее Франции — сказал этот офицер Барре, — она будет более счастлива под королевским скипетром, нежели под железным жезлом этого авантюриста». «Вы думали несколько иначе еще три месяца назад», — ответил капитан, который впоследствии признавался, что чувствовал «нестерпимый стыд и горечь» за своего соотечественника.

Верность Барре едва не привела его несколько недель спустя к серьезным неприятностям. Увидев, как полковник показывает эмблему Бурбонов, он воскликнул, обращаясь к группе офицеров: «Смотрите, это белая кокарда!» Полковник, услышав это восклицание, подошел к нему и спросил: «Так что же вы хотите сказать об этой кокарде?» Барре мог бы сказать многое, что было у него на душе, но привычка к дисциплине и врожденное остроумие спасли его от казни. «Это первая, которую я вижу за всю мою жизнь, сир!» — невинно ответил он. Во время прощания с жителями Майнца он был менее политически корректным. «Вы рады видеть наш уход, — сказал он, — но не пройдет и месяца, и вы будете с грустью вспоминать нашу власть и наше управление».

На юге, в Отериве, около Кастра, там, где Сульт все еще продолжал оказывать сопротивление Веллингтону, тихо жил

со своей семьей маркиз де Вильнёв. Во вторник после Пасхи, сидя около окна, его одиннадцатилетняя дочь Леотина увидела всадника, который проскакал через двор с криками: «Мир! Наступил мир!», и через несколько мгновений все собрались около него. Всадник только что приехал из Тулузы с новостями о том, что Бурбоны вернулись во Францию и новым хозяином страны, следовательно, будет Людовик XVIII. Ответом на это известие стали крики «виват!» в честь нового короля.

В Лиможе реакция населения была другой. Мальчик, учившийся в одном из полувойенных лицеев, устроенных Наполеоном, писал своему отцу, что испанские военнопленные, содержащиеся в городе, начали восстание, в результате чего их всех заперли в местной церкви. Когда известия об отречении императора прибыли в колледж, ученики отказались признать их и строем прошли через город с криками: «Долой Людовика XVIII!» Процессия закончилась тем, что учитель фехтования дал пощечину одному из роялистов и вызвал его на дуэль.

В Италии произошел семейный раздор. Неаполитанцы Мюрата изгнали старшую сестру Наполеона Элизу из ее тосканских владений, несмотря на ее беременность. Во время бегства Элиза разрешилась от бремени в горной таверне. Скорее схватили в Болонье и заключили под стражу.

Максимилиан Жозеф Баварский, тесть Евгения Богарне, передал вице-королю известия об окружении войск Мармона и попытках эмиссаров императора спасти династию для сына Наполеона, добавив от себя: «Союзники желают тебе добра, мой дорогой Евгений; воспользуйся их добрыми намерениями и помни о своей семье. Дальнейшее упорство не будет иметь оправдания...» Жозефина также написала своему сыну, сообщая, что дальнейшее сопротивление бесполезно: «...надеяться больше не на что. Все кончено; он отрекся». Евгений принял неизбежное, подписав конвенцию, по которой французские войска обязаны были тотчас же вернуться домой. Евгений надеялся, что он может быть избран для управления независимой Италией, но силы реакции были слишком велики, чтобы столь мудрое решение было принято.

Итальянцам пришлось ждать следующего поколения, которое смогло объединить нацию. С печалью в сердце, но гордо Евгений де Богарне, один из самых безупречных людей, служивших Наполеону, уехал в Баварию. Вице-королева сопровождала его, но любящие супруги были снова разлучены в ночь, в которую они прибыли в Мюнхен. Евгения ожидало письмо от матери. Она писала, что больна, и умоляла сына приехать к ней. Ни Евгений, ни кто-либо другой не предполагали, что Жозефина находится при смерти.

V

Полковник Понсонби, из легких драгун, человек, который привез новости об отречении из Бордо в Тулузу, мчался столь же быстро, как и другие курьеры, но прибыл слишком поздно для того, чтобы спасти жизни девяти тысяч французов, англичан, испанцев и португальцев. В Пасху, в день, когда союзники совершали официальный благодарственный молебен на площади Бастилии, и лишь двумя днями ранее того момента, когда граф д'Артуа вошел в Париж, Сульт и Веллингтон встретились в последней битве этой последней кампании.

Оставшись без своих лучших подразделений, которые забрал у него Наполеон, пока шла битва за Францию, Сульт продолжал сражаться упорно и грамотно. Его отступление к Тулузе в конце марта стало для его осторожного противника одной из самых серьезных проблем.

Находящаяся на восточном берегу Гаронны Тулуза защищена с севера и запада каналами. Единственная сторона, с которой была возможна атака, южная. И, желая атаковать именно на этом участке, Веллингтон приказал навести мост через Гаронну вне пределов досягаемости врага. В спешке были наведены понтоны. Мост был короче, чем требовалось, на семьдесят футов.

Веллингтон мог бы предполагать, чего будет стоить эта ошибка (его собственная ошибка, поскольку он был о ней

предупрежден). В любом случае, он всегда был осторожным в действиях против своего противника, и это было заслугой Сульта. Со времени летнего перемирия в Саксонии маршал стремился отстоять любую позицию, удобную для обороны, сражаясь все убывающими силами против самого сильного военного ума всех времен. Однако, хотя Веллингтон и выигрывал эту игру, ничего похожего на повторение французского отступления из Витории не было. Было сделано все возможное для того, чтобы удержать черный ход во Францию, так что человек, который когда-то мечтал быть деревенским булочником в Сен-Аман-ла-Бастиде, вышел из этого состязания с достойной военной репутацией, в то время как почти все другие маршалы растеряли ее в период между летом 1813 и весной 1814 г.

У этих двух людей было нечто схожее. Оба тяготели к войне оборонительного плана. Оба были осторожны в суждениях и оба ценили жизни своих солдат, что было довольно редким явлением для того времени. Оба полководца считали войну наукой и вели ее согласно правилам, но Веллингтон имел преимущество, которое заключалось в том, что он еще не терпел поражений. За шесть лет он одерживал одну победу за другой, даже если ему и приходилось часто покидать поле сражения, на котором он одержал победу. Его солдаты, равно как и его испанские и португальские союзники, привыкли считать его присутствие гарантией победы.

У Сульта не было этого преимущества. Он принял командование над деморализованной армией, постоянно отступающей и теперь воюющей на своей родной земле, но гражданское население этой части Франции не было слишком преданно власти, которую представлял Султ. Здесь не было надежды на организацию полномасштабного сопротивления. Все, что могли делать французы, чтобы задержать продвижение войск Веллингтона, это искать и находить выгодную позицию, окапываться, держаться на этой позиции столько, сколько будет возможно, после чего отступить, чтобы начать все сначала.

Битва у Тулузы была классической битвой этого рода, и чтобы выиграть ее, Веллингтон был должен рисковать, что не соответствовало его натуре. Не сумев перейти широкую Гаронну ниже города, он начал пересекать ее выше по течению, но когда 18 000 человек были на противоположном берегу, мост обрушился и в течение трех дней его авангард подвергался опасности быть атакованным всей французской армией, насчитывающей 35 000 человек пехоты и 7000 кавалерии. Атаки не последовало. Сульт, опасаящийся боевых качеств британских войск, предпочел оставаться под укрытием своих водных преград и длинного укрепленного хребта Монрав, возвышающегося на высоту трех сотен футов между Тулузой и рекой л'Эр за мостом, который соорудили англичане.

Именно Монрав был доминантой в этом последнем испытании силы. Веллингтон готовился совершить две атаки на него с севера и с юга, в то время как в качестве прикрытия должна была быть проведена атака на мост через канал с севера и на укрепленный пригород Тулузы Сен-Киприен на западном берегу Гаронны.

Это было жестокое и кровопролитное сражение. 10 000 испанцев Веллингтона (в рядах его армии было 50 000 человек) удостоились чести провести первую атаку по склонам Монрава, в то время как солдаты Бересфорда начали наступление по болотистой низине в направлении южной оконечности хребта. Испанская атака, проведенная слишком опрометчиво, потерпела фиаско. Атакующие стремились захватить дорогу, пересекающую хребет, но, несмотря на героические усилия их командиров, солдаты не смогли выполнить эту задачу, застряв на полпути. Атака вольтижеров Сульта заставила их отойти с холма столь стремительно, что Веллингтон заметил: «Черт меня побери, если я когда-нибудь раньше видел состязание в беге десяти тысяч человек!»

Тем временем усилиями Пиктона отвлекающее наступление на мост превратилось в настоящее сражение, но и эта атака была отбита. Британцы потеряли 400 человек. Ситуацию спасло упорное и дисциплинированное продвижение

Бересфорда из низины на южный гребень длинного хребта. К наступлению темноты британцы прошли к вершине, захватили все укрепления Сульта, и французам пришлось отступить в город. Битва стоила победителям 4568 человек, а защитникам — 3236. Два подразделения шотландских горцев потеряли примерно половину своего личного состава.

Сульт отступил на следующий день, направляясь на юг для встречи с 15 000 войск Сюше, и 12 апреля Веллингтон вошел в город, где он узнал от полковника Понсонби, что все закончено и необходимости в битве не было. Даже Веллингтон непроизвольно закричал «ура!», но вечером этого дня, на ужине, произнеся тост за здоровье Людовика XVIII, он неожиданно стал свидетелем такого потока славословий в свой адрес, что он стал одним из наиболее неловких моментов за всю его жизнь. Один из испанских генералов добавил: «За освободителя Испании!», кто-то еще крикнул: «Освободителя Португалии!» Вскоре все французы вскочили со своих мест с криками «Освободителя Франции!» и «Освободителя Европы!». У нас не осталось свидетельств, заставила ли эта буря покраснеть герцога, но он быстро ее прекратил, слегка покончившись кричащим и попросив принести кофе.

Впрочем, даже после этого сопротивление французов не прекратилось. В ночь на 13 апреля французский губернатор Байонны, все еще осаждаемый неприятелем, совершил успешную вылазку, и несколько сотен человек, выживших в стольких сражениях, сложили свои головы в результате этого нелепого боя. Сульт проявил больше здравого смысла. Убедившись, что его правитель действительно отрекся, он последовал примеру маршала Сюше и сложил оружие. Он стал предпоследним наполеоновским начальником, сдавшимся победителю. Последним был Даву, герцог Ауэрштадский, который не поверил русским, поведавшим ему о том, что произошло в Фонтенбло. В конце концов пришла резкая записка от Дюпона, нового королевского военного министра, в которой сообщалось, что подписано перемирие и что Даву сменит на его посту генерал Жерар. С оружием в руках непобежденный гарнизон Гамбур-

га вышел из города. Его командир был теперь в немилости и ожидал суда за захват гамбургского банка, за разрушение пригородов для строительства укреплений и за то, что слово «француз» стало страшным благодаря его строгим мерам управления. Даву не был испуган этими перспективами. Он полагал, что исполнял свой долг. Как и его товарищ Мақдональд, он исполнял его везде и всегда.

В прелестном местечке около города Кастль-Саразин в Лангедоке Джонни Кинсайд и его стрелки, которые прошли от самого Лиссабона, наслаждались гостеприимством местного населения, которое по преимуществу было настроено пророялистски. Все войны-победители, не исключая Кинсайда лично, стали объектами самого нежного отношения со стороны прекрасных брюнеток, приветствовавших своих освободителей. Когда пришло время прощаться, «букеты цветов оросили соленые слезы людей, которые почти что забыли, что такое слезы». Впрочем, вид его возлюбленной, которая ехала на его лошади немного вдалеке, показывая всем желающим пару дивных ног, слегка остудил пыл молодого шотландца. Несмотря на то что весь путь из Португалии во Францию он буквально не закрывал рта от смеха, Кинсайд был слишком шотландцем, чтобы вытерпеть такую нескромность.

Впрочем, Кастль-Саразин никогда не забыл британских стрелков. Когда спустя год в городе прошел слух, что все офицеры батальона убиты в битвы при Ватерлоо, а подразделение уведено с поля сражения волонтером, в командование британских войск было отправлено коллективное письмо, подписанное всеми жителями. В нем выражались «глубокая скорбь и надежда на то, что слухи преувеличены». Британским Томми не потребовалось много времени на то, чтобы завоевать расположение жителей оккупированной территории: если бы пруссаки Блюхера использовали ту же тактику в отношении населения северо-восточной Франции, кампания 1814 года могла бы быть короче и стоить меньше жизней.

ГЛАВА 16

ВЕСЕННЕЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

I

Нервы Наполеона были натянуты как скрипичные струны. Самое незначительное событие или невинное замечание, которые могли коснуться вопроса его чести, заставляли их вибрировать так, что находившиеся с ним рядом вполне могли сравнить его с капризной примадонной.

Он всегда был склонен к резким эмоциональным вспышкам. Порой, когда что-то раздражало его, он переходил к языку жестов и жаргону уличных мальчишек, но обычно эти вспышки провоцировались некомпетентными действиями его подчиненных. И даже если они не прибавляли ему величия, их можно было в определенной степени оправдать, поскольку немногие люди в истории несли на своих плечах груз ответственности за судьбы всего мира. Теперь все изменилось. Он вел себя как раздраженный мужлан.

С 13 апреля, когда Макдональд увидел его после его неудачной попытки самоубийства, и до 28 апреля, когда он вступил на борт британского фрегата «Неустрашимый» во Фрежюсе, его дух был сломен, он покидал его вместе с мужеством и властью, так что, если эти шестнадцать дней отделить от всей предыдущей жизни, Наполеон мог бы показаться самой жалкой фигурой, человеком, лишенным достоинства, физической силы и морального духа. К несчастью для него, большую часть этого времени он провел под взором четырех комиссаров, назначенных каждой из победивших сил, и каждый из них представил свои наблюдения над упавшим духом императором на бумаге или детально изложил

их устно тем лицам, которые смогли записать их слова. Впрочем, в оправдание Наполеона можно добавить, что когда эти отчеты попали к нему в руки уже на острове Святой Елены, у него хватило мужества признать их истинность.

Четырьмя людьми, которым предстояло стать конвоем и тюремщиками Наполеона, были сэр Нейл Кэмпбелл от Британии, генерал Шувалов от России, генерал Кёлер от Австрии и граф Вальдбург-Труше от Пруссии.

Квартет прибыл в Фонтенбло 16 апреля с инструкцией «относиться к нему с уважением, достойным свергнутого суверена». Император принял их так, словно бы и не заметил. Впрочем, что касается Кэмпбелла, он вскоре снизошел до того, что обсуждал с ним стратегию Веллингтона. С русским и австрийскими представителями он был вежлив, но холоден, а с пруссаком — подчеркнуто груб. Он требовал, чтобы ему объяснили необходимость присутствия представителя Пруссии, войска которой не сопровождали их поход на юг. Несчастный представитель бормотал, что он удостоен чести сопровождать императора в знак заслуг, но даже это не смягчило императора. За время их поездки любезность по отношению к Кэмпбеллу усилилась, вскоре он стал более приветлив и по отношению к австрийцу, но по-прежнему не выносил Вальдбурга-Труше и был холоден с русским. Его поведение напоминало реакции избалованного ребенка; нежели действия взрослого человека, отвечающего за свои слова и поступки.

Четыре человека прибыли в Фонтенбло для того, чтобы тотчас же отправиться в Сен-Тропез. Вскоре они поняли, что дела будут идти не столь гладко, как это предписывали инструкции. Наполеон, возможно еще не понимая того, что делает, уже готовил себя к роли мученика. Не собираясь никуда ехать, он заявил, что союзники нарушили условия соглашения, отказав дать разрешение императрице сопровождать его в пути до порта. «Я не двинусь с места, — заявил он, — пока императрица не придет ко мне, а вполне возможно, и вообще никуда не поеду!»

Положение комиссаров было очень двусмысленным. Вокруг них располагались войска Национальной гвардии, все еще вооруженные, а их действия были стеснены инструкциями, предписывающими относиться к пленнику с соответствующим уважением. Они обратились за новыми инструкциями и получили их, но вряд ли почувствовали облегчение, прочитав, что Наполеон волен сам избрать маршрут следования, но должен отправиться в Сен-Троpez вне зависимости от того, будет с ним Мария-Луиза или нет. Наполеон был известным мастером в подобных протокольных играх. Он не соглашался с маршрутом, который был ему предложен, и несколько раз вносил в него поправки. Он намеренно задерживал приготовления к отъезду, наполнив не менее сотни фургонов мебелью, книгами и произведениями искусства, которые должны были утешать его в изгнании. Он запугивал своих сопровождающих, спорил, ругался, унижал их. Кэмпбелл сообщает, что личное присутствие императора в этот период отнюдь не было желанным ни для кого. Однажды он появился в жилете, усыпанном нюхательным табаком, табак был на его подбородке и верхней губе. Его любимым развлечением была игра в имперского черта в коробочке. Внезапно он отрывался от своей игры, заставляя слуг вытягиваться перед ним по стойке «смирно», открывать двери и кричать его имя, после чего он столь же резко разворачивался и шел играть дальше. В других обстоятельствах и с другим актером в главной роли это могло бы стать занятным фарсом, и, возможно, в глубине души он и играл этот фарс, чтобы отомстить за те унижения, которые приходилось терпеть его самолюбию. Но даже если это и так, его поведение приносило страдания всем, кто был рядом, включая и терпеливого Коленкура, который искренне любил его.

Он сделал прощальные дары, пожаловав Коленкуру, Констану и своему мамелюку Рустану* большие суммы денег. Генерал Бертран и гвардейский генерал Друо должны были со-

* Телохранитель Наполеона, вывезенный им из Египта. Мамлюки — гвардейцы египетской конницы, разбитой Наполеоном в 1798 году.

проводить его до самой Эльбы, вместе с четырьмя сотнями старых «усачей», среди которых была жестокая конкуренция за то, чтобы свершить эту честь или исполнить наказание, в зависимости от того, как каждый из них понимал это.

Ряды сторонников Империи редели с каждым днем. Марс был с императором, здесь же были генералы Бельяр, Гурто (который разделит и второе изгнание), Флао, любовник его падчерицы Гортензии, барон Фэн, секретарь, и горстка других, но большинство тех, кто стал легендой, ушли от него и заключили мир с Бурбонами. Двор беженцев в Блуа распался, рассеялся в разные стороны под натиском событий. Мария-Луиза и ее сын вернулись в Орлеан, а затем в Рамбуйе, где она встретила со своим отцом, императором Францем Австрийским. Отцу не потребовалось больших усилий, чтобы убедить ее вернуться в Вену в сопровождении почетной охраны. Доктор Корвизар, знаменитый хирург, который принимал ее ребенка в 1811 году, когда роды были чрезвычайно тяжелыми, снова приступил к своей работе. Его целью было посеять слухи о том, что ее здоровье не позволяет ей противиться попыткам отца разорвать связь Габсбургов с павшим авантюристом.

«Мадам Мать», видя, что ее пророчества об окончательном падении сбылись, направилась в Италию с кардиналом Фешем, своим сводным братом. Люсьен, второй брат Наполеона, который несколько лет был узником в Вустершире, отпущенным под честное слово, вскоре присоединился к ним. Элиза, старшая сестра, изгнанная из своих тосканских владений, также прибыла в Рим, а три экс-короля, Жозеф, Луи и Жером, осели в Швейцарии. Такова судьба клана Наполеона. Все как один они обнаружили замечательную способность приспосабливаться к новым обстоятельствам; это не доставило им неудобств. Они не были героями по природе и не видели никаких препятствий к тому, чтобы остаток жизни провести как можно лучше, точно так же, как они использовали и великолепные возможности только что закончившегося времени.

Генерал Келер, австрийский комиссар, смог убедить Наполеона в том, что он не может рассчитывать на то, чтобы Мария-Луиза сопровождала его в поездке, и утром 20 апреля четверка сообщила бывшему императору, что гофмаршал дворца готов доложить ему о готовности к отправлению. Наполеон тотчас же взорвался. «Должен ли я, — ревел он, — жить по часам гофмаршала? Я отправляюсь тогда, когда захочу! Возможно, я не поеду вовсе! Оставьте меня!»

В 12 часов он, однако, снова появился, пересек галерею и спустился по ступеням дворца. Настал момент, который станет новой легендой, и его интуитивное чувство откликнулось на этот момент безошибочно. Во дворе стояла, словно на параде, Гвардия, люди, которые следовали за Наполеоном в Италию, пересекали Синайскую пустыню, переходили Альпы, шли вниз по Дунаю, к Варшаве, в Испанию, в Дрезден, в Москву и которые в конце концов вернулись назад. Не было ни одного человека, которого происходящее оставило бы равнодушным. Некоторые из этих сильных, выжженных солнцем и морозом профессиональных убийц были в слезах. Он выехал на лошади, чтобы в последний раз поприветствовать их. Спешившись, Наполеон прошел вдоль рядов. Комиссары и все присутствующие наблюдали за этим, зная, что никто и никогда больше не увидит ничего подобного. До их уха долетали слова последнего обращения императора к своей Гвардии.

«...Двадцать лет кряду я сопровождал вас по пути чести и славы... с такими людьми, как вы, наше дело не может быть проиграно, но война могла стать бесконечной... продолжайте служить Франции... я собираюсь написать историю великих достижений, которых мы добились вместе...» — расхожий жаргон солдата-политика, который применялся и применяется в течение столетий. Но слова, произносимые именно Наполеоном и именно в тех обстоятельствах, насыщены тем, что поэт Йетс* назвал «страшной красотой». Он обнял ко-

* Йетс Уильям Батлер (1865–1939) — ирландский поэт и драматург, представитель символизма.

мандира, генерала Пти, и поцеловал орлов. Затем, почувствовав, что настал наилучший момент для того, чтобы опустить занавес, объявил, что готов к отъезду.

II

Длинная кавалькада выехала в Бриар, первое место остановки. Наполеон ехал в одной карете с Бертраном. На первой стадии его сопровождала Гвардия. Печальное путешествие началось. Оно длилось восемь дней, и эти восемь дней остались в памяти тех, кто делил его с ним. Это были дни горечи и унижения, равных которым не было ни за время 550-мильного отступления из Москвы, ни во время долгого отступления от Лейпцига к Рейну.

Они ехали через Невер и Роанн к Лиону. Стояла прекрасная весенняя погода, и в начале пути они двигались быстро и без особых происшествий. В Невере он слышал знакомые возгласы: «Да здравствует император!», а в Лионе какая-то старая дама благословила его через окно кареты. Но когда кавалькада начала спускаться вниз по Роне, атмосфера изменилась. Теплота и сердечность сменились на угрюмость, а затем и на откровенную враждебность, столь откровенную, что это озлобило императора.

Около Валансе ехавших впереди ожидала непредвиденная встреча. Это был маршал Ожеро, лионский изменник, следовавший в обратном направлении; ему сообщили, что император находится совсем рядом. Ожеро не предпринял ничего, чтобы избежать встречи, и когда карета остановилась и Наполеон вышел из нее, Ожеро грубо ответил на приветствие императора. Путешественники уединились, и Наполеон, возможно, с намеком, спросил: «Куда вы направляетесь? Ко двору?» Ожеро хрипло ответил, что едет в Лион, после чего собеседники обменялись несколькими язвительными фразами. Наполеон упрекнул маршала в том, что его поведение во время последней кампании оставляет желать лучшего, на что тот ответил, что император обязан своим незавидным

положением лишь своей ненасытной амбиции, всегда его отличавшей. Когда Наполеон вернулся в карету, маршал не попрощался с ним. Он даже не снял шляпы, руки в перчатках оставались за спиной. Для императора это было предвестием того приема, который ждал его еще дальше на пути. Ожеро сказал полковнику Кемпбеллу: «Он должен был отправиться к своей батарее и умереть на поле боя». Это был странный совет из уст человека, вопрошавшего Макдональда на берегах Альстера: «Неужели вы думаете, что я так глуп, чтобы умереть за немецкие пригороды?»

Наполеон оставался спокойным, он даже шутил по поводу этой встречи. Когда процессия пересекала места, где император когда-то служил лейтенантом, он сказал одному из своих компаньонов: «Я начал игру с шестью франками в кармане, а выхожу из нее очень богатым человеком». Но ранним утром первые лучи солнца на фруктовых садах и виноградниках пробудили в нем более сентиментальные воспоминания. Именно здесь он впервые влюбился, когда ему было шестнадцать, в Каролину Коломбье, скромную, прелестную блонетку, чья мать проявляла добрые чувства к бедному мальчику, оказавшемуся вдали от дома, без друзей и без средств к существованию. «Никто не был более невинным тогда, чем мы, — писал Наполеон на острове Св. Елены, вспоминая утренние прогулки с Каролиной тридцатью годами ранее. — Вы можете не верить мне, но единственным нашим наслаждением были съеденные вместе вишни»¹.

Первым открытым проявлением враждебности жителей Прованса стала толпа, собравшаяся в Оранже. Люди окружили карету с криками: «Да здравствует король!» и проклятиями в адрес бывшего императора. Несмотря на то что насильственных действий не было, комиссары проехали через Авиньон, не меняя лошадей, что обычно делалось в пять утра. Спустя час, в Сен-Андиоле, процессия остановилась и смена лошадей была наконец произведена.

Наполеон, явно начавший впадать в депрессию и истощенный физически, совершил прогулку по холму с Кэмпбел-

лом и исполняющим роль слуги Бертраном, шедшим немного впереди. Именно Бертран встретил почтового курьера, который спросил его, не везут ли в каретах, проезжающих внизу, Наполеона. Опасаясь очередной враждебной вспышки, Бертран ответил отрицательно, однако курьер ему не поверил. Сказав, что он старый солдат, служивший под началом Наполеона в Египте, он предупредил слугу о приеме, который готовился для императора в Оргоне, следующей деревне на их пути. «Эти несчастные соорудили виселицу, на которой повесили чучело, одетое во французскую форму, вымазанную в крови, — сказал он. — Возможно, то, что я предупредил вас, доставит мне неприятности, но для меня это честь». Курьер умчался прочь, а Бертран повернул назад, чтобы предупредить генерала Друо.

На обочине дороги произошло импровизированное совещание, в результате которого была выработана стратегия дальнейшего поведения. Наполеона переодели в синий мундир и круглую шляпу (он отказался носить белую кокарду), посадили на лошадь и отправили вперед как простого путника, с человеком по имени Амандрю. Два всадника прибыли в Оргон, где убедились, что слова старого ветерана не лишены оснований. В деревне стояли виселицы, на которых висели окровавленные мундиры, а вокруг толпились жители деревни. Они требовали крови тирана «Николя» (уничужительное прозвище Наполеона). Путники быстро проскакали через деревню. Никто не заподозрил, что путешественник в круглой шляпе был человеком, который владел Западной Европой в течение жизни целого поколения.

Затем все изменилось. Толпа, во главе которой был майор, падавший на колени перед генералом Бонапартом, когда тот проходил через эту деревню, возвращаясь из своего Египетского похода, окружила комиссаров с криками «Долой корсиканца!». Майор, неожиданно осознавший свою ошибку пятнадцатилетней давности, заявил, что желает повесить злодея своими собственными руками. Кто-то из толпы, размахивая саблей, принуждал кучера императорской кареты кри-

зять «Да здравствует король!». Кучер проявил мужество, и от смерти его спасло лишь то, что комиссары спешно приказали возобновить движение. Кареты двинулись дальше. Люди, сидевшие в них, были ошеломлены увиденным. Теперь конвой императора понял, что только счастливый случай может помочь им доставить пленника живым к месту назначения.

Ехавшие впереди кавалькады Наполеон и Амандрю остановились в гостинице «Ла Калад», убогой горной хижине. Как только они зашли, хозяйка спросила у Наполеона, правда ли, что тирана скоро повезут мимо них. То же, что она говорила дальше, ввиду последовавших скоро событий, дает право назвать эту женщину в некотором роде пророчицей. «Все ерунда, когда говорят, будто мы от него избавились! Директория послала его в Египет, но он вернулся. Я всегда говорила и буду говорить, что мы никогда с ним не справимся, пока он не окажется на дне колодезя в нашем дворе, хорошенько засыпанный камнями!» Некоторые отмечают, будто Наполеон Бонапарт не обладал чувством юмора, но этот случай доказывает обратное. В ответ на тираду хозяйки он любезно с ней согласился, но выказал полное удовлетворение при замешательстве (и суетливом внимании), которое охватило женщину, когда прибыли остальные спутники и его инкогнито было раскрыто.

Кареты поставили на внутреннем дворе, ворота заперли, и вся компания приступила к еде. В некоторых воспоминаниях говорится, что Наполеон, опасавшийся отравления, не детрагивался до пищи, хотя, скорее всего, он просто потерял аппетит.

Вскоре пришло известие о том, что в Эксе, следующем городе на их пути, собралась разгневанная толпа. Четверка, не имея иного выбора, отправила зашифрованное письмо мэру, предупреждая его о том, что городские ворота должны быть закрыты и любое проявление враждебности подавлено силой. Предупреждение сделало свое дело, мэр ответил, что будет в точности исполнять инструкции и полностью отвечает за поведение горожан.

Тем временем толпа стала собираться и вокруг харчевни, поскольку любопытствующие уже заметили сходство приземистого человека в синем мундире и круглой шляпе с изображением, отчеканенным на пятифранковой монете. По иронии судьбы именно это сходство привело к опознанию и аресту Людовика XVI в Варенне в 1791 году. То же самое могло ожидать и беглеца, неохотно ковырившего сейчас поданную еду. Так или иначе, но в этот день он осознал истинную цену народной любви. После обеда дремавший на плече своего слуги император был разбужен шумом во внутреннем дворе гостиницы. Он спокойно сказал: «Если бы мне предложили сейчас корону Европы, я бы не принял ее... Я был прав в том, что никогда не питал доверия к человечеству». Затем, утомленный событиями этого своего путешествия, уснул.

Комиссары не спали. Они были заняты тем, что составляли планы, каким бы образом им доставить пленника живым. Было предложено замаскировать Наполеона под австрийского офицера, и Наполеон согласился на этот маскарад. Императору дали один из мундиров генерала Келера. Эта хитрость помогла без помех покинуть «Ла Калад», но ее раскусили, когда процессия проезжала под стенами Экса, где криков «Долой Николая! Долой тирана!» было еще больше, чем в Оргоне. Наполеон, слыша буйство толпы, едко прокомментировал склонность провансальцев менять свои убеждения. «Во времена Революции эти люди устроили здесь кровавую резню, — сказал он. — Восемнадцать лет назад я пришел в эти места с тысячей человек, чтобы спасти от смерти двух роялистов, которых жители собирались повесить. Их «вина» состояла в том, что они носили белые кокарды, и я не без труда спас их. Теперь, как видите, они собираются применить те же меры к тем, кто не носит ее!» После Экса группа встретила команду жандармов, которые благополучно проводили ее в замок Люк.

Здесь, в доме префекта, Наполеон испытал единственную за всю поездку радость. Это случилось 26 апреля, на седьмой день путешествия Наполеона в изгнание. Его сестра Полина,

самая красивая и добрая из дочерей Бонапарта-отца, оказалась в этом доме. Она расстроилась, увидев брата в австрийском мундире, и он сменил его на более привычный, чтобы не расстраивать ее далее. Сестра пообещала ему разделить его жизнь на Эльбе. И эта женщина сдержала свое обещание.

III

Бернадот, шведский кронпринц, мечтавший занять опустевший трон, не стал продлевать время своего пребывания в Париже. Довольно скоро он решил, что не стоит проверять реакцию парижан на то, что он вел своих шведов в бой против человека, который возвел его на вершину успеха и власти. Впрочем, он всегда думал, что другие просто не понимают его. Выпады против его персоны во время краткого пребывания кронпринца во французской столице удивили его, поскольку сам он не видел в своих действиях ничего, что заслуживало бы порицания. Что из того, что он помогал сокращать своих бывших товарищей на протяжении всего пути из Саксонии к Рейну? Бурьенн, сам являвшийся предателем, был слегка удивлен поведением Бернадота, особенно когда последний признался, что его смутила готовность французов принять Бурбона. «Я был удивлен, — сказал Бурьенн в редкий миг откровенности, — что Бернадот, который, насколько я знал, не был лишен природного ума, мог вообразить, что воля подданных могла хотя бы как-то повлиять на перемены в правительстве. Не удовлетворенный своим пребыванием в Париже, — продолжает Бурьенн, — он через несколько дней выехал в Швецию».

Париж в эти дни представлял собой настоящую выставку коронованных и могущих быть коронованными особ, что, несомненно, случается нечасто в истории любого города. Когда император Наполеон покидал Фонтенбло, императрица Мария-Луиза с королем Римским уже готовились отбыть в Вену. Разведенная императрица Жозефина развлекалась возможностью побыть со своей дочерью, бывшей голландской

королевой, в компании русского царя, австрийского императора и державного короля Пруссии. Граф д'Артуа находился в столице в качестве аккредитованного представителя реставрированного короля Франции, ожидавшего официального вызова в Стэнморе, в Мидлсексе. Рядовому французу требовалась немалая толика отваги и находчивости, чтобы проложить себе путь в этой мешанине старых и новых призывов к верности.

Решение призвать Людовика пришло 20 апреля, в тот самый день, когда его бывший соперник покинул Фонтенбло. Под одобрительные возгласы толпы кокни затянутый в корсет принц-регент возглавил великолепный военный эскорт, сопровождавший его царственного брата в метрополию. Белые цвета Бурбонов были повсюду, на стенах Девоншир Хауза были развешаны флаги и символы Франции и Англии, а лондонские обыватели насвистывали хит сезона — песенку «Белая кокарда». Два монарха, оба отличающиеся полнотой, встретились и обнялись у «Аберкрон Армс» в Стэнморе. Изгнанника приветствовали англичане, готовившие к поездке его карету. Можно лишь сожалеть, что язвительный герцог Веллингтон не был свидетелем этого акта примирения двух стран. Если бы это произошло, история могла бы обогатиться еще одним примером его едких замечаний. Сияющие франкофилы уступили место лошадям, украшенным лавровыми венками, и процессия направилась в отель Грийон на Албемарл Стрит, Пикадилли, где оркестр герцога Кента сыграл «Боже, храни короля» в честь гостей и хозяев. Лорд-мэр и олдермены столпились в приемной, а за ними рой эмигрантов (включая Фанни Барни), обеспокоенных тем, чтобы усталый Людовик не забыл их, не польстившихся на амнистию, объявленную Наполеоном. Спустя несколько дней, когда поверженный император уже спешил из своих бывших владений, подгоняемый ненавистью по отношению к нему южан, Людовик ступил на берег под крики не менее шумных по этому случаю северян. Его сопровождали эмигранты, эмоции которых были вполне понятны. После двадцатилет-

него изгнания они снова вернулись на французскую землю, и большинство из них уверенно смотрело в будущее. Впрочем, был среди них, по крайней мере, один человек, не забывший воздать должное и прошлому. Аббат Каррон, покидая свое британское убежище в Сомерс Тауне, оставил прощальное письмо «благородным и чувствительным душам... отнесшимся к несчастному изгнаннику, гонимому в своей родной стране и осужденному пребывать в неизвестности в вашей стране, с братской заботой и родительской нежностью». Письмо заканчивалось словами: «Провидение осудило меня на великую жертву, вынуждая меня теперь к новой эмиграции». В 1814 году политические беженцы могли чувствовать себя в Британии в абсолютной безопасности. Им не надо было опасаться арестов на основании договоров о выдаче эмигрантов, их не сажали в приготовленные на взлетных полосах самолеты и не отправляли назад на родину, где их ожидала расправа. В этом отношении британцы как нация, по всей видимости, деградировали. Хотелось бы, чтобы копии письма аббата Каррона были оправлены в рамку и вывешены в кабинетах всех министров иностранных дел.

Долгое путешествие к Средиземному морю подходило к концу. 27 апреля переодетые путешественники достигли Фрежюса, маленького порта, где менее пятнадцати лет назад генерал Бонапарт и наиболее удачливые его приближенные ступили на землю после окончания Египетского приключения и помчались на север, чтобы довершить дело Революции. Теперь вокруг него не толпились возбужденные французы, молившие об избавлении от коррупции властей и некомпетентного правительства, но капитан британского фрегата «Неустрашимый» Ашер дал салют из двадцати одного орудия, возможно в знак признательности перед великим человеком, но возможно и в честь комиссаров, которые все время пути были его тюремщиками. В любом случае Наполеон был теперь не только в руках своих победителей, но и на их территории.

Неподалеку стоял на якоре французский бриг, чье название «Непостоянный» как нельзя лучше подходило к тому, чтобы быть теперь названием для всей Франции. На бриге развевался флаг Бурбонов, и Наполеон предпочел воспользоваться гостеприимством британских моряков. К счастью для императора, русский и прусский комиссары покинули его. Полковник Кэмпбелл и генерал Кёлер, два вежливых сторожевых пса, представлявших Британию и Австрию, должны были оставаться на своем посту до самой Эльбы.

В 11 часов вечера 28 апреля 1814 года он взошел на корабль. По отношению ко всем своим спутникам он проявлял свою привычную сердечность и приветливость, которая столь часто превращала его врагов в друзей. Первыми его завоеваниями были закопченные нижние палубы фрегата, где вскоре после отплытия у всех моряков, кроме боцмана Джо Хинтона, который стойко противостоял обаянию отрекшегося императора и чертыхался всякий раз, когда слышал, как его товарищи лестно отзывались о высокородном пассажире, он получил прозвище «мировой парень». Подозрительность Хинтона рассеялась лишь после того, как он получил свою долю золотых наполеонов, розданных императором членам команды после высадки.

Началась вторая жизнь Наполеона. Спокойный, рассудительный, вежливый и внешне ко всему равнодушный, он был доктором Джекилом, который преодолел порывы мистера Хайда, жившего в его душе последние четыре недели. Он проявлял необыкновенную тактичность. По странному стечению обстоятельств на борту корабля оказался племянник сэра Сиднея Смита, английского искателя приключений, о котором Наполеон как-то раз сказал, имея в виду упорную оборону англичанином Акры: «Этот человек заставил меня пожалеть о своей судьбе». Теперь он ограничился тем, что заметил: «О, человек, с которым я встречался в Египте».

Путешествие оказалось легким и приятным для всех пассажиров, а для нескольких привилегированных личностей обеда и беседы с государственным узником стали настоя-

шим откровением, в котором они не только почувствовали силу духа этого человека, но и стали свидетелями рождения мыслей, что раньше было тайной для всех.

Австрийскому комиссару Кёлеру он высказал свои опасения относительно увеличивающегося могущества России, которое могло серьезно угрожать империи Габсбургов. Капитану Ашеру он поведал о своей мечте построить флот из трехсот парусников, а когда скептический мореход спросил, как он собирается осуществить этот план, Наполеон ответил, что намерен призвать под знамена своего флота жителей прибрежных французских городов и перевести их в Зейдер-Зе*. Усмехнувшись, английский капитан ответил, что эти моряки-новобранцы вряд ли смогут перенести первый же шторм. Возможно, капитан забыл, что половина команды его собственного корабля была силой набрана незадолго до отплытия. Наполеон без злобы предсказывал Бурбонам беспокойное правление и высказал несколько раз чуть ли не оскорбительные замечания по поводу боевых качеств австрийцев, русских и пруссаков, которые только что свергли его с трона. Уважительно он относился только к Блюхеру. «Этот старый дьявол, — признавался он, — доставил мне массу проблем. Если я громил его вечером, он снова рвался в бой уже на следующее утро. Если я бил его утром, он отступал и был снова в бою прежде, чем наступала ночь». Он словно бы предчувствовал события, которые произойдут спустя год, и вклад Блюхера в решающее сражение 18 июня 1815 года.

К 4 мая, когда «Неустрасимый» бросил якорь в Порто-Феррайо, боцман Хинтон, уступивший чарам императора, присоединился к прощальному посланию кочегаров со словами «Доброго здравия, Ваша честь, и большей удачи в следующий раз».

По мере того как лето сменяло весну, со всех концов Европы колонны пеших людей в потертых и заплатанных мундирах устало брели по направлению к французской гра-

* Зейдер-Зе — залив Северного моря у берегов Нидерландов.

ниже. Это были военнопленные, отпущенные, согласно условиям мира, домой. Теперь они шли, питаясь по пути подаванием. Когда-то они покинули свою родину новобранцами или уже подготовленными солдатами во время кампаний, сотрясающих континент на протяжении десятилетий беспрерывной войны. Они двигались на юг от портов, расположенных на берегу пролива Ла-Манш, сходили с британских кораблей после освобождения с блокшивов в эстуариях английских рек, в частности новой тюрьмы в болотах Дартмура, и по сию пору служащей Голгофой, из столь дальних городов, как Эдинбург и Эшбертон, — шел щедрый обмен солдат Его королевского величества, содержащихся в крепостях Биче и Верден, которых, впрочем, во Франции было на порядок меньше.

Французы возвращались на родину, пересекая хребты Пиренеев, проходя мимо могил стольких своих товарищей, это были бывшие пленники Испании и Португалии. Французы шли через равнины Саксонии мимо полей, бывших свидетелями их триумфов и поражений. Они брели на запад из Силезии, Богемии, с берегов Балтийского моря, они шли на северо-запад из Италии. Часто к ним присоединялись группы людей с глазами, выжженными морозами, которым чудом удалось выжить в русском плену, в Сибири, после отступления Великой армии из Москвы в 1812 году. Эти полупривидения жестокой эпохи, уже ставшие историей, с удивлением смотрели на то, как приграничные города Франции готовили праздничные фестивали, ожидая прибытия бурбонских принцев. Недавние пленные слышали о Бурбонах, но немногие из них видели их живьем. Их память была наполнена событиями более позднего времени, когда полувооруженные волонтеры одержали триумфальные победы в Жемаппе и Флери, их память хранила череду побед императорских войск, начиная от Лоди и заканчивая Бородино.

Эти люди стали очень гордыми, и эта гордость была заслужена их победами — им было не к лицу аплодировать разодетым аристократам, которые представляли теперь Ко-

ролевскую гвардию, сменившую гвардию Императорскую. Также им было сложно проявлять энтузиазм по поводу призывов буржуа носить белые кокарды и салютовать в честь человека, который играл в вист на английских курортах, в то время когда они входили победителями в столицы европейских государств. Скоро многие из этих ветеранов оказались в тяжелом положении, некоторые попали в тюрьмы за то, что открыто выражали предпочтение поверженному режиму Бонапарта. Они не хотели и не могли приспособиться к образу жизни, который умер, когда их отцы захватили арсенал Дома Инвалидов, вооружившись тридцатью тысячами находившихся в нем мушкетов. С этих пор под их влиянием образовались группы тех, кто отвергал абсолютизм не только в Париже, но и в Вене, Мюнхене, Варшаве и, наконец, даже в Москве. Но и не зная этого, они все же породили новую волну национального самосознания и остановили набат, который безостановочно звонил в честь королей. Однако прежде, чем это произошло, у нашей истории был короткий, но громкий эпилог. Одно из подразделений будущих сторонников Империи, миновав Нидерланды, медленно вступило на родную землю, прошло Брюссель и Шарлеруа. Здесь бывшие пленники войны остановились, чтобы достать фруктов и молока на одной из ферм, расположенных неподалеку от главной дороги. Фермы эти назывались Ла-Э-Сент и Угумон. Некоторым из путников вскоре предстояло лишиться жизни именно в этих фруктовых садах и на этих полях. В нескольких минутах ходьбы от этих ферм располагалось невысокое плато, которое местные жители называли Мон-Сен-Жаном. А за плато стоял хутор, известный сегодня всему миру, — Ватерлоо.

Примечания автора

Глава 2

¹ Совет Макдональда Наполеону. Много раз за последующий год маршалу Макдональду пришлось понуждать своего начальника собраться, но этот совет был воспринят только тогда, когда стало уже слишком поздно. Интересно вспомнить, что Наполеон в свои молодые годы был, можно сказать, апостолом концентрации всех сил и теперь мог видеть, как сам стал подчиняться этой всеобъемлющей стратегии в лице некоторых своих учеников. Только двое из 26 наполеоновских маршалов, Массена и Даву, были способны выигрывать битвы большого размаха, опираясь на собственную стратегию. Сульт тоже был прекрасным стратегом, но не в наступлении, а в обороне. Остальные были только тактиками и при командовании силами, превышавшими корпус, становились лишь выполняющими приказы генералами.

² Капитан Рёдер из Гессенской гвардии, выживший после похода на Москву, по своем возвращении из России на несколько недель был задержан в Штральзунде. А капитан-садист из этого гарнизона имел привычку хлестать своих подчиненных перед дверями камеры Рёдера стеком и шпагой плашмя. Служба в шведской армии в то время была столь же жестокой и унижительной, как и в прусской, где офицеры рассматривали своих рядовых как рабов.

Глава 4

¹ Бессьер как роялист. Бессьер был единственным маршалом Наполеона, который действительно применил армию в защиту Бурбонов от парижской черни. При атаке Тюильри в августе 1792 года он был членом королевского гарнизона. Но слишком малоизвестный, чтобы попасть в проскрипционные списки, месяц поскрывавшись, он присоединился к республиканской армии уже в Пиренеях. С Наполеоном встретился впервые в Итальянской армии, будучи капитаном кавалерии.

² Густав был убит в битве, но она послужила поворотным моментом Тридцатилетней войны, которая раздирала Центральную Европу в первой половине XVIII столетия.

³ Латур-Мобур был типичным воякой того времени. Позже во время этой кампании он потерял ногу и, когда его слуга стал изливаться в соболезнованиях по этому поводу, воскликнул: «Вот тупица! Ведь теперь тебе придется чистить всего один сапог!»

Глава 5

¹ Гражданским людям может показаться странным, что главнокомандующий позволяет себе удалиться отдохнуть, когда идет битва такого масштаба, но на практике это распространено довольно широко. Фельдмаршал Монтгомери поступил точно так же в сражении при Эль-Аламейне, удалившись спать в свой прицеп. Впоследствии, чтобы управлять боем, он применял радиопередатчик. При такой нагрузке человек должен был иметь абсолютно ясный ум, и потому периодический отдых был совершенно необходим. В тех же условиях не оставалось ничего другого, кроме как ждать донесений ординарцев, посвящающих полководца в развитие операции. За двое суток, предшествовавших 21 мая, Наполеон едва ли имел около часа или чуть больше спокойного отдыха.

Глава 8

¹ То же самое произошло в Линьи за два дня перед Ватерлоо, где корпус д'Эрлона, достаточно сильный, чтобы превернуть Катр-Бра или Линьи в решающие победы, маршировал взад-вперед от рассвета до заката, подчиняясь приказам и контрприказам начальников. Любопытно, что сначала этими боями командовал Ней.

² Маршальский жезл Понятовского был действительно заслужен. Племянник Станислава, последнего короля Польши, он пошел на службу к французам, когда Великая армия заняла Варшаву в 1806 году. И хотя Наполеон так и не дал Польше свободы, как надеялись Понятовский и все остальные польские

патриоты, князь остался предан императору, и возглавляемые им войска были одними из самых храбрых и эффективных частей французской армии.

³ Это не остановило Бернадота от издания собственного бюллетеня (тяжелейшее нарушение воинской дисциплины), оценивающего их поведение. За это он впал в немилость и был отослан с поля битвы.

⁴ Изобретенные полковником (позже сэром Уильямом) Конгревом ракеты были впервые испробованы по настоянию принца-регента во время войны в Испании, но консервативный Веллингтон никогда не верил в них в силу их непредсказуемости. «Я не хочу устраивать пожары в городах, а другого прока от этих ракет нет», — писал он в своих донесениях.

⁵ лейтенант Стрэнджуэй дорос потом до генерала. По иронии судьбы он был убит в Инкермане, сражаясь против русских в Крымской войне сорок один год спустя.

⁶ Интересно сравнить уровень потерь среди высших офицеров Великой армии с потерями Первой и Второй мировых войн. Убитых чинов высшего ранга в сражениях при Ипре и Эль-Аламейне было сравнительно мало с обеих сторон. В наполеоновских же кампаниях шанс быть убитым, раненым или взятым в плен после прохождения чина полковника увеличивался. Например, только в Бородинском сражении в сентябре 1812 года было убито более дюжины генералов.

Глава 9

¹ Такой портрет Жерома дошел до нас благодаря перу министра финансов Бено, но честнее будет добавить, что Бено писал о нем еще и так: «Будучи лучше подготовленным, он, без сомнения, вынес бы груз своего имени, как бы тяжел он ни был». Более приятный аспект неуравновешенного характера Жерома проявился восемнадцать месяцев спустя под Ватерлоо. Под Угумоном он дрался с отчаянной храбростью. Жером единственный из всей семьи дожил до радости вос-

становления величия Бонапартов во времена Второй Империи в середине века.

² Генерала Друо, командующего гвардейской артиллерией, не надо путать с генералом Друэ, графом д'Эрлоном, прославленным дивизионным генералом Великой армии. Друо, которого маршал Макдональд описывает как «наиболее честного и благородного человека, которого я когда-либо знал, прекрасно образованного, храброго, преданного и простого в обращении», был во все время наполеоновских войн как заколдованный. Наполеон имел привычку всегда посылать свою артиллерию вперед, и Друо при этом всегда слезал с коня и пешим выступал со своими людьми, одетым в полную парадную форму, которая своей яркостью постоянно вызывала огонь на себя. И, несмотря на это, он не получил ни одной царапины, и когда после Ватерлоо его преданность императору обещала ему судьбу Нея (то есть расстрел), он отказался сбежать, открыто явился прямо к дверям тюрьмы Аббэ в Париже и потребовал устроить над ним суд. Но он был оправдан!

³ После смерти отца Наполеон возложил ответственность за заботу и воспитание своего десятилетнего брата Луи на себя и взял его с собой во Францию, деля с ним жилье. Сам он в двадцать один год жил только на свое лейтенантское жалование, и в гарнизонном городке братьям приходилось делить на двоих эти восемьдесят пять франков. Позже, когда Наполеон стал высшим офицером, он взял Луи в свой штаб.

⁴ Письмо от его тестя было пронесено через линию фронта молодым офицером, назвавшимся майором Эберле, который на самом деле был князем Турн-и-Таксисом, адъютантом короля.

⁵ Выражение «волосатые ранцы» появилось благодаря невыделанным козьим шкурам, из которых делались ранцы французской пехоты.

⁶ Победы Веллингтона на полуострове (Б. Т. Батсфорд). Микаэль Глоувер сообщает некоторые интересные факты об убойной силе мушкетов, использовавшихся обеими сторонами. Он говорит, что британцы и португальцы использовали

гладкоствольные кремневые тридцатидевятидюймовые ружья с пулями весом более унции. Они убивали на расстоянии в триста ярдов, но солдаты могли промахнуться и в восьмидесяти ярдах; точность стрельбы составляла два промаха на тринадцать выстрелов. Ружье могло быть перезаряжено в течение от двенадцати до пятнадцати секунд. Неадекватность огня с обеих сторон диктовала определенную тактику, и армии сражались сомкнутыми рядами, а пехота строилась в каре, чтобы отразить атаки кавалерии. Тем не менее некоторые из британских солдат были вооружены тридцатидюймовыми винтовками Бэйкера, стреляющими в четыре раза быстрее и на расстояние больше трехсот ярдов. Сэр Джон Мур, убитый под Коруньей в 1809 году, придавал применению винтовок в обучении рекрутов огромное значение. Этот факт, вкуче с тем, что некоторое количество винтовок в британских войсках уже было, давал Веллингтону решительное преимущество в перестрелках. Наполеон тоже оценил преимущество винтовок, но отменил их в своей армии в 1807 году, поскольку они требовали тридцать секунд на перезарядку.

Глава 10

¹ Случай с полковником Вирио интересно освещает ту несправедливость, которая может сокрушить человека, по незнанию вовлеченному в дела государства. В 1800 году сенатор был похищен переодетыми агентами Фуше, которые ворвались в его дом в поисках компрометирующих документов. Сенатор вернулся домой целым и невредимым, но поспешил пролить свет на свое приключение перед Наполеоном. Тот, разгневанный столь бесцеремонным обращением с одним из своих гражданских представителей, приказал Фуше провести строгое расследование и наказать виновных. Фуше так и сделал, выбрав в качестве жертв двух ни в чем неповинных козлов отпущения, которые предстали перед судом за преступление похищения. Вирио, знавшему об их невинности, случилось быть одним из судей, и он изо всех сил пытался спасти их от наказания. Когда эти попытки провалились, он решил

очистить хотя бы имена. В результате он сам стал объектом безжалостного полицейского преследования, попал в опалу и оставался без работы до той поры, пока отечество не оказалось в такой опасности, что потребовались шпаги даже козлов отпущения.

Шестьдесят лет Вирио пытался обелить свое имя, но безуспешно, и умер в 1860 году, так и не узнав правды о том, что сломало ему жизнь. Факты всплыли только после того, как Кретено-Жоли, историк восстания в Вандее, изучил все документы Вирио, а Ленотр, терпеливый исследователь всех окольных путей революции и Империи, взял на себя труд доказать невиновность не только Вирио, но и тех двух несчастных, из-за которых он так пострадал.

² Сдача генерала Дюпона в Байлене в 1808 году была ударом, причинившим постоянную угрозу морали Великой армии, — и, по сути, оказалась первым несчастьем такого рода. В него оказались вовлечены восемнадцать тысяч человек, а Дюпон был осужден Наполеоном и заключен в тюрьму.

³ Виконт Кестльри, политический оппортунист в дни своей молодости (его избрание в Парламент в возрасте двадцати одного года в качестве представителя от графства Даун стоило 60 000 фунтов стерлингов), был тем не менее исключительно умным и далеко видящим государственным человеком и мог бы служить примером для подражания самому Меттерниху. После падения Наполеона, в чем он сыграл немаловажную роль, он игнорировал растущую волну национализма и стал непопулярен у себя на родине. В пятьдесят три, спустя год после смерти Наполеона, виконт покончил с собой.

Глава 11

¹ Описывая поведение своих необстрелянных войск в этом сражении, Мармон писал в мемуарах: «Новобранцы, прибывшие за день до битвы, встали в строй и вели себя с замечательным мужеством, как старые солдаты. О, какой героизм в самой французской крови!» Затем он приводит историю о двух рекрутах в битве при Шампобере.

Глава 13

¹ Астианакс, сын Гектора. После падения Трои победившие греки сбросили его со стены, несмотря на его младенческий возраст, чтобы Троя уже никогда не возродилась.

² Оригинальный текст этого важного приказа так и не был никогда найден; Блюхер, прочитав его, отпустил гонца. Но перевод с немецкого был сделан еще в то время, и нет причин сомневаться в его подлинности.

³ Памфлет Шатобриана. Во время его написания Шатобриан проживал с женой на Рю де Риволи в страхе перед наполеоновской тайной полицией. На ночь он прятал бумаги под подушку, а днем их носила под нижней юбкой мадам де Шатобриан. Когда союзники шагали к Парижу, памфлет листок за листком был напечатан в обстановке большой секретности и, как только город был сдан, появился. Его полное название таково: «От Бонапарта к Бурбонам».

Глава 15

¹ Кабанис Пьер Жан (1757–1808) был врачом и политиком, игравшим большую роль в революции. Известно, что он весьма интересовался токсикологией и умер при загадочных обстоятельствах, предположительно от одного из своих ядов. Если яд был тот же, что дали Кондорсе, который использовал его, чтобы умереть в тюрьме в 1794 году, то, возможно, он был уже старым для того, чтобы эффективно подействовать.

² Битва при Мон-Таборе разгорелась неподалеку от Акре во время Египетского похода 1798–1799 годов. Генерал Клебер (позже павший от руки убийцы) с 2000 человек оказался отрезан и сражался в пустыне целый день против 25 тысяч арабских всадников. Он был спасен лично Наполеоном, который устроил противнику чудовищную резню.

Глава 16

¹ Каролина Коломбье написала Наполеону незадолго до того, как он принял титул императора в 1804 году, и напомнила ему об их юношеской идиллии. Она спрашивала, нельзя

ли что-нибудь сделать для ее брата. Всегда неизмеримо щедрый к старым друзьям, Наполеон ответил ей немедленно, несмотря на то что Каролина была замужем за неким Брессью. Вскоре Брессью стал президентом выборной коллегии, брат Каролины лейтенантом, а она сама фрейлиной у матери Наполеона. В дополнение скажем, что все родственники Кодамбе, лишенные собственности во время революции, были изъяты из списков эмигрантов.

Приложение 1

Маршал Жан Этьен Макдональд Главы из «Воспоминаний»

Глава 21

Великая армия. — Битва при Люцене. — Оккупация Дрездена. — Битва при Бауцене. — Беспольный конгресс. — Стычка на Бобере. — Капитуляция Вандама. — Схватка при Гольдберге. — Битва у Каубаха. — Беспорядочный отход. — Генерал Себастиани. — Серьезные приготовления.

Это было в августе месяце 1813; я отправился из Саксонии принять командование 11-м корпусом Великой армии. На следующий же день после моего прибытия на императорскую штаб-квартиру я получил приказ атаковать Мерсбург, который я взял штурмом после упорного сопротивления. Я знал, что это место защищают прусские войска, бывшие в предыдущую кампанию под моим командованием, и ими руководит тот же генерал*, поэтому моя стремительная атака была особенно яростной. Мы продвигались к Люцену и Лейпцигу. Я находился между этими городами, а союзные войска расположились напротив, на левом берегу Альстера. Название этой реки, которая несколько месяцев спустя едва не стала для меня фатальной, прочно врезалось в мою память. Император, уверенный, что все силы противника собрались в Лейпциге, послал туда генерала Лористона, командующего левым флангом. Потом пришел ко мне и дал распоряжение поддержать его в случае необходимости, но в этот момент он получил сведения о том, что союзники движутся в нашем направлении из Пегау. Император не мог в это пове-

---

* Имеется в виду корпус Йорка.

рить, потому что был твердо уверен, что их основные силы сосредоточены у Лейпцига. Маршал Ней убеждал его в том же и утверждал, что не заметил на Альстере ничего необычного. Однако начавшаяся стрельба определенно велась по расположению его корпуса, огонь становился сильнее и быстро приближался; тогда император отослал маршала и вскоре последовал за ним сам.

Приходило множество предостережений, но, несмотря на это, император оставил у Лейпцига Лористона и меня для его поддержки или защиты. Однако, едва только он достиг позиций войск, дислоцированных в центре, планы были изменены, и мне приказали двигаться прямо к Альстеру. Не успел я выполнить это распоряжение, как получил следующий приказ — следовать на правый фланг; но так как враг продолжал наступление, этот приказ предписывал мне идти прямо на их орудия*. Мы подходили с двух сторон, и у вражеской кавалерии было достаточно времени, чтобы проскользнуть между мной и маршалом Неем, который потерял некоторые позиции, уступив их неприятелю. Противник понял мой маневр и стал отступать, но мы продолжали наступление на его правый фланг и вынудили его занять позицию у искусственного канала, который предназначался для сплава леса. К сожалению, не без потерь мы преодолели небольшую долину и вышли на возвышенность; перед нами лежала равнина, выходить без кавалерии на нее было опасно.

Неожиданно огонь прекратился по всему фронту, и против нас был направлен резерв вражеской кавалерии, состоявший из конной гвардии их императорских величеств императоров России и Пруссии. Трижды он пытался прорвать наше каре, но безуспешно. Каждый раз враги откатывались назад, неся потери. Их третье постыдное отступление показало, что при наличии кавалерии у нас был бы великолепный шанс для контратаки. Наш левый фланг, которым командовал маркиз де Латур-Мобур, предпочитавший не атаковать, прикрывали,

* Наполеон говорил: «Ordre, contrordre — desordre» (Приказ, контрприказ — дезорганизация). Эта быстрая смена приказов свидетельствует о недостатке кавалерии, столь необходимой в те времена для полной рекогносцировки.

увы, всего несколько эскадронов. Я просил его об атаке, но вице-король*, под началом которого находился маркиз, отказался, несмотря на мою мольбу, так как не желал рисковать тем малым количеством солдат, которые были нашим единственным резервом. Битва была выиграна пехотой и артиллерией. И вторично получила название битвы за Люцен.

Поле боя, особенно наш фланг, было усеяно мертвыми и ранеными, которых мы не могли убрать из-за недостатка средств. На следующий день рано утром нас посетил император. Он похвалил нас за силу и энергию атаки, которая остановила победное шествие врага и склонила чашу весов в нашу пользу.

На следующий день после переправы через Альстер, которую враг не защищал, император щедро раздавал армейским корпусам награды, чины, знаки отличия, пенсии, титулы, звания и т. д. Наградой для меня стало назначение командиром авангарда.

Неприятель больше не осаждал Дрезден, только взорвал мост и защищал правый берег Эльбы, чтобы обеспечить себе отступление. Пока изыскивались средства для постройки или починки моста, моя пехота преодолела завалы с помощью лестниц, а как только мост был восстановлен, мы перевезли и артиллерию. Император по этому случаю взял на себя функции интенданта, остановил все обозы, но я получил разрешение взять некоторые, принадлежащие моему корпусу, и в тот же вечер занял позицию на высотах у Дрездена.

На следующий день я последовал за врагом, но настиг его только у Бауцена. Я был уверен в том, что за мной следует вся остальная армия, но, как оказалось, войскам было разрешено отдохнуть, и я обнаружил, что нахожусь в одиночестве перед лицом противника. Чтобы обмануть неприятеля, я расставил свой корпус паучьей сетью и стал ждать прибытия остальных войск.

Наши удачные вылазки заставили врага поспешить с наступлением. Один его шаг на наши позиции уничтожил бы

---

* Евгений Богарне.

их, но несмотря на это я предпочитал рисковать, а не изображать наступление по всей линии фронта; решено было вести стрельбу с разных огневых точек, с тем чтобы заставить противника поверить в наличие на этих высотах всей нашей армии. Так прошло несколько дней, пока наконец не подошли все резервы. Мы атаковали Бауцен, перешли Шпрее, и я принял участие в битве за Вурцен, которая после двух жестоких стычек в Бишофсверда привела нас в Силезию и дальше, до Левенберга. Во время боя в городе разгорелся пожар, я думаю, это было делом рук мародеров. Во время действий в Яуере и после оккупации Бреслау союзники заключили с нами перемирие. Для расквартирования своего корпуса я занял один из районов Левенберга. После ужасных неудач предыдущей кампании мы уже сделали достаточно, чтобы слава нашего оружия снова вернулась. Франция и ее армия горячо стремились к миру.

Кongress собрался в Праге, но было очевидно, что там идет нечистая игра. Душой конгресса была Австрия, которая соблюдала нейтралитет, начиная с возобновления военных действий, но, как стало известно впоследствии, она заключила с Россией и Пруссией предательский договор еще в феврале прошлого года. Достаточным доказательством этому служил маневр врага перед началом его наступления: вместо переправы через Одер войска встали у хребтов Богемии. Та позиция, которую они заняли, не оставляла иного выбора, кроме капитуляции, если предполагать, что Австрия заставляет всех уважать свой нейтралитет. Но это было ошибкой.

Переговоры были сорваны, и начались военные действия. Союзников поддержали австрийцы, а вскоре и изменившая нам Бавария. Непосредственно перед нарушением перемирия я получил приказ разведать все возможные выходы из Богемии — от Саксонской границы в районе Бобера, который служил демаркационной линией нашего фронта, тогда как правый фланг упирался в горы. В то же самое время войска союзников вошли в Богемию. Они двинули туда свои главные силы и атаковали меня за два или три дня до пред-

полагавшегося окончания перемирия. Враги надеялись захватить меня врасплох, но я был готов встретить их, разместив свои подразделения таким образом, что они находились достаточно близко друг от друга и в любой момент могли быстро сосредоточиться при угрозе, исходящей с любого направления. Через день после моего возвращения в Левенберг я получил сообщение о новой атаке противника. Я прошел половину пути до указанного места, но ничего не услышал и не увидел. Все передвижения врага были скрыты холмами и другими препятствиями. Поскольку я не получил никаких дальнейших сообщений, то пришел к выводу, что подразделение, защищавшее атакованный пост, не смогло вернуться в Левенберг. Пока готовился завтрак, я, чтобы прояснить свои сомнения, взял конный дозор и медленно направился к тому месту, где по дошедшим до меня слухам враг перешел в наступление. Там я обнаружил, что все тихо, что наступление действительно было, но противник тут же отступил. Информацию об этом должен был сообщить ординарец, но он, видимо, заблудился или просто напился. Мы проехали уже немалое расстояние, учитывая и первую разведку, поэтому и люди, и лошади нуждались в отдыхе — и я с жадностью набросился на скудный завтрак, сердечно предложенный мне солдатами.

Когда я снова садился в седло, чтобы возвращаться, ко мне галопом прискакал офицер, сообщивший, что враг переправился через Бобер в том самом месте, которое я только что покинул, и что атака была столь внезапной, что не было времени даже спасти обозы. Посланец не был уверен в том, что обозы захвачены, поскольку при появлении врага сразу бросился искать меня. Я подумал, что это нападение только на аванпосты, и решил вернуться, но не успел я проехать и половину лиги, как новая информация от беглецов подтвердила то, что я услышал с самого начала: мы были отрезаны от основных позиций и практически от всех своих частей.

Несколько часов я ждал возвращения разведчиков, но их данные вполне совпали, и в конце концов я решил пойти

обходным путем, выставляя аванпосты; мы шли почти сутки и дошли до Левенберга измученные и усталые. Там я узнал, что произошло. Части Лористона, присоединившиеся ко мне вчера, соединились с моими войсками и вместе отбросили врага обратно за Бобер. Но они понесли некоторые потери, и мои обозы действительно исчезли.

Вследствие доклада об этом событии, который я отослал императору, он поспешил к нам с резервом и гвардией. Мы также взяли пленных и узнали от них, что главный удар союзников планировался на левом берегу Эльбы. Несмотря на это император подумал, что у него еще достаточно времени, чтобы отвоевать часть пограничных земель; чего мы и добились, взяв Бауцен и продвинувшись вплоть до Гольдберга.

Император вернулся в Дрезден. По пути он услышал, что императоры России и Пруссии покинули Богемию и также двигаются в направлении Дрездена. Спустившись с горы, закрывавшей вид на город, он смог увидеть расположение частей союзников. Император оказался там как раз вовремя для того, чтобы атаковать их и заставить сдаться, но, к сожалению, врага не преследовали с достаточным упорством. Император послал Вандама, который, пребывая в полной уверенности, что его поддержат, двинулся вперед и втянулся в дефиле Тёплиц.

Но как только один из вражеских корпусов оказался отрезан, союзники вернулись и атаковали Вандама, а вскоре в тыл ему ударил и отрезанный отряд, который искал способ вырваться из окружения. Оказавшись между двух огней, Вандам сдался, был взят в плен, а вместе с ним и почти весь его корпус. После сообщалось, что в тот день император неважно себя чувствовал и потому был вынужден вернуться в Дрезден вместе с резервом и гвардией как раз во время этого катастрофического события. Как обычно бывает, во всем обвинили Вандама, хотя в этот раз он был виновен разве что в чрезмерном рвении.

После возвращения в Дрезден, для борьбы против союзников, император послал за мной и, сообщив, что нуждается

в маршале Нее, приказал принять командование корпусами Нея и Лористона, а также кавалерией генерала Себастиани. Ней и Себастиани проводили операции недалеко от Лейпцига и по достоверным слухам уже отступили. Император сказал мне, что необходим хитрый маневр, и заметил, что именно поэтому он объединил четыре армейских корпуса, включая мой, под моим командованием. Он приказал мне быстро начать наступление, взять Бреслау и занять выходы из Богемии в Силезию.

Я сразу же вернулся к войскам, и мы, не откладывая, выступили. У Гольдберга мы встретились с отрядом вражеской кавалерии, и последовавшая стычка оказалась неудачной, несмотря на все усилия генералов Рейзе и Оденарде. Я поспешил сплотить части и возглавить атаку, ожидая, что за мной последуют. Но, столкнувшись с кавалерией и зная, что мои люди отступили, я был вынужден сделать то же самое.

Пехоте, правда, удалось пройти через глубокое ущелье. Генерал Монье начал выстраивать войска в каре. Видя, что меня преследуют, он предложил присоединиться к нему, но я отказался и проследовал мимо. Враг не отвечал на его огонь, поскольку беспокоился только о том, чтобы прикрыть собственное отступление. Мы нетерпеливо преследовали их, но наша главная задача заключалась в том, чтобы отвести их подальше, дав тем самым возможность генералу Суаму, командующему войсками Нея, и генералу Себастиани подойти ближе.

Последний получил приказ оставить свои позиции и двигаться к Яуеру, развернувшись к правому флангу противника, тогда как я вышел на линию атаки у Кацбаха. Моим правым флангом командовал генерал Лористон. Вскоре Себастиани действительно подошел с усиленным авангардом кавалерии, который попал как раз под огонь двух линий. Мы же избежали этого, совершив быстрый фланговый маневр.

Уже вторые сутки шел непрекращающийся сильный дождь.

Мы полагали, что сможем расставить основные силы генерала Суама на тех высотах, которые оставил враг. Я прика-

дал нескольким эскадронам и легкой артиллерии произвести рекогносцировку, а сам тем временем отправился на правый фланг и приказал Лористону послать несколько отрядов через Кацбах, чтобы выяснить, какие силы у противника на левом фланге. Эти приказы были отданы достаточно ясно, но ни один из них не был четко исполнен. Генерал Суам, например, получивший приказ еще рано утром, полностью проводил намеченный план расположения войск перед правым флангом противника. Его колонны двигались позади кавалерии Себастиани, которая наступала на высоты, хотя я всего-навсего приказал нескольким эскадронам продвинуться вперед с целью разведки.

Я узнал об этих противоречащих приказу передвижениях, когда вернулся с правого фланга. Противник, войска которого быстро отступали в центре, не предпринимал таких попыток на правом фланге, и я даже увидел, как на позицию выставляют артиллерию.

Нашей огромной ошибкой было перенесение части орудий на высоты. Почва раскисла, и сдвинуть их с места было очень тяжело. Тогда я приказал перевезти большую их часть снова вниз, но дорога была уже загромождена другими орудиями и кавалерией, поднимавшейся наверх. Я тут же понял, что может произойти, и для подстраховки отправил для защиты плато с обеих сторон пехотную дивизию. Дождь все продолжался, невозможно было даже пользоваться ружьями. Я лично отправился вниз и очистил подножье холма. Ширина дороги была не больше двенадцати или пятнадцати футов, развернуться на ней было невозможно, и единственное, что оставалось, — это уже достигшим вершины развернуться там и снова спускаться вниз. А на это требовалось время.

Пока мы пытались решить эту проблему, противник развернул кавалерию, поддержав ее артиллерией и следующей за ней колоннами пехотой. У меня не было сведений от генерала Суама, я даже не знал, получил ли он мой приказ, но если и получил, то, судя по передвижениям противника, не сделал ничего, чтобы его выполнить. А без поддержки его

частей я мало что мог сделать, и менее всего дать сражение, хотя враг уже называл это именно так. В это время Лористон, отступивший немного на левом фланге, переправился через реку с частью своих войск и атаковал противника всей имевшейся у него кавалерией.

По центру наши орудия завязали в грязи по самые оси, их невозможно было сдвинуть, артиллеристы и солдаты разряжали их и распрягали лошадей. Противник не отваживался спуститься. Я уже упомянул о том, что пехотинцы не могли пользоваться своим оружием, но расположенные на склоне холма они были, по крайней мере, недосыгаемы для атак кавалерии. Вскоре подошла передовая колонна корпуса Суама и лишь осложнила обстановку еще сильнее: его корпус затруднил продвижение частей генерала Себастиани, который был в отчаянии от потери орудий. Суам, запинаясь, высказал несколько оправданий, по которым он провалил выполнение указанных мной действий.

Становилось поздно, дождь шел не переставая, земля превратилась в месиво, ущелье было затоплено, вода стекала потоками. В таких невозможных условиях я отдал приказ отступить к Гольдбергу. Ночной поход в этих обстоятельствах привел к беспорядку; к тому же дождь все не прекращался. Лористону не терпелось выйти на дорогу, по которой он переходил горы. Я заметил, что, скорее всего, это будет невыполнимо, но он настаивал, и я уступил, посчитав, что в случае вынужденного отступления согласие необходимо особенно. И в результате случилось то, что я и предполагал: он обнаружил, что все дороги затоплены, и вынужден был отступить с нами. Одна из его дивизий продвигалась по флангу, имея приказ следовать в направлении, которое должно было привести к соединению его частей с моими. Мы же защищали его коммуникационные линии. На одном из трудных участков дороги несколько обозов, включая мой, завязли в поле, где и остались. Я как раз был там; повозки, перевозящие зарядные ящики, были разгружены для того, чтобы легче было двигаться, но несмотря на это часть из них оказалась потеря-

на. Единственное, что мы нашли, — это достаточно прикрытое место, где можно было расположить кавалерию.

Здесь я ожидал встретиться с дивизией, прикрывавшей войска Лористона с фланга, но ее не было видно, хотя выслали патрули и дозоры. Все войска двигались беспорядочно, все промокли насквозь. Когда войска Лористона и мои оставляли Левенберг, мы запомнили, что мост через Бобер разобран и река разлилась, — а это означало, что пути нашего продвижения отрезаны. Из-за разлива реки у меня не было возможности связаться с Суамом или Себастиани, которые отступали к Бунцлау, где тоже был шаткий деревянный мост, который саперы пытались сохранить. Я прождал дивизию Лористона в течение суток, пока кавалерия не сообщила мне, что больше не может удерживать позицию, на которую я ее поставил, а поиски пропавшей дивизии бесполезны. В это время, несмотря на то что дорогу, ведущую в Бунцлау, по которой шли Суам и Себастиани, затопила вода, по войску прошел слух, что по ней можно пройти и вода там только до колен. Солдаты начали двигаться без приказа, и я, понимая, что их не разубедить, позволил это. Я был вынужден отозвать кавалерию и оставить поиски заблудившейся дивизии в надежде, что она сама как-нибудь отыщет выход из этой ситуации. Через некоторое время я с прискорбием узнал, что из-за медлительности генерала Пакто ей пришлось сдаться.

Дождь наконец прекратился, снова появилось солнце, и мы добрались до Бунцлау, где и обнаружили генералы Суам и Себастиани. Большая часть их корпусов перешла мост, затем это сделали все остальные, и мы продолжили наш неорганизованный поход к Бауцену, где было назначено место сбора. Я не мог подсчитать наши потери. Исключая артиллерию у Яуера и пропавшую небольшую дивизию, они были незначительны. Собрав все войска, я занял позиции и послал рапорт обо всем этом в Дрезден. Император, для которого потери показались огромными, до моего рапорта предполагал, что они и вообще намного больше. Он ожидал увидеть войска расстроеными и деморализованными, а потому был

приятно удивлен, обнаружив, что они объединены и сильны духом. Противник преследовал нас, но, увидев наши позиции, решил не рисковать прямой атакой. Но император не оставил ему выбора. Он прибыл с резервом и гвардией, заметил мне, что новости мои плохи, и приказал идти вперед, в атаку. Вскоре мы были готовы и двинулись вперед; кавалерией, которой в этот момент командовал Мюрат, враг был отброшен, хотя ему и удалось, отступая, занять хорошую позицию на горе Гогелленберг.

Во время нашей атаки на гору император, увидев меня вместе с Себастиани, подошел к нам и грубо обратился к нему. Я был оскорблен и не скрывал этого. Его недовольство относилось не к орудиям, потерянным на плато Яуер, а к последней пушке генерала. Как я узнал от императора, Себастиани, не сказав мне, отправил ему свой собственный рапорт. Император допросил доставившего пакет, забросал его вопросами и выяснил, что у генерала осталось только одно орудие, которое он, страшно боясь потерять, послал с обозом, который, к несчастью, попал в руки неприятеля. Император добавил, что потеря артиллерии на войне — вещь неизбежная, но артиллерия должна обеспечивать защиту войск, а не прятаться за обозные телеги. Я, как мог, защищал Себастиани. Император удалился, оставив мне приказ преследовать неприятеля дальше под моим командованием.

Себастиани негодовал, главным образом из-за того, что его не пощадили даже в присутствии подчиненных. Он хотел застрелиться, искать смерти в бою или подать в отставку. Его удалось успокоить с огромным трудом.

Противник быстро отступал, а мы не медлили с преследованием. Они переправились через оказавшуюся между нами реку Квисс, а когда к ним прибыло свежее подкрепление, даже попытались напасть на нас. Так как у меня не было приказа подвергать себя серьезной атаке, я, в свою очередь, отступил, но медленно. Так мы продолжали наступать и отступать по очереди. Было видно, что противник не хочет атаковать, пока не полностью уверен в успехе, и, когда его силы

стали явно превосходящими, я отошел на несколько лиг к Дрездену. У нас было плохо с провизией и фуражом. Отряды, которые я вынужден был посылать на поиск деревень, вязались в стычки, а солдаты, уходившие в одиночку, обычно просто попадали в руки врага. Таким образом, мы медленно теряли силы и время, но уже близок был тот момент, когда решающая операция должна была положить конец этому положению. Союзники тоже готовились к ней.

Глава 22

Концентрация сил под Дрезденом. — Противоречивые приказы. — Передвижения противника. — Сражение под Лейцигом. — Начало отступления. — Предательство гессенцев. — Разрушение моста. — Замешательство и беспорядки. — Переправа через Альстер. — Ужасное зрелище. — Прием у императора. — Потеря обоза.

Дрезден, где оставался император, был ключевым пунктом концентрации войск. Армия располагалась на обоих берегах Эльбы, продолжая занимать оборонительную позицию. Связь с Францией была прервана, и никакая помощь не поступала с самого начала боевых действий. Однажды утром император послал ко мне одного из своих адъютантов, чтобы узнать мое мнение по поводу данной ситуации и необходимых действиях.

Был октябрь, а у нас не было иного продовольствия, кроме того, которое собиралось основными силами; правда, солдатам разрешалось самостоятельно выкапывать картофель, найденный ими в местах наших стоянок, причем в любых количествах. Я откровенно сказал офицеру, что если император срочно не перейдет в наступление, зацепившись хотя бы за минимальную возможность успеха — что, по моему мнению, было невероятно, так как мы до сих пор не смогли обеспечить себе даже выход в Богемию, — то случится катастрофа. И так с каждым днем армия таяла из-за болезней и

потерь, а новое неудачное сражение ослабило бы нас еще больше. Мы не могли заменить сносившееся снаряжение, не было патронов, страна лежала в руинах, поэтому в данных обстоятельствах самым благоразумным выходом было бы немедленное отступление к Заале. Мы оставили бы сильный гарнизон в Лейпциге и эвакуировали те места на Одере, с которыми у нас еще сохранялась связь, особенно здесь, на Эльбе. Офицер некоторое время сомневался, следует ли ему передавать эти предложения.

«Идите, — сказал я. — Император поймет всю важность данного сообщения и будет благодарен мне за откровенность».

Он вернулся через несколько часов, сообщив, что выполнил свою миссию. Император, принимавший ванну, вызвал его к себе, внимательно выслушал и возразил только по поводу Заале, заметив, что это неудачное место для обороны. Но поскольку я считаю, что отступление необходимо, то в этом случае нет ничего лучше Рейна и следует отправиться туда.

«Идите и сообщите это маршалу», — добавил император.

«Именно так, — ответил я. — Я предлагал Заале только ориентировочно, поскольку дефиле, ведущие туда, очень труднопроходимы, и там мы смогли бы удерживать врага дольше, чем на Эльбе».

Офицер ушел, но сразу после этого прибыл другой, передавший приказ о том, что мне не следует начинать исполнение предыдущего плана, а следует наступать немедленно. Мои разведывательные и фуражные отряды уже ушли, и я, соответственно, был весьма ослаблен. Я попросил офицера доложить императору, что я не могу выступить до тех пор, пока они не вернуться, и что поскольку вынужден постоянно посылать людей за провизией, прошу отдавать приказы хотя бы за сутки до надлежащего срока исполнения. Адъютант вернулся довольно быстро и сообщил, что император настаивает, чтобы я выступил немедленно с теми силами, которыми располагаю, а остальные присоединятся позже, равно как и он сам с резервом и гвардией.

Таким образом, я двинулся вперед, оставив позади тяжелую артиллерию и обозы. От противника нас отделял только лес. Увидев нас, он отступил на высоты Бишофсверды. Мы оставили на правом фланге слабую цепь вражеской кавалерии, от которой были отделены глубоким в виде вытянутой окружности ущельем, прикрывающим гору; там я оставил осадные орудия. Пока я атаковал высоты Бишофсверды, император прибыл на эту батарею, послал за мной, а сам пока стал изо всех сил помогать артиллеристам выкатывать орудия на позицию.

«Куда вы собираетесь стрелять, Сир?» — спросил я его.

«По кавалерии, которая внизу прямо под нами».

«Но она вне досягаемости орудий, Ваше Величество! Я видел это, когда возвращался! И это только разведка, там их всего одна цепь!»

«Неважно», — ответил он и приказал начать огонь.

Мы не могли видеть, куда ложились снаряды, а кавалерия не двигалась. Цель императора была для меня совершенно непонятна. После семнадцатого выстрела он приказал прекратить огонь, заметив:

«Нам это слишком дорого обходится».

Противник отступал с высот, мы преследовали. Император отвел меня в сторону и спросил:

«Вас удивила моя стрельба?»

«Да, — ответил я. — Эта горстка кавалеристов не стоила потраченного пороха и снарядов, не говоря уже о том, что была вне досягаемости».

«Видите ли, — сказал император, — мишенью для выстрела всегда может случайно оказаться какая-нибудь значительная личность. Вспомните Моро! Он был убит шальной пулей под Дрезденом. Вспомните Дюрока или Бессьера!»

На самом деле Моро потерял обе ноги от удара ядром, и обстрел был далеко не случайным.

Император перевел свой штаб в Гарту или Горту, он пригласил меня пообедать и, вместо того чтобы говорить о нашем положении, стал размышлять о проходящем тогда про-

цессе над бывшими подрядчиками. На мою просьбу высказать по этому поводу свое мнение он заметил, улыбаясь, что большинство из них — истцы, защитники и свидетели — заслуживают виселицы. Уходя, я спросил, какие же будут приказания. Он ответил, что все распоряжения я получу утром, а ему для их определения необходимо выспаться. Утром он действительно прислал мне приказ о наступлении, так как ему хотелось встретиться с противником и дать бой. Я приказал выступить авангарду, расположенному на другом берегу Бишофсверды. Меня сопровождал ординарец императора, с тем чтобы доложить о позициях неприятеля, который был совсем недалеко. Во время нашего похода прибыл адъютант, чтобы предупредить меня об огромных силах противника, и ординарец пожелал немедленно возвратиться к императору, с тем чтобы сообщить ему об этом.

«Нет, — остановил я его, — следуйте за мной, мы разведаем обстановку, и вы сможете сказать императору: „Я все видел своими глазами“».

Казалось, что у неприятеля было около 80 000 человек, готовых встретить нас или отрезать. Я сообщил об этом императору, и он велел воспользоваться темнотой, чтобы вернуться на только что оставленные мной позиции. Сам же он вернулся в Дрезден. После его отъезда я чувствовал себя в полной изоляции, день тянулся мучительно долго, хотя были замечены постоянные передвижения в лагере противника. К счастью, неприятель был предупрежден только о приезде императора, а не об его отъезде.

Два дня спустя он вызвал меня в Дрезден. Я сказал, что противника, кроме разведчиков, не видно, но он явно готовится к каким-то передвижениям и маневрам на нашем фланге.

«Не может быть, чтобы они собирались атаковать этот укрепленный лагерь, они слишком робки для этого», — заметил он.

Вернувшись вечером, я узнал, что противник внезапно ушел с позиций, расположенных перед нами, и переместил-

ся на левый фланг. Доставленные пленные сообщили, что их войска отправились в Мюльберг, чтобы там переправиться через Эльбу. Я отослал их к императору вместе с рапортом. Тем же вечером я получил приказ оставить позиции и занять укрепленный лагерь, наспех оставленный другими частями. А через двадцать четыре часа мне в свою очередь также было приказано оставить лагерь и идти к Виттенбергу. Императору очень хотелось перейти Эльбу именно там, и мой авангард уже начал переправу, но в этот момент он получил данные разведки о том, что противник оставил Богемию и двигается в сторону Лейпцига; поэтому я тут же получил контрприказ — направляться к Парте.

Часть сил союзников уже была в двух милях от Лейпцига. Я хорошо помню дату: это было 16 октября. Мы атаковали скорее энергично, чем согласованно, но одна из моих дивизий штыками взяла позицию, известную как шведский редут. Было необходимо поддержать их. Кавалерия подошла быстро и действовала отлично, а вот стрелки проявили себя не лучшим образом. Собственными глазами я видел эскадрон противника, которому удалось обмануть их на расстоянии всего в десять сабель. Обе стороны остались к концу сражения на тех же позициях, что и вначале.

На следующий день, 17-го, несмотря на то что мы находились друг от друга на расстоянии выстрела, огня не было, даже из мушкетов. Но хорошо было видно занимающее свои позиции подкрепление и четко слышны приветственные крики солдат. Ночь прошла так же спокойно: обе стороны готовились к кровавой битве.

18-го рано утром император сомкнул шеренги; враг был готов наступать. У меня был приказ медленно отходить, что я и сделал, причем без особых потерь, если не считать генерала Обри, командовавшего артиллерией, принадлежащей моим соединениям. Наконец я достиг линии огня. Канонада была настолько неистовой, плотной и сильной, что ее можно было сравнить с огнем, ведущимся двумя шеренгами пехоты, более того, имеющими очень мощную поддержку. Я снова по-

терял много людей и лошадей, одно орудие было разбито, а снаряды уничтожены. Я отдал приказ пехоте укрыться в оврагах и за любимыми земляными возвышенностями, а потому и бездействовал несколько часов, оставаясь под вражеским огнем, на который не мог отвечать, в то время как сражение продолжалось с тем же ожесточением, с которым началось.

Армия расположилась перед Лейпцигом полумесяцем, фланг которого выходил на Альстер. Я умолял императора сменить мою артиллерию, но он послал мне только гвардейскую батарею, которая появилась очень вовремя. Противник, заметив, что на его огонь нет ответа, решил, что сумел заставить меня замолчать, и поскольку не видел никаких войск, полагал, что может занять ту позицию, на которой находился я. Однако скоро я их обманул: как только они начали свое отчаянное наступление, внезапно показались мои войска, поддерживаемые артиллерией. Они отступали, продолжая отвечать на огонь, но уже не так яростно как вначале. Может быть, они сэкономили заряды или просто некоторые их орудия тоже пришли в негодность.

Я был с полковником Бонгаром, мы оплакивали огромное количество жертв, распростертых у наших ног. В тоске и скорби от увиденного, я пожалел лишь о том, что меня оберегали пушки, в то время как убивали столько смелых солдат. Пока мы обсуждали это, я увидел, что неприятель отступает на левом фланге, а корпус генерала Ренье, выстроенный в две колонны, наступает. Первая колонна состояла из саксонцев, вторая — из французов. Я приказал так же наступать, чтобы поддержать их, но тут, к своему ужасу, увидел, что передовые части остановились на рубеже, только что оставленном противником, развернулись и открыли огонь по французам, шедшим за ними. Такого предательства история еще не знала. В прошлом году, когда прусские войска предавали нас, у них, по крайней мере, хватило благородства не открывать по нам огонь. Потрясенная, смешавшаяся первая колонна побежала, за ними тут же кинулись те, кто еще недавно воевал под нашими знаменами. Было абсолютно по-

нятно, что это сделано при поддержке неприятеля, но самым решающим фактором явилось то, что император лично не примчался тотчас же остановить их и не сплотил войска на линии фронта.

Становилось темно, и огонь, медленно затухавший с обеих сторон, наконец совсем прекратился. Все остались на тех же позициях, только наш левый фланг был отброшен ближе к Лейпцигу. Мы провели ночь крайне бдительно, предвидя тяжелое отступление, но ни в коем случае не предвидя завтрашней ужасной катастрофы.

Из штаба к нам был послан офицер с приказом отступить в пригороды Лейпцига, в конце дороги, ведущей на Дрезден, но он заблудился и прибыл только в семь утра. Благодаря туману наши позиции были невидимы, и мы смогли отступить незамеченными. Другой корпус сделал то же самое, и мы, таким образом, создали новую линию фронта. Практически весь артиллерийский парк невозможно было сдвинуть, и пушки взорвали. Ничего лучшего нельзя было и придумать, чтобы поднять тревогу и объявить врагу о нашем отступлении. Он мгновенно воспользовался этим и начал штурмовать высоты, бывшие ключевой точкой моих позиций.

Пригородные сады были окружены земляными валами и могли послужить неким подобием бастионов против пехоты и кавалерии, но против пушек были бесполезны. Мы забаррикадировали все подходы, сделали амбразуры в стенах, но это помогало мало. Канонада наводила ужас и на жителей домов, и на солдат. Неприятель наступал плотными рядами, и остановить его мы смогли лишь ненадолго. Под убийственным огнем прибыл генерал Жирарден, в то время адъютант принца Невшательского*, сообщивший приказ, согласно которому я должен был немедленно послать дивизию на правый фланг в помощь маршалу Ожеро.

«Посмотрите сами, — ответил я, — разве я могу еще аробить силы? Мне самому необходимо подкрепление. Идите и передайте это императору».

* Титул Бертье.

«Свою миссию я выполнил, — заявил он, — поступайте как знаете». И с этими словами покинул меня.

У меня не хватало людей для того, чтобы удерживать весь фронт, но я представил себе, что если между мной и корпусом маршала Ожеро вклинятся вражеские полки, я окажусь обойденным и отрезанным, и потому решил послать не дивизию, а только бригаду Гессенской дивизии.

Все это время мы дюйм за дюймом защищали землю, брали и отдавали по несколько раз пригороды, но все-таки были отброшены прямо на городской бульвар. В этот момент мне сообщили, что Гессенская бригада возвращается, не найдя на том месте, куда им было приказано прибыть, ни друзей, ни врагов. Это меня крайне удивило. Но с фронта меня уже крепко жали, и я решил, чтобы маршал Понятовский предпринял попытку атаки с небольшим количеством оставшейся в нашем распоряжении кавалерии, пока пехота отступает к мосту, чтобы перейти через Альстер.

Гессенская дивизия в этот момент вошла в город, как я предполагал, по приказу генерала Маршана. Но вместо того, чтобы двигаться к Альстеру по широкой улице, ведущей к мосту, они поднялись на городские валы и открыли по нам огонь. Это новое предательство окончательно лишило мужества наши войска. Они отступали в ужасе, не обращая никакого внимания на все попытки сохранить порядок. Эта лавина смыла и меня. В довершение всех несчастий я узнал, что мост, наше единственное средство коммуникации, взорван!

Эти ужасные новости, которые мы тщетно старались скрыть, мгновенно распространились повсюду; на каждом лице были написаны страх, злость, отчаяние, и среди них я был не последним. Ни до, ни в течение сражения не было предпринято никаких мер для защиты Альстера или дороги на Линденау, хотя найти на реке узкие места, где любые части с любым вооружением могли бы переправиться, было бы весьма просто; Альстер — река неширокая. Также не было оставлено отрядов и на левом берегу, которые могли бы прикрыть отступление, если бы мост уцелел или был бы сооружен новый.

Главный штаб вместе с императором находился в Маркунштадте. Я до сих пор не могу найти названия их преступному безразличию; что это было: отсутствие способностей, трусость или отсутствие малейших чувств и сожалений по поводу огромного количества жизней, принесенных в жертву.

Мост взорвали несколько часов назад, но из-за канонады, суматохи и взрывающихся обозов мы этого не услышали. Была сделана попытка переложить всю ответственность за взрыв и неподготовленную переправу на инженера, отвечавшего за мост. Но никто не рискнул подвести его под трибунал, поскольку было ясно, что он и не получал никаких приказов, напротив, сам предложил генерал-майору начать подготовку переправы, но в ответ услышал, что, когда император прикажет это сделать, времени будет еще достаточно.

Самая вероятная версия катастрофы была следующей: мост заминировали и оставили на несчастных капрала и нескольких артиллеристов или саперов, с приказом взорвать его, когда покажется неприятель. Эти несчастные видели и слышали, что часть армии все еще находится на правом берегу, но понятия не имели о том, что других мест для переправы нет.

Позднее стало известно, что даже если бы мост оставался целым, нам все равно не удалось бы им воспользоваться, поскольку подходы к нему были заблокированы артиллерией и обозами. Может быть, это было и так, но тем не менее пехота все-таки могла бы переправиться, да и кавалерия, оставив лошадей, тоже — и тогда было бы спасено множество жизней. Затор же возник из-за того, что не было никакого надзора и никаких приказов о том, чтобы сохранить путь свободным. Две вереницы обозов проходили слева и справа по бульварам Лейпцига, а третья по главной улице города; они встретились перед мостом и начали драку за то, кому переходить первым, повозки сцеплялись колесами, блокировали пространство... и наша несчастная судьба была решена.

Однако я спасся, твердо решив не попадаться живым в руки врага и предпочитая застрелиться или утонуть. Как я уже сказал, влекомый толпой, я пересек два небольших рука-

ва Альстера; первый — через небольшой мост, вися на перилах, так как ноги мои не касались досок (меня подняли, раз десять я едва не свалился в воду); а второй — на лошади, одолженной моим квартирмейстером, имя которого я, к сожалению, забыл, хотя и воздал ему по заслугам.

Скоро я обнаружил, что нахожусь в открытом поле, окруженный толпой, убежденной в том, что я знаю выход, хотя я не мог найти ни единой отметки на карте. Предстояло еще переправиться через главный рукав реки. Лористон, с которым мы вместе преодолевали предыдущие потоки, был отделен от меня, а какой-то из адъютантов князя Понятовского сообщил, что тот утонул, хотя я все еще считал, что он позади меня. Как я уже упоминал, я был благодарен ему за попытку прикрыть наше отступление, но не видел его с момента возвращения. Атака не состоялась, потому что кавалерия, услышав о бедствии на мосту, не последовала за ним, думая только о собственной безопасности. Адъютант проливал слезы, рассказывая мне о смерти князя; он бросился в воду прямо на лошади, но был не в состоянии подняться на другой берег, оказавшийся очень крутым; усталый конь под ним упал, и обоих унесло быстрым течением. Во время этой истории мой адъютант Бернонвиль схватился за узду моего коня и сказал: «Господин маршал, князю уже не поможешь, теперь важно спасти вас».

И мы галопом ринулись оттуда, чтобы вырваться из толпы, все еще окружавшей меня; по пути он сообщил мне, что полковнику Мариону, командиру инженеров моего корпуса, удалось переправиться на ту сторону. Он срубил пару деревьев, перекинул их через реку и покрыл дверьми, ставнями и досками. Мы поспешили туда, но это место было уже запружено войсками. Мне сказали, что маршалы Ожеро и Виктор преодолели эту слабую конструкцию даже верхом, несмотря на все предостережения, и поскольку края бревен не были скреплены, деревья отделились друг от друга, настил разъехался и не осталось ничего, кроме двух стволов, по которым никто не отваживался пройти.

Это был мой единственный шанс, я подумал и решил рискнуть. С трудом слезши с лошади, окруженный толпой, я встал на два дерева, и подо мной оказалась пропасть. Дул сильный ветер, а на мне был широкий плащ со свободными рукавами, и я очень опасался, что из-за ветра потеряю равновесие или что на стволы встанет кто-нибудь еще — и мне придется от него избавиться. Я прошел уже треть пути, когда кто-то решил последовать за мной, деревья закачались, и я полетел в воду. К счастью, под ногами оказалось дно, но берег был слишком крутой, а земля размытой и скользкой; я безуспешно пытался выбраться на берег. Один из вражеских отрядов заметил меня и начал обстреливать. Но в меня они не попали, а несколько наших, оказавшихся поблизости, отогнали их и помогли мне выйти из воды.

Я был мокрым с головы до пят, не говоря уже о неимоверной усталости и сбившемся дыхании. Герцог Рагузский*, перебравшийся раньше, но заметивший меня еще на том берегу, дал мне лошадь. Я хотел также получить сухую одежду, но ее не было.

Один из моих грумов, по имени Ноде, отвечавший за мою записную книжку, не переправился через реку, но отдал ее солдату, который разделся и вплавь доставил ее мне. У меня не было денег, чтобы отблагодарить его. Маршал Мармон одолжил мне свой кошелек, и я отдал его этому человеку. Он, совершенно голый, прошел с нами еще лиги три, а с моей одежды все продолжало течь.

Когда мы были недалеко от Альстера, появилось множество неприятельских стрелков. Я собрал тридцать человек, находившихся поблизости, для того чтобы защитить орудие, и отогнал врагов.

На другом берегу Альстера огонь продолжался, но вдруг прекратился. Наши несчастные солдаты сгрудились на берегу и толпами стали прыгать в воду, их сносило течением. Отчаянные крики раздавались со всех сторон. Люди видели меня, и, несмотря на шум и грохот, я четко слышал, как они кричали:

* Титул Мармона.

«Господин маршал, спасите людей! Спасите ваших детей!»

А я ничего не мог для них сделать! Полный злости, гнева, негодования, я плакал!

Не имея возможности помочь этим несчастным, я покинул обезлюдившие места. Те, кто видели, как я упал в реку, посчитали меня утонувшим, и слух о моей смерти, равно как и о смерти князя Понятовского, быстро распространился среди жалких остатков армии, которым удалось переправиться через Альстер, и дошел до штаба. Поэтому мое появление там вызвало настоящую радость, все расспрашивали меня, горя желанием узнать детали этой ужасной беды и моего удивительного спасения. Император пожелал меня видеть, но я так негодовал на него, что отказался следовать за посланцами. Однако меня уговаривали пойти, убеждая в том, что это надо сделать в интересах армии и Франции, и я, опасаясь очередной глупости, в конце концов сдался.

С императором было еще несколько человек, среди них граф Дарю. Он сидел за столом, поддерживая голову рукой и глядя на карту, развернутую перед ним. Со слезами на глазах, я рассказал о том, что произошло.

Долгое время меня преследовали ужасные картины и в ушах звенели крики: «Спасите ваших солдат! Спасите ваших детей!» Я очень скорбел о тех, кто, предпочтя плену верную смерть, бросился в воду.

Император слушал меня, не перебивая, но на остальных мой рассказ действовал по-разному. Впрочем, горе испытывали все. В конце я сказал, что потери армии в людях и в материальной части невероятны и что, не теряя ни секунды, нужно собрать оставшихся и идти к Рейну. Мы находились в Маркруднштадте, я прошел до него три лиги и все еще был мокрым и ужасно усталым. Император это заметил, но сказал довольно холодно:

«Идите и отдыхайте».

Я оставил его, злясь на его равнодушие, ведь мне не предложили ни одежды, ни помощи. А я, как уже упоминал, потерял все, и багаж, и обозы. Когда меня вытащили из реки,

герцог Рагузский сказал, что видел мои обозы в пробке на бульваре в Лейпциге, но они следовали в противоположном направлении, тогда как я считал, что они находятся уже в штабе армии.

Накануне вечером я отдал приказ выступать, пока дороги были еще свободны и открыты, но из-за невероятной фатальности, которая нас преследовала, мой адъютант, ответственный за это, заснул, а когда наконец пробудился, было уже поздно. Все, что находилось в этом обозе, оказалось потерянным, включая от 12 до 15 тысяч франков золотом, которые он приказал хранить в своем портмоне. Позже он объяснил, что, боясь потерять их на территории лагеря, положил портмоне в сумку в моем экипаже, а потом забыл забрать ее оттуда в сумятице бегства вместе с моими слугами.

Я потерял и все серебро. Когда это стало известно, то после моего ухода из штаба мне предложили все, в чем я нуждался — смену одежды и карманные деньги. Но когда я открыл свой чудом уцелевший бумажник, то обнаружил там приличное количество двадцатифранковых монет и поэтому от денег отказался.

Глава 23

Маршал Ожеро. — Переправа через Заале. — В Эрфурте. — Откровенный разговор. — Прибытие в Гельнхаузен. — Предостережение. — В лесах Ганау. — Исход из леса. — Въезд в Ганау.

20 октября на рассвете мы двинулись по направлению к Заале. От моего армейского корпуса осталось 800—900 человек, с ними я и пошел. Поскольку мы двигались вперед, не имея артиллерии и обозов, это происходило достаточно быстро. Мы переправились через реку по наведенному мосту и на другом берегу встали лагерем на ночь. Я встретился с маршалом Ожеро и попросил его объяснить, каким образом дивизия, посланная мной для поддержки, согласно приказу

императора, переданного мне генералом Жирарденом, не нашла никого на указанном месте. Он, чертыхнувшись, ответил:

«Этот идиот вообще ничего не соображает! Разве вы этого еще не заметили? Разве не поняли, что он совсем потерял голову в этой катастрофе и в том, что за ней последовало? Трус! Он сдался и в жертву был готов принести нас всех, но неужели вы воображаете, что я глуп настолько, что дам себя убить или забрать в плен ради каких-то пригородов Лейпцига? Вам следовало бы сделать, как я, и тоже уйти!»*

Это было все, чего я смог от него добиться.

На следующее утро мы продолжили движение и встретили обоз с провизией, принадлежавший императорской гвардии. У нас же не было даже куска хлеба, о чем я и попросил. Это вызвало у интенданта некоторое замешательство.

«Ваши обозы потеряются, — сказал я, — и станут добычей врага. Немедленно раздайте всю провизию солдатам вокруг».

В конце концов я получил от него пять или шесть буханок хлеба и разделил их между моими офицерами.

Нам нужно было перейти через Заале. Через реку был переброшен хрупкий мост для пехоты, которая осаждала мост и готова была снести его. Командиров не было. Я по меньшей мере два часа пытался восстановить порядок, но безуспешно, и в итоге перешел мост сам. Было около двух или четырех часов пополудни; мне сообщили, что недалеко находится наш генштаб. Перед домом я увидел сидевшего на стуле императора, но он никак не отреагировал на мое появление. Главный конюший** позвал меня и дал мне буханку хлеба, цыпленка и бутылку вина. Не выказывая спешки, я принял все это, испытывая и благодарность, и голод. Коленкур сказал мне, чтобы согласно приказу я продолжал идти вперед и через какое-то время должен выйти к разрушенно-

* Вот как эта беседа передана у одного из виднейших западных исследователей жизни Наполеона Эмиля Людвига: «Макдональд встречает Ожеро, которого он зря прождал с его корпусом, тот смеется ему в лицо: „Что я — совсем с ума сошел, чтобы дать себя изрубить в пригороде Лейпцига? Да еще ради этого безумца? Благодарю покорно!» (Э. Людвиг. Наполеон. М.: 1997. С. 388).

** Придворный титул Коленкура.

му мосту, который сейчас чинят. Я отправился туда со своим грузом. Мои офицеры, пока я ездил в штаб за дальнейшими приказами, кое-как перебрались через Заале, будучи уверенными, что я вернусь. У моста я нашел за работой понтонеров и саперов; по нему могли пройти люди и лошади в поводе, но никак не повозки. Строители пили бульон, и я спросил, не осталось ли у них немного.

Они кивнули и поделились со мной. Я покрошил в бульон немного хлеба и с жадностью съел.

После этого легкого завтрака я осмотрел все вокруг и заметил, что никто не прикрывает мост во время работы. Строительство было видно со склонов гор, где противник мог расположить орудия и разнести мост в щепки, что в конце концов и произошло.

Я снова перешел на другую сторону, чтобы посмотреть, смогу ли определить их число, и выслал наш небольшой отряд в их направлении. При первых же выстрелах император перешел по хрупкому узкому мосту, который использовали рабочие, и я увидел, как он удаляется от реки на быстром галопе. Наконец прибыл один из наших взводов, который и должен был прикрывать мост, но прежде чем они подошли к нему, я тоже перешел его еще раз и отправился в штаб. Я не знал, какова судьба моего маленького войска и офицеров, поэтому просто сел на лошадь и последовал за своими частями. Было уже совершенно темно, а так как дорога была заблокирована, мы пробирались по берегу, рискуя сломать себе шею или провалиться в расщелину. Наконец мы добрались до расположения штаба. Когда я проезжал мимо дома императора, Коленкур узнал меня и пригласил поужинать, они еще только садились за стол. Я согласился.

На следующее утро мне, поскольку враг кишел уже по всей стране, собрали небольшой авангард. Поздно вечером мы прибыли в Эрфурт, город, занятый нашими войсками и обладавший хорошо укрепленной крепостью. Командиром там был генерал д'Альтон, однако ворота были закрыты из-за опасений перед ночными беспорядками; это, впрочем, не

спасло город от неразберихи и днем. Здесь находилось множество разнообразных складов, и чтобы не терять времени, без всяких формальностей двери выломали и все разграбили.

Через несколько часов император послал за мной. Первым, кого я увидел в замке, был король Неаполитанский*. Он предупредил меня, что император собирается приказать мне найти оборонительную позицию посильнее, чтобы он смог задержаться на пять-шесть дней.

«Лучше найдите послабее, — добавил он, выгугавшись, — а то он не успокоится до тех пор, пока не угробит себя, да и всех нас».

«Ничего страшного, — ответил я, — даже если у нас будет великолепная позиция, я все равно выскажу ему свое мнение по поводу создавшейся ситуации».

Когда я вошел, император действительно дал мне именно то задание, о котором предупреждал Мюрат.

«Сейчас о разведке не может быть и речи, — сказал я, — туман настолько густой, что ничего не видно в пятнадцати ярдах. Но, Сир, — продолжал я, — вы серьезно говорите о том, чтобы остаться здесь?»

«Люди устали, — сказал император, — а противник преследует медленно. Мы должны дать им отдохнуть».

«Без сомнения, это было бы необходимо при других обстоятельствах, — заметил я, — но в нашей ситуации, когда войска деморализованы и царит хаос, то — если, конечно, мне будет позволено называть вещи своими именами — мы должны как можно быстрее добраться до Рейна; большинство людей уже находятся на пути туда, но двигаются они совершенно беспорядочно».

«А я говорю, что значительное число их уже остановлено и даже сформировано пятнадцать батальонов».

«Вас обманули и обольстили пустыми надеждами, — с твердостью произнес я на всю комнату, где все прекратили писать и стали слушать. — Именно то же произошло после смерти Тюренна и гибели его армии. Придворные сказали

---

* Мюрат.

Людовику XIV, что его войска переходят Рейн в таком количестве, что при подсчете их оказалось бы больше, чем вообще было во всей армии. Людовик сам сделал это справедливое замечание. Наши люди отходят в беспорядке, все усилия остановить их — провалились, ибо к Рейну их гонит инстинкт. Никто из нас не предполагал ни отложения короля Баварии, ни его перехода на сторону союзников, ни того, что генерал Вреде форсированным маршем намерен отрезать наше отступление между Эрфуртом и Франкфуртом. Исходя из этого, ясно, почему союзники не торопятся нас догонять, они намерены дать Вреде время зайти нам в тыл. Если он достигнет Гельнхаузена (это место уже было мне известно), то очень сомнительно, чтобы нам удалось выбить его оттуда, тем более если он получит время укрепиться там. А времени у него будет предостаточно, если только Ваше Величество останется здесь еще на два-три дня. Теперь вы можете рассчитывать только на гвардию, но остальные, увлеченные примером, как в прошлую кампанию...» — Впрочем, все, что я говорил, было достаточно очевидным.

Император сидел в глубокой задумчивости, а остальные, два его личных секретаря и третий — герцог Бассано* — прекратили писать. Герцог даже зажал перо в зубах и скрестил на груди руки. Он уставился на меня, выражая изумление; он впервые услышал столь свободные и откровенные речи, обращенные к императору. Я замолчал, ожидая решения. В конце концов он нарушил молчание, сказав, что осознал справедливость моих замечаний, поблагодарил за честность и добавил, что подумает о моих словах, а пока хочет, чтобы я все-таки разведал обстановку.

Я ушел и вернулся через несколько часов, чтобы доложить, что туман не рассеялся (это было правдой) и что соответственно я смог разглядеть только то, что было непосредственно у меня перед глазами — а именно, что все окрестности города неровны и обрывисты. На это он заявил:

«Очень хорошо. Мы выступаем завтра».

---

* Титул Марс.

«Даже это будет слишком поздно, — ответил я, — нам следует выступить сейчас. Люди уже начинают бросать обозы с добычей».

Мародерство никто и не пытался остановить. Но выхода не было, пришлось оставаться там до следующего дня. На подходе к Гельнхаузену я обнаружил, что позиция уже занята, но, к счастью, примерно только тысячью человек. Мост через Кинцих, прикрывавший эту позицию, был сломан, но в такой спешке, что балки плавали на поверхности. Неподдалеку шныряли вражеские пикеты. Многие одиночки остановились, я собрал их вместе и создал батальон. На этой позиции у противника не было пушки, поэтому с помощью нашей я отогнал их от реки.

Как только мост был хоть немного восстановлен, я отдал приказ атаковать. Эта позиция была хороша для засады. Неприятель был настолько слаб, что даже не пытался отбросить нас назад, но если бы у них было время закрепиться, то не знаю, удалось ли бы нам выбить его. Позднее к ним подошло подкрепление, в основном кавалерия, и целый день мы провели в стычках, постепенно продвигаясь к деревне, в которую вошли уже ночью. Там был замок, куда прибыл император, чтобы расположить свой штаб, хотя до этого уже разместил его в маленькой деревушке в тылу. Таким образом, все пришлось заново упаковывать и погружать на повозки. В упомянутой деревне имелся только один неудобный дом, тогда как там, где был я и куда прибыл Наполеон, был замок, необжитый, но зато с мебелью.

Я получил информацию о том, что баварская армия стоит в Ганау. Численность ее неизвестна, но войска начали подходить накануне вечером и продолжают прибывать и сегодня. Времени у них хватило только на то, чтобы послать отряд в Гельнхаузен, а кавалерию на другие позиции, к Ганау. Я узнал это от человека, прибывшего в тот день и видевшего все это собственными глазами.

Император позвал меня и поинтересовался, в безопасности ли он, если учесть, что его гвардия еще не подошла.

«Я не могу ответить на этот вопрос, — сказал я, — мы прибыли, когда уже стемнело, почти перед вами, и я даже не знаю, все ли мои войска последовали за мной».

«Но выставлены ли, по крайней мере, дозоры?»

«Да».

Он оставил меня на обед и послал за человеком, который прибыл из Ганау и чьи слова я передал. Он хотел расспросить его сам, но не узнал ничего нового, кроме того, что уже рассказал я. Тогда он объявил, что баварцы против него не устоят. Увы, следующий день показал, как он ошибался.

Мы выступили на рассвете и вскоре встретились с баварскими дозорами, поддерживаемыми сильным авангардом. Мне пришлось остановиться и дожидаться подхода нашей кавалерии, схватившейся с противником в сабли и вынудившей его вернуться в леса Ганау, докуда мы их преследовали. Началась перестрелка, выдержать которую моя горстка войск не могла, так что несколько раз я приказывал им отступить в укрытия, а кавалерии отвечать за поддержку пехоты.

Это продолжалось несколько часов, потом я решил посмотреть, что же происходит на дороге, и выбрался туда в сопровождении нескольких человек из моего штаба. Но как только мы появились, по нам открыли такой сильный ружейный и орудийный огонь, что пришлось снова поспешно отступить под прикрытие леса. Однако у меня было время, чтобы разглядеть диспозицию противника, где я не увидел ничего, что могло бы вселить в нас надежду или уверенность.

Все мои послания к императору, в которых я предупредил его о сопротивлении встреченного противника, о сокращении наших сил и о срочной необходимости подкрепления (о чем, к счастью, не мог догадаться противник, поскольку мы были рассеяны по лесу), остались незамеченными. Я вынужден был отправиться к императору лично, но боялся оставить людей, ибо без меня они могли утратить мужество, поскольку лишь мое присутствие держало их вместе. Но мы находились всего в четверти лиги от штаба, и я решил.

Чтобы отвлечь наблюдение, я прикрыл свой отъезд перемещением отряда кавалерии, а сам галопом умчался.

Добравшись до императора, я энергично разъяснил ему то положение, в котором мы оказались.

«А что я могу сделать? — сказал он равнодушно. — Я отдаю приказы, а их никто не выполняет. Я хотел собрать все обозы в одном месте под прикрытием кавалерийского эскорта, но никто не явился сделать это».

«Охотно верю, — ответил я, — у этих людей есть опыт и инстинкт, они вполне осознают, что дорога, по которой вы хотите отправить их, закрыта для нас. Но поймите, ситуация неординарная. Сир, надо отбить проход, немедленно, без малейшей отсрочки. Пошлите вперед все войска, имеющиеся в вашем распоряжении. Почему до сих пор в деле не участвует гвардия? Нас полностью разобьют, если помощь не появится прямо сейчас».

«Ничем не могу помочь», — уныло ответил он.

А ведь раньше от каждого его жеста, знака или слова все трепетали, и он не мог не знать этого!

Тем не менее император вызвал генерал-майора, который заявил, что тоже отдавал приказы. Они повторили их, сигнал сбора был дан, и я отбыл из штаба с обещанием, что часть гвардии все-таки прибудет под мое командование. Я сообщил эту новость, которая немного вдохновила солдат. Огонь и нападения продолжались; гвардия не появлялась, нетерпение солдат росло с новой силой. Наконец вдали показались медвежьи шапки Старой гвардии, и я указал им позицию, которую предстояло оборонять на время нашего отдыха.

Прибыло четыре батальона егерей, командовавший ими генерал ожидал моих приказаний. Половину я поставил на фланги как снайперов, а вторым двум батальонам приказал вести огневую поддержку в линию. Они немедленно отправились на позиции. Один только вид этих ветеранов заставил неприятеля отступить из леса, но все еще было трудно очистить его полностью или хотя бы подтянуться к опушке. Про-

тивник продолжал обстрел ядрами и бомбами. Но нам удалось сохранить позиции, что уже было хорошо. Император прибыл с гвардией и частью других войск. Он потребовал доложить об обстановке, я сообщил ему необходимую информацию, оценив численность противника, по крайней мере, в 30 тысяч человек.

«Можем ли мы безопасно произвести разведку?» — спросил он.

«Безопасно — нет. Придется рискнуть, один раз я уже сделал это».

«Очень хорошо, выполняйте».

Мы ушли. В самом начале рядом с императором упало ядро, впрочем, никого не задев. Он тут же остановился, спешился, и с этого момента, вплоть до вечера, было невозможно вывести его из леса. Он приказал генералу Друо отыскать подходящее место справа от дороги, где можно было бы расположить гвардейскую артиллерию. Опасность была велика, но этот храбрый генерал, столь же скромный, сколь и выдающийся, даже не подумал об этом. Чтобы отвлечь внимание противника на этом участке, император направил на верхнюю дорогу кавалерию, впереди шли конногренадеры. Они атаковали, но тут же были отброшены назад под защиту полка «Гвардии чести»*, который состоял из молодых людей хороших семей. Это был их первый бой, но они показали замечательное мужество. Конногренадеры отошли за этот полк, и вперед вырвались драгуны, которые успешно атаковали противника, лихо сминая его ряды.

Генералу Друо, хотя и с большими потерями, удалось установить свои батареи на позицию, после чего поднялись и остальные на других рубежах. Мы также успешно дошли до кромки леса; неприятель отступал по всем направлениям и переправлялся через реку, правда, все еще удерживая Ганау. А на нашем правом фланге все еще оставалась мощная батарея, которую никак не удавалось заставить замолчать и которая причиняла нам значительный ущерб. Мы могли бы иметь

* См. прим. к Делдерфилду на с. 68.

огромное преимущество от отступления баварцев, но поскольку император весь день отсиживался в лесу и ничего не видел, все действовали без приказов на свой страх и риск. Всем казалось, что вполне достаточно того, что мы вышли к реке и отбросили противника назад, и никто не увидел, что в нашей ситуации самым важным было переправиться через реку, поскольку пока Ганау не взят, наши связи с Францией по-прежнему оставались прерванными.

День клонился к вечеру, а батарея противника, о которой я упоминал, все еще сильно беспокоила нас; огонь велся прицельно, в точку соприкосновения леса с верхней дорогой. Я присутствовал там лично*.

Кавалерия Нансути прошла через лес. Я попросил его атаковать батарею, но он отказался, сославшись на усталость своих людей.

«Только одно усилие», — просил я, но получил тот же ответ.

Я с невероятным пылом настаивал на своем, когда мимо проходил один из адъютантов императора, генерал Флао. Увидев, в каком я возбуждении, он поинтересовался, в чем дело.

«Посмотрите, — ответил я, — одно маленькое усилие спасло бы нас от этой батареи. Если бы император был здесь, что-нибудь было бы сделано! Он приказал бы, если бы ничего другого не оставалось! В нашей ситуации жизненно необходимо уничтожить любое препятствие и силой проложить себе путь».

---

* Есть и еще одно случайное свидетельство о герцоге Тарентском в битве при Ганау в Воспоминаниях генерала Марбо: «Я остро сожалел о потере моего барабанщика, — повествует барон Марбо, — любимца всего полка, даже не столько из-за его мужества, сколько вообще из-за манеры держаться. Он был сыном профессора коллежа в Тулузе и сам там учился. Он находил огромное для себя удовольствие цитировать латинские стихи, и буквально за час до смерти, глядя в лесах Ганау на купы деревьев, чьи ветви раскинулись широким шатром, процитировал строчку Вергилия:

Titire, tu patula, recubans sub tegmine fagi... («Титир, покоясь под кровлей зеленой широкого бука...»). Первая строчка первой эклоги «Буколик» Вергилия).

Маршал Макдональда, которому случилось проходить в тот момент мимо, громко рассмеялся, воскликнув: «Видно, на память этого малого никак не действуют пушки! Честное слово, в первый раз вижу, чтобы человек цитировал Вергилия под огнем неприятельских батарей!»

«Вы хотели бы видеть императора? — спросил он. — Я приведу его к вам».

«Приведите, если можете», — ответил я.

Было уже поздно, и, вместо того чтобы приехать самому, император передал Нансути приказ действовать. Последний наконец сдвинулся с места. Как только противник увидел его, он тут же отступил, что еще несколько часов назад было бы для нас настоящим благом.

Я вывел остаток своей дивизии на опушку леса. От Ганау мы находились на расстоянии выстрела; некоторые отряды продвинулись еще дальше, но остановились перед сильным заградительным огнем.

Некоторое время мы находились в затруднении, но тут я заметил нестройную колонну, выходящую из леса по направлению к верхней дороге; впереди ее несли зажженный факел. Мне сообщили, что неизвестно каким образом распространился слух об эвакуации Ганау, и император, знавший о хороших помещениях в городе, отправился туда, не дожидаясь дальнейшей информации. Факел горел перед ним. И все, что находилось в лесу: войска, обозы, орудия, лошади — все в беспорядке потянулось за ним.

Я потребовал коня, чтобы догнать его и предупредить об ошибке, но огромная толпа, выходящая из леса, преградила мне путь. Приходилось двигаться очень медленно, только вдоль канавы у дороги, однако несколькими ярдами дальше я смог перескочить ее и поспешил к началу колонны.

Вдруг послышалось несколько выстрелов, колонна замерла, и я заметил, что факел подался вправо и, описав круг, отступил к лесу; остальная же масса, не соблюдавшая строя и все увеличивавшаяся, продолжала наступать на первые ряды, которые внезапно попали в западню. Сам я, окруженный толпой, не имел возможности ни двинуться вперед, ни отступить и не успел присоединиться к императору. Я попытался перейти канаву и вернуться к краю леса, жалея, что вообще ушел оттуда. В конце концов я потерял терпение и приказал

охране расчистить мне путь саблями. Они бросились исполнять приказание с криками:

«Дорогу! Дорогу!»

Из толпы послышался голос:

«Чья это охрана устраивает такую сумятицу?»

Это был граф Дарю, генерал-интендант армии. Я не собирався ни отвечать, ни признаваться. Мне удалось вернуться обратно, предоставив остальным выпутываться самим. Если бы неприятель, зная, что происходит, выслал свои отряды, количество потерь трудно было бы представить, но, к счастью, единственной мыслью противника было отступление.

Посреди ночи я получил приказ императора собрать батарею гаубиц и открыть огонь по городу. Противник не отвечал, из чего мы заключили, что орудий у него нет. Вражеские войска ушли на рассвете, и наши заняли город.

Как только эти новости достигли леса, вся дезорганизованная толпа снова вышла из него. Проехал и сам император, приказав мне сменить войска, находившиеся в городе, до прихода генерала Бертрана. Я не понимал, что происходит, пока все приданные мне солдаты не ушли и не присоединились к потоку, двигавшемуся в сторону Франкфурта, куда направлялся и император. Я послал за ними и вернул человек 150, которых привел в Ганау на смену столь же малочисленному отряду под командованием генерала Суама. Я нашел его в доме на окраине города; мы сменили войска. Противник оставался недалеко, на другом берегу реки, где были укрепления, впрочем, не выдержавшие бы атаки.

Только я сел позавтракать, как Тюильи, командир инженерного полка, которого я посылал на колокольню, вернулся и шепотом сообщил, что противник наступает.

«Возвращайтесь, — сказал я, — и дайте мне знать, когда он будет рядом с воротами».

«А он и сейчас недалеко, — ответил он, — у вас едва ли хватит времени, чтобы уйти отсюда».

Пока он говорил, стрельба уже началась. Я оставил завтрак, позвал начальника моего маленького отряда и сказал ему, что

нужно держаться и что его сейчас же сменят. Покидая город, я встретил генерала Бертрана, которому было приказано сменить нас. Он поинтересовался, сколько людей нужно ему взять.

«Даже всех, кто в нашем распоряжении, вряд ли хватит», — ответил я и продолжил свой путь.

Глава 24

В Майнце. — Что сказал Коленкур. — Разговор с императором. — Нехватка денег. — Эвакуация Арнхайма. — Сюрприз в Найссе. — Враг переходит Рейн. — Вторжение во Францию.

Только во Франкфурте мне удалось найти разрозненные остатки своей дивизии, соединились мы и с отрядом, оставленным в Ганау. Согласно приказу я двигался к Майнцу, куда и добрался ночью. Наплавной мост был настолько переполнен постоянно двигавшимися людьми, повозками и орудиями, что два понтона едва выдерживали такую нагрузку. Необходимо было закрыть его хотя бы на время. Мой начальник штаба, шедший впереди, оставил на городских воротах сообщение о том, что все входящие в мой корпус должны прибыть к месту расположения самостоятельно.

Император прислал за мной на следующий день и оставил обедать. Он разобрал все события и обстоятельства кампании, которые оказались связанными с лживыми обещаниями союзников, особенно Австрии, во время переговоров на Пражском конгрессе. Однако Коленкур и адъютант граф Нарбонн поведали мне, что на самом деле решение этого вопроса было полностью в руках императора, ему самому следовало предпринять некоторые действия и комбинации. Он мог удержать Италию, оставить границу по Рейну и протекторат Гельветической конфедерации. На Наполеона давили, чтобы он согласился на это, и предупреждали, что в случае отказа Австрия неизбежно примет сторону России и Пруссии. Австрияки не делали секрета из того, что связаны

предательским договором, который стал очевидным еще несколько месяцев назад, когда союзники, разбитые в начале кампании, отступили в Силезию, к подножию Богемских гор, куда были готовы войти, — чего никогда не случилось бы, если бы Австрия действительно сохраняла нейтралитет. Тогда они позаботились бы о том, чтобы не рисковать, стоя у подножия гор, поскольку при такой позиции все их коммуникации были бы отрезаны в случае проигрыша решающей битвы. Более того, так как они не были уверены в союзе с Австрией, то во время отступления от плато Яуэр переправились бы через Одер недалеко от Бреслау.

Благоразумие диктовало компромисс, но император был слеп и полагался на свое могущественное влияние на Венский двор, поддержанное, как он верил, его положением зятя, и отказался от уступок Голландии и Ганзейских городов, а также отрекся от протектората Рейнской конфедерации. Правда, как только было объявлено перемирие, он уполномочил своих представителей пойти на эти уступки, однако представители союзников, в свою очередь, ответили, что уже поздно и вопрос придется решать с помощью оружия.

«Почему же, — поинтересовался я, — вы, Ваше Величество, не уступили раньше? Честь вашего оружия была восстановлена. Армия желала этого, все ваши генералы просили того же именем армии и Франции. Я сам отважился показать вам опасность ситуации. Я представил вам те трудности, которые будут у Франции, если она будет сражаться с Российским императором и Прусским королем. И что будет дальше, если Австрия, Швеция и другие государства объединятся с ними? Я допускал, что мы смогли бы восстановить наши потери, но каким образом? Призывая почти детей и беря необъезженных лошадей, которые не выдерживают долгих переходов? Возобновление военных действий снова нарушило бы наши коммуникации, новое поражение неизбежно уничтожило бы нас вообще. У нас не было ни провизии, ни амуниции, и более того, следовало сохранять мужество, дабы поддержать дух солдат».

Подобные слова не произвели на него никакого впечатления во время переговоров, однако теперь он признал их правоту.

«Я не согласился на их уступки, — сказал он, — потому что в случае моего согласия боялся, что союзники станут еще более требовательными и попросят большего».

«Но в таком случае, Сир, — спросил я, — почему же вы наконец согласились, когда стало уже слишком поздно? Если бы вы сделали это раньше, то доказали бы свое стремление к миру; Франция и армия были бы благодарны вам и, возможно, приложили бы больше усилий, чтобы отстоять этот мир. Кроме того, помимо этих уступок — и все предшествующие переговоры гарантировали это — императоры не просили бы ничего. А вы могли бы сделать больше: могли бы с честью освободить себя от язвы, которая уничтожает ваши старые войска в Испании и подрывает ваше казначейство; вас благодарил бы восстановленная Испания и за себя, и за своего суверена, и таким образом поражение Франции, армии и Европы стало бы невозможным».

«Да, — ответил он, — это правда. Но теперь я должен сохранить Испанию в качестве компенсации».

Во время нашего разговора ему вручили бюллетень союзников по поводу событий в Лейпциге. Возможно, в нем было некоторое преувеличение, но я должен допустить, что в целом оно было даже слишком правдиво; союзники были опьянены своим успехом — и не без причины.

Наше положение во Франции и Европе определялось теперь отступлением, ужасными бедами, которые мы уже вынесли, и теми, которые нам еще предстояли, грозя неизбежно сокрушить нас, если для сохранения армии и страны не будет заключен мир, который теперь мог быть завоеван только новыми уступками. На эти выводы император ответил, что собирается попробовать снова провести переговоры, но пока хотел бы удержать позиции на Рейне, в чем я полностью с ним согласился.

Он объяснил мне, что я должен направиться в Кельн и

взять на себя командование по всему фронту от Майнца до Везеля.

«Но с какими войсками? — спросил я. — С кем я должен защитить участок такой протяженности?»

«Я дам вам немного. Они уже подходят со всех сторон, и собрано около 300 тысяч. У вас будет восемьдесят батальонов и шестьдесят эскадронов. Врагу, пока имеющему четкие позиции, придется рассредоточиться, а мы будем бить по его самым уязвимым местам».

Он думал, что союзники будут слабеть и отправятся на зимние квартиры на правом берегу Рейна, оставив ему время на реформирование и усиление армии; но меньше чем через два месяца нам пришлось горько разочароваться в подобных предположениях.

Прежде чем расстаться, император попросил, чтобы я сообщил ему количество моих потерь во время кампании. Я просто сказал, что они значительны, и это было правдой: у меня не осталось даже чистой рубашки. Он сказал, что денег у него в Майнце нет, но что он возместит мне ущерб из Парижа.

«Я был богат, — добавил он, — в начале кампании 1812. Армии были хорошо снабжены, людям платили регулярно, и я оставил 400 000 000 франков в подвалах Тюильри, из которых 300 000 000 были вложены Пруссией. Но 340 000 000 из них уже взяты, чтобы помочь Франции в преобразовании армии в 1813; у меня осталось только 60 000 000. Это — очень немного, а сделать на них нужно так много!»

Это было сказано в качестве оправдания того, что мне достанется только малая доля от этой суммы. Фактически из Парижа он послал мне только чек на 30 000 франков в то время, как я был в Везеле. Впоследствии мне трудно было получить по нему наличные, но в конечном счете мсье де ла Буельри, распорядитель собственности короны, очень любезно устроил мне это дело.

На следующий день я написал старшей сестре письмо с просьбой послать мне белье прямо в Кельн, куда я направ-

дьялся. Мне предоставили экипаж, и я выехал в тот же день, обнаружив мой штаб и ослабевшие войска в Хингене.

Наступила ночь. Меня старались удержать в Майнце, но это было бесполезно, я настаивал на том, чтобы начать путь немедленно. Дорога была плоха; все — хозяин, пассажиры, почтальоны — буквально засыпали. С трудом преодолев крутой поворот вокруг скалы, мы вынужденно остановились и вышли невредимыми, но, отойдя от повозки, с ужасом поняли, что были в двух футах от края обрыва в Рейн. Если бы лошади продвинулись еще хоть на шаг вперед, мы, избежав стольких опасностей — лично я после чудесного спасения на Альстере — должно быть, погибли бы в реке. Я добрался до Кельна без происшествий и получил приказ идти дальше к Везелю и Нимегену.

Мои войска расположились так: справа до Кобленца, а слева — до Арнхайма. Остальные же наши войска повторно пересекли Рейн и направились от Майнца к Везелю. В этом городе был сильный гарнизон, и его губернатору, генералу Бурку, был отдан приказ отдать все свои войска в мое распоряжение, но только с тем, чтобы, поддерживая мои действия, не ставить под угрозу город. Этот генерал был прекрасно расположен ко мне; мы вместе провели разведку и решили, что будет надежнее не идти дальше.

Я прибыл в Нимеген, где когда-то в начале моей карьеры служил в гарнизоне под началом Мальбуа; жил я там и после осады зимой 1794/95. В то время мы одерживали победы; а теперь только слабо оборонялись. Я был уверен, что враг группируется вокруг Арнхайма, который мы удерживали малыми силами. Город был защищен своего рода укрепленным лагерем, но сил у нас было недостаточно, чтобы занять его. Я решил эвакуироваться с этого места, перейдя Лик и Вааль. Я собственными глазами видел приготовления противника, и оставаться нам было никак нельзя, равно как и проигрывать; все распоряжения были даны, но, как всегда в последнее время, выполнялись плохо. Вместо того чтобы отступить ночью, наш гарнизон дождался следующего дня, и неприятель атаковал его в ту же минуту.

В городе было 400 или 500 человек, но они не были готовы ни оставить город, ни собраться в определенную силу. Люди были рассеяны; ворота, через которые мы должны были выйти, не охранялись, более того, охранник, то ли за взятку, то ли из-за предательства, запер их и исчез вместе с ключами, сбежав после первого же выстрела. В результате гарнизону пришлось сдаться. Войска пересекли мост, не уничтожая его и не понимая, почему гарнизон не эвакуировал город. Противник воспользовался этой возможностью и нерешительно двинулся вперед. Но сам факт нахождения гарнизона еще в пределах города остановил главные силы неприятеля, поскольку они думали, что гарнизон намного сильнее, чем это было в действительности; если бы не это, нам было бы трудно перейти Вааль. В Нименгене стояло два вооруженных голландских судна. Опасаясь, что они могут в очередной раз предать нас и задержать возвращение наших войск, я сразу приказал им двигаться вниз по реке, чтобы не дать шанса понять происходящее. Преуспел я и в беспрепятственном перемещении всех отрядов, которые все еще были на правом берегу.

Я налазил связь с генералом Молитором, командовавшим в провинции Утрехт. По моему приказу он перешел на остров Боммель, где и присоединился ко мне, приведя с собой еще несколько жалких полков. Поскольку я предвидел, что мы все равно должны уйти из Нименгена, то попросил разрешения эвакуировать в это же время и гарнизоны Буа-де-Люка, Везеля, Венло и Маастрихта, но мне было отказано. В ожидании ответа на свой запрос я письменно поинтересовался у генерала Бурка, насколько быстро он сможет подготовить уничтожение укреплений в Везеле и вывести его гарнизон, предполагая, что он уполномочен выполнить такую команду, если она будет дана мной. Вопрос был простой, но вызвал у него такой ужас, что его единственным ответом была просьба о личной встрече, однако события, которые последовали за этим, избавили меня от нее.

Прося разрешить эвакуацию этих мест, я вынашивал план концентрации войск, который я уже дважды предлагал при

подобных обстоятельствах на завершающей стадии кампаний 1812 и 1813 годов; но, несмотря на правильность моих выводов, из данного опыта не было вынесено никаких уроков, и гарнизоны были вынуждены сдаваться один за другим. Однако эта система все же послужила усилению наших действующих войск и ослаблению войск противника, поскольку он был вынужден оставлять гарнизоны в тех местах, из которых мы уходили, то есть у себя в тылах.

Я знаю, что иные системы имеют определенные преимущества — например, изматывание войск осадами или блокадами или сохранение ресурсов и коммуникаций в тылу, но они хороши, если вы успешно бьете неприятеля в открытом поле. И все же получать эти преимущества для армии — необходимость; а когда ничего нет, только колеблющиеся остатки армии, и требуются месяцы, чтобы создать ее заново, — тогда лучше иметь возможность для эвакуации. Это особенно важно, когда города находятся на приличном расстоянии друг от друга — как Замостье, Модлин*, Пиллау** и Данциг*** — и вы должны перейти на другую сторону Эльбы или Одера или же уйти за Рейн. По моему мнению, намного лучше подвергнуться риску осады и иметь подвижную армию, чем сокращать ее до маленьких отрядов, которые неизбежно погибают, как и происходило с нами на завершающей стадии каждой из последних кампаний.

Мне было приказано стоять на позициях твердо, но с той обширной территорией, находившейся под моим командованием, и с такими малыми средствами, я мог только смотреть за Рейном, а не защищать его. Противник пробовал переправиться в Дюссельдорфе, что явилось сюрпризом для небольшого гарнизона в Найссе. Я поспешил туда и по пути узнал, что это был только обман и что враг снова вернулся на тот берег. Союзники попробовали предпринять такие же действия и в нескольких других местах; все эти вылазки были незначительными, но послужили мне предупреждением —

* В настоящее время польский город Нови-Двор.

** С 1946 г. — Балтийск (Калининградская обл.).

*** В настоящее время — Гданьск (Польша).

действовать осмотрительно, чтобы не подвергнуться риску быть отрезанным от основных сил армии.

Я не получал больше никаких распоряжений, а события, происходившие вокруг, заставляли меня действовать осторожно. Я медленно отводил войска к Мецу, усиливая Везель, Венло и Маастрихт, когда узнал, что противник перешел Рейн и начал новую кампанию. Союзники продвигались быстро, не встречая на пути никаких препятствий, так что они могли даже прийти в Льеж раньше меня. Я поспешил туда, а потом двинулся к Юи, Намюру и Мезьеру*.

Глава 25

Кампания во Франции. — Бомбардировка Шалона. — Спасение в Эперне. — Шампобер и Шато-Тьерри. — Конгресс в Шатильоне. — Неожиданность в Труа. — Отступление противника. — Император в Арси. — Отъезд императора.

Император присоединился к армии при первом же сообщении о переходе противником Рейна, но никаких денег и подкреплений, которые были обещаны мне с такой помпой, я не получил от него. На бумаге предполагалось, что я командовал корпусом в 50—60 тысяч человек, в то время как фактически, вместе с дивизией Молитора, которую я привел с собой, я имел не больше чем 3000. В Вердене я собирался присоединиться к герцогу Рагузскому, который командовал нашим левым флангом, но вместо этого получил приказ прибыть в Шалон, откуда меня послали на Витри-на-Марне. Силы противника в количестве 30 000 были уже поблизости. Я собрал свои войска в Ла-Шоссе, где меня и атаковали следующим утром, правда, весьма вяло. В течение же следующего дня враг активно начал готовится к тому, чтобы выбить меня с занятой позиции. Я продержался до ночи, а потом отступил к Шалону. Эвакуация там уже началась, но нам потребо-

* Города в Бельгии.

вались еще, по крайней мере, сутки, чтобы закончить разгрузку столь драгоценных для нас товарных складов.

Враг появился на рассвете и стал разворачивать свои силы, которых я насчитал около 30 тысяч. Бесспорно, благоразумие не позволяло мне ни сражаться на таких неравных условиях, ни сдать город, но, несмотря на все усилия, выгрузка товарных складов не могла быть закончена до следующей ночи.

С другой стороны, генерал, командовавший в Витри гарнизоном, в котором было 2 или 2,5 тысячи человек, послал мне сообщение, что находится в весьма критической ситуации — без съестных припасов и возможностей для защиты; что он на правом берегу Марны и что если не получит немедленного приказа к отступлению, то вынужден будет сдаться и мы потеряем гарнизон почти без боя. Я послал ему распоряжение, о котором он просил, и прикрыл его переход к нам. Это стало дополнительной причиной, чтобы защищать Шалон. Мои войска заняли оборону и отчаянно защищали город до сумерек, когда огонь прекратился с обеих сторон.

Генерал Йорк, командовавший союзниками, решил все-таки занять город. Он предложил мне либо сдаться, либо эвакуировать его, в противном случае Шалон предполагалось предать огню. Это не представляло труда, поскольку город был старым и многие дома деревянными.

Вследствие некоторого недоразумения его парламентар был принят (хотя я запретил какие-либо переговоры) и был приведен ко мне. Это оказался граф Бранденбургский, брат короля Пруссии, который в 1812 году приезжал в Тильзит из Берлина за день или два перед неудачей Прусского корпуса. Итак, именно с этим корпусом я сражался весь день, и командовал им тот же самый человек, что и два года назад. До настоящего времени я всегда обращался с этим молодым человеком с пониманием и вежливостью; но он в своем сообщении решительно подтвердил, что командующий настаивает на том, что мне уже передали.

«Я уважаю ваш характер больше, чем вас лично, — сказал я, — иначе заставил бы вас пожалеть о такой наглости. Я

не стану подвергать Шалон превратностям ночного вторжения, но сообщаю, что я проведу эвакуацию только завтра утром. Ваш генерал знает меня достаточно, чтобы убедиться, что я не позволю запугать себя угрозами больше, чем происходящими событиями. Это все, что я имею сказать вам. Идите».

«Мы подождем город», — ответил он.

«Как вам будет угодно», — ответил я и отпустил его.

Накануне я распорядился о минировании моста, а также триумфальной арки, которая в пору могущества из благодарности или лести была возведена в честь императора на левом берегу Марны. Ее нужно было взорвать только в случае неудачи минеров с мостом — что, к сожалению, и произошло — чтобы преградить подходы к мосту, по крайней мере, для артиллерии.

Угроза обстрела, быстро превратившаяся в реальность, повергла город в панику. Я подготовил все, чтобы уничтожить огонь в наиболее опасных кварталах. Правда, несколько домов все-таки загорелись, и я стал свидетелем душераздирающего зрелища. Власти города умоляли меня эвакуировать их, полуодетые люди бегали взад и вперед, отчаянно крича и проклиная того, кто начал эту войну, опустошившую Францию, — и того, кому они еще так недавно воздвигли триумфальную арку.

Я стонал от ужаса, но мои обязанности не допускали ни сдачи моих войск, ни нарушения общих действий армии. Ночь была страшная, стоял мороз, а многие бедняги высказывались не одетыми. Женщины с распущенными волосами и босиком прижимали к груди детишек в длинных рубашонках. Забыть такое невозможно никогда. Враг, видя, что его огонь не дает никаких результатов, или, возможно, из-за отсутствия боеприпасов, прекратил обстрел, и жители вернулись в свои дома.

Я провел эвакуацию уже в середине дня, после сигнала, данного минерами под мостом, но взрывчатка была плохо уложена, и мост только пошатнулся. Тогда пришлось взор-

вать триумфальную арку, которая и стала достаточным препятствием для входа в город. Противник, видя, что мы подготовлены достаточно хорошо, чтобы противодействовать любой его попытке, в тот день вообще от них воздержался.

Мне было приказано связаться с герцогом Рагузским, который по предположению был в Арси-сюр-Обе. Я послал туда кавалерию, но в пути она столкнулась с противником и отступила назад к Этожу. Там уже находился гарнизон Витри, который беспрепятственно отошел назад. Итак, часть корпуса расположилась в Этоже, в то время как остальные отправились в Ялон. Таким образом, я прикрывал две главные дороги между Шалоном и Парижем.

Когда я оказался в Шамтри, то узнал от некоторых пленных и местных жителей, что часть армии Блюхера направляется к Монмирайю. Поскольку этот путь оказался для меня закрыт, я пошел по равнине к Эперне, где располагались все мои войска. Но, поскольку было возможно, что если я не поспешу, то враг достигнет Ла-Ферте-су-Жуара раньше меня, чтобы предотвратить это, я предпринял форсированный марш. Переночевав в Эперне, я двинулся дальше, оставя арьергард встретить врага, как только он покинет Шалон. Проход от Эперна узкий, и его можно защищать в течение долгого времени.

Я остановился в деревне, расположенной среди холмов, слева от дороги; но едва я прибыл туда, как мне сказали, что мой арьергард возвращается и что враг уже достиг деревни, где я завтракаю. Времени у меня хватило только на то, чтобы галопом проскакать через виноградники и перехватить свои войска, которые продолжили движение вперед на некотором расстоянии от деревни. Если бы не своевременное предупреждение крестьянина, я был бы захвачен прямо за столом. Я спасся, отделавшись легким испугом.

Генерала, командовавшего арьергардом, испугала ложная информация. Я остановил его, приказал наблюдать за противником и сообщить мне, если тот окажется слишком близко от нас. Мы закрепились на позиции и отдыхали в течение

нескольких часов в Дормане, откуда продолжили путь к Шато-Тьери, уже пройденный к тому времени моей передовой колонной. Необходимо было как можно скорее достигнуть Ла-Ферте-су-Жуара, где сходились две дороги, и остаться там на ночь.

По прибытии туда я узнал, что русский генерал Сакен находится в Буссье. Если бы я появился всего на несколько часов позже, мне пришлось бы отступать к Шато-Тьери и идти к Суассону, что отрезало бы меня от армии и оставило бы неприкрытым Мо, откуда враг беспрепятственно дошел бы до Парижа. Арьергард по-прежнему следовал за мной. Он имел распоряжение уничтожить мост в Шато-Тьери, но это было выполнено только частично. Авангард же занял позицию в Ла-Ферте, на высотах по дороге к Монмирайю, где вскоре его атаковали.

Мы перестреливались весь день на местности, способствовавшей такого рода обороне, что дало время подойти моему арьергарду. На них наседали, и пройти им удалось только через Ла-Ферте. Я не знал, где находится главный штаб, поскольку не получал ответов на мои частые депеши, где рассказывал о своем положении. К вечеру я сдал позиции и, опасаясь одновременной атаки с двух сторон внезапно появившимися на дорогах корпусами, на следующий день перешел Марну в Трильпоре, где мост был заминирован, несмотря на сопротивление жителей.

Я приказал ни в коем случае не взрывать мост без моего распоряжения и, поскольку хотел сам проконтролировать взрыв, вместо того чтобы вернуться в Мо, остался неподалеку от моста, где заснул на кипе фашин, сваленных для погрузки.

Крайне утомленный и измученный, я спал около большого костра, когда меня внезапно разбудил сильный взрыв. Валазе, генерал инженерных войск, который был рядом, побежал к месту взрыва. Казалось, что наша судьба обрекла нас на неудачи: вследствие какого-то недоразумения рядом с минами оказались спички, они взорвались, но не все, и потому мост был только разбит, хотя и едва держался. Поэтому

теперь было слишком опасно не завершить его разрушение, поскольку даже простой пикет мог теперь охранять его. К тому же в Мо был еще один, неповрежденный, мост.

Я держал императора в курсе своих передвижений, объясняя ему обстоятельства, по которым оказался в тех или иных местах. Я также послал сообщение Неаполитанскому королю, который командовал в Париже.

Там сильно тревожились, поскольку мы были теперь на расстоянии всего одиннадцати лиг от столицы, и большая союзническая армия шла на Ножан, Бре и Монтеро. Император, получивший депешу, совершил отчаянный фланговый бросок и неожиданно обрушился на Блюхера в Шампобере и Шато-Тьери, где одержал большие победы.

Я получил распоряжение направить кавалерию на помощь этим атакам, и, хотя ей пришлось сделать большой крюк от Мо, она прибыла вовремя, чтобы разделить успех. Тогда-то я и пожалел горько о мосте в Трильпоре. К сожалению, эти победы не имели никакого результата, кроме продления нашей агонии; они подняли дух армии, но они же ежедневно ослабляли наши ряды.

В то время как эти события происходили на Марне, главная армия врага вышла к трем упомянутым выше городам на Сене. Поэтому было необходимо собрать все мужество, поспешить к Парижу, стянуть туда все наши беспорядочно рассредоточенные отряды и дать сражение.

Мои войска были отправлены на позицию между Брикон-Робером и Жуинье. Пока они продвигались, я умчался в Париж, мало думая о том, что совсем скоро столица может оказаться в руках союзников. Я быстро вернулся к войскам, и после проведения сбора и объявления атаки меня отправили в Бре, где я обнаружил разрушенный канонадой мост.

В Монтеро нам повезло больше. Неприятель занял позицию на правом берегу, где был быстро атакован. Один из наших корпусов, наступавший первым и отброшенный при первой атаке, был поддержан другими, которые бросились вперед, разбивая ряды противника и заставляя того бежать.

Они беспорядочно перебрались через Сену, преследуемые нами под моим руководством.

Союзники отступили за Об. По дороге туда они послали парламентаров, чтобы предложить перемирие. С обеих сторон были назначены генералы для проведения переговоров. Это перемирие, начатое союзниками, предвляло тот долгий торг о мире, который так медленно велся в Шатильоне. Я не знаю, обе ли стороны имели честные намерения на этом конгрессе, но у союзников их не было точно.

Местом проведения переговоров был выбран Люзиньи, между Труа и Вендувром. Союзники объявили, что территория между Сенной и Об является нейтральной, пока составляется соглашение; но по недоразумению или недобросовестности император тут же приказал перейти Сену в Труа, а меня послал в Шатильон.

Лица, ведущие переговоры, обнаружили, что находятся под огнем, и приостановили конференцию. Конгресс в Шатильоне был встревожен приближением войск, и герцог Виценцукский*, главный французский представитель на конгрессе, умолял меня остановить войска, ибо в случае отказа все министры иностранных дел угрожали покинуть переговоры. Я остановился, и император одобрил мои действия.

В то время как мы двигались по направлению к Бар-сюр-Об, ему сообщили, что армия Блюхера, которую он разбил под Шампобером и Шато-Тъери, снова идет по его следам. Со всеми резервами он отправился сражаться с ними снова, приказав мне как главному маршалу** взять командование на себя, собрать войска (то есть бывшие у маршала герцога Реджио и генерала Жерара и ослабленные так же, как и мои), лично перейти Сену и разместить оба корпуса единой линией вдоль Об. Я исполнил это немедленно.

Я совершил переход по очень трудной местности около Эссау и взял Ла-Ферте; но в то время как я пытался связаться

* Коленкур.

** После сражения при Лейпциге Наполеон назначил Макдональда главным над четырьмя корпусами, возглавляемыми соответственно маршалами Удино (герцог Реджио), Виктором и генералами Жераром и Себастиани.

с Бар-сюр-Об, где должен был находиться герцог Реджио, подразделения противника оказались недалеко от леса, принадлежащего древнему аббатству Клерво. Я немедленно заключил, что два корпуса были вынуждены уйти назад от Бара, но не слышал пушечного огня, который мог заставить их совершить этот шаг. Я призвал войска, которые удерживали Аа-Ферте, и, поскольку моя связь с левым флангом была отрезана, а я знал, что есть только одно безопасное место, где я могу перейти реку — Бар-сюр-Сен, ночью я поспешил туда. Я добрался до места за четверть часа до кавалерии противника и сразу послал сообщение в Труа, куда отправился штаб обоих корпусов.

Маршал Удино объяснил мне, что происходит, и объяснил причины своего отступления. Он настаивал на том, чтобы я как командующий занял позицию в центре. Поэтому я продолжил движение по левому берегу Сены и два дня спустя был уже в Труа.

До этого в течение нескольких дней я плохо себя чувствовал, поэтому сразу по прибытию был вынужден лечь. Маршал и генерал Жерар навестили меня, и мы согласовали наш план. Первой нашей задачей было снабдить Труа хотя бы временной защитой, с тем чтобы выиграть время до подхода моего корпуса. Мы решили, что один из двух корпусов Жерара должен удерживать позицию столь долго, сколько возможно, и в городе, и вне его; другой останется в резерве. Корпус же маршала расположится на нашей стороне предместий, где будет дожидаться прибытия моих войск, которые должны появиться завтра рано утром. Нас сильно беспокоило и то, что противник может переправиться через Сену в Мери и занять дорогу на Ножан, соединяющую Бре и Монтеро, и таким образом отсечь нас от императора. В этом случае у нас оставался только один путь — через Вильнев-л'Аршевек и Санс.

Я нашел себе прибежище непосредственно в пригороде, где была размещена пехота двух корпусов, которая имела приказ следовать за мной. Я спокойно завтракал, когда при-

был генерал Грессо, начальник штаба маршала Удино, чтобы сообщить мне, что войска маршала заняли заранее согласованные позиции. Я приказал части кавалерии следовать по старому маршруту через Павильон и Ле Паракле.

Едва мы начали соединение с войсками маршала, офицер принес мне данные разведки о том, что враг только что оставил Труа и нельзя терять ни минуты; мы стояли на дороге, примыкающей к главной. Я ответил, что это невозможно, так как одна дивизия была в городе, другая — вне его, а войска маршала — в резерве.

«Они все ушли», — ответил офицер.

Все ушли, и никто ничего не сказал мне об этом!

Я увидел авангард противника и, как был больной, вскочил на лошадь, чтобы обрушиться на них с моим адъютантом и эскортом. Нам удалось отбросить их назад к городу. Тем временем мои обозы двинулись галопом и достигли верхней дороги. Я снова присоединился к генералу Жерару, который продолжал отступление, как он сказал мне, по приказу маршала, бывшего уже далеко впереди. Он не остался на позициях, хотя генерал Грессо сказал мне, что войска размещены на позициях, согласно нашему плану. Десять минут спустя мои коммуникации были перерезаны.

Мы шли весь день, ввязываясь по пути в перестрелки. Кавалерия тоже раз схватилась с противником. Мы так далеко ушли вперед, что неприятель уже не мог вовлечь нас в совершенно неравную борьбу. Тем вечером мы расположились на ночлег в Греце и Граже. В последнем месте я встретил маршала Удино и спросил, почему он оставил свой пост этим утром. Он ответил, что Молодая гвардия не предназначена быть арьергардом.

«Если так, — сказал я, — у меня больше нет для вас никаких распоряжений. За дальнейшими приказами обращайтесь к императору».

Я продолжал отступление. На следующий день мы вновь заняли наши позиции на Сене в Ножане, Бре и Монтеро, чтобы защищать те точки, где враг мог форсировать реку. Но

он прошел ниже нашего левого фланга, заставив нас изменить направление и двигаться перпендикулярно реке. Союзники фронтом развернулись перед нами, неистово атаковали наш левый фланг, сформированный из корпуса герцога Реджио, и отбросили нас назад к Провену. Мы, хотя и с потерями, стойко продержались весь день, а затем, пройдя овраги, узкие дефиле и город, заняли позицию неподалеку.

Наше положение было критическим, не было никаких новостей от императора, хотя мы постоянно посылали ему рапорты. На следующий день враг не сделал ни одной попытки атаковать нас; но такая бездеятельность казалась неестественной, и я приказал кавалерии быть на следующий день готовой к разведке. Но на завтра противник оставил только несколько отрядов для наблюдения за нами и быстро отступил.

Услышав об этом, я оставил Мэзон Руж, где был расквартирован с герцогом Реджио, чтобы последовать за ним. Было очевидно, что это отступление, при наличии сил, намного превосходящих наши, могло быть спровоцировано только действиями императора на нашем фланге. Действительно, пока мы стояли на дороге, я получил распоряжение продвигаться по направлению к Арси-сюр-Об. Герцог Реджио также форсированным маршем дошел до упомянутого места. Я двигался впереди войск, чтобы быстрее дойти до Арси, но по пути попал в болото, где не было брода; вернее, брод был разбит и потому бесполезен. Я приказал сделать другой, но это вызвало значительную задержку.

В конце пути я увидел вдалеке, слева от Оба, все силы противника, построенные в четкие каре. Они стояли неподвижно, и мои войска прошли к Витри-сюр-Майну. Крайне удивленный увиденным, я снова вскочил на лошадь, чтобы попытаться узнать причину происходящего, и неожиданно обнаружил императора на центральной площади в Арси, около лагерного костра.

Я поинтересовался, чем руководствуется император, удаляя войска с этих позиций.

«Противник быстро отступает, — ответил он, — а я перерезаю их коммуникации. Они теперь в наших руках и должны заплатить за свое безрассудство. Я вызвал в Сезанн тяжелую артиллерию, чтобы она сопровождала меня к Витри, и также дал приказ нашим подразделениям в Ножане, Бре и Монтеро следовать туда же форсированным маршем».

Этими подразделениями командовал генерал Пакто; именно они прикрывали артиллерию и обозы моего армейского корпуса.

«Что! — воскликнул я. — Враг отступает?! Да он стоит на позициях, на другой стороне. Я сам видел их несметные силы. Они смогут увидеть ваши маневры, и если ударят здесь, то как вы будете сопротивляться?»

«Они не посмеют этого сделать; их единственная задача состоит в том, чтобы перебраться через Рейн, а если они будут там, это позволит дать приказ пропустить все их обозы. Кроме того, я послал герцога Реджио и кавалерию им навстречу, с тем чтобы прикрыть мои передвижения и перекрыть противнику видимость».

«Как же это возможно? — спросил я. — Город находится во впадине; Об течет между двумя холмами; враг находится на одном, а ваши войска поднимаются на другой».

«Не берите в голову, — сказал он, — когда подойдут ваши войска?»

«Сегодня поздно вечером».

«Очень хорошо. Вы поддержите герцога Реджио, который будет по-прежнему действовать согласно вашим приказам».

И он велел генерал-майору составить для меня распоряжения.

В то время как последний диктовал их, вошел маршал Ней, который только что вернулся из разведки.

«Что они делают?» — спросил император.

«Позиции не меняют и наступать, похоже, не собираются».

Немного спустя, пока мы еще разговаривали, в штаб на бешеной скорости примчался полковник Гальбуа и возбужденно сказал, что противник начал наступление.

«Это невозможно», — заметил император.

В тот же самый момент мы слышали взрывы.

«Герцог Тарентский*, — приказал император, — седлайте коня и отправляйтесь на разведку».

Я нашел герцога Реджио на очень неудобной позиции; ситуация была действительно критическая.

«Спешите к императору, прошу вас, — сказал он, — он должен помочь мне, иначе все кончено».

«Не ждите никакой помощи, — ответил я, — все его войска на пути к Витри. Он убежден, что враг отступает».

Мы все еще были скрыты горным склоном.

«Давайте лучше посмотрим, — предложил я, — что угрожает нам на другой стороне».

Кавалерия маршала быстро убывала; ее оставили слишком незащищенной. Было бы куда разумней разместить ее на склоне, выходящем на Арси. Если бы это было сделано, противнику не удалось бы оценить ее численность.

Достигнув вершины, мы нос к носу столкнулись с разведчиками противника, и, несмотря на поспешное отступление, у меня хватило времени, чтобы увидеть, как союзники решительно направляются в нашу сторону.

«Скорее, — сказал герцог Реджио, — скорее к Арси».

«Когда я проезжал мимо ваших войск, — сказал я, — то заметил просвет, где можно проскочить. Здесь есть три моста, по одному с каждой стороны от вас и один в середине города; пошлите туда охрану немедленно».

Я оставил его, двигаясь намеренно неторопливо, но как только миновал позиции, галопом поскакал к Арси. Увы, императора там уже не было. Он ушел за войсками к Витри. Офицер, ожидавший меня, чтобы получить данные разведки, передал приказ оставаться в Арси до дальнейших распоряжений.

---

* Наполеон в данный момент обращается к самому Макдональду.

Глава 26

Сражение при Арси. — На Марне. — Сражение у Сен-Дизье. — Перед Витри. — Роковая опечатка. — Отступление к Парижу. — Приближение конца.

Войска герцога Реджио, на которые интенсивно давил противник, беспорядочно отступали; опасность заключалась в том, что враг мог воспользоваться своим преимуществом и нашим замешательством, чтобы перейти реку; союзники стояли уже на мосту. У маршала было отделение в резерве, и я заставил задействовать его. Для нас было крайне важно снова отбить мост; и мы сделали это, сразу же начав готовить его взрыв. Наступила ночь. Прибыли мои войска; отряды были расставлены по всем направлениям, но никто не был уверен в невозможности ночной атаки.

Из штаба прибыл офицер, чтобы узнать новости и передать мне приказ придерживаться в течение двух или трех дней. Иллюзия императора относительно отступления союзников все еще не была развеяна.

Когда наступило утро, мы увидели, что враг спокойно стоит на позициях. Союзники оставались в таком положении весь день, но к вечеру начали перемещаться по направлению к Витри. Я немедленно послал вперед дивизию, чтобы остановить их движение и прикрыть наше. Затем и всем войскам был отдан приказ двигаться вперед, сзади осталась только часть моей кавалерии, чтобы максимально долго иметь возможность наблюдать за любыми войсками, которые могли бы появиться на открытой местности рядом с Арси.

На пути нашего следования мы могли наблюдать передвижения противника; но поспешили побыстрее пройти этот неприятный участок, чтобы выпасть из его поля зрения. Следующий день был потрачен на перестрелки; но, поскольку к вечеру я предвидел серьезную атаку, то поставил пехоту на удобной позиции, недалеко от места, где враг мог перейти Марну. Их прикрывала артиллерия, а кавалерия, которая шла

в арьергарде, получила на случай вражеского наступления приказ отойти назад и занять место позади линии огня, чтобы не мешать артиллерии.

Размещая войска таким образом, я был в очень неприятной ситуации, поскольку позади моего левого флага шли вдоль Марны основные силы союзников, и я боялся, что они подойдут к броду раньше, чем посланная мной дивизия; брод был моей единственной связью с императором. Последний все еще сохранял свое мнение относительно отступления врага и настаивал на том, что все эти передвижения были просто маневрами, призванными обмануть нас относительно его истинных намерений занять Рейн. Поэтому он продолжал свое движение к Сен-Дизье и Васси. Что же касается непосредственно меня, то за мной по пятам следовал противник, и Витри, находящийся в арьергарде моего правого фланга, был уже занят им.

Обе стороны столкнулись около брода через Марну. К счастью, моя дивизия отразила союзников. Наступила ночь, но они, не подумав как следует о том, как обстоят дела у них на фланге, оставили нас господствовать над тем участком, важность которого, видимо, ускользнула от них.

События развивались именно так, как я и предвидел. К противнику подошло подкрепление, он атаковал мою кавалерию, которая, будучи преследуемой на полном галопе, заняла то место, которое было ей отведено. И как только открылась линия моих пушек, противник получил несколько пушечных и ружейных залпов, смешавших его ряды и заставивших отступить на всю ночь.

Мы ту ночь провели, переправляясь через реку на жалком плоте, потом нами уничтоженном. Наутро мы оказались на правом берегу, не беспокоимые теми отрядами, что атаковали нас вчера. Союзники расположились напротив через реку, вне досягаемости ружейных выстрелов. Если бы предыдущим днем враг, имевший полное превосходство, нажал бы на нас посильнее, он был бы сейчас уже у нас на хвосте на этом берегу или, во всяком случае, лишил бы нас любой свя-

зи с императором. Так и случилось с теми нашими частями, которые остались на том берегу или шли на соединение к Сезанну. Я был уверен, что эти последние не успели пройти до нас; еще вчера, проходя дефиле, я заметил брошенные пушки и повозки — явные свидетельства боя и сумятицы, случившейся здесь. Но у меня не было даже лошадей для перевозки этих принадлежностей легкой артиллерии. Более того, я не знал, пришли ли какие-нибудь новые распоряжения относительно тех войск, что следовали в Сезанн.

Я заметил, что противник направляет свои войска в сторону Витри, где Марну перейти было очень легко.

В этот момент я получил приказ послать мою кавалерию к Сен-Дизье, а вскоре новую команду — следовать самому вместе с войсками. Поскольку император шел к Васси, то новый приказ был перейти Марну, что я и сделал, так как мне никто не мешал в этом еще с предшествующего дня. Мне следовало занять позицию между Марной и Васси.

Только мы укрепились на позиции, как меня предупредили, а вскоре я и сам увидел приближавшуюся с различных направлений кавалерию союзников. Я сообщил о происходящем императору, который приказал немедленно атаковать, пока он сам не появится. Он собрал всю кавалерию, которой располагал, и, пройдя перед нами, выстроил ее с другой стороны Марны на равнинах Сен-Дизье.

У противника было мало пехоты, но он собрал здесь приблизительно 10 000 кавалерии с соответствующим количеством легкой артиллерии*. Вопрос был в том, прикрывала ли эта кавалерия армию, и если нет, то как можно было использовать это обстоятельство. Сражение было долгим и серьезным. Поскольку моя артиллерия была помещена на высоты над Марной, я и командовал на поле битвы. Еще никогда с самого начала войны у меня не было возможности увидеть такое количество кавалерии. В конце концов враг был разбит и обращен в бегство, потеряв 3000 лошадей вместе со всей артиллерией. Какое-то время мы преследовали его.

---

* На каждые 10 000 кавалерии полагалось иметь 15 орудий.

Мы оказались под Витри на следующий день и получили доказательство того, что основной армии союзников там нет и не было. Что из этого следовало? Нетрудно было догадаться, что раз нас не преследуют и в городе оставлен сильный гарнизон, значит враг, не встречая сопротивления, идет на Париж! Мы подошли к стенам под проливным дождем, люди были истощены и измучены, а земля настолько раскисла, что не могла передвигаться ни кавалерия, ни артиллерия.

Император сказал мне:

«Штурмуйте город».

«Что! — воскликнул я. — При нынешнем состоянии войск? Разве вы не видите, какой гарнизон там, за крепостными валами? А валы, может, и сделаны из земли, но усилены и обнесены частоколом и рогатками, и рвы наполнены водой; как нам перебраться через них?»

«Соберите кипы соломы и забросайте ров», — ответил император.

«Где ее взять? В соседних деревнях ничего нет. И кроме того, как можно сделать твердый мост из нескольких вязанок соломы? Более того, есть ли хотя бы какая-то надежда на успех, если учесть, как измучены люди?»

Но император продолжал настаивать, и я сухо сказал:

«Если хотите, попробуйте сами, Сир, с гвардией; а мои люди сейчас не в том состоянии», — и ушел.

Он выслал разведку, и ее сведения убедили его в невозможности этого предприятия.

Мне принесли бюллетень, напечатанный неприятелем. Он представлял собой детальное описание нашей артиллерии, которая была собрана в Сезанне, и всего эскорта, который был взят в плен, несмотря на то что мужественно защищался под Фер-Шампенуазом. В документе были также перечислены все имена от генералов до офицеров-добровольцев без патента на чин. Я прочел фамилии тех, кто был приписан к моему корпусу, и передал бумагу генерал-майору*, попросив показать ее императору немедленно.

* Коленкуру.

«Я не стану этого делать, — ответил он. — Новости слишком плохие. Отдайте ему сами».

«Нет, — сказал я, — посредник у нас вы, и это ваша работа».

Мы долго препирались, но я понимал, что знание этих событий может изменить планы императора, поэтому нельзя было терять ни минуты, и я понес бюллетень сам.

Он сидел у костра один.

«Вы взволнованы, — заметил он, — что случилось?»

«Прочтите», — сказал я, вручая ему бумагу.

Он пролистал ее и улыбнулся.

«Это неправда. Союзники всегда так делают».

«Неправда! — закричал я. — Здесь все описано в деталях. Я узнал все имена и названия; а ведь наша тяжелая артиллерия должна быть сейчас у Фер-Шампенуаза».

«Какое число указано в бумаге?»

«Двадцать седьмое марта».

(Сражение состоялось накануне.)

«Посмотрите, — улыбнулся император, — это датировано 29-м, то есть послезавтрашним днем!»

Я растерялся на мгновение, потому что не обратил внимания на дату.

«Это, должно быть, ошибка, — настаивал я, — это было вчера и именно в том месте, которое упоминается».

Я забрал бумагу и возвратился на бивуак генерал-майора, где нашел его офицеров и адъютанта императора.

«Ну, что сказал император?»

«Он не поверил, что бумага подлинная».

«Позвольте взглянуть? — попросил генерал артиллерии Друо. Просмотрев бумагу, он сказал: — Боюсь, вы правы. Это, должно быть, опечатка: 9 вместо 6».

Я пошел к императору с этим объяснением, на что он только воскликнул:

«Черт побери! Это меняет дело».

Он принялся ходить взад-вперед и через несколько минут сказал:

«Так вы не думаете, что мы сможем взять Витри основными силами?»

«Я думал, — был мой ответ, — что это вы убеждены в этом».

«Это так, — ответил он. — Хорошо, давайте уйдем отсюда».

«И куда вы пойдете?»

«Еще не знаю, но пока к Сен-Дизье. Вы же оставайтесь здесь, — добавил он, — и действуйте как арьергард; держите противника под контролем, не давая ему оставить город. Дальнейшие распоряжения я пришлю; уверен, что получу новые данные в Сен-Дизье».

«Какими бы они ни были, — заметил я, — Париж остается без защиты и падет прежде, чем вы сможете добраться туда. Так что, если вы идете именно туда, то постарайтесь сделать это побыстрее. Будь я на вашем месте, я бы взял гарнизоны в Лотарингии и Эльзасе и стал наносить удары по арьергарду противника, отрезая ему связь, перехватывая конвои и подкрепления. Они были бы вынуждены отступить, а вас бы поддержали наши крепости».

«Я уже приказал генералу Дерутте собрать 10 000 людей вокруг Меца, — сказал он, — но прежде, чем что-либо решить, я должен получить информацию».

Он отправился в путь. В ту же ночь я получил приказ отойти назад к Сен-Дизье и там найти людей, чтобы следовать за императором, ушедшим по направлению к Васси, Доланкуру и Труа и, таким образом, отвергнувшим мой план уйти в Эльзас и Лотарингию.

Приложение 2

Генерал Модест Богданович Главы из книги «История войны 1813 года»

Сражение при Люцене 2 мая

Местность вокруг Люцена представляет волнообразную равнину, ограниченную с северо-востока каналом Флосс-Грабен, исходящим из Альстера выше Пегау и соединяющим эту реку с Заалою. Флосс-Грабен, служащий для сплава леса, довольно узок, но по крутости своих берегов, обсаженных деревьями, представляет преграду для свободного движения кавалерии и артиллерии и препятствует обозрению. Селения, лежащие в окрестностях Люцена, могут доставить выгоды в оборонительном отношении, но вообще местность довольно открыта и удобна для действия кавалерии.

При обозрении были замечены густые облака пыли, подымавшиеся по дороге от Люцена к Лейпцигу, из чего обнаружилось движение французов к сему городу, где уже с девяти часов гремела канонада. У селения Большой Гершен, в соседстве расположения Союзной армии, был виден большой бивуак. Это обстоятельство изумило союзников, не ожидавших здесь найти неприятеля. Вместо неотлагательной атаки всеми силами граф Виттенштейн, приняв войска, стоявшие у Большого Гершена, за сильный авангард Французской армии, расположенной, по его мнению, у Люцена, решился сперва вытеснить предполагаемый авангард из занимаемых им деревень, а потом уже повести общее нападение.

Между тем как союзники готовились атаковать Французскую армию, Наполеон, не зная о том и не имея верных сведений об их расположении, продолжал наступать к Лейпцигу. Генерал Лористон, подойдя к Линдену в десять часов

утра, завязал сильную канонаду с войсками Клейста; корпус Макдональда выступил из Маркранштадта также к Лейпцигу; сам Наполеон, услышав гром выстрелов в корпусе Лористона, следовал, вместе с гвардией и главной квартирой, в некотором расстоянии за войсками Макдональда; корпус Нея был оставлен у занятых им в ночи селений для прикрытия с правого фланга корпусов Мармона, Бертрана и Удино, из коих первый уже миновал Позерну, второй двигался от Стезена к Позерне, а третий находился на марше от Наумбурга к Вейсенфельсу. Вообще же Наполеоновы войска были растянуты на сорок верст, и если бы Союзная армия, сосредоточенная и совершенно готовая к бою, атаковала Нея всюю пехотой, отрядив для задержания прочих неприятельских корпусов свою многочисленную кавалерию, то Французская армия, разбросанная на две отдельные части, могла быть поставлена в весьма опасное положение.

Уже было около одиннадцати часов. Наполеон миновал памятник Густава Адольфа. В его свите находился Ней, желавший ознакомиться с местностью Лейпцига. Канонада и перестрелка у Линденау более и более усиливалась. Сам Наполеон наблюдал в большую зрительную трубу за ходом боя и мог усмотреть толпы жителей, покрывавшие кровли. Все внимание его было обращено на дело, кипевшее под Лейпцигом. Внезапно раздается гром орудий в той стороне, где находились войска Нея. Наполеон живо обратился к маршалу, но, видя, что он уже поскакал к своим войскам, занялся наблюдением канонады у Гершена. Чтобы обсудить положение обеих сторон и принять меры к отпору неожиданного нападения, ему достаточно было несколько минут: вице-король получил приказание обратиться назад с корпусом Макдональда и идти на выстрелы для поддержания Нея с левого фланга; корпусу Мармона предписано ускорить движение к Старзиделю и составить правое крыло общего расположения; генерал Бертран должен был принять вправо и обойти союзников с фланга; гвардия немедленно была обращена назад к Люцену, для расположения в резерве за корпусом Нея,

который находился в центре боевого расположения, обороня селения Кайя, Рана, Большой и Малый Гершен, составлявшие ключ позиции при Люцене. Начальнику гвардейской артиллерии поручено соединить в большие батальоны восемьдесят орудий. «Мы будем драться как в Египте, — сказал Наполеон. — У нас нет кавалерии, но французская пехота с артиллерией должна постоять за себя». Сам он с гвардейской кавалерией быстро идет к месту побоища. На пути встречаются ему толпы раненых, уходящих и уносимых с поля сражения. Эти страдальцы, большей частью конскрипты, были впервые в огне и еще не успели ознакомиться с опасным ремеслом, которому они поневоле посвятили себя, но, несмотря на то, почти никто из них не прошел мимо Наполеона без обычного приветствия: *Vive l'Empereur!* Даже безрукие и безногие, полумертвые от боли и потери крови, собрав последние силы, встречали своего императора торжественными восклицаниями. Некоторые из них уже были обречены смерти, но и те, наравне со своими товарищами, изъявляли Наполеону восторг и преданность. Только такое настроенное духа юных воинов могло вывести Французскую армию из опасного положения, в которое она была поставлена неожиданным нападением русско-прусских войск.

Союзники не воспользовались выгодами, бывшими на их стороне. Французские корпуса Мармона, Бертрана и Макдональда не могли прийти на поле сражения и построиться к бою прежде двух или трех часов пополудни, а в ожидании их прибытия у Наполеона было не более пятидесяти тысяч человек (тридцать пять в корпусе Нея и пятнадцать тысяч в гвардии). Вместо того чтобы подавить неприятеля превосходством сил, граф Виттенштейн приказал Нижне-Силезской бригаде полковника Клюкса овладеть деревней Большой Гершен, а резервной кавалерии полковника Дольфа — направиться влево к Ране, с той целью, чтобы расстроить огнем конной артиллерии неприятеля, при отступлении его из Большого и Малого Гершена к Кайе, и довершить кавалерийскими атаками его поражение.

Около полудня император Александр и Прусский король прибыли к войскам, уже успевшим отдохнуть и оправиться. Блюхер, подъехав к графу Виттенштейну, преклонил саблю и просил позволения начать действие. — «Mit Gottes Hulfe!» (С Божьей помощью!) — отвечал граф. Войска Клюкса, в составе шести батальонов, шести эскадронов и четырех батарей, в числе которых была одна русская батарейная рота, двинулись к Большому Гершену, а Дольфс с двадцатью тремя эскадронами и тремя конными батареями — к Ране. Артиллерия Клюкса, в числе тридцати шести орудий, подъехав к неприятелю на восемьсот шагов, открыла огонь по селению Большой Гершен и по бивуакам, в соседстве его устроенным. Неприятель, не ожидавший нападения, был приведен в расстройство; но вскоре оправился. Генерал Суам, командовавший 3-м корпусом в начале сражения, за отсутствием Нея, выдвинул две батареи левее (к востоку) от селения и открыл канонаду по наступающим войскам, но Союзная артиллерия подбила три французских орудия и заставила замолчать остальные. Вслед за тем пехота Клюкса атаковала селение и выбила оттуда французов; но когда полковник Дольфс с резервной кавалерийской бригадой кинулся на отступавшие войска, он был встречен картечью неприятельских орудий и принужден податься назад. Суам, усилив свою дивизию свежими войсками из дивизий Бренье и Рикара, покушался снова овладеть Большим Гершеном. Завязался упорный бой, что заставило Блюхера ввести в дело Верхне-Силезскую бригаду Цитена в составе семи батальонов, шести эскадронов и шести батарей, в числе коих были две русские батарейные роты. Войска Цитена двинулись правее Клюксовой бригады в обход Большого Гершена, к Малому Гершену, и ворвались в сию деревню одновременно с атакой Клюкса на Рану. У этих селений и между ними, на местности, пересеченной канавами, завязался упорнейший бой. В нем участвовали все роды оружия: пехота несколько раз ходила в штыки; кавалерия, атакуя поэскадронно, врубалась в расстроенные части войск; артиллерии было собрано столько, сколько позволяло ограниченное пространство между селениями. Фран-

цусские конскрипты и прусские волонтеры — цвет наций, знаменитых военными подвигами, сражаясь между собой, покрывали себя славой. В пылу ожесточенного боя запылали деревни: сперва Большой Гершен, потом — Малый Гершен и Рана, наконец — Кайя. Сам Ней привел новые подкрепления, что дало его войскам возможность снова занять большую часть селений Малый Гершен и Рана; но торжество французов было непродолжительно. Для поддержания наступавших прусских колонн Блюхер выдвинул вперед гвардейскую бригаду Родера, которая, встретясь с французами в Малом Гершене и Эйсдорфе, вытеснила их оттуда и опрокинула в совершенном беспорядке к Кайе. Блюхер, Шарнхорст и другие прусские генералы, выхватив сабли, лично участвовали в рукопашной схватке. Между тем как кипел бой у Малого Гершена и Раны, резервная бригада Дольфа приблизилась к деревне Старзидель, занятой частью французской дивизии Жерара; чтобы оттеснить прусскую кавалерию, были высланы оттуда ей навстречу три батальона и несколько эскадронов. Заметив движение неприятеля, принц прусский Вильгельм кинулся с Бранденбургским кирасирским полком на ближайший батальон, опрокинул его и отбросил французов к Старзиделю. Успех кирасир очевидно указывал, какие важные последствия могла иметь в этот момент атака многочисленной российско-прусской кавалерии на пространстве между Раной и Старзиделем. Но союзники не воспользовались своими выгодами в начале сражения, а между тем неприятель постепенно усилился подкреплениями; перевес в численном отношении перешел на его сторону. Такая невознаградимая потеря времени должна быть поставлена в упрек графу Витгенштейну, если бы он самостоятельно командовал вверенными ему войсками. Но этого не было, и — напротив того — Союзные монархи иногда отдавали приказания, несогласные с распоряжениями главнокомандующего. Нередко также они, со всею своею многочисленною свитой, подвергались явной опасности, что, озабочивая Союзных генералов, отвлекало их внимание и даже препятствовало им следить за ходом боя.

В два часа пополудни появилась на поле сражения, близ Старзиделя, головная часть 6-го корпуса Мармона. Почти в то же время прибыл Наполеон к Кайе: уже прусские войска врывались в это селение. «Никогда еще, — говорит очевидец, — не замечал я на лице Наполеона столь явного смущения». Надлежало ему во что бы то ни стало удержаться на сем пункте. Генерал Мутон с дивизией Рикара кинулся навстречу отборным войскам Родера, вытеснил их из Кайи и повел атаку на Рану и Малый Гершен. Здесь упорный бой продолжался несколько часов. Селения переходили из рук в руки. Генерал Жерар, тяжело раненный, не оставил поля сражения. «Настало время, — сказал он, — когда каждый француз должен победить или погибнуть».

С нашей стороны, как только было получено известие о появлении неприятеля со стороны Вейссенфельса, граф Витгенштейн приказал кавалерии Винцингероде податься вперед, левее бригады Дольфса, против Старзиделя. Император Александр, подъехав к генерал-майору Никитину, велел ему выдвинуть более сорока конных орудий, состоявших в корпусах Винценгероде и Берга, и открыл огонь. «Я сам буду смотреть на действие твоей артиллерии», — сказал государь. Как только наша кавалерия поравнялась с левым крылом прусских войск, генерал Никитин встретил неприятеля огнем своих орудий. Удачное действие его артиллерии расстроило французов: пользуясь тем, генерал-майор Панчулидзеv 1-й с Новороссийским драгунским и Черниговским конно-егерскими полками атаковал их и отбил два орудия. Граф Витгенштейн приказал Йорку усилить нашу артиллерию левого крыла шестью прусскими батарейными орудиями и вскоре после того отрядил влево корпус Берга, но потом, получив известие об отражении неприятеля на сем пункте, отменил сделанное им распоряжение. Таким образом, вместо предполагаемого решительного наступления мы ограничивались удержанием французских войск, обходивших нашу позицию с левого фланга. Около четырех часов пополудни граф Витгенштейн, желая окончательно выбить неприятеля из селе-

ний, направил в помощь Блюхеру весь корпус Йорка. Мужественный Горн, в челе обожавших его солдат, овладел с боя Раной и Кайей. Вскоре после того были также посланы в дело войска Берга, но прибытие их на правый фланг Йоркова корпуса замедлилось напрасным движением в противоположную сторону.

Около пяти часов пополудни подошли в помощь французам — с одной стороны Бертран с дивизией Морана, а с другой вице-король с корпусом Макдональда: первый перешел через Грунабах и стал обходить слева кавалерию Винценгероде, а другой занял селение Эйсдорф. В этот решительный момент Наполеон, видя крайнюю необходимость усилить свой центр, подвергшийся опасности быть прорванным войсками Йорка и Берга, употребил к тому все свои резервы: шестнадцать батальонов Молодой гвардии двинулись на штурм Кайи; для приготовления же успеха приказано генералу Друо выдвинуть 80 (по другим сведениям — 60) гвардейских орудий, под прикрытием шести батальонов Старой гвардии; за ними двигалась кавалерия.

С нашей стороны были приняты меры для удержания неприятельских войск, обходивших фланги Союзной армии: с этой целью князь Голицын с легкой гвардейской и двумя кирасирскими дивизиями двинулся влево к Грунабаху, а принц Евгений Вюртембергский в помощь Блюхеру. В пять часов корпус Макдональда, под личным начальством вице-короля, развернулся на высотах правым флангом против Эйсдорфа, а левым — против Китцена; гром шестидесяти орудий, построенных впереди его фронта, возвестил о прибытии французов. Между тем принц Вюртембергский поддержал прусские войска у Раны 4-м егерским полком и у Малого Гершена тремя полками, под начальством князя Шаховского. Неприятель снова был опрокинут в Кайе, но союзники понесли огромную потерю; сам Блюхер и начальник штаба его Шарнхорст были ранены. Генерал Йорк принял начальство над обоими прусскими корпусами, которые продолжали сражаться упорно, но, будучи атакованы войсками Нея, поддержан-

ными дивизией Бонне 6-го корпуса, едва лишь могли удержаться в занятых ими селениях и в крайних домах Кайи. Покушения их овладеть Старзиделем не имели успеха: дивизия Компана, 6-го корпуса, остановила их с фронта, а дивизия Морана, 4-го корпуса, двинулась в обход их левого фланга и поражала Союзные войска продольным огнем своей артиллерии. Между тем на правом крыле нашей армии принц Евгений Вюртембергский с 4-ю пехотною дивизией обратился к Эйсдорфу, чтобы обойти неприятеля с фланга, но, убедясь в превосходстве французских войск, наступавших к сему пункту, занял селение 20-м егерским полком и расположил позади Кременчугский и Волинский полки, под начальством графа Сен-При. Неприятель атаковал Эйсдорф и вытеснил оттуда наших егерей; но генералы граф Сен-При и Пышницкий с Волинским и Кременчугским полками, обойдя селение слева и справа, заставили французов очистить его; здесь был ранен Пышницкий. Для поддержания пехоты принц Вюртембергский поставил прибывшую к нему легкую роту подполковника Байкова на берегу Флосс-Грабена, правее селения. Действие этих орудий по густым неприятельским массам было весьма успешно; но вскоре большая часть наших канониров была истреблена пулями французских стрелков, а батарея принуждена отступить. Неприятель снова овладел селением и опрокинул посланный в помощь войскам графа Сен-При 20-й егерский полк.

Граф Витгенштейн, заметя сгущение неприятельских масс у Эйсдорфа, приказал туда идти генералу Коновницыну с гренадерским корпусом, поддержанным пятьюдесятью орудиями из резерва. Но едва лишь герой Смоленска и Бородина успел вступить в бой, как был тяжело ранен и принужден сдать начальство над гренадерами генерал-майору Цвилленеву. Принц Вюртембергский подвергался величайшей опасности; состоявшие при нем полковник Сен-При (брат генерал-адъютанта) и четыре офицера были ранены. Неприятельские батареи, поставленные на правом берегу Флосс-Грабена, выше Эйсдорфа, поражали наши колонны продольным огнем. Под

громом сих орудий французы овладели Эйсдорфом и заняли Китцен; но были удержаны у выхода из селений. Дивизия Фрессине, перейдя через Флосс-Грабен, расположилась впереди Эйсдорфа, занятого войсками дивизии Шарпантье; а дивизия Жерара стала впереди Китцена.

Около семи часов пополудни союзники, отказавшись совершенно от покушений обойти неприятельскую армию с фланга, находились в оборонительном положении — с одной стороны против Старзиделя, а с другой против Эйсдорфа, ограничиваясь канонадой, которая, не решая дела, была невыгодна для нашей многочисленной кавалерии, остававшейся в бездействии несколько часов под неприятельскими выстрелами. По свидетельству Винценгероде, причиной тому было свойство местности, покрытой кустарником и не позволявшей ввести в дело кавалерию; наконец, по просьбе его, уже в половине седьмого, был отряжен ему в помощь Л.-Гв. Финляндский полк: из этого можно заключить, что у союзников не было ни согласия, ни связи в действиях различных родов войск. В центре российско-пруссские войска, ослабленные продолжительным боем, с трудом отстаивали занятые ими селения. Почти все наши резервы уже были введены в бой, и даже гвардейская пехота стояла под огнем неприятельской артиллерии. Напротив того — Французская армия, усилясь в продолжение боя до ста тысяч человек, имела в рядах значительное число свежих войск. Наполеон заметил истощение Союзных сил и воспользовался им обычным своим способом, употребив резервы для нанесения решительных ударов. В семь часов открыт был по союзникам, проникнувшим до Кайи, жесточайший огонь из восьмидесяти гвардейских орудий и поведена атака на Кайю шестнадцатью батальонами Молодой гвардии, поддержанными Старой гвардией и кавалерией. Часть неприятельской артиллерии была обращена против кавалерии Винценгероде и князя Голицына; другая назначена для анфилирования Союзной пехоты, занимавшей селения. Поражаемые перекрестным огнем, российско-пруссские войска были принуж-

денны уступить французам пожарища Кайи, Раны и Малого Гершена, заваленные несметным множеством трупов и раненых. Но все усилия неприятеля занять Большой Гершен сокрушились о железную стойкость российско-прусских воинов. Союзная армия удержалась на позиции, занятой в начале сражения: правое крыло стало по левую сторону Флосс-Грабена, против Тезау и Гогенлоэ, центр — у Большого Гершена; левое крыло — близ Мушельвица. Канонада продолжалась до самой ночи. Со стороны французов левое крыло расположилось между Флосс-Грабеном и Мюль-Грабеном, впереди Китцена; центр простирался от Эйсдорфа, через Малый Гершен к Ране; правое крыло — от Раны до Пблеса. Следовательно, вместо того чтобы обойти с фланга застигнутую врасплох Французскую армию, союзники были сами обойдены с обоих флангов.

Наступила ночь, освещаемая пожарами догоравших селений: Эйсдорфа, Гершенов, Раны, Кайи и Старзиделя. Вместо грома выстрелов настала глубокая тишина, прерываемая лишь стонами раненых. Одна из французских колонн наткнулась в темноте близ Раны на прусскую бригаду Штеймера: пехота, сложив ружья в козлы, отдыхала; кавалерия уже собиралась кормить лошадей. Неожиданное появление неприятеля привело войска в беспорядок; тем не менее, однако же, они вскоре оправились и отразили атаку. Блюхер, выведенный из терпения дерзостью французов, решился отплатить им ночным нападением и, испросив согласие на то у графа Витгенштейна, поручил полковнику Дольфсу с одиннадцатью (по другим сведениям — с девятью) эскадронами атаковать неприятеля. Направясь левее Раны, он должен был в совершенной темноте перейти через дорогу из Сессена в Большой Гершен, пролегающую местами по глубоким оврагам, причем многие из его всадников весьма опасно ушиблись. Несмотря, однако же, на то, прусская кавалерия проскакала между батальонами Старой гвардии, едва успевшими свернуться в каре. Наполеон тогда находился не более как в двухстах шагах от

этих каре; вся его свита рассыпалась; никто не мог его отыскать, и в продолжение нескольких минут многие спрашивали друг друга: «Где император?» Приказано было подвести орудия и стрелять картечью; наконец французы оправались. Прусская кавалерия была принуждена поспешно отступить и рассеялась до того, что некоторые части присоединялись к своим войскам уже за Эльбой. Атака не имела никаких решительных последствий и даже, напротив того, расстроила участвовавшие в ней прусские полки. Но зато морально влияние ее было чрезвычайно: Французская армия отошла несколько назад; пехота провела всю ночь в каре, и часть войск оставалась под ружьем в беспрестанном ожидании нового нападения. Сам же Наполеон в одиннадцатом часу уехал в Люцен. Союзные монархи также оставили поле сражения. В темную ночь с помощью фонаря провожаемые фельдъегерем, указывавшим им путь, отправились они через Стенч и Пегау в местечко Гройч, где и расположились на ночлег в ожидании нового боя.

Между тем еще в девять часов вечера граф Витгенштейн созвал на совещание главных начальников войск. На высоте впереди селения Вербена собрались вожди для решения вопроса — надлежало ли возобновить бой или отступить? Граф Витгенштейн, сколько можно было судить из первых его слов, желал сразиться снова. Но многие обстоятельства заставляли его сомневаться в успехе боя. Известно было, что Бюлов вытеснил неприятеля из Галле, но зато Клейст, принужденный очистить Линденау и Лейпциг, отступил к Вурцену, и Лористон, еще в три часа пополудни, занял Лейпциг, что подвергло союзников обходу с правого фланга и потере сообщений с Эльбой. Сверх того, на самом поле сражения российско-прусская армия уже была охвачена с обоих флангов неприятельскими войсками. Наполеон, как было известно, надеялся присоединить к своей армии около сорока тысяч человек и сохранил сильные резервы, а союзники, напротив того, могли ввести в дело не более двадцати пяти тысяч человек свежих войск, именно: 11 500 Милорадовича, 5600 гвардейской пе-

доты; около 2000 гренадер и 6000 человек кавалерии. Уверяли еще, будто бы русская артиллерия не имела достаточного количества зарядов для второго сражения по значительному отдалению парков, отставших от армии, но это показание не оправдалось впоследствии. Граф Витгенштейн, не отваживаясь принять на себя ответственность в решении предложенного им вопроса, немедленно отправился в главную квартиру Союзных монархов, находившуюся в Гройче. Объяснив императору Александру все изложенные обстоятельства, Витгенштейн испросил соизволение государя на отступление к Эльбе. Но надлежало еще согласить к тому Прусского короля, что было нелегко. Фридрих-Вильгельм, предприняв войну, которая в случае успеха могла восстановить величие Пруссии, а при неудаче — грозила совершенным уничтожением самобытности государства, должен был всего более страшиться занятия прусских областей войсками Наполеона. Император Александр отправился к королю сам и, приказав разбудить его, объяснил положение дела. Убеждая своего союзника и друга в необходимости отступления за Эльбу, благодушный Александр не мог скрыть душевного волнения, его томившего. Король, заметно огорченный, отвечал с некоторой запальчивостью: «Знаю уже, что если только мы начнем отступать, то не остановимся на Эльбе, а войдем в Вислу, и мне придется снова побывать в Мемеле». Император Александр напрасно истощал доводы о выгодах отступления; король не изменил своего мнения и, по уходе государя вскочив с постели, подошел к окну и с грустью сказал: «Точно так же, как при Ауэрштедте!» На следующее утро он был весьма расстроен и успокоился не прежде, как после свидания с раненым Шарнхорстом в Альтенбурге. По-видимому, Шарнхорст рассеял сомнения короля и убедил его в необходимости неразрывного союза с императором Александром.

Сражение при Люцене стоило французам убитыми и ранеными вообще до пятнадцати тысяч человек. В числе убитых были: начальник штаба 3-го корпуса, дивизионный генерал Гуре и бригадный генерал Грунер; в числе раненых: дивизи-

зионные генералы Жерар и Бренье, и бригадные Шемино и Гильо. Союзники захватили в плен до восьмисот человек и взяли с боя пять орудий. С нашей стороны урон был также значителен.

Сражение при Бауцене 20—21 мая

Союзные войска, отступив к Бауцену, расположились на двух позициях: передовой, по течению реки Шпрее, и главной, на высотах, к востоку от Бауцена. Передовая позиция образуется довольно крутыми скатами правого берега Шпрее, у города Бауцена и селения Бурка. Самый город, окруженный старинной каменной стеной, был приведен в оборонительное состояние. Но эта позиция могла быть обойдена с правого фланга, ниже Нидер-Гуркау, где берега Шпрее отложе, нежели в окрестностях Бауцена. Мосты находились: каменный у города и деревянные у селений Мальсица, Нидер-Гуркау и Кликса.

К востоку от реки Шпрее течет река Блезауэр-вассер (Альбрехтс-бах), имеющая исток из высоты, на которой лежит селение Гохкирх, и стремящаяся изгибами, по болотистой долине, мимо селений Блезау, Енквиц, Надельвиц, Креквиц, Буршвиц, Малый Бауцен, Прейтиц, Глейна и Готтамельд; близ последнего Блезауэр-вассер сливается с другой речкой Лёбау. Извилистое течение Блезауэр-вассер заставило союзников занять позицию таким образом, что левое крыло их находилось по левую сторону речки, от лузацких гор до селения Енквица; далее от Енквица до Литтена позиция пролегла по отлогим высотам, на расстоянии около двух верст от выдающегося в виде дуги течения речки; от Креквица до Плисковица опять по левую сторону речки простирается ряд остроконечных холмов, именуемых Спицберге; наконец — правое крыло позиции, почти под прямым углом с центром и левым крылом ее, образуется рядом озер между Спицберге и селением Глейной. Высота у Глейны (Windmuhlenberg) усиливает оборону правого крыла позиции. К востоку от Блезауэр-

Вассер местность поднимается уступами до селения Гохкирха, лежащего в двенадцати верстах от Бауцена.

Это пространство, ограниченное с севера обширной лузацкой равниной, а с юга лесистыми лузацкими горами, перерезается извилистым течением Блезауэр-вассер на три части, из которых южная образуется скатами отрогов главного хребта, отделяющего Лузацию от Богемии, средняя волнообразна, а северная низменна. Множество возвышений, оврагов, рощ и селений на этом пространстве, способствуя обороне, затрудняло наступление. Сверх того позиция была усилена укреплениями.

Протяжение позиции почти по две мили (около двенадцати верст) не позволяло занять ее достаточными силами, сохранив значительные резервы; а изрезанная местность затрудняла как обозрение различных пунктов ее, так и передвижения и взаимную связь частей армии. Кроме того, позиция была подвержена обходу с правого фланга, тем более опасному для союзников, что они, будучи опрокинуты на сем пункте, могли быть оттеснены к горам и к нейтральной австрийской границе.

Утром 20 мая, в первый день бауценского сражения, Союзные войска были расположены следующим образом:

На передовой позиции у Бауцена по правому берегу реки Шпрее стояли под общим начальством Милорадовича: отряд графа Сен-При, влево от города до селения Прейтица; отряд генерала Емануэля у Добершау; левее его отряды: флигель-адъютанта Орлова и Кайсарова; кавалерия арьергарда в некотором расстоянии позади войск графа Сен-При. Самый город был занят пятью батальонами 5-й дивизии князя Шаховского с четырьмя орудиями под начальством подполковника Вольфа. Городская стена была приспособлена к обороне, входы завалены и доступы заграждены палисадами. Остальная часть 2-го пехотного корпуса принца Евгения Вюртембергского была расположена правее города до деревни Эны; казаки сохраняли сообщение между войсками графа Милорадовича и Клейста. Отряд Клейста стоял у селения Бурка, на-

блюдая переправы у Мальшвица, Нимшица и Нидер-Гуркау; передовой отряд корпуса Барклая-де-Толли под начальством генерал-майора Чаплица находился у Кликса. Наконец, летучие отряды генерал-майора Ланского и полковника Фигнера стояли у Милькея. Число войск на передовой позиции вместе с наблюдательными отрядами не превышало двадцати пяти тысяч человек.

На главной позиции Союзные войска были расположены следующим образом:

Левое крыло под начальством генерал-лейтенанта князя Горчакова 2-го занимало высоты от Большого Куница до реки Блезауэр-вассер и простиралось далее по правую ее сторону до селений Кляйн-Енквица и Башюца; центр, составленный из прусских войск под начальством Блюхера, стоял на пространстве между Литтеном и Буршвицем (корпус Йорка) и далее, по левую сторону Блезауэр-вассер, от Креквица до Плисковица (корпус Блюхера); войска последнего были расположены таким образом, что первая линия стояла на высотах Спицберге, а вторая — позади высот. Правое крыло Союзной армии, состоявшее из войск бывшей Западной армии под начальством генерала Барклая-де-Толли, было расположено от Мальшвица до Глейны. В резерве, под командой Его Высочества цесаревича В. К. Константина Павловича, стояли гренадерский и гвардейский корпуса, две кирасирские дивизии, легкая гвардейская кавалерия и резервная артиллерия, за селением Баушюц, позади интервала между корпусами Горчакова и Йорка. Вообще же на главной позиции 20 мая находилось около шестидесяти пяти тысяч человек. Весьма замечательно, что в сражении под Бауценом под начальством графа Витгенштейна состояли три генерала, старше его в чине: граф Милорадович, в первый день боя командовавший авангардом, а во второй — левым крылом; Блюхер — в центре и Барклай-де-Толли — на правом крыле Союзной армии. Корпуса, расположенные на главной позиции, были разобщены один от другого: Горчакова и Йорка — значительным пространством, не занятым войсками; Йорка и

Блюхера — речкой и широкой болотистой низменностью; а Блюхера и Барклая — прудами. Это обстоятельство весьма затрудняло взаимное содействие войск и передвижения резервов. Союзники надеялись вознаградить эти неудобства позиции искусственными средствами. В продолжение стоянки армии у Бауцена были сооружены многие укрепления: на оконечности левого крыла построен большой шанец; правее и левее Башюца несколько батарей; левее Литтена три батареи и проч.

Число Союзный войск, собранных у Бауцена, вообще простиралось до девяноста тысяч человек (шестидесяти пяти тысяч русских и двадцати восьми тысяч пруссаков), с шестьюстами десятью орудиями. В составе Союзной армии было вообще 61 000 пехоты, 17 000 регулярной кавалерии, 7000 казаков и около 8000 артиллеристов. Из них 65 000 русских и 28 000 пруссаков. (Казачьи полки были употреблены как для разведывания на флангах позиции, так и для уборки раненых и других полицейских обязанностей в тылу армии.)

В диспозиции для предстоящего сражения, отданной графом Витгенштейном, было предписано: в случае переправы значительных сил неприятеля через реку Шпрее генералу Милорадовичу отойти на высоты между селениями Аурицем и Малым Енквицем и держаться там по возможности; если же неприятель заставит его отступить далее, то кавалерия с батареей и конной артиллерией отходят за боевые линии и располагаются в резерве левее гвардии; пехота же с легкими орудиями, под начальством генерал-лейтенанта принца Бюртембергского, отступает на высоты к селению Ришену. По расположению авангарда на главной позиции граф Милорадович командует всеми русскими корпусами левого крыла. В случае дальнейшего наступления неприятеля предписывалось: ежели нападение последует на войска генерал-лейтенанта Клейста, то в подкрепление ему идут сперва обе кирасирские дивизии, а потом и прочие корпуса армии, фланговым движением вправо; в случае нападения всеми силами на центр Союзной армии корпус генерала Клейста с кирасира-

ми атакует неприятеля во фланг, а резервы и левое крыло, сделав фланговое движение вправо, поддерживают Блюхера. Если же неприятель поведет нападение главными силами на наше левое крыло, то корпус Клейста с обеими кирасирскими дивизиями двигается ему во фланг и тыл, а корпус Блюхера делает перемену фронта правым флангом вперед, чтобы оттеснить неприятельскую армию в горы; наконец, если будет поведена атака одновременно на оба фланга Союзной армии, то большая часть резерва поддерживает правое крыло Блюхера, который, усилясь подкреплениями, отбрасывает неприятеля в горы. В случае наступления значительных сил французской армии к Кликсу, для отрезания Баркляя-де-Толли от прочих Союзных войск, обе кирасирские дивизии тотчас переходят через Шпрее и идут навстречу неприятелю; за ними следуют: корпус Клейста, потом — корпус Блюхера, гвардия и, наконец, 1-я линия левого крыла, под начальством князя Горчакова 2-го, вторая же линия с резервной артиллерией остаются на прежних местах. Генерал Милорадович занимает позицию у Енквица и Башюца и в случае отступления направляется на Лебау к Рейхенбаху. Если же придется отступать непосредственно с занимаемой ныне позиции, то войска правого крыла, т. е. корпуса Клейста и Блюхера и обе кирасирские дивизии, отходят на Вейссенберг, а русские войска левого крыла — на Лебау, и соединяются у Рейхенбаха. Обозы в начале сражения отправляются в Рейхенбах, куда отсылают также раненых и пленных.

Таким образом, на основании этой диспозиции надлежало ограничиваться отражением покушений неприятеля или почти пассивной обороной. Союзные войска были весьма растянуты, и главнокомандующий, сознавая это неудобство расположения армии, надеялся устранить его поддержанием каждого из угрожаемых пунктов кирасирами либо фланговым передвижением соседних корпусов. Но этому препятствовала пересеченная местность позиции, и к тому же Союзные войска, будучи атакованы превосходными силами, были принуждены вместо взаимного содействия заботиться о

собственной обороне. Весьма замечательно, что граф Виттенштейн в сей диспозиции избегал делать распоряжения на счет корпуса Баркляя-де-Толлли, называя корпус Клейста правым крылом армии.

Со стороны Наполеона 19 мая, накануне бауценского сражения, войска были расположены следующим образом: корпус Удино на правом фланге, у селения Техриц; корпус Макдональда впереди Малого Ферстгена, где находилась главная квартира Наполеона; корпуса Мармона и Бертрана против Бауцена; последний примыкал левым флангом к дороге, ведущей из Гойерсверды; гвардия и кавалерия Латур-Мобура на дрезденской дороге, позади Гедау. Корпуса Нея еще не успели присоединиться к армии Наполеона: Лористон оставался у Вейссига, в двух с половиной милях (в 18 верстах) от Бауцена; генерал Суам с 3-м корпусом у Маукендорфа, в трех с половиной милях (в 25 верстах) и генерал Ренье с 7-м корпусом у Гойерсверды, в четырех милях (около 30 верст) от Бауцена. Число войск, собранных против бауценской позиции, под личным начальством Наполеона, простиралось до ста тысяч, а двигавшихся от Гойерсверды, под начальством Нея, от пятидесяти тысяч человек.

Сравнивая силы обеих сторон, находим, что на стороне союзников было преимущество в качестве войск, а равно в числе кавалерии (24 000 против 12 000 французской кавалерии) и артиллерии (600 орудий против 350 французской артиллерии). На стороне же Наполеона был значительный перевес в числе войск вообще (143 000 против 93 000) и еще более решительный перевес в пехоте (125 000 против 60 000), что в особенности было важно в сражении на пересеченной местности. Главнейшее же преимущество Наполеона состояло в единоначалии над армией, между тем как Виттенштейн только носил звание главнокомандующего.

План действий Наполеона, сколько можно судить из действий его в бауценском сражении, заключался в том, чтобы, сделав настойчивую фальшивую атаку на левое крыло союзников, привлечь туда их резервы, а потом обратить главные

свои силы против правого крыла, обойти его с содействием войск Нея, опрокинуть Союзную армию к богемским горам и отрезать ей отступление.

20 мая с самого рассвета замечено с передовых постов российско-прусской армии необыкновенное движение в неприятельских войсках. Сам Наполеон еще раз произвел рекогносцировку бауценской позиции. Около десяти часов утра французы двинулись в атаку. Маршал Удино получил приказание перейти через Шпрее выше города и атаковать высоты, на которых стояло левое крыло союзников; маршал Макдональда — направиться прямо на Бауцен; Мармон — устроить мост выше города, перейти через реку и вместе с корпусом Бертрана овладеть высотами у Бурка: начальство над последними двумя корпусами было поручено маршалу Сульту. Тогда же было послано предписание Нею идти с вверенными ему войсками к Кликсу, переправиться там через Шпрее и двинуться в обход позиции союзников к Вурцену. Гвардия и резервная кавалерия были оставлены позади Макдональдова корпуса.

Около полудня завязалась довольно сильная канонада. В то же время Союзные монархи, объехав войска, стоявшие в центре главной позиции, остановились на высотах Нидер-Кайны, правее Бауцена.

Маршал Удино, соорудив два моста на козлах у селений Грубшица и Синквица, открыл перестрелку с войсками графа Сен-При и, оттеснив их, перешел через речку около четырех часов пополудни. Макдональда воспользовался каменным мостом у Бауцена, оставленным в целости, и с содействием дивизии Компана (корпуса Мармона) овладел городом, вытеснив оттуда дивизию князя Шаховского. Одновременно с наступлением сих корпусов французы поставили батарею из сорока орудий на продолжении правого крыла корпуса принца Евгения Вюртембергского и действовали продольными выстрелами по его войскам. Принц Евгений мог противопоставить сильной неприятельской артиллерии только несколько легких орудий, потому что все прочие, по приказанию Мило-

радовича, были заблаговременно отправлены на главную позицию. Войска Мармона, пользуясь решительным превосходством своим, устроили мосты на козлах ниже Бауцена в три часа пополудни и, прикрыв себя густой цепью стрелков, перешли через реку. Полковник Курносков, только лишь выздоровевший от раны, им полученной в сражении при Смоленске, кинулся с Волынским пехотным полком навстречу неприятелю и пал, простреленный пулей. Принц Вюртембергский, не имея возможности долее удерживать наступление несравненно превосходных сил, отошел, шаг за шагом, около 6 часов пополудни на высоты между Аурицем и Енклицем, где присоединился к нему и отряд графа Сен-При. Полковник Ререн, оставленный с Шлиссельбургским полком в селении Прейшвице, потерял много людей и примкнул к прочим войскам уже к вечеру. Генерал Емануель со своим отрядом отступил к Бинневицу.

В 6 часов пополудни неприятель, совершенно овладев Бауценом, повел атаку на левое крыло Милорадовича, отеснил его и овладел селениями Куницем и Мильтейером. Успехи французов на этом пункте озаботили союзников. Почти все русские и прусские военачальники были уверены в том, что Наполеон имел намерение сделать главные усилия на левом крыле российско-прусской армии, где местность способствовала действиям его многочисленной пехоты; граф Витгенштейн, напротив того, полагал, что главная атака будет устремлена на правое наше крыло. Несмотря, однако же, на то, войска Милорадовича были передвинуты влево и часть резервов (бригада гренадер, Л.-Гв. Гренадерский и Павловский полки и легкая гвардейская кавалерия) направлена в помощь левому крылу. Эти храбрые войска опрокинули неприятеля за Бинневиц и снова заняли высоты у селений Куница, Мильтейера и Аурица.

В продолжение времени описанных действий на левом крыле Союзной армии генерал Клейст с передовыми войсками центра неустрашимо оборонял высоты Бурка. В 5 часов пополудни атаковали его Мармон с дивизией Бонне со сто-

роны Эны и корпус Бертрана от Нидер-Гуркау: таким образом, против пятитысячного отряда Клейста было направлено около двадцати тысяч человек. Уже французы после упорного боя брали верх над союзниками у Нидер-Гуркау, когда прибыли к сему пункту присланные Блюхером по просьбе Клейста пять батальонов Верхне-Силезской бригады Цитена в числе четырех тысяч человек с двумя русскими батарейными ротами полковников Штадена и Вельяминова. Эти подкрепления дали возможность союзникам отразить фронтальную атаку Бертрана; но между тем Мармон с дивизией Бонне в 7 часов вечера переправился через Шпрее ниже Бауцена и обошел войска Клейста с левого фланга. Храбрый Клейст, не видя никакой возможности обороняться далее на занятой им местности, отступил на главную позицию за селение Литтен в 8 часов вечера.

Корпус Барклая во весь день не был атакован, и только к вечеру передовые войска Нея, подойдя к Кликсу, вступили в бой с авангардом Чаплица, который, будучи вытеснен из селения, встретил переправлявшегося неприятеля картечным огнем и стрельбой пехоты и удерживал французов более четырех часов, причем в особенности отличились 12-й и 22-й егерские полки под начальством генерал-майора Рудзевича.

Канонада и перестрелка на левом крыле продолжалась до 10 часов вечера. Запылали бивуачные огни обеих армий и вместе с пожаром нескольких селений осветили все пространство окрестностей Бауцена. Союзные монархи, находившиеся ввечеру на левом крыле позиции в большом шанце, отправились на отдых: император Александр в Малый Буршвиц, где ему приготовлена была квартира в гостинице, а король Прусский в Вурцен.

Дело 20 мая при Бауцене, в котором от двадцати до двадцати пяти тысяч союзников сражались несколько часов против семидесяти тысяч французов, стоило российско-прусским войскам вообще до двух тысяч шестисот человек; а войскам Наполеона гораздо более, но сколько именно, в точности неизвестно.

В ночь с 20 на 21 мая французская армия занимала следующее расположение: корпус Удино против Куница у селения Бинневиц; корпус Макдональда на высотах, впереди селения Стрела против Аурица; корпус Мармона на высотах, впереди селения Бурка; Бертран оставался по левую сторону Шпрее, у Нидер-Гуркау; гвардия и кавалерия Латур-Мобура находились частью в Бауцене, частью впереди, между селением Надельвицем и кладбищем Таухером; главная квартира Наполеона — в Бауцене. Корпуса Суама (3-й) и Лористона стояли у Серхена против Кликса; корпус Ренье — на пути от Гойерсверды к Кликсу. Следовательно, расположение Французской армии представляло две отдельные части, разобщенные между собой войсками Блюхера, стоявшими на крепких высотах, и Баркляя у Глейны и Кликса.

Союзная армия, по отступлении передовых корпусов на главную позицию, была расположена следующим образом: войска отряда Кайсарова, Эммануэля, Орлова, корпусов принца Евгения Вюртембергского, князя Горчакова 2-го и Берга, и часть резервов — всего в числе около 26 тысяч человек под начальством графа Милорадовича — стояли от Куница до Башюца, составляя левое крыло общего расположения армии. Три флешы у Башюца были заняты орудиями 1-й и 2-й гвардейских легких рот. В центре, под начальством Блюхера: за Литтеном корпус Клейста, между Литтеном и Бурвицем корпус Йорка и на крепких высотах корпус Блюхера, всего в числе около 28 тысяч человек. Две крайние флешы впереди селения Литтена были заняты орудиями гвардейской батареей роты графа Аракчеева; а средняя флешь — прусской батареей. Гвардейская батареей рота Его Высочества находилась при корпусе Блюхера, у Креквица. Правое крыло, состоявшее из бывшей Западной армии и отряда генерал-майора Ланского, всего в числе 15 тысяч человек под начальством Баркляя-де-Толли, занимало пространство от Мальшвица до Глейны; авангард этих войск под командой Чаплица стоял у Кликса. Наконец, гвардия, гренадеры, кирасиры и резервная артиллерия в числе 18 000 человек под начальством цесаревича

великого князя Константина Павловича были расположены в резерве: пехота позади Башюца, между дорогами, ведущими в Гохкирхе и Вюрцен, а кавалерия — за Ней-Буршвицем. Следовательно, силы Союзной армии поутру 21 мая, собранные на главной позиции, простирались до 62 000 русских и 25 000 пруссаков, всего же до 87 500 человек, не считая 3000 казаков, состоявших в различных командировках, а вообще до девяноста тысяч человек.

Дело 20 мая могло бы иметь выгодные последствия для союзников только в том случае, если бы они в момент боя, когда правое крыло неприятельской армии переправилось через Шпрее, атаковали эти войска (корпус Удино и часть корпусов Макдональда и Мармона: всего до сорока тысяч человек) корпусами своего левого крыла и центра, поддержанными частью резервов. Союзники могли употребить для этого нападения, по крайней мере, до шестидесяти тысяч человек. Но как российско-прусская армия допустила большую часть неприятельских сил перейти через реку и построиться в боевом порядке, а между тем Ней с тремя корпусами готовился обойти с правого фланга позицию союзников, то им ничего более не оставалось, как отступить либо принять бой в весьма невыгодных обстоятельствах. Барклай-де-Толли предложил отойти к Герлицу, занять там позицию и, обманув неприятеля притворной готовностью принять снова бой, отступить далее. Таким образом, можно было выиграть двое суток, сохранив несколько тысяч храбрых воинов, павших во второй день бауценского боя. Многие из русских генералов полагали, что не следовало решаться на генеральное сражение; напротив того — пруссаки, и в особенности генерал Кнезебек, пользовавшийся особенной доверенностью императора Александра, желали боя; по их мнению, отступление не только ослабило бы дух войск и увлечение прусского народа, но заставило бы Австрию потерять доверие к союзникам и принять сторону Наполеона. Некоторые, находясь под влиянием преувеличенных опасений за Берлин, предлагали даже перейти в наступление; но император Алек-

сандар не изъявил на то согласия. Оставалось принять оборонительное сражение, в надежде на силу укрепленной позиции, храбрость войск, превосходство в числе орудий и на многочисленную кавалерию, которая в случае неудачи союзников могла парализовать усилия преследующего неприятеля.

Со стороны Наполеона план действий заключался в том, чтобы возобновить усиленные атаки Удино и Макдональда на левое крыло союзников, отвлечь к сему пункту их резервы и, выждав нападение Нея на правое крыло, атаковать ослабленный центр российско-прусской армии собранными против него корпусами Мармона, Бертрана и гвардией.

Союзные монархи в 3 часа утра прибыли из своих главных квартир к войскам и в продолжение боя большей частью находились на вершине скалы позади селения Башюца, между центром и левым крылом. С высоты, поросшей редким лесом, между Блезауэр-вассер и Ришеном, можно было с самого рассвета видеть Наполеона в каре, впереди Бауцена. Вслед за тем вся французская гвардия построилась в несколько полковых каре. Впереди правого крыла их линии расположился кавалерийский корпус Латур-Мобура, а позади, левым флангом к городу, гвардейская кавалерия. Корпуса Удино и Макдональда по-прежнему стояли у Бинневица и против Большого Енквица; Мармон на высотах Бурка; корпус Бертрана большей частью оставался по левую сторону Шпрее, и только одна бригада была выдвинута на так называемую Сосновую гору.

На рассвете 21 мая войска принца Евгения Вюртембергского получили приказание отступить от Аурица к Ришену, между тем как граф Сен-При был на время оставлен у Фалькенберга и Есница. Принц Вюртембергский расположил свой корпус вправо от Ришена; двадцать четыре орудия под командой подполковника Сиверса были выставлены впереди его правого крыла.

В 5 часов утра сражение началось канонадой, которая постоянно усиливалась. Около 6 часов маршал Удино рассыпал тучи стрелков впереди своих колонн, завязал перестрелку

с войсками Милорадовича и атаковал левое крыло Союзной армии. Граф Сен-При получил приказание отойти к Ришену и расположил свои войска вместе с отрядом Энгельгардта у Мильтейера; правее его, у Дараница, стоял 4-й корпус Маркова, а левее — 8-й корпус князя Горчакова; еще левее — у Пилица — часть 1-го корпуса Берга, гренадеры, гвардейская бригада и легкая гвардейская кавалерия. На оконечности левого крыла, у Большого Куница, наблюдали за неприятелем легкие отряды.

В 8 часов дивизии Лорансе и Пакто (корпуса Удино), овладев Мильтейером, Куницею и Пилицею, устремились к Рахлау. Левее сих войск дивизия Жерара с частью дивизии Фрессине (корпуса Макдональда) направилась к Дараницу и Ришену. Войска русские оборонялись весьма упорно; генерал-майор Энгельгардт был ранен; наконец, командир Шлиссельбургского полка полковник Ререн, уступая превосходству неприятеля в числе войск, очистил Дараниц, но продолжал удерживаться в Ришене с содействием посланного ему в помощь Черниговского пехотного полка. Тем не менее, однако же, принц Вюртембергский, обойденный с левого крыла войсками Удино, находился в затруднительном положении. Неприятель, отеснив графа Сен-При, поставил на продолжении линии 2-го пехотного корпуса батарею, которая, действуя через селение Ришен, осыпала картечью войска принца Вюртембергского. Но в этот самый момент генерал Мелиссино со своим конным отрядом стал на левом фланге 2-го корпуса и выдвинул против неприятельской батареи несколько конных орудий. В то же время князь Шаховской с 3-й дивизией, поддержанной частью войск Сен-При, сражался с обычной ему храбростью у селения Ришен, которое несколько раз переходило из рук в руки. Кавалерия генерал-майора Кнорринга, расположенная правее 2-го пехотного корпуса, поражаемая сильным огнем неприятельских батарей, была принуждена отступить за Малый Енквиц. Но вслед за тем два батальона дивизии Шарпантье (корпуса Макдональда), наступавшей к Рабицу, отделившись неосторожно от прочих

войск, были атакованы у сего селения Татарскими уланами и двумя Украинскими казачьими полками под начальством Кнорринга и почти совершенно уничтожены; при этой атаке отбито орудие. На левом крыле Союзной армии неприятель продолжал подаваться вперед. Успех наступления французов утвердил императора Александра и почти всех русских генералов в убеждении, что главные силы Наполеона были направлены на этот пункт с целью отрезать союзников от австрийской границы. Граф Витгенштейн изъявлял противное мнение: «Ручаюсь головой, — сказал он государю, — что эта атака — ложная. Наполеон хочет обойти нас с правого фланга и оттеснить к Богемии». Но один лишь начальник штаба его генерал Довре разделял сие убеждение, и потому союзники не только оставили у Милорадовича подкрепления, к нему посланные накануне, но еще усилили его остальными гренадерскими полками, кроме Перновского и Кексгольмского. Прибытие этих резервов дало возможность левому крылу Союзной армии перейти в наступление. Французы, встреченные сильным огнем русских батарей и атакованные постепенно прибывавшими свежими войсками, были принуждены не только очистить селения Пилиц, Мильтейер и Куниц, но и сойти около полудня с гор на равнину, где превосходство русских в кавалерии подвергало неприятеля большой опасности. Маршал Удино посылал к Наполеону два раза с известием, что он не в состоянии удержаться на занятой им местности, и просил о подкреплении его свежими войсками. В первый раз Наполеон не дал ему никакого ответа, а во второй, около двух часов пополудни, приказал сказать маршалу, «чтобы он действовал по возможности и что в три часа сражение будет выиграно». Удино, предоставленный собственным силам, под прикрытием менее потерпевшей баварской дивизии Рагловича и дивизии Фрессине (корпуса Макдональда) собрал свои расстроенные войска. Потери его были весьма значительны, но ход действий на прочих пунктах не позволил Милорадовичу довершить поражение опрокинутого неприятеля.

Еще в 6 часов утра, почти одновременно с открытием канонады на левом крыле Союзной армии, замечен был на высотах Бурка густой дым, послуживший Нею сигналом для наступления. В продолжение ночи корпуса Суама и Лористона стянулись к Кликсу; оставался позади только лишь корпус Ренье. Передовые войска Нея, овладев еще накануне ввечеру селением Кликсом, начали переходить через Шпрее. Дивизия Мезона переправилась у Кликса под сильным огнем батареи, поставленной Чаплицем у селения Салга, между тем как прочие две дивизии корпуса Лористона двинулись через Лейхнам около двух верст ниже по течению реки. Корпус Нея под непосредственным начальством генерала Суама следовал по нескольким наскоро построенным мостам, за войсками Мезона. Генерал Чаплиц, атакованный с фронта превосходными силами Суама и обойденный справа Лористоном, посланным на Брезу, отступил к Готтамельде, для прикрытия с фланга позиции, занятой Баркляем между Мальшвицкими прудами и высотой у селения Глейны, на которой с рассвета была поставлена батарея из двенадцати орудий. Неприятель, совершив переправу, двинулся вперед по двум направлениям: Лористон с дивизиями Лагранжа и Рошамбо (всего до 10 тысяч человек), в обход правого фланга позиции союзников, направляясь к Баруту, а сам Нея, со своим корпусом и с дивизией Мезона (всего до 24 тысяч человек), с фронта против Барклая, в надежде совершенно отбросить его от Блюхера. Для противодействия этим войскам, впоследствии усиленным корпусом Ренье, Барклай имел всего-навсего двенадцать тысяч человек. Большая часть их стояла на высоте Глейны, значительно господствующей над окрестной местностью. Но как ему надлежало с одной стороны сохранять связь с Блюхером, а с другой — обеспечить армию от обхода с правого фланга, то он принужден был занимать войсками своего корпуса селение Мальшвиц и лес у Готтамельде: таким образом у него на главной позиции у Глейны оставалось не более семи тысяч человек.

Между тем император Александр, полагая, что главные силы Наполеона обращены против левого крыла Союзной армии, но будучи озабочен докладом генерал-квартирмейстера прусских войск Мюффлинга — о возможности неприятельского обхода с правого фланга, спросил у графа Витгенштейна: «Сколько войск у Барклая?», и, узнав от главнокомандующего, будто бы в Западной армии было пятнадцать тысяч человек, обратился к Мюффлингу, знавшему в подробности местность поля сражения, с вопросом: «Достаточно ли их?» Получив утвердительный ответ, государь приказал Мюффлингу отправиться к Барклаю-де-Толли и содействовать ему в занятии наивыгоднейшей для обороны позиции. Генерал Мюффлинг, найдя Барклая на высоте у Глейны в тот самый момент, когда Ней готовился атаковать его, объявил ему волю государя удержать французов пятнадцатью тысячами человек, стоящими под его начальством. Барклай не сказал ни слова, но когда Ней развернул свои силы, простиравшиеся на взгляд до сорока тысяч человек, русский полководец пригласил Мюффлинга войти с ним в дом мельника и, затворив тщательно дверь, между тем как неприятельские ядра пронизывали насквозь углые стены дома, сказал: «Вы полагаете, что у меня пятнадцать тысяч человек, и государь думает то же. В такую решительную минуту не могу молчать долее. У меня всего пять тысяч; судите сами, могу ли удерживаться против сорока тысяч человек? Прошу вас, поезжайте как можно скорее к Блюхеру и просите его, чтобы он помог мне». В ожидании подкрепления Барклай, атакованный в пять раз сильнейшим неприятелем, послал генерала Засса с резервом своего корпуса через Бухвальд к Баруту и приказал Чаплицу отступить от Готтамельде туда же; сам же с остальными войсками в числе трех тысяч человек отошел, шаг за шагом, к Прейтицу и, прибыв туда в 9 часов утра, донес государю о своем отступлении, а между тем продолжал двигаться назад к Баруту.

Император Александр, получив донесение Барклая-де-Толли и будучи недоволен тем, что войска его так скоро оста-

вили выгодную позицию у Глейны, послал ему приказание оборонять вновь занятую позицию до последней крайности.

Одновременно с наступлением Нея против позиции Барклая-де-Толли у Глейны Мезон двинулся к Мальшвицу и вытеснил оттуда русских егерей (10-й и 38-й полки), заставил их отступить к Прейтицу, где они были оставлены вместе с четырьмя эскадронами Тверского драгунского и Дерптского конно-егерского полков генерал-майора Бердяева. Прочие же войска Барклая-де-Толли отошли в 11-м часу к Баруту. Между тем Мезон, продолжая наступать, атаковал в селении Плисковице прусский гвардейский фузелерный* батальон и опрокинул его к высотам Креквица. Войска же корпуса Нея, по овладении позицией у Глейны, были размещены следующим образом: дивизия Суама послана к Прейтицу; за ней, в некотором расстоянии, следовала дивизия Дельмаса; две дивизии, Мальбера и Рикара, в ожидании прибытия корпуса Ренье были расположены на высотах Глейны; наконец, дивизия Маршала оставлена в виде репли у Кликса. Получив между тем повеление Наполеона «направить войска на гохкирхенскую колокольню», маршал продолжал наступать к Прейтицу с двумя дивизиями, в числе всего от восьми до девяти тысяч человек. В 11 часов Суам вытеснил малочисленный русский отряд из Прейтица и занял сие селение: таким образом Блюхер не только был отрезан от Барклая, но и подвергался опасности потерять путь отступления. Надлежало во что бы то ни стало выбить неприятеля из Прейтица: с этой целью Блюхер послал туда Бранденбургскую бригаду генерала Родера и отряд Клейста; в то же время часть прусской резервной кавалерии была выдвинута к Шпрее для наблюдения за неприятелем и для угрожания ему с правого фланга. Барклай, со своей стороны, оставил близ Прейтица для сохранения связи с Блюхером 10-й и 38-й егерские полки и кавалерийскую бригаду Бердяева, а с прочими войсками, переправясь через реку Лебау и присоединив к себе авангард Чаплица, занял позицию у Ракеля фронтом к Баруту.

* Подразделения пехоты, вооруженные фузеями — кремневыми ружьями.

В половине 12-го майор Альвенслебен с тремя батальонами, двумя эскадронами и четырьмя конными орудиями, двигавшийся в голове прочих войск бригады Родера, перейдя через Блезауэр-вассер ниже Малого Бауцена, выстроил свой отряд в восьмистах шагах от Прейтицу, где еще продолжали сражаться русские егеря и драгуны. Несколько гранат, пущенных по приказанию Альвенслебена, зажгли селение; три французских батальона, вышедшие оттуда, были опрокинуты обратно прусской пехотой и преследованы Союзной конницей. Вслед за тем генерал Клейст, прибыв со своим отрядом от Литтена через Малый Бауцен, по левой стороне речки, к Прейтицу, расположил три батальона Кольбергского полка с двумя ротам Восточно-Прусских егерей в первой линии против селения, а русские войска, состоявшие в его команде, перевел через речку. Затем поведено было нападение с левого берега. Кольбергский полк, отлично сражавшийся накануне, стремительно кинулся в Прейтицу, и хотя два раза был выбит оттуда с большим уроном, однако же наконец утвердился в селении. Прибытие к Прейтицу остальных войск бригады Родера дало решительный перевес союзникам над французами: дивизия Суама в полдень была окончательно отброшена на высоты у Глейны. По одержании этого успеха войска Родера возвратились на креквицкие высоты, занятые главными силами Блюхера.

Одновременно с движением Клейста от Литтена к Прейтицу корпус Йорка подался вперед к Литтену и расположился там за тремя укрепленными батареями, из которых две крайние были заняты гвардейской батареей ротой графа Аракчеева, а средняя — прусской артиллерией. Позади их стал, для прикрытия орудий, Сводный Силезский гусарский полк, селение Литтен занято фузелерами 2-го Восточно-Прусского полка; прочие войска Йорка стали в резерве.

Уже миновал полдень, а войска, стоявшие в центре Французской армии, все еще оставались в бездействии. С высоты близ Башюца, на которой находились Союзные монархи, можно было видеть впереди Бауцена на возвышении Напо-

леона, окруженного многочисленной свитой. Беспреданно обращался он к одному из своих приближенных в желтой одежде: это был начальник штаба Французской армии Бертье, имевший в сей день на себе мундир Невшательского батальона. Уверяют, будто бы Наполеон, не спавший во всю предшествовавшую ночь, заснул на склоне оврага так крепко, что нужно было разбудить его. Получив сведение об отступлении Нея от Прейтица, Наполеон решился содействовать его обходу атакой в центре. Приступом к тому была усилена канонада против Башюца, на которую русские батареи отвечали столь же частым огнем; но император Александр, заметив, что неприятель не подавался вперед, оставаясь вне выстрела, приказал прекратить общее действие артиллерии, чтобы избежать напрасной растраты зарядов.

Действительно, Наполеон вовсе не имел намерения вести нападение на сильные русские укрепления у Енквица и Башюца, а предполагал атаковать креквицкие высоты. С этой целью в час пополудни гвардия, построенная в несколько каре, и кавалерийский корпус Латур-Мобура были направлены к Базанквицу против корпуса Йорка, а корпусам Мармона и Бертрана под общим начальством Сульта было приказано двинуться против Блюхера. Войска Бертрана под покровительством сильной батареи, устроенной на высоте левого берега Шпрее, перешли через реку, выбили пехоту Цитена из селений Добершюца и Плисковица и выдвинули против креквицких высот большие батареи. Маршал Ней также обратил на сей пункт действие своей артиллерии со стороны Мальшвица. Две русские батареи, гвардейская Его Высочества и 7-я подполковника Дитерикса, присланные в помощь прусским войскам, остановили неприятеля*. Блюхер, заметив приготовления французов к атаке занятой им позиции, приказал Бранденбургской бригаде отойти от Прейтица к Буршвицу, где она могла служить резервом корпусам Блюхера и Клейста; вслед за тем — сия бригада направлена к креквицким

* По свидетельству Клаузевица, эти батареи были принуждены прекратить огонь по недостатку в зарядах. Но это показание совершенно неосновательно. (Прим. авт.)

высотам для содействия в их обороне; но еще прежде, нежели она могла туда прибыть, вюртембергские войска генерала Франкмона, поддержанные дивизией Морана и вюртембергской конницей, атаковали позицию Блюхера. Бригада Клюкса два раза отразила нападение вюртембергцев; но наконец прусские войска, подавленные превосходством неприятельских сил, были принуждены уступить высоты и селение Креквиц и отойти назад по направлению к Буршвицу. На марше туда присоединилась к ним прибывшая от Буршвица Бранденбургская бригада. А между тем одному из батальонов Блюхера с содействием части войск Йорка (именно: фузелерного батальона 2-го Восточно-Прусского полка и конной батареи Боровского) удалось овладеть Креквицем. Блюхер, надеясь возобновить бой с успехом, хотел, чтобы Йорк поддержал его всеми своими силами. Но этого нельзя было сделать, не ослабив совершенно центра, против которого стояла значительная часть неприятельской армии. Генерал Йорк послал адъютанта к Союзным монархам, прося сменить его корпус у Литтена другими войсками.

Император Александр, находясь на высоте близ Ней-Буршвица, внимательно следил за усилиями неприятеля против центра Союзной армии. В то время когда государь говорил с Ермоловым, вышла из Нидер-Кайны французская колонна, которая, избегая фронтального огня роты графа Аракчеева, занимавшей обе крайние флешы у Литтена, направилась в обход для атаки укреплений с левого фланга. Государь подзвал к себе полковника Козена, стоявшего с гвардейской конной батареей в резерве при 1-й кирасирской дивизии, и приказал ему остановить наступавшую колонну. Батарея понеслась в карьер по направлению влево от Литтена и, миновав флешы, занятые ротой графа Аракчеева, снялась с передков и открыла огонь на расстоянии не более ста саженей от неприятеля, встреченного в то же время выстрелами с батареи у Башюца, занятой 1-й гвардейской легкой ротой, что заставило французскую колонну возвратиться в Нидер-Кайну. Вслед за тем двадцать неприятельских орудий, поставленных на

возвышении близ Креквица, направили выстрелы на гвардейскую конную батарею. Уклоняясь от неравного боя, Козен быстро перевел эту батарею в ложину впереди флешей, занятых ротой графа Аракчеева: таким образом двадцать русских орудий (12 пеших роты Аракчеева и 8 конных полковника Козена) открыли двухъярусный огонь против такого же числа орудий, расположенных у Креквица. Ложина, в которой стояла конная батарея, доставила русским орудиям столь выгодное прикрытие, что они, пробыв под огнем более двух часов, не потеряли ни одного из действующих номеров; конноводы и строевые лошади, поставленные за левой флешью, также находились в безопасности; а понесли урон только ездовые и артиллерийские лошади, да еще прежде, при движении вправо на эту позицию, были взорваны от неприятельских выстрелов два зарядных ящика.

Император Александр, наблюдая за выездом на позицию гвардейской конной батареи и за удачным ее действием с первой позиции, видел, как после отступления опрокинутой колонны батарея помчалась вправо под градом неприятельских снарядов, от действия которых взлетели два ящика; когда же она исчезла из вида за флешами, государь послал узнать, «жива ли гвардейская конная артиллерия».

В третьем часу пополудни император Александр, узнав от присланного генералом Йорком адъютанта об усилении против него неприятельских войск, лично приказал Ермолову, с полками Лейб-егерским, Кексгольмским и Перновским гренадерскими, гвардейским экипажем и Глуховскими кирасирами, идти на смену прусскому корпусу. Как только Йорк узнал о сближении Ермолова, то, оставя для прикрытия батарей два батальона, прошел с остальными войсками через Литтен и, двинувшись левее Креквица, переправился вброд через реку. Но креквицкие высоты уже были сильно заняты французскими войсками. Генерал Дево расположил на них пятьдесят орудий и открыл огонь по колоннам Блюхера, покушавшимся снова занять свою прежнюю позицию. В этот решительный момент (около двух часов пополудни) Наполе-

он ввел в дело резервы, направляя гвардию и кавалерию Латур-Мобура во фланг корпусу Йорка. Шестьдесят орудий, под начальством генералов Друо и Дюлолуа, двигавшиеся впереди сих резервов, опустошили ряды прусских войск и заставили их отступить.

Одновременно с атакой на креквицкие высоты Наполеон дослал приказание Нею — возобновить нападение на правое крыло Союзной армии. Из числа войск, состоявших под начальством маршала, дивизия Мезона, заняв Плисковиц, расположилась на фланге корпуса Блюхера. Обеспечив себя таким образом с правого фланга и выждав прибытие корпуса Ренье на высоты Глейны, Ней направил в 1-м часу к Прейтицу почти весь 3-й корпус и приказал Лористону отрядить одну из его дивизий на Бухвальде. Генерал Клейст, не имея возможности устоять против столь несоразмерных сил, отступил на Малый Бауцен, к Буршвицу. По занятии Прейтица маршал, уже находясь в тылу Блюхеровых войск, должен был, сообразно полученному им от Наполеона предписанию, *идти на гохкирхенскую колокольню* и занять расположение на пути отступления Союзных войск, между рекой Лебау и горами. Но, по-видимому, предписание Наполеона было неопределенным, либо Ней не оценил вполне важности данного ему поручения. По занятии Прейтица, вместо того чтобы двинуться, как следовало ему, к Вюрцену, он повернул вправо на малобауценские высоты. Одни считают непосредственной причиной этой ошибки расположение у Буршвица значительной линии русских кирасир, которым Ней мог противопоставить только шестьсот всадников; другие приписывают уклонение его от указанной цели действию во фланг ему нескольких орудий, поставленных Блюхером на высотах Малого Бауцена.

Между тем Барклай-де-Толли с успехом держался против Лористона у Ракеля.

Союзники, пользуясь ошибочным направлением Неевых войск, избегли угрожавшей им опасности. Тем не менее, однако же, значительное превосходство неприятельских сил не

позволяло надеяться на одержание над ними победы. Когда же в 3 часа пополудни вторичное занятие Прейтица Неем обнаружило цель действий Наполеона, генерал Кнезебек предложил Союзным монархам отступить или, как было сказано в современных реляциях, прервать сражение. Это предложение было принято, хотя и весьма неохотно. Император Александр был недоволен отступлением Блюхера с крехвицких высот. Русские генералы порицали его, тем более что войска Милорадовича не только удержались в занятой ими позиции, но даже несколько подались вперед. По уверению немецких писателей, дело дошло до того, что генерал Ермолов и прусский генерал Горн готовы были решить возникший между ними спор одновременным наступлением вверенных им войск против неприятеля, занимавшего крехвицкие высоты; но в то самое время, когда они готовились состязаться между собой, Горн получил от Йорка строжайшее приказание отступить.

Отступление Союзной армии, начавшееся в 4 часа пополудни, было совершено тремя колоннами:

Правая колонна, генерала Барклая-де-Толли, получила приказание удерживать у Гредица неприятеля, наступавшего от Барута, до тех пор, пока прусские войска средней колонны пройдут через Вюрцен. С этой целью Барклай отступил за селение Присниц на гредицкие высоты. Французские войска, против него наступавшие, были усилены 7-м корпусом Ренъе, направленным около 5 часов в промежутке между 3-м и 5-м корпусами на Прейтиц, к Бельгерну; в то же время одна из дивизий Лористона заняла Каневиц, а другая, выйдя из Барута, двинулась с фронта против позиции Барклая, прикрывавшего вместе с войсками Клейста отступление средней колонны. Исполнив данное поручение, Барклай отступил к Вейссенбергу, где вместе с Блюхером занял позицию за рекой Лебау.

Средняя колонна, состоявшая из всех прусских войск, под общим начальством генерала Блюхера, перешла через Блезауэр-вассер по мостам, устроенным между Крехвицем и Бур-

движением, и двинулась к Вюрцену. Впереди шли войска Блюхера, именно бригады: Бранденбургская, Верхне-Силезская и Нижне-Силезская. Для прикрытия движения со стороны Прейтица были высланы к этому селению четыре прусских батальона, которые удерживали неприятеля до тех пор, пока увезена была вся артиллерия, а потом отступили вслед за прочими войсками Блюхера. Прусский гвардейский егерский батальон занимал деревни — сперва Малый Бауцен, а потом Буршвиц. Корпус Йорка примкнул на марше к блюхеровской колонне. От неприятеля же, наступавшего со стороны Креквица, отступление прусских войск было обеспечено сильным огнем трех батарей, устроенных левее Литтена, в прикрытие которых оставался отряд генерала Ермолова. Самое же селение Литтен, по приказанию генерала Йорка, было занято 1-м батальоном 5-го Сводного полка, долженствовавшим держаться до совершенного отступления войск Ермолова и артиллерии, состоявшей на батареях, а потом зажечь селение. Все эти распоряжения были исполнены в точности: артиллерия снялась с позиции не прежде, как войска Блюхера и Йорка успели выйти на высоты за Буршвицем на вейсенбергской дороге; вслед за орудиями отошел отряд Ермолова и за ним батальон, занимавший Литтен. Неприятельская колонна, обходившая Ермолова с правого фланга, из деревни Башюца, была остановлена огнем 6-й конной роты подполковника Захаржевского. Затем войска Ермолова отступили к Вюрцену под прикрытием кирасирской бригады генерал-майора Леонтьева (Орденского и Псковского полков).

Корпус Клейста и резервная кавалерия корпуса Блюхера под начальством полковника Дольфа, поступив в арьергард средней колонны, прикрыли отступление прусских войск по вюрценской дороге и по достижении Бельгерна заняли весьма выгодную позицию на высотах влево от этого селения, где присоединились к ним и войска Ермолова, между тем как Барклай-де-Толли расположился правее, по другую сторону реки Лёбау. Маршал Ней, выведя свои передовые войска из

Малого Бауцена и Буршвица, завязал сильную канонаду и перестрелку с союзными арьергардами; для поддержания Клейста император Александр приказал выдвинуть несколько русских конных батарей, которые своим удачным действием задержали наступление французов. Пользуясь тем, Клейст оставался на позиции у Бельгерна, пока войска Блюхера и за ним корпус Баркляя-де-Толли, миновав Вейсенберг, расположились за рекой Лёбау; туда же отступил и корпус Клейста под прикрытием бригады Горна, занявшей Вюрцен, и отряда Ермолова, встретившего неприятелей огнем батарей Нилуса и Захаржевского при выходе из этого селения и потом оставленного в арьергарде, у Кетица. Отступление Союзных войск, несмотря на значительный урон, ими понесенный, было совершено в примерном порядке. Многочисленная их кавалерия, задерживая наступление преследовавших войск и заставляя французскую пехоту постоянно оставаться в каре, не позволяла неприятелю захватить какие-либо трофеи; ни одно орудие не было потеряно, и даже увезены почти все раненые. Сильная буря с проливным дождем затрудняла действия войск и способствовала отступлению союзников.

Наполеон, по отступлении правого крыла и центра союзников, направил кавалерию Латур-Мобура на Кубшюу, чтобы отрезать левое крыло, подавшееся вперед к Денквицу; с этой целью 6-й корпус Мармона, наступавший по герлицской дороге, получил приказание сделать перемену фронта левым флангом вперед; 11-й корпус Макдональда двинулся прямо на Большой Енквиц; Удино с 12-м корпусом перешел в наступательное положение. Обходное движение Латур-Мобура подвергало большой опасности войска Милорадовича, которые, получив приказание отступать несколько позже центра и правого крыла, успели сняться с позиции не прежде положенного 5-го часа. Но французская кавалерия была удержана полковником князем Оболенским, с 1-м Украинским полком, поддержанным Сумскими и Лубенскими гусарами, несколькими батальонами 2-го пехотного корпуса и

двумя конными ротами. Пользуясь тем, русские резервы, расположенные за центром, и войска Милорадовича, стоявшие по левую сторону Блезауэр-вассер и перешедшие на правый берег у Блезау и Сорица, выйдя на дорогу, ведущую в местечко Лебау, продолжали отступать под прикрытием арьергарда графа Сен-При, занявшего весьма выгодную позицию на высотах Вадица. К вечеру резервы и войска Милорадовича отошли за реку Лёбау, оставя в арьергарде у Штейндофеля отряд Сен-При. Отступление этих войск также отличалось порядком и стройностью. Дым и пламя пылавших селений вместе с дымом пальбы и раскаты канонады в горах придавали грозное величие окончанию двухдневного боя при Бауцене.

Около 5 часов пополудни Союзные монархи оставили поле сражения и отправились через Лауске в Рейхенбах. Долго они ехали рядом без всякой свиты, сохраняя безмолвие. Наконец король прервал его словами: «Я ожидал иного! Мы надеялись идти на Запад, а идем на Восток!» Император Александр отвечал, что ни один из союзных батальонов не был расстроен и что хотя отступление сделалось неизбежным, однако же еще ничего не было потеряно и с помощью Божьей дела пойдут лучше. «Ежели Бог благословил наши общие усилия, — сказал король, — то мы должны будем сознаться перед лицом всего света, что ему одному принадлежит слава успеха». Государь, пожав руку своему верному союзнику, изъявил ему, что он совершенно разделяет эти чувства. По прибытии в Рейхенбах король занял квартиру в местечке, а император Александр — на близлежащей мызе Неммерсдорфе.

Наполеон ввечеру перенес свою главную квартиру в Малый Буршвиц; гвардия его расположилась на бивуаках у этого селения; корпус Нея (Суама) и Лористона у Вюрцена; корпуса Бертрана, Мармона и Макдональда у Гохкирха; корпус Удино остался на месте сражения; корпус Ренье и резервная кавалерия, пройдя через Вюрцен, стали в авангарде прочих войск, у селения Негерна.

Урон союзников в сражении 21 мая простирался, по самым умеренным показаниям, до восьми тысяч человек, но,

по всей вероятности, был несколько более, так что, вместе с потерями в сражении 20 мая, почти безошибочно можно принять его в двенадцать тысяч человек, в числе которых 6400 русских и 5600 пруссаков, не считая легко раненных. Ранены тяжело: граф Остерман-Толстой, участвовавший в действиях левого крыла, и генерал-майор князь Сибирский; легко: генералы Ермолов и Чоглоков. Со стороны французов урон в оба дня бауценского сражения был не менее восемнадцати тысяч человек; отбито у них два орудия и захвачено в плен до шестисот человек. В числе раненых были: дивизионный генерал Лорансе (корпуса Удино), генерал-лейтенант Франкемон и генерал-майор Нейфер; последние два из вюртембергской дивизии.

После сражения при Бауцене у союзников оставалось до восьмидесяти тысяч, а у Наполеона от ста двадцати до ста тридцати тысяч человек; следовательно, взаимное отношение сил обеих сторон не изменилось: по-прежнему Наполеон имел гораздо более пехоты и менее кавалерии и артиллерии, что не позволяло ему пользоваться одержанными победами. Союзники опасались, что второе проигранное ими сражение окажет невыгодное влияние на дух прусского народа, и потому известие о последствиях битвы при Бауцене было сообщено во всеобщую известность вместе с воззванием короля Фридриха-Вильгельма к своим подданным, в котором он, восхваляя храбрость Союзных войск, объявлял, что они уклонились от дальнейшего продолжения боя единственно для того, чтобы, сблизясь с источниками своих средств и подкреплениями, возобновить борьбу с большей вероятностью успеха. Воспоминая твердость духа Великого Фридриха, король заключил свое воззвание словами: «*Jeder thue willig, was Gesetz und Pflicht ihm gebieten. Keinen verlasse das Vertrauen auf Gott, auf das tapfere Heer und auf die eigene Kraft*» (Да каждый исполнит охотно то, что требуют от него законы и долг. Да каждый возложит упование на Бога, на храброе войско и на собственные свои силы).

Доверие прусского народа к своему государю, надежда на храбрость Союзных войск, ожидание безотлагательного со-

действия Австрии, наконец, неведение многих об опасности, угрожавшей государству, все это ослабило силу удара, нанесенного российско-прусской армии в сражении при Бауцене.

Сражение при Кульме 30 августа

В конце дела 29 августа перевес в силах перешел на сторону союзников*. Как на следующее утро должны были прийти значительные подкрепления со стороны Теплица и могли принять участие в деле войска Клейстова корпуса, то на совещании императора Александра с королем Прусским и князем Шварценбергом было условлено: во-первых, что Барклая-де-Толли, приняв начальство над всеми войсками, собранными на позиции и имеющими прибыть к ночи к Теплицу, построит их к бою, но не прежде перейдет в наступательное положение, как получит сведения о появлении Клейстова корпуса на шоссе, у Ноллендорфа.

Во-вторых, чтобы полковник Шелер снова отправился к Клейсту и, известив его о намерении союзников, сообщил ему, чтобы он по возможности старался прибыть около 10 часов утра к Фордер-Тельницу, потому что, пока его появление не будет замечено с высоты Шлоссберга у Теплица, войска Барклая-де-Толли не предпримут предположенного нападения.

Вандам, со своей стороны, убедясь в том, что сражавшиеся против него русские войска получили значительные подкрепления, не отступил, однако же, к Петерсвальде, а оставаясь у Кульма, будучи уверен, что вся Французская армия преследует по пятам союзников. Ожидая появления главных

* Поскольку дорога и дефиле вдоль нее были заняты французами, союзники отходили от Дрездена к Теплицу по заросшей лесами горной местности. Дабы перекрыть союзникам путь отступления, Вандам со своим корпусом двинулся к Теплицу по дороге. Александр приказал генералу Остерману любой ценой задержать движение Вандама, и Остерман расположился со своими 18-ю тысячами под Кульмом, на полпути от Дрездена к Теплицу. Вандам, имея 40 тысяч человек, надеялся смети небольшой заградительный отряд и 29-го утром начал атаку позиций русских войск. Однако Остерману удалось удерживать французов в течение всего дня, а к вечеру передовые части во главе с императором Александром и королем Пруссии уже были в Теплице. Корпусу Клейста было приказано приостановить наступление и ударить Вандаму в тыл.

сил Наполеона со стороны Гейерсберга и имея более двадцати батальонов, еще не бывших в деле, Вандам надеялся возобновить сражение в выгоднейших обстоятельствах и с большей вероятностью успеха. Войска его 30 августа в 7 часов утра были расположены следующим образом:

Дивизия Мутон-Дюверне, в составе девяти батальонов, правее Страдена, между этим селением и лесом.

Дивизия Филипона (четырнадцать батальонов) позади и влево от Страдена.

Бригады Кио и Рейсс (двадцать батальонов) по обе стороны шоссе, впереди Кульма.

Бригада Дусе (пять батальонов) за Кульмом, правее шоссе.

Бригада Дюнема (восемь батальонов) влево от шоссе; в ночи этой бригаде была придана конная батарея, которая расположилась на оконечности левого крыла.

Два батальона бригады Крейцера занимали селение Кульм.

Кавалерийская дивизия Корбино, в составе семнадцати эскадронов, стояла по левую сторону шоссе, впереди левого крыла бригады Кио.

Четыре эскадрона Гобрехта влево от Кульма, позади бригады Дюнема.

Союзные войска, в ночь с 29 на 30, заняли следующее расположение:

На левом крыле, против Страдена, стали: в первой линии, 1-я гренадерская дивизия генерал-лейтенанта Раевского (12 батальонов) и бригада генерала Пышницкого (Кременчугский и Волынский полки, в составе четырех батальонов). Впереди расположилась артиллерия 1-й гренадерской дивизии, вместе с прусской гвардейской конной батареей. Во второй линии, австрийская бригада Гессен-Гомбург (четыре батальона).

В центре, у Пристена, находились: в первой линии, остатки 2-го пехотного корпуса и отряда Гельфрейха, переформированные в шесть слабых батальонов, и Лейб-гусарский полк (шесть эскадронов), под начальством принца Евгения Вюртембергского; во второй линии: 2-я гвардейская дивизия генерала Удома (10 батальонов), часть Легкой гвардейской ка-

кавалерийской дивизии (Лейб-драгунский и Лейб-уланский полки, в составе 12 эскадронов), а за 2-й гвардейской дивизией 3-я кирасирская дивизии генерала Дуки (16 эскадронов) с четырьмя эскадронами австрийского кирасирского полка императора. Правее легкой гвардейской кавалерийской дивизии, до Карвица, развернулись 1-я и 2-я кирасирские дивизии, генералов Депрерадовича и Кретова (за исключением полка Ее Величества, 29 эскадронов).

Правое крыло, назначенное для обхода неприятеля с левого фланга, состояло из австрийских дивизий Коллоредо (12 батальонов) и Бианки (8 батальонов); впереди этих войск, остававшихся скрытно за высотами, в ожидании появления Клейстова корпуса, должна была двигаться кавалерия, именно полки: Татарский уланский Кнорринга (6 эскадронов), кирасирский полк Ее Величества, под начальством принца Леопольда Саксен-Кобургского (4 эскадрона), австрийский драгунский полк эрцгерцога Иоанна (6 эскадронов) и казачий Иловайского 12-го.

Левое крыло состояло под начальством генерал-лейтенанта князя Голицына 5-го; центр — под начальством генерала от инфантерии графа Милорадовича; правым крылом командовал фельдмаршал-лейтенант граф Коллоредо-Мансфельд; резервом Его Высочество великий князь Константин Павлович.

1-я гвардейская дивизия была отведена назад, к Соболебену.

В то самое время, когда войска, сосредоточенные на позиции у Пристена, готовились к нападению на неприятеля, прусский корпус Клейста двигался к Ноллендорфу.

Еще с вечера 29 августа генерал Клейст приказал уничтожить все обозы, могущие затруднить движение корпуса, а при войсках оставить только те из них, без коих нельзя было обойтись: это распоряжение, неизбежное в таких обстоятельствах, в каких находились прусские войска, произвело невыгодное впечатление на молодых солдат. Генерал Клейст не скрыл от начальников войск, бригадных и полковых коман-

диров опасности предпринятого движения. «Надеюсь, господа, — сказал он, — вы сделаете все возможное, чтобы выйти с честью из затруднительных обстоятельств, а в случае успеха не упустите случая нанести поражение французам». Для прикрытия войск со стороны Кенигштейна назначен был отряд Цитена, в составе четырех фузелерных батальонов и двух гусарских полков, с 6-фунтовой пешей батареей и четырьмя конными орудиями. Войска эти получили приказание направиться от Либенау к Петерсвальде, удерживать неприятеля в случае появления его от Геллендорфа и известить о том корпусного командира. Главные же силы Клейста, в составе тридцати батальонов, тридцати двух эскадронов и девяти с половиной батарей, 30-го, в 5 часов утра, выступили к Ноллендорфу. По достижении Стрекенвальде Клейст получил известие, что дорога через Гейерсберг свободна и удобна для движения войск, однако же, несмотря на то, предпочел идти к Ноллендорфу.

Едва лишь головная часть авангарда успела пройти через лес между Стрекенвальде и Ноллендорфом, как разезды заметили на шоссе колонну, двигавшуюся со стороны Петерсвальде и уже подходившую к Ноллендорфу. Поскольку эта колонна тянулась без всяких предосторожностей, то сперва приняли ее за русский обоз, принадлежавший войскам Остермана, однако же вскоре по синим шинелям узнали, что это были французы. Полковник Блюхер (сын главнокомандующего Силезской армии) со своим 2-м гусарским полком кинулся на неприятелей и захватил обоз; часть прикрытия была изрублена, другая попала в плен, однако же несколькими бежавшим людям удалось пробраться к Вандамову корпусу с известием о появлении неприятеля в тылу его. Уничтожение отбитого обоза задержало прусскую колонну около двух часов, так что она стала взбираться на ноллендорфское плато не прежде десяти часов утра. Первые выстрелы Клейстовых орудий с высоты Ноллендорфа должны были, как уже сказано, послужить сигналом к общему нападению на корпус Вандама.

Барклай-де-Толли, командовавший всеми Союзными войсками, собранными у Пристена, отдал следующую диспозицию:

«Дивизия графа Коллоредо движется от Сobotлебена вправо от шоссе и, приблизившись к высотам несколько правее Карвица, располагается за ними скрытно.

Барон Бианки, оставя одну из своих бригад на высотах позади Сobotлебена, располагается с прочими войсками своей дивизии в резерве позади дивизии Коллоредо.

По достижении войсками генерала Бианки назначенного им места генерал-майор Кнорринг с вверенным ему отрядом атакует высоты между Нейдорфом и Карвицем, на которых расположен неприятель. Дивизия Коллоредо быстро следует за ним в двух колоннах, из коих одна движется за высотой, а другая идет правее по нейдорфской долине; дивизия Бианки тогда же занимает высоты у Карвица и располагается на них своей батареей; артиллерия дивизии Коллоредо также должна следовать в голове наступающей колонны и тотчас занять высоты между Нейдорфом и Дейч-Нейдерфель для отрезания пути отступления к Ноллендорфу.

Как только австрийские колонны появятся в тылу французов, то все русские войска, расположенные в центре, атакуют неприятеля на всех пунктах и опрокидывают его в теснины.

Генерал Кнорринг со своими войсками состоит под начальством фельдмаршал-лейтенанта графа Коллоредо».

Эта диспозиция была отдана 30 августа, в 8 часов утра, тогда же, когда завязалась у Пристена довольно жаркая перестрелка.

Австрийские дивизии Коллоредо и Бианки и кавалерийская бригада Сорбенберга (двадцать батальонов и шесть эскадронов), выступив из лагеря при Дуксе в 3 часа утра, прибыли к Сobotлебену в 6 часов и двинулись далее в указанном им направлении; при них находился, в качестве лица уполномоченного Барклаем-де-Толли, генерал-майор Тодь. Граф Коллоредо отрядил один батальон для занятия Карвица, а сам с

семью батальонами направился мимо Гербица, правее Бемиш-Нейдорфа, на стризевицкие высоты; бригада Абея (четыре батальона дивизии Коллоредо) в первой линии и восемь батальонов дивизии Бианки во второй следовали за Кноррингом, левее Бемиш-Нейдорфа; драгунский полк эрцгерцога Иоанна, двинувшись на Гербиц и Бемиш-Нейдорф, сохранял связь между правым крылом и главными силами австрийских войск.

В то время, когда совершалось это обходное движение, около 7 часов утра, завязалась жаркая перестрелка на левом крыле позиции союзников, у Эгген-Мюле и Пристена. Все построики Эгген-Мюле, вместе с лежавшими в них тяжело ранеными, сделались жертвой пламени; но, несмотря на это, рукопашный бой, большей частью прикладами, продолжался там с ожесточением, а равно у часовни. Французы несколько раз штурмовали эти пункты, обороняемые частью 1-й гренадерской дивизии и четырьмя батальонами Кременчутского и Волынского полков с содействием австрийской бригады Гессен-Гомбург. В центре, у Пристена, дело вначале ограничивалось канонадой и перестрелкой, потому что здесь неприятель оставался на месте, а Барклай не хотел наступать до появления Клейста.

На правом крыле, в половине 9-го часа утра, двинулся в атаку генерал Кнорринг со своей кавалерией и четырьмя конными орудиями; за ним следовала австрийская пехота. Полки Татарский уланский и кирасирский Ее Величества попали под сильный картечный и ружейный огонь, однако же, пользуясь волнообразной местностью, приблизились к французской конной батарее, стоявшей на левом крыле Вандамовых войск, атаковали ее, захватили три орудия и врубились в один из батальонов 13-го легкого полка. Стоявшие вблизи остальные батальоны бригады Дюнема построились наскоро в каре; тогда же кавалерийская бригада Геймродта (дивизии Корбино) ударила во фланг кирасирам и опрокинула их с уроном, но была удержана подошедшей между тем австрийской бригадой Абея. Как в то же самое время Кол-

Коллередо с пехотой, двигавшийся на оконечности правого крыла союзников, стал обходить французов с левого фланга, то Вандаам отрядил бригаду Кио, которая, построясь в три двухбатальонные каре с четырьмя орудиями в интервалах, расположилась под исходящим углом с бригадой Дюнеме. Таким образом, у неприятеля здесь было четырнадцать батальонов и четыре эскадрона против четырех батальонов Абеля, подержанных десятью малочисленными эскадронами Кнорринга. Войска же Коллередо, достигшие стризевицких высот, приостановились, приняв за неприятеля прусскую кавалерию, двигавшуюся от Арбеау к Аушине, а Барклай-де-Толли, хотя и узнал о появлении Клейста в тылу Вандама, однако же не переходил в наступальное положение, выжидая, пока австрийские войска обойдут неприятеля с фланга. Генерал Толь послал к нему ротмистра Орлова с извещением, что австрийцы немедленно исполнят этот обход, и старался ускорить их наступление. В 10 часов Кнорринг вторично атаковал французскую батарею; бригада Гобрехта, ударив по нему во фланг, снова опрокинула его на бригаду Абеля. Но вслед за тем австрийский полк Де-Линя сбросил французов с западной стороны стризевицкого плато к Кирпичному заводу; как только высота была оставлена неприятелем, австрийцы поставили влево от нее, между Бемис-Нейдорфом и Карвицем, батарею, которая, осыпав французов картечью, нанесла им большой урон; пользуясь тем, пехота Абеля с содействием Кнорринга бросилась на неприятельскую батарею, овладела большей частью орудий и отбросила пехоту Вандама к Кульму; Коллередо также двинулся вперед, а кавалерия Сорбенберга устремилась правее Дейч-Нейдорфа, на путь отступления Вандама. Французские батареи левого крыла, гремевшие в продолжение трех часов, почти совершенно замолчали: причиной тому было появление Клейста в тылу Вандамовых войск.

Французы, нисколько не ожидавшие нападения с этой стороны, приняли первые выстрелы с высот Ноллендорфа за сигнал Наполеона, прибывшего с главными силами. По всей линии французского корпуса заметно было необыкновенное

движение, раздавались трубные звуки и колонный марш, войска огласили окрестность радостными восклицаниями и атаковали союзников с большой настойчивостью, канонада усилилась. Но заблуждение французов было непродолжительным.

Полковник Блюхер, шедший со своими гусарами в голове прусского корпуса, сойдя с нолендорфской высоты и достигнув последнего изгиба шоссе близ Фордер-Тельница (Переднего Тельница), заметил за этим селением, на расстоянии около версты от последних домов его, неприятельские войска с артиллерией. Два орудия с небольшим пехотным прикрытием стояли впереди Тельница. Прусские гусары в походной колонне кинулись в атаку, рассеяли прикрытые и взяли оба орудия; но, желая увезти их, рассеялись и, будучи внезапно атакованы неприятельскими уланами, были опрокинуты и потеряли не только захваченные ими орудия, но и три прусских, конной батареи № 7-го, которая, едва успев сняться с передков, досталась в руки неприятелю. Приспевшая между тем 10-я бригада Пирха, открыв по неприятелю сильный огонь, выручила прусские орудия и дала возможность гусарам снова повести атаку, в которой командир французских улан был захвачен в плен. Генерал Пирх, по занятии Тельница, поставил на половине расстояния между этим селением и Шандой, по обе стороны шоссе, 6-фунтовую пешую батарею № 8-го. Затем, выслав стрелковую цепь для задержания неприятеля, расположил под прикрытием ее шесть батальонов своей бригады и пристроил к высланной вперед батарее еще две других (12-фунтовую и 6-фунтовую пешую № 11-го); но сильный огонь французской стрелковой цепи заставил прусскую артиллерию подать правый фланг назад; тогда же для противодействия неприятельским стрелкам был выслан правее артиллерии батальон 7-го резервного полка. Остальные батальоны 10-й бригады двинулись к Арбезау, а резервная кавалерия, по взятии прусской пехотой Обер-Арбезау, развернулась между Нидер-Аберзау и Аушине.

В то время когда прусские войска появились в тылу французов, Вандам находился на возвышении Горка-берг, у часов-

ни Св. Троицы. Оттуда он мог видеть последние усилия нападения своих войск; но союзники, подобно твердой стене, стояли непоколебимо, и вскоре Вандам узнал, что ему надлежало иметь дело с новым неприятелем, угрожавшим отрезать единственный путь к спасению вверенных ему войск. Французский полководец выказал себя находчивым, решительным человеком. Оценив, с обычной ему быстротой военного взгляда, опасность своего положения, он решился пожертвовать всей артиллерией и, сосредоточив силы, пробиться по шоссе сквозь войска прусского корпуса. С высоты Горка-берг во все стороны поскакали офицеры с приказаниями: бригаде Рейсс обратиться назад, на Шанду, к Фордер-Тельницу, бригаде Кио, с полками 13-м легким и 25-м линейным (бригады Дюнема), занять Арбезау; остальным батальонам Дюнема велено удерживать австрийцев и Кнорринга (*les nombreux escadrons de Knorring** — пишет Тьер — между тем как в обоих полках, Татарском уланском и кирасирском Ее Величества, тогда оставалось не более восьмисот человек). Дивизии Филипона и Мутон-Дюверне должны были сперва удерживать напор русских войск, чтобы дать время бригадам Рейсс и Кио отступить Клейста, а потом следовать за ними; наконец, всей артиллерии, поставленной на высотах у Кульма, приказано действовать до последней крайности по войскам, наступающим от Пристена, а бригаде Дусе прикрывать батареи, а потом отступить, бросив орудия, но стараясь спасти лошадей и прислугу. Эти распоряжения были немедленно исполнены: бригада Кио двинулась к Арбезау; кавалерия Корбино и бригада Рейсс на Шанду, к Лисдорфу; бригада Дюнема удерживала австрийцев и содействовала войскам Кио в обороне Арбезау.

Несколько спустя отступили вслед за бригадой Рейсс — сперва дивизия Филипон, а потом и Мутон-Дюверне, под прикрытие усиленной канонады батарей, стоявших на высотах впереди Кульма. Для удержания напора французов у Клейста тогда была под рукой только бригада Пирха; прочая же прусская пехота, разобценная от него кавалерией и артилле-

* Многочисленные эскадроны Кнорринга (фр.).

рией, непосредственно следовавшими за войсками Пирха, оставалась еще позади в горной теснине. Генерал Клейст, считая необходимым занять Арбецау, как для доставления опорного пункта своему левому флангу, так и для связи с австрийцами, приказал 7-му резервному полку овладеть этим селением. После кровопролитного боя, в котором был убит один из батальонных командиров майор фон Редер, прусские войска утвердились в верхней части селения (Обер-Арбецау), но все их усилия выбить французов из нижней его части (Нидер-Арбецау) не имели успеха. Как только прусский 7-й полк занял Обер-Арбецау, резервная кавалерия, Силезский гренадерский полк и две батареи, которые не могли расположиться близ шоссе по недостатку пространства, повернули влево, чтобы, пройдя через помянутое селение, войти в связь с прочими союзными войсками и действовать сообразно обстоятельствам. Когда же 11-я бригада подошла к 10-й, то подполковник Ягов приказал двум батальонам 1-го Силезского полка и ландверному батальону Дона направиться на оконечность правого крыла 10-й бригады, для удержания неприятеля, оттеснившего прусские войска; два батальона 10-го резервного полка и ландверные батальоны Борке и Гейсберга стояли по обе стороны шоссе; батарея № 14-го сменила батарею № 8-го, истрелявшую заряды. Но как неприятельские стрелковые цепи, сменяя и усиливая одна другую, продолжали обходить с правого фланга позицию Клейста, то прусские войска были принуждены отойти в беспорядке назад вдоль шоссе, оставляя либо сбросив во рвы несколько подбитых орудий. Многие из артиллерийских офицеров и канониров попались в плен неприятелю, но вскоре получили свободу, потому что французы заботились более о собственном спасении, нежели о трофеях. Некоторые из пруссаков несколько раз были захвачены в плен, ограблены и отпущены, а потом, в свою очередь, когда настигала неприятеля союзная кавалерия, забрали в плен своих победителей. Положение Клейстовых войск сделалось еще более затруднительным, когда по распоряжению Вандама 13-й и 25-й линейные полки (бригады Дюне-

ма), заняв Нидер-Арбецау, готовились обойти оттуда прусскую позицию. В это самое время подошла 12-я бригада. Подполковник Грольманн обратил внимание командира ее, принца Августа Прусского, на опасность, угрожавшую корпусу. Немедленно два батальона 10-го ландверного полка Фрича и Бриксена были направлены для овладения селением Нидер-Арбецау; сам же принц с двигавшимся в голове его бригады 11-м резервным полком пошел в помощь войскам 11-й бригады, расположенным по обе стороны шоссе, а 2-й Силезский ландверный полк, с приданной 12-й бригаде 12-фунтовой батареей № 6-го, оставил позади в резерве, близ шоссе. Атака на Нидер-Арбецау не имела успеха; батальоны 10-го полка были опрокинуты и увлекли в расстройстве своем посланный им в подкрепление 2-й Силезский полк; множество прусских офицеров было убито и ранено, и в числе их пал командир 10-го полка принц Ангальт Плесский. Все усилия начальников восстановить порядок в войсках не имели успеха. Сам принц Август соскочил с лошади, схватил знамя 2-го Силезского полка и, собрав к нему несколько сот человек, снова повел их против неприятеля. Но в этот самый момент последовала атака французской кавалерии генерала Корбино.

В голове ее мчались по шоссе эскадроны бригады Мон-Мари, к которым пристроились многие из канониров артиллерии, доставшейся союзникам; за ними следовала прочая кавалерия Корбино, при коей также находились и генералы Филипон и Дюмонсо. Прусские артиллеристы, пораженные обрушившейся на них грозой, успели выстрелить по неприятельской колонне картечью только из одного двенадцатифунтового орудия, стоявшего на шоссе; множество французских всадников повалились наземь, прочие же насккали на прислугу, изрубили канониров и помчались далее по шоссе, зароможденному орудиями, стоявшими в длинной колонне, и различного рода обозами. Французская кавалерия кинулась на артиллерию, рубила людей, лошадей, упряжь; четыре 6-фунтовых и две 12-фунтовых батареи достались в руки не-

приятелю, но он, приведя их в невозможность действовать, поспешно ушел далее по шоссе. Прусская пехота бросилась в обе стороны от шоссе, оставляя артиллерию без защиты: 11-я бригада ушла вправо, в поросшие лесом горы, 10-я и 12-я бригады — в лес, по левую сторону шоссе, а три батальона 9-й бригады, стоявшие на высоте впереди Лисдорфа, оставались в бездействии, не отваживаясь стрелять по толпе, в которой были смешаны войска обеих сторон. Принц Август едва не был захвачен французами, но успел спастись, перескочив через шоссе́нный ров, и прибыл к батальонам, расположенным у Лисдорфа, которые вслед за тем укрылись в горах вместе с 11-й бригадой. Сам Клейст подвергся величайшей опасности и, будучи отброшен от своего корпуса, пробрался окольными тропинками к отряду Цитена. Выше уже сказано, что этот отряд был оставлен на время у Петерсвальде; впоследствии же, получив приказание присоединиться к корпусу Клейста, Цитен двинулся по шоссе и по достижении с головной частью Юнгферндорфа узнал от бежавших прусских солдат о предстоящей ему встрече с неприятельской кавалерией. Генерал Цитен немедленно занял передовым батальоном лес на шоссе и открыл огонь по французам, а потом, когда проскакала сквозь его войска эта кавалерия, развернул свой отряд по обе стороны дороги и двинулся к Ноллендорфу. Большая часть неприятелей, уходившая от Ноллендорфа по шоссе, была захвачена в плен войсками Цитена. В продолжение этой суматохи на шоссе полки Дюнема, 13-й и 25-й линейные, упорно оборонялись в Нидер-Арбеау. Граф Коллоредо, подойдя между тем со стороны Аушине, атаковал неприятеля в помянутом селении полками Чарторижского и Де-Линя, поддержанными бригадой Киеза (полками Дево и Фроона). Наконец австрийцы овладели селением, потеряв много людей, и в числе их генерал-майора Киеза. Французы, бросив свою артиллерию, искали спасения в бегстве по тельницкой долине и большей частью попались в руки отряду Цитена; только тем из них удалось уйти, которые вовремя свернули влево от шоссе к Либенау и Шнеебергу.

Одновременно с прорывом кавалерии Корбино по шоссе последовало общее нападение союзных войск, расположенных на позиции у Пристена. Гренадеры Раевского с австрийской бригадой Гессен-Гомбург и войска 2-го пехотного корпуса с легкой гвардейской кавалерийской дивизией, поддержанные 1-й кирасирской дивизией под личным начальством цесаревича великого князя Константина Павловича, атаковали стоявшие против них дивизии Мутон-Дюверне и Филипон; войска последней дивизии немедленно стали отступать; дивизия Мутон-Дюверне оставалась долее и потом отошла также вдоль гор, где с прочими французскими войсками частью пробралась сквозь прусский корпус, частью была атакована. 17-й линейный полк (дивизии Филипон), оставленный для прикрытия большой батареи, на высотах между Пристеном и Кульмом, будучи атакован принцем Вюртембергским и расстроен картечью его артиллерии, кинулся в горы вслед за прочими войсками. Командовавший французской батареей генерал Балтюс, оставшись без прикрытия, бросил орудия и ушел с большей частью прислуги и лошадей туда же и по шоссе вслед за кавалерией Корбино. Здесь лейб-гусары, обсыкав батарею с левого фланга, захватили двадцать одно орудие. Союзники неотступно преследовали неприятеля как вдоль шоссе, так и на оконечности его правого фланга; 1-й французский легкоконный полк, будучи отрезан и оттеснен к глубокому оврагу Тобольским пехотным полком, потерял много людей убитыми и захваченными в плен. Кавалергардский полк овладел шестью французскими орудиями, взял в плен более трехсот человек и вынул шестнадцать прусских орудий, захваченных неприятелем. Генерал Кнорринг со своим отрядом и храбрый австрийский драгунский полк эрцгерцога Иоанна, поддержанные следовавшей за ними пехотной дивизией Бианки и бригадой Абеля, устремились к Кульму, опрокинули французские резервы и преследовали их к Шанде. Стоявший за Кульмом вагенбург находился в совершенном беспорядке; нестроевые отпрягали лошадей и уходили куда попало. Французский 16-й конно-егерский полк поку-

шался пробиться по шоссе, но был отрезан прусской пехотой, которая открыла по нему сильный огонь и нанесла ему огромный урон. Кавалерия Кнорринга преследовала неприятеля на пространстве между Шандой и Арбецау и овладела девятью орудиями; австрийский пехотный полк Аржанто захватил одиннадцать орудий. Около четырех тысяч человек различных полков французской пехоты, сомкнувшись в глубокую массу между Кульмом и Шандой, продолжали обороняться, но, будучи окружены со всех сторон и истреляв свои патроны, положили оружие.

Вандам оставался на возвышении Горка-берг у часовни Св. Троицы, пока в войсках его сохранялся порядок, а потом уехал в кульмский замок. Когда же, около двух часов пополудни, туда ворвались австрийцы, Вандам пробрался через парк на шоссе и, приняв несколько в сторону, достиг селения Шанды. Там русские егеря 4-го полка, захватив его в плен, передали казакам, которые повели пленного к государю.

Император Александр и король Прусский в начале боя находились на горе Шлоссберг, близ Теплица; когда же оттуда было замечено прибытие Клейстова корпуса, Союзные монархи отправились верхом на поле сражения и проехали его до Арбецау и Тельница. Усмотрев там множество брошенных орудий, император Александр обратил внимание своего союзника на эти новые трофеи, но король, взглядевшись пристально в указанную артиллерию, отвечал: «Das sind ja meine Kanonen». (Да ведь это мои пушки!) Государь тотчас приказал лейб-гусарам отвести их назад. Беспреданно проходили мимо Союзных монархов колонны пленных; при каждом взводе шли офицеры, а в голове колонн — штаб-офицеры. Вслед за тем казаки привели Вандама. Император Александр обошелся с ним холодно, но приказал возвратить ему шпагу и обещал облегчить его участь. Благодушный монарх, несмотря на упоение победы, тем более обворожительное, что она последовала неожиданно, оставил без внимания трофеи, спеша изъявить свое благоволение войскам и вождям их, положившим накануне основание успеху союзников. Го-

сударь подъезжал к каждому полку, благодарил своих героев, приказывал подать всевозможную помощь раненым, а на обратном пути в Теплиц, нагнав обоз с ранеными, останавливаясь беспрестанно, расспрашивал страдальцев об их положении и заботливо распорядился об удовлетворении их потребностей.

Вандаму предстояло тяжкое испытание. Будучи известен во всей Германии столько же суровостью, сколько и корыстолюбием, он был ненавидим немцами едва ли не более самого Наполеона. Известие о постигшем его бедствии произвело общий восторг во всей окрестной стране. На пути Вандама из Богемии в Россию во всех немецких городах и местечках сбегались жители, чтобы посмотреть на пленника, как на лютого зверя, попавшего в неволю; упрекам, оскорблениям не было конца. Такова была жалкая участь даровитого, но жестокого, алчного воина, о котором сам Наполеон иногда говаривал в шутку: «Если бы у меня было два Вандама, то я приказал бы одного из них повесить».

Дело кончилось в третьем часу пополудни. Вслед за тем запылал Кульм, где многие тяжело раненные французы, укравшиеся в домах, сделались жертвами пламени. Все поле сражения было покрыто телами убитых либо ранеными, вызвавшими о прекращении их страданий смертью; на каждом шагу встречались разграбленные обозы, убитые и израненные лошади; везде валялось изломанное оружие, амуниция, брошенная для ускорения бегства. Все представляло страшную картину разрушения и всевозможных бедствий, неразлучных спутников войны. Там, где в продолжение боя четыре могучие нации соперничали между собой в высоких подвигах самоотвержения, там, к стыду человечества, явились во всем безобразии жестокость и жажда корысти; недостаток в жизненных припасах — следствие плохих распоряжений австрийского интендантства — подал повод к грабежам и насилию: последнее имуществу несчастных жителей было

исторгаемо грубой рукой солдат, только лишь вышедших из боя; раненые, умирающие были обираемы до последней нитки. Иностранные писатели, упрекая русских в опустошении страны, говорят, что австрийцы поступали не менее сурово со своими соотечественниками, жителями Богемии. Да послужит печальный образ этих бедствий в пользу человечества, заставляя военачальников заботиться о вверенных им тысячах людей, чтобы не довести их до преступлений, унижающих благородное военное звание!

Последствия сражения при Кульме были весьма значительны. Трофеи союзников состояли в двух орлах, трех знаменах и всей неприятельской артиллерии, в числе восьмидесяти одного, а по другим сведениям, восьмидесяти двух орудий; двести зарядных и патронных ящиков и весь обоз достались в руки союзников либо истреблены французами. Пленных захвачено, по самому скромному показанию, до десяти тысяч: в числе их был генерал Вандам, начальник штаба его корпуса дивизионный генерал Гаксо, бригадные генералы Кио и Геймрод (последний из них, баденский уроженец, умер от ран). Убито 30 августа более пяти тысяч человек, и в том числе бригадные генералы: принц Рейсский, Монтескью-Фезанзак и Дюнем. Урон союзников в сей день вообще выбывшими из фронта простирался до 3319 человек, в числе коих было: пруссаков 1500, русских 1002 и австрийцев 817. Убит, как уже сказано, австрийский генерал-майор Киеза; ранены генерал-майоры Цвилленев и Лялин. Наполеон в реляции о сражении при Кульме помещенной в «Монитере» 8 сентября, бессовестно искажил истину, объявив, что французы потеряли тридцать орудий и шесть тысяч человек, что урон союзников простирался от четырех до пяти тысяч человек (следовательно, почти равнялся потерям французских войск), что в числе убитых был Клейст, и проч.

Торжество союзников увеличилось известиями, полученными еще в ночь пред одержанной победой, из Силезской и Северной армий об успехах, одержанных Блюхером при

Кацбахе и наследным шведским принцем при Гросс-Беере-не. По странному стечению обстоятельств сомневался в победе при Кульме лишь тот, кого прибытие окончательно решило участь боя. Генерал Клейст, видя свои войска опрокинутыми, в расстройстве, считая всю свою артиллерию потерянной, встретился между Ноллендорфом с отрядом Цитена, двигавшимся к Кульму. Пораженный неудачей своих войск, Клейст хотел сделать последнее отчаянное усилие: он предполагал, присоединив к остаткам разбитого прусского корпуса отряд Цитена, пробиться сквозь неприятеля и войти в связь с союзной армией. Легко представить себе удивление его в ту минуту, когда находившийся случайно при отряде Цитена генерал-майор Дибич известил его о решительной победе, одержанной союзниками. Генерал Клейст тотчас повернул назад по шоссе через Ноллендорф, убедился в огромном уроне, понесенном его артиллерией и пехотой, но, усмотрев Силезский гусарский полк на поле сражения влево от Фордер-Тельница, остановился на ночь в селении Арбезау. Между тем король Прусский, желая наградить своего полководца орденом Черного Орла, разослал адъютантов, чтобы отыскать его, но как все их поиски были безуспешны, то король отправился в Теплиц, приказав сказать Клейсту, чтобы он на другой день приехал к нему в главную квартиру. Получив это повеление в ночи, Клейст ожидал быть отданным под суд за произвольное движение в тыл неприятелю, имевшее последствием значительные потери прусского корпуса; когда же король, удостоив Клейста весьма благосклонным приемом, хотел возложить на него знаки ордена Черного Орла, он, сделав шаг назад, сказал: «Я не заслужил его; весь мой корпус рассеялся». Король, тронутый этими словами, отвечал: «Я знаю все: не в том дело» (*Ich weiss alles, thut nichts zur Sache*). Вслед за тем король, пригласив его к обеду, предложил тост за здоровье Клейста, на который он отвечал просьбой, чтобы ему было дозволено пожелать здоровья храбрым офицерам своего корпуса, и в особенности своему сподвижнику Ягову. Впоследствии король возвел Клейста в граф-

ское достоинство с наименованием «Ноллендорфского» и пожаловал ему имение в триста тысяч талеров в княжестве Гальберштадтском.

Главкомандующий союзными войсками в сражении под Кульмом Барклай-де-Толли был пожалован орденом Св. Георгия 1-го класса и командорским крестом Марии Терезы; а достойные сподвижники графа Остермана: генерал Ермолов — орденом Св. Александра Невского, а принц Евгений Вюртембергский — Св. Владимира 1-й степени. Не менее лестной наградой для доблестного принца были слова, сказанные ему на другой день после сражения императором Александром: «Я знаю все, чем мы вам обязаны; самоотвержение есть высшая добродетель» (*Je sais tout que nous vous devons, mais la resignation est la belle des vertus*)*. Нижним чинам гвардейского корпуса пожаловали по два рубля каждому.

Наполеон никогда не хотел признать себя виновным в гибели Вандамова корпуса и старался сложить причину этой неудачи на самого Вандама. В официальной реляции о сражении при Кульме было сказано:

«29 августа генерал Вандам с восемью или десятью батальонами перешел через перевал главного хребта и двинулся к Кульму; там встретил он неприятеля, в числе от восьми до десяти тысяч человек, завязал с ним дело, стянул весь свой корпус и тотчас опрокинул неприятельские войска. Но вместо того, чтобы возвратиться на горный хребет, он оставался на месте и расположился на позиции у Кульма, не заняв значительной высоты, господствующей над единственным шоссе. А между тем маршал Сен-Сир и

* Главным героем кульмского сражения следует считать все же графа Остермана-Толстого, и не потому, что это было его последним сражением (он потерял руку), но и потому, что его беспримерная стойкость не только обеспечила спокойный отход союзников, но и позволила, собравшись с силами, на следующий день полностью разгромить Вандама и взять его в плен. Придя в сознание после того, как ему оторвало левую руку, Остерман сказал: «Вот как заплатил я за честь командовать гвардией. Я доволен!»

Прекрасно понимая это, именно Остерману вручили местные немецкие бароны кубок со своими гербами в благодарность за уничтожение этого ненавистного им всем наполеоновского генерала. Остерман велел вырезать на кубке имена полковых командиров и всех погибших под Кульмом обер-офицеров и передал кубок в Преображенский полк. Кубок этот хранится ныне в Петербурге в соборе Преображенского полка, наиболее отличившегося в сражении 29 августа 1813 г.

герцог Рагузский* могли подойти к теплицкому выходу не прежде вечера 30 августа. Генерал Вандам заботился единственно о том, чтобы преградить путь неприятелю и захватить все, что могло быть отрезано. Имея дело с армией, обращенной в бегство, *должно построить для нее золотой мост либо противопоставить железную преграду***. Но силы Вандама были недостаточны для образования такой преграды».

В этой реляции очевидно искажена истина: ни Сен-Сир, ни Мармон не могли прийти в помощь Вандаму ввечеру 30 августа. Первый в то время только лишь успел прибыть к Либенау, а второй к Альтенбергу: следовательно, оба отделе- ны были от Вандамова корпуса горным хребтом, который надлежало им перейти, преодолев оставленные против них арьергарды союзной армии. Войска же Мортье, которые могли бы двинуться еще 29-го по шоссе в помощь Вандаму, получили из главной квартиры предписание оставаться в Пирне. Непонятно, однако же, почему Мортье, находясь на расстоянии около тридцати верст от Вандама, и Сен-Сир, бывший еще ближе, не только не сохранили с ним надлежащей связи, но даже не знали ничего, что происходило у Петерсвальде и Кульма: подобную небрежность можно приписать единственно обычному соперничеству между французскими генералами наполеоновской эпохи, не имевшему больших неудобств при личном его распоряжении действиями, но весьма вредному в его отсутствие. Наполеон, не довольствуясь обвинением Вандама в самонадеянности, уверял, будто бы ему было положительно предписано остановиться с корпусом на высотах и послать в Богемию только разъезды, для успокоивания неприятеля и для собрания о нем сведений. Но такого предписания не было, и ежели в чем можно упрекать Вандама, то разве только в том, что он, не успев сломить сопротивление Остермановых войск 29 августа и зная досто-

* Мармон.

** Эти слова подчеркнуты в официальной реляции. Выражение «золотой мост» (pont d'or) происходит от французского «couper les ponts» — отрезать пути к отступлению, и «faire le pont» — содействовать, помогать противнику отступить; «сделать противнику pont d'or» — было одним из любимых выражений Кутузова.

верно о прибытии в помощь им значительных подкреплений, не отступил в следующую ночь к Петерсвальде. Но едва ли такой упрек справедлив: Вандам получил приказание преградить пути к Теплицу, и хотя это не удалось ему, однако же он мог, оставаясь у Кульма, нанести союзникам большой вред в случае настойчивого преследования их прочими французскими корпусами. Гораздо труднее оправдать Сен-Сира в том, что, будучи обязан преследовать Клейста, он прошел 29 августа всего шесть верст от Максена до Рейнгардс-Гриммы, остановился там в ожидании распоряжений из главной квартиры и упустил из вида прусский корпус, который, пользуясь его медлительностью и бездействием, получил возможность двинуться в тыл Вандаму. Если бы Сен-Сир неотступно преследовал прусские войска, то Клейст не осмелился бы идти к Ноллендорфу и потери Вандама были бы не столь значительны. Вместо этого маршал оставался на следующий день, 30-го, в Рейнгардсгримме до 11 часов утра и выступил оттуда только тогда, когда получил предписание «поддержать 6-й корпус (Мармона); в случае же ежели найдется дорога между корпусами герцога Рагузского и генерала Вандама, двинуться по этому направлению». Исполняя это приказание, Сен-Сир решил идти на Гласгютте к Лауэнштейну и для ускорения марша оставил свою артиллерию позади, приказав ей следовать по возможности поспешнее за прочими войсками. Затем, услыша канонаду, маршал отправился вперед с небольшим конвоем и встретил беспорядочные толпы уходивших через горы из Богемии в Саксонию. Это были остатки Вандамова корпуса. День склонялся к вечеру, и Сен-Сир расположил свои войска у Либенау.

Войскам, отряженными к Ауссигу, удалось спастись от участи, постигшей корпус Вандама. Как только генерал Крейцер получил сведения о последствиях сражения при Кульме, он приказал своему отряду выступить из города; но прежде еще, нежели это приказание было исполнено, появился в четыре часа пополудни со стороны Терезиенштадта австрийский генерал Лонгевиль с 1500 человек пехоты, небольшим

конным отрядом и двумя орудиями. Французы, оставляя город, покушались зажечь его, чтобы задержать австрийцев, и двинулись в совершенном порядке к саксонской границе, но, не зная ведущих туда путей, по необходимости прибегли к помощи ограбленных ими богемских жителей. Эти проводники действительно провели французов в Саксонию, но заставили их пробраться через теснину Цейскенштейн, где они были принуждены оставить не только скот, увезенный ими из Богемии, но также орудия, обоз и лошадей. Затем, обратясь вправо, к Шнеебергу, отряд Крейцера достиг Кенигштейна.

Войска обеих сторон в день кульмского сражения 30 августа ввечеру были расположены следующим образом:

Со стороны союзников: российско-пруссские резервы, с войсками принца Евгения Вюртембергского, стали между Кульмом и Теплицем; австрийские дивизии Коллоредо и Бианки возвратились в лагерь при Дуксе, где и соединились с прибывшими туда накануне дивизиями Шателена, Ностица, Ледерера и Шнеллера; отряд Кнорринга достиг Ауссига и выслал разъезды вниз по течению Эльбы; корпус Клейста расположился у Арбезау и Фордер-Тельница; авангард его, под командой Цитена, у Петерсвальде; 5-я русская дивизия и большая часть 9-й прусской бригады Кюкса, под общим начальством графа Витгенштейна, у Эйхвальда; генералы Власов и Ридигер с арьергардом его, задержав войска Мармона у Альтенберга и в теснинах Брандшток и Гинтер-Цинвальд, отошли к Эйхвальду; австрийская легкая дивизия Морица Лихтенштейна стала у Граба; дивизия Циваллардта у Георгендаля; дивизии Кренневила у Нейгаузена (Нейштадт) за речкой Флеге; корпус Кленау у Мариенберга; следовательно, значительная часть австрийских войск тогда находилась еще по северную сторону Рудных гор. Главная квартира императора Александра, короля Прусского, Шварценберга и Барклая-де-Толли была расположена в Теплице.

Со стороны французов: Мюрат с большой частью кавалерии и с корпусом Виктора достиг Цетау; Мармон, прибыв в Альтенбург, выдвинул авангард под начальством Компана к Гинтер-Цинвальду; войска Сен-Сира были расположены у Либенау и Дитерсдорфа, где присоединились к ним остатки Вандамова корпуса; Мортье с Молодой гвардией оставался у Пирны; главная квартира Наполеона находилась в Дрездене.

Поражение французского корпуса под Кульмом было совершенно неожиданно для Наполеона. Увлеченный желанием отомстить наследному шведскому принцу за неудачу, понесенную французами при Гросс Беерене, он 30 августа сделал распоряжение о переправе на правую сторону Эльбы, у Дрездена, Старой гвардии, двух дивизий Молодой гвардии (Барруа и Дюмутье, тогда состоявшей под командой генерала Кюриала) и части резервной кавалерии Мюрата. Для преследования же Богемской армии он считал достаточным послать корпуса Мармона и Сен-Сира, которые должны были теснить отступавшие Союзные войска, а Вандаму оставалось — как полагал тогда Наполеон — воспользоваться выгодами своего положения. Надеясь, что после бедствий, понесенных в Саксонии, Богемская армия не могла оправиться ранее трех недель, он хотел с главными силами обратиться к Берлину.

В полночь с 30-го на 31-е достигла в главную квартиру Наполеона роковая весть об истреблении Вандамова корпуса. Вскоре после того прибыл генерал Корбино, облитый неприятельской кровью и сам раненый; при нем была прусская сабля, которой он заменил свою, изломанную в бою. Наполеон выслушал подробности понесенного урона довольно равнодушно и только выразил свое удивление. «Не понимаю, — сказал он, — что заставило Вандама вторгнуться в Богемию». Несколько раз повторил он: для бегущей армии должно строить золотой мост либо поставить на пути ее стальную преграду. Вандам не мог считать свой корпус такой преградой. Затем, обратясь к Бертье, спросил: «Разве мы писали

ему что-либо, могшее внушить такую несчастную идею? Принесите ваши черновые бумаги. Фен! Посмотрим мои; проверим все нами писанное». По свидетельству Наполеонова секретаря, во всех этих документах не оказалось ничего такого, что могло бы побудить Вандама к движению от Петерсвальде к Кульму. Но показание Фена очевидно противоречит истине: в предписании, посланном Вандаму из главной квартиры 28 августа и полученном сим генералом ввечеру того же дня, было приказано: «Предупредить неприятеля на путях, ведущих к Течену, Ауссингу и Теплицу».

Наполеон, как уже прежде сказано, старался всевозможно скрыть потери, понесенные его войсками при Кульме, и для этого приказал немедленно укомплектовать 1-й корпус; но этот корпус, вверенный графу Лобо (Мутону), считал в рядах своих менее десяти тысяч прежних солдат Вандама, и потому по всей справедливости его можно было считать вновь сформированной частью армии.

Сражение при Бар-сюр-Обе 27—28 декабря

26 декабря войска Шварценберга продолжали отступать: резервы Барклая-де-Толли двинулись через Шомон к Лангру, получив приказание ускорить марш, потому что в главную квартиру пришло известие о появлении неприятеля у Шатильона. Пехота графа Витгенштейна, усиленная восемь резервными батальонами 3-й и 4-й пехотных дивизий в числе до 4000 человек, прибывшими от Данцига, отошла к Коломбей; корпус кронпринца Вюртембергского, усиленный гренадерской бригадой графа Кленау в составе шести батальонов и 3-й кирасирской дивизией Дуки, пройдя через Бар-сюр-Об, направился на дорогу, ведущую из Бар-сюр-Оба в Шомон; граф Вреде с пехотой своего корпуса и 2-й кирасирской дивизией Кретова оставался позади Бар-сюр-Об; корпус Гиулая перешел на дорогу, ведущую из Шатильона в Лангр, к Аркан-Баруа, а дивизия Морица Лихтенштейна направилась к Шатильону. Казачий отряд графа Платова получил приказа-

ние перейти с левого крыла на правое и, расположившись между реками Об и Марна, сохранять связь с Блюхером и наблюдать за неприятелем.

Около полудня король Прусский, находившийся вместе с князем Шварценбергом в Коломбее, получил через присланного из главной квартиры Силезской армии австрийского майора фон Маршала известия, что Блюхер, успешно перейдя через Обу, двинулся против Мармона и что Наполеон послал из Труа к Вандевру и Бар-сюр-Сену только часть своей армии, а сам с прочими войсками, собранными у Мери, обратился к Марне против Блюхера. В то же самое время граф Виттенштейн, прибыв из арьергарда в Коломбей, донес королю, что «почти никто не преследовал союзников, и как Наполеон наверно обратился против Блюхера, то, чтобы его выручить, следовало наступать против неприятеля». Король согласился с его мнением и, убедив в основательности его доводов князя Шварценберга, настоял, чтобы дальнейшее отступление Главной армии было приостановлено и чтобы на следующий же день передовые корпуса перешли к наступательным действиям. С этой целью фельдмаршал предписал, чтобы 27 февраля Вреде и граф Виттенштейн двинулись к Вандевр, а наследный принц Вюртембергский — к Ла-Ферте-сюр-Обу. В подкрепление им были назначены русская гвардейская легкая кавалерийская дивизия и прусская гвардейская кавалерия, но эти войска, по распоряжению самого князя Шварценберга, двинулись к Лангру и потому не могли прийти своевременно к Бар-сюр-Обу.

Несколько спустя пополудни генерал Жерар с авангардом маршала Удино появился у долангурского моста, опрокинул стоявшую там австрийскую дивизию Гардегга и занял Бар-сюр-Об. Остальные войска Удино, кроме дивизии Пакто, оставленной на левой стороне Оба для охранения моста, и корпуса Келлермана, расположились по правую сторону реки. Дивизия Гардегга с присоединившимся к ней отрядом Палена отошла по большой лангурской дороге; для занятия же виноградников вправо от сей дороги остались несколько

австрийских батальонов и егерская бригада (23-й и 24-й полки) генерал-майора Власова. Неприятель покушался дебушировать* из города, но, будучи встречен перекрестным огнем батарей корпуса Вреде, был принужден отказаться от своего намерения.

В 6 часов вечера, когда граф Вреде, исполняя данное ему приказание, уступил неприятелю почти без сопротивления переправу у Доланкура и город Бар-сюр-Об, получено было предписание, чтобы на следующий день корпуса Вреде и Виттенштейна двинулись к Вандевр, а наследный принц Вюртембергский — к Ла-Ферте-сюр-Обу. Известие о предстоящем наступлении было встречено громкими криками «ура!», барабанным боем и торжественными трубными звуками. Но для успеха предположенных действий прежде всего надлежало овладеть городом. Граф Вреде, надеясь легче достигнуть этой цели посредством ночного нападения, приказал в сумерках атаковать Бар-сюр-Об 8-му баварскому пехотному полку, а для поддержания его послали 2-й легкий батальон.

Майор Массенгаузен с одним из батальонов 8-го полка ворвался на штыках в Шомонское предместье; гренадерская рота, несмотря на сильный огонь неприятельских стрелков, овладела заставой и в голове батальона устремила к торговой площади; но здесь баварцы, встреченные в превосходных силах французами, были принуждены отступить. Неприятель послал боковыми улицами несколько батальонов, которые заградили путь отступления горсти храбрых. Оставалось пробиваться, что и было исполнено, с потерей, однако, семи офицеров и двухсот нижних чинов убитыми, ранеными и пленными. Сам Массенгаузен пал в числе своих воинов. Баварцы, поддержанные 2-м легким батальоном, удержались в предместье.

В тот же день 26-го Макдональд направил дивизии Брейера и Амей на Ландревиль к Эссау, выдвинул Мильго с кавалерией Пире и Бриша, поддержанной пехотной бригадой Зиммера, к Фонтетт и расположил драгун генерала д'Эрителье и пехотную дивизию Альбера вместе со своей

* Вывести войска на открытую местность.

главной квартирой в Мюсси-л'Эверк, выслав разъезды к Шатильону и Лангру.

На основании первоначальных распоряжений князя Шварценберга 27 декабря войска графа Вреде должны были атаковать неприятеля в Бар-сюр-Обе, а войска графа Витгенштейна — поддерживать их, но впоследствии, по предложению самого Витгенштейна, ему было поручено повести нападение правее города, на высоты у Айлевиля. Одновременно с тем корпус кронпринца Вюртембергского получил приказание направиться на Ла-Ферте-сюр-Об.

Город Бар-сюр-Об лежит по правую сторону р. Об, текущей в окрестностях этого пункта между довольно высокими берегами. Выше города и ниже его, до Боссанкура, большей частью господствует левый берег, далее же, до Транн — правый, усаженный виноградниками. Небольшая речка, текущая от селения Арендьер и впадающая в Об у города, орошает в нижней части своей равнину. По дороге же к Шомону, близ Вуаньи и Линьоль, местность образует высоты. От Бар-сюр-Оба к Вандевру пролегли две дороги: старая, через мост у города и по довольно крутому скату к селению Спой, и новая большая дорога, от Бар-сюр-Оба вниз по течению реки к Доланкуру, и через мост у сего селения к Маньи, где она соединяется со старой дорогой. Позиция у Бар-сюр-Оба образуется высотами за помянутой речкой и оврагом у Арендьера, и далее, между этим селением и лесом, близ Левиньи.

Неприятель в ночь с 26 на 27 февраля занял город и мост на дороге в Спой войсками дивизии Дюгема; кавалерия Келлермана стояла у Спой; дивизия Национальной гвардии генерала Пакто охраняла доланкурский мост; прочая французская пехота была расположена в две линии, правым крылом к Бар-сюр-Обу, а левым позади Вернон-Фе; за ней, у Айлевиля и Мутье, находилась кавалерия Сен-Жермена. Число неприятельских войск вместе с прибывшими к ним подкреплениями простиралось до 30 000 человек. Левое крыло их не было обеспечено занятием нагорного берега впереди Арсонваль; по всей вероятности, Удино, не ожидая быть ата-

кованным у Бар-сюр-Оба, расположился там не с той целью, чтобы, заняв выгодную для обороны позицию, принять сражение, а предполагал преследовать союзников далее по дороге к Лангру.

В 7 часов утра граф Витгенштейн со своим корпусом выступил от Коломбей к Бар-сюр-Обу, куда в то же время отправились король Фридрих-Вильгельм с наследным принцем, принцем Вильгельмом (королем Вильгельмом I) и князем Шварценбергом. На равнине против города построились в две линии войска графа Вреде: на правом крыле австрийская дивизия генерала Фримона, на левом — баварцы; впереди стоял авангард графа Палена; Шомонское предместье было занято баварской пехотой; против выхода из предместья стояла батарея; впереди флангов боевого расположения находились казачьи лавы, поддержанные частью кавалерии.

Поскольку фронтальная атака, в случае даже взятия союзниками города, не обещала им решительного успеха, потому что неприятель мог занять позиции за ручьями, впадающими в Об, то решено было обойти французов на Левиньи. С этой целью граф Вреде с 5-м корпусом в числе 20 000 человек должен был повести нападение на город с фронта, ограничиваясь фальшивой атакой, пока прочие войска успеют обойти неприятельскую позицию, а потом со всеми силами двинуться вперед, овладеть городом и быстро преследовать неприятеля. 3-й батальон австрийских егерей с двумя эскадронами, расположенный по левую сторону Оба, наблюдал неприятеля, стоявшего у Спой, а два батальона 1-го шеклерского полка охраняли мост у Фонтен.

6-му корпусу графа Витгенштейна в числе 16 000 человек поручено двинуться в обход на Арендьер и Арсонваль к доланкурскому мосту, чтобы преградить французам отступление за Об.

Около 10 часов утра одновременно с перестрелкой, завязавшейся у баварцев в предместье, корпус Витгенштейна, подойдя к городу, свернул вправо с большой дороги и направился в обход тремя колоннами.

Первая, генерал-лейтенанта графа Палена, состоявшая из полков: Гродненского, Сумского и Ольвиопольского гусарских, Чугуевского уланского и казачьих Иловайского 12-го, Ребрикова и Власова, с конной батареей № 23-го и поддержанная 3-й пехотной дивизией, должна была двинуться на Арентьер и далее вправо от Арсонваля по направлению к доланкурскому мосту.

Вторая, генерал-лейтенанта принца Евгения Вюртембергского, из 4-й пехотной дивизии, направилась также на Арентьер к высотам у Вернон-Фе, фронтом к реке Об.

Третья, генерал-лейтенанта князя Горчакова 2-го, состоявшая из 5-й и 14-й пехотных дивизий и полков Псковского кирасирского и Лубенского гусарского, была назначена для поддержания двух первых колонн, между тем как генерал-майор Власов, с 23-м и 24-м егерскими полками, тотчас занял виноградники у речки Арентьер, для прикрытия обходного движения прочих войск.

Если бы войска графа Витгенштейна предприняли этот обход прямо от Линьоль и выступили ранее, обошли с рассветом неприятеля, то застали бы его врасплох и без больших усилий овладели бы позицией, которая тогда еще не была занята надлежащим образом. Напротив того, обход, предпринятый в виду неприятеля, обнаружил намерение союзников. Удино, заметя с высот движение русских колонн к Арентьеру, немедленно занял лес у Левиньи и построил свою армию в боевой порядок на высотах, позади коих пролетает дорога из Бар-сюр-Оба на Айлевиаль к Арсонвалю. Дивизия Дюгема получила приказание оборонять город; из войск дивизии генерала Гамелине, бригада Белера заняла вершину малепенского плато; а бригада Жарри стала за ней в резерве, у Валь-де-Винь; дивизия Леваля расположилась левее на гребне высот, фронтом к селению Вернонфе; бригада Шассе (дивизии Бойе де-Ребеваль) и за ней дивизия Ротембурга — на левом крыле; дивизия Пакто за доланкурским мостом; кавалерия Сен-Жермена, в резерве, у Мутье; кавалерия Келлермана у Спой, на дороге в Вандевр; значительная часть орудий,

именно вся артиллерия 7-го корпуса, оставалась у Маньи, в долупереходе от Бар-сюр-Оба.

Как только обнаружилось намерение союзников атаковать позицию французов, маршал Удино послал приказание Келлерману прибыть к Бар-сюр-Обу.

Граф Пален с кавалерией первой колонны достиг леса у Левиньи и двинулся далее по направлению к Арсонвалю; а 4-й и 34-й егерские полки, за ним следовавшие, открыли неприятеля в левиньском лесу и завязали с ним перестрелку. Принц Евгений Вюртембергский с 4-й дивизией направился на высоты у Вернон-Фе и, встретив высланную против него бригаду Шассе, сильным огнем своих батарей овладел мызой.

Тогда же генерал Власов с 23-м и 24-м егерскими полками, взойдя на гору близ селения Арентьер, занял находившиеся там виноградники. Генерал Монфор, усмотрев с маленских высот наступление русских егерей, перешел через овраг со 101-м и 105-м линейными полками (дивизии Леваля), атаковал Власова, в то время когда большая часть его бригады еще не успела взобраться по крутому скату, и опрокинул егерей. Сам Фридрих-Вильгельм со своими сыновьями, наследным принцем и принцем Вильгельмом, устроил наскоро русские полки и снова послал их против наступавшего неприятеля. Напрасно князь Шварценберг просил короля удалиться. «Wo Ihr Platz ist, mein lieber Feldmarschall, da ist auch der meinige» (Где ваше место, любезный фельдмаршал, там и мое), — отвечал король. Граф Виттенштейн, опасаясь, чтобы неприятель, кинувшись в промежуток между войсками его и графа Вреде, не разобшил союзных корпусов, приказал, в отмену прежней диспозиции, князю Горчакову с 3-й колонной вместо движения вслед за 2-й повернуть, пройдя Арентьер, влево и двинуться против правого крыла Французской армии. Сам Виттенштейн с Псковским кирасирским полком покушался остановить неприятеля, но не имел успеха и был ранен, кирасиры отброшены на каменистую, усаженную виноградниками местность. Только лишь четырьмя русскими орудиям, выдвинутым на позицию австрийскими

офицерами Санхецом и Тиленом, удалось удержать французов картечью, пользуясь чем, пехота Власова опрокинула неприятеля за овраг на малепенские высоты.

Вслед за тем войска князя Горчакова, пройдя Арентьер, стали дебушировать на сии высоты. Но прежде еще, нежели они успел построиться в боевой порядок, прибыла от Спой многочисленная кавалерия Келлермана, перешедшая через Об вброд ниже города. Генерал Жакино со своей легкой дивизией атаковал и опрокинул Псковских кирасир и Лубенских гусар. Левее его устремилась беглым шагом вся дивизия Леваля. Граф Виттенштейн, заметя опасность, угрожавшую его войскам, отказался от предложенного обхода и послал приказания возвратиться назад — сперва принцу Евгению Бюртембергскому, а потом и графу Палену, а между тем неприятель был удержан огнем русских батарей, выгодно поставленных генералами Левенштерном и Костенецким. Генерал Исмерт с одной из драгунских бригад Келлерманова корпуса кинулся на эти батареи, но артиллерийская рота капитана Нольде, выждав его на сто шагов, осыпала французов картечью и отразила несколько атак, стоивших неприятелю более 400 человек. Тем не менее, однако же, дивизия Леваля продолжала наступать, а примкнувшая к ней бригада Шассе, поддержанная дивизией Ротембурга и кавалерией Сен-Жермена, двинулась вперед против принца Евгения.

В эту решительную минуту Калужский пехотный полк под начальством подполковника Савиницина быстро спустился в овраг, отделявший его от малепенских высот, и взобрался на них по крутому скату; капитан Ягодовский с головным батальоном сего полка ударил во фланг бригаде Белера, опрокинул французов и был убит. За ним следовали Могилевский, Пермский и прочие полки князя Горчакова, поддержанные, по личному распоряжению короля Фридриха-Вильгельма, огнем русской артиллерии. В то же время (около четырех часов пополудни) князь Шварценберг приказал графу Вреде атаковать правое крыло неприятельской позиции у Барсюр-Оба, а генералу Фолькману с его бригадой и с полками

драгунскими Кнезевича и Шеклерским гусарским идти в помощь русским. Войска Горчакова и принца Евгения дружно двинулись вперед, а между тем графу Палену было послано приказание снова направиться к доланкурскому мосту.

Удино, заметив общее наступление союзников, приказал своим войскам сняться с позиции. Тогда же генерал Дюгем дескоро приготовился к обороне Бар-сюр-Оба. Все улицы были заграждены баррикадами, а на высотах позади города поставлены батареи. Граф Вреде повел атаку на Бар-сюр-Об пятью батальонами, послав полковника Гертлинга с четырьмя батальонами вправо, чтобы обойти неприятеля с фланга. Полковник Теобальд с 10-м баварским линейным полком ворвался в город, но французы, заняв стрелками все дома, оборонялись упорно; надлежало брать с боя каждое строение. Наконец, когда союзники уже овладели малепенскими высотами, Дюгем, опасаясь быть отрезанным от прочих войск Удино, приказал очистить город. Большая часть его дивизии ушла по старой дороге на Спой, а несколько батальонов на Айлевиаль. Войска Гертлинга и Фолькмана настигли неприятеля близ Айлевиля, но не успели отрезать ему отступление.

Граф Пален с кавалерией и с несколькими орудиями 23-й конной и 6-й легкой роты прибыл на арсонвальские высоты к вечеру, когда большая часть неприятельских войск и вся его артиллерия уже находились за Обом; по остальным же была открыта сильная канонада. Французы, приведенные в расстройство, отступили частью через доланкурский мост, частью вброд; некоторые ушли вниз по течению реки к Диенвилю. Сильный огонь неприятельских батарей, поставленных за рекой у моста, заставил союзников прекратить преследование.

Войска графа Витгенштейна расположились в ночь с 27-го на 28-е у доланкурского моста, Арсонваля и Айлевиля, а войска Вреде — между Айлевиллем и Бар-сюр-Обом. Король Прусский и князь Шварценберг возвратились в Коломбей.

В сражении при Бар-сюр-Обе французы, по собственному их показанию, потеряли 2600 человек убитыми и ранеными и 460 пленными. В числе тяжелораненных находился

генерал Пиното. Союзники вообще потеряли до 1900 человек. В числе пленных был командир 4-го егерского полка (4-й пехотной дивизии) полковник Фон-Визин. Сам Шварценберг был контужен. Граф Виттенштейн, легко раненный, оставаясь до вечера на поле сражения, но впоследствии испросил соизволение государя на отъезд из армии и сдал начальство над корпусом генералу Раевскому, командиру гренадерского корпуса, на место которого поступил граф Ламберт. Причиной отбытия графа Виттенштейна было не столько состояние его здоровья, сколько неудовольствие его, возбужденное несогласием с князем Шварценбергом и повышением графа Вреде, произведенного в фельдмаршалы за сражение при Бар-сюр-Обе, в коем ни баварцы, ни предводитель их не имели случая стяжать новые лавры. Король Прусский, участник подвигов, совершенных русскими в этом деле, удостоил графа Виттенштейна рескриптом следующего содержания: «В сражении при Бар-сюр-Обе я имел случай быть вновь свидетелем храбрости русских и искусного предводительства ими, приносящего вам, любезный генерал, столь много чести. Тем неожиданнее для меня было содержание вашего письма, что я разделяю убеждение императора в ваших заслугах и отличном действии войск, бывших в сем сражении под вашим начальством, и могу дать вам успокоительное уверение, что Его Величество отдаст справедливость вашим подвигам столько же, сколько и я».

Дело при Бар-сюр-Обе, данное союзниками по настоянию короля Прусского, могло бы иметь более важные последствия, если бы обход неприятельской позиции был предпринят ранее и более значительными силами. Тем не менее, однако же, оно принесло несомненную выгоду, обнаружив слабость неприятеля и побудив союзников к возобновлению наступательных действий. Впрочем, князь Шварценберг преследовал французов весьма слабо. Причины тому изложены в следующем письме начальника его штаба, графа Радецкого, к князю Волконскому: «Показания захваченных вчера пленных, особенно донесения генерала Сеславина о движении главных

Наполеона к Дижону, не позволили главнокомандующему воспользоваться одержанными вчера успехами с той настойчивостью, с которой мы преследовали бы неприятеля, если бы были уверены в движении Наполеона против Силезской армии. Кроме того, при чрезвычайном утомлении войск было бы опасно двинуть их вперед в стране, не представляющей никаких способов продовольствия, не зная наверно о движениях неприятеля, потому что если бы помянутые известия подтвердились, то нам пришлось бы идти назад усиленными переходами. Все это заставило фельмаршала послать вслед за неприятелем кавалерию, поддержанную пехотными отрядами с орудиями.

Сегодня кронпринц Вюртембергский атакует Бар-сюр-Сен; последствия этого дела, без сомнения, объяснят нам намерения неприятеля. Гвардия и резервы останутся у Шомона и Лангра, откуда будут иметь возможность подкрепить армию в обоих предположениях, то есть при движении ее вперед либо к Дижону».

Таким образом, князь Шварценберг, получив еще 26 февраля известие от Блюхера о наступлении Наполеона против Силезской армии, уважил более сомнительные сведения о движении его к Дижону и прекратил преследование разбитой армии маршала Удино, который благодаря оплошности союзного главнокомандующего снялся 28-го в 7 часов утра с позиции у доланкурского моста и отошел спокойно к Вандевр, оставя для наблюдения арьергард у Маньи. Граф Пален отрядил за ним вслед казаков, а сам с присланной на усиление его авангарда 2-й кирасирской дивизией расположился у Диенвиля и выслал разъезды к Пиней и Вандевру. 2-й пехотный корпус принца Евгения Вюртембергского остался у Арсонваля, заняв одной бригадой с четырьмя орудиями доланкурский мост; 1-й пехотный корпус князя Горчакова стал на позиции между Транн и Экланс. Корпус графа Вреде, отойдя назад по шомонской дороге, расположился на своих прежних бивуаках между Бар-сюр-Обом и Линьолем; кавалерия его осталась впереди города, кроме легкой бригады Фиретта,

высланной за селение Спой, для наблюдения за неприятелем. Резервам, по поводу мнимого движения наполеоновской армии к Дижону, дано было из главной квартиры предписание остаться на прежних квартирах, но оно застало их уже на походе от Лангра в Коломбей, и потому они расположились в окрестностях Шомона. Король Прусский, прибыв рано утром в Бар-сюр-Об, объехал поле сражения, приказал убрать остававшихся там раненых и, осмотрев передовые посты, возвратился в Коломбей.

В самый день сражения при Бар-сюр-Обе 27 декабря граф Гиулай, послав легкую дивизию принца Морица Лихтенштейна от Арк-ан-Барруа к Шатильону, двинулся к Вексоль для соединения с кронпринцем Вюртембергским, который, в 5 часов вечера прибыв со своим корпусом к Ла-Ферте-сюр-Обу, выслал авангард вместе с отрядом Сеславина по дороге к Фонтетт. Войска эти еще не успели отойти двух верст, как из леса Клерво показалась сильная неприятельская кавалерия. Это были дивизии генералов Пире и Бриша с пехотной бригадой Зиммера, двигавшиеся в авангарде Макдональдова корпуса; за ними следовали от Ландервиля пехотные дивизии Брайера и Амей; одновременно с тем направились к Ла-Ферте от Мюсси-л'Эверк кавалерия л'Эрителье и пехотная дивизия Альбера.

Как только появился неприятель, австрийская легкая кавалерия кинулась ему навстречу, но, будучи встречена сильной канонадой, отступила к следовавшей за ней гренадерской дивизии Кленау. Наследный принц поддержал авангарда всей своей кавалерией, но, убедясь, что неприятель успел занять выгодную позицию, господствующую над городом, отвел войска на правую сторону Обу и разрушил мост. В ночь главная квартира принца находилась в Клерво, на левом берегу реки.

На следующий день 28-го утром Макдональд, еще не зная о поражении Удино, оставался в занятой им позиции на высотах у Ла-Ферте-сюр-Оба и даже не разрушил моста у Сильварувр в двух верстах выше города, довольствуясь заг-

рождением его. Наследный принц, соединив под своим начальством, кроме вюртембергских войск, корпус Гиулая, австрийскую резервную кавалерию и гренадерскую дивизию Кленау, решился атаковать неприятеля.

Маршал Макдональд рано утром, отрядив по повелению Наполеона к Труа, для прикрытия находившихся там парков, дивизию Амей и 500 человек кавалерии, считал необходимым открыть сообщение с войсками Удино, об отступлении которого к Вандевр ему не было известно. С этой целью, оставя дивизии Брайера, Пире и Бриша под начальством Мильго у Ла-Ферте и Сильварувра, сам Макдональд с дивизиями л'Эретье и Альбера предполагал идти от Фонтетт к Бар-сюр-Обу. Но когда драгуны, высланные для разведки по дорогам к Бар и Клерво, встретились с союзными войсками, Макдональд, убеждаясь в отступлении Удино от Бар-сюр-Оба и надеясь соединиться с ним у Вандевра, двинулся к Витри-ле-Крузе, но и там встретясь с союзной кавалерией, возвратился в Фонтетт. Не имея возможности сосредоточить все силы Французской армии, он заботился о том, чтобы, по крайней мере, выгнать Мильго, который в действительности подвергался большой опасности. Наследный принц Вюртембергский, поручив графу Гиулаю с австрийскими войсками 3-го корпуса занимать неприятеля с фронта нападением на Ла-Ферте, оставил до прибытия его из Вексоль, где он остановился на ночлег, кирасиров Ностица и гренадерскую дивизию Кленау против Ла-Ферте и перевел вюртембергский корпус к Клерво, чтобы направиться отсюда в тыл французам к Сент-Юзаж и Фонтетт.

В 10 часов утра наследный принц получил известие, что корпус Гиулая, принужденный направиться от Вексоль в обход на Креансе и Шато-Вилен, не мог прибыть вскоре к Ла-Ферте. Тем не менее принц перевел свои войска на левую сторону Оба по мосту при Клерво и двинулся по затруднительной, от дождей испортившейся дороге через клервосский лес. Легкая вюртембергская кавалерия, предупредив неприятеля у Витри-ле-Крузе, заставила его (как выше сказано) возвратиться к Фонтетт. Но пехота кронпринца оставалась еще

далеко позади, о графе Гиулае и войсках, оставленных против города, не было никаких известий, а между тем уже наступал вечер: все это заставило принца прекратить преследование неприятеля и остановиться у мызы Сермуаль, близ Фонтетт.

Граф Гиулай, прибыв с дивизиями Френела и Вейсса около 2 часов пополудни в окрестности Ла-Фетре-сюр-Оба, оставил против города бригаду Пфлюгера, а сам с тремя бригадами Чоллича, Гриммера, Франца Силени и с легким отрядом генерал-майора Сеславина двинулся, прикрываясь высотами правого берега Оба, вверх по реке к Сильварувру, чтобы переправиться там на левый берег и атаковать неприятеля с правого его фланга. По прибытии к каменному мосту при Сильварувре в 3 часа пополудни австрийцы поставили батарею и открыли канонаду, на которую французы отвечали огнем двенадцати орудий, расположенных генералом Брайером на весьма выгодной позиции. В 4 часа граф Гиулай приказал Чолличу овладеть мостом. Несмотря на сильную оборону его картечью и ружейной пальбой, храбрые солдаты полка Котулинского разбросали баррикаду, перешли через мост и, взобравшись на высоты, занятые неприятелем, опрокинули его в лес; фельдмаршал-лейтенант Френель с бригадой Пфлюгера исправил под огнем французских батарей мост у Ла-Ферте, овладел городом и выслал кавалерию вслед за неприятелем в Фонтетт, где Мильо, собрав свою колонну, присоединился к прочим войскам Макдональда. В это самое время Макдональд получил из Вандевр известие о последствиях сражения при Бар-сюр-Обе, и французы, несмотря на утомление их, отступали всю ночь, чтобы прийти прежде союзников в Бар-сюр-Сен. Кавалерия Мильо прикрывала движение пехоты. Казаки генерала Сеславина преследовали неприятеля до полуночи; граф Гиулай, присоединив к своим войскам дивизию графа Кренневиля, расположил их частью по квартирам, частью на бивуаках в Ла-Ферте и окрестностях сего города, а кронпринц Вюртембергский с 4-м корпусом остановился у Шампиньоль.

В деле при Ла-Ферте-сюр-Об французы, по собственному их признанию, потерял 600 человек убитыми и ранеными и

150 человек пленными. Урон союзников убитыми и ранеными также простирался до 600 человек.

На другой день после дела при Ла-Ферте-сюр-Обе, 1 марта, союзники скрепили коалицию против Наполеона договором в Шомоне.

Целью шомонского договора, коего первоначальная идея принадлежит партии войны, следовательно России и Пруссии, было с одной стороны — прекратить разногласие союзников, столь много вредившее успеху общего дела, а с другой — побудить Наполеона к большей уступчивости, устранив французов многолетней борьбой с раздраженною ими Европой.

Главными постановлениями сего договора, заключенного императорами Австрийским и Всероссийским и королями Великобританским и Прусским, были следующие условия:

1. В случае несогласия Франции на предложения союзников продолжать войну всеми средствами в неразрывной между собою связи, чтобы достигнуть общего мира, обеспечивающего ненарушимость прав и независимость государств.

...Каждая из договаривающихся держав обязывается выставлять во всякое время против общего неприятеля по 150 тысяч человек, не считая гарнизонов.

2. Союзники обязываются взаимно не открывать с неприятелем никаких отдельных переговоров и не заключать с ним ни мира, ни перемирия, ни какого-либо иного договора, иначе как с общего согласия.

3. Англия обязуется ежегодно уплачивать пять миллионов фунт. стерл. (около 33 миллионов рублей серебром) субсидий, которые положено делить поровну между тремя континентальными державами.

7 и 8. В случае нападения на какую-либо из союзных держав каждая из прочих обязывалась в продолжение не более двух недель выставить вспомогательный корпус в числе 60 000 человек, из коих 50 000 пехоты и 10 000 кавалерии.

9. Англия обязывалась дополнить условленное на ее часть число войск иностранными контингентами, уплачивая за каж-

дого пехотинца 20 (132 рубля), а за всадника 30 фунт. стерл. (около 200 рублей).

16. Договору сему, имевшему целью восстановить политическое равновесие, обеспечить спокойствие и неприкосновенность государств и положить преграду произвольному нарушению прав и владений, положено дать силу в течение двадцати лет. Сверх того союзные державы предоставили себе право продолжить заключенный ими договор, если обстоятельства того потребуют.

Секретные условия шомонского договора заключались:

1 и 2. В восстановлении Германского Союза из самостоятельных владетелей; в признании независимости Швейцарии; в определении участи Италии, Испании и Голландии; в предоставлении Испании, Португалии, Швеции и принцу Оранскому присоединиться к союзу, утвержденному сим договором.

3. Приняв во внимание, что союзники по заключении мира могут быть поставлены в необходимость держать в готовности достаточные силы для охранения сделанных ими распоряжений, положено условиться между собой за счет числа и распределения войск, которые останутся на военном положении в продолжение одного года.

Шомонский договор, как оплот Европы против Наполеона, есть один из важнейших актов первой половины XIX столетия. Но непосредственное влияние его на политические и военные события было почти незаметно. По-прежнему союзный главнокомандующий ограничивался выжиданием тогда, когда надлежало действовать решительно.

Приложение 3

Генерал Модест Богданович

Главы из книги «История войны 1814 года»

Сражения при Бриенне и Ла-Ротьере 29—30 января

Местечко Бриенн, где Наполеон получил первоначальное военное образование, лежит на скате высоты, которой господствующий пункт к северо-западу от местечка занят замком с довольно значительным парком и обширными виноградниками, покрывающими склоны возвышений вдоль реки Об до селения Лемона. Окрестности же Бриенна в прочие стороны представляют равнину, ограниченную с востока ажуйским лесом.

29 января, около полудня, в то время когда Блюхер наконец убедился в наступлении против него значительных неприятельских сил и послал приказание корпусу генерала Сакена немедленно перейти от Лемона к Бриенну, самое местечко и выходы из него на дороги, ведущие к Монтиерандер и Бар-сюр-Обу, были заняты пехотою 9-го русского корпуса генерал-лейтенанта Олсуфьева в числе 5000 человек с 24 орудиями; впереди же, на большой равнине между селением Мезьер и леском, прикрывающим часть дороги от Лемона к Бриенну, расположилась кавалерия генерал-лейтенанта Палена в числе до 2000 человек; состоящий под начальством его генерал-майор князь Щербатов со своим казачьим отрядом, Чугуевским уланским полком и четырьмя конными орудиями стал у Мезьер; главная квартира Блюхера находилась в замке, откуда можно было обозреть довольно большое пространство. Отряд генерал-лейтенанта Ланского двигался от Сулена через Шомениль на присоединение к армии.

В 2 часа пополудни кавалерия Лефевр-Денуэтта и Мильго, выйдя из ажуйского леса, атаковала близ Мезьер отряд князя Щербатова и заставила его податься назад по направлению к Бриенну. Тогда Блюхер, имея в виду удержать местечко, с потерей коего был бы отрезан от него корпус Сакена, приказал состоявшим в отряде Палена 4-му и 34-му егерским полкам стать впереди Бриенна на дороге из Лассикура; сам же Пален со своей кавалерией двинулся на Перть в правый фланг неприятеля, но, будучи атакован превосходящими в числе войсками Нансути и Мильго, стал отступать к Бриенну. В ожидании прибытия Сакенова корпуса приказано было Олсуфьеву оборонять город; артиллерия его, отданная Блюхером в распоряжение генерал-майора Никитина, была выставлена впереди на позицию, так что 15-я батареинная рота примкнула правым флангом к мезьерской дороге, а прочие двенадцать орудий стали уступом левее 15-й роты. Около 4 часов пополудни большая часть войск Сакена, совершив фланговое движение к Бриенну, расположилась впереди местечка, но большой прусский парк, тянувшийся от Лемона под прикрытием Сакенова арьергарда, еще не успел отойти за Бриенн. Поскольку атаки неприятельской кавалерии были отражены Паленом, а французская пехота еще не успела выйти из леса, Наполеон, приказав выдвинуть несколько батарей, громил русские войска, и в особенности те, которые двигались от Лемона. В продолжение этой канонады граф Пален, открыв фронт батарей, расположенных впереди города, перешел на правое крыло и соединил там на равнине всю кавалерию, именно: свою, Сакенова корпуса, состоявшую под начальством генерал-лейтенанта Васильчикова 1-го, князя Щербатова, а также прусский партизанский отряд принца Бирона*.

Наполеон, желая во что бы то ни стало выгнать пехоту Олсуфьева из местечка, зажег его несколькими гранатами, но как русские войска оставались непоколебимо на своей пози-

---

* Принц Бирон был отряжен от корпуса Клейста с 5-ю эскадронами в числе от 600 до 800 человек (а именно: два эскадрона 2-го Силезского гусарского, два эскадрона Силезского Национального гусарского и один егерский эскадрон Неймаркского драгунского полка). (Прим авт.)

нии, а день уже склонялся к вечеру, то неприятель повел общую атаку: войска Нея в двух колоннах устремились на местечко; дивизия Дюгема (корпуса Виктора) двинулась левее их, а особая колонна генерала Шато, знавшего в подробности окрестную местность, была назначена для овладения бриеннским замком; тогда же вся французская кавалерия собралась на правом крыле общего расположения, вероятно для угрожения арьергарду Сакена, еще не успевшему отойти за местечко. Войска Нея кинулись на 15-ю батареиную роту, овладели двумя орудиями и ворвались в город; а двинувшиеся одновременно с ними в атаку французские драгуны едва было не захватили в плен самого Сакена; конвой его был изрублен и генерал-квартирмейстер его корпуса, полковник граф Рошешуар, убит. Но наступление французов было остановлено искусным действием русской артиллерии. Генерал Никитин, по приказанию Сакена взяв из резерва двадцать четыре батареинных орудия, поставил их параллельно мезьерской дороге и открыл огонь во фланг неприятелю, что заставило французов отступить с большим уроном и бросить захваченные ими орудия. Тогда же граф Пален со всею кавалерией, собранной вправо от Бриенна, кинулся на пехоту Виктора и опрокинул ее на глазах Наполеона, который сам здесь подвергался величайшей опасности. Русская кавалерия захватила восемь орудий, но успела увезти только пять.

Фельдмаршал, желая обозреть расположение неприятеля до наступления ночи, отправился на высоту у замка и прибыл туда незадолго пред тем, когда подошла колонна генерала Шато. Стрелки, двигавшиеся впереди этой колонны, найдя незанятым русской пехотой подход со стороны Лемона, ворвались в замок, в верхнем этаже коего тогда находились Блюхер и Гнейзенау. Прусские генералы были бы захвачены, если бы несколько выстрелов, некстати сделанных французами, не заставили Блюхера подумать о собственном спасении. Но положение его было весьма затруднительно: считая сражение на сей день оконченным, он отослал своих лошадей в местечко, где можно было найти лучшие конюшни, нежели

в строениях замка; Гнейзенау распорядился таким же образом. К счастью, однако же, еще не успели отвести лошадей, когда раздались выстрелы во дворе замка. Блюхер и Гнейзенау, поспешно вскочив на коней, спустились с горы в местечко и, получив сведение от одного из конвойных казаков о вторжении туда французов, повернули вправо по небольшой улице. Как Блюхер не торопился уходить и ехал шагом, то Гнейзенау, напомнив ему о близости неприятеля, спросил его: «Неужели вы хотите, чтобы вас с торжеством везли в Париж?» Блюхер дал лошади шпоры и прибыл к войскам. Генерал Сакен также едва не попался в руки неприятелю и был обязан своим спасением только тому, что французские драгуны, ворвавшиеся в местечко, промчались по улице, не заметив его, что дало ему возможность выбраться в поле и прискакать на позицию, занятую его войсками. В это время прусский парк, двигавшийся от Лемона к Диенвилю, подвергся большой опасности. Блюхер, имея в виду прикрыть его, решил сделать последнее усилие: «Der Kerl soll nicht in meinem Bett schlafen» (не допущу молодца на свою постель), — сказал он. Олсуфьеву было приказано овладеть замком, а Сакену послать сильную пехотную колонну по главной бриеннской улице для очищения местечка. Обе атаки были поведены уже в 10 часов вечера. Сражение возобновилось с чрезвычайным ожесточением и продолжалось до полуночи. Наконец французы были выбиты из пылавших строений местечка*, но удержались в замке. Блюхер, вовсе не имевший намерения продолжать бой до последней крайности, прекратил атаки и дал отдых своим войскам.

Потери каждой из сторон убитыми и ранеными в деле при Бриенне простирались до 3000 человек; в плен взято по несколько сот человек; в числе пленных находились: тяжело раненный начальник Блюхерова конвоя капитан Гейден и комендант главной квартиры майор граф Гарденберг (сын австрийского министра). Со стороны французов убит контр-

---

* 28-м и 32-м егерскими полками под командой подполковника Бланова, поддержанными Псковским пехотным полком. (Прим авт.)

адмирал Деку; ранен тяжело Лефевр-Денуэтт, легко — принц Невшательский (Бертье).

Упорное сопротивление русских войск, по сознанию самих французов, поставило их армию в затруднительное положение. В главной квартире Наполеона полагали, что Блюхер, получив в ночи подкрепления, возобновит бой на следующее утро и что, в случае поражения французов, им пришлось бы отступать по дурным дорогам, еще более испортившимся от наступавшей оттепели. Но опасения неприятеля были напрасны.

Блюхер, решась прекратить сражение, отдал незадолго до полуночи следующую диспозицию:

«После полуночи корпус Олсуфьева выступает по дороге, ведущей к Бар-сюр-Об, и располагается на бивуаках за Арсонвалем. В 2 часа пехота корпуса Сакена, очистив Бриенну, двигается по той же дороге до Боссанкура и располагается там на бивуаках.

Кавалерия остается впереди Бриенны и прикрывает отступление пехоты, которое должно быть совершено по возможности в тишине. Если же неприятель завтра утром возобновит нападение, то кавалерия отступит на высоты у Транна, вслед за пехотой.

Раненых отправить в Бар-сюр-Об, куда также отвезти захваченные у неприятеля орудия.

Главная квартира в Арсонвале».

В 3 часа пополуночи, когда русские войска успели несколько отдохнуть и когда уже были отправлены назад обозы, фельдмаршал с пехотой и артиллерией двинулся к Транне и расположил там корпус Сакена на выгодной позиции, правым флангом к селению Экланс, а левым — к реке Об; корпус Олсуфьева стал в резерве за Арсонвалем, где находилась главная квартира Блюхера. Кавалерия выступила от Бриенны в 11 часов утра, тогда уже, когда неприятель, заняв местечко сильной пехотой, выслал вперед кавалерию и открыл канонаду. По отступлении к Транне кавалерия расположилась впереди пехоты, у подошвы высот, занятых корпу-

сом Сакена: на левом крыле Пален, на правом — Васильчиков, еще правее — казаки и партизаны. Французская кавалерия приблизилась к русской, завязалась сильная канонада, но в сумерках неприятель отошел к Ла-Ротьеру. Наполеон, перенеся свою главную квартиру в бриеннский замок, занял селения у Бриенны. В таком расположении оставался он более двух суток, пока был атакован войсками Блюхера, усиленными частью Главной союзной армии. Военные писатели старались объяснить бездействие столь деятельного полководца неведением о направлении, принятом Союзными войсками. Говорят, будто бы он полагал, что Главная армия двигалась к Осеру, и хотел обрушиться на Блюхера, но, по всей вероятности, единственной причиной нерешимости Наполеона была малочисленность его армии сравнительно с огромными силами, которые состояли в распоряжении союзников. Расположение между путями, ведущими к Парижу по долинам Сены и Марны, давало Наполеону возможность предупредить неприятеля, куда бы он ни направился, поэтому он считал достаточным, заняв главными силами центральную позицию на Обе, поддерживать ими попеременно отряды, расположенные у Труа и Шалона. А поскольку после дела под Бриенном можно было преимущественно ожидать наступление союзников к Труа, то Наполеон предполагал собрать там наиболее войск и с этой целью предписал: маршалу Мортье со Старой гвардией оставаться в Труа; генералу Гамелине, формировавшему 2-ю резервную дивизию в Труа, усилить ее до восьми тысяч человек, а генералу Жерару с 1-й резервной дивизией расположиться у Пиней, на дороге из Бриенна в Труа: вообще же под начальством Мортье предполагалось собрать от 28 до 30 тысяч человек, кроме 15 тысяч человек превосходного войска, ожидаемых из Испании. Присоединив к этим сорока тысячам человек сорок тысяч, собранных у Бриенна и Сен-Дизье, Наполеон мог сосредоточить до восьмидесяти тысяч человек против Главной союзной армии; оборона же течения Сены и Йонны по-прежнему была поручена генералу Пажоло с частью резервов. Тогда же

было послано маршалу Макдональду вторичное предписание — идти с вверенными ему войсками к Шалону; Наполеон, присоединяясь к нему со своими главными силами, мог сосредоточить против Блюхера до 50 тысяч человек; а для обороны течения Марны герцог Вальми (Келлерманн) должен был собрать национальную гвардию в Мо, Ла-Ферте-сужуар и Шато-Тьерри, заградить баррикадами мосты и приготовить для армии съестные запасы. Наполеон, предполагая весьма основательно, что при обороне страны от союзников, наступавших с различных сторон, ему придется не раз двигаться между Обой и Марной, предписал оградить Сезанн палисадами и устроить там значительные магазины и склады военных запасов. Наконец, приказано на всякий случай возобновить разрушенный мост у Лемона. Но все эти основательные распоряжения могли быть успешны только лишь в том случае, если бы союзники действовали по-прежнему медленно и несвязно.

По отступлении к Транне Блюхер предполагал отойти еще далее Бар-сюр-Оба, чтобы соединиться с войсками Главной армии, но наследный принц Вюртембергский, обозрев позицию у Транна еще 29 января, изложил фельдмаршалу ее выгоды и вызвался занять высоты у Мезон своим корпусом, тогда стоявшим у Бар-сюр-Оба, чтобы обеспечить корпус Сакена от обхода с правого фланга. Блюхер, и без того уже неохотно решавшийся на дальнейшее отступление, был легко убежден доводами наследного принца. Положено было оставаться у Транна. Прочие союзные войска 30-го занимали следующее расположение: корпус кронпринца Вюртембергского между Арсонвалем и Мезон; корпус Гиулая между Бар-сюр-Обом и Вандевр; корпуса Вреде и Виттенштейна в окрестностях Жуанвиля; корпус Колморедо подходил к Шатовилен; российско-пруссские резервы находились частью между Бар-сюр-Обом и Шомоном, частью за Шомоном; корпус Йорка занял Сен-Дизье.

В главной квартире Шварценберга, стоявшей в Шомоне, весьма беспокоились о Блюхере, несмотря на то что он, еще находясь при Бриенне, в 3 часа пополудни, послал

одного из своих адъютантов в Шомон с известием, что «надеется удержаться в своей позиции и что, по всей вероятности, неприятель отступит в ночи с поля сражения». Полагали, что «опрометчивый рубака» Блюхер подверг введенные ему войска совершенному истреблению, и толковали, как бы его выручить из беды, если это было возможно, изъявляя готовность содействовать ему, хотя бы пришлось купить его спасение дорогой ценой. Напротив того, Шварценберг, коснея в убеждении, что наступление французов к Бриенну было лишь демонстрацией и что главные Наполеоновы силы двигались к Жуанвилю, оставил там корпуса Вреде и графа Виттенштейна; прочие войска Главной армии также были обречены бездействию в ожидании более точных сведений о неприятеле. Несмотря на прибытие императора Александра и короля Прусского в Шомон, в ночь с 29 на 30 января на Военном совете, собранном в их присутствии, было решено сосредоточить на следующий день у Бар-сюр-Оба только корпуса Гиулая и кронпринца Вюртембергского: следовательно, из всех войск обеих союзных армий могли принять участие в действиях против Наполеона не более 50 000 человек. Но на следующий день, 31-го, положение дел изменилось. Союзные армии сблизились между собой: корпус принца Вюртембергского расположился у Мезон, на правом крыле общего расположения; корпус Гиулая, достигнув селения Арсонваль, получил приказание стать на левом крыле; российско-пруссские резервы вместе с главной квартирой Барклая-де-Толли находились между Бар-сюр-Обом и Коломбей; Вреде выступил от Жуанвиля, чтобы вместе с графом Виттенштейном атаковать французов у Васси; когда же Виттенштейн, заняв без сопротивления это местечко, известил графа Вреде об отступлении неприятеля по дороге к Витри, Вреде, знавший, что главные силы Наполеона были собраны у Бриенны, решился, вопреки данному из главной квартиры предписанию, повернуть на Сулен, чтобы принять участие в предстоящем сражении. С этой целью он перешел к Дулеван и выдвинул

свой авангард к селению Сулен, сильно занятому французскими войсками. Граф Витгенштейн, получив, по занятии Васси, от князя Шварценберга вторичное предписание — содействовать корпусу Йорка в занятии Сен-Дизье и Витри, выступил по указанному направлению, а казачий отряд Иловайского 12-го — выслал на Монтиерандер для связи с главными силами армии. Отряд генерал-лейтенанта графа Палея, получив предписание присоединиться к корпусу, двинулся от Транна на Экланс к Сулен и, встретившись там с неприятелем, сильно занимавшим это место, расположился против него на бивуаках. Казачий отряд князя Щербатова, поступивший под начальство генерал-майора Сеславина, а равно отряд графа Платова, находившийся в окрестностях Сана, были назначены для партизанских действий.

Положено было на следующий день, именно 1 февраля, атаковать Наполеона в занимаемой им позиции у Ла-Ротьера. Главное начальство над всеми войсками, собранными для нападения, было предоставлено Блюхеру. Австрийские писатели славят великодушие Шварценберга, уступившего своему сопернику честь победить Наполеона, но, по всей вероятности, Блюхер был обязан тем не Шварценбергу, а Союзным монархам, желавшим, чтобы командовал армией полководец, уже успевший ознакомиться с местностью поля сражения. Да едва ли и сам Шварценберг гонялся за опасной честью сразиться с Наполеоном.

Для нападения на неприятельскую позицию были подчинены Блюхеру, кроме войск Сакена и Олсуфьева, еще корпуса Гиулая и кронпринца Вюртембергского, всего же до 50 000 человек, а для поддержания их приказано гренадерскому корпусу со 2-й и 3-й кирасирскими дивизиями занять позицию у Транн, как только войска Сакена и Олсуфьева двинутся против неприятеля. Остальные резервы Баркляя-де-Толли, именно: две русские гвардейские, 1-я кирасирская и легкая гвардейская кавалерийская дивизии и прусская гвардия должны были стать впереди Бар-сюр-Оба и служить резервом для Блюхера при движении его к Бриенну, либо для Вреде и

графа Виттенштейна, направленных в обход неприятельской позиции. Кроме того, корпус графа Коллоредо получил приказание занять Вандевр.

От высот у Транна до селения Роне простирается равнина, ограниченная с севера рекой Вуарой, текущей по низменной, в зимнее время топкой местности, с востока — болотистым ажуйским ольховником, морвиллерским плато и лесом Больё, а с запада — течением реки Об и бриеннским парком. Важнейшие переправы через Об на этом пространстве находились в Лемоне, Радонвилье и Диенвиле.

В то время когда союзники готовились атаковать Наполеона, войска его были расположены следующим образом: генерал Жерар с 7500 человек стоял на правом фланге у Диенвиля; Виктор с дивизиями Дюгема и Шато в числе до 6000 человек занимал центр позиции у Ла-Ротьера и левое крыло — у Ля-Жибири; Мармон с дивизией Лагранжа, всего до 5000 человек, стоявшей под прямым углом с прочими войсками, находился у селений Шомениль и Морвилье; во второй линии за войсками Виктора и Мармона построилась кавалерия в числе около 8000 человек; резерв, расположенный впереди Бриенна, состоял из 10 000 человек гвардейской пехоты под начальством Нея. Кроме того, до 800 человек кавалерии были отряжены к Лемону для охранения строившегося там моста. Вообще же, по свидетельству французских писателей, у Наполеона было до 40 000 человек (28 000 пехоты, 9000 кавалерии, 3800 артиллерии), но, по всей вероятности, число французских войск вместе с прибывшими к ним подразделениями превышало 50 000 человек.

Со стороны союзников, несмотря на бесполезное отряжение значительной части войск Шварценберга для обеспечения главных сил от обходов (корпуса графа Виттенштейна, долженствовавшего вместе с корпусом Йорка двигаться на Витри, и корпуса графа Коллоредо, направленного на Вандевр), было собрано против Наполеона вместе с корпусом Вреде, двигавшимся на Сулен, до 107 тысяч человек, именно:

- ... Корпуса Сакена и Олсуфьева 22 000 чел.
- ... Корпус Гиулая 12 000 чел.
- ... Корпус наследного принца Вюртембергского 14 000 чел.
- ... Корпус Вреде 25 000 чел.
- ... Российско-пруссские резервы 34 000 чел.

... Такое значительное превосходство в силах не побудило, однако же, князя Шварценберга к неотлагательному наступлению. В продолжение всего утра 31-го он оставался в Шомоне, а потом, отправясь по дороге, ведущей в Бар-сюр-Об, остановился в Коломбей. Союзные же монархи выехали из Шомона 1 февраля на рассвете и вместе со Шварценбергом прибыли в поддень на позицию у Транн. В то же время войска, назначенные для нападения на неприятеля, двинулись несколькими колоннами, которые, постепенно развертываясь, построились к бою в следующем порядке:

1) *На левом крыле:* войска австрийского корпуса графа Гиулая, стоявшие близ Обы, напротив селения Иессейн, направившись к Диенвиль.

2) *В центре:* войска Сакена наступали двумя колоннами: 11-й корпус генерал-лейтенанта графа Ливена 3-го по большой дороге на Ла-Ротьер, а 6-й корпус генерал-лейтенанта князя Щербатова правее, на одной высоте с войсками графа Ливена; в резерве за ними следовали войска 9-го пехотного корпуса генерал-лейтенанта Олсуфьева и кавалерия генерал-адъютанта Васильчикова 1-го.

Для связи между войсками центра и правого крыла служили казачий отряд генерал-майора Карпова 2-го и прусский легкий отряд принца Бирона Курляндского.

3) *Правая колонна,* из корпуса наследного принца Вюртембергского, наступала от Экланс через лес на Жибири.

4) Генерал от кавалерии граф Вреде со своим корпусом двигался *в особой колонне* на Шомениль и Морвилье.

5) Гренадерский корпус со 2-й и 3-й кирасирскими дивизиями под начальством генерала от кавалерии Раевского составляли общий резерв, находившийся за центром.

6) Остальные резервы (российско-прусская гвардия и

резервная артиллерия под начальством великого князя Константина Павловича и генерала от инфантерии Милорадовича) стояли у Арсонваля, в 10 верстах от Ла-Ротьера и в 16 от Бриенны.

7) Корпус фельдцейхмейстера графа Коллоредо, прибыв в 2 часа пополудни к Вандевр, получил приказание двинуться наперерез дороги, ведущей от Диенвиля через Пиней к Труа.

Число всех этих Союзных войск простиралось до 130 000 человек, а за исключением российско-прусской гвардии и корпуса Коллоредо, не участвовавших в нападении на неприятельскую позицию, до 90 000 человек, из коих было:

Русских 40 000 чел.

Австрийцев 20 000 чел.

Пруссаков 1000 чел.

Вюртембергцев 12 000 чел.

Баварцев 17 000 чел.

Чтобы доставить Союзным войскам шести различных держав* возможность распознавать своих от неприятелей, приказано было всем, от генерала до солдата, иметь на левом рукаве белую повязку, что впоследствии было принято французами за манифестацию в пользу Бурбонов.

В час пополудни союзная кавалерия, прикрывавшая наступление пехотных колонн, отошла во вторую линию; тогда же все войска, назначенные для атаки неприятельской позиции, развернулись в боевой порядок.

Корпус Гиулая в батальонных колоннах на пространстве между большой дорогой, ведущей от Бар-сюр-Оба к Ла-Ротьеру, и рекой Об двинулся к Диенвилю. Приблизясь к Униенвилю, Гиулай предпринял попытку овладеть тамошним мостом: с этой целью генерал-майор Пфлюгер с полками эрцгерцога Людовика и Вюрцбургским, двумя эскадронами легкоконного полка Кленау и четырьмя орудиями атаковал неприятеля, перешел через мост, занял селение и, двинувшись далее по левой стороне Оба, опрокинул французов к Диенвилю. Но овладе-

* В составе Союзных армий, кроме исчисленных войск, находился батальон баденской марки. (Прим. авт.)

ние этим пунктом представляло чрезвычайные затруднения. Войска генерала Рикара, назначенные для обороны Диенвиля, были расположены так, что два батальона и три эскадрона близ правого берега у церкви, а остальные в резерве позади селения, образуя с прочей пехотой правого крыла исходящий угол. Все ближайшие к берегу строения были заняты стрелками, которые огнем своим обороняли переправу через мост, загроможденный повозками, бочками и бревнами. Одновременно с атаками по левому берегу двинулась дивизия принца Гогенлоэ-Бартенштейна, против Диенвиля по правой стороне Оба. Двадцать четыре батарейных орудия открыли сильную канонаду по селению и войскам, расположенным между Диенвилем и Ла-Ротьером. Затем пошли в штыки полки Мариасси и Игнатия Гиулая, поддержанные прочими войсками дивизии, но все многократные усилия австрийцев овладеть Диенвилем долго не имели успеха. Французы не только удерживались в селении, но и выслали из резерва на левую сторону реки значительную массу пехоты с несколькими орудиями, что заставило Гиулая отрядить в помощь Пфлюгеру фельдмаршал-лейтенанта графа Френеля с остальными полками дивизии Мариасси, частью кавалерии и шестью орудиями. Неприятель был окончательно отброшен к Диенвилю, но удерживался в этом селении до 11 часов ночи.

В самом начале сражения император Александр, прибыв на высоту у Транн, приказал Блюхеру послать русскую кавалерию в атаку на неприятельские батареи. Генерал Васильчиков 1-й с дивизией Ланского помчался вперед, но, не будучи в состоянии перейти через весьма топкую местность, был принужден замедлить движение под сильным огнем французских орудий и, будучи атакован кавалерией Пире, Кольбера и Гюйо, отступил. Заметив неудачу кавалерии, государь приказал Сакену выслать всю артиллерию его корпуса против неприятельской позиции; но начальник артиллерии генерал-майор Никитин доложил корпусному командиру, что передвижение орудий, по вязкости грунта, весьма затруднено и что не осталось ничего более, как идти на позицию с полови-

ной артиллерии, взяв под нее нужное число лошадей от прочих орудий. Фельдмаршал, по личном докладе ему о том генерала Никитина, одобрил его предложение — оставить 36 орудий на траннских высотах, а с прочими 36-ю выехать на позицию. Под батарейные орудия впрягли по 10 лошадей, под легкие — по 6, под ящики — по 5, прислуга была также усилена от оставленной позади артиллерии частью людей, которые с шанцевым инструментом отправились вперед для проложения переездов через канавы и топкие места. Затем Никитин, посадив прислугу на орудия, быстро помчался вперед, приблизился к неприятелю на расстояние хорошего пушечного выстрела, развернул свои батареи по обе стороны большой Ла-Ротьерской дороги и открыл огонь. Неприятель, заметив, что русская артиллерия, опередив прочие войска, оставалась без прикрытия, хотел воспользоваться этим обстоятельством. Генерал Нансути с гвардейской кавалерией направился против батарей Никитина, но, будучи принужден двигаться по весьма вязкой местности и понеся большой урон от действия русской артиллерии, обратился назад в совершенном расстройстве. В то же время навстречу неприятелю пошел густой снег при довольно сильном ветре, не позволявший французам ничего видеть на самом близком расстоянии. Русская пехота, пользуясь этими обстоятельствами, двинулась вперед с барабанным боем и музыкой, а Днепровский полк — с песнями. Граф Ливен со своим корпусом, поддержанным Ахтырскими, Мариупольскими и Александрийскими гусарами под начальством генерал-майора Васильчикова 2-го, атаковал Ла-Ротьер; князь Щербатов устремился правее его, а войска Олсуфьева с остальными двумя полками 2-й гусарской дивизии сначала следовали в резерве, а потом двинулись правее Щербатова; еще правее наступали 3-я драгунская дивизия генерал-майора Панчулидзева и прусский отряд принца Бирона. Неприятель сопротивлялся упорно, однако войска Сакена успели овладеть частью селения до церкви. Наполеон, заметив отступление Викторовых войск, послал к ним в помощь маршала Удино с дивизией Молодой

гвардии генерала Ротенбурга, а сам повел дивизию Менье в подкрепление левому крылу. Со своей стороны, Блюхер вместе с начальником своего штаба генералом Гнейзенау кинулся туда, где кипел самый отчаянный бой — к Ла-Ротьеру. «Vogwarts, Kinder!» (вперед, ребята!) — взывает герой к русским войскам; тогда же, по распоряжению Барклая-де-Толли, 2-я гренадерская дивизия стремится бегом в помощь войскам, сражающимся у Ла-Ротьера.

Первоначальный важный успех в сражении при Ла-Ротьере суждено было одержать русской кавалерии. Генерал Васильчиков 1-й, после первой неудавшейся атаки отойдя со своими гусарами назад, возобновил в половине четвертого нападение с обеими своими дивизиями, опрокинул кавалерию Пире, Кольбера и Гюйо, несмотря на движение ему во фланги — с одной стороны дивизий Лефевр-Денуэтта и Паца, а с другой — драгунов Бриша, прорвал неприятельские линии и вместе с князем Щербатовым овладел двадцатичетырехпушечной батареей, заставляя прикрывавшие ее войска отступить к Бриенн-ла-Вьей (Старой Бриенне). При этой атаке в особенности отличились Мариупольский гусарский и Курляндский драгунские полки.

По взятии большой батареи князь Щербатов послал 18-ю дивизию в помощь корпусу Ливена, продолжавшему штурмовать Ла-Ротьер. Генерал Сакен, поддерживаемый этими войсками с содействием корпуса Осуфьева, 2-й гренадерской дивизии и австрийской бригады Гриммера, отряженной Гиулаем уже в 7 часов вечера к Ла-Ротьеру, овладел этим селением, отбил три орудия и взял в плен большую часть дивизии Дюгема.

Как в это время на правом крыле союзников граф Вреде одержал столь же решительные успехи, то Наполеон, уже не надеясь удержаться на занятой им позиции, обратил внимание исключительно на прикрытие отступления своих войск. С этой целью он приказал кавалерии генерала Мильго замедлять по возможности наступление правого крыла союзников, выслав Нансути с гвардейской кавалерией по направлению

от Старой Бриенны к Ла-Ротьеру и поручил маршалу Удино с гвардейской дивизией Ротенбурга снова овладеть этим селением.

Войска Ротенбурга подошли к Ла-Ротьеру уже ночью, в тот самый момент, когда генерал Кольбер удачной атакой опрокинул и вогнал в это селение ближайшую к нему русскую колонну. Маршал Удино, пользуясь этим успехом, приказал Ротенбургу овладеть Ла-Ротьером. Французы, встреченные градом пуль, несмотря однако же на то, ворвались в селение и дошли до церкви, но, будучи атакованы Астраханским и Малороссийским гренадерскими полками, в резерве коих следовали остальные полки 2-й гренадерской дивизии, полки Олсуфьева и австрийская бригада Гриммера, были принуждены отступить.

На правом крыле блохерских войск наследный принц Вюртембергский двинулся через экланский (больерский) лес, занятый несколькими французскими батальонами. Генерал-майор Штокмайер, с батальонами егерскими № 9-го и легким № 10-го, выбил неприятеля из леса и оттеснил его к высотам у селения Жибери, где расположены были французы в значительных силах. Плохие дороги, по которым шли войска принца, не позволили ему провезти значительное число орудий вслед за передовыми войсками; тем не менее, однако же, он, желая воспользоваться первоначальным успехом, приказал Штокмайеру немедленно атаковать Жибери четырьмя батальонами своей бригады, с содействием пехотного полка герцога Вильгельма и четырех эскадронов полка герцога Людовика. Несмотря на выгодное положение селения и высот, занятых сильными французскими батареями, войска Штокмайера в третьем часу пополудни взяли с боя Жибери. Маршал Виктор, чувствуя вполне важность этого пункта (овладев коим, союзники обеспечивали связь между войсками центра и правого крыла), бросился вперед с одной из своих бригад, поддержанной несколькими батареями, которым принц мог отвечать огнем одной лишь конной батареи. Невзирая на то храбрые вюртембергцы удерживались в селении, причем в особенно-

сти отличились 2-й и 7-й пехотные полки под начальством генерала Деринга. Принц Вюртембергский, не надеясь, однако же, превозмочь неприятеля, поручил генералу Толю испросить у Блюхера подкрепление. По мнению Толя, занятие высот у Жибери, составлявших ключ неприятельской позиции, должно было оказать первостепенное влияние на успех боя. Но Блюхер и Гнейзенау напротив того полагали, что, овладев Ла-Ротьером и прорвав в центре растянутую линию противника, можно было скорее и вернее решить участь сражения. И действительно, если бы, по взятии этого селения, были немедленно устремлены резервы по направлению к Бриенну, то значительная часть французской армии могла быть отрезана. Но этого не сделали, а между тем войска принца Вюртембергского подвергались большой опасности. Генерал Толь, получив отказ в просимых им подкреплениях, отправился к императору Александру, и вслед за тем по личному распоряжению государя в 5 часов пополудни была послана в помощь Блюхеру 1-я гренадерская дивизия, с тем чтобы одна бригада двинулась вправо для содействия принцу Вюртембергскому. Прибытие русских гренадер способствовало принцу не только удержаться в Жибери, но и овладеть с боя Пти-Менилем. А поскольку тогда же войска Вреде двинулись к Шоменилю, а Сакен опрокинул неприятеля за Ла-Ротьер, то принц, обеспеченный с обеих флангов, немедленно выслал свою кавалерию по направлению между Пти-Менилем и Ла-Ротьером и правее Пти-Мениля. Полки драгунский наследного принца и конно-егерский принца Адама, ударив в левый фланг опрокинутого неприятеля, отбили 11 орудий и вместе с войсками Сакена преследовали французов к Бриенну.

Граф Вреде, как выше сказано, на основании общей диспозиции, отданной князем Шварценбергом, должен был двинуться на Монтиерандер; но деятельный баварский полководец, желая принять участие в бою против французских войск, находившихся в окрестностях Бриенны, направился поутру 1 февраля от Дулевана на Сулен и послал донесение о том князю Шварценбергу. Приблизясь к выходу из леса, по кото-

рому пролегла дорога протяжением около 6 верст, граф Вреде узнал, что отряд графа Палена, ночевавший близ Сулена, выступил на соединение с корпусом Витгенштейна, направленным от Васси к Сен-Дизье, и что неприятель занимал сильно селения Сулен и Морвилье. Генерал Фримон, двигавшийся с австрийской дивизией Гардегта в авангарде колонны, достигнув выхода из леса, с уланским полком Шварценберга и 3-м егерским батальоном, выслал улан для разведания о неприятеле. Командовавший ими полковник Менген застиг одну из французских батарей, двигавшуюся от Морвилье к Шоменилю по весьма вязкой глинистой местности, разогнал прикрывавшую ее кавалерию и отбил четыре орудия. Между тем маршал Мармон, получив еще в 8 часов утра повеление Наполеона — перейти с вверенными ему войсками от Морвилье к Шоменилю, не успел совершить этого флангового движения и перевел туда только часть своего корпуса, а прочими силами заняв Морвилье и плато позади того селения, открыл канонаду из сорока орудий против войск, выходивших из леса. Несмотря, однако, на сильный огонь французских батарей и на многократные атаки кавалерии Думека, союзники быстро построились к бою. Обозрев неприятельскую позицию, граф Вреде сделал следующие распоряжения: несколько батальонов австрийской дивизии Гардегта, баварская бригада Габерманна и кавалерия Дитца были назначены для нападения на Морвилье; австрийская дивизия Силени и баварская бригада Деруа должны были устремиться правее Шомениля и обойти неприятеля, занимающего это селение, баварская дивизия Рехберга — атаковать его с фронта, а прочие войска — двигаться в резерве.

В самом начале боя четыре батальона дивизии Рехберга атаковали бригаду Жобера у мызы Бовуар и опрокинули неприятеля к Шоменилю. Вслед за тем 1-й батальон Шеклеров и 1-й 7-го баварского полка ударили в штыки на французов, занимавших Шомениль, и в 4 часа пополудни выбили их из селения, причем был смертельно ранен командир 7-го полка полковник Родт. Наполеон, зная важность этого пункта, по-

спешил с одной из дивизий Молодой гвардии генерала Менье в помощь Жоберу. Но уже ничто не могло удержать союзников. Мармон, отчаясь в успехе, воспользовался густой метелью и отправил в Бриенну часть своей артиллерии и собственный обоз, в котором находился его маршальский жезл. Неприятель, преследуемый австро-баварской конницей (именно: 3-м и 4-м баварскими конно-егерскими и гусарским эрцгерцога Иосифа полками), потерял множество людей и три орудия.

По взятии союзниками Шомениля положение Мармона у Морвилье сделалось весьма опасно; войска его, очистив селение, отошли к ажуйскому лесу. Наполеон, опасаясь, чтобы союзники не обошли его позицию с левого фланга, направил к Морвилье часть дивизии Менье с восемью орудиями. Но генерал Фримон по занятии селения немедленно выставил две батареи, которые заставили замолчать французскую артиллерию. Пользуясь тем, кавалерия Дитца и гусарский эрцгерцога Иосифа полк кинулись на неприятеля, отбили семь орудий и взяли, кроме того, другие семь, увязших в грязи при поспешном отступлении французов. Сам Наполеон, стоявший возле батареи, захваченной австрийскими гусарами, едва не попался в плен.

Наполеон, получив сведения о неудачах, понесенных его войсками на левом крыле и в центре позиции, следал распоряжение к отступлению. Генерал Друо получил приказание обратить в пепел Ла-Ротьер, чтобы задержать союзников. Гвардия под начальством Нея немедленно отошла по дороге к Лемону; прочие же войска отступили эшелонами с левого фланга. Мармон, пройдя через ажуйский лес, расположился впереди Бриенны на соединении дорог, ведущих из Морвилье в Сулен. Виктор отвел свои войска за мызу Бенье (Beugne); Удино отошел к Бриенну; Жерар снялся с позиции у Диенвиля уже в двенадцатом часу ночи и отступил вниз по Обу. Кавалерия Мильго прикрывала прочие войска.

Урон французов в сражении при Ла-Ротьере простирался вообще до 6000 человек и 63 орудий. В числе убитых был

генерал Марге, в числе смертельно раненных — генерал Форрестье, легко ранен Лефевр-Денуэтт, в плен захвачен генерал Мерлен. Потери союзников вообще были также не менее 6000 человек, в числе коих до 4000 русских. Убиты: командир Глуховского кирасирского полка майор Кривоносов и командир 28-й легкой роты подполковник Бендерский; ранены: генерал-лейтенант граф Ливен и генерал-майоры: Ставицкий, Кологривов, Никитин и князь Вадбольский.

Император Александр, узнав поздно вечером об окончательном удержании русскими войсками Ла-Ротьера, обнял радостно привезшего это известие Блюхерова адъютанта графа Ностица, говоря: «Скажите фельдмаршалу, что он увенчал все прежние свои победы». На следующий день, встретясь с Сакеном, государь сказал ему: «Вы победили не только внешних, но и домашних врагов своих» (намекая тем на немилость свою, постигшую Сакена в 1807 году по наговорам Беннигсена). Блюхер, Шварценберг и Барклай-де-Толли получили лично из рук государя золотые шпаги с алмазами и лаврами; Сакену, получившему за несколько дней пред тем в награду за переход через Рейн 50 000 рублей, пожалован орден Св. Андрея Первозванного; наследному принцу Вюртембергскому, графу Вреде, генералу Васильчикову и князю Щербатову — орден Св. Георгия 2-й степени, а графу Ливену — орден Св. Александра Невского.

Несмотря на то что союзники не преследовали неприятеля при отступлении его с поля боя и не вполне воспользовались одержанной победой, сражение при Ла-Ротьере имело весьма важные последствия. Один из главных виновников успеха, Сакен, в заключение своего донесения об этом деле писал: «В сей достопамятный и великолепный день Наполеон перестал быть опасным врагом человеческого рода, и Александр может сказать: „Я даю свету мир“». И действительно, хотя урон в людях был одинаков с обеих сторон, однако же менее чувствителен для союзников, нежели для Наполеона, обладавшего несравненно меньшими средствами. К тому же потеря Наполеоном первого генерального сражения в преде-

лах Франции должна была оказать сильное моральное влияние как на войска, понесшие поражение, так и на жителей страны, недовольных чрезвычайными конскрипциями и налогами.

Положение Французской армии после проигранного сражения не позволило Наполеону оставаться у Бриенны, тем более что в тылу его находилась река Об с немногими переправами. 2 февраля на рассвете войска его отошли через мост у Лемона на левую сторону реки, только лишь 6-й и 1-й кавалерийские корпуса под общим начальством Мармона сперва оставались близ селения Перт, а потом отступили по дороге, ведущей от Бриенны в Витри, к Роне, за реку Вуару. Кавалерия Мильго была оставлена в арьергарде, впереди Бриенны по обе стороны дороги в Сулен. Недостаток в перевозочных средствах заставил французов оставить множество раненых в дымящихся развалинах Бриенны.

Союзные монархи, прибыв рано утром на поле сражения, приняли меры для преследования неприятельской армии. По занятии Бриенны после довольно слабой канонады в 8 часов утра войска наследного принца Вюртембергского были направлены к Лемону, а корпус графа Вреде — к Роне. Мармон сперва оставался у Перт, чтобы привлечь на себя внимание союзников и облегчить отступление главных сил, а потом, медленно отойдя за Вуару, приказал разломать мосты на этой реке и расположить войска на высотах за селением Роне. Позиция, им занятая, прикрытая болотами и разливами Вуары, была весьма выгодна. Союзные войска двинулись против неприятеля двумя колоннами: левая, состоявшая из дивизий Гардегга и Ламотта и кавалерийской бригады Фирегга, под непосредственным начальством графа Вреде, направилась по большой бриеннской дороге к мосту у Роне, а правая, из дивизий Силени и Рехберга, под командой генерала Фримона, правее большой дороги. Наступавший в голове левой колонны 3-й австрийский егерский батальон перешел через мост, но, будучи атакован превосходными силами, возвратился на левую сторону реки с потерей двухсот человек; вслед за тем французы разобрали,

хотя и не совсем, мосты на рукавах Вуары; обойти же неприятеля вброд, по местности вязкой, покрытой тонким слоем льда, не было возможности. В продолжение двух часов войска Рехберга покушались переправиться через реку. Император Александр и король Прусский сопровождали их под градом пуль. Вреде упрашивал государя удалиться, но, убедясь, что все его представления были напрасны, сказал: «Мне ничего более не остается, как самому уехать отсюда». Наконец, когда уланскому Шварценберга полку удалось обойти неприятеля с левого фланга и баварская пехота возобновила усиленное нападение с фронта, Мармон принужден был сняться со своей позиции. Густая метель, не позволившая продолжать стрельбу, скрыла отступление неприятеля к Доммартень. Граф Вреде получил от князя Щербатова предписание идти к Лемону. Вечером Союзные монархи возвратились в бриеннский замок, совершенно опустошенный после происходившего в нем побоища.

В тот же день Ней с двумя дивизиями Молодой гвардии и с кавалерией Мильго, прикрыв отступление прочих войск через Лемон, перешел вслед за ними на левую сторону Обы, сжег мост и, открыв сильную канонаду, не позволил преследовавшему его наследному принцу Вюртембергскому возобновить переправу. Пользуясь тем, все французские войска, за исключением корпуса Мармона, отступили по дороге, ведущей в Труа, к селению Пиней.

Сражение при Арси 20—21 марта

Для нападения на неприятеля, перешедшего на левую сторону Оба, князь Шварценберг, полагая, что армия Наполеона была расположена у Мери и Планси, 20 марта в 9 часов утра сделал следующие распоряжения: как только войска на основании предшествовавшей диспозиции займут около десяти часов утра указанные им места, в 11 часов будет подан сигнал к наступлению зажжением костра на высоте у Мениллетра и тремя пушечными выстрелами. 5-й корпус

(Вреде) двинется к Арси вдоль правого берега Оба, а 3-й, 4-й и 6-й корпуса (Гиулая, кронпринца и Раевского) направятся от Шармона так, чтобы правый их фланг примыкал к левому флангу корпуса Вреде, а левый — к реке Барбюйсс. Кавалерия 3-го, 4-го и 6-го корпусов прикрывает пехоту с фланга, двигаясь по левой стороне Барбюйсса. Отряд Кайсарова сохраняет связь между 5-м корпусом и авангардом Палена. Далее предполагалось переправиться по понтонным мостам через Барбюйсс, атаковать неприятеля и оттеснить его от переправы у Планси.

Утром 20 марта 5-й корпус стоял у Шодрей, занимая авангардом Фримона Арси; наследный принц Вюртембергский, желая избежать перехода через болотистую речку Барбюйсс, направил свои корпуса от Труа по левую ее сторону: 3-й корпус (за исключением одной дивизии, оставленной в Труа) и 4-й по дороге к Планси, а 6-й на Обетерр. Впрочем, наступление Наполеона от Мери к Арси заставило фельдмаршала изменить все сделанные им распоряжения.

Наполеон, полагая, что Главная союзная армия продолжала отступать, предпринял воспользоваться нерешительностью Шварценберга и бездействием Блюхера. Поскольку, по видимому, Париж был на время обеспечен от покушений союзников, Наполеон предполагал присоединить к своим войскам корпуса, прикрывавшие его столицу, и двинуться через Витри и Сен-Дизье на сообщения Главной армии, надеясь побудить к дальнейшему отступлению князя Шварценберга и через то не позволить Блюхеру действовать с обычной ему решительностью.

С этой целью он предписал маршалам Макдональду и Удино двинуться на соединение с ним через Вилленокс и Планси к Арси, куда также были направлены колонна маршала Нея и гвардейская пехота, посланная 20-го от Планси вверх по правому берегу Оба, одновременно с движением туда же по левому берегу гвардейской кавалерии. Наполеон предполагал, сосредоточив эти войска у Арси и дождавшись Лефевр-Денуэтта с высланными из Парижа обозами и пар-

ками, устремиться от Оба к Марне, на Витри, к Сен-Дизье и даже, смотря по обстоятельствам, к Бар-ле-Дюку. Войска Мармона и Мортье получили приказание двинуться через Шалон на присоединение к армии. Таким образом, Наполеон надеялся, собрав армию в 70 000 человек (чего не удавалось ему в продолжение всего похода), направиться к восточным крепостям и усилиться их гарнизонами. Сделав эти распоряжения, Наполеон написал в Париж о всех принятых им мерах, изъявляя совершенную уверенность в их успехе.

20 марта Наполеон приказал генералу Себастиани идти по левому берегу Оба к Арси, дивизии Фриана — направиться по правому берегу, а генералу Летору — перейти обратно через Сену и также идти к Арси; но Летор по недоразумению двинулся туда с одними лишь драгунами, оставя прочие полки на занятых ими бивуаках.

Кавалерия Себастиани, заставя авангард Фримона отступить от речки Барбюйссы, заняла в 10 часов утра Арси, откуда Фримон отошел на левое крыло корпуса Вреде, стоявшего близ Торси. Почти в одно время с кавалерией Себастиани подошли к городу с правой стороны Оба войска Ней. Немедленно началось возобновление моста для переправы Неевых войск на левый берег. В час пополудни прибыл Наполеон. Себастиани и Ней донесли ему, что между Обом и Сеной собралась вся армия князя Шварценберга; жители окрестной страны уверяли, что большая часть союзных войск находилась в небольшом переходе от Арси; но Наполеон упорствовал в своем убеждении. Говорят, будто бы немало способствовала тому рекогносцировка по направлению к Труа, небрежно произведенная одним из молодых офицеров, который донес, что он не видал никаких войск, кроме нескольких сот казаков.

В ожидании сбора французских войск, двигавшихся к Арси, Ней и Себастиани приняли меры для обороны сего города. Дивизия Жансена была расположена влево от дороги, ведущей в Лемон, у селения Большое Торси; за ней в резерве стала дивизия Бойе. Генерал Себастиани расположил дивизи-

жи Кольбера и Эксельмана по сторонам дороги в Труа. (Впоследствии к ним прибыла одна из бригад Летора.) Бригада Дефранса была выслана по дороге в Раберю к Вине для наблюдения за союзниками по правую сторону Оба.

Союзные войска не успели прибыть в назначенное время на указанные им пункты. Только лишь авангард Фримона двинулся в 10 часов утра навстречу неприятелю к реке Барбюйсс, но потом, как уже сказано, был принужден отойти к главным силам корпуса. Вслед за тем было замечено движение французской кавалерии от Арси вверх по правому берегу Оба, что заставило графа Вреде поставить генерала Сплени с особым отрядом на левом берегу от Ножана-на-Обе до Вупуассон для охранения армии с фланга. В 11 часов командовавший всею гвардейской кавалерией генерал-лейтенант князь Голицын (Дмитрий Владимирович) выслал из Лемона через Рамерю полковника князя Хилкова с четырьмя эскадронами легкой гвардейской кавалерии, которые, не имея при себе артиллерии, не могли удержать неприятеля, открывшего против них канонаду. Но Фолькман, стоявший со своей бригадой впереди Вупуассон, сделал несколько выстрелов во фланг французской кавалерии, что заставило ее остановиться у Вине.

Граф Вреде, получив приказание не вдаваться в решительный бой с неприятелем до прибытия прочих союзных корпусов, старался выманить его на равнину, что, в случае поражения французов, могло затруднить их отступление. С этой целью союзные войска ограничивались занятием оборонительной позиции: бригада Фолькмана стала на правом крыле, фронтом к Большому Торси; дивизия Деламотта и Рехберга с одной баварской кавалерийской бригадой расположилась в центре; три австрийских и три баварских кавалерийских полка (26 эскадронов) с двумя 12-фунтовыми батареями и казачий отряд Кайсарова на левом крыле, близ Барбюйссы.

Около полудня император Александр и король Прусский прибыли из Труа на высоту между Мениллетром и Менилла-Комтессом, где нашли главнокомандующего со всем его

штабом. Государь, поздоровавшись с князем Шварценбергом, сошел с лошади и, ходя по полю с графом Барклаем и Толем, изъявил им свое неудовольствие на счет мнительности австрийских генералов, заставлявшей их беспрестанно изменять диспозиции. «Хотел бы я знать, — сказал он Толю, — что побудило фельдмаршала отменить все его предположения? Почему армия не продолжала отступать на позицию у Транн?» Генерал Толь отвечал, что «если бы Наполеон вчера вместо движения к Планси атаковал и опрокинул наши передовые войска при Арси, то армия бы продолжала отступать к Транн; но как он потерял целые сутки и дал нам возможность собрать армию между Труа и Пужи, то мы, пользуясь нашим превосходством в силах, можем нанести ему решительный удар, и к тому же на нашей стороне местные выгоды: у неприятеля в тылу болотистая река, и он может переправиться только на двух пунктах; мы же, напротив того, занимаем господствующие высоты и совершенно свободны в своих движениях». Император Александр, однако же, справедливо сомневаясь в желании австрийского главного штаба — действовать решительно, сказал: «Наполеон будет занимать нас здесь пустыми маневрами, а с главными силами пойдет на Бриенну и далее, на сообщения нашей армии». Государь, имея в виду ускорить прибытие резервов, приказал Барклаю-де-Толли, не останавливая их у Лонгсоль, продолжать вместе с ними наступление к Сен-Реми.

Наконец, после долгого выжидания во втором часу пополудни, когда войска давно уже стояли на указанных им местах, фельдмаршал подал сигнал к наступлению. Наполеон, со своей стороны, полагая, что союзники оставались в бездействии, готовясь отступить, в тот же момент двинул вперед войска, стоявшие впереди Арси.

Дело началось блистательной атакой стоявших у Сент-Этьен казаков генерала Кайсарова на правое крыло дивизии Кольбера; тогда же несколько правее ударили на него два эскадрона гусар эрцгерцога Иосифа. Опрокинув неприятеля быстрым налетом, казаки захватили три орудия; четвертое было отбито

австрийскими гусарами. Левое крыло Кольбера кинулось было на выручку правого, но было удержано и расстроено картечью австрийской конной батареи. Вся дивизия Кольбера в беспорядке бросилась назад, смяла стоявшую позади уступом дивизию Эксельмана и увлекла ее в общем бегстве. Раздаются крики: «Sauve qui peut!» (спасайся, кто может!). Французские всадники, объятые паническим страхом, скачут стремглав через город к мосту. Сам Наполеон обнажает шпагу и кидается навстречу бегущим, говоря: «Посмотрим, кто из вас осмелится перейти прежде меня!» В эту самую минуту появляются главные войска Старой гвардии Фриана. Наполеон быстро проводит своих ворчунов (grognards)* через город и выстраивает их к бою под градом ядер и картечи. Он не избегает опасностей, он ищет смерти. Счастлив был бы он, если бы Судьба исполнила его желание! Одна из гранат разрывается у ног его; он исчезает в облаке пыли и дыма; все считают его погибшим, но он, соскочив с убитой под ним лошади, садится на другую и снова становится против громящих его батарей. Смерть отказывается поразить его!

Граф Вреде, заметив успехи, одержанные союзниками на левом крыле его корпуса, решил двинуть вперед передовые войска левого крыла. С этой целью он поручил пяти батальонам австрийской бригады Фолькмана овладеть Большим Торси; занятие этого селения было весьма важно, потому что в нескольких сотнях шагов от последних домов его находился арсисский мост, по достижении коего союзники могли отрезать французские войска, стоявшие впереди города, как от переправы, так и от подкреплений, ожидаемых с правого берега Обы. Для содействия Фолькману были назначены два батальона 1-го Шеклерского полка. Отряд Силени по-прежнему прикрывал войска Вреде с правого фланга. Между тем как в центре баварские войска, двинувшись вперед, были удержаны огнем сильных батарей, стоявших впереди города, Фолькман, пройдя через селение Малое Торси, в 2 часа пополудни, устремился к Большому Торси. Там стояла бригада

* Так Наполеон называл ветеранов Старой гвардии.

Руссо (дивизии Жансена). Один из батальонов полка эрцгерцога Рудольфа, предводимый майором Меуеном с двумя ротами, рассыпанными правее его до самого берега Оба, ворвался в Большое Торси, выбил оттуда пехоту Руссо и преследовал неприятеля до Арси. Наполеон, завидя опасность, угрожавшую его малочисленной армии, поддержал свое левое крыло двумя батальонами гвардейских гренадер, одним жандармов, эскадроном улан и конной батареей. Но еще до прибытия этих войск бригада Бойе вытеснила австрийцев из Большого Торси; храбрый Меуен был смертельно ранен. Генерал Фолькман ввел в дело прочие свои батальоны и снова овладел селением. Предвидя, что неприятель употребит все зависящие от него средства для отнятия этого важного пункта, Фолькман послал к графу Вреде с просьбой усилить сражавшиеся войска, но в ожидании прибытия подкреплений мог располагать только пятью батальонами своей бригады, а два батальона Шеклеров, двигавшиеся у него в резерве, были направлены влево, для замещения промежутка между правым крылом и центром. В продолжение трех часов австрийцы сражались у Большого Торси против лучших французских войск под начальством Нея. Сам Наполеон, прискакав туда, управлял ходом боя. Граф Вреде, желая во что бы то ни стало овладеть селением, сперва поддержал Фолькмана тремя батальонами бригады принца Карла Баварского*, а потом послал в помощь ему бригаду Габермана дивизии Деламотта; еще до прибытия этих войск майор Дюбуа с одним из батальонов полка эрцгерцога Рудольфа занял в третий раз Большое Торси, но гвардейские батальоны Фриана вместе с войсками Жансена и Бойе не только не позволили союзникам дебушировать из селения, но снова овладели им. В продолжение трех часов, с 5 до 8 пополудни, пятнадцать союзных батальонов под начальством Фолькмана, Габермана и принца Карла, покрывшего себя славой в сей день, несколько раз врывались в Большое Торси и всякий раз были выбиваемы оттуда столь же храбрыми их противниками. Со стороны

* Сын Короля Максимилиана-Иосифа I. (Прим. авт.)

союзников пал Габерман, со стороны французов — Жансен. В особенности пострадал полк эрцгерцога Рудольфа, из рядов коего выбыло до 500 человек. Несколько австрийских батальонов, исстреляв все свои патроны, получили приказание стоять к Шодрей.

В продолжение боя под Арси наследный принц Вюртембергский двинулся, как уже сказано, от Труа двумя колоннами: левая, состоявшая из 3-го и 4-го корпусов, направилась к Планси, а 6-й корпус в правой колонне — сперва на Обетерр по дороге, ведущей в Арси, а потом по левой стороне Барбюиссы. Впереди левой колонны двигалась кавалерия 3-го и 4-го корпусов под начальством графов Ностица и Бисмарка; впереди правой — авангард графа Палена. Миновав селение Премье-Фе уже в сумерки, союзники заметили близ Реж кавалерию, шедшую по дороге от Мери к Арси: это были два гвардейских полка дивизии Летора, оставшиеся позади и получившие впоследствии приказание присоединиться к армии. Союзники немедленно атаковали неприятеля с нескольких сторон: передовые полки графа Палена (Ольвиопольский и Гродненский гусарские и Чугуевский уланский) с левого фланга, от Мулен-Неф; 2-я кирасирская дивизия с фронта, а вюртембергская и австрийская кавалерия с правого фланга. Французский отряд был совершенно уничтожен; из состоявших в нем тысячи человек весьма лишь немногим удалось спастись бегством по дороге в Мери; все прочие были изрублены либо взяты в плен. Кавалерия Палена захватила 160 человек, и в числе их подполковника Лафита. Наследный принц, не встретив никаких других неприятельских войск, расположил ввечеру 20-го вверенные ему корпуса — частью бивуаками на высотах Премье-Фе и Дру-Сент-Мари, частью в селениях на Барбюиссе; передовые войска его заняли Шарни и Реж, наблюдая постами левый берег Оба.

К вечеру, за исключением боя у Торси, дело ограничивалось обоюдной канонадой. Неприятель впереди города, примкнув оба фланга к реке и выставя на господствующих высотах 70 орудий, удерживал в значительном расстоянии

кавалерию Фримона и Кайсарова. Корпусы кронпринца Вюртембергского, направленные к Планси, не могли принять непосредственного участия в сражении. Резервы, спустившись с мениллетрских высот, приблизились к Арси. Император Александр и король Прусский ехали при прусской гвардейской кавалерии, сопровождаемые трубными звуками, песнями егерей и казаков, громом орудий, раздававшимся крутом объятых пламенем селений Арси и Большого Торси. Солдаты рвались в бой. Генерал-лейтенант Чоглоков получил приказание подкрепить войска, сражавшиеся в Большом Торси. Под начальством его двинулись: 1-я гренадерская дивизия с 30-й батареей ротой полковника Нилуса и 14-й легкой полковника Черемисинова и кирасирская бригада генерал-майора Леванова (Стародубский и Новгородский полки). Генерал-майор Емельянов с Перновским и Кексгольмским полками (каждый в составе одного слабого батальона) подкрепил баварцев, штурмовавших Торси; тогда же батареи Нилуса и Черемисинова под прикрытием гренадерской бригады генерал-майора Сулимы (Таврического и С.-Петербургского полков) и кирасирской бригады Левашова, отряженные на левое крыло позиции союзников, приблизясь к неприятельским батареям, заставили их отступить к городу; французы, однако же, удержались в Большом Торси.

В 9-м часу вечера пришли в Арси первые из ожидаемых Наполеоном подкреплений — кавалерия Лефевр-Денуэтта в числе 2000 человек. Пехотная дивизия Молодой гвардии генерала Генриона (4000 человек), утомленная форсированными маршами, была принуждена остановиться у Планси. Генерал Себастиани, усилясь прибывшей кавалерией, предпринял в 10-м часу решительную атаку на левое крыло союзных войск, стоявшее близ Барбюйссы. Казаки Кайсарова и 7-й легкоконный баварский полк были опрокинуты; войска Фримона подвергались большой опасности; но полковник Тимрот построил Таврический гренадерский полк в каре и отразил несколько атак, а баварская кавалерия, задержав неприятеля, дала время подойти кирасирам 3-й дивизии, которые,

с содействием одного эскадрона прусской гвардии ротмистра Барнера и Шеклеровых гусар, заставили французов отступить за селение Нозай. Канонада продолжалась до десяти часов (по другим сведениям — до полуночи).

В ночь с 20 на 21 марта союзные войска, сражавшиеся при Арси, расположились следующим образом: 5-й корпус графа Вреде, оставя четыре эскадрона на аванпостах у Большого Торси, отошел на высоты к Шодрей; 1-я гренадерская дивизия также стала у Шодрей; кавалерия Вреде, казаки генерала Кайсарова и 3-я кирасирская дивизия на поле сражения, фронтом к Нозай. Главная квартира императора Александра и князя Шварценберга находилась в Пужи, а короля Прусского — в Пиней. Неприятельская армия стояла впереди Арси.

Потери союзных войск были значительны. Австрийцы вообще потеряли 176 офицеров и 1206 нижних чинов, следовательно, урон 5-го корпуса превышал 2000 человек. Потери русских войск нигде не показаны.

Со стороны французов урон был еще более. По свидетельству Коха, «Наполеон чувствовал, что ему не удастся одержать важные успехи с 18 000 человек, составлявшими, вместе с подкреплениями из Парижа, всю его армию, по причине чрезвычайных потерь, понесенных накануне». Приняв в расчет, что Наполеон привел с Эны 16 000 человек и присоединил к ним 6500 человек, прибывших из Парижа, оказывается, что в сражении 20 марта он потерял по крайней мере 4000 человек. Несмотря на огромное превосходство Союзной армии, ему удалось удержать за собой выход из арсисской теснины, но расположение его, весьма невыгодное для обороны, могло послужить ему в пользу для наступления, только если бы он успел усилиться всеми шедшими к нему подкреплениями. Маршал Макдональд, получив 20 марта в Планси предписание ускорить движение вверенных ему войск, немедленно их выслап по направлению к Арси. 7-й корпус маршала Удино и кавалерия Сен-Жермена пришли в тот же день к Булаж, близ Планси, и на следующее утро к 8 часам прибыли в Арси; прочие же войска Макдональда, переноче-

вав у Марсильи и Марсанжи, не могли собраться у Арси ранее вечера. Наполеон, надеясь побудить к отступлению слишком осторожного противника, предполагал наступать, но не прежде как по прибытии корпусов Макдональда.

Шварценберг, со своей стороны, не зная достоверно о силах Наполеона, считал их более многочисленными, нежели они были в действительности. В этом убеждали его упорное сопротивление неприятеля у Торси и кавалерийская атака Себастиани, заключившая бой под Арси. Фельдмаршал по-прежнему был намерен вступить в бой с неприятелем, но не решался сам атаковать его, а хотел принять сражение, сохраняя возможность отступить в случае неудачи. С этой целью в ночь на 21 марта были сделаны следующие распоряжения: наследный принц Вюртембергский с вверенными ему корпусами получил приказание перейти на правую сторону Барбюйссы и расположиться 21-го в 5 часов утра на позиции между Сен-Реми и Шодрей. 5-й корпус (Вреде) назначен был составить правое крыло на высотах у Шодрей; 6-й (Раевского) стал в центре, фронтом к Менил-ла-Комтесс; корпуса 3-й (Гиулая) и 4-й (кронпринца) на левом крыле. Каждый из корпусов должен был отделить часть войск для образования своего резерва, кроме 5-го корпуса, которому в резерв по-прежнему была придана 1-я гренадерская дивизия. Остальным резервам предписано оставаться на высотах у Менил-лерт, выслав в начале сражения шесть батарей (70 орудий) в первую линию. Для прикрытия армии с левого фланга назначено оставить на левом берегу Барбюйссы одну кавалерийскую бригаду с конной батареей и отряд Сеславина, а генерал-лейтенант Ожаровский с легкой гвардейской кавалерийской дивизией и с одной конной батареей получил приказание перейти вброд через Об у Бриллекура и расположиться между Доммартен и Доннемен для охранения с правого фланга. Диспозиция, заключавшая в себе все эти распоряжения, была разослана так медленно, что кронпринц получил ее в пять часов утра, когда его войскам надлежало уже находиться на позиции. Наследный принц счел нужным несколько изме-

нить диспозицию: корпус Раевского стал на левом крыле у Сен-Реми, а 4-й (вюртембергский) корпус в центре, фронтом к селению Мениль-ла-Комтесс, занятому фузелерным батальоном 2-го прусского гвардейского полка; 3-й корпус — в промежутке между 4-м и 6-м; 5-й корпус — у Шодрей, заняв Вупассон бригадой Фолькмана. Отряды Кайсарова и Сеславина стояли на обоих берегах Барбюйссы. Войска построились к бою в седьмом часу утра; король Прусский прибыл на позицию еще ранее; император Александр, чувствовавший накануне весь день лихорадочные припадки, оставался в Пужи.

Поскольку союзники 20 марта ввели в бой только незначительную часть своей армии, Наполеон полагал, что они сражались единственно для прикрытия своего отступления. Последствия дела при Режь и донесения французских разъездов о союзных корпусах, появившихся у Планси, не рассеяли предубеждений Наполеона. Готовясь атаковать стоявшие против него войска, он присоединил к своей армии дивизию Беркгейма, прибывшую в ночи от Мери через Планси, Генриона от Булаж и бригаду Дефранса от Рамерю; с рассветом 21-го все они были переведены на левую сторону Обы, а в 8 часов утра пришел Удино с дивизией Леваля (6500 чел.) и с кавалерией Сен-Жермена (2500 чел.) Таким образом, сосредоточив около 30 000 человек, Наполеон расположил их на позиции впереди Арси. На правом крыле стала вся кавалерия (9800 чел.) под начальством генерала Себастиани; в центре — дивизия Леваля (6500 чел.); на левом крыле, у Большого Торси, маршал Ней со всей остальной пехотой (13 500 чел.).

Рекогносцировка, произведенная самим Наполеоном от селения Торси по дороге к Лемону, на протяжении не более четырех верст, причем усмотрено было только несколько кавалерийских пикетов, утвердила его в ошибочном убеждении насчет силы стоявших против него войск. Надеясь иметь дело только с арьергардом, оставленным для прикрытия армии, Наполеон в 10 часов утра приказал генералу Себастиани с кавалерией двинуться вперед; маршал Ней должен был

поддерживать его. Но едва лишь они взошли на плато, как увидели пред собой союзные войска, построенные в три линии; с одной стороны они примыкали к Обу, а с другой простирались за Барбюйссу; впереди их стояли сильные батареи, прикрытые легкими войсками. Как только с обеих сторон раздалась канонада, Себастиани атаковал кавалерию Палена и опрокинул его первую линию, но был удержан второй. Вслед за тем Наполеон, убедясь из донесений Себастиани и Нея в чрезвычайном превосходстве Союзной армии и опасаясь, чтобы князь Шварценберг, заняв его с фронта, не овладел единственной его переправой, приказал войскам отступить. Маршал Ней сперва отвел назад гвардию; за ней отошли дивизии Лефоля (бывшая Жансена) и Бойе, а войска Леваля остались на время для поддержания кавалерии, прикрывавшей отступление пехоты; тогда же французы построили наскоро мост выше Арси, между Виллеттом и Ормом, для облегчения переправы армии.

Если бы союзники, пользуясь превосходством своих сил и местными выгодами, немедленно атаковали неприятеля, то поставили бы его в опасное положение. Но, к сожалению, главный штаб князя Шварценберга волновался напрасными сомнениями, коим подавали повод незадолго пред тем полученные известия: с одной стороны генерал-майор Чаликов донес, что «высланные на правую сторону Оба четыре эскадрона легкой гвардейской кавалерийской дивизии открыли три полка французской кавалерии с пехотой, уже достигших Сен-Тюиз (S-t. Thuisse, против Коклуа); и что по всей вероятности они составляли авангард отряда, посланного в обход правого фланга армии». С другой стороны пришло донесение кронпринца Вюртембергского, который писал, что «французская пехота ввечеру 20-го заняла Мери. Там были видны большие бивуаки. Должно быть, это Макдональдовы войска, остановившиеся, как только неприятель заметил наступление наших колонн». По свидетельству очевидца: «Многие опасались принять сражение на позиции под Арси, потому что она могла быть обойдена с обоих флангов, на Бар-сюр-Обе и

а Труа. В таком случае армия была бы принуждена оставить свои сообщения и отступить через Вандевр к Бар-сюр-Сену». Под влиянием таких опасений союзный главнокомандующий медлил и не решался: атаковать ли неприятеля, выждать ли его нападение либо отступить.

Нет сомнения в том, что Наполеон мог, пользуясь нерешительностью князя Шварценберга, остаться на позиции впереди Арси до вечера и перейти через Об в ночи, что было гораздо безопаснее, нежели отступление ввиду втрое сильнейшей Союзной армии. Но всякое выжидание было несомненно с обычным способом действий Наполеона. Решась отступить, он немедленно приступил к исполнению своего намерения. Войска его постепенно отошли к мостам на Обе и стали переходить на другую сторону реки, а маршал Удино с арьергардом, составленным из трех бригад дивизии Леваля, получил приказание занять город и прикрыть переправу прочих войск.

Отступление французских войск не могло укрыться от союзников. С отлогих высот, лежащих к югу от Арси, видны были колонны, строившиеся на противоположной стороне реки. Фельдмаршал, вместо того чтобы двинуть быстро вперед резервы и стараться оттеснить неприятеля к мостам, созвал на высоту у Мениллетра корпусных командиров, для «краткого» совещания о дальнейших действиях. Это «краткое» совещание и распоряжения, бывшие его последствием, потребовали столько времени, что наступление Союзных войск, которое можно было повести прежде полудня, в действительности началось уже в два (по другим сведениям — в три) часа. На основании диспозиции князя Шварценберга надлежало наступать тремя колоннами: правой, состоявшей из 5-го корпуса Вреде, поддержанного 2-й гренадерской и 1-й кирасирской дивизиями, приказано двинуться от Шодрей к Большому-Торси и далее в тыл неприятелю; средней колонне, из 3-го и 4-го корпусов Гиулая и кронпринца, направиться левее Мениль к Арси; левой колонне, состоявшей из 6-го корпуса Раевского, также идти к Арси вдоль реки Барбюиссы.

Кавалерии 1-й колонны — сохранять сообщение между правой и средней колоннами, а кавалерии кронпринца — между средней и левой. Гвардейской пехоте — построиться за гребнем высот Манилетра; гвардейской кавалерии — следовать за средней колонной.

Со стороны французов Удино, получив приказание оборонять доступы к городу войсками дивизии Леваля, расположил бригаду Монфора в восточном предместье, бригаду Мольмона — в западном, а бригаду Шассе оставил в резерве. Все входы в город с южной стороны были преграждены баррикадами. У вновь построенного моста при деревне Виллетт поставлена команда саперов, в готовности разрушить его по переходе войск на правый берег; прибывшая в то время к Арси дивизия Ротембурга расположилась на правой стороне реки для поддержания дивизии Леваля.

Как только на высоте у Менилетра три пушечных выстрела подали сигнал к бою, граф Пален с кавалерией Раевского атаковал гвардейскую кавалерию, которая немедленно стала отходить в шахматном порядке, по направлению от Нозай к виллеттскому мосту; бригада, отступавшая в последней линии, будучи настигнута Ольвиопольскими гусарами, потеряла три орудия и много пленными. Пехота Раевского, Гиулая и кронпринца под громом высланных вперед сильных батарей быстро двинулась против неприятеля с барабанным боем. Чем ближе союзники подходили к городу, тем более сгущались массы их войск; их батареи, также сближаясь между собой, составили непрерывную огненную дугу, огибавшую город с левого берега Оба. Граф Вреде направился к Большому Торси, послав вдоль берега реки одну русскую батареиную роту с прикрытием двух полков австрийских гусар, эрцгерцога Иосифа и Шеклера. Неприятель, угрожаемый обходом с левого фланга и громимый градом картечи, ускорил отступление. Союзники вслед за ним устремились к городу. Фельдмаршал, наконец удостоверившись в отступлении Наполеона, приказал в 3 часа (по другим сведениям — в половине четвертого) корпусу графа Вреде переправиться через Об и двинуться

между Доннементом и Доммартеном. Резервы, за исключением гренадерского корпуса и 3-й кирасирской дивизии, были направлены туда же. Между тем как пехота Вреде обратилась к мостам у Лемона, а кавалерия его переходила через Об вброд у Рамерю, прочие союзные корпуса продолжали наступать к городу. Французская кавалерия, поражаемая картечью двух вюртембергских батарей, рассеялась и ушла за свою пехоту; граф Пален сделал несколько удачных атак на неприятельское каре, а Раевский вслед за ним подошел к предместью. Восемьдесят орудий действовали перекрестным огнем по войскам Удино, столпившимся кругом Арси; артиллерия его, принужденная замолчать, перешла на другую сторону реки. Под прикрытием ее слабого действия французы покушались устоять впереди города, но были принуждены отказать от своего намерения и ушли в город, где продолжали обороняться с чрезвычайным упорством. Принц Евгений Вюртембергский со 2-м пехотным корпусом первым ворвался в западное предместье; войска Гиулая атаковали город с юго-восточной стороны и дошли почти до самого моста, куда в то же время проникли и русские. Здесь возгорелся отчаянный бой; генерал Леваль был ранен, под генералом Мольмоном убита лошадь; Шассе, отрезанный от моста цепью австрийских стрелков, пробился с сотней старых солдат 16-го легкого и 28-го линейного полков. Как мост у Виллет уже был разрушен, то кавалерия, еще не успевшая перейти по нему реку, частью переходила вброд в весьма неудобном месте, частью кинулась к мосту у Арси, давила пехотинцев и сталкивала их в воду. «Трудно понять, — говорит правдивейший из французских историков этой кампании, — каким образом союзники, видя затруднительное положение французов, не уничтожили их арьергарда».

По переходе за Об арьергард Удино расположился близ Вассер на соединении дорог, ведущих из Арси в Фершампенуаз, Шалон и Витри; для прикрытия рабочих, разрушавших мост, была оставлена бригада Мольмона. В 9 часов вечера подошли в окрестности Арси войска Макдональда в числе до

двадцати тысяч человек. Несмотря на то что гул канонады, раздававшейся у Арси, заставил его ускорить движение, он не мог прибыть ранее, потому что войска его на протяжении около восьми верст, от Сен-Сатюрнена до Планси, двигались через болота по весьма плохим гатям. 11-й корпус и кавалерия Келлермана стали на биваки у Орм, где также расположились дивизии Эксельмана, Кольбера и Беркгейма под начальством Себастиани; 2-й корпус остановился у Виапр. Наполеон, оставя у Мальви кавалерию Сен-Жермена, прибыл с гвардией Фриана, пехотой Нея и кавалерией Летора, Лефевр-Денуэтта, Дефранса и Жакино (Морена) в Сомменюи.

Союзники в ночь на 22 марта расположились следующим образом: главные квартиры императора Александра, короля Прусского и князя Шварценберга находились в Пужи*, кавалерия 5-го корпуса, под начальством генерала Фримона, переправясь через Об вброд у Бриллекура, выслала форпосты в Брабан; пехота же 5-го корпуса, перейдя реку по мосту в Лемоне, расположилась у Доммартен; 3-й, 4-й и 6-й корпуса стали на поле сражения к югу от Арси; резервы, двинувшись через Лемон, дошли до Шалетт, где назначена была главная квартира графа Барклая-де-Толли; граф Ожаровский с легкой гвардейской кавалерией находился у Рамерю; генерал Теттенборн, заняв еще 20-го Шалон, открыл сообщение с Силезской армией через авангард корпуса Винценгероде, тогда стоявший в Реймсе; на следующий день два казачьих полка, отряженные Теттенборном, атаковали генерала Винцента, с 800 человеками пехоты и тремя эскадронами занимавшего Эперне, и овладели сим городом с содействием передовых войск Винценгероде, прибывших от Реймса; сам Винцент с немногими лишь людьми своего отряда ушел лесами к Дорман.

Урон неприятеля во второй день сражения при Арси был не менее понесенного накануне. Пленных захвачено союзниками в оба дня более 2500 человек; семь орудий достались победителям: из числа их три отбиты кавалерией Кайсарова,

---

* Главная квартира (Hoflager) императора Франца оставалась в Бар-сюр-Сене. (Прим. авт.)

три — кавалерией Палена (Ольвиопольцами) и одно — гусарским полком эрцгерцога Иосифа. Урон союзников 21-го не превышал 500 человек, большей частью корпуса Раевского.

В сражении при Арси действия Наполеона изумляют выказанной им смелостью. Переправясь через Об и оставя за собой теснину, он надеялся застичь союзную армию на отступлении к Бриенне, растянутую на значительном протяжении; не менее надеялся он на нерешительность князя Шварценберга. Все эти расчеты оправдались на деле, но силы Наполеона в первый день сражения были так незначительны, что для противодействия им было достаточно одного корпуса Вреде и небольшого отряда Кайсарова, между тем как три союзных корпуса были направлены к Планси, а резервы собраны в нескольких верстах от поля сражения. Наполеон успел сосредоточить к утру следующего дня двойное число войск в сравнении с тем, которое имел накануне; но ему было известно о появлении значительных союзных сил в окрестностях Планси, откуда легко было перевести их в Арси. В таких обстоятельствах ему следовало не оставаться впереди дефиле, а собрать в ночь с 20-го все войска за Об, двинуться правой стороной сей реки на Рамерю к Бриенну и направить туда же вслед за армией корпуса Макдональда: действуя таким образом, Наполеон не поставил бы себя в опасное положение и вернее достиг бы своей цели — отвлечь Главную союзную армию от Парижа и разобщить Шварценберга с Блюхером. Напротив того, приняв бой впереди арсисской теснины против втрое сильнейшей армии, которой сообщения были совершенно свободны, он мог потерять все без всякой вероятности что-либо выиграть и был обязан спасением единственно благоразумию своих сподвижников Нея и Себастиани, которые вывели армию из явной гибели.

Союзный главнокомандующий, растянув перед сражением при Арси свою армию на пространстве нескольких переходов, не мог ни наступать настойчиво к Парижу, ни обеспечить себя со стороны Марны. Наступление Наполеона, которого силы нередко двоились в глазах его противников,

заставило князя Шварценберга отступить для сосредоточения армии. С этой целью было решено собрать союзные корпуса на позиции у Транн. Но когда Наполеон перешел с горстью войск через Об, сделав фланговое движение между этой рекой и союзной армией, и стал тылом к арсисской теснине, тогда Шварценберг, или — что гораздо вероятнее — Радецкий, не могли не заметить такой грубой ошибки и вместо предложенного отступления к Транн решились, двинувшись навстречу неприятелю, собрать армию между Обом и Сенной. Это превосходное соображение было исполнено так неловко, что вовлекло в заблуждение Наполеона, который, найдя у Арси только один из союзных корпусов, принял его за арьергард, прикрывавший отступление Союзной армии, и на следующий день остался впереди арсисского дефиле. Союзники могли воспользоваться его оплошностью и атаковать неприятеля тройными силами, которые, даже в случае неудачи, всегда сохранили бы свои сообщения. Но австрийский полководец никогда не знал цены времени и атаковал неприятеля только тогда, когда уже он успел перевести большую часть своих войск на правую сторону Оба. Утвердительно можно сказать, что если бы император Александр находился в то время на поле сражения, то Наполеону не удалось бы так дешево отделаться от встречи с союзниками. Напрасно полагают, будто бы государь настаивал на отступлении к Транн: действительно, он считал сию меру полезной до сражения при Арси, но как только обнаружилась слабость противника, то не было никакого повода медлить, и по всей вероятности присутствие императора Александра побудило бы союзников к более решительным действиям.

Сражение под Фер-Шампенуазом 25 марта

В то самое время, когда потеря французами сражения при Арси отняла у них надежду противодействовать с успехом Главной союзной армии, Южная армия наследного принца Гессен-Гомбургского заняла второй город Империи — Лаон,

а Блюхер оттеснил оставленные против него корпуса Мортье и Мармона и готовился войти в связь с князем Шварценбергом.

Сражение при Лаоне не имело тех последствий, которых можно было ожидать при значительном превосходстве сил Силезской армии после поражения Мармона. Тяжкие труды боевой жизни в холодную ненастную погоду расстроили здоровье старого фельдмаршала. Несмотря на военные способности ближайших сподвижников его, Гнейзенау и Мюффлинга, и корпусных командиров — Сакена, Йорка, Бюлова и графа Воронцова, никто не мог заменить Блюхера, и победоносная Силезская армия оставалась в бездействии целую неделю. Правда, причиной тому отчасти было изнурение войск, но войска Наполеоновы находились еще в худшем состоянии, что, однако же, не помешало им разбить Сен-При под Реймсом и после трехдневного отдыха двинуться далее к Обу.

Как в это время разорение страны между Эной и Марной и Наполеоновы декреты о всеобщем вооружении угрожали союзникам народной войной, то Блюхер в воззвании к жителям объявил об успехах, одержанных его армией, утешая их оставаться спокойными, и грозил в противном случае строгой карой.

После сражения при Лаоне только лишь корпус Винценгероде расположился при сем городе; прочие же войска Блюхера для удобнейшего продовольствия заняли довольно обширное пространство: корпуса Йорка и Клейста — в окрестностях Краона; Сакен — между Лаоном и Суассоном; корпуса Бюлова и Ланжерона двинулись через Нойон и Ла-Фер на правую сторону Уазы. Блюхер предполагал по прибытии наследного шведского принца с армией, собранной им в Северной Германии, в Нидерландах, присоединить к своим войскам корпус герцога Саксен-Веймарского и направить его вместе с корпусами Бюлова, Ланжерона и Сакена по правому берегу Уазы к Парижу. Но между тем кронпринц снова возбудил против себя недоверчивость союзников. По прибытии со шведскими войсками в Литтих он остановился там, и когда Бюлов послал офицеров в Клев для формирования лан-

дверов в рейнских провинциях, наследный принц запретил эти вооружения, потому что, по словам его, «они нарушали прежние трактаты с Францией, именно уступку левого берега Рейна». Такие двусмысленные поступки Бернадота заставили Блюхера оставить герцога Саксен-Веймарского в Бельгии и, отказавшись от содействия его корпуса, изменить направление своих войск. 17 марта вся Силезская армия была сосредоточена на левом фланге в окрестностях Краона, за исключением корпуса Бюлова, стоявшего у Лаона. Число Блюхеровых войск по присоединении 8-го корпуса графа Сен-При, поступившего под начальство генерала Рудзевича, вообще простиралось до 109 000 человек.

По выступлении Наполеона от Реймса к Обу корпуса Мармона и Мортье всего в числе около 20 000 человек оставались для обороны течения Эны, первый близ Бери-о-бака, а второй у Суассона, откуда Мортье перешел в Реймс. Силы маршалов были недостаточны для удержания Силезской армии, и к тому же Мортье, как старший в чине, считался начальником обоих корпусов, а общее распоряжение их действиями было предоставлено Мармону: такое двойственное управление имело весьма невыгодные последствия.

18 марта союзники двинулись к переправам на Эне: корпус Йорка к Бери-о-баку, корпус Клейста к Понтаверу, а легкий отряд генерал-адъютанта Чернышева к Асфельду. Как только войска Йорка подошли к берегу реки у Бери-о-бака, Мармон взорвал мост; покушение Клейста навести понтонный мост у Понтавера также было безуспешно; но когда казаки Чернышева переправились вброд у Асфельда и обошли неприятеля с правого фланга, французские войска, оставя обе свои позиции, отступили к Фим, где корпуса Мармона и Мортье соединились. По отступлении французов отряд майора Коломба, полковник Блюхер с двумя кавалерийскими полками и Цитен с резервной кавалерией Клейстова корпуса немедленно перешли вброд через Эну и преследовали французов; а ночью, по наведении моста у Понтавера, переправилась 9-я прусская пехотная бригада. На следующий день,

19-го, по возобновлении моста у Бери-о-бака остальные войска Клейста и корпус Йорка, также переправясь через Эну, двинулись вслед за авангардами к Фим. Корпус Винценгероде, перейдя через Эну при Бери-о-баке и Асфельде, направился к Реймсу, корпуса Ланжерона и Сакена достигли Бери-о-бака и Понтавера, а Бюлов подошел к Суассону.

Позиция, занятая Мармоном и Мортье за рекой Вель у Фим, представляла тактические выгоды, но подвергала маршалов опасности быть совершенно разобщенными от Наполеона; впрочем, сам Наполеон побудил их двинуться к Фиму, предписав им прикрывать Париж. Когда же в ночь с 20-го на 21-е они получили приказание идти на соединение с Наполеоном к Витри через Реймс или через Эперне, тогда эти пути уже были преграждены войсками Блюхера, и французским корпусам не оставалось ничего более, как немедленно выступить от Фима на Фер-ан-Тарденуа к Шато-Тьери и пробираться к Витри окольными путями. Одновременно с отступлением Наполеона от Арси Винценгероде, шедший в голове левой колонны Блюхера (состоявшей исключительно из русских войск), заняв Реймс, выслал легкую кавалерию своего корпуса к Эперне, где она вошла в связь с двумя казачьими полками, отряженными генералом Теттенборном из Шалона. На следующий день, 23-го, граф Воронцов с пехотой корпуса Винценгероде прибыл в Шалон, кавалерия его достигла Ватри, авангард Чернышева расположился у Соммесу, отряд Теттенборна перешел из Шалона к Суд-Сен-Круа. Еще накануне корпуса Главной союзной армии, 4-й кронпринца Вюртембергского, 5-й графа Вреде и 6-й генерала Раевского стали у Корбейль и Дампьер, выдвинув авангарды Ожаровского и Палена к Метьерселен и Льюстру. Передовые войска обеих Союзных армий, находясь одни от других на расстоянии небольшого перехода, легко могли соединиться между собой. Корпуса Ланжерона и Сакена расположились у Реймса, куда перешла и главная квартира Блюхера. Корпуса Йорка и Клейста, вытеснив Мармона и Мортье из Шато-Тьери, переправились через Марну; корпус Бюлова стоял под Суассоном.

После сражения при Арси Наполеон мог отказаться от действий на сообщения Главной союзной армии, отступить через Сезанн по направлению к Парижу и, усилясь корпусами Мармона и Мортье, а равно остальными депо, сосредоточить силы для прикрытия своей столицы либо двинуться сначала по дороге к Витри и потом обратиться на путь действия князя Шварценберга, к Шомону и Лангру, присоединить к армии от 10 до 12 тысяч человек, собранных в Меце из гарнизонов крепостей генералом Дерутте, и возбудить народную войну в тылу союзников. Наполеон предпочел последний способ действий, не обратив внимания на то, что главным условием успеха его и существования Империи было владение Парижем, где сосредоточивалось управление всей страной.

22 марта Наполеон с гвардией перешел Марну вброд у Фринькура и выслал Нея с дивизией Лефоля и с кавалерией Бриша и Леритье к Витри для овладения этой крепостью, занятой 5300 человек с сорока орудиями союзных войск под начальством прусского полковника Швихова. По открытии канонады с обеих сторон Ней потребовал сдачи крепости. Комендант, желая выиграть время, просил, чтобы ему было разрешено послать офицера в главную квартиру Союзной армии. Французы не согласились на это предложение. Канонада возобновилась, но Наполеон, не имея в виду предпринять нападение открытой силой, отвел войска Нея к Витриле-Брюле; дивизии Фриана, Генриона и Летора стали у Фармон, на дороге из Витри в Сен-Дизье; Макдональд со 2-м и 11-м корпусами, кавалерийской дивизией Трельяра и кавалерией Себастиани — на высотах у Донон; наконец, Удино с дивизиями Леваля и Ротембурга — на правой стороне Обы, против Арси. Граф Вреде мог бы атаковать неприятеля на марше его к Витри, но князь Шварценберг положительно запретил ему вдаваться в бой до прибытия прочих союзных корпусов. Главнокомандующий сперва хотел сосредоточить армию за речкой Пюи, но потом, когда обнаружилось движение главных сил Наполеона к Витри, положено было для

сохранения сообщений с сей крепостью двинуться к Корбейль, где к вечеру собрались 4-й и 5-й корпуса; за ними, между Доннеман и Доммартен, стали резервы; 6-й корпус Раевского расположился у Дампьер, 3-й Гиулая оставался на левой стороне Оба, под Арси.

23-го Наполеон, оставя Нея с двумя пехотными и двумя кавалерийскими дивизиями близ Витри, двинулся с гвардией и четырьмя кавалерийскими дивизиями к Сен-Дизье, где шедшая в голове колонны дивизия Пире захватила понтонную роту подполковника Шишкина (корпуса Ланжерона) и несколько сот человек в плен. Макдональда со 2-м и 7-м пехотными корпусами также выступил на рассвете вслед за прочими войсками. Его артиллерийский парк, остававшийся под прикрытием дивизии Амей (11-го корпуса) у Сен-Сатурнен, получил приказание подняться вверх по течению реки до Плер и идти далее на Семуан и Соммепюи. Генерал Амей, долженствовавший прикрывать парк, вместо того по недоразумению повернул из Плер к Сезанну. Оставленный без прикрытия парк был достигнут легкой гвардейской кавалерией под начальством графа Ожаровского у Соммепюи. Командир парка построил его в каре и хотел обороняться с 400 или 500 канониров и саперов; но когда несколько гранат, попавших в парк, создали угрозу взрыва зарядных ящиков, французы стали уходить с лошадьми, оставя на месте все орудия. Генерал Жерар, тогда двигавшийся в аррьергарде корпуса Удино от Донон по направлению к Витри, ускорил марш своих войск и, подойдя к Соммепюи, заставил Ожаровского отступить по направлению к Метьерселен. Но 14 орудий и 300 пленных были захвачены; остальные 12 орудий загвозжены. Граф Ожаровский в донесении об этом деле приписал успех его своему адъютанту капитану Зыбину.

В тот же день корпуса Макдональда, перейдя через Марну в Фриньикуре по мосту на козлах, расположились в окрестностях Витри, а войска Нея двинулись к Сен-Дизье.

Союзники вовсе не ожидали, чтобы Наполеон устремился на их сообщения. Из направления, принятого Мармоном,

генерал Гнейзенау заключил, что французы сосредоточивали силы на Обе, чтобы дать решительное сражение Главной союзной армии, и потому Блюхер хотел ударить им в тыл. С этой целью три русских корпуса должны были идти к Арси, а корпуса Йорка и Клейста — настойчиво преследовать Мармона. Но едва лишь были сделаны распоряжения к этим действиям, как пришло в главную квартиру Силезской армии от генерала Теттенборна перехваченное казаками письмо Наполеона к супруге его Марии-Луизе следующего содержания:

«Мой друг! Несколько дней не сходил я с лошади. 20-го числа я взял Арси на Обе; неприятель атаковал меня того же дня в восемь часов вечера; я разбил его, побил 4000 человек и взял 4 орудия. 21-го неприятельская армия построилась к бою для прикрытия движения прочих войск к Бриенне и Бар-сюр-Обу. Желая удалить ее от Парижа и приблизиться к моим крепостям, я пошел к Марне. Сегодня вечером буду в Сен-Дизье. Прощай, мой друг, поцелуй сына».

Получив это письмо, Блюхер приказал снять с него копию, а оригинал послал императрице Марии-Луизе, присовокупив к нему записку на французском языке, из коей парижане могли видеть, что Наполеон был отрезан союзниками от своей столицы. Копия же с Наполеонова письма была немедленно отправлена к князю Шварценбергу.

Тогда же было перехвачено следующее письмо барона Фэна к императрице Марии-Луизе:

«Император только что лег отдохнуть, приказав мне послать к В. В. нарочного с известием, что армия перешла через Марну близ Витри и что мы сегодня заняли Сен-Дизье».

Слух носится, что наша легкая кавалерия захватила парк в 500 повозок.

Погода по-прежнему стоит прекрасная, и хотя войска двигались от Арси к Витри по проселочным дорогам, однако же совершили этот переход без остановок» и т. д.

В продолжение 22 марта в Главной союзной армии оставались в совершенной неизвестности и даже не знали о рас-

положении корпусов Макдональда у Донона, в расстоянии не более 12 верст от Корбейль и Дампьер, где стояли передовые союзные корпуса. Довольно трудно объяснить, каким образом могло это случиться при множестве легких войск, двигавшихся в авангарде Главной армии. Сам фельдмаршал, находясь в неведении о неприятеле, приказал ввечеру 22-го составить на всякий случай две диспозиции для действий 23 марта.

1) В случае движения Наполеона к Шалону корпуса Вреде, кронпринца и Раевского должны были перейти через речку Пюи и направиться к Соммепюи, Донону и Люйстру; по отступлении же неприятеля корпусу Раевского предписано занять Гербисс; резервам — идти к Метьерселен; Гиулаю — оставаться в Арси.

2) В случае движения Наполеона к Витри приказано: графу Вреде идти к сему городу до Ле-Перт и занять Соммепюи, кронпринцу — расположиться за левым флангом корпуса Вреде у Метьерселен, Барклаю-де-Толли с резервами — за правым флангом корпуса Вреде, впереди Сомсуа, Раевского — при Люйстре, Гиулаю — при Арси.

В продолжение дня 23 марта были получены в главной квартире армии, находившейся в Пужи, письмо Наполеона, перехваченное Теттенборном, и донесение о переходе Винценгероде через Марну и соединении авангардов его и графа Палена близ Пуавр. Поскольку главнокомандующий с начальником штаба армии графом Радецким тогда отправился через Самерю в Сент-Уэн для разведания о действиях передовых корпусов, Союзные монархи послали к нему курьера с приглашением возвратиться в Пужи. Там в 3 часа пополудни собрался у императора Александра военный совет, на котором кроме Российского и Прусского монархов присутствовали князь Шварценберг, граф Радецкий, несколько генералов австрийского главного штаба и князь Волконский. Весьма замечательно, что австрийские генералы прежде всего предложили на обсуждение совета вопрос: возможно ли было, сделав ускоренное фланговое движение на Вандевр, Бар-сюр-

Сен и Шатильон, предупредить неприятеля и прикрыть сообщения с Рейном? Таким образом, вместо того чтобы воспользоваться отчаянным движением Наполеона в тыл Главной союзной армии, австрийский штаб заботился о собственном спасении. К счастью союзников, «отступление к Рейну, сопряженное с большими опасностями, упадком духа войск и восстанием жителей страны» было отвергнуто. Надлежало предпринять что-либо другое: союзники решились сперва соединить Главную армию с Силезской, а потом действовать обеими в совокупности в тыл и фланги Наполеона. Сообразно тому Главная армия получила приказание идти в следующую же ночь к Шалону; в случае же, если бы неприятель сильно занимал сей пункт и не сочтено было уместным атаковать его, хотели устроить мосты в другом месте и перейти по ним через Марну. Вместе с тем положили немедленно известить о всех принятых маршах находившегося в Бар-сюр-Обе императора Франца, чтобы он вместе со всеми дипломатами отправился через Бар-сюр-Сен и Шатильон в Дижон.

Фельдмаршал, донося о том своему государю, с сокрушенным сердцем писал: «Чего недостает мне в отношении к средствам, то надеюсь вознаградить превосходством в числе войск и не менее моего сомнительным положением неприятеля. Находящиеся здесь монархи совершенно согласились в том, что нельзя было принять никаких других мер, и это одно лишь ободряет меня решиться на такое важное и опасное дело».

Тогда же были посланы офицеры в Бар-сюр-Об, Шомон и Лангр с предписанием перевести оттуда все парки и обозы на дорогу, ведущую в Дижон.

По случаю разрыва совещаний в Шатильоне князь Шварценберг отдал в сей день следующий приказ:

«Воины Союзной армии! Надежда держав на скорое восстановление мира исчезла. Ни ваши победы, ни уничтожение целых неприятельских армий, ни бедствия, постигшие лучшие области Франции, — ничто не могло привести французское правительство на путь умеренности и справедливос-

ти! Переговоры в Шатильоне прекратились. В продолжение одного похода вы разрушили преобладание Французской Империи, и, несмотря на это, Франция мечтает о завоеваниях. Не довольствуясь обеспечением самостоятельности, свободы и спокойствия Франции, правительство ее желает сохранять все средства посягать на наше спокойствие, нашу свободу и самостоятельность расширением границ Империи и влиянием на другие государства. Только лишь тогда, когда вы обеспечите отечеству обладание сими высшими благами, вы окончите достославную борьбу. Да будет Франция счастлива и свободна, но не за счет благополучия и свободы других государств. Победители при Кульме, при Лейпциге, при Ганнау, при Бриенне! На вас обращены взоры Европы, в ваших руках участь всего Света! Еще несколько мгновений, и он признает в вас своих избавителей. Не забывайте в сей решительный час, что вы должны считать врагами только противящихся вам. Не заставьте великий народ страдать за упорство своего властителя. Сама Франция сочувствует вам; желания Европы будут исполнены».

В ночь на 24 марта войска Главной союзной армии расположились следующим образом: граф Вреде с 5-м корпусом, двигавшийся ближе всех к войскам Удино при отступлении их за Марну, ограничился сопровождением неприятеля с фланга (*den Feind in seiner rechten Flanke zu begleiten*). В 11 часов вечера авангард Фримона выбил французов из селения Курдеманж, но они воспользовались темнотой ночи для перехода через Марну в Фринькиуре и дальнейшего отступления к Сен-Дизье. 5-й корпус стал на бивуаках позади Курдеманж. Резервы остановились на несколько часов у Сен-Шерон; граф Ожаровский с легкой гвардейской кавалерией близ Сомсуа; из войск 4-го корпуса кронпринца только лишь кавалерия наткнулась у Гран-Труан на двигавшуюся в арьергарде Удино кавалерию и захватила часть неприятельского обоза; главные же силы кронпринца прибыли уже около полуночи в Соммепюи. 6-й корпус Раевского со 2-й кирасирской дивизией дошел до Пуавр, а граф Пален с авангардом

своим — до Суде-Сен-Круа; 3-й корпус графа Гиулая прибыл к Мальи; отряд Сеславина, переправясь еще накануне, 22-го, через Об при Планси, преследовал неприятеля, а потом вечером 23-го получил приказание обратиться к Фер-Шампенуазу для открытия связи с корпусами Йорка и Клейста. Обозы, собранные в Бриенне, двигались к Шалону, с прикрытием Л-Гв. Преображенского полка, казачьего полка Рябинина и отряда Кайсарова под общим начальством генерал-адъютанта Розена.

Император Александр, король Прусский и князь Шварценберг, выехав из Пужи в 8 часов вечера, переправились по плавучему мосту в Ножан-сюр-Об. По прибытии в Дампьер оставались там до полуночи, а потом, продолжая дальнейший путь по левому берегу речки Пюи, остановились на рассвете в Соммепюи. Там было получено известие, что главные силы Силезской армии находились в Реймсе и Шато-Тьери и что генерал Винпингероде, заняв Шалон, прибыл с кавалерией своего корпуса в Ватри. Авангард его под начальством генерал-адъютанта Чернышева был выдвинут к Соммесу, а отряд Теттенборна — к Судесен-Круа: таким образом Союзные армии, соединившись между собой, совершенно разобщили Наполеона от Мармона и Мортье, перешедших к Этожу, а равно от подкреплений, шедших из Парижа.

В продолжение краткого пребывания Союзных монархов в Дампьере получены были от Чернышева и Теттенборна перехваченные ими письма, в числе коих находились донесения Наполеону различных сановников правительства об истощении общественной казны, магазинов и боевых запасов, а также о всеобщем недовольстве и жажде мира, господствовавших в стране и особенно в Париже. Министр полиции* доносил, что там было множество влиятельных лиц, враждебных правительству, и что в случае приближения Союзной армии к столице он не отвечает за ее спокойствие. Эти важные известия убедили фельдмаршала, что не было никакой необходимости продолжать движение к Шалону, в особенности когда и

* Савари, герцог Ровинго.

без того уже соединились Союзные армии. Главнокомандующий, решась идти вслед за Наполеоном, отправился, около 10 часов утра из Соммепюи по дороге в Витри; туда же поехал и король Прусский. Император Александр, остановившись в Соммепюи, приказал генерал-адъютанту князю Волконскому пригласить графа Барклая-де-Толли и генерал-лейтенантов Дибича и Толя в комнату государя, и когда они собрались, предложил им вопрос: «Как надлежало действовать по соединении Союзных армий? Идти ли вслед за Наполеоном и атаковать его превосходными силами или, маскируя движение частью сил, направиться прямо к Парижу?» Как государь прежде всех обратился к Барклаю-де-Толли, желая знать его мнение, то фельдмаршал, взглянув на карту, сказал: «Надобно со всеми силами идти за Наполеоном и атаковать его, как только с ним встретимся». Генерал Дибич, стоявший возле Барклая, предложил «отрядить от сорока до пятидесяти тысяч человек к Парижу, а с прочими преследовать Наполеона». По мнению же генерала Толя, надлежало «отрядить корпус в десять тысяч человек, преимущественно из кавалерии, вслед за Наполеоном, а с армиями Блюхера и князя Шварценберга идти форсированными маршами к Парижу». Когда же государь стал поддерживать мнение Толя, Дибич сказал: «Ежели Ваше Величество желаете восстановить Бурбонов, то лучше всего идти со всеми силами на Париж». Государь отвечал: «Здесь дело идет не о Бурбонах, а о свержении Наполеона».

Затем было приступлено к примерному расчету — во сколько переходов союзники могли достигнуть Парижа. Очевидно было, что по мере приближения к столице Франции на первом марше они удалялись от Наполеоновой армии на два перехода, на втором — на четыре, и т. д. и что, следовательно, овладев Парижем, могли иметь довольно времени для разрушения господства Наполеона и для встречи его, если бы он обратился к Парижу. По словам Толя, «генерал-адъютант князь Волконский во все время наших рассуждений находился в некотором расстоянии от стола, как адъютант, который ожидает приказаний своего генерала».

По окончании военного совета государь, желая сообщить принятое им мнение королю Прусскому и князю Шварценбергу, приказал подать лошадь и в сопровождении своего штаба поскакал вслед за войсками. Проехав несколько верст и настигнув короля и фельдмаршала, император Александр сошел с лошади, приказал генералу Толю разостлать на земле карту и объяснил сам предположенные меры. Король Прусский и князь Шварценберг с восторгом приняли его предложения. По свидетельству лорда Бургерша, «император Александр настойчиво убеждал своих союзников в необходимости движения к Парижу. Король Прусский и русские генералы — князь Волконский, Дибич и Толь поддержали его мнение, и князь Шварценберг, несмотря на противоречие многих лиц своего штаба, согласился с мнением государя и тотчас изменил свои прежние распоряжения. Немедленно всем корпусам были посланы приказания остановиться, а генералу Винценгероде с кавалерией его корпуса идти к Сен-Дизье, чтобы привлечь на себя внимание неприятеля и прикрыть движение союзников к Парижу».

Император Александр, не зная достоверно, где тогда находился Блюхер, немедленно известил Ланжерона и Воронцова о принятом союзниками намерении — направить обе армии к Парижу, а король Прусский и князь Шварценберг уведомили о том же Блюхера. Получив это сведение, старый фельдмаршал шумно выразил свою радость: «Теперь не только у нас, а везде: вперед! Я знал, что мой храбрый брат Шварценберг будет заодно со мной, теперь скоро покончим», — сказал он. Намерение идти на Париж быстро распространилось в обеих Союзных армиях и возвысило дух войск.

24-го ввечеру корпуса Главной армии, не переходя за Марну, расположились по левую сторону сей реки у Витри дугой от Принжи до Курдеманж; главная квартира Союзных монархов и князя Шварценберга находилась в Витри. Арьергард Наполеоновой армии был преследован сперва Московским драгунским полком и несколькими прусскими эскадронами из гарнизона Витри, а в 3 часа пополудни генерал Вин-

ценгероде с вверенным ему отрядом, пройдя через крепость, устремился вслед за неприятелем. Корпуса Ланжерона, Сакена и пехота Воронцова и Строганова стояли у Шалона, где расположилась главная квартира Блюхера; корпуса Йорка и Клейста перешли через Марну при Шато-Тьери; кавалерия Кацлера и Цитена прибыла к Жанвилье и Монмирай.

Со стороны французов Мармон и Мортье выступили утром 24-го от Этожа на соединение с Наполеоном. Как в это время они уже знали о движении Блюхера к Шалону, то им следовало остерегаться нападения с левого фланга. Генерал Бельяр предложил двинуться на Фер-Шампенуаз, чтобы, выйдя на прямое сообщение Наполеона с Парижем, в случае необходимости отступить на Сезанн, и к тому же такое направление нисколько не удаляло их от Наполеона, потому что расстояния Витри от Фер-Шампенуаза и Ватри почти одинаковы. Но Мармон предпочел идти на Ватри и убедил маршала Морье двинуться по тому же направлению. К вечеру маршалы расположились на реке Суд, Мармон у Суде-Сен-Круа на расстоянии около 12 верст от ближайших войск Главной союзной армии, а Мортье — у Ватри. Рекогносцировки, произведенные от обоих корпусов, удостоверили маршалов, что Шалон был занят русскими и что на дороге в Витри стояли значительные силы Союзной армии. Эти известия подтвердились разъездами, посланными в ночи в различные стороны. Дивизии Пакто и Амей в числе около 6000 человек, оставшиеся позади при движении Макдональда к Арси, соединились в Сезанне и вместе с парками и обозами, шедшими к наполеоновской армии, перешли ввечеру 24-го к Этожу в надежде примкнуть к войскам Мармона и Мортье, а потом, на рассвете, прибыли к Бержер. Сезанн, весьма важный пункт на соединении нескольких дорог, был занят 1800 конскриптов под начальством генерала Компана, а в Мо стояла новоформированная дивизия Ледрю-дез-Эссара в числе 2100 человек.

На следующий день, 25 марта, главные силы союзников двинулись к Парижу по двум направлениям: войска Главной

армии, за исключением отряда Винценгероде, от Витри к Сезанн, а Блюхер с состоявшими при нем русскими корпусами — от Шалона к Этожу, кроме пехоты графа Воронцова, оставленной на время в Шалоне, чтобы преградить путь Мармону, если бы он туда двинулся по дороге из Соммесу. Союзники еще накануне знали о движении французов по направлению к Витри. Французы также знали о расположении на дороге в Витри сильной Союзной армии, и потому надлежало им отступить навстречу подкреплениям, шедшим из Парижа, и, присоединив их к своим войскам, замедлять по возможности наступление союзников, не вдаваясь в решительное сражение. Но Мармон не знал о новом направлении, принятом главными силами Союзных армий, и хотел, в случае движения их вслед за Наполеоном, действовать им в тыл.

Войска Главной союзной армии выступили с Марны 25 марта двумя колоннами. В 3 часа утра двинулся наследный принц Вюртембергский с корпусами Раевского и своим по большой дороге, ведущей к Фер-Шампенуазу; в авангарде пехоты шла кавалерия графа Палена и прица Адама Вюртембергского; несколько позже выступили резервы по дороге из Курдеманж на Соммепюи и Монтепрё. Корпуса Вреде и Гиулая следовали в резерве. Сухая погода и ровная, непересеченная местность между Марной и Судой способствовали войскам идти по сторонам большой дороги, исключительно предоставленной для движения артиллерии.

В 8 часов утра кавалерия Палена подошла к Суда-Сен-Круа. Как только Мармон заметил наступление союзников, то пригласил Мортье присоединиться к нему. Но для перехода от Ватри к Суде было необходимо не менее двух часов, в продолжение коих Мармон не мог удерживаться на занятой им позиции, и потому было бы гораздо основательнее назначить для сосредоточения сил пункт у Соммесу. В ожидании прибытия войск Мортье Мармон поспешно построил свой корпус на высотах Суда-Сен-Круа, и вслед за тем завязалась канонада. Заметив колебание в неприятельских войсках, граф Пален и принц Адам решились немедленно атаковать их;

генерал-майор Дехтерев с Ольвиопольскими и Лубенскими гусарами направился в обход левого фланга французов; еще правее к Доммартен л'Эстре двинулся для прикрытия правого фланга союзников генерал Лисаневич с Чугуевскими уланами и Иловайский 12-й с тремя казачьими полками; с фронта против неприятеля расположились 12 конных орудий 23-й роты полковника Маркова с прикрытием Сумских и Гродненских гусар под начальством генерал-майора Делянова; за ними в резерве стала 2-я кирасирская дивизия; кавалерия же принца Адама пошла в обход правого фланга французов. Мармон, не осмеливаясь оставаться на своей позиции, стал отступать к Соммесу. Две стрелковые роты, оставленные для замедления атаки союзников в селении Суде-Сен-Круа, были окружены и сложили оружие; генерал Бордесуль со своими кирасирами кинулся в помощь этой пехоте, но был опрокинут с уроном.

Граф Пален, решась неотступно преследовать неприятеля, двинулся за ним вслед по большой дороге с гусарами, кирасирами и 8 конными орудиями, а Чугуевский полк и казаков с остальными 4 конными орудиями отрядил вправо к Эстре для удержания войск Мортье, приближавшихся со стороны этого селения к Соммесу; тогда же вюртембергская кавалерия пошла в обход неприятеля с правого фланга. Мармон, отойдя к Соммесу, расположил вправо от этого селения войска к бою, чтобы выждать присоединения своего товарища. Кавалерия стала в две линии за батареями, за нею — пехота. Союзники, подойдя к его позиции, были встречены огнем тридцати орудий и принуждены остановиться. Пользуясь тем, маршалы успели построить войска по обе стороны Соммеса; корпус Мортье стал влево от этого селения, а полковник Гиньи с 8-м маршевым кавалерийским полком — на оконечности левого крыла для наблюдения за казаками Иловайского. Канонада у Соммеса продолжалась около двух часов. Французы собрали здесь более 60 орудий, которым союзники могли противопоставить только 36. Позиция неприятеля была, однако же, невыгодна тем, что через середину ее

протекал болотистый ручей, разобцавший войска на две отдельные части, а фланги были совершенно открыты. Это обстоятельство, вместе с прибытием на поле сражения австрийской кирасирской дивизии графа Ностица в числе 2300 человек, побудило маршалов отойти далее, приняв несколько вправо, чтобы примкнуть фланги к болотистым речкам. Войска отступали в шахматном порядке. Граф Пален атаковал кавалерию и опрокинул в центре кирасиров Бордесуля; генерал Бельяр с дивизией Русселя кинулся с левого крыла, чтобы ударить во фланг русским гусарам, но его драгуны, будучи атакованы второй линией графа Палена, были опрокинуты и собрались за легкой кавалерийской дивизией генерала Мерлена. Хотя 8-му французскому конно-егерскому полку, бросившемуся в эскадронной колонне в атаку, удалось задержать кавалерию Палена, однако же она продолжала преследовать неприятеля и в продолжение его отступления от Соммесу к Ленгар захватила пять орудий. Одновременно с действиями Палена 4-й вюртембергский конно-егерский полк, поддержанный австрийскими гусарами эрцгерцога Фердинанда, ударил на правое крыло неприятельской линии и опрокинул его; но атака двух французских уланских полков во фланг кирасирскому полку Лихтенштейна, следовавшему за гусарами, и сильный картечный огонь заставили союзников отступить.

Уже было около 2 часов пополудни. В продолжение шести часов неприятели, видя против себя только лишь кавалерию, надеялись, несмотря на понесенные ими потери, отступить в порядке к Фер-Шампенуазу, но в довершение их расстройств внезапно поднялся сильный восточный ветер. Французы, сперва ослепляемые пылью, а потом поражаемые в лицо проливным дождем с градом, лишились возможности отражать атаки; пехота с замокшими ружьями отбивалась штыками; в таких обстоятельствах надлежало неприятелю переходить через глубокий овраг у селения Конантрё. Между тем Барклай, слыша сильную канонаду в авангарде, приказал идти ему в помощь графу Ожаровскому с Л.-Гв. Драгунским

и уланским полками и хотел послать за 3-й кирасирской дивизией, но находившийся тогда при нем генерал Депрерадович, представляя, что эта дивизия по отдаленности не могла поспеть вовремя, просил дозволения идти в дело со своими четырьмя полками, со времени перехода за Рейн еще ни разу не бывшими в огне. Получив разрешение, Депрерадович повел дивизию с одной ротой гвардейской конной артиллерии. Кавалергарды и за ними прочие полки понеслись на рысях.

Французские маршалы, отступая к Конантрё, пустили вперед пехоту, оставя в арьергарде конницу, но она вскоре была сбита графом Паленом и ушла за пехоту, снова построенную в несколько каре. Отойдя к оврагу у Конантрё, французы попали под выстрелы гвардейской батареи, которая вместе с Конно-гвардейским и Лейб-драгунским полками под личным начальством цесаревича Константина Павловича обошла овраг влево. Лейб-уланский полк под командой генерал-майора Чаликова ударил во фланг неприятелю, а Депрерадович с полками Кавалергардским и Л.-Гв. Кирасирским Его Величества атаковал и смял неприятельскую конницу, а потом изрубил два каре бригады Жамена и преследовал бегущего неприятеля до селения Конантре. В то же время союзники настойчиво преследовали центр и левое крыло французской армии. 4-й вюртембергский конно-егерский полк три раза ходил в атаку на каре Молодой гвардии и взял два орудия; затем генерал Иетт с сим же полком и с австрийскими гусарами эрцгерцога Фердинанда в четвертый раз атаковал то же каре, прорвал его и изрубил большую часть стоявшей в нем пехоты. Межу тем буря усилилась; от дождя и дыма спустился мрак до того, что нельзя было различать предметы в нескольких шагах; два раза маршалы въезжали в каре из опасения быть увлеченными своей расстроенной конницей. Наконец, около 3 часов пополудни, погода прояснилась; порядок и твердость фланговых дивизий Рикарда и Христиани способствовали французской кавалерии перейти через овраг и устроиться по другую сторону его. «Тем не менее, однако же, —

по словам французского историка, — смятение отступавших войск было столь велико, что 24 орудия, более 60 зарядных ящиков и значительный обоз были брошены впереди Конантрё»; появление отряда Сеславина на дороге из селения Плер поразило неприятеля паническим страхом. «Артиллерия, конница, пехота, все стрелглав бежало к Фер-Шампенуазу». При атаках и преследовании неприятеля от Конантрё взято было с боя и найдено на поле сражения более сорока орудий, именно: Кавалергардским полком 6, Конно-гвардейским 6, Кирасирским Его Величества 3, Л.-Гв. Уланским 6, Л.-Гв. Драгунским 2 и войсками графа Палена 20. Маршалы уже отчаялись устроить войска свои, когда прибывший из Сезанны полковник Леклерк с 9-м маршевым полком тяжелой кавалерии дебушировал из селения Фер-Шампенуаз и, пройдя в совершенном порядке через бежавшую толпу, бросился навстречу передовым союзным войскам, дав время корпусам Мармона и Мортье собраться на высотах Линта. Войска построились в две линии: пехота на левом крыле в батальонных колоннах, кавалерия — на правом, частью в развернутом фронте, частью в полковых колоннах. В этот самый момент раздался слева гул канонады. Внезапно в рядах еще не успевших устроиться французов с быстротой молнии распространяется слух, что сам Наполеон идет им в помощь. Раздаются восклицания, уже много раз сопровождавшие победу: «Vive l'Empereur!» Те самые солдаты, которые искали спасения в бегстве, просят, чтоб их опять вели против неприятеля. Кирасиры генерала Бордесуля кидаются в атаку, но, будучи встречены картечью вюртембергских батарей и атакованы с фланга отрядом Сеславина, принуждены отступить вместе с прочими войсками, причем достались в добычу казакам 9 орудий и множество различных повозок. Союзные войска преследовали неприятеля до Аллеман, куда французы прибыли уже в 9 часов вечера.

Отступлению корпусов Мармона и Мортье много способствовало появление на поле сражения со стороны Шалона довольно сильной французской колонны. Это были дивизии

генералов Пакто и Амей в числе около 6000 человек с 16 орудиями, парком и большим подвижным магазином, прибывшие на рассвете 25-го к Бержер. Пакто еще в ночи послал офицера за приказанием к Мортье, к Ватри, и, желая как можно скорее присоединиться к нему, не дождавшись ответа, выступил туда сам с войсками в восьмом часу утра. По прибытии к Вильсенё в 10 часов, он получил от маршала, еще не знавшего о передвижении его отряда, приказание остаться у Бержер. Войска, двигавшиеся почти всю ночь, были весьма утомлены; лошади падали от усталости, и потому Пакто, на основании полученной от Мортье депеши (в которой не было ни слова о появлении Союзной армии в Шалоне и на дороге в Витри), считал себя совершенно безопасным и надеялся дать людям отдых, но едва лишь он успел расположиться у Вильсене, как был атакован кавалерией генерал-лейтенанта Корфа, двигавшейся в авангарде Блюхеровой армии по дороге из Шалона в Бержер. Утром по прибытии к Тиби Корф получил от производившего рекогносцировку влево от большой дороги генерала Гнейзенау известие о движении по направлению к Витри французской колонны с парком и обозом. Генерал Корф с бывшей при нем кавалерией и с казачьим отрядом Карпова, взяв на первый раз с собой только четыре орудия конной роты № 8-го, тотчас двинулся на рысях к Жермион, перешел там через речку Сомме-Суд и настиг неприятеля, расположенного между Вильсене и Трекон. Здесь стояли французские войска в батальонных колоннах с двумя батареями впереди фронта пехоты правым флангом к Вильсене, прикрыв левый большим каре; обозы и парки находились позади линии. Генерал Корф, подойдя к неприятелю на пушечный выстрел и заметив, что обозы стояли за его правым крылом, поручил атаковать его генерал-лейтенанту Панчулидзеву с Черниговскими и Каргопольскими драгунами, а сам с прочими полками повел нападение на центр и в обход левого фланга французов. Малочисленная конница Пакто в самом начале боя обратилась в бегство и большей частью была захвачена в плен казаками; пехота, напротив того, с содействием артиллерии оборонялась

упорно полтора часа; но удачная атака Митавских драгун на левое крыло заставила неприятеля в полдень сняться с позиции и отступать вверх по речке к селению Кламанж; пользуясь тем, генерал Панчулидзе с Каргопольским и Черниговскими полками бросился на правое крыло французов, опрокинул его, захватил в плен целый батальон и овладел частью обоза и парка. Вагенбург, построенный по четыре повозки в ряд, под прикрытием пехоты, отступавшей в шахматном порядке, отошел с трудом к селению Кламанж, но генерал Пакто, не надеясь спасти парк и не имея времени истребить его, приказал отпрячь из-под него лошадей и отдать их в артиллерию. Для этого надлежало остановиться у Кламанж; чтобы сколько-нибудь задержать русскую кавалерию, майор Каль занял это селение двумя батальонами, под прикрытием коих неприятель, брося все свои обозы и парк, построил пехоту в шесть каре, расположил их в шахматном порядке, поставил батареи между каре первой линии и продолжал отступать к Экюри-ле-Репо. Поскольку в это самое время подоспели Дерптский и Северские полки, то генерал Корф приказал артиллерии капитана Фохту открыть огонь картечью по войскам, оставленным в Кламанже, и атаковал их Дерптскими и Лифляндскими драгунами под командой генерал-майоров графа Палена 2-го и Хрущова. Множество французов было изрублено и взято в плен. Тогда же Корф получил известие, что два казачьих полка, отряженные Карповым по направлению к Витри, захватили в плен 47 офицеров и до 500 нижних чинов и взяли много обозов.

В 4 часа пополудни Пакто, достигнув селения Экюри-ле-Репо, приказал бригаде Делорта перестроиться из каре в колонны к атаке и двинуться против полков графа Палена 2-го, угрожавшего отрезать путь отступления французов; войска Палена были принуждены податься назад, но вслед за тем подоспела кавалерия генерал-адъютанта Васильчикова, которая тотчас направилась в тыл войскам Пакто одновременно с фронтальным наступлением Корфа.

Император Александр, король Прусский и князь Шварценберг выехали из Витри утром в 9 часов по большой доро-

ге, ведущей через Суд-Сен-Круа в Фер-Шампенуаз. Вдали была слышна канонада, отдалявшаяся по мере наступления Союзных войск. Беспреданно приходили донесения об одержанных успехах. Достигнув Соммеса и видя множество раненых французов, лежавших на поле битвы, государь приказал подбрать их двум эскадронам лейб-казаков своего конвоя, а сам отправился далее и, прибыв в Фер-Шампенуаз, где для главной квартиры был назначен ночлег, предложил королю и князю Шварценбергу ехать в авангард. При нем оставались несколько лиц его свиты и один Лейб-казачий эскадрон (4-й эскадрон находился при главной квартире, в Фер-Шампенуазе). Вскоре мимо государя прошла рысью 23-я конная рота, отставшая от кавалерии графа Палена для пополнения зарядов. Через несколько минут прискакал офицер с запиской от генерала Кретова к графу Палену. Князь Волконский, взяв эту депешу, усмотрел, что Кретов извещал Палена о движении неприятеля в тыл союзникам к Фер-Шампенуазу. Князь Шварценберг, узнав о содержании записки, изъявил сомнение в достоверности показания Кретова, а государь с неудовольствием сказал князю Волконскому: «Какой вздор! Тебе всегда неприятель двоится». Союзные монархи, не обратив внимания на полученное известие, поехали далее, и вскоре перед ними появились войска, двигавшиеся прямо на Фер-Шампенуаз со стороны Шалона. Как оттуда не следовало идти ни союзникам, ни французам, то государь остановился и поручил разведать о том генерал-майору князю Волконскому, а фельдмаршал — своему адъютанту графу Кламму. Лишь только подъехали посланные к приближавшейся пехоте, по ним обоим были сделаны выстрелы. Император Александр, удостоверясь, что к Фер-Шампенуазу подходил неприятель, разослал во все стороны за войсками свою свиту, велел также воротить 23-ю конную роту и отдал ее в распоряжение прусского генерала Рауха. Полковник Марков, зарядив свои орудия картечами сверх ядер и гранат и выждав, пока неприятель подошел на ближайший картечный выстрел, открыл ускоренную пальбу; но как французы тогда стояли в лошине,

то ядра, пущенные в них, долетали до гусар Васильчикова, который, будучи тем введен в заблуждение, счел батарею Маркова неприятельской и выдвинул несколько орудий, приказав открыть по ней огонь. Четыре русских ядра полетели на высоту, где стоял государь. К счастью, недоразумение вскоре объяснилось. Васильчиков послал доложить императору, что его дивизия стоит позади французов, а государь велел сказать ему и Корфу, чтобы они не слишком теснили неприятеля, но дали время артиллерии расстроить его. Уже было около пяти часов пополудни, когда государь, заметив колебание в рядах неприятеля, послал приказание Корфу и Васильчикову — атаковать его. Французы отступали в четырех каре; одно из них, не выждав нападения, положило оружие; генерал-лейтенант Бороздин с Каргопольским и Новороссийским полками атаковал другое, в котором находился сам Пакто, рассеял неприятеля и взял семь орудий. Но прочие французские войска, сомкнувшись в одно большое каре, под начальством генералов Амей и Тевене, продолжали отступать к Сен-Гондским болотам, надеясь там найти верное убежище. Со стороны союзников беспрестанно прибывали войска; пехота Раевского бегом шла на выстрелы, однако же день уже склонялся к вечеру, и остальные французы могли спастись. Но генерал Депрерадович с Кавалергардским полком и четырьмя орудиями 6-й конной роты, двинувшись на рысях через Малый Морен и Ольне, вышел на дорогу, ведущую в Банн, и преградил неприятелю путь отступления. Послали требовать сдачи: император Александр — флигель-адъютанта Рапателя и генерального штаба капитана Дурново, а король Прусский — подполковника фон Тиле. Последний отправился в качестве парламентаря с трубачом. Генерал Пакто с подвязанной рукой, раздробленной картечью, бледный и изнемогавший от потери крови, но твердый духом, встретив прусского офицера, спросил: «Что вам нужно?» «Сдайтесь, — отвечал громко Тиле, — вы окружены со всех сторон». Пакто спокойно выслушал предложение, но поскольку между тем канонада русских батарей с каждой минутой усиливалась, он

отвечал: «Переговоры никогда не ведутся под картечью; не буду вести их, пока не прекратят пальбу», и объявил подполковнику Тиле, что остается в плену. Полковник Рапатель, махая белым платком, подъехал к французам, уговаривая их сдаться, и был убит пулей; говорят, будто бы в рядах этого самого каре стоял родной брат его. Непреклонность неприятеля заставила русских атаковать его со всех сторон: первые два эскадрона кавалергардов под начальством полковника Уварова, лейб-казаки, лейб-уланы и Северские драгуны врезались в каре; полки Кинбурнский и Смоленский драгунские с двумя эскадронами Лубенских гусар поддерживали эту последнюю решительную атаку. Сам государь вместе со своим конвоем въехал в каре и остановил кавалергардов, в пылу боя кинувшихся на один из батальонов, только что положивший оружие; напрасно многие напоминали государю об угрожавшей ему опасности. «Хочу пощадить их!» — отвечал он. Пакто и прочие пленные генералы были представлены императору Александру и королю Прусскому. Государь хвалил выказанную ими храбрость, приказав возратить им экипажи, и принял живое участие в судьбе пленных, которых на сем одном месте было более 3000 человек.

Сражение при Фер-Шампенуазе представляет блистательный пример победы, одержанной исключительно конницей над многочисленной пехотой с довольно значительной кавалерией. В начале боя со стороны французов сражались около 17 000 человек (12 300 пехоты и 4350 кавалерии) с 68 орудиями, против 5700 человек кавалерии с 36 орудиями (2000 графа Палена, 500 Иловайского 12-го, 1600 Кретова и 1600 принца Адама Вюртембергского); потом, когда пришли резервы (2300 человек графа Ностица и 2500 Депрерадовича и Ожаровского), число союзной кавалерии вообще возросло до 10 500 человек с 94 орудиями, а вместе с отрядом Сеславина до 12 000 человек. От Силезской армии прибыли 4000 человек (2000 Корфа и 2000 Васильчикова) с 34 орудиями, которые в продолжение шести часов сражались против 6000 человек с 16 орудиями генералов Пакто и Амей. Вообще же на

фер-шампенуазской равнине было 23 000 человек с 84 орудиями французов против 16 000 человек со 128 орудиями* Союзных войск. В числе последних было 12 000 человек русских и только 4000 вюртембергских и австрийских войск. Урон неприятеля убитыми, ранеными и пленными простирался, по собственному показанию французов, до 9000 человек, 60 орудий и более 350 зарядных ящиков; в действительности же из корпусов Мармона и Мортье убыло около 5000 человек, а из дивизии Амей и Пакто, в числе 5800 человек, весьма лишь немногим удалось избежать гибели либо плена, следовательно, неприятель вообще потерял до 11 000 человек или почти половину всего наличного числа людей. Орудий отбито и найдено на поле сражения союзниками 75. В числе пленных находились: дивизионные генералы Пакто и Амей; бригадные: Жамен, Делорт, Бонте и Тевене. Урон союзников в точности неизвестен, но, по всей вероятности, не превышал двух тысяч человек. В числе раненых был Л.-Гв. казачьего полка полковник Ефремов.

Дело при Фер-Шампенуазе, значительно ослабив войска Мармона и Мортье, облегчило союзникам покорение Парижа. В продолжение всего периода войн с 1792 по 1814 год кавалерия никогда не одерживала столь блистательного успеха.

25 марта ввечеру союзные войска были расположены следующим образом:

Авангард графа Палена у Сен-Лу, Гран-Брусси и Линт; кавалерия принца Адама у Плер; кирасиры графа Ностица и кавалерия Гиулая у Огнь; пехота 3-го, 4-го и 6-го корпусов между Корруа и Конантре; 5-й корпус, двигавшийся по проселочной дороге на Фо и Даммартен, прибыл к Фер-Шампенуазу; резервы Баркляя-де-Толли находились между Конантре и Ворефруа; главные квартиры императора Александра, короля Прусского и князя Шварценберга — в Фер-Шампенуазе. Из войск Силезской армии корпуса графа Ланжерона, Сакена и пехота Строганова расположились у Этожа, куда перешла главная квартира Блюхера; сам Ланжерон с войска-

* Из числа орудий едва лишь половина была введена в дело. (Прим. авт.)

ми 8-го корпуса генерала Рудзевича перешел к Ольне-о-Планш; кавалерия Корфа и Васильчикова стала на поле сражения. Корпуса Йорка и Клейста утром двинулись к Монмирайю; генерал Цитен с резервной кавалерией, находясь у Этожа, услышал сильную канонаду, гремевшую у Фер-Шампенуаза, и повернул вправо с большой дороги на Колиньи, но не успел принять участия в деле.

Приложение 4

Именной указатель

д'Артуа (1757–1836) — граф, французский принц из династии Бурбонов, брат Людовика XVIII, ярый реакционер, организатор военной интервенции.

Барклай-де-Толли Михаил Богданович (1761–1818) — русский полководец, в 1810–1812 годах военный министр и автор плана ведения войны против Наполеона; командовал 1-й Западной армией. В 1813 году командовал русскими войсками под Кульмом и Лейпцигом; с 1814 года — генерал-фельдмаршал.

Бельяр Огюстен Даниэль (1769–1831) — граф, французский генерал-майор кавалерии, участник войн Республики и Империи в период с 1792 по 1815 гг.; ранен при Бородине. После свержения Наполеона перешел на службу к Бурбонам.

Беннигсен Леонтий Леонтьевич (1745–1826) — генерал от кавалерии, русский военный деятель с 1773 года, уроженец Ганновера. Командовал корпусом и всеми русскими войсками (период с 1806–1807 гг.). В 1812 году был исполняющим обязанности начальника главного штаба армии. За интриги и противодействие Кутузову снят с этого поста. В 1813–1814 годах командовал резервной армией.

Бено Жак Клод (1761–1835) — граф, великий герцог Берга, французский политический деятель, депутат Законодательного собрания. После 18 брюмера поддержал Наполеона и был министром финансов. Активно поддержал Реставрацию.

Бернадот Жан Жюль Батист (1766–1844) — князь Понтекорво, маршал Франции (1804), сын адвоката. Военный министр при Директории в 1799 году. Король Швеции под именем Карл XIV Юхан (с 1818 по 1844). Участник наполеоновских войн, командовал корпусом. В 1810 г. отставлен Наполеоном за «своеволие»; под Ауэрштедтом оставил на произвол судьбы корпус Даву, под Прейсиш-Эйлау вообще не явился на поле боя. С 1813 года в антинаполеоновской коалиции. Был женат на бывшей невесте генерала Бонапарта Дезире Клаари. С 1813 г. принимал личное участие в боевых действиях против Наполеона; особо способствовал разгрому французов под Лейпцигом.

Бернонвиль Пьер (1752–1882) — маркиз, французский государственный деятель, сенатор. Участвовал в сражениях при Вальми и Жемаппе, был военным министром при республике, затем послом в Берлине и Мадриде. Активно содействовал свержению Наполеона.

Бертран Анри-Грасьен (1773–1844) — граф, французский генерал, военный инженер, участник наполеоновских войн, был адъютантом Наполеона и гофмаршалом. Последовал за Наполеоном на остров Эльба и остров Святой Елены. Впоследствии член палаты депутатов. Записал мемуары о походе Наполеона в Египет и Сирию, изданные сыном Бертрана.

Бертье Луи Александр (1753–1815) — князь Невшательский (1805), герцог Валанженский, князь Ваграмский (1809), маршал Франции (1804). Бессменный начальник штаба Наполеона с 1796 года. В 1814 г. перешел к Бурбонам. В период Ста дней покончил с собой, выбросившись из окна.

Бессьер Жан Батист (1768–1813) — герцог Истрийский (1809), маршал Франции (1804). Участник революционных и наполеоновских войн. Одержал крупную победу над двумя объединенными испанскими армиями в сражении при Медине дель Рио Сено 14 июля 1808 г. Погиб в сражении при Люцене.

Блюхер Гебгард Леберехт фон (1742–1819) — князь Вальштадтский, прусский генерал-фельдмаршал. Активный участник войн 1806–1807 и 1813–1815 гг. За свое пристрастие к наступательным действиям получил прозвище «генерал Вперед». В 1812 году по требованию Наполеона отстранен королем от службы, а в 1813 году назначен главнокомандующим прусской армии. Его войска сыграли решающую роль на заключительном этапе битвы при Ватерлоо.

Богарне Александр (1760–1794) — виконт из дворянской фамилии, известной с XIV в. Участник освободительной войны в Америке, два раза избирался председателем Национального Собрания, командовал Рейнской армией. Казнен по подозрению в заговоре во время якобинского террора. Первый муж Жозефины.

Богарне Евгений (1781–1824) — пасынок Наполеона, герцог Лейхтенбергский, великий наследный герцог Франкфуртский, генерал армии. В Египетском походе участвовал в чине капитана. Впоследствии вице-король Италии. В русском походе возглавил остатки Великой армии.

Богданович Модест Иванович (1805–1882) — русский военный историк, профессор, генерал-лейтенант. Учился в Дворянском полку Военной Академии, где в дальнейшем и преподавал. Участник военного похода в Польшу в 1831 году. Автор работ по всеобщей и русской истории военного искусства.

Бонапарт Жозеф-Франсуа-Шарль (1811–1832) — король Римский, герцог Рейхштадский (с 1818), принц Пармский, Пьяченцкий и Гвастальский, сын Наполеона от брака с Марией-Луизой. После отречения Наполеона был фактически заточен австрийцами в Шенбрунне и умер двадцати одного года, никогда не располагая никакими полномочиями, связанными со своими титулами. О его романтической судьбе Э. Ростаном написана пьеса «Орленок».

Бонапарт Жозеф (1768–1844) — старший брат Наполеона, с 1806 по 1808 — король Неаполитанский, с 1808 по 1813 — король Испанский.

Бонапарт Жером (1784–1860) — самый младший из братьев Наполеона; с 1807 по 1813 — король Вестфальский; командовал корпусом в Русском походе.

Бонапарт Мария Летиция, урожденная Рамолино (1750–1836) — мать Наполеона, с 1804 года носила титул мадам Мать; после ссылки Наполеона на остров Св. Елены жила в Риме вместе со своим сводным братом, кардиналом Фешем.

Бонапарт Луи (Людовик) (1778–1846) — брат Наполеона, король Голландии Людвиг с 1806 по 1810; «король-меланхолик», писал романтическую прозу (роман «Мария, или Страдания любви»). Был женат на падчерице Наполеона Гортензии де Богарне; их сын Наполеон (1808–1873) стал королем Франции Наполеоном III.

Бонапарт Люсьен (1775–1840) — брат Наполеона, герцог Канино и Музиньяно. Ему как председателю Совета Пятисот Наполеон был обязан удачей переворота 18 брюмера. С 1810 года жил в Англии, находясь в ссоре с Наполеоном, поскольку последний не признал его брака; писал стихи. Единственный из всех братьев отказался от какого-либо королевского титула. Его мемуары опубликованы в 1836 году.

Боннар Эннемон (1756–1819) — французский дивизионный генерал. Активный участник наполеоновских войн. При Бурбонах ушел в отставку.

Бордесуль (1771–1837) — барон, французский генерал гвардейской кавалерии, получил чин полковника за сражение при Аустерлице, генерала — за сражении при Фриланде. Участник испанского и русского походов. Перешел к Бурбонам с корпусом Мармона.

Брюн Гийом (1763–1815) — маршал Франции. Участник Французской революции. В 1799 г. командовал Французской армией в Голландии. Убит во время белого террора 1815 года.

Бурбоны — династия французских королей, правившая в 1589–1792 и 1814–1830, исключая период Ста дней (с 14 марта по 22 июня 1815 г.).

Бурьенн Луи Антуан (1769–1832) — французский политический деятель и дипломат. Был одно время секретарем Наполеона и дипломатическим представителем Франции в Гамбурге. После реставрации был назначен префектом полиции; учился в Бриеннском училище вместе с Наполеоном.

Бюлов Фридрих Вильгельм фон (1755–1816) — граф, прусский генерал. Участник войн с Францией в 1792–1795, 1806–1807 и 1813–1815 годах. В лейпцигском сражении и при Ватерлоо командовал корпусом.

Валазе Элеонор Бернар-Анне-Кристоф Зоа Фриш дю (1780–1838) — барон, французский генерал. Начал службу в 1801 году, отличился при Аустерлице; в 1807–1809 командовал в Испании. Участник сражений при Люцене и Бауцене, при Ватерлоо командовал дивизией.

Вандам Доминик Жозеф Рене (1770–1830) — граф Юнебургский, французский генерал (стал им в 23 года), из солдат, командовал корпусом,

участник битв при Абендсберге и Экмюле. Разбит и взят в плен под Кульмом 19 августа 1813 г. Отличался чрезмерной жестокостью. Во время Ста дней примкнул к Наполеону, но потом перешел на сторону Бурбонов, изгнан из Франции в 1816 году и жил в Северной Америке.

Веллингтон Артур Уэлсли (1769–1852) — князь Ватерлоо, герцог Сиуаад-Родригский, герцог Виторийский, английский государственный деятель, дипломат и фельдмаршал (1813). В войнах с наполеоновской Францией командовал союзными войсками на Пиренейском полуострове (1808–1813) и англо-голландской армией при Ватерлоо (1815). В 1819–1841 гг. занимал посты сначала министра, а затем главы английского правительства. В 1841–1846 — министр без портфеля.

Вердье Жан Ангуан (1767–1839) — граф, французский дивизионный генерал. Участник наполеоновских войн. В 1815 г. вышел в отставку.

Винценгероде Фердинанд Федорович (1770–1818) — барон, генерал-адъютант Александра I; служил то в австрийской, то в русской армии, куда перешел в 1797 году во время мирных переговоров Австрии с Наполеоном. Был зачислен в кирасирский полк адъютантом вел. кн. Константина. Командовал партизанским отрядом, попал в плен и отправлен во Францию. Под Люценом командовал всей союзной кавалерией.

Виктор Клод Перрэн (1764–1841) — герцог Беллюнский, маршал Франции (1807). Участник наполеоновских войн. Неудачно сражался на двинском фронте против русских в 1812 году. Перешел на службу к Бурбонам. В 1821–1823 гг. военный министр Франции.

Витгенштейн Петр Христианович (1769–1843) — граф, фельдмаршал. В 1812 году прикрывал путь на Петербург, успешно сражаясь с Удино, Виктором и Сен-Сиром.

Во Ангуан Жозеф (1764–1817) — французский бригадный генерал. Участник наполеоновских войн.

Волконский Петр Михайлович (1776–1852) — князь, русский генерал-фельдмаршал (1843), член Государственного Совета. В 1810–1812 годах — главный квартирмейстер русской армии, в 1813–1814 — начальник штаба. Участник Венского конгресса. С 1815 года возглавлял военное управление России.

Вреде Карл Филипп (1767–1838/39) — князь, баварский генерал-лиссимус, участник войн с Наполеоном.

Георг III (1738–1820) — английский король, до 1815 г. курфюрст, затем король ганноверский. Принимал активное участие в борьбе против Французской революции и организации антинаполеоновских коалиций. В связи с помешательством с 1811 г. правил под регентством принца Уэльского, ставшего в 1820 г. королем Англии Георгом IV.

Гиулай (Дьюлай) Игнатий (1763–1831) — граф, австрийский фельдцейхмейстер. В 1809 г. командовал австрийским корпусом в Италии; в 1813–1814 гг. участвовал в сражениях при Дрездене, Лейпциге, Бриенне и Ла-Ферте-сюр-Обе.

Гнейзенау Фридрих Вильгельм Антон Нидхарат фон (1760—1831) — граф, прусский генерал, затем фельдмаршал. С 1808 года ушел в отставку, но при начале освободительной войны в Германии вернулся и стал начальником штаба у Шарнхорста. Умер от холеры.

Голицын Борис Владимирович (1769—1813) — русский генерал-лейтенант; перед войной 1812 года ушел в отставку, но вернулся и воевал в заграничном походе русской армии.

Готенцоллерны — династия бранденбургских курфюрстов в 1415—1701, прусских королей в 1701—1871 и германских императоров в 1871—1918 годах.

Горчаков А. И. (1779—1855) — князь, генерал от инфантерии, принимал участие в итальянском и швейцарском походах Суворова, отличился под Фридандом, в 1814 году — командир корпуса.

Груши Эммануэль де (1768—1847) — маркиз, маршал Франции. С 1792 года участник наполеоновских войн, командовал кавалерией. Сыграл роковую роль в битве при Ватерлоо.

Гувион Луи Жан Батист (1752—1823) — французский дивизионный генерал. Участник наполеоновских войн.

Гурго Гаспар (1783—1852) — французский генерал. Спас жизнь Наполеону во время русского похода. Последовал за императором на остров Святой Елены, где жил до 1818 года.

Густав II Адольф (1594—1632) — выдающийся шведский полководец, с 1611 по 1632 — король Швеции.

Гюйо Жан Жозеф (1758—1817) — французский генерал, участник итальянской кампании.

Даву Луи Никола (1770—1823) — герцог Ауэрштедтский, князь Экмюльский, маршал Франции (1809). Участник наполеоновских войн. В 1810 году генерал-губернатор Гамбурга. В период Ста дней военный министр, организовавший последнюю армию Наполеона.

Далузи Джордж Рамсей (1770—1838) — граф, английский генерал. Командовал экспедиционными войсками в Канаде и Индии, участник войны в Испании.

Дарю Пьер Антуан Ноэль Мэттью Брюно (1767—1829) — граф, французский государственный деятель, особых успехов достиг при Наполеоне. Главный комиссар Великой армии, затем военный министр.

Дезе Луи Шарль Антуан (1768—1800) — французский генерал. При Маренго, прекратив обходной маневр, вернулся на поле боя и превратил поражение французов в победу; погиб в сражении.

Дево Пьер (1762—1818) — барон, французский генерал, на службе с 1782 года, с 1802 года бригадный генерал, участвовал в сражениях при Люцене, Бауцене, Ганау.

Дерутте Жозеф Франсуа (1767—1837) — французский генерал. Начал службу волонтером с 1792 года, участник битвы при Жемаппе; с 1803 — дивизионный генерал, комендант г. Мец, который он оборонял

до самого отречения Наполеона, и его жители преподнесли генералу золотую шпагу. Ушел с военной службы после поражения Наполеона под Ватерлоо.

Дессоль Жан Жозеф Поль Огюстен (1767—1828) — маркиз, французский генерал, на службе с 1792 года, участник войн в Испании и похода 1812 года, после которого ушел со службы. В 1814 году назначен генерал-аншефом Национальной гвардии. Резко выступал против регентства Марии-Луизы и за реставрацию Бурбонов. При Бурбонах стал премьер-министром.

Дибич-Забалканский Иван Иванович (1885—1831) — граф, русский генерал-фельдмаршал, в 1813—1814 годах был начальником штаба русско-прусских войск, с 1823 — начальник Главного штаба.

Дохтуров Дмитрий Сергеевич (1761—1816) — русский генерал, отличился в боях под Смоленском, Бородино, Малоярославцем и в походе 1813—1814 годов.

Друэ Жан Батист (1765—1844) — граф д'Ерлон, французский генерал, маршал Франции (1843). С 1799 года — бригадный генерал, с 1800 — дивизионный, участник сражений при Йене, Фридланде. С 1807 года командор Почетного Легиона. Во время Ста дней примкнул к Наполеону, участник сражения при Ватерлоо. Потом скрывался в Мюнхене и вернулся во Францию после амнистии 1825 года.

Друо Антуан (1774—1847) — граф, французский генерал. Участник наполеоновских войн; командовал гвардейской артиллерией.

Дюмерк Жан Пьер (1767—1847) — барон, французский генерал-лейтенант. Начал службу волонтером в 1791 году, с 1811 — дивизионный генерал. Во время Ста дней перешел на сторону Наполеона.

Дюмустьер Пьер (1771—1831) — граф, генерал. В 1804 стал полковником. Принимал участие в сражениях при Ульме, Аустерлице, Йене, Пултуске. В описываемый период участвовал в битвах при Люцене и Бауцене. Особенно отличился в сражении при Дрездене.

Дюпон де Л'Етан Пьер (1765—1840) — граф, французский генерал, после 18 брюмера примкнул к Бонапарту, генерал резервной армии в Дижоне, участник Итальянской кампании, сражения под Лейпцигом; воевал под командованием Нея и Мортье. После катастрофы в Байлене Наполеон сказал о нем: «Несчастный Дюпон! После таких блестящих успехов один день погубил всю карьеру!»

Дюрок Жерар Кристоф Мишель (1772—1813) — герцог Фриульский, маршал Франции, обергофмаршал, первый адъютант Наполеона. Сопровождал Наполеона во всех походах и был необычайно ему предан. Один из немногих, к кому был искренне привязан и Наполеон. Погиб в сражении при Рейхенбахе (Бауцен) 22 мая 1813 года.

Ермолов Александр Петрович (1777—1861) — русский генерал от инфантерии, участник войн с Наполеоном, начальник штаба 1-й армии в 1812 году, в 1813—1814 годах — командир дивизии и корпуса; отрица-

тельно относился к засилью немцев на русской службе. В 1816—1827 годах — главнокомандующий Кавказского корпуса и Грузии.

Жерар Этьен Морис (1773—1855) — маршал Франции с 1831 года. Участник наполеоновских войн; особо отличился при Бауцене, где командовал 4-м корпусом. Перешел к Бурбонам.

Жиранден Александр де (1776—1855) — граф, французский генерал-лейтенант. Ранен при Аустерлице; с 1806 года — полковник драгун, с 1811 — бригадный генерал. В кампанию 1813—1814 годов — дивизионный генерал. Перешел на сторону Бурбонов.

Жозефина Мария Роза Таше де ля Пажери де Богарне (1763—1814) — первая жена Наполеона, французская императрица (1804—1810). В первом браке за Александром Богарне, от которого имела двоих детей — Евгения и Гортензию. Родилась на острове Мартиника. Вышла замуж за генерала Бонапарта в 1796 году и содействовала через своего любовника Барраса в его назначении главнокомандующим Итальянской армией. В 1804 году коронована императрицей. В 1810 году Наполеон разошелся с ней, оставив императорский титул и содержание. Умерла в Мальмезоне.

Жомини Ангуан Анри (Генрих Вениаминович) (1779—1869) — генерал от инфантерии, швейцарец. В 1804—1813 гг. во французской армии, в 1813—1855 гг. — в русской. Один из основателей Военной академии в России, открытой в 1832 г.

Журдан Жан Батист (1762—1817? или 33) — граф, маршал Франции, якобинский генерал, командующий армией; при Директории поддерживал якобинцев. Участник наполеоновских войн; одержал блестящую победу в 1794 году при Флерюсе. После революции 1830 года министр иностранных дел.

Жюно Андош (1771—1813) — герцог д'Абрантес, французский генерал. Из крестьян, один из ближайших сподвижников и друзей Наполеона, единственный, не ставший маршалом. В 1807 г. за безудержную разгульную жизнь, которую он вел в Париже, был отправлен вместе с женой герцогиней д'Абрантес в Португальский поход, и армия Жюно 19 ноября того же года без единого выстрела занял Лиссабон. В 1812 году за неудачные действия в русском походе был удален Наполеоном из армии. В 1813 г., потерпев поражение в Иллирии, сошел с ума и покончил с собой, выбросившись из окна.

Иллер Жан де (1754—1819) — барон, австрийский генерал. В 1813 году командовал австрийской артиллерией, освобождал Иллирию, был военным комендантом Галиции.

Йорк Людвиг фон Вартенбург (1759—1830) — граф, прусский фельдмаршал. В 1812 году, командуя 37-й прусской дивизией в составе 10-го корпуса Макдональда, участвовал в походе Наполеона на Россию. Практически не вел боевых действий и, оказавшись в прямом соприкосновении с русскими войсками, подписал 30 декабря на Пошерунской мельнице Таурогенскую конвенцию с представителем русской армии генерал-майором

ром Дибичем о взаимном нейтралитете. Его примеру последовал Шварценберг, подписав конвенцию с Милорадовичем. С февраля 1813 г., после подписания прусско-российского договора в Калише, командовал корпусом в антинаполеоновской коалиции.

Кабанис Пьер Жан Жорж (1757–1808) — врач, литератор и философ, сыгравший во время революции большую роль в реорганизации медицинского образования; занимался вопросами токсикологии.

Кайсаров Паисий Сергеевич (1783–1844) — участник войн с Наполеоном; в 1812 году в звании полковника был дежурным генералом 1-й и 2-й армий.

Камбасерес Жан-Жак Режи (1753–1824) — герцог Пармский, французский политический деятель, был членом Конвента, комитета Общественного спасения; во время Директории — министр юстиции. После переворота 18 брюмера — второй консул, редактор Гражданского кодекса. Архиканцлер империи и председатель Сената. Удерживал Наполеона от похода в Россию. В 1814 году голосовал за низложение Наполеона, но во время Ста дней вновь примкнул к нему. В изгнании до 1818 года.

Камбронн Пьер Жак Этьен (1770–1842) — французский генерал, участник войн республики и империи. При Ватерлоо, проявив большое мужество, командовал гвардией и произнес при предложении почетной сдачи бессмертную фразу: «Дерьмо! Гвардия умирает, но не сдается!» Был тяжело ранен, взят в плен и отвезен в Англию.

Кампан Жан Доминик (1769–1845) — французский генерал, участник войн Республики и Империи, участвовал в сражении при Нови; командовал пехотной дивизией в корпусе Даву.

Карл Людвиг Иоганн (1771–1847) — эрцгерцог, австрийский полководец и военный писатель.

Карлейль Томас (1795–1881) — английский публицист, историк и философ; выдвинул концепцию «героев», которые являются единственными творцами истории.

Карно Лазар (1769–1823) — французский математик, военный инженер и политический деятель (отец известного физика), заведовал военными делами в Комитете общественного спасения, член Директории. Протестовал против Империи, но во время Ста дней примкнул к Наполеону и стал министром внутренних дел, получил титул графа. После реставрации Бурбонов изгнан из страны.

Келлерман Франсуа Кристоф (1735–1820) — маршал Франции (1804), герцог Вальми. Участник революционных войн, сыграл решающую роль в победе при Вальми, до 1797 года командовал Альпийской армией; после 18 брюмера стал сенатором и инспектором кавалерии. Во время империи командовал резервными войсками.

Келлерман Франсуа Этьенн (1770–1835) — герцог Вальми, французский генерал, сын маршала Келлермана. С Наполеоном с 1796 года, решил судьбу сражения при Маренго. В 1807–1810 годах — в Испании и

Португалии; один из лучших кавалерийских генералов Наполеона. Во время Ста дней участник битв при Линьи и Ватерлоо. После смерти отца в оппозиции в палате пэров.

Кестльри Генри Роберт Стюарт (1769—1822) — виконт, лорд Лондондерри, английский дипломат, военный министр и министр иностранных дел в 1812—1822 годах. В январе 1814 года прибыл на континент, чтобы сплотить антинаполеоновскую коалицию, участник конгрессов в Шатильоне, Вене; сподвижник Веллингтона.

Кёрнер Теодор (1791—1813) — немецкий поэт и драматург. Родился в Дрездене. Обучался у Фихте и Гумбольдта. Написал 15 пьес и множество стихотворений. Его творчество очень ценил Гёте, ставивший его пьесы «Црини» и «Возмездие» в своем театре. В 1813 г. одним из первых отозвался на призыв Прусского двора освободить Германию от французского ига. Вступил в партизанский отряд Лююва. После объявления перемирия в мае тяжело ранен в голову в момент переговоров. Погиб в первой же стычке (при Гадебуше) по окончании перемирия.

Посмертный был издан в 1814 г. его сборник стихотворений «Лира и меч».

Кларк Анри Жак Гильом (1765—1818) — маршал Франции, герцог Фельтрский, французский генерал и дипломат, с 1807 года — военный министр. Был сыном незначительного офицера, смотрителя продовольственного склада. В 1814 году перешел на сторону Бурбонов и в 1815—1817 годах вновь занимал пост военного министра.

Клаузевиц Карл фон (1780—1831) — прусский генерал, немецкий военный теоретик и историк военного искусства; адъютант принца Августа Прусского, начальник Военно-реорганизационного комитета. Участвовал в проведении военной реформы в Пруссии в 1808—1809 годах, активный сторонник войны против Наполеона. Во время войны 1812 года и до 1815 был на службе у русских (квартирмейстер кавалерийского корпуса Палена, затем Уварова) и принимал участие в ряде сражений (Смоленск, Бородино). Последователь философии Гегеля, Канта и Фихте.

Клозель Бертран (1772—1842) — французский генерал, начал службу с 1792 года, с 1799 — бригадный генерал. Воевал в Голландии, Италии, Иллирийских провинциях и России. Перешел к Бурбонам, но во время Ста дней вновь присоединился к Наполеону. Был приговорен к расстрелу, но все-таки помилован.

Клейст Фридрих Генрих Фердинанд Эмиль фон Ноллендорф (1762—1823) — прусский фельдмаршал. В 1812 г. вторгся в Россию в составе наполеоновской армии; в конце того же года со всем своим корпусом присоединился к русской армии. Активный участник войны 1813—1814 гг. в составе антинаполеоновской коалиции.

Кленау Иоганн (1760—1822) — граф, австрийский генерал. С 1793 по 1813 гг. участник войн против Французской республики и Империи.

Коленкур Арман Огюстен Луи (1772—1827) — маркиз, граф, французский генерал, герцог Виченцкий, дипломат; с 1801 года был послом

Франции в Петербурге. Один из немногих аристократов, верно служивших Наполеону; с ним Наполеон возвращался в Париж после разгрома армии под Березиной. После Ста дней был помилован по ходатайству Александра I. Оставил мемуары «Поход Наполеона в Россию».

Коллоредо-Мансфельд Иероним (1775–1822) — австрийский генерал-фельдцейхмейстер. Участник войн с Францией 1792–1815 гг.

Конгрэв Уильям (1772–1828) — английский конструктор, полковник, автор многих типов пороховых ракет и инициатор их боевого применения.

Конде Луи Антуан де Бурбон (1772–1804) — герцог Энгийенский, принц Конде, отпрыск младшей ветви королевского дома Бурбонов; был схвачен по приказу Наполеона Коленкуром в Эттенгейме на территории независимого герцогства Баденского по ложному обвинению Талеирана в заговоре Кадуая и Дюмурье и 21 марта расстрелян во рву Венсенского замка.

Коновницын Петр Петрович (1764–1822) — граф, русский генерал от инфантерии. В войну 1812 года был командиром дивизии, состоял в штабе Кутузова. Участник Бородинского сражения и заграничных походов. С 1819 года — директор Царскосельского лицея.

Констан Вери (1778–1845) — камердинер Наполеона. Первоначально слуга Евгения де Богарне. Оставил воспоминания.

Корбино Жан Батист Ювенал (1776–1848) — граф, французский генерал от кавалерии. В битве при Бриенне спас Наполеону жизнь во время нападения казаков. Участвовал в битве при Ватерлоо. Далее служил Бурбонам.

Корвизар Жан Никола (1755–1821) — барон, «правительственный врач», придворный медик. Занимался организацией госпиталей и медицинских школ во время революции. С 1799 года личный врач Наполеона и Жозефины, принимал роды у Марии-Луизы и был с Наполеоном до его ссылки на остров Эльба.

Кюриаль Филибер Жан-Батист Франсуа Жозеф (1770–1829) — французский генерал. После реставрации подчинился Бурбонам, но во время Ста дней перешел на сторону Наполеона.

Лавалет Антуан-Мари (1769–1830) — граф, французский политический деятель, генерал-почтдиректор Империи. Был известен своей преданностью Наполеону; за переход на сторону Наполеона в 1815 году арестован и приговорен к смертной казни, но спасся, переодевшись в платье жены. В 1822 году помилован и вернулся во Францию.

Лагранж Жозеф (1761–1836) — граф, французский генерал. Начал службу в 1794 году капитаном волонтеров, участвовал во всех кампаниях Наполеона. После реставрации скрывался до Ста дней, но в 1817 году стал членом Кабинета военного министерства.

Ланн Жан (1769–1809) — герцог Монтебелло, маршал Франции (1804). Один из ближайших сподвижников и друзей Наполеона, был прозван его Роландом. Смертельно ранен в сражении при Асперне.

Ларрей Доминик Жан (1766–1842) — французский врач, главный хирург наполеоновской армии. Участник Египетской экспедиции и всех

последующих военных кампаний Наполеона. Организатор хирургической помощи и походных лазаретов.

Латур-Мобур Виктор Николая (1768–1850) — маркиз, французский генерал, кавалерист. Участник наполеоновских войн. Потерял обе ноги в сражении при Лейпциге.

Ледрю дез'Эссар Франсуа Рох (1765–1844) — граф, французский генерал, начал службу волонтером с 1792 года, с 1811 — дивизионный генерал; отличился при Вене, Ваграме, Аустерлице. Прикрывал переправу через Березину в 1812 году. Приветствовал Реставрацию, в 1821 году получил звание пэра.

Лефевр Жорж Франсуа Жозеф (1755–1820) — маршал Франции (1804), сын мельника. Начал службу рядовым, 18 брюмера поддержал Наполеона; в 1808 году воевал в Испании, в 1812–1814 годах командовал Старой гвардией. Во время Ста дней вернулся к Наполеону.

Лористон Александр Жак Бернар Лоу (1768–1828) — маркиз, французский генерал, государственный деятель и маршал (с 1828). Наполеон использовал его для дипломатических поручений; с 1811 года — посол в Петербурге. В битве при Ваграме командовал артиллерией; в битве при Лейпциге попал в плен, перешел на сторону Бурбонов.

Люцов (Лютцов) Адольф Фрайхер фон (1782–1834) — немецкий генерал, создатель так называемых отрядов Люцова, или иначе «черных егерей», «вольных стрелков» — летучих отрядов, нападавших на тылы и коммуникации армии Наполеона в 1813 году. Они наносили французам значительный вред, о чем, например, свидетельствует тот факт, что перемирие лета 1813 года не распространялось на отряды Люцова. Основным ядром этих отрядов было прогрессивное студенчество немецких университетов и творческая молодежь.

Макдональд Жак Этьенн Жозеф Александр (1765–1840) — маршал Франции (1809), герцог Тарентский, шотландец по происхождению. С 1784 года на службе у французов, занял Рим, был военным губернатором Ватикана. Был разбит Суворовым при Треббии. Одним из последних, наряду с Коленкурмом, оставил Наполеона в 1814 году. Во время Ста дней перешел к Бурбонам.

Мальбуа Жан-Пьер-Мари-Годен (1787–1864) — французский политический деятель; с 1807 года служил офицером в кавалерии; при Бурбонах ушел в частную жизнь.

Маре Гюго-Бернар (1763–1839) — герцог Бассано, французский политический деятель, адвокат и публицист; одно время был статс-секретарем Наполеона. С 1811 по 1814 г. министр иностранных дел. В 1812 году занимался снабжением армии и координацией системы связи между Парижем и ставкой Наполеона. В 1814–1815 годах наладил постоянную связь с островом Эльба. Во время Ста дней вновь занял пост министра иностранных дел. После второй реставрации Бурбонов изгнан и возвратился только в 1820 году.

Мария-Луиза (1791—1847) — вторая жена Наполеона, французская императрица (1810—1814). В 1811 г. родила сына, который получил имя Наполеона II с титулом Римского короля, а с 1818 г. — герцога Рейхштадского. С 1812 г. возглавляла регентство. После отречения Наполеона поселилась с сыном в Австрии в Шенбрунне. В 1816 г. по настоянию императора Франца была разлучена с сыном, а в 1821 г. вступила в морганатический брак с графом Нейпергом. С 1816 г. владела обширными областями в Италии с титулом герцогини Пармской, но в 1831 г. была лишена их итальянскими повстанцами.

Мармон Огюст-Фредерик Луи Виес де (1774—1852) — герцог Рагузский, маршал Франции (1809), адъютант генерала Бонапарта, участник переворота 18 брюмера, командовал артиллерией. Одно время управлял «Иллирийскими провинциями». В 1811—1812 годах командовал французскими войсками в Португалии. В 1814 году предал Наполеона, сдал столицу союзникам, убедил свои войска (8-тысячный корпус) перейти на сторону противника и сам перешел к Бурбонам, от которых получил звание пэра. В Июльскую революцию 1830 года командовал королевскими войсками против народа, затем эмигрировал в Англию и Австрию. Оставил обширные мемуары.

Маршан Жан Габриэль (1765—1851) — граф, французский генерал, участник наполеоновских войн. Проявил большую активность в борьбе против нашествия коалиции в 1814 году. Во время Ста дней отказался перейти на сторону Наполеона.

Массена Андре (1758—1817) — герцог Риволийский, князь Эслингенский, маршал Франции (1804); имел прозвище «любимое дитя Победы». Сын виноторговца, в молодости занимался контрабандой. Отличился в Итальянском походе 1797—1800 гг. Нанес поражение русским войскам в Швейцарии в 1799 году, разбив корпус Римского-Корсакова при Цюрихе. После поражений в Испании получил отставку и был заменен Мармоном. Перешел на сторону Бурбонов и после Ватерлоо стал военным губернатором Парижа. Написал мемуары, изданные в 1848—1849 гг.

Мервельдт Максимилиан (1766—1815) — австрийский генерал. Участник кампаний 1792—1794 гг. В 1797 г. уполномоченный по ведению переговоров в Кампо-Формио. В 1813 г. под Лейпцигом был взят в плен французами.

Мерлен Антуан Франсуа Эжен (1778—1854) — граф, французский гусарский генерал, воевал в Вандее и Рейнской армии, сопровождал Наполеона в Египте и Сирии. Во время Ста дней вернулся к Наполеону и занимался организацией резервов в Венсенне.

Меттерних-Винбург Клемент Венцель (Венцеслав) (1773—1859) — князь, герцог Портельский, австрийский дипломат. В 1809—1848 гг. канцлер и бессменный министр иностранных дел Австрии. Играл большую роль в переговорах коалиции с Наполеоном в 1813—1814 годах. Один из организаторов Венского конгресса и Священного Союза. После революции 1848 года бежал в Англию.

Милорадович Михаил Андреевич (1771–1825) — граф, русский генерал от инфантерии, в войне с Турцией командовал корпусом, при преследовании Наполеона в 1812 г. — авангардом русских войск. Принимал активное участие в войне 1813–1814 гг. С 1818 года — военный губернатор Петербурга, во время декабрьского восстания смертельно ранен П. Г. Каховским.

Милю Жан Батист (1766–1833) — граф, французский дивизионный генерал, участник большинства войн республики и империи.

Михайловский-Данилевский Александр Иванович (1790–1848) — русский военный историк, генерал-лейтенант, член Российской АН; в войну 1812 года был адъютантом Кутузова, в заграничном походе 1813–1814 годов — адъютантом Александра I.

Молитор Габриэль Жан Жозеф (1770–1849) — граф, французский генерал-адъютант. Начал службу волонтером в 1791 году, с 1799 г. — бригадный генерал. В 1814 году в корпусе Макдональда. Перешел к Бурбонам. В период Ста дней занимался мобилизацией Национальной гвардии.

Монк Джордж (1608–1669) — английский генерал, один из главных деятелей реставрации Стюартов (1660).

Монсей Роз-Адриан Жанно (1754–1842) — граф, маршал Франции, участник революционных и наполеоновских войн. В 1801 году назначен генерал-инспектором жандармерии. Во время Ста дней перешел на сторону Наполеона.

Монталиве Жан Пьер де (1766–1823) — граф, французский политический деятель. При Наполеоне был префектом, членом Государственного совета, начальником управления мостов и дорог, министром внутренних дел и секретарем регентского совета в 1814 году.

Учился вместе с Наполеоном в Бриеннском училище.

Монтгомери Аламейнский Бернард Лоу (1887–1976) — виконт, английский фельдмаршал (1944). Во 2-ю мировую войну командовал 8-й армией в Северной Африке (1942), которая в боях под Эль-Аламейном нанесла поражение итало-немецким войскам. В 1944–1945 командовал 21-й группой армий в Нормандии, Бельгии и Северной Германии. В 1946–1948 — начальник имперского Генштаба, в 1951–1958 — 1-й заместитель главнокомандующего вооруженными силами НАТО в Европе.

Монтеस्कью-Фезанзак Амбруаз Анатоль Август де (1764–1834) — граф, французский генерал, поэт, политический деятель; начал службу в 1809 году солдатом; обер-камергер при дворе Наполеона, муж воспитательницы Римского короля. Был с Наполеоном на о. Эльба, потом сопровождал Римского короля в Вену.

Моран Луи Шарль (1771–1835) — французский генерал, чья дивизия первой начала вступление в Россию в 1812 году.

Моро Жан-Виктор (1763–1813) — французский генерал. Был разбит Суворовым при Кассано в 1799 г. После переворота 18 брюмера — главнокомандующий Рейнской армией. Разбил австрийцев при Гогенлиндене 2–3 декабря 1800 г. По многим свидетельствам, Наполеон считал его своим

соперником по военной славе. В 1804 г. Наполеон обвинил его в участии в роялистском заговоре и выслал в Америку. В 1813 году по приглашению Александра I Моро вернулся в Европу и состоял советником при главной квартире союзников. Был смертельно ранен в битве под Дрезденом. Похоронен в Санкт-Петербурге в католическом костеле (Невский пр., 32—34).

Мортье Эдуард Адольф (1768—1835) — герцог Тревизский, маршал Франции (1804). Сын торговца, принял активное участие в революции. В Русском походе командовал Молодой гвардией, был военным губернатором Москвы, при отходе взорвал часть стен Кремля. В 1814 г. подписал акт о капитуляции Парижа; во время Ста дней примкнул к Наполеону. После 1830 г. был послом в России, с 1834 г. — военным министром Франции. Погиб при покушении на Луи-Филиппа.

Мутон Деверне Роже Бартелеми Жорж (1770—1838) — барон, граф Лобо (Лобау), генерал, адъютант Наполеона во время русского похода и войн 1813—1814 годов. Первым посоветовал Наполеону отступить из России «немедленно и по кратчайшей дороге». В 1813 году попал в плен, в 1814 вернулся во Францию, в 1815 году после Ватерлоо снова взят в плен и вернулся в 1818-м.

Мэйзон Никола Жозеф (1771—1840) — маркиз, с 1828 года маршал и пэр Франции. Начал службу волонтером в 1792 году, участвовал во всех кампаниях Наполеона. Потом служил Бурбонам, был послом в Петербурге.

Мюллер Жак Леонар (1749—1824) — французский генерал. Участник наполеоновских войн.

Мюрат Иоахим (1767—1815) — маршал Франци (1804), герцог Бергский и Клевский, король Неаполитанский и обеих Сицилий (1808—1815). Шурин Наполеона (был женат на его сестре Каролине), сын трактирщика. В 1795 году, будучи адъютантом Бонапарта, активно способствовал подавлению мятежа роялистов в Париже, доставив в город пушки. Участник переворота 18 брюмера. Командовал кавалерией, неприменный начальник кавалерийского авангарда; считался «лучшей саблей Европы». Во время Ста дней перешел на сторону Наполеона, пытался высадить десант в Калабрии. Расстрелян Бурбонами.

Мюфлинг Фредерик-Фердинанд-Шарль де (1775—1851) — барон, прусский генерал и военный писатель. Начал вести записи с 1806 года. В 1813 году — генерал Силезской армии, брал Париж. В 1815 году — генерал-квартирьер у Веллингтона.

Нансути Этъен Антуан-Мари де Шампион (1768—1815) — граф, французский генерал, кавалерист. В 1813 г. командовал гвардейской кавалерией. После Лейпцигской битвы произведен Наполеоном в генерал-полковники. После отречения Наполеона Бурбоны почтили искалеченного и едва живого генерала званием «капитана мушкетеров».

Наполеон Бонапарт (1769—1821) — основатель династии Бонапартов. Родился в Аяччо на о. Корсика 15 августа 1769 г. С 1778 г. в Бриенском

военном училище, с 1784 г. в Парижской военной школе, в 1785 г. выпущен в чине младшего лейтенанта артиллерии и направлен в полк, расположенный в Валансе, недалеко от Лиона. В 1791 г. — поручик, в 1792 г. — капитан, в 1795 г. (после взятия Тулона) — дивизионный генерал. В 1796—1797 гг. возглавлял Итальянский поход, в 1798—1799 гг. — Египетский поход. В результате переворота 18 брюмера (9 ноября) 1799 г. стал первым консулом, в 1804 г. — императором Франции. В 1814 г. отрекся от престола и заточен на о. Эльба, но 21 марта 1815 г. вновь захватил власть (период Ста дней); после поражения при Ватерлоо (18 июня 1815 г.) вновь отрекся от престола и выслан на о. Св. Елены, где и скончался 5 мая 1821 г.

Нейпер Чарльз Джеймс (1782—1853) — английский генерал (из рода известного математика Непера, 1550—1617); на военной службе с 12 лет. С 1798 по 1803 гг. сражался против инсургентов в Ирландии, с 1804 года — пехотный майор в армии Веллингтона в Испании. Участник битвы при Ватерлоо. В Пиренеях воевали также его братья сир Вильям (1785—1860) и сир Чарльз (1786—1860), также ставшие впоследствии генералами.

Нарбонн Луи де (1755—1813) — граф, генерал и дипломат. В начале революции был военным министром, после свержения монархии эмигрировал. После переворота 18 брюмера вернулся во Францию. Сопровождал Наполеона в качестве адъютанта в Русском походе.

Ней Мишель (1769—1815) — герцог Эльхингенский, князь Московский, маршал Франции (1804), один из самых выдающихся военачальников Наполеона, «железный Ней», «храбрейший из храбрых», «Рыжий». Спас остатки армии в 1812 году после бегства Мюрата. Был расстрелян Бурбонами за переход на сторону Наполеона во время Ста дней.

Неверовский Дмитрий Петрович (1771—1813) — русский генерал-лейтенант, командир 27-й пехотной дивизии, участник русско-турецкой и русско-польской войн. При Бородине оборонял Семеновские флеши. Смертельно ранен при Лейпциге; прах его перевезен в Россию и захоронен на Бородинском поле.

Нейперг Адам Адалберт фон (1775—1829) — граф, австрийский генерал и дипломат. Был гофмейстером в герцогстве Парма у Марии-Луизы и ее любовником. После смерти Наполеона вступил с ней вmorganaticкий брак.

Обри (1765—1813) — французский генерал. Участник революционных и наполеоновских войн. До начала военных кампаний был членом Конвента и Комитета Общественного спасения.

Ожеро Пьер Франсуа Шарль (1757—1816) — герцог Тревизский и Кастильонский, маршал Франции. Сын лакея и зеленщицы, в армии с 17 лет; служил в прусских, русских, испанских, неаполитанских, португальских войсках, бросая службу когда вздумается; был настоящим искателем приключений, занимаясь уроками танцев, фехтования, дуэлями, похищениями чужих жен. В 1790 г. вступил в Национальную гвардию. С Наполеоном познакомился в Итальянском походе. Отличался жестокостью, казнокрадством и грабежами. Во время Ста дней перешел к Бурбонам.

Олсуфьев Захар Дмитриевич (1772—1835) — русский военный деятель, генерал-лейтенант, участвовал в войне с Турцией, в войне 1812 года, в кампании 1813—1814 годов. При Шампобере, при попытке прорваться штюками из окружения был взят в плен. Александр в Париже сказал, что Олсуфьев «арался как русский генерал и верный сын отечества».

Остерман-Толстой Александр Иванович (1770—1857) — граф, генерал-адъютант, генерал от инфантерии, шеф Павловского полка. Впервые столкнулся с Наполеоновскими войсками в Пултусском сражении (1809), где командовал левым крылом русской армии Беннигсена и разбил корпус Даву. В Отечественной войне первым принял удар под Островней, где в течение целого дня удерживал корпус Мюрата и Евгения Богарне в ожидании подхода Багратиона. В Бородинском сражении сменил Раевского. В описываемый период особенно отличился в битве при Кульме, где в течение целого дня удерживал корпус Вандама. В этом сражении потерял руку. Впоследствии много путешествовал, скончался в Женеве.

Пажоль Клод Пьер (1772—1844) — граф, французский генерал. Начал службу с 1789 года, участник Египетского похода, где был адъютантом Клебера. С 1799 года — бригадный генерал; участвовал во всех кампаниях Наполеона. В 1812 году командовал авангардом 1-го корпуса. Во время Ста дней перешел на сторону Наполеона.

Пакто Мишель Мари де (1764—1830) — французский дивизионный генерал. Участник взятия Тулона, был военным губернатором Марселя, участвовал во многих наполеоновских кампаниях, за сражение при Баудене получил титул графа. Отличился в сражении при Фер-Шампенуазе. После реставрации служил Бурбонам и был генерал-инспектором пехоты с 1815 года.

Пален Петр Алексеевич (1745—1826) — граф, русский генерал от кавалерии, в 1798—1801 — петербургский генерал-губернатор, участник войн 1812 и 1813—1814 годов.

Панчулидзеv Александр Алексеевич (1789—1867) — русский полковник, с 1813 года — поручик Конно-егерского полка, с 1814 — Л.-гв. Гусарского; участник похода 1813—1814 годов.

Пиктон Томас (1758—1815) — английский генерал-лейтенант. Командовал 3-й дивизией Веллингтона в Португалии до 1812 года. При Ватерлоо командовал 5-й дивизией.

Периньон Доминик (1754—1818) — маршал Франции. Участник наполеоновских войн. После реставрации примкнул к Бурбонам.

Платов Матвей Иванович (1751—1818) — граф, войсковой атаман Войска Донского, сподвижник Суворова. Во время войн 1812 и 1813—1814 годов командовал донским казачьим корпусом.

Понятовский Иосиф (Юзеф) Антон (1762—1813) — князь, маршал Франции (1813). Поляк, первоначально служил в австрийской армии, в 1794 г. участвовал в освободительном движении в Польше под руководством Костюшко. С 1806 г. на французской службе, организовав большую

вспомогательную армию из поляков; воевал ради освобождения от зависимости и объединения Польши.

Прадт де (1759—1837) — архиепископ, дипломат; член Учредительного собрания, затем эмигрировал, потом принял сторону Наполеона, а в 1814 году хвастался, что «посадил Бурбонов на трон». Был послом в Варшаве в 1810 году и провалил переговоры. Именно ему Наполеон сказал в декабре 1812 года свою знаменитую фразу: «От великого до смешного один шаг».

Пти Жан-Мартен (1772—1856) — барон, французский бригадный генерал. Командовал первой дивизией личной охраны Наполеона в Фонтенбло до 20 апреля 1814 года. Во время Ста дней перешел снова к Наполеону, получив звание генерал-лейтенанта.

Раевский Николай Николаевич (1771—1829) — русский генерал от кавалерии. В 1812 году командовал корпусом, при Бородине — батареей. Участник кампании 1813—1814 гг. Впоследствии — член Государственного совета.

Рампон Антуан Гийом (1759—1847) — французский генерал. Участник наполеоновских войн.

Рапп Жан (1771/2—1821) — граф, герцог Данцигский, французский дивизионный генерал. Участник наполеоновских войн, адъютант Наполеона. Был губернатором Данцига в 1807 году. После реставрации перешел на сторону Бурбонов.

Рей Антуан Габриэль Венанс (1768—1836) — французский генерал, начал службу при Людовике XVI, с 1791 года в революционной армии. С 1793 года — бригадный генерал, участник итальянской и испанской кампаний. В 1813 году — комендант Сан-Себастьяна. Участвовал в битве при Ватерлоо, затем служил Бурбонам.

Рейль Огюст-Шарль Мишель Жозеф (1775—1860) — маршал Франции (1847). Начал службу волонтером в 1792 году, участник штурма Тулона. В 1813—1814 годах — генерал-адъютант под начальством маршала Сульта. После отречения Наполеона женился на дочери Массены. Во время Ста дней командовал 2-м корпусом Северной армии, после на службе у Бурбонов.

Рейс-Плауцен (1751—1825) — принц, австрийский генерал. Участник войн с Францией в 1793—1813 гг.

Ренье Жан Луи (1771—1814) — французский дивизионный генерал. Военный министр Неаполитанского королевства. Участник военных кампаний 1798—1799, 1809, 1812—1813 гг.

Роммель Эрвин (1891—1944) — немецкий генерал-фельдмаршал. Во 2-й мировой войне командовал немецкими войсками в Северной Африке, в 1943—1944 гг. — группой армий в Италии и Франции. Участник антигитлеровского заговора, покончил с собой.

Ронья Жозеф (1767—1840) — французский генерал. Военный инженер, писатель, теоретик. Участник наполеоновских войн. При реставрации

перешел на службу к Бурбонам. Автор книги «Размышления о военном искусстве», на которую Наполеон написал свои замечания.

Сакен (Остен-Сакен) Фабиан Вильгельмович фон дер (1752—1837) — барон, князь, генерал-фельдмаршал русской армии. Участник русско-турецких войн; в 1799 году взят в плен французами; в 1807 году был обвинен в ослушании и отдан под суд. Отличился в походе 1813 года. В 1814 г. командовал корпусом, в бою у Монмирая успешно противостоял войскам под командованием Наполеона. Был назначен губернатором Парижа и в благодарность за гуманное управление получил золотую шпагу с надписью «Город Париж генералу Сакену».

Себастиани Орас де ла Порта (1775—1851) — граф, генерал, родом корсиканец, участник Итальянской кампании. Одно время был послом в Турции и руководил обороной Константинополя против английского флота. После революции 1830 года министр иностранных дел.

Сегюр Филипп-Поль де (1780—1873) — граф, французский генерал и военный писатель. В 1807 году попал в плен к русским; находился в свите Наполеона во время похода 1812 года и написал известную «Историю Наполеона и Великой армии в 1812 году», а также ряд других работ; например «Кампания генерала Макдональда в 1802 году». Во время Ста дней поддержал Бурбонов.

Сен-Сир Гувийон Лоран (1764—1830) — маршал Франции (1812). При Бурбонах в 1817—1819 гг. — военный министр; провел военную реформу, сущность которой сводилась к введению ограниченной воинской повинности. Военный историк.

Сент-Андре (прозванный Jean-Von) (1749—1813) — французский государственный деятель. Сначала служил в торговом флоте, затем, разорившись, стал протестантским пастором. Примкнул к революции. С 1793 г. член Комитета Общественного спасения. При Директории был консулом в Алжире. Руководил работой по укреплению военно-морских сил Франции. С 1801 г. был назначен генеральным комиссаром четырех Рейнских департаментов, потом префектом в Майнце. Умер, заразившись тифом, ухаживая за ранеными в Лейпцигском сражении.

Сеславин Александр Никитич (1780—1858) — русский генерал-лейтенант, в войну 1812 года адъютант Барклая-де-Толли, затем командир партизанского отряда. Первым обнаружил отход французов от Москвы.

Суам (Сугам) Жозеф (1760—1837) — французский генерал, участник наполеоновских войн. В 1814 году одним из первых изменил Наполеону.

Сульт Никола Жан Жоли де Дье (1769—1851) — герцог Далматский, маршал Франции (1804). Сын нотариуса. Отличился при Аустерлице и сравнительно успешно сражался в Испании. В 1808 г. командовал войсками при вторжении в Португалию. При реставрации подчинился Бурбонам и был военным министром, но во время Ста дней перешел к Наполеону; был начальником штаба в сражении при Ватерлоо. После поражения

отправлен в изгнание, но в 1819 г. стал министром иностранных дел и председателем Совета министров (1840–1847 гг.)

Сухозанет Николай Онуфриевич (1794–1871) — русский генерал от артиллерии, участник войны 1812 года и заграничных походов; военный министр; один из организаторов подавления восстания декабристов.

Сюше Луи Габриэль (1770–1826) — герцог Альбуферский, маршал Франции. Участник наполеоновских войн. После реставрации стал пэром, но в 1815 г. перешел на сторону Наполеона.

Талейран-Перигор Шарль-Морис (1754–1838) — князь Беневентский, герцог Дино. Происходил из старинного дворянского рода; сперва был Епископом Отенским, потом министром иностранных дел и обер-камергером Наполеона. «Последовательно предал 13 правительств». Его имя осталось во французском языке синонимом предательства и вошло в поговорки.

Теттенборн Фридрих Карл (1779–1845) — барон, генерал русской службы. В кампании 1808–1809 гг. служил у австрийцев, с 1812 года — в России, в отряде Винценгероде; после выхода французов из Москвы командовал одним из партизанских отрядов. В 1813 г. захватил Бремен; в 1814 г. со своим летучим отрядом обеспечивал сообщение между Главной и Силезской армиями. С 1818 года бельгийский посланник в Вене.

Тюренн Анри де Латур д'Овернь (1611–1675) — виконт, маршал Франции (1643), знаменитый полководец, участник Тридцатилетней войны, Фронды, войн с Австрией, Испанией и Голландией. Одержал ряд блестящих побед; осуществлял маневрирование войсками в сочетании с решительным ударом; совершенствовал линейную тактику.

Удино Никола-Шарль (1767–1847) — герцог Реджио, маршал Франции (1809), генерал-инспектор пехоты, был начальником штаба. Участник наполеоновских войн. Отличался жестокими поборами населения на оккупированных территориях. Был ранен под Полоцком. Перешел к Бурбонам, остался им верен во время Ста дней и закончил жизнь директором Дома Инвалидов в Париже.

Фабвье Чарльз (1783–1855) — адъютант при главной квартире Французской армии в 1812 году, затем адъютант маршала Мармона.

Феш Жозеф (1763–1839) — дядя Наполеона, архиепископ и кардинал. После реставрации Бурбонов эмигрировал.

Флао Аугуст Шарль (1785–1870) — граф, французский дивизионный генерал от кавалерии, сенатор, адъютант Мюрата. Участник Итальянской кампании. После отречения Наполеона сопровождал Марию-Луизу, во время Ста дней вернулся к Наполеону.

Фигнер Александр Самойлович (1778–1813) — русский полковник артиллерии. В войну 1812 года руководил партизанским отрядом, под видом французского офицера вел разведку в Москве, под видом итальянского купца — в Данциге.

Филипп II (1527–1598) — испанский король с 1556 года, способствовавший укреплению абсолютизма. Вел войны с Англией и Францией,

поддерживал инквизицию, усилил гнет в Нидерландах, присоединил Португалию.

Франц I Иосиф Карл (1768–1835) — австрийский государь из Габсбургско-Лотарингского дома, последний император «Священной Римской империи» (1792–1806) под именем Франца II. 11 августа 1804 г. принял титул «император Австрии». Один из инициаторов похода европейских монархий против Наполеона, а после Венского конгресса 1814–1815 гг. один из главных основателей Священного союза. В годы его правления Австрия была четыре раза побеждена Францией, и в 1810 г. его дочь Мария-Луиза была выдана замуж за Наполеона; в 1811 г. у них родился сын — король Римский — Орленок.

Фриан Луи (1758–1829) — французский дивизионный генерал, командир Старой гвардии. Участник наполеоновских войн.

Фридрих-Август III (1750–1827) — курфюрст Саксонский. В 1806 году вступил в союз с Наполеоном и стал королем. В 1815 г. после Венского конгресса лишился большей части своих владений.

Фридрих-Вильгельм III (1770–1840) — прусский король (1797–1840). До 1806 г. не участвовал в войнах против Наполеона. Затем вступил в 4-ю антинаполеоновскую коалицию, после поражения которой, согласно Тильзитскому миру в 1807 г., уступил Франции половину своей территории. В 1807–1814 гг. провел ряд внутренних реформ, ликвидировав крепостную зависимость, введя самоуправление в городах и всеобщую воинскую повинность. В 1812 г. принял участие в походе Наполеона в Россию, но под влиянием внутреннего патриотического движения в 1813 г. объявил войну Франции. Согласно Венскому конгрессу получил Рейнскую область, Вестфалию и значительную часть Саксонии.

Фэн Антон-Жан Франсуа (1778–1837) — барон, личный секретарь Наполеона, с 1806 года — секретарь-архивариус в тайном Кабинете императора. Повсюду сопровождал Наполеона, писал текст отречения в Фонтенбло; во время Ста дней вернулся к императору. Автор двухтомного труда «Рукопись о 1812 годе...».

Фуше Жозеф (1759–1820) — герцог Отрантский, французский политический деятель, имя которого стало символом вероломства и предательства; последовательно изменял всем правительствам с начала революции и до второй реставрации Бурбонов. При Наполеоне был министром полиции. Его мемуары изданы в 1829 году.

Хилл Роуланд (1772–1842) — виконт, барон, адъютант Веллингтона. Отличился во время Испанской кампании в битвах при Арройомолиносе-де-Монтанчесе (1811), Алмарасе (1812) и Сен-Пьере (1813).

Чаликов Антон Степанович (1754–1821) — русский генерал-майор, участник русско-турецких войн и Итальянского похода Суворова; отличился при Аустерлице, Фриланде, Люцене, Бауцене и Кульме. Командовал Л.-гв. Уланским полком.

Чаплиц Ефим Игнатьевич (1768–1826) — русский генерал-лейте-

нант, участник русско-турецких и наполеоновских войн, отличился при Шенграбене. Служил начальником кавалерии всех польских войск русской армии.

Чернышов Александр Иванович (1785—1857) — князь, гвардейский полковник, впоследствии генерал от инфантерии, флигель-адъютант Александра, военный министр. В бытность русским военным атташе в Париже искусно организовал политический шпионаж.

Шарнхорст Герхард Иоанн Давид (1755—1813) — генерал-майор, прусский военный деятель, участник антинаполеоновских войн, активный проводник военной реформы в Пруссии (осуществил призыв так называемых кримперов — обученных резервистов). По требованию Наполеона в 1811 г. был уволен в отставку, но с 1813 г. стал председателем комиссии по восстановлению армии и затем начальником штаба в армии Блюхера. Отличался личным мужеством, скончался от раны, полученной в сражении при Гросгершене (под Люценом).

Шасслу Франсуа (1754—1833) — граф, французский дивизионный генерал. Участник наполеоновских войн.

Шатобриан Франсуа Рене де (1768—1848) — виконт, французский политический деятель, писатель. Во время консульства был министром иностранных дел, но после расстрела герцога Энгиенского подал в отставку. Помимо художественной прозы оставил интересные мемуары, опубликованные после его смерти.

Шварценберг Карл-Филипп (1771—1820) — князь, герцог Крумау, австрийский фельдмаршал. Во время русского похода командовал у Наполеона 12-м вспомогательным корпусом. В 1813 г. после присоединения Австрии к коалиции стал главнокомандующим союзных войск. Занял Париж после капитуляции Мармона.

Штейн Генрих Фридрих Карл (1757—1831) — барон, немецкий государственный деятель, министр внутренних и иностранных дел. В 1807 году стоял во главе прусского правительства (президент-министр) и провел ряд реформ, но под давлением Наполеона король уволил его. В 1812 году жил в России и разрабатывал план освобождения Германии. Личный враг Наполеона (называл его Тиберием XIX века); выдвинул лозунг «Рейн — река Германии, а не граница ее!».

Штеффенс Генрих (1773—1845) — профессор, немецкий философ, ученик Шеллинга и Фихте, исповедовал романтическое направление натурфилософии; активный вдохновитель и теоретик освободительной войны в Германии 1813 года.

Шувалов Павел Андреевич (1777—1823) — русский генерал, адъютант Александра I, участник итальянского похода Суворова, участник войны со Швецией. В описываемый период исполнял различные дипломатические поручения русского правительства.

Приложение 5

ХРОНОГРАФИЯ ВОЕННОЙ КАМПАНИИ 1813—1814 гг.

Год 1812

5 декабря — Наполеон покидает Великую армию.

18 декабря — Макдональд снимает осаду Риги; в полночь Наполеон прибывает в Тюильри.

30 декабря — Йорк подписывает конвенцию в Таурогене.

Год 1813

4 января — Французы эвакуируют Кёнигсберг (Калининград) и отступают к Висле; Александр I принимает решение о продолжении войны.

6 января — В Мадрид пришел 29-й бюллетень; Наполеон отозвал Сульта с 20 тыс. ветеранов.

7 января — Виттенштейн подходит к Кёнигсбергу.

8 января — Йорк оккупирует Кёнигсберг.

12 января — Русские войска форсируют Неман.

16 января — Русские войска осаждают Данциг (Гданьск).

19 января — Наполеон посетил находящегося под фактическим арестом в Фонтенбло Папу Римского Пия VII и заставил его подписать новый конкордат.

22 января — Штейн прибывает в Кёнигсберг и созывает сословное собрание Восточной Пруссии. Фридрих-Вильгельм бежит из Берлина в Бреслау (Вроцлав).

24 января — Меттерних сообщает Наполеону, что Австрия отказывается от союза с Францией.

3 февраля — Фридрих-Вильгельм разрешает набор добровольцев в егеря.

5—7 февраля — Сословное собрание Восточной Пруссии издает декрет о формировании ландвера.

7 февраля — Русские оккупируют Варшаву.

9 февраля — Фридрих-Вильгельм аннулирует все освобождения от воинской повинности.

12 февраля — Французы отходят от Вислы.

14 февраля — Наполеон открывает Законодательный корпус и произносит речь, ручаясь, что все владения Франции останутся неприкосновенными; Меттерних заявляет, что Наполеон этим заявлением делает невозможным мир ни с Россией, ни с Англией, ни с Пруссией.

27 февраля — Россия и Пруссия подписывают в Калише договор о союзе.

1 марта — Французы отходят от Одера, оставив гарнизоны в Штеттине, Кюстрине, Глогау и Шпандау.

4—5 марта — В Берлин вступают Виттенштейн и корпус Йорка.

12 марта — Французы эвакуируют Гамбург.

17 марта — Пруссия объявляет войну Франции; французы отходят от Эльбы к Заале.

18 марта — Пруско-русский десантный корпус занимает Гамбург; шведская армия Бернадота высаживается в Штральзунде; Фридрих-Вильгельм издает декрет о формировании ландвера по всей территории Пруссии.

23 марта — Жозеф отошел к Вальядолиду.

25 марта — Издан Калишский манифест, призывавший народы Европы сражаться за свободу и независимость.

27 марта — Пруссаки оккупируют Дрезден.

2 апреля — Французы терпят поражение при Люнеберге.

3 апреля — Союзники заняли Лейпциг.

3—5 апреля — Французы терпят поражение при Мокерне.

13 апреля — Французы терпят поражение при Касталье.

15 апреля — Наполеон покидает Тюильри и выезжает в Эрфурт к расположению войск.

18 апреля — Русские войска захватывают Торн (Торунь).

19 апреля — Виттенштейн получает известие о принятии Наполеоном командования над французскими войсками.

21 апреля — Русские войска захватывают Шпандау; Фрид-

рих-Вильгельм отдает распоряжение о формировании ландштурма.

24 апреля — Александр I и король Пруссии входят в Дрезден с 18-тысячным авангардом Главной армии.

28 апреля — В силезском городке Бунцлау умирает Кутузов. В его последнем распоряжении говорилось: «Когда маршал Ней двинется к Дрездену... тогда, без всякого сомнения, корпус, сконцентрированный около Магдебурга, сделает диверсию на Берлин. В сем случае не обращать на сие движение никакого внимания, извольте помышлять только о соединении с Блюхером и Главною нашею армиею...»

1 мая — Наполеон начинает движение на Саксонию; происходит столкновение у Вейсенфельса; одним из первых же ядер поражен маршал Бессьер.

2 мая — Битва при Люцене; союзники пытаются разбить растянутые колонны французов на марше, но Наполеон наносит поражение союзным войскам под командованием Витгенштейна и Блюхера.

8 мая — Наполеон оккупирует Дрезден.

20—21 мая — Битва при Бауцене. Наполеон наносит поражение союзным войскам под командованием Витгенштейна.

22 мая — Под Герлицем Наполеон напал на арьергард отступавших союзников и отбросил его.

26 мая — Бой при Ганау; Цитен с 10 тыс. внезапно напал на авангард французов; французы потеряли 700 человек и 18 орудий, пруссаки — около 250 человек.

27 мая — Французы эвакуируют Мадрид.

31 мая — Франко-датские войска во главе с маршалом Даву оккупируют Гамбург.

2 июня — Начало британской десантной операции в Таррагоне (Испания).

4 июня — Наполеон и союзники заключают соглашение о перемирии в Плейсвице.

15 июня — Первый Рейхенбахский договор; Британия, Пруссия и Россия заключают соглашение об отказе от сепар-

ратного мира с Наполеоном и согласуют обязательства по продолжению войны.

18 июня — Британцы прекращают военную операцию в Таррагоне.

21 июня — Битва при Витории; Веллингтон наносит поражение Жозефу и Журдану.

26 июня — Встреча Наполеона с Меттернихом в Дрездене. На встрече присутствует Мария-Луиза.

27 июня — Второй Рейхенбахский договор; Австрия соглашается на вступление в войну, если Наполеон откажется от ее посредничества

1 июля — Испанцы осаждают Памплону.

5 июля — Французы эвакуируют Валенсию.

12 июля — По приглашению Меттерниха русский, прусский и австрийский уполномоченные собираются в Праге.

13 июля — Россия и Пруссия заключают Трахенбергское соглашение, вынуждающее Бернадота направить основные силы против Наполеона, а не против Дании, а также о необходимости принятия общей стратегии в случае возобновления военных действий.

18 июля — Истек срок перемирия; перемирие продлевается до 10 августа.

25 июля — Сульт предпринимает контрнаступление в Пиренеях; первые стычки Веллингтона с Сультом.

26 июля — Веллингтон начинает осаду Сан-Себастьяна; начинается упорная битва Веллингтона с Сультом при Сораурене.

28—30 июля — Веллингтон дважды наносит поражение Сульту при Сораурене; возобновление десантной операции в Таррагоне.

10 августа — Закончилось перемирие; Наполеон досрочно празднует свой день рождения (15 августа).

11 августа — Австрия объявляет войну Франции.

14—15 августа — В Саксонии и Силезии возобновляются боевые действия; Наполеон занимает Дрезден, нанеся поражение союзным войскам под командованием Шварценберга; Сюше приходит на помощь Таррагоне и эвакуирует ее.

16 августа — Австрийские войска вторгаются в Иллирийские провинции.

22 августа — Веллингтон возобновляет осаду Сан-Себастьяна.

23 августа — Удино, направлявшийся к Берлину, терпит поражение при Гроссбеерене.

26 августа — Макдональд терпит поражение на Кацбахе.

26—27 августа — Наполеон выигриват битву при Дрездене.

29—30 августа — Вандам терпит поражение при Кульме.

31 августа — Веллингтон штурмует Сан-Себастьян; испанцы наносят поражение Сульту при Сан-Марциале.

4 сентября — Мюрат разбил Блюхера, но не стал преследовать его.

6 сентября — Корпус Нея терпит поражение при Денневице от армии Бернадота (150 тыс. человек).

8 сентября — Веллингтон принимает капитуляцию крепости Сан-Себастьян.

13—14 сентября — Сюше наносит поражение британцам при Ордале и Вильяфранке.

15 сентября — Союзники осаждают Магдебург.

16 сентября — Французы терпят поражение при Гарде.

30 сентября — Евгений Богарне оставляет Иллирийские провинции и отходит к реке Ицоццо.

1 октября — Русские казаки захватили столицу Вестфалии г. Кассель.

7 октября — Веллингтон пересекает границу Франции, форсировав р. Бидассоа.

8 октября — Бавария подписывает договор с Австрией и присоединяется к антинаполеоновской коалиции.

13 октября — Французский гарнизон отбил Кассель.

14 октября — Евгений Богарне отходит от реки Ицоццо к реке Адидже.

15 октября — Наполеон собрал около Вурцена 140-тысячную армию; 40-тысячный гарнизон Сен-Сира заперт русской резервной армией в Дрездене.

16—19 октября — Лейпцигская битва («Битва народов»), Наполеон терпит поражение под Лейпцигом.

24 октября — Наполеон направляется вдоль обоих берегов Эльбы к Дессау и Рослау.

30 октября — Наполеон прорывает заслон в Ганау; потери французов около 15 тыс., пруссаков около 9 тыс. человек.

31 октября — Памплона сдается испанцам.

2 ноября — К союзникам присоединяются Вюртемберг и Гессен-Кассель; Наполеон входит в Майнц.

3 ноября — Союзная армия останавливается на берегах Рейна.

5 ноября — Австрийские войска осаждают Венецию.

9 ноября — Наполеон прибыл в Париж; Меттерних предлагает Наполеону мирный договор с условием сохранить естественные границы Франции до 1792 г. («Франкфуртские предложения»); Евгений Богарне наносит поражение австрийцам при Але.

10 ноября — Веллингтон наносит поражение Сюше на реке Нивель.

11 ноября — Сен-Сир сдал Дрезден.

12 ноября — Союзные войска входят в Голландию; французы сосредоточиваются в Утрехте.

13 ноября — Евгений Богарне наносит поражение австрийцам при Калдьеро.

14 ноября — В Париж с предложениями союзников прибыл французский дипломат Сент-Эньян.

15 ноября — Встреча Наполеона с Сент-Эньяном.

16 ноября — В Голландии начинается революция.

18 ноября — Гельветическая Конфедерация объявляет о своем нейтралитете.

21 ноября — В Гааге формируется Временное правительство; Брауншвейг, Ганновер и Гессен-Кассель восстанавливают свою независимость; Бернадот вторгается в Данию.

29 ноября — Союзники захватывают Данциг.

30 ноября — Гарнизон Штеттина сдался союзникам.

2 декабря — Генерал Рапп сдал Данциг.

6 декабря — В Голландии высаживается британская экспедиционная армия.

9—13 декабря — Веллингтон наносит поражение Сульту близ Байонны.

10 декабря — Наполеон подписывает договор с Фердинандом VII в Валансе; Веллингтон форсировал р. Нив.

19 декабря — Тронная речь Наполеона; «Пусть будущие поколения не скажут о нас, что мы приняли навязанные Англией законы».

20 декабря — Союзные армии начинают переходить Рейн и границу Швейцарии.

22 декабря — Баварцы осаждают Гюннинген.

24 декабря — Союзники осаждают Гамбург; вспыхивает революция в Гельветической Конфедерации.

29 декабря — Союзники пересекают Рейн.

Год 1814

11 января — Мюрат присоединяется к союзникам с условием сохранения неаполитанской короны; Мезон терпит поражение при Гогстратене (Голландия).

12 января — Русско-прусская армия входит в Базель.

14 января — Дания заключает мир.

16 января — Передовые части союзников (40 тыс.) входят в Лангр.

18 января — Сюше оставляет Барселону.

21 января — Александр I прибывает в Лангр.

22 января — Блюхер переходит через Маас.

24 января — Мортье терпит поражение при Бар-сюр-Обе.

25 января — В 3 часа ночи Наполеон выезжает из Тюильри к войскам; днем в Шалоне.

26 января — Наполеон прибывает в Витри и сразу же выбивает Блюхера из Сен-Дизье.

27 января — Авангард Блюхера входит в Бриенну.

28 января — Мюрат вторгается в Итальянское королевство.

29 января — Наполеон выбивает Блюхера из Бриенны; ночью Блюхер отходит к Ла Ротьеру.

31 января — Наполеон выбивает Блюхера из Ла Ротьера.

1 февраля — Шварценберг по настоянию Александра I атакует Ла Ротьер; Наполеон отходит к Труа, где соединяется с Мортье; Йорк безуспешно атакует Витри, в ночь французы отходят к Шалону; Евгений Богарне отходит от Адиджи к Минчо.

2 февраля — Военный совет союзников в Бриенне; принято решение армии Блюхера (60 тыс.) наступать на Париж; армии Шварценберга — на Труа.

3 февраля — Наполеон входит в Труа.

4 февраля — Начинаются мирные переговоры в Шатильоне.

5 февраля — Блюхер направляется из Фер-Шампенуаза к Шалону, где стоит Макдональд; Макдональд, отдав Шалон Йорку, отходит к Эперне.

6 февраля — Блюхер приказал Йорку теснить Макдональда к Парижу; Веллингтон взял Байонну.

7 февраля — Наполеон оставляет Труа и направляется в долину Марны через Сезанн; Виктор и Удино остаются в Сене; союзники занимают Труа.

10 февраля — Бой при Шампобере; Наполеон наносит поражение отряду Олсуфьева (3912 человек и 24 орудия). Бой длился целый день, пробилась и пришли к Блюхеру только 1500 человек при 15 орудиях. Услышав от плененного Олсуфьева, что русских было около 4 тысяч, Наполеон заорал: «Вы лжете! Вас было 18 тысяч».

11 февраля — Стычка при Монмирайе; Наполеон оттесняет Сакена и Йорка к Шато-Тьери; Блюхер приказывает им уйти за Марну, к Реймсу.

12 февраля — Арьергардный бой при Шато-Тьери Наполеона с Йорком, осуществляющим прикрытие отхода; Витгенштейн и Вреде атакуют переправы через Сену у Ножана, Бре и Монтеро; Виктор и Удино отходят к р. Иер и соединяются с корпусом Макдональда.

13 февраля — Блюхер оттеснил Мармона к Монмирайлю; Наполеон оставляет преследование Йорка и идет туда.

14 февраля — Наполеон выбивает Цитена из Вошана, Блюхер отходит к Шалону, затем к Этожу и Бержеру.

15 февраля — В результате неожиданного ночного нападения войска Наполеона практически без боя пленяют аррьергардную дивизию Урусова, оставленную в Этоже; Блюхер в эту же ночь ушел к Шалону. Урусов просил Наполеона извинить его за беспечность.

17 февраля — Блюхер в Шалоне соединился с Сакеном и Йорком; Наполеон оттесняет Палена к Нанжи.

18 февраля — Битва у Монтеро; Наполеон атакует и разбивает Евгения Вюртембергского.

24 февраля — Наполеон занял Труа.

25 февраля — Военный совет союзников в Бар-сюр-Обе; принято решение Силезской армии идти к Парижу, Главной — к Ланжу.

26 февраля — Удино захватил переправу через Об севернее Бар-сюр-Оба.

27 февраля — Виттенштейн и Вреде атакуют Удино и оттесняют его от Бар-сюр-Оба; Британцы осаждают Байонну; Велингтон наносит поражение Сульту в Ортесе; Гренье наносит поражение австрийцам в Парме.

28 февраля — Макдональд оттеснен от Ла-Ферте-сюр-Оба к Бар-сюр-Сену.

1 марта — Удино и Макдональд совместной атакой отбросили Клейста от Бар-сюр-Оба; подписан Шомонский договор — руководители союзных государств решают продолжать борьбу с Наполеоном до окончательного поражения.

3 марта — Блюхер, узнав о приближении Наполеона, отошел к реке Эн; Наполеон начал преследование, но, узнав, что Бюлов и Винценгероде заняли Суассон, направился туда.

7 марта — Сражение Блюхера с Наполеоном при Краоне; Блюхер отходит к Лаону.

8 марта — Наполеон узнает о неудачном для него исходе Шатильонского конгресса и решается преследовать Блюхера.

9 марта — Упорная попытка британцев овладеть Берген-оп-Зоомом оканчивается неудачей.

10 марта — Наполеон пытается выбить Блюхера из Лаона.

11 марта — После двухдневного боя у Лаона французы отходят за реку Эн к Суассону, потеряв 9 тыс. человек; Сен-При занимает Реймс.

12 марта — В Бордо королем провозглашается Людовик XVIII.

13 марта — Наполеон наносит поражение русским под командованием Сен-При при Реймсе, Сен-При погибает; Наполеон решает отдохнуть в Реймсе 3 дня.

19 марта — Прекращение Шатильонского конгресса.

20 марта — Шварценберг сводит сражение с Наполеоном при Арси-сюр-Обе вничью.

21 марта — Наполеон отходит к Сомпьюи, потеряв 8 тыс. человек.

22 марта — Объединенная армия союзников выступает на Париж; Ней безуспешно атакует Витри.

23 марта — Наполеон двинулся в направлении Сен-Дизье.

24–25 марта — Мармон и Мортье терпят поражение при Фер-Шампенуазе, потери французов — 11 тыс. человек.

26 марта — Столкновение у Сен-Дизье арьергарда Наполеона с пруссаками, Винценгероде разбит.

27 марта — Наполеон получает известие о разгроме своих войск в предместьях Парижа — «Превосходный шахматный ход. Никогда бы не поверил, что кто-то из союзников смог бы сделать это».

29 марта — Мармон и Мортье отходят к Парижу; Мария-Луиза с королем Римским выезжают из Парижа в Блуа.

30 марта — Союзники атакуют Париж и штурмуют высоты Монмартра; в 5 часов вечера Мармон подписывает капитуляцию; к ночи Наполеон прибывает в Фонтенбло и узнает о капитуляции Мармона; армия Наполеона в Труа.

31 марта — Мармон сдает Париж и переводит свои войска на сторону союзников; союзные армии во главе с императором Александром I вступают в Париж.

1 апреля — Союзники отказываются вести переговоры с Наполеоном и членами его семьи.

2 апреля — Талейран «избран» главой Временного правительства Франции; Сенат требует возвращения королевской власти; маршалы Наполеона отказываются продолжать войну.

4 апреля — Наполеон отрекается от престола в пользу сына.

6 апреля — Наполеон отрекается от престола без каких-либо условий.

10 апреля — Веллингтон наносит поражение Сульту близ Тулузы. Мюрат наносит поражение французам при Борго-Сен-Доннино.

12 апреля — Въезд в Париж графа д'Артуа; Наполеон предпринимает попытку отравления.

13 апреля — Беннигсен известил маршала Даву о взятии Парижа, Даву ответил: «Согласно с законом чести не считаю себя освобожденным от данной мною присяги несчастьями, понесенными моим государем».

14 апреля — Британцы отражают вылазку гарнизона Байонны.

16 апреля — В Фонтенбло подписан договор, согласно которому Наполеону предоставляется во владение о. Эльба; испанцы отражают вылазку гарнизона Барселоны.

17 апреля — Евгений Богарне заключает перемирие с австрийцами.

18 апреля — Британские войска захватывают Геную.

19 апреля — Беннигсен передал Даву депешу Временного правительства о необходимости сдачи Гамбурга.

20 апреля — Наполеон во дворе Фонтенбло «Белый конь», названном впоследствии «Двором прощания», прощается с Гвардией.

28 апреля — Наполеон отплывает на Эльбу; в Гамбург прибывает родственник Даву со свежей прессой, из которой Даву убеждается в действительности отречения Наполеона.

29 апреля — Даву приказывает вывесить над Гамбургом

белые флаги Бурбонов и предлагает Беннигсену вести войну против нового правительства Франции.

3 мая — В Париж въехал новый король Людовик XVIII Бурбон.

5 мая — В Гамбург прибывает генерал Фуше с приказом об отставке Даву и передаче командования генералу Жерару.

6 мая — Даву отбывает в Париж; начинается эвакуация Гамбурга.

11 мая — Испанцы восстанавливают монархию.

18 мая — В Мадрид въезжает Фердинанд VII.

28 мая — Заключен Парижский мир, согласно которому Франция ограничена пределами 1792 г.

29 мая — В Мальмезоне умерла Жозефина.

31 мая — Беннигсен входит в Гамбург.

Оглавление

Закат Империи, или Падение Наполеона	5
Глава 1. Казаки Эльбы	23
Глава 2. Лондонское развлечение	33
Глава 3. Ничего, кроме самого необходимого	60
Глава 4. Равнины Саксонии	74
Глава 5. «Ни одной пушки! Ни одного пленного!»	93
Глава 6. «Сомнительное дозволение существовать»	108
Глава 7. Чеснок и рок	131
Глава 8. Битва Народов	159
Глава 9. Осколки былой славы	189
Глава 10. Музыка в снегу	220
Глава 11. Ботфорты революционных времен	239
Глава 12. Умиравший гладиатор	268
Глава 13. «Обними моего мальчика...»	286
Глава 14. Новое слово отчеканено	315
Глава 15. Гость Европы	338
Глава 16. Весеннее путешествие	363
Примечания автора	380
Приложения:	
1. Маршал Жан Этьен Макдональд. Главы из «Воспоминаний»	388
2. Генерал Модест Богданович. Главы из книги «История войны 1813 года»	448
3. Генерал Модест Богданович. Главы из книги «История войны 1814 года»	525
4. Именной указатель	590
5. Хронография военной кампании 1813–14 гг.	611

ISBN 5-17-014248-X

9 785170 142484

По вопросам оптовой покупки книг
издательства АСТ обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел. 215-43-38, 215-01-01, 215-55-13

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу:
107140, Москва, а/я 140, АСТ – “Книги по почте”

Научно-популярное издание

Делдерфилд Рональд

Закат Империи

Составители: Р. Светлов, В. Смолянинов
Научные редакторы: М. Белоусова, В. Рохмистров
Редактор А. Сидорович
Художественный редактор О. Адашкина
Компьютерный дизайн: И. Герцев
Верстка: В. Смолянинов
Корректор Л. Быстрова

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953004 — научная и производственная литература

Гигиеническое заключение
№ 77.99.11.953.П.002870.10.01 от 25.10.2001 г.

ООО «Издательство АСТ»
368560, Республика Дагестан, Каякентский район,
с. Новокаякент, ул. Новая, д. 20
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано по заказу ООО «Транзиткнига»
Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Рыбинский Дом печати»
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

